РУССКАЯ ГЕРАЛЬДИКА.

СОЧИНЕНІЕ

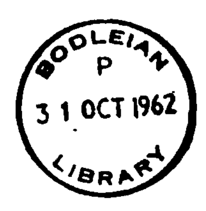
Александра Лакіера.

КНИГА I.

Части: 1-я—исторія гербовъ Западной Европы; 2-я—Исторія печатей въ Россіи и 3-я—О Государственномъ и городскихъ гербахъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1855.



Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ, узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Декабря 16-го 1854 года.

Цензоръ Н. Ахматовъ.

Въ Типографіи II-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ВВЕДЕНІЕ.

Господствующее у насъ о русскихъ гербахъ мнѣніе состоитъ въ томъ, что они простое подражаніе гербамъ западно-европейскимъ, и потому до сихъ поръ считали достаточнымъ, не касаясь нисколько исторіи отечественныхъ печатей и гербовъ, переводить на Русскій Языкъ иностранныя о геральдикѣ сочиненія. Вслѣдствіе чего и оставались необъясненными измѣненія, въ эмблемахъ и аттрибутахъ нашихъ гербовъ происходившія. Такъ поступили Мальгинъ и Максимовичъ-Амбодикъ, изъ которыхъ первый подъ названіемъ *Начертаніе Гербовѣдѣнія* издалъ (въ 1805 г.) сочиненіе Гаттерера, а второй (въ 1811 г.) напечаталъ: «Избранныя эмблемы и символы, на Россійскомъ, Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Англійскомъ языкахъ объясненныя». Хотя съ тѣхъ поръ во Франціи, Англіи и Германіи явилось не одно сочиненіе, отличающееся своимъ взглядомъ на науку о гербахъ и на ея исторію, мы однако остались при этихъ двухъ книгахъ, служащихъ и до

сихъ поръ единственнымъ пособіемъ и руководствомъ для нашихъ геральдиковъ.

Но мысль, что будто у насъ не можетъ быть отечественной геральдики, не можетъ быть самостоятельной науки о нашихъ гербахъ и печатяхъ, по нашему мнѣнію, ложная въ основаніи и послѣдствіяхъ. Чтобы однако уяснить, почему мы считаемъ себя въ правѣ идти на перекоръ общепринятому мнѣнію, необходимо ближе коснуться этого предмета и показать что̀ считается существеннымъ въ русскомъ, и что̀ въ иностранномъ гербѣ, и какъ образовался онъ у насъ и въ Западной Европѣ. Ближайшее разсмотрѣніе предмета заставляетъ удивляться, какъ мысль, столь ясная сама по себѣ и въ своемъ приложеніи къ практикѣ, мысль о томъ, что наши печати и гербы должны имѣть свою исторію и теорію, не была до сихъ поръ никѣмъ усвоена или по крайней мѣрѣ выражена! Можетъ быть, считали предметъ этотъ нестоющимъ подробного и особеннаго изученія, полагая, что печати нашихъ Князей были не иное что̀, какъ камеи, которые, бывъ вставлены въ ободочекъ съ именемъ того Князя, кому принадлежалъ перстень, получали характеръ печатей; что камеи эти часто мѣнялись, и особаго значенія историческаго не имѣли; что, далѣе, гербы у насъ учрежденіе слишкомъ новое и намъ неродное, чтобы стать предметомъ науки, и что въ составленіи ихъ отражается произволъ лицъ, ихъ составлявшихъ. Съ перваго взгляда возраженія эти кажутся такъ правдоподобны, что наука о гербахъ представляется чѣмъ-то невозможнымъ.

Дѣйствительно, печати нашихъ Князей и даже частныхъ людей были геммы, антики, вставленные въ именные ободочки, даже и безъ нихъ; правда, что недоста-

токъ геммъ и желаніе, даже необходимость пользоваться въ нѣкоторыхъ случаяхъ печатью, вызвала потребность въ поддѣлкѣ антиковъ; но не возлагаетъ-ли самое разнообразіе печатей и перстней обязанности на археолога изслѣдовать, почему тотъ или другой Князь, въ такихъ именно обстоятельствахъ, пользовался тѣмъ или другимъ изображеніемъ на печати? Не должно ли доискиваться связи между событіями жизни и тѣмъ, что представляла печать? Если бы однако, и открылся въ этомъ случаѣ полный произволъ, можетъ ли историкъ раскаиваться въ томъ, что сохранялъ для потомковъ слѣды дѣятельности предковъ и положилъ начало Русской сфрагистикѣ? Мы думаетъ однако, что и тутъ можно найти одно общее основаніе: первоначально печать была именная и завѣряла подпись руки, къ которой вообще, при маломъ распространеніи грамотности, не имѣли большаго довѣрія. Этотъ фактъ, общій всѣмъ странамъ и народамъ, нечуждъ и насъ. Неприкосновенность печати охранялась изображеніемъ Святого, по имени котораго назывался Князь, а надпись прямо свидѣтельствовала, чья она. Такимъ образомъ и у Князей печать была сначала личнымъ лишь знаменемъ и измѣнялась съ перемѣною лицъ, и только послѣ долгихъ колебаній, Тверь, потомъ Москва, избрали для себя въ печати твердый символъ, прямо соотвѣтствовавшій ихъ тогдашнему положенію: побѣда надъ врагами внѣшними и присоединеніе удѣловъ въ Москвѣ давало В. Князю право изобразить себя на конѣ поражающимъ дракона. Византія же предоставила Іоанну III-му, какъ преемнику Православія и Самодержавія Восточной Имперіи, двуглаваго орла. Мы готовы признать и Московскій гербъ первоначально геммою, нисколько не новою для археолога ни по идеѣ, ни по значенію; но видѣть въ выборѣ его произволъ

не позволяютъ современныя установленію печати обстоятельства и историческія свидѣтельства. Считаемъ неумѣстнымъ излагать здѣсь въ подробности данныя, которыя найдутъ себѣ мѣсто при изложеніи исторіи Московской печати; здѣсь мы можемъ замѣтить одно: въ XVI в., съ образованіемъ государственныхъ идей, является ясная мысль о государственномъ гербѣ и о гербахъ городскихъ. Потребность была въ печати съ особымъ для каждаго города изображеніемъ, чтобы отписка была достовѣрна, и государственная печать Іоанна Грознаго уже окружена гербами городовъ и странъ, въ титулѣ его упоминаемыхъ. Это фактъ, для насъ важный по послѣдствіямъ для частной геральдики. Но не были ли и городскіе гербы выдуманы и произвольны? Они такъ древни, что начало ихъ часто необъяснимо; но произвола и здѣсь не было. На древнѣйшихъ напр. Кіевскихъ печатяхъ вы видите Архангела Михаила. Изображеніе не отличается изяществомъ, оно не отдѣлано, неполно; но смыслъ его ясенъ: Кіевъ есть центръ, изъ котораго на всю Россію излилось Православіе. Съ теченіемъ времени, не позже XVI вѣка, на Кіевской печати вы опять видите Архангела Михаила съ мечемъ в щитомъ, и съ тѣхъ поръ *знамя* это уже не сходитъ съ Кіевскаго герба. Другой примѣръ Псковская печать: на ней барсъ съ XII вѣка. Эмблемма эта видна на древнихъ Псковскихъ деньгахъ, и отсюда перешла она въ Псковской гербъ съ нѣкоторыми геральдическими аттрибутами. Такихъ примѣровъ послѣдующее изложеніе представитъ нѣсколько.

Это факты изъ исторіи печатей велико-княжескихъ. Подобно имъ были историческія начала и для печатей частныхъ лицъ. Духовенство имѣло на своихъ печатяхъ опредѣленныя, постоянныя изображенія, которыя

видоизмѣнялась сообразно сану лица, подробно означенному на самой печати. Матеріалъ даже, изъ котораго она дѣлалась, снурокъ для привѣшиванія печати, форма, въ которой прикладывалась она, все было усвоено обычаемъ и потомъ освящено закономъ. Другія частныя лица употребляли такъ же, какъ и Князья, геммы иностранныя или въ Россіи сдѣланныя, или печати именныя. Для присутственныхъ мѣстъ были свои печати, выражавшія характеръ ихъ занятій: на печати таможни видимъ вѣсы, на печати земскаго приказа домъ, сытнаго рыбу и т. п.

При тѣхъ данныхъ, которыя или уже извѣстны или частными усиліями могли быть собраны вновь, многое открывается что̀ говоритъ противъ общепринятаго мнѣнія; не сомнѣваемся, что гораздо больше данныхъ откроется при содѣйствіи лицъ, которыя ближе къ источнику, лишь бы они были проникнуты мыслію, что Русское должно быть дорого Русскому, что на отечественныя учрежденія должно смотрѣть съ Русской точки зрѣнія, не примѣняя къ нимъ произвольно тѣхъ началъ, которыя имъ чужды. И дѣйствительно, что̀ можетъ быть проще слѣдующаго заключенія: практика и законодательство всегда требовали приложенія къ актамъ печатей; они подтверждали подпись или даже замѣняли ее для безграмотнаго. Печати привѣшивались къ грамотамъ, прикладывались къ бумагамъ числомъ иногда до 10 и болѣе, слѣд. имъ давалась вѣра, а безъ твердыхъ правилъ для ихъ составленія, безъ ихъ общеизвѣстности, этого предположить нельзя. Дѣло науки ихъ уяснить, а это можно сдѣлать только тогда, когда явится убѣжденіе въ ея возможности; можетъ сдѣлать только тотъ, кто проникнутъ такою мыслію.

Труднѣе по видимому защитить самостоятельность Русской Науки о гербахъ: это говорятъ, установленіе рыцарское, и Россіею заимствованное съ Запада безъ измѣненія. Но что̀ такое были гербы на Западѣ? Гербы суть знаки отличія дворянскихъ родовъ, слѣд. чтобы гербы у насъ имѣли то же значеніе и ту же исторію, какъ въ Западной Европѣ, необходимо, чтобы и развитіе дворянства нашего было то же, какое было на Западѣ. А между тѣмъ существенная разница очевидна. Западное дворянство, рыцарство (chevallerie) было дворянство исключительно феодальное. У насъ же, совершенно на оборотъ, не было ни основъ для того, чтобы это рыцарстао могло возникнуть, ни причинъ, по которымъ на Западѣ оно пустило корни, развилось и, обнявъ собою всѣ вѣтви народной жизни, выразилось преимущественно въ гербахъ, какъ необходимой своей принадлежности. Крестовые походы и турниры положили прочное основаніе полному развитію гербовъ. Въ противоположность дворянству западному, наше дворянство было родовое по собственности и по пожалованію за службу. А именно, Князья, перешедшіе послѣ ослабленія удѣловъ и присоединенія ихъ къ Москвѣ, изъ младшей братьи Московскаго Великаго Князя, какъ старшаго брата, въ *подручниковъ*, служебныхъ Князей Государя и обладателя всея Руси, стали во главѣ дворянства Русскаго, въ которое затѣмъ вошли Цари, Царевичи инородные, роды Татарскіе, Польскіе и иные, далѣе пожалованные въ бояре, окольничіе, дворане, служилые люди всѣхъ разрядовъ и племенъ. Званіе это было наслѣдственное, и всякій, принадлежавшій къ благородному семейству, не могъ выйти изъ своей сферы безъ особенно важныхъ причинъ, а старшинство его въ своемъ родѣ давало

лицу извѣстное, обычаемъ опредѣленное и царскими приговорами освященное мѣсто въ общей служебной іерархіи. Малѣйшее нарушеніе этого порядка влекло за собою споры о мѣстахъ, споры при чтеніи и разборѣ которыхъ дивишься не столько терпѣнію тѣхъ, кто повѣрялъ притязанія споривших, сколько памяти самихъ *мѣстниковъ*, которые такъ хорошо знали происхожденіе своихъ родовъ, развѣтвленіе ихъ, гдѣ и какъ служилъ каждый изъ его членовъ, что тянули эту нить и въ восходящихъ и боковыхъ линіяхъ, и если ошибались, то почти всегда нарочно, или, выражаясь технически, *облыгали разряды*.

Кто одерживалъ разъ верхъ надъ другимъ родомъ, тотъ всегда ссылался на этотъ случай, который становился основаніемъ его правъ и преимуществъ, и притомъ не по отношенію только къ тому роду, съ кѣмъ онъ мѣстничался, но и ко всякому другому, который приходилъ къ нему въ прямое или косвенное соотношеніе. Родословецъ былъ корнемъ и основаніемъ старшинства; но на гербъ, на знакъ, который былъ на щитѣ, на форму шлема не было и не могло быть ссылки. На Западѣ, напротивъ, дворянинъ, котораго щитъ былъ опороченъ герольдомъ, тѣмъ самымъ лишался права участія въ турнирахъ и другихъ играхъ людей благородныхъ.

Далѣе, какъ древнѣйшіе княжескіе роды, ведущіе себя отъ Рюрика и Мономаха, кромѣ родословныхъ книгъ, доказываютъ свое благородное происхожденіе родовою своею собственностію, хотя и раздробившеюся, тѣмъ не менѣе ненарушимою въ своемъ началѣ, такъ и другіе дворянскіе роды находятъ подтвержденіе своего благородства въ родовой своей собственности, въ вот-

чинахъ и помѣстьяхъ, полученныхъ за службу или по наслѣдству.

Родовое начало, лежащее въ основѣ образованія нашего благороднаго дворянства, должно послужить исходнымъ пунктомъ и для отечественной геральдики. Не говоря объ иностранныхъ дворянскихъ родахъ, пришедшихъ на службу къ Русскому Царю и могшихъ сохранить свои гербы, мы смѣемъ утверждать, что гербы наши были мѣстные и давались съ тѣми или другими фигурами: 1) по родовой собственности, 2) по происхожденію, далѣе 3) по заслугамъ, и наконецъ 4) по соотвѣтствію съ прозваніемъ лица.

Первое начало родовой собственности вполнѣ примѣнимо къ гербамъ фамилій княжескихъ и дворянскихъ, отъ удѣльныхъ князей происшедшихъ, второе различіе— по происхожденію отъ того или другаго племени къ выѣзжимъ родамъ, третье—къ служилымъ людямъ, а последнее начало—къ прочимъ гербамъ.

Что касается до княжескихъ гербовъ, то высказанное положеніе родовой собственности важно для науки: оно открываетъ средство не только по первому взгляду на гербъ сказать чей онъ, отъ какого напр. поколѣнія Князей, т. е. Черниговскихъ ли, Ярославскихъ и т. д. лицо происходитъ, но и указать, какое мѣсто родъ, гербъ имѣющій, занимаетъ въ ряду семействъ, отъ того же корня происшедшихъ. Старшіе въ родѣ напр. имѣютъ одну только фигуру, которая у втораго поколѣнія является уже въ первой четверти и т. д.—Гербы, говорятъ иные, явленіе новое; но если даже оставить безъ вниманія, что печать Кн. Пожарскаго со всѣми признаками герба принадлежитъ началу XVII в., если не упоминать о свидѣтельствахъ, предводителями дворянства выдаваемыхъ

при представленіи гербовъ къ утвержденію, что они употребляются издавна, если говорилъ и дѣйствительно гербы эти новые, то эмблемы въ нихъ утверждены вѣками и нисколько не произвольны. Подробностей мы тутъ касаться не можемъ, но вотъ основная мысль наша. Отъ Владиміра Святого и сыновей его пошли многія поколѣнія Князей Великихъ и Удѣльныхъ. Каждое изъ нихъ имѣло свой родовой городъ, который, переходя къ старшему, сохранялся въ его поколѣніи, удѣлъ же дробился до безконечности по общимъ правиламъ о наслѣдованіи недвижимой собственности. Наконецъ, есть Князья, которые, хотя и происходятъ отъ владѣтельныхъ Князей, но не носятъ уже княжескаго титула, ибо не имѣютъ удѣловъ. Одинъ общій у такихъ родовъ корень всегда означается гербомъ родовымъ, котораго, повторяемъ, мѣсто измѣнялось въ щитѣ, смотря по старшинству рода; видовыя же отличія условливались, съ одной стороны, знаменемъ того видоваго города, который лично достался въ удѣлъ той или другой отрасли княжескаго дома, и съ другой стороны, могли быть усвоены лицу по его доблестямъ и заслугамъ. Родословныя однѣ могутъ объяснить русскую геральдику частныхъ лицъ, и хотя подробное изученіе княжескихъ гербовъ нашихъ показываетъ нѣкоторыя изъятія изъ общаго правила о расположеніи въ гербѣ входящихъ въ него фигуръ, это объясняется желаніемъ каждаго поставить родъ свой выше, дать ему преимущество старшинства или составляетъ исключеніе, нисколько неотнимающее силы у общаго правила.

Но если объясненіе гербовъ нашихъ зиждется на объясненіи родословныхъ, то и послѣднія на оборотъ дополняются свѣдѣніями, заимствованными изъ геральдики.

Родъ литовскихъ князей, отъ Гедимина происшедшихъ, лучше другихъ объяснитъ нашу мысль. Многіе изъ отраслей этого рода выѣхали съ давнихъ временъ въ Польшу, гдѣ и остаются до настоящаго времени. По видимому связь между напр. Князьями Четвертинскими, Корецкими съ одной стороны и кн. Голицыными съ другой должна бы прекратиться, но гербъ свидѣтельствуетъ о единствѣ ихъ происхожденія. Одна эмблема [illegible] прямо говоритъ, что у нихъ была одна родовая собственность, по которой имъ и дано общее знамя. Ни въ какой иностранной геральдикѣ нельзя найти объясненія такого явленія: оно чисто Русское. На Западѣ гербъ избирался лицомъ, у насъ онъ дается наслѣдственнымъ городомъ. На Западѣ онъ передавался потомку лица, у насъ наслѣднику родоваго города. Гербъ западный вообще есть свидѣтельство личныхъ доблестей, но только къ древней геральдикѣ русской вполнѣ примѣнимо правило: «покажите мнѣ вашъ гербъ: я скажу, какого вы рода». Основное правило нашей геральдики княжеской, самой древней и занимательной, такъ просто, что всякій, кто знаетъ гербы Кіева, Новгорода, Литвы, Ярослава, Стародуба, Бѣлаозера, Смоленска, можетъ по гербу прочитать, къ какой отрасли князей родъ принадлежитъ, гдѣ княжилъ его родоначальникъ; а если будетъ составлена подробная родословная карта русскихъ княжескихъ семействъ, то на ней безъ труда при этихъ данныхъ найдется искомый родъ. Геральдика княжеская должна дойти до пяти, шести эмблемъ, къ которымъ приписаны семейства по ихъ происхожденію. Самое слово *гербъ*, означающій наслѣдство недвижимой собственности, слово общее всѣмъ Славянскимъ племенамъ, не оставляетъ мѣста сомнѣваться въ возрѣніи

нашихъ предковъ на гербъ, какъ на наслѣдство, переходившее вмѣстѣ съ вотчиною и дѣдиною.

Другіе дворянскіе роды, непроисходящіе отъ Владиміра Святого, очевидно не могутъ помѣщать эмблемы въ своихъ гербахъ по началу родовой собственности. Вмѣсто того у нихъ являются другія начала, а именно:

1) Для родовъ выѣзжихъ начало происхожденія. Множество родовъ выѣзжихъ, окружавшихъ Московскаго Великаго Князя, въ послѣдствіи Русскаго Царя и перешедшихъ въ русскую службу по присоединеніи къ Москвѣ Казани, Астрахани, Сибири, провинцій Остзейскихъ и иныхъ, были возведены въ дворянство Русское, и гербъ ихъ прямо свидѣтельствуетъ, откуда они родомъ. Глазъ русскаго геральдика долженъ по нѣкоторымъ аттрибутамъ узнать, какого племени родъ, тотъ гербъ имѣющій, и тутъ опять является наука для усвоенія, какія отличительныя примѣты въ гербахъ родовъ, происшедшихъ отъ Татаръ, Поляковъ, Нѣмцевъ и т. д. У первыхъ наприм. у Татарскихъ родовъ въ обширномъ смыслѣ слова, безъ различія еще мелкихъ типовъ, постоянно видны луна, крестъ и сабля, въ томъ или другомъ положеніи, съ тѣми или другими аттрибутами, и какія иныя эмблемы могъ избрать для себя мусульманинъ по происхожденію, обратившійся въ Христіанство и добывшій себѣ дворянство отличіемъ на полѣ брани? — Далѣе подкова служитъ отличительною примѣтою для большей части родовъ дворянскихъ, ведущихъ свое начало изъ Польши и Литвы. Только потомки дѣйствительно владѣтельныхъ родовъ сохранили въ гербѣ своемъ знамя своей вотчины, напр. у Князей Сибирскихъ, потомковъ Кучума, вы видите въ гербѣ печать сибирскую.

правило, что гербъ дворянъ выѣзжихъ долженъ свидѣтельствовать о происхожденіи ихъ родоначальниковъ, имѣетъ практическое примѣненіе: если желающій имѣть гербъ докажетъ, что предки его идутъ напр. отъ Нѣмцевъ, тѣмъ самымъ онъ высказываетъ, что ему слѣдуетъ помѣстить въ гербѣ тѣ аттрибуты, которые отличаютъ гербы этого рода. Побочные аттрибуты, кромѣ главнаго, родоваго, условливаются личными заслугами, доблестями, обстоятельствами, которыя должны мотивироваться въ каждомъ частномъ случаѣ особымъ объясненіемъ; но произвола и при этомъ быть не должно.

2) Далѣе въ гербахъ родовъ Русскихъ, возведенныхъ за службу въ дворянство и даже званія высшія, какъ то княжеское и графское, наука отыскиваетъ общія начала. Роды, напр. возведенные въ дворянство Императрицею Елисаветою Петровною, въ 1741 году, имѣютъ гербы *ландмилицкіе*, которыхъ исторія еще не тронута. Можно даже найти правила, по которымъ въ гербахъ разныхъ царствованій высказывалось самое пожалованіе; въ царствованіе напр. Екатерины II-й символомъ этого служила Императорская корона, помѣщаемая въ щитѣ одна или съ другими аттрибутами, при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ — Государевъ вензель. У пожалованныхъ графскимъ и княжескимъ достоинствами родовъ государственный гербъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, положеніяхъ и раздѣленіяхъ остается навсегда свидѣтельствомъ кто, когда и за что удостоился пожалованія.

Въ гербѣ человѣка, достигшаго дворянскаго достоинства заслугами на томъ или другомъ поприщѣ, должна быть помѣщена эмблемма въ щитѣ, въ нашлемникѣ ли, которая бы напоминала потомкамъ доблести ихъ предка. Бо́льшая часть дворянъ по службѣ стяжали это отличіе

на полѣ брани: сабли, пушки, ядра и иные аттрибуты этого рода суть лучшія свидѣтельства военной доблести, какъ корабль, якорь выразительны въ гербѣ моряка, перо въ гербѣ дипломата, писателя.

Наконецъ 3) Начало соотвѣтствія съ прозваніемъ, фамиліею лица нашло себѣ примѣненіе ко многимъ гербамъ дворянскихъ родовъ, такое сближеніе допускавшихъ. Это armes parlantes нашей геральдики и будутъ въ послѣдствіи исчислены подробно.

При такомъ воззрѣніи на отечественную геральдику, мы не думаемъ, чтобы наука о ней считалась невозможною. Напротивъ, она, какъ всякая наука, должна освѣтить темное и объяснить смыслъ того что для иного, непосвященнаго въ ея тайны, кажется случайнымъ, непонятнымъ.

Основательнаго изученія тѣмъ болѣе можно требовать отъ нашей геральдики теперь, когда есть уже не одна тысяча Высочайше утвержденныхъ для всѣхъ степеней Русскаго Дворянства гербовъ: дѣло науки указать на ихъ начала и историческія основанія. Этотъ-то трудъ мы рѣшились предпринять и, сознавая всю нелегкость выполненія предположенія нашего, мы считаемъ его только опытомъ и тѣмъ сами признаемъ его несовершенство и неполноту.

Метода, которой мы слѣдовали при изложеніи нашего предмета, историческая. Не пренебрегая фактами, памятниками, которыхъ завистливая древность такъ мало сохранила для потомства, мы старались объяснить ими исторію печатей, предшествовавшихъ гербамъ. Съ XVI вѣка для государственной печати, и съ XVII для печатей частныхъ лицъ произошла перемѣна существенная: гербъ государственный и гербы княжескихъ и дворян-

скихъ родовъ устанавливаются, приводятся въ систему и въ концѣ прошлаго столѣтія начали издавать гербовникъ. До сихъ поръ издано гербовника 10 томовъ; но далеко не всѣхъ дворянскихъ родовъ гербы утверждены, и тогда, когда на Западѣ Европы они вмѣстѣ съ родовымъ дворянствомъ потеряли свое прежнее значеніе, учрежденіе это развивается у насъ все болѣе и болѣе, и никогда сочиненіе гербовъ новыхъ не было въ такой мѣрѣ подчинено строгимъ правиламъ науки, какъ въ настоящее благословенное Царствованіе.

Сообразно этому историческому ходу развитія у насъ печатей, мы должны были начать съ нихъ какъ съ основанія, и изложить ихъ въ слѣдующей системѣ: печати В. Князя Кіевскаго, Московскаго, Князей Удѣльныхъ и довести свое изложеніе до тѣхъ поръ, когда образовались гербы Московскій и Государственный съ одной стороны и гербы Княжескихъ фамилій и происшедшихъ отъ нихъ дворянскихъ съ другой; 2) печати городовъ, послужившихъ основаніемъ для тѣхъ изображеній, которыя находимъ въ фамильныхъ княжескихъ гербахъ; 3) печати духовенства, для котораго гербовъ особенныхъ и не образовалось, не смотря на попытку Петра Могилы и Патріарха Никона сочинить для себя гербъ; 4) печати должностныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ, пока общій государственный гербъ не замѣнилъ ихъ, и 5) печати частныхъ лицъ.

Имѣя въ виду при изложеніи исторіи печатей только показать, какъ они постепенно перешли въ гербы и чѣмъ гербы замѣнялись въ древней Руси, мы, разумѣется, считали себя въ правѣ не излагать полной науки о печатяхъ, русской сфрагистики; хотя думаемъ, что наши розысканія не могутъ быть совершенно чужды этой у

насъ еще новой науки. Мы не называемъ, конечно, всѣхъ печатей XII, XIII и т. д. вѣковъ гербами, потому что онѣ, не бывъ наслѣдственными, измѣнялись, но изъ сравненія доступныхъ намъ печатей, сохранившихся на грамотахъ, духовныхъ завѣщаніяхъ, разнаго рода памятяхъ, отписках, слѣдахъ, на тронахъ, братинахъ, чашахъ, ложкахъ, тарелкахъ и т. п., мы старались вывести общіе для составленія печатей начала. Этимъ-то путемъ мы доходимъ до эпохи, когда Правительство дало этой части государственнаго управленія устройство, съ того времени постоянно совершенствующееся.

При изложеніи русской геральдики мы соотвѣтственно тѣмъ же началамъ, которыя легли въ основаніе системы, принятой для печатей, прослѣдимъ образованіе Русскаго Государственнаго Герба во всѣхъ подробностяхъ его составныхъ частей: щита, короны, положенія крыльевъ орла, скипетра и державы, потомъ перейдемъ къ гербамъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ, происходящихъ отъ Мономаха, затѣмъ къ родамъ иностраннымъ, принятымъ въ Русское Дворянство и сохранившимъ въ гербахъ своихъ существенныя по происхожденію ихъ принадлежности, и наконецъ изложимъ отличительныя черты гербовъ прочихъ дворянскихъ фамилій.

Считаемъ излишнимъ прибавлять, что далеко не всѣ гербы могутъ найти себѣ мѣсто въ нашей книгѣ, хотя основныя положенія и результаты науки должны быть выведены изъ подробнаго и добросовѣстнаго всѣхъ ихъ разсмотрѣнія. Такое именно отвлеченіе отъ частностей составляетъ, по нашему мнѣнію, достоинство науки, которая не должна теряться въ мелочахъ, хотя безъ нихъ не можетъ быть общаго вывода.

Если однако мы говоримъ, что возможна геральдика, построенная на отечественныхъ основахъ, отличная отъ геральдики иностранной, если далѣе исторія образованія у насъ гербовъ слѣдовала совсѣмъ инымъ правиламъ; тѣмъ не менѣе есть у насъ и нѣчто общее съ геральдикою Западной Европы. Это внѣшняя, такъ сказать, обстановка герба: щитъ, шлемъ, наметъ, украшенія, дѣйствительно намъ несродныя и заимствованныя съ Запада въ XVIII уже столѣтіи. Въ гербахъ русскихъ древни эмблемы, а цвѣту, которымъ окрашивалось поле щита, положенію даже фигуръ не придавалось особой важности, и правила для всего этого даны въ прошломъ столѣтіи. Въ настоящее время какъ тѣ, такъ и другія подлежатъ одинаковому вниманію. Это-то обстоятельство и возложило на насъ обязанность въ самомъ началѣ нашей геральдики изложить исторію гербовъ въ Западной Европѣ, — исторію, въ которой мы въ краткомъ очеркѣ покажемъ ихъ происхожденіе, поводы къ развитію и тѣ формы, которыя обще приняты геральдикою всѣхъ странъ для составленія гербовъ. Подобнаго историческаго очерка не доставало нашей ученой литературѣ, а безъ него насъ могли бы упрекнуть въ неполнотѣ и неясности изложенія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИСТОРІЯ ГЕРБОВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Символы и печати у древнихъ народовъ и въ средніе вѣка (*).

§ 1.

Общее, преобладающее у насъ мнѣніе о происхожденіи русскихъ гербовъ, о входящихъ въ нихъ эмблемахъ, равно какъ геральдическихъ аттрибутахъ, состоитъ въ томъ, что наши гербы заимствованы изъ Западной Европы. Съ перваго раза мнѣніе это кажется

(*) Источниками для изложенія этой главы служили:

1. *Menestrier*. Nouvelle methode raisonnée du blason. 1677. Lion.

2. *Его же*: Origine etvraie pratique de l'art du blason. 1659.

3. *Kopp*. Entshehung der Wappen.

4. *Natalis de Wailly*. Eléments de Paléographie. 2 vol. Paris. 1838.

5. *Eysenbach*. Histoire du blason et science des armoiries. Tours. 1848.

6. Mittheilungen der Zürichschen Gesellschaft fürvaterländische Alterthümer. XII. 1848.

7. Notice sur l'origine des armoiries. Annalles del'Academie d'archeologie Belgique. Anvers. 1849.

такъ правдоподобнымъ, что мы считаемъ долгомъ оговориться: внѣшніе аттрибуты для герба, форма щита (écu) и краски (émaux, couleurs) не наши и конечно перешли къ намъ съ Запада; но идея гербовъ Русскихъ, въ отличіе отъ гербовъ Западной Европы, совсѣмъ иная. Для доказательства этого мы считаемъ необходимымъ предварительно пробѣжать исторію западно-европейскаго герба. Это кажется намъ тѣмъ болѣе полезнымъ и любопытнымъ, что въ это изложеніе должны будутъ войти важнѣйшія, по крайней мѣрѣ, мнѣнія о времени и происхожденіи герба, о его составныхъ частяхъ, техническихъ названіяхъ и т. д. — Многіе изъ предложенныхъ вопросовъ до сихъ поръ еще не рѣшены и они имѣютъ свой интересъ въ наукѣ.

§ 2.

Изслѣдователи по части геральдики обыкновенно оставляютъ совершенно безъ объясненія самое слова blason, armoirie, Wappen, какъ понятіе слишкомъ общеизвѣстное для того, чтобы оно могло нуждаться въ поясненіи. Оттого *гербъ* смѣшиваютъ съ символами, символическими разнаго рода знаками, ведутъ его начало съ глубокой древности и не отличаютъ гербовъ отъ печатей, хотя право имѣть печать далеко не то, что право на гербъ.

Мы остановимся на этомъ, чтобы объяснить разницу между смѣшиваемыми понятіями и начнемъ съ символовъ. Чѣмъ народъ юнѣе, чѣмъ живѣе въ немъ воображеніе, тѣмъ болѣе привязанъ онъ къ отвлеченнымъ символамъ; и нѣтъ ничего неестественнаго, что знаками этими искони отличались отдѣльныя лица, колѣна, города, царства и народы, какъ одинъ отъ другаго, такъ благород-

ные отъ неблагородныхъ, знатные отъ незнатныхъ. Эмблемы въ этомъ случаѣ брались по большей части изъ видимаго міра, и особенно изъ царства животныхъ. Всякому животному придавались особенныя свойства и качества: одинъ предпочиталъ символъ льва, какъ идею благородной отваги; другой змѣи—символъ хитрости и мудрости, и т. п. Были даже археологи, которые производили слово blason отъ еврейскаго sobal (носить), разумѣя подъ этимъ словомъ знаки, постоянно носимые одними въ отличіе отъ другихъ. Мы увидимъ дальше, въ какой мѣрѣ производство это правильно.

§ 3.

Въ Греціи и Римѣ, точно такъ, какъ у древнихъ Персовъ, Египтянъ, Мидянъ и другихъ народовъ древности (¹), встрѣчаются символы, постоянно повторяющіеся на монетахъ, медаляхъ и печатахъ. Символъ, Коринѳомъ напр. избранный, былъ пегасъ, Аѳинами сова, Пелопонезомъ черепаха, Ѳивами щитъ, Самосомъ павлинъ, Родосомъ роза (соотвѣтственно названію ῥόδον). Символы эти переходили и на печати; такъ на Помпеевой былъ изображенъ левъ съ мечемъ, у Цесаря видимъ вооруженную Венеру, у Плинія Младшаго колесницу и т. п. Писатели древности сохранили намъ не одно свидѣтельство объ употребленіи и даже наслѣдственности символовъ; такъ Овидій (²) прямо упоминаетъ о «signa generis

(¹) Символы всѣхъ древнихъ народовъ исчислены въ извѣстномъ сочиненіи іезуита Petra-Sancta: Tesserae gentiliciae a Silvestro Petra Sancta Romano Societatis Jesu ex legibus fecialium descriptae. (1637. (in 4⁰). Рисунки этихъ символовъ и между прочимъ колѣнъ Израилевыхъ въ *Spener* Insignium theoria seu operis heraldici pars generalis. Francofurti. 1690. p. 39.

(²) Metamorphos. VII, 423.

in capulo gladii eburneo,» а Светоній (¹) о «vetera familiarum insignia». Такихъ свидѣтельствъ встрѣчается не мало, и основываясь на нихъ-то, писатели среднихъ вѣковъ видѣли въ символическихъ изображеніяхъ начало гербовъ. Такову смѣшенію этихъ двухъ понятій несродныхъ способствовали отчасти слѣдующія обстоятельства: 1) что и древніе обращали вниманіе на цвѣты. Доказательствомъ тому служатъ существовавшія въ Римѣ и Константинополѣ партіи въ циркѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ партіи убѣжденій, различавшіяся по цвѣту одежды: бѣлые и красные, позднѣе голубые и зеленые (²). Далѣе судьи въ Аѳинахъ и Платеѣ, въ Римѣ кандидаты на должности и почти всѣ сановники одѣвались въ бѣлыя тоги; пурпуръ былъ цвѣтомъ боговъ и царей. Магометъ носилъ черный плащъ, который послѣ него надѣвали халифы, въ знакъ преемственности власти отъ лжепророка; а зеленый тюрбанъ, сохранившійся въ гербѣ Оттоманской Порты, и теперь еще означаетъ у Турокъ магометова потомка. Въ средніе вѣка Евреи нашивали себѣ на платье кружокъ изъ желтаго сукна. Но всѣ эти и подобные имъ примѣры показываютъ одно, что народъ, какъ и человѣкъ въ отдѣльности, предпочитаетъ тотъ или другой цвѣтъ, никакъ не болѣе. Гораздо многозначительнѣе другое обстоятельство, а именно 2) то, что изображенія знаковъ символическихъ носились на оружіи. Для примѣра мы приведемъ слѣдующее описаніе Есхиломъ щитовъ семи вождей, подъ Ѳивами сражавшихся. Всякій изъ семи героевъ предводительствовалъ особымъ

(¹) Suetonius in Claudio. c. 25.

(²) Подробное описаніе цвѣтовъ партій въ циркѣ и отношенія ихъ къ цвѣтамъ гербовъ находимъ въ приведенномъ сочиненіи Петра Санкты стр. 25: «de colorum usu in ludiscircensibus».

отрядомъ и отличался своимъ щитомъ. Первый витязь Тидей носилъ на своемъ щитѣ эмблему: вычеканенное небо, усѣянное звѣздами, между которыми отличалось блескомъ одно свѣтило. Второй вождь Капаней имѣлъ на щитѣ изображеніе обнаженнаго человѣка, несущаго въ рукѣ горящій факелъ съ девизомъ: «сожгу городъ». У третьяго на щитѣ вооруженный воинъ взлѣзаетъ по лѣстницѣ на непріятельскую башню а въ девизѣ объявляетъ, что самъ Марсъ его не сдвинетъ. Четвертый вооруженъ щитомъ, на которомъ Тифонъ взрываетъ изъ огненной пасти черный дымъ, а вокругъ изображены переплетшіяся змѣи. У пятаго сфинксъ держитъ подъ когтями Кадма. Шестой витязь исполненъ мудрости и не имѣетъ на своемъ щитѣ никакой эмблемы: онъ не хочетъ выдавать себя за храбреца, онъ хочетъ быть имъ. Седьмой наконецъ обороняется щитомъ, на которомъ женщина ведетъ воина, вычеканеннаго изъ золота; она умѣряетъ его шаги и говоритъ въ девизѣ: «я сама справедливость, я одушевляю этого человѣка, возвращу ему его отечество и наслѣдіе предковъ».

Воздерживаясь отъ приведенія другихъ примѣровъ, мы замѣтимъ только, что всѣ они доказываютъ не болѣе, какъ существованіе знаковъ отличій, избранныхъ вождями или давными предводителями дружинѣ. Овидій и Виргилій постоянно изображаютъ своихъ героевъ носящими на шлемахъ и щитахъ arma, insignia, но общаго съ гербами въ этихъ символахъ нѣтъ ничего.

§ 4.

Переходимъ къ печатямъ. Существованіе ихъ очень древне, и онѣ также приводились въ доказательство упо-

требленія гербовъ задолго до рыцарства и турнировъ. Сходство между ними заключается въ томъ, что какъ гербы со щитовъ перенесены на печати и въ такомъ видѣ употребляются въ подкрѣпленіе воли лица, дающаго актъ или вообще дѣлающаго какое нибудь распоряженіе, причемъ печать принимается за необходимую принадлежность извѣстнаго лица; такъ и у древнихъ Римлянъ перстнямъ (annuli signatorii, sigillarii и cerographi) было придаваемо особое значеніе. Сенаторы и всадники носили кольца золотыя, а плебеи—желѣзныя, если только они не получали права на золотое кольцо за подвиги храбрости или важныя государственныя заслуги вообще. Въ послѣдствіи, когда древнія существенныя различія между сословіями Рима стали мало по малу сглаживаться, отличіе это утратило свое первоначальное значеніе и полученіе его не было уже сопряжено съ такими требованіями и затрудненіями, какъ прежде.

Конечно перстни эти были драгоцѣнны не только по богатству ихъ украшеній, но и по тѣмъ фигурамъ, которыя на нихъ были изображены: портретъ государя, предка, друга, или какого либо знаменитаго человѣка, эмблемма событія важнаго для государства, для извѣстной фамиліи или для отдѣльнаго лица заставляли дорожить подобными кольцами. Въ доказательство мы можемъ привесть нѣсколько особенно разительныхъ примѣровъ: Силла велѣлъ себѣ сдѣлать перстень, на которомъ Бохъ, Король Мавританскій, представленъ выдающимъ ему Югурту, перваго виновника его соперничества съ Маріемъ. На перстнѣ Помпея были высѣчены три трофея: эмблемма его побѣдъ въ трехъ частяхъ свѣта. У Императора Августа на кольцѣ былъ изображенъ сначала сфинксъ, потомъ лицо Александра и наконецъ

его собственное. Потомки продолжали пользоваться кольцомъ предка. Перстаемъ запечатывались обыкновенно письма и депеши; а что изображенія на нихъ (signa) имѣли опредѣленное, оффиціальное, т. е. значеніе, доказывается тѣмъ, что достаточнымъ считалось приложеніе печати для того, чтобы распоряженіе имѣло законную силу.

Правило это древне, повсемѣстно и вполнѣ объясняется малымъ распространеніемъ грамотности между древними народами, для которыхъ болѣе видимые знаки были осязательнѣе. Изъ множества свидѣтельствъ приведемъ въ подтвержденіе одно болѣе рѣзкое. Въ Книгѣ Царствъ (III, гл. 21 ст. 8, 11) сохранилось слѣдующее извѣстіе: «и написа Iезавель книгу на имя Ахаавле и запечата ю печатью его, и посла книгу къ старѣйшинамъ и свободнымъ живущимъ съ Навуѳеемъ . . . и сотвориша тако мужіе града старѣйшіи». Значеніе печати предполагаетъ ея общеизвѣстность и неизмѣнность. Отъ народовъ восточныхъ печати перешли къ Грекамъ и Римлянамъ, а отъ сихъ послѣднихъ къ германскимъ племенамъ среднихъ вѣковъ.

Какъ римскія законы требовали приложенія печатей къ судебнымъ актамъ и сдѣлкамъ разнаго рода, такъ и племена, поселившіяся на римской почвѣ, вмѣстѣ съ узаконеніями Рима усвоили себѣ и этотъ обычай. Частные случаи изъ VI, VII и послѣдующихъ столѣтій подтверждаютъ это (1), но тѣмъ не менѣе обыкновеніе прикладывать печать сдѣлалось общимъ и повсемѣстнымъ не ранѣе XII столѣтія, и долго замѣняло собою подпись.

---

(1) *Wailly* Elem. de Paléographie T. II. p. 1. 43.

§ 5.

Значеніе въ подобныхъ случаяхъ печати было такъ велико, что необходимо было придумать различныя предосторожности, для предупрежденія подлога. Средства эти отличаются своею странностію и едва ли вели къ предположенной цѣли; напр. примѣшивали къ воску, на которомъ прикладывалась печать, волосы съ головы или бороды (¹), или оставляли на немъ оттиски своихъ зубовъ или наконецъ на оборотѣ печати дѣлали знакъ пальцемъ или какимъ нибудь другимъ орудіемъ. Бывали также случаи, что къ печатямъ прикрѣпляли символы инвеституры, какими соломенки, перчатки и т. п. Этимъ же объясняется та торжественность, съ которою печать прикладывалась къ актамъ особенной важности: собраніе придворныхъ и другихъ лицъ, властію облеченныхъ, считалось при этомъ необходимымъ. Для актовъ менѣе важныхъ требовалось присутствіе духовенства, дворянъ, мѣстныхъ судей, и вообще свидѣтелей.

Съ другой стороны владѣльцу печати необходимо было предупредить, чтобы не кто иной, кромѣ его, не употреблялъ ея и не прикладывалъ къ актамъ, безъ его воли совершеннымъ. Поэтому у древнихъ былъ обычай вмѣстѣ съ человѣкомъ погребать его печать и перстень. Когда въ 1544 г. рыли въ Ватиканѣ землю подъ фундаментъ для часовни Св. Петра, открыли гробницу Маріи, супруги Императора Гонорія, и между другими вещами нашли 40 печатей и перстней золотыхъ и драгоцѣнными

(¹) Въ концѣ одной грамоты 1121 года читаемъ: «Quod ut ratum sit et stabile perseveraret in posterum, praesenti scripto sigilli mei robur apposui cum tribus pilis barbae meae».

каменями украшенныхъ, и на одной изъ печатей изображеніе головы этого государя. Обычай этотъ отъ Римлянъ перешелъ въ Европу среднихъ вѣковъ и во Франціи сохранился до XIII вѣка. Печать Хильдерика I была найдена въ гробницѣ его въ 1653 году. Въ XII вѣкѣ печать Гильома-де-Туси, епископа Оксерскаго, была погребена вмѣстѣ съ ея владѣльцемъ, но прежде того разбита и сломана. Тотъ же обрядъ соблюдался при погребеніи папъ, такъ какъ печать ихъ была именная, и преемнику умершаго папы необходимо было озаботиться изготовленіемъ своей печати (1).

Тою же важностью печати объясняется, почему въ Константинополѣ напр. хранитель грамотъ храма Св. Софіи носилъ на шеѣ печать Патріарха. У вице-канцлера Ричарда I-го Короля Англійскаго, Роже, потонувшаго отъ кораблекрушенія близъ острова Родоса, нашли на шеѣ королевскую печать. Но если печать по какой нибудь случайности утрачивалась или измѣнялось или наконецъ сообщалась кому нибудь по изволенію ея владѣльца, это дѣлалось общеизвѣстнымъ въ предупрежденіе подлога и поддѣлки. Не малымъ также противъ нихъ средствомъ было употребленіе двусторонних печатей: нѣтъ ничего легче, какъ снявъ восковую печать съ акта и подогрѣвъ ее снизу, приложить къ другой бумагѣ; но если и на оборотной сторонѣ печати есть изображеніе (contresceau), то подобная поддѣлка становится невозможною. Съ начала X столѣтія двойныя печати эти вошли въ употребленіе и были или висячія на снуркахъ или приклеивались къ бумагѣ, пергаменту.

---

(1) Wailly l. c. p. 18. 19. 20.

Очевидно, что твердыхъ, опредѣленныхъ и неизмѣнныхъ правилъ требовало самое приложеніе печати, изображеніе на которой охранялось ея владѣльцемъ всѣми возможными средствами. Прежде всего при этомъ должно было озаботиться, чтобы матеріалъ, для приложенія печати избираемый, былъ твердъ и чтобы штемпель нескоро сглаживался. Древніе Римляне избирали для своихъ буллъ свинецъ и въ главѣ такихъ буллъ находятся принадлежащія Императорамъ: Траяну, Марку Аврелію и Антонину Благочестивому.

Названіе этого рода печатей происходитъ отъ свинцовыхъ шариковъ, чрезъ которые продѣвался снурокъ и потомъ выбивалось изображеніе. Съ VII вѣка этотъ способъ приложенія печатей перешелъ къ папамъ и далъ названіе тѣмъ постановленіямъ, которыя исходили отъ нихъ и были утверждены свинцовою печатью. Въ рѣдкихъ случаяхъ къ грамотамъ особенной важности, напр. объ утвержденіи Королей Римскихъ, прикладывались буллы золотыя. Изъ Императоровъ Французскихъ Карлъ Великій первый ввелъ употребленіе золотыхъ печатей, которыя въ послѣдствіи времени встрѣчаются на грамотахъ германскихъ государей и въ подражаніе имъ приняты другими Монархами Западной Европы.

Печати серебреныя, бронзовыя и оловянныя встрѣчаются рѣже.

Буллы могли быть только висячія, въ отличіе отъ восковыхъ, въ послѣдствіи сургучныхъ печатей, которыя прикладывались къ пергаменту или бумагѣ. Первыя носятъ въ Западной Сфрагистикѣ названіе Sigilla pendentia или sigilla, а вторыя Sigilla membranae affixa, innexa diplomati, chartae agglutinata. Каждый изъ этихъ родовъ печатей въ разныхъ странахъ подраздѣлялся на виды.

по формѣ, способу приложенія и по изображеніямъ на нихъ. Достаточно для нашего очерка слѣдующихъ общихъ замѣчаній.

Висячія печати привѣшивались въ концѣ грамотъ, тотчасъ послѣ подписи, на снуркѣ льняномъ, шелковомъ, или на обрывкѣ пергамента, кожи, а если печатей было нѣсколько (число ихъ доходило до 350 въ жалобѣ, поданной Богемцами Констанцскому Собору 30 Декабря 1415 года), напр. когда прикладывали ихъ свидѣтели при совершеніи актовъ или должностныя лица, то порядокъ, въ которомъ они размѣщались, слѣдовалъ степени уваженія, лицамъ этимъ оказываемаго, и сравненіе печатей среднихъ вѣковъ доводитъ до убѣжденія, что средняя точка, равно какъ правая и лѣвая стороны нижней оконечности пергамента, были назначены для печатей самыхъ почетныхъ. Но если печатей было слишкомъ много и вообще изложенное правило было бы трудно соблюсти, то печати привѣшивались въ томъ же порядкѣ, въ какомъ упоминались лица, ими владѣвшія, начиная оъ лѣвой стороны и доходя до праваго конца. Не рѣдко въ самомъ документѣ упоминалось, какъ приложена печать и какого она цвѣта (напр. въ XVI вѣкѣ: sigillatum in cauda duplici magno sigillo cerae rubrae).

Форма печатей была чрезвычайно разнообразна: то онѣ круглы, овальны, полупродолговаты, треугольны или квадратны, то имѣютъ видъ многоугольника, осьмиугольника, шестиугольника и т. п., и притомъ такъ, что бока печати были или прямы или образовали кривую линію (sceaux cornus). Древнѣйшія печати были, по большей части, круглыя.

Цвѣтъ воска, которымъ печатались грамоты и акты въ Западной Европѣ, различался по достоинству лицъ,

которыми выдавались и по роду дѣлъ, къ которымъ бумаги относились. Право печатать краснымъ воскомъ составляло принадлежность государя и лицъ, которымъ привиллегія эта была дарована. Патріархъ Константинопольскій печаталъ свои грамоты обыкновенно на черномъ воску. Привиллегія печатать голубымъ, лазуревымъ воскомъ, дарованная въ 1524 году Императоромъ Карломъ V одному доктору въ Нюренбергѣ, доказываетъ, что и этотъ цвѣтъ, хотя рѣдко, не былъ однако совершенно чуждъ печатей. Во Франціи и Англіи постановленія разнаго рода утверждались печатами зеленаго или желтаго, смотря по роду узаконеній, цвѣта (1).

Такъ какъ съ одной стороны изображенія на печатяхъ не были наслѣдственны и съ другой значеніе ихъ въ общежитіи было такъ велико, то лица, владѣвшія печатью, озаботились о надписи на ней или, если она была двухсторонняя, объ изображеніи символа или эмблемы, лицу присвоенной и состоявшей или въ фигурѣ или молоткѣ (напр. на печати Пипина Короткаго: Christe protege Pipinum, regem Francorum) или какой нибудь фразѣ. Всего ближе конечно было помѣщать на печатяхъ выраженія, которыя показывали значеніе самой печати; не рѣдки слѣдующія фразы: «secretum comitis, secretum meum или secretum meum mihi, testimonium veri, clavis или custos sigilli, secretum colas, anouncio secreta, confirma, secretum veri, secretum est, secretum serva и т. п.

Девизы, въ формѣ наставленій и правилъ, также не были чужды печатей; это доказываютъ выраженія въ родѣ слѣдующихъ: Deum time, Deus in adjutorium meum intende, fugite partes adverse, Miserere mei Deus, Bonum est

(1) Wailly, стр. 55—58.

confiteri Domino. Церкви, аббатства и города имѣли въ печатахъ изображеніе своего покровителя и приличныя тому надписи: Dionisius Areopagita, Video celos apertos; Nicolaus suscitans clericos, Ave Maria gratia plena, imago Sancti Audomari и пр.

Такимъ образомъ надписи и изображенія на печатяхъ, имѣя историческій смыслъ для лица, печать употреблявшаго, по правилу, не переходили къ его преемнику, который могъ избрать себѣ новый девизъ, новое изображеніе, а вмѣсто имени своего предка, долженъ былъ выставить свое. Таково было правило, по тѣмъ не менѣе недостатокъ собственныхъ памятниковъ, которые могли бы быть изображены на печатяхъ, заставилъ въ средніе вѣка прибѣгать къ антикамъ, къ которымъ въ печатяхъ или прибавляли надпись или даже обходились безъ нея. Такія печати могли быть и наслѣдственными, тѣмъ болѣе, что строгаго соотвѣтствія между изображеніемъ на камеѣ и званіемъ избравшаго его лица не существовало; напр. въ 1280 г. аббатъ одного монастыря употреблялъ печать съ изображеніемъ вооруженнаго воина съ головою, покрытою шлемомъ; на печати другаго аббата 1211 года представлена богиня охоты Діана. Въ 1301 г. на одной печати также аббата изображенъ Өебъ, управляющій колесницею, запряженною четырьмя конями. Аллегорическая надпись: signum veritatis была прибавлена къ изображенію на печати. Такихъ примѣровъ средніе вѣка представляютъ множество (¹), а подобное употребленіе камеевъ (которые, какъ увидимъ ниже, перешли въ Россію очень рано и другимъ совершенно путемъ), вполнѣ объясняется тѣмъ влеченіемъ, которое

(¹) Wailly, ibid. p. 74 sq.

человѣкъ всегда чувствуетъ къ прекрасному всѣхъ странъ и народовъ, и сознаніемъ невозможности произвесть въ искусствахъ что либо подобное тому, что завѣщано позднѣйшему потомству древнею Греціею.

На ряду съ камеями, однако, Христіане среднихъ вѣковъ избирали для своихъ печатей символы, которые, будучи заимствованы изъ божественнаго ученія Спасителя, составляли въ некоторой степени ручательство въ томъ, что распоряженіе, печатью утвержденное, будетъ соблюдаемо свято и ненарушимо. Таковы изображенія креста-символа искупленія, голубя—знака невинности, рыбы—напоминающей священную воду крещенія, якоря—означающаго твердость вѣры, лиры—какъ орудія возношенія хвалы Богу.

Изображенія эти впрочемъ были такъ неопредѣленны, что государи одной и той же страны въ разное время и при разныхъ обстоятельствахъ мѣняли символы, по видимому, совершенно произвольно. Оружіе разнаго рода занимало почетное мѣсто на печатахъ королей и простыхъ рыцарей Западной Европы; не рѣдко они и сами являлись на печатяхъ на конѣ, въ латахъ, или государь на престолѣ съ аттрибутами власти, съ скипетромъ, въ коронѣ.

Изъ всѣхъ символовъ, которые встрѣчаются на печатяхъ среднихъ вѣковъ, болѣе всего споровъ возбудило изображеніе лиліи въ печатяхъ королей Французскихъ. Доказано, что символъ этотъ употреблялся каролингами и даже королями первой династіи во Франціи и помѣщался не только въ печати, но на оконечности скипетра и поверхъ короны (что объясняетъ ея форму); но ученые не согласны между собою: дѣйствительно ли эта фигура изображаетъ лилію и что она могла представлять? Доказывали, что подъ словомъ lilium, въ хроникахъ встрѣчающимся,

должно понимать всякое изображеніе, имѣющее видъ цвѣтка (fleuron), а не собственно лилію, и утверждали, что это наконечникъ алебарды; но въ настоящее время почти всѣ признаютъ, что это лилія; цвѣтокъ этотъ вообще возбуждалъ къ себѣ сочувствіе, былъ символомъ въ печатяхъ многихъ государей, и остался отличительнымъ признакомъ печати, а потомъ герба королей французскихъ (не говоря о частныхъ лицахъ, въ гербахъ которыхъ лиліи нерѣдки (1).

Изъ предъидущаго изложенія исторіи печатей въ древности и въ Западной Европѣ мы извлекаемъ слѣдующій выводъ: ни одинъ народъ, ни одна страна ни въ какое время не были чужды понятій о печатяхъ и символахъ. Но были ли во всѣхъ нихъ признаки, по которымъ наука отличаетъ геральдическій гербъ? Были ли правила для составленія печатей возведены въ науку, утверждены ли эти знаки, какъ непремѣнные спутники благородныхъ фамилій, дана ли имъ наслѣдственность?—нисколько: найти для себя знакъ отличія отъ другихъ подобныхъ существъ такъ сродно человѣку, что̀ встрѣчается повсемѣстно, а если видѣть въ символахъ начало гербовъ, то первыми ихъ приверженцами должно бы считать дикихъ Американцевъ. Было даже время, когда Испанцы, по возвращеніи Колумба изъ Америки, слушая разсказы его и спутниковъ о раскрашенной, тетюированной кожѣ дикарей, думали, что нашли ключъ въ разгадкѣ и стали выдавать американскихъ туземцевъ за изобрѣтателей гербовъ. И что̀ же какъ не гербъ, говорили тогда, былъ изображенъ если не на щитахъ, то на лицахъ этихъ дикарей? Каждая черта замысловатаго рисунка проведена не даромъ, не слу-

(1) Wailly, T. II, p. 81—83.

чайно, а въ память битвы, въ которой палъ непріятель, въ память событія, въ которомъ лицо принимало участіе. Вожди, короли дикихъ имѣли въ маломъ видѣ изображеніе рисунка, которымъ украшено ихъ лицо, и при совершеніи разнаго рода документовъ обмакивали кусокъ дерева въ краску и начертывали имъ вѣрный снимокъ того рисунка, который видѣнъ на ихъ лицѣ. Намъ кажется, что и между такимъ рисункомъ и гербомъ нѣтъ ничего общаго, ибо кромѣ символическаго изображенія, кромѣ того, чтобы оно носилось на оружіи, щитѣ, шлемѣ, необходимо: 1) чтобы составленіе герба было подчинено строгимъ правиламъ науки, утвержденнымъ практикою и давностію употребленія, и 2) чтобы гербъ, бывъ правильно составленъ, правильно переходилъ по наслѣдству по прямой нисходящей линіи. Онъ долженъ сопровождать благороднаго человѣка отъ колыбели до могилы; онъ изображается на его печати, на ливреѣ, посудѣ, экипажахъ, на погребальной колесницѣ и наконецъ на памятникѣ. По гербу должны узнаваться родъ и званіе того, кому гербъ принадлежитъ. Очевидно, что ни печати, ни символы, древними народами употреблявшіеся, нисколько не объясняютъ исторіи гербовъ. Гдѣ же и когда образовалась эта наука, которой въ былыя времена посвящался не одинъ годъ изученія, которой правила не знать стыдился бы каждый и значеніе которой на Западѣ теперь утратилось вмѣстѣ съ уваженіемъ къ древности дворянства рыцарскаго, геральдическаго?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О происхожденіи гербовъ.

§ 6.

Общій отвѣтъ на предложенный выше вопросъ тотъ, что гербы завѣщаны намъ Германцами среднихъ вѣковъ в рыцарствомъ. Но трудно найти двухъ писателей, которые бы сходились на этотъ счетъ въ подробностяхъ. Заслуга первенства обработки геральдики остается за ученымъ Іезуитомъ Менестріе (Menestrier P. C. E), который оставилъ потомству, кромѣ другихъ сочиненій, двѣ по этой части главныя книги: « Nouvelle méthode raisonnée du blason ou de l'artheraldique, » и другое: l'origine ou vraie pratique de l'art du blason (1659). Онѣ заслуживаютъ вниманія и до настоящаго времени, хотя послѣ него объ этомъ предметѣ писано было очень много и исторія вообще сдѣлала шагъ впередъ. Говоря о геральдикѣ Западной Европы только для объясненія аттрибутовъ въ нашихъ гербахъ, мы, по необходимости, оставляемъ подробности несогласій между писателями относительно происхожденія гербовъ и остановимся только на результатахъ, добытыхъ наукою.

§ 7.

Германскіе и Галльскіе народы, отличавшіеся воинственнымъ своимъ духомъ, имѣли издавна обычай носить на войнѣ пестро выкрашенные щиты, а шлемы—украшать изображеніями животныхъ. На это прямо указываетъ Тацитъ ([1]), говоря: Scuta lectissimis coloribus distinguunt», и въ другомъ мѣстѣ ([2]): «(Germano) ne scuta

([1]) German. c. 6.

([2]) Annal. 2. 14.

quidem ferro nervove firmata, sed viminum textus seu tenues fucatas colore tabulas». А о шлемахъ Галловъ говоритъ Діодоръ Сицилійскій, что къ нимъ прикрѣплялись рога и изображенія животныхъ.

Но мы видѣли обычай этотъ и у другихъ народовъ древности, которые тѣмъ не менѣе не имѣли сами гербовъ и не передали идеи ихъ новому человѣчеству. Германскія же племена были въ сравненіи съ ними поставлены совсѣмъ въ иныя отношенія, и оттого привилось, дало корень и развилось у нихъ учрежденіе, которое такъ тѣсно связано съ дворянствомъ Западной Европы.

Германская община, вторгаясь въ чужую землю и покоряя жителей ея, имѣла въ виду обезпечить себя насчетъ владѣнія недвижимою собственностью. На нее человѣкъ, особенно первобытный, привыкъ смотрѣть съ уваженіемъ. Nulla terra sine domino, нѣтъ земли безъ господина,—было девизомъ того времени, но не менѣе справедливо было бы сказать тогда, что нѣтъ благороднаго дворянина безъ земли. Бо́льшаго упрека, чѣмъ безземельность, трудно было найти для дворянина того времени. Поэтому раздѣлъ пріобрѣтенной оружіемъ земли былъ первымъ послѣдствіемъ побѣды и завоеванія. Старшій между равными, вождь (primus inter pares) бралъ себѣ лучшій участокъ и дѣлилъ остальное между товарищами. Послѣдніе чрезъ это не становились самостоятельными, и обязаны были вѣрностью (trustes) своему вождю, который и выводилъ ихъ въ случаѣ нужды на поле брани. Съ другой стороны у каждаго мелкаго владѣльца вассальной земли были свои подчиненные, которые смотрѣли на него какъ на своего господина, и подъ его знаменемъ примыкали къ отряду. Поэтому от-

личительные знаки на вооруженіи были необходимы и притомъ не только для различія благородныхъ отъ roturiers, подвластныхъ, но и для того, чтобы можно было распознавать отъ другихъ главнаго представителя вассальнаго участка. Позднѣе, во время крестовыхъ напр. походовъ, когда дворянство, рыцарство всей Западной Европы, вдохновившись одною святою идеей, шло на Востокъ для освобожденія гроба Господня, необходимость въ этихъ знакахъ была еще настоятельнѣе, и мы увидимъ, что это событіе было однимъ изъ главныхъ, давшихъ толчекъ развитію гербовъ.

Но задолго до этого міроваго события, рыцарство, благородное конное дворянство, имѣло случай сталкиваться съ невѣрными, съ Маврами въ Испаніи, защищать Христіанство и прекрасный полъ, такъ что не подлежитъ сомнѣнію, что при дворѣ Карла Великаго рыцарство (la chevallerie) уже имѣло тотъ блескъ, который ему приписываютъ поэты и повѣствователи того времени.

Какъ рыцарство, вытекшее совершенно естественно изъ духа Германскаго народа, изъ его быта, положенія въ завоеванной Европѣ и изъ отношеній къ покореннымъ народамъ, было обще всѣмъ странамъ, населеннымъ Германцами, такъ и гербы стали принадлежностью дворянства всѣхъ странъ Западной Европы. Какъ далѣе въ однѣхъ странахъ духъ рыцарства подъ вліяніемъ мѣстныхъ причинъ развился въ болѣе широкихъ размѣрахъ и блестящихъ формахъ, а именно: въ Англіи, Франціи, Германіи и въ нашихъ нынѣшнихъ Остзейскихъ провинціяхъ, такъ въ нихъ же оказалось болѣе правильное развитіе гербовъ.

Если трудно перечислить всѣ частныя причины, ко-

торыя въ Западной Европѣ вообще и въ каждой изъ ея странъ въ особенности, дали толчекъ къ образованію гербовъ, ихъ усовершенствованію и развѣтвленію, то необходимо отыскать причины, по которымъ геральдика усвоила гербу твердыя и повсемѣстно однообразныя примѣты. Знаки отличія, носимыя даже на оружіи, мы видѣли, не были чужды многимъ народамъ глубокой древности; но они не признаются за гербы, потому что не считались непремѣнною принадлежностью воина, не переходили въ его родъ и не становились его достояніемъ. Особенность въ этомъ отношеніи рыцаря среднихъ вѣковъ станетъ совершенно наглядною, ясною, когда посмотрите на этого благороднаго воина, который самъ весь закованъ въ стальныя латы: у него на лице опущено забрало, такъ что представителемъ всей его личности, скажу больше, его убѣжденій, его мысли становится одинъ щитъ. По немъ читали и знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Точно такъ и лошадь рыцаря едва видна изъ подъ тяжелаго вооруженія: какъ же не отличить и коня знàкомъ, видимымъ на щитѣ? Необходимость употреблять чаще и чаще щиты на полѣ брани и чести и сродное человѣку желаніе сохранить въ своемъ потомствѣ память о подвигахъ предковъ, вызвала потребность въ обработкѣ гербовъ и въ укрѣпленіи за каждымъ рыцаремъ и его родомъ того герба, который былъ (и мы увидимъ, по большей части, не случайно) избранъ его представителемъ. Очевидно, что время, когда, и страна, гдѣ всего болѣе представлялось случаевъ являться въ вооруженіи, должны были породить необходимость въ гербахъ, въ строгомъ ихъ изученіи и разграниченіи. Нѣтъ сомнѣнія, что самое благопріятное для этого время былъ конецъ XI и начало XII столѣтія, и дѣйствитель-

но къ этому времени относятся древнѣйшіе гербы въ настоящемъ смыслѣ слова: на картинахъ, печатяхъ стали представлять воина на конѣ, въ полномъ вооруженіи, въ шлемѣ или коронѣ, если гербъ принадлежалъ Королю, и на лѣвой рукѣ витяза былъ видѣнъ щитъ съ изображеніемъ разныхъ знаковъ и эмблемъ. По тщательнымъ розысканіямъ ученыхъ Бенедиктинцевъ, древнѣйшая извѣстная имъ гербовая печать привѣшена къ одной грамотѣ Графа Роберта Фландрскаго 1072 года: на щитѣ изображенъ левъ Фландріи, а на печати Графа Раймунда Тулузскаго 1088 года — крестъ Тулузскій. Гораздо чаще и обыкновеннѣе стали гербы и печати съ гербовыми изображеніями съ XII и XIII столѣтій. Даже государственные гербы Англіи и Франціи обязаны своимъ установленіемъ этому же времени, хотя извѣстно, что окончательное ихъ образованіе послѣдовало позднѣе, такъ напр. число лилій во французскомъ гербѣ ограничено тремя только въ правленіе Короля Карла V (1380 года). Германскій Императорскій орелъ, который, какъ общій символъ власти, конечно встрѣчается довольно рано, является постояннымъ и твердымъ гербомъ на печатяхъ только со времени Рудольфа Габсбургскаго, а двуглавый орелъ только при Императорѣ Сигизмундѣ (1).

Одиннадцатый вѣкъ, сказали мы, видѣлъ образованіе гербовъ въ современномъ значеніи слова, и вотъ тѣ событія, которыя были причиною этого явленія: 1) развитіе рыцарства и установленій, съ нимъ тѣсно связанныхъ; 2) турниры и обряды, при нихъ соблюдавшіеся и 3) крестовые походы.

(1) *Ledebur*. Streifzüge durch die Felder des koeniglichen preussischen Wappens. Berlin. 1842.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I. Рыцарство.

§ 8.

Самое вооруженіе рыцарей и ихъ лошадей дѣлало необходимымъ тѣ символы и знаки, безъ которыхъ они не были бы распознаваемы. Очевидно, для того, чтобы свои умѣли различать, кто этотъ закованный въ стальную броню рыцарь, необходимо было изучить: какое поле на его щитѣ, какія любимыя на немъ краски, что на немъ изображено, чего хочетъ его девизъ (que crie la devise), какія перья на его шлемѣ, нѣтъ ли на шлемѣ какого изображенія, какъ спущено забрало и пр., по необходимости стали изучать всѣ этѣ кажущіяся мелочи, но на самомъ дѣлѣ важныя примѣты ([1]). Наука и живопись предложили свои услуги и въ древнѣйшихъ сборникахъ гербовъ (Wappenrolle) видимъ въ разрѣзѣ полное вооруженіе груди и головы рыцаря» на лѣвой рукѣ щитъ съ изображеніемъ доходитъ до шлема, въ который водружены перья или на которомъ красуется какая нибудь фигура. Всего ближе поэтому было назвать гербы Wappen (отъ Waffen), arma, armes, armoiries. Прекрасные образцы такихъ полныхъ рыцарскихъ вооруженій и вмѣстѣ съ тѣмъ гербовъ представляетъ т. н. Цюрихская Wappenrolle, принадлежащая, по розысканіямъ тамошняго общества древностей, къ XIV вѣку.

([1]) Въ этомъ смыслѣ Менетріе (Origine et vraie pratique de l'art du blason avec le dictionnaire armorial. Lion. 1659 p. 73) такъ опредѣляетъ гербъ: «Armes ou armoiries est un corps complet d'image hieroglyphique, composé du champ et sol, peint ou taillé et du blason ou pièce d'image simbolique, peinte ou taillée et assise sur le dit sol».

Для примѣра мы представляемъ на табл. 1 нѣсколько образцевъ такихъ гербовъ.

§ 9.

Щитъ.

Каждая изъ составныхъ частей герба была существенно необходима, какъ оружіе, а потому неизбѣжна и въ изображеніи герба. Первая изъ этихъ составныхъ частей, самая существенная есть *щитъ*, земля, на которой было предоставлено дѣяніямъ, исторіи, любимой женщинѣ или воображенію самого витязя представить символъ или эмблему. Поле щита будетъ, говорили древніе герольды: черно, какъ хорошо вспаханная земля, зелено, какъ растущая трава и красно, какъ поле, упитанное кровью враговъ. Идея эта не мѣшала однако быть полю и желтымъ и голубымъ, и даже двухъ и болѣе цвѣтовъ.

Уваженіе къ щиту проявлялось при возведеніи благороднаго человѣка въ почетный санъ рыцаря: его одѣвали въ бѣлое платье—символъ чистоты, красное—символъ крови, которую онъ долженъ былъ проливать въ защиту церкви и государства, и въ черное—символъ смерти, на встрѣчу которой онъ шелъ безстрашно. Послѣ установленнаго поста, послѣ молитвы и исповѣди новобранецъ слушалъ обѣдню и проповѣдь объ обязанностяхъ рыцаря. Затѣмъ ему вручалась шпага, которую благословлялъ священникъ на подвиги чести и отваги; рыцари и благородныя дамы надѣвали ему шпоры, панцырь, латы, нарукавники, перчатки, опоясывали шпагу и наконецъ подавали ему щитъ. Затѣмъ старшій рыцарь (seigneur), у котораго онъ былъ въ наукѣ, три раза ударилъ его по плечу плашмя шпагою, говоря: «Дѣлаю тебя рыца-

ремъ во имя Господа, Св. Михаила и Георгія: «будь мужественъ, храбръ и честенъ» (sois preux, hardi et loyal!).

§ 10.

Форма и дѣленіе щита.

Въ щитѣ (écu) должно различать: 1) его поле (champs), 2) краски (les emaux), и 3) изображенія (les figures).

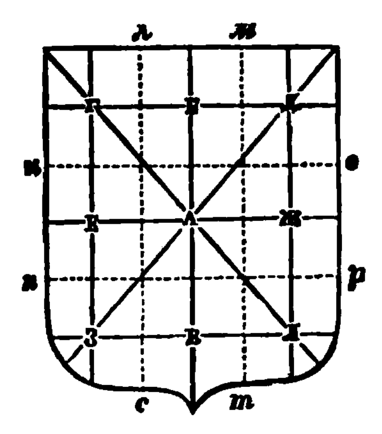
По формѣ щита различали, къ какому народу принадлежитъ рыцарь, потому что у витязей каждой страны щитъ имѣлъ особый видъ; такъ: у Англичанъ онъ былъ круглый (табл. II, рис. 15), у Итальянцевъ продолговатый (рис. 13); у Германцевъ такой же, съ маленькою выемкою сверху, съ ущербомъ (рис. 12); у Испанцевъ плоской сверху и закругленный снизу (рис. 14); наконецъ у Французовъ форма щита: или четыреугольная (рис. 11) или сердцеобразная (рис. 16), или имѣетъ видъ продолговатаго четыреугольника, нижніе края котораго слегка закруглены и сходятся подъ угломъ (рис. 17, 18, таб. II).

§ 11.

Щитъ можетъ быть или не раздѣленъ, въ какомъ случаѣ называется *простымъ* (simple); или же онъ вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько раздѣленій, окрашенныхъ различно, и тогда называется *сложнымъ* (écu composé).

Всѣ дѣленія сложнаго щита приведены Западною Геральдикою къ извѣстнымъ нормамъ: имъ даны названія, освященныя долговременною практикою и теоріею, всѣми государствами усвоенною. У насъ, хотя существуютъ тѣ же дѣленія, но вмѣсто техническихъ названій употребляются описательныя выраженія. Языкъ геральди-

ческій еще не утвердился. Прилагаемый рисунокъ сложнаго щита поможетъ намъ въ описаніи его частей.



Главныхъ дѣленій щита четыре: 1) по вертикальной линіи АБВ, поперегъ (parti); 2) по продольной, горизонтальной линіи ЕАЖ (coupé); 3) по діогонали къ лѣвому нижнему краю щита по линіи ГАЛ (tranché), и 4) по діогонали же къ правому углу щита по линіи ДАЗ (taillé). На иностранныхъ языкахъ эти термины, первоначально условные, теперь общеизвѣстные, чрезвычайно облегчаютъ способъ описанія гербовъ. Самое названіе дѣленій щита показываетъ, что они не произвольны, а даны по направленію ударовъ, которые рыцарь обороняясь принималъ на свой щитъ. Этимъ наблюденіемъ воспользуемся и мы, для усвоенія нашей геральдикѣ названій, сродныхъ духу языка и которыя могли бы сдѣлаться техническими. Позволимъ себѣ эту попытку, основанную отчасти на прежней геральдической терминологіи, и назовемъ щитъ, раздѣленный поперегъ—*разсѣченнымъ*, вдоль — *разбитымъ*, діагонально — *скошеннымъ влѣво* или *вправо* (смотря по направленію діагонали къ лѣвому

или правому углу щита). Въ сочетаніи перваго и втораго дѣленій получаемъ щитъ, раздѣленый на четыре равныя четверти (ecartelé) линіами, подъ прямымъ угломъ пересѣкающимися—*дѣленіе прямоугольное* или *четверочастное*. Дѣленія третье и четвертое въ соединеніи разбиваютъ щитъ на четыре треугольника, вершины которыхъ сходятся въ одномъ центрѣ А, а основанія упираются въ конечныя линіи щита. Это дѣленіе (ecartelé en sautoir)—*въ видѣ Андреевскаго креста*. Если наконецъ всѣ эти четыре дѣленія соединяются, то щитъ распадается на восемь треугольниковъ, сходящихся вершиною въ точкѣ А—дѣленіе *осьмиугольное* (gironné). Разумѣется, что дѣленія эти могутъ соединяться и не вполнѣ, а только отчасти, такъ что щитъ можетъ быть разбитъ на двѣ части, а остаться неразсѣченнымъ, и на оборотъ, чрезъ что образуется въ немъ три части. Вообще линіи, разрѣзывающія щитъ вдоль, поперегъ и наискось, могутъ или доходить до краевъ щита или оканчиваться у центра или даже, встрѣчаясь на дорогѣ съ другою линіею, обрязовать съ нею уголъ, какъ это видно на прилагаемомъ рисункѣ. Сочетаній этихъ можетъ быть безконечное число, особенно когда приведенное дѣленіе герба увеличивается еще двумя продольными линіа *но* и *пр.*, и двумя поперечными линіями *лс* и *мт*, которыя въ свою очередь опять первыя разбиваютъ, а вторыя разсѣкаютъ щитъ на четыре части. Такимъ образомъ геральдическая терминологія становится кратка и ясна и избѣгаетъ длинныхъ описаній. Для той же цѣли краткости изберемъ особыя техническія названія для нѣкоторыхъ сочетаній дѣленій.

Щитъ, *разбитый на три, на четыре*, но не разсѣченный (fascé), на оборотъ—разсѣченный, но неразбитый (palé), называется *полосатымъ* вдоль или по-

перегъ, съ означеніемъ при этомъ краски, которою полосы обозначены на щитѣ. Далѣе полосы могутъ имѣть направленіе по діагонали—*полосатый вкось* (bandé) или наконецъ, онѣ мотутъ встрѣчаться между собою подъ угломъ въ щитѣ, разсѣченномъ на два, въ видѣ *шевроновъ* (chevronné).

При *разсѣченіи* щита и встрѣчѣ *пересѣкающихъ* линій съ *разбивающими* можетъ образоваться въ сердцѣ щита маленькій щитокъ (écu sur le tout ou écusson en coeur), а если ихъ два, то самому среднему дается названіе écu sur le tout du tout. Въ описаніи герба средній щитокъ долженъ быть означаемъ особо съ показаніемъ, разсѣченъ ли онъ или разбитъ, на сколько и какъ: прямоугольно или осьмиугольно или полосатъ.

Но наше исчисленіе дѣленій было бы неполнымъ, если бы мы прошли молчаніемъ другія дѣленія щита, образуемыя какъ прямыми линіями, встрѣчающимися между собою и образующими *зубцы*, *городки*, такъ и линіями кривыми, въ видѣ *чешуи*, *змѣи*, *полукруговъ* и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣленій должны найти себѣ мѣсто при исчисленіи такъ называемыхъ геральдическихъ фигуръ, а другихъ мы не исчисляемъ, какъ несродныхъ нашимъ гербамъ.

То же свойство щита въ гербѣ, т. е. что онъ есть вѣрный сколокъ съ рыцарскаго щита, какъ вооруженія, дало названіе разнымъ его частямъ. Если вообразить себѣ рыцаря на конѣ, держащаго въ лѣвой рукѣ щитъ и обороняющагося имъ, то для того, кто будетъ смотрѣть на витязя, должно казаться *правымъ* все то, что защищаетъ правое плечо и правую половину груди рыцаря, а *лѣвымъ* все, что служитъ для защиты лѣвой его стороны. Далѣе, когда рыцарь держитъ щитъ предъ собою, то верхняя часть щита приходится противъ его головы,

средняя соотвѣтствуетъ сердцу, а нижняя ногамъ. Въ слѣдствіе того верхняя треть щита по линіи ГБД называется *главою* (chef, Schildeshaupt). Положеніе головы рыцаря предполагается собственно въ среднѣ Б (le point du chef), Г—правою ея стороною, а Д—лѣвою, ибо именно этѣ части головы защищаются правымъ и лѣвымъ угломъ щита (le canton dextre et le canton sénestre du chef). Далѣе, точка А закрываетъ сердце рыцаря и потому носитъ названіе *центра* или *сердца* (le centre, le coeur ou l'abime, das Herz), котораго правая половина (le flanc dextre) предполагается подъ точкою Е, а лѣвая (le flanc sénestre) подъ точкою Ж. Наконецъ третья нижняя часть щита покрываетъ ноги рыцаря (la pointe) и въ свою очередь дѣлится на правую и лѣвую сторону (le canton dextre de la pointe et le canton sénestre).

Сообразно сказанному, *верхнимъ правымъ угломъ* щита будетъ конецъ линіи ГАЛ на верху, а конецъ ея внизу совпадетъ съ *лѣвымъ нижнимъ угломъ*, точно такъ, какъ встрѣча линіи ДАЗ съ верхнею окраиною щита образуетъ *лѣвый верхній*, а съ нижнею—*правый нижній уголъ*. Если въ центрѣ большаго щита образуется малый щитокъ, то и его углы и стороны получаютъ соотвѣтственныя изложеннымъ правиламъ названія.

§ 11.

Краски.

Краски, которыми окрашивался щитъ, имѣли свое символическое значеніе. Поэтому, нельзя было ни изобрѣтать новыхъ, ни мѣнять по произволу цвѣтовъ, разъ принятыхъ и одобренныхъ общимъ употребленіемъ. Геральдическихъ: *металловъ* два, *красокъ* пять и *мѣховъ*

два. Первоначально цвѣта выражались дѣйствительно металлами и красками, но въ послѣдствіи ученый Петра-Санкта ([1]) предложилъ замѣнить краски гравировкою. Выдумка его одобрена и находитъ себѣ до настоящаго времени полное примѣненіе.

§ 12.

Два металла суть:

1) *Золото*, цвѣтъ желтый, который въ гербахъ Принцевъ называется soleil, въ гербахъ Перовъ topaze и во всѣхъ прочихъ — or. Для изображенія этого цвѣта поле щита усѣевается точками (табл. II, рис. 11).

2) *Серебро*, цвѣтъ бѣлый, называемый въ гербахъ Принцевъ lune, въ гербахъ Перовъ perle, а во всѣхъ прочихъ argent, распознается по полю щита, совершенно бѣлому.

Пять геральдическихъ цвѣтовъ носятъ въ постепенности приведенныхъ различій, слѣдующія названія и изображаются:

1) *Красный* (Mars, rubis et gueuls) чертами, проведенными съ верху къ низу (табл. II, рис. 12).

2) *Лазуревый* (jupiter, saphir et azur) обозначается горизонтальными линіями, проведенными отъ одной стороны щита къ другой. (табл. II. рис. 13).

([1]) Petra-Sancta-Tesserae gentiliciae 1637. p. 63 до 292. Честь изобрѣтенія способа замѣнять въ гербахъ краску гравировкою оспариваютъ у Петра Санкта въ пользу двухъ геральдиковъ одного съ нимъ вѣка: Марка Вульсона до ла Коломбьоръ и Якова Франкара; но факты не оставляютъ ни малѣйшаго мѣста сомнѣнію, что если мысль объ этомъ и можетъ принадлежать кому нибудь другому, то честь окончательной отдѣлки и подробнаго изложенія геральдической терминологіи принадлежитъ Петра Санкта.

3) *Пурпуровый* (Mercure, amethyste et pourpre) обозначается чертами, діагонально проведенными отъ праваго верхняго угла щита къ лѣвому нижнему (таб. II, рис. 15).

4) *Зеленый* (Venus, émeraud, sinople) узнается по діагональнымъ чертамъ, проведеннымъ отъ верхняго лѣваго угла щита къ правому нижнему (таб. II, рис. 14).

и 5) *Черный* (Saturne, diamant, sable) обозначается чертами, пересѣкающимися подъ прямыми углами (таб. II, рис. 16).

Къ этимъ пяти, обще принятымъ цвѣтамъ Англичане прибавили еще два цвѣта: *оранжевый* (l'orangée) и *кровяный* (Sanguine). Первый изображается діагональными линіями, отъ лѣвой стороны щита къ правой проведенными и пересѣченными горизонтальными линіями, а второй линіями, пересѣкающимися діагонально.

Непонятныя для насъ нынѣ геральдическія названія цвѣтовъ обыкновенно производятъ, какъ увидимъ ниже, съ Востока, откуда, говорятъ, вмѣстѣ съ новыми гербами принесли ихъ крестоносцы.

Ученый Менстріе напротивъ думаетъ, что Геральдика обязана ими Маврамъ, которые въ слѣдствіе запрещенія корана употреблять изображенія фигуръ, должны были прибѣгнуть къ различію красокъ [1]. Во всякомъ случаѣ идея цвѣтовъ и число ихъ совершенно соотвѣтствуетъ состоянію химіи и физики въ XI столѣтіи. Точно такъ, какъ тогда допускали въ природѣ четыре только стихіи: воду, землю, воздухъ и огонь, и имъ приписывали четыре основныхъ качества: теплоты, холода, влажности и сухости, такъ допускали четыре только цвѣта:

---

(1) *Menestrier* Traité des tournois, joustes, carroussels et autres spectacles publics. Lyo. 1669. p. 227. 228.

черный, бѣлый, голубой и красный, и вотъ въ какомъ отношеніи цвѣта находились въ стихіамъ. Черный соотвѣтствовалъ землѣ и холоду; бѣлый—водѣ, влажности; голубой—воздуху, сухости, и красной—огню, теплотѣ[1]. Кромѣ этого химическаго значенія, цвѣта имѣли еще значеніе символическое, которое и осталось за ними до настоящаго времени: *золото* означаетъ богатство, силу, вѣрность, чистоту, постоянство; *серебро:*—невинность, бѣлизну, дѣвственность; *голубой цвѣтъ*—величіе, красоту, ясность; *красный*—храбрость, мужество, неустрашимость; *зеленый*—надежду, изобиліе, свободу; *черный*—скромность, образованность, печаль, и *пурпуровый*—достоинство, силу, могущество.

§ 13.

Первоначальные гербы отличаются своею простотою и несложностью: какая нибудь фигура на щитѣ служила достаточнымъ для витязя отличіемъ. Этому обстоятельству вѣроятно обязано своимъ происхожденіемъ правило, которое принимается за начало геральдики: не должно помѣщать краску на краску и металлъ на металлъ; но если бы случилось отступленіе отъ этого начала, то необходимо изслѣдовать (enquérir) причину, всегда уважительную, нарушенія правила. Поэтому, подобные гербы называются armes à enquérre. Блестящій примѣръ этого рода гербовъ представляетъ гербъ Готфрида Бульонскаго: когда на Востокѣ было основано новое государство, для котораго надобно было сочинить гербъ, долженствовавшій принадлежать и Готфриду, собравшіеся Бароны дали ему серебреный щитъ съ золотымъ кре-

(1) *Petra Sancta* Tesserae gentilitiae. 1637 p. 25—28 sq.

стомъ, окруженнымъ четырьмя золотыми же крестиками, и отступленіе сдѣлано для того, чтобы отдаленное потомство добивалось до причины, по которой даны ему armes à enquèrre (¹).

§ 14.

Мѣховъ, причисляемыхъ къ геральдическимъ цвѣтамъ, два: 1) *горностаевый* (hermine) и 2) *бѣличій* (le vair). Для перваго принято слѣдующее изображеніе: въ серебреномъ полѣ черныя мушки, оканчивающіяся тремя хвостиками; а второй состоитъ изъ шкурокъ бѣлыхъ и голубыхъ, расположенныхъ попеременно (табл. II, рис. 17, 18).

Горностай удостоился такой почести, потому что служитъ символомъ чистоты. «Маленькій этотъ звѣрокъ», говоритъ о немъ одинъ древній писатель о геральдикѣ, «до того чистоплотенъ, что лучше дастъ себя поймать, чѣмъ перейдетъ чрезъ мокрое или нечистое мѣсто, чтобы не замарать своего хорошенькаго мѣха». Названіе le vair, бѣличій мѣхъ, происходитъ отъ того, что составляется изъ кусочковъ разныхъ мѣховъ (de variis coloribus).

§ 15.

Фигуры.

На щитѣ, выкрашенномъ избранною рыцаремъ краскою, онъ помѣщалъ какое либо изображеніе, которое должно было отличать его щитъ отъ другихъ. Фигуръ этихъ было безчисленное множество и напрасно было бы исчислять ихъ потому, что геральдика всякой страны

(¹) *Menestrier* l'origine et l'art du blason, p. 92 et 93.

можетъ создавать свои собственныя эмблеммы. Тѣмъ настоятельнѣе становится потребность подвести все ихъ разнообразіе подъ извѣстныя нормы и показать ихъ различія: 1) по лицамъ, которымъ они принадлежали или къ которымъ переходили, и 2) по источникамъ, изъ которыхъ эмблеммы заимствовались.

Общее правило, въ сущности ненарушимое, состоитъ въ томъ, что фигура, эмблемма, разъ усвоенная гербу извѣстнаго лица или извѣстной фамиліи и за нимъ утвержденная, не можетъ произвольно подлежать ни какому измѣненію: ни одна въ немъ черта не можетъ быть ни прибавлена, ни убавлена, безъ нарушенія цѣлости герба; но тѣмъ не менѣе есть обстоятельства, по которымъ щитъ или украшается новою эмблеммою или лишается какого нибудь аттрибута, прежде на немъ бывшаго.

Западная геральдика признаетъ въ этомъ отношеніи девять разрядовъ гербовъ: 1) гербы коронованныхъ главъ (armoiries de la souverainité), составляющіе вмѣстѣ съ тѣмъ гербы тѣхъ государствъ, которыя лицами этими управляются; 2) къ гербамъ своихъ областей Государи прибавляютъ нерѣдко гербы тѣхъ странъ, на которыя они имѣютъ притязанія, которыми предки ихъ владѣли, и отъ которыхъ, даже и тогда, когда онѣ отторгнуты, не отказались еще вполнѣ (armoiries de prétention); 3) въ награду за подвиги, за особенныя заслуги лицу, отличившемуся на какомъ нибудь поприщѣ, Государь даруетъ свой гербъ (какъ бы награждаетъ своимъ щитомъ) или къ прежнимъ эмблеммамъ, въ гербѣ бывшимъ, прибавляетъ новыя почетныя. Этою уступкою (armoiries de concession) объясняется, почему въ гербахъ многихъ знатныхъ французскихъ фамилій видимъ лиліи, а въ русскихъ государственнаго орла; 4) гербы разныхъ установленій

Западной Европы: архіепископствъ, епископствъ, капитуловъ, университетовъ, обществъ, компаній и корпорацій (armes de communauté); 5) должностныя лица, управлявшія областями, рыцарскими замками и т.п., прибавляли къ фамильнымъ своимъ гербамъ различныя эмблемы, какъ знакъ своего преимущества, своихъ правъ и достоинствъ (armes de patronage); 6) фамильные гербы, переходящіе въ родъ по наслѣдству, служатъ для отличія одного дома, одной фамиліи отъ другихъ (arm. de famille); 7) для означенія родственныхъ связей, въ которыя одна фамилія чрезъ бракъ или другимъ путемъ приходитъ съ инымъ родомъ, въ главный гербъ вставляются прибавочные аттрибуты (arm. d'alliance); 8) кромѣ однако перехода герба по прямой линіи наслѣдства, гербы могутъ быть присвоены лицу, или совершенно чужому, или неимѣющему правъ прямаго наслѣдства, и притомъ переходятъ къ такимъ лицамъ или вполнѣ или соединяются съ ихъ первоначальнымъ гербомъ (armes de succession). Разрѣшеніе на это Верховной Власти считалось всегда необходимымъ; и 9) лица, возведенныя въ дворянство за заслуги, не имѣя герба наслѣдственнаго, избираютъ для себя эмблемы, которыя обыкновенно напоминаютъ тотъ родъ дѣятельности, то занятіе, которымъ они стяжали себѣ это отличіе (arm. de choix). Этого рода гербы по большей части такъ ясны, что по нимъ можно читать исторію лица и его фамиліи (armes parlantes).

Къ какому бы изъ означенныхъ разрядовъ гербъ ни принадлежалъ, онъ можетъ быть или *полный* (armoirie pleine) или видоизмѣненный (brisée). Вполнѣ, безъ прибавки и убавки, гербъ переходилъ къ старшему въ родѣ, и въ этомъ видѣ сохранялся всегда въ старшемъ поколѣніи, а видоизмѣненія въ фигурахъ, краскахъ, озна-

чаютъ гербы младшихъ членовъ рода, равно какъ незаконнорожденныхъ, наконецъ лицъ, обезславившихъ себя поступками неблагородными (arm. diffamée). Чтобы показать ту тѣсную связь, которая существовала въ Западной Европѣ среднихъ вѣковъ между жизнью рыцаря и его щитомъ, мы приведемъ описаніе того наказанія, которому рыцарь подвергался за преступленія. Онъ клялся при возведеніи въ этотъ санъ хранить честь, быть вѣрнымъ своему призванію, исполнять святыя велѣнія слова Божія. Велико поэтому было уваженіе къ лицу, это званіе носившему; не но меньше съ другой стороны была та кара, которая ожидала рыцаря, неоправдавшаго общаго къ нему довѣрія. Какъ честь рыцаря отражалась на его щитѣ—вѣрномъ спутникѣ его подвиговъ, такъ щитъ же свидѣтельствовалъ объ утратѣ чести. Провинившагося рыцаря взводили на эшафотъ, гдѣ въ его глазахъ ломали его доспѣхи; щитъ, съ котораго стирали гербъ, привязывали къ хвосту кобылы и влачили по городу, и герольдъ осыпалъ неблагороднаго рыцаря обвиненіями и оскорбленіями. Послѣ погребальной службы, духовенство произносило проклятія 108 псалма, три раза спрашивали имя разжалованнаго, три раза герольдъ отвѣчалъ, что имя обезславившаго себя человѣка ему неизвѣстно. Послѣ того выливали этому несчастному на голову чашу теплой воды, сводили его за веревку съ эшафота, клали на носилки, переносили въ церковь подъ покровомъ и священники отпѣвали его, какъ бы умершаго. Такъ церковь, благословляя витязя на подвиги чести, наказывала и кляла его за то, что онъ не исполнилъ даннаго имъ торжественно обѣта; а у щита отнималось лучшее его украшеніе—эмблемма доблести.

За проступки, менѣе важные, щитъ и фигуры лишались

только своей полноты и красоты; такъ у рыцаря, который оказывался трусомъ, срѣзывали правый уголъ щита, а у того, кто бы убилъ военноплѣннаго, укорачивали щитъ въ ногахъ. Примѣты эти выразительны и страшны, ибо были общеизвѣстны. Подобно тому и фигуры, будучи помѣщены въ щитѣ такъ или иначе, могли имѣть совсѣмъ иной смыслъ, другое значеніе, и подвергаясь ничтожному повидимому измѣненію, прямо свидѣтельствовали о винѣ лица. Между убавкою въ гербѣ и проступкомъ того, чей гербъ подвергался видоизмѣненію, было соотвѣтствіе; напр. Людовикъ Святой повелѣлъ, чтобы Жанъ д' Авенъ, оскорбившій свою мать, сохраняя въ гербѣ изображеніе льва, впредь носилъ его безъ высунутаго языка и когтей, какъ оказавшійся недостойнымъ пользоваться этимъ отличіемъ.

Все то, что уже было сказано о щитѣ, его дѣленіяхъ, краскѣ, преемственности эмблемъ, показываетъ, въ какомъ соотвѣтствіи всякая малѣйшая черта въ гербѣ находится съ дѣйствительною жизнью рыцаря. Не можемъ не привесть при этомъ слѣдующаго отрывка изъ Пиндарической оды древняго французскаго поэта Сенъ-Мартъ:

De là sont venus les escus,
Les armes qu' ores on voit peintes,
Armes qui jadis furent teintes
Dans le sang des premiers vaincus;
De là les crys et les devises,
Le metail avec les couleurs,
Dont, curieux en mille guises,
Ils ont *blasonné* leurs valeurs.

§ 16.

Раздѣленіе фигуръ.

Что касается до различія фигуръ, на щитѣ герба помѣщаемыхъ, то онѣ дѣлятся на слѣдующіе разряды: 1) фигуры *геральдическія* (les heraldiques), получившія это наименованіе отъ того, что собственно въ природѣ не существуютъ и изобрѣтены самою геральдикою, тогда какъ другія фигуры, будучи заимствованы изъ дѣйствительнаго міра видимаго или невидимаго, получили отъ науки только форму, окончательную отдѣлку геральдическую, болѣе или менѣе близкую къ природѣ; 2) фигуры естественныя, изъ природы видимой (людей, животныхъ, стихій) или невидимой (ангеловъ) заимствованныя (figures naturelles); 3) фигуры воображаемыя, которыхъ существованіемъ геральдика обязана воображенію человѣка (fig. chimeriques), и 4) фигуры искусственныя, заимствованныя изъ области художествъ, искусствъ и ремеслъ (fig. artificielles). Всѣ эти виды эмблеммъ не чужды нашей геральдики, и такъ какъ они обнимаютъ все множество фигуръ, въ гербахъ употребляемыхъ, то необходимо остановиться на нихъ и сказать хотя нѣсколько общихъ замѣчаній о каждомъ изъ исчисленныхъ видовъ эмблеммъ.

§ 17.

I. Фигуры геральдическія.

Онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ изложенному выше раздѣленію щита, сообразно защищаемымъ имъ частямъ человѣческаго тѣла, и пересѣченію основныхъ

линій, которыя встрѣчаясь наподобіе ударовъ, принимаемыхъ на щитъ, образуютъ разныя фигуры. Вслѣдствіе того въ щитѣ можетъ быть покрыта краскою или *глава* его (le chef) ([1]), или средняя продольная полоса-*поясъ* (la fasce) ([2]), или наконецъ ноги (la champagne). Безъ прибавленія даже иныхъ эмблеммъ, аттрибутовъ, каждая такая часть щита уже составляетъ фигуру, которая и занимаетъ одну треть щита. Точно такъ и по поперечному дѣленію щита, его *разсѣченію*, образуется въ срединѣ его *столбъ* (le pal) ([3]), занимающій также треть щита вдоль, а при встрѣчѣ двухъ полосъ, разбивающихъ и разсѣкающихъ щитъ подъ прямымъ угломъ, *крестъ* (la croix) ([4]). Далѣе по діагональному раздѣленію щита образуются полосы *перевязь влѣво* (la bande), *перевязь вправо* (la barre) ([5]), умѣщающіяся на пятой части щита, при полномъ пересѣченіи ихъ *перекрестъ* или Андреевскій крестъ (le santoir) ([6]), а при встрѣчѣ подъ угломъ—*шевронъ* или *стропило* (le chevron) ([7]). Повторяемъ, что при описаніи этихъ фигуръ въ каждомъ гербѣ необходимо обращать, на какомъ полѣ какого цвѣта идетъ дорожка, и если на ней обозначены еще какія нибудь эмблеммы, то по опредѣленіи геральдической фигуры, должна быть въ подробности описываема та эмблемма, которою она *покрыта*, или если эмблеммъ на шлемѣ много, которыми она *усѣяна*.

---

(1) Таб. III, рис. 1.
(2) Тамъ же, рис. 2.
(3) Тамъ же, рис. 3.
(4) Тамъ же, рис. 4.
(5) Тамъ же, рис. 5. 6.
(6) Тамъ же, рис. 7.
(7) Тамъ же, рис. 8.

Кромѣ того могутъ быть обозначены краскою: одна верная четверть щита (le franc quartier) (¹), или треугольникъ, образуемый встрѣчающимися у центра линіями, разбивающею и діагональною (le giron) (²), равно какъ фигура въ родѣ пирамиды (la pile) (³), вершина которой касается верхней линіи щита, а основаніемъ упирается въ его конецъ. Иногда означенъ краскою бордюръ, идущій параллельно стѣнкамъ щита и притомъ или просто безъ всякихъ второстепенныхъ прикрасъ (l'orle) (⁴) или съ отдѣлкою изъ цвѣтковъ и лепестковъ лиліи (le trescheur ou essonier), и наконецъ фигура въ видѣ большаго французскаго игрекъ (le pairle) (⁵).

Какъ всѣ первоначальныя дѣленія щита наука объясняетъ вооруженіемъ и щитомъ рыцаря, такъ и для каждой изъ этихъ второстепенныхъ, болѣе сложныхъ геральдическихъ фигуръ отыскиваютъ основаніе въ томъ же источникѣ, а именно: на таб. III рис. 3 представляетъ копье рыцаря, рис. 5 и 6 его перевязь, рис. 2 шарфъ, рис. 4 и 7 мечъ, рис. 8 сапоги, и рис. 12 и 13 кольчугу и броню.—Сообразно этому объясненію сдѣлана попытка дать геральдическимъ фигурамъ и техническія названія.

S 18.

II. Фигуры естественныя.

Онѣ всего чаще встрѣчаются въ гербахъ. Западная геральдика въ вѣковомъ своемъ шествіи дала каждой изъ фигуръ этого разряда свое названіе, свою форму, усвои-

(¹) Тамъ же рис. 9.
(²) Тамъ же рис. 11.
(³) Тамъ же рис. 10.
(⁴) Тамъ же рис. 12.
(⁵) Тамъ же рис. 13. 14.

ла ей цвѣтъ, положеніе, и если фигуры эти и перешли въ наши (особенно новѣйшіе гербы), то не можемъ скрыть, что мы далеко отстали отъ западныхъ геральдиковъ въ технической терминологіи, у нихъ всегда краткой, условно ясной и всѣми общепринятоіі, у насъ же описательной. Только долговременная практика можетъ выработать и у насъ подобные термины; тѣмъ не менѣе, руководствуясь иностранными сочиненіями (*), мы позволимъ себѣ здѣсь изложить главныя положенія геральдики, не упуская впрочемъ изъ виду единственной для насъ цѣли говорить только о томъ, что̀ прямо или косвенно имѣетъ приложеніе къ отечественнымъ гербамъ.

§ 19.

Ангелы, человѣкъ.

Въ ряду естественныхъ фигуръ, въ гербѣ изображаемыхъ, первое мѣсто принадлежитъ *Ангеламъ* и *Херувимамъ*. Они представляются съ двумя, четырьмя и шестью крыльями; *человѣкъ* же изображается тѣлеснаго цвѣта, нагой, одѣтый, вооруженный, и т. п. Голова съ грудью, безъ рукъ, называется бюстомъ (buste); чернаго цвѣта—головою Мавра (tête maure). Голова можетъ быть въ коронѣ или повязкѣ (tortillée). Руки правая (dextrochère) и лѣвая (senestrochère), сложенныя накрестъ, служатъ выраженіемъ вѣрности (foi).

(*) Источникомъ для этой части нашего труда послужила приведенная выше книга Эйзенбаха стр. 136—156. Для сравненія мы прибавляемъ къ выраженіямъ русскимъ французскія, такъ какъ они самыя употребительныя и вообще геральдика французская самая воздѣланная.

§ 20.

Четвероногія животныя.

По правилу они должны быть обращены въ правую сторону, но если они смотрятъ влѣво, то называются *искривленными* (contournés). Самыя любимыя животныя, по символическому ихъ значенію въ гербахъ, *левъ* и *леопардъ*. Первый есть представитель силы, мужества и великодушія, а второй храбрости и отваги. Левъ такъ часто встрѣчается въ гербахъ, что для разныхъ его позъ придуманы особыя названія; но кромѣ того онъ различается и по цвѣту, которымъ окрашивается: есть львы красные, голубые, даже горностаеваго цвѣта, или двухъ цвѣтовъ. Обыкновенная геральдическая поза льва есть въ профиль, такъ что видны одно его ухо и одинъ глазъ. Онъ представляется стоящимъ на заднихъ лапахъ, а передними бросающимся вправо; окровавленный языкъ выходитъ изъ пасти, хвостъ же его поднятъ къ верху и концемъ упадаетъ на спину. Въ гербѣ левъ чаще бываетъ представленъ одинъ; но ихъ можетъ быть и два; если же число ихъ больше, то они называются *львенками* (lionceaux). Фигура леопарда отличается отъ льва тѣмъ, что видна вся его голова съ двумя глазами, что онъ представляется идущимъ, т. е. стоитъ на трехъ ногахъ, а четвертую заноситъ впередъ и что хвостъ его падаетъ не на спину, а напротивъ поднятъ къ верху и откинутъ. Поэтому, левъ, имѣющій одну изъ исчисленныхъ примѣтъ, леопарду принадлежащихъ, называется *леопардоподобнымъ львомъ* (lion leopardé); и на оборотъ леопардъ, заимствовавшій какія нибудь примѣты отъ льва, именуется *львуподобнымъ леопардомъ* (léopard lioné).

По другимъ примѣтамъ льву даются слѣдующія названія: *вооруженнаго* (armé), если его когти не того цвѣта, какимъ окрашенно все тѣло; *lampassé*, если высунутый языкъ отличается своимъ кровавымъ цвѣтомъ; *коронованнаго* (couronné), если на головѣ у льва корона, обыкновенно зубчатая; *смирнаго* (morné), если онъ безъ зубовъ, безъ когтей и безъ высунутаго языка; *безхвостаго* (diffamé) или съ *хвостомъ дракона* (dragonné), если нижняя часть тѣла льва оканчивается хвостомъ дракона.

Рождающимся (naissant) называется левъ тогда, когда бываетъ видна только верхняя половина его тѣла, а прочее скрадено, какъ будто бы его и не существовало; но когда въ верхней части щита видны его голова, плечи, концы переднихъ лапъ и хвостъ, то левъ называется *выходящимъ* (issant).

Тѣ же выраженія, по изложеннымъ примѣтамъ, находятъ себѣ примѣненіе къ изображеніямъ другихъ животныхъ; нѣкоторыя только изъятія изъ этого правила объясняются самымъ характеромъ и жизнью звѣрей.

Конь, совмѣщающій въ себѣ свойства нѣсколькихъ животныхъ: храбрость льва, зрѣніе орла, силу вола, быстроту оленя, ловкость лисицы, въ гербѣ представляется всегда въ профиль. Эмблеммѣ этой придаются по разнымъ положеніямъ слѣдующія названія: лошадь называется *дикою* (gai), если она безъ узды; *взнузданною* (bridé), *осѣдланною* (sellé), покрытою *латами* (bardé), *попоною* (caparaçonné); причемъ въ точности означается какого цвѣта украшеніе, сбруя или покровъ лошади. Далѣе конь предполагается разсерженнымъ, *бѣшеннымъ* (effaré, cabré), когда поднялся надыбы, и только *играющимъ* (animé), когда цвѣтъ глазъ отличенъ отъ цвѣта всего тѣла.

Изъ породы *собакъ* въ гербахъ встрѣчаются однѣ борзыя и служатъ символомъ вѣрности, преданности и повиновенія; онѣ почитаются молодыми (levrons), если безъ ошейника (съ нимъ называются accolés).

Кошка есть символъ независимости и представляется въ профиль и впрямь. Она называется *напуганною* (effarouché), если ползаетъ и *ощетинившеюся* (herissoné) въ такомъ случаѣ, когда средина и хвостъ подняты выше головы.

Волкъ есть символъ злости, прожорливости, жадности и называется *хищнымъ* (ravissant), если держитъ добычу, и *разъяренныхъ* (allumé), если его глаза отличены особою отъ всего тѣла краскою.

Медвѣдь за то, что онъ предвидитъ погоду, умѣетъ во время скрыться въ берлогу, гдѣ готовитъ себѣ логовище, считается символомъ предусмотрительности и почитается *проходящимъ* (passant), если идетъ, и *поднявшимся* (levé), когда стоитъ на заднихъ лапахъ.

Волъ представляется взбѣшеннымъ (furieux), если стоитъ на заднихъ ногахъ, идущимъ (rampant), когда изображенъ въ профиль, съ хвостомъ, падающимъ на спину.

Корова изображается не иначе, какъ идущею, и называется *увѣнчанною* (couronnée), если у нея на головѣ корона, съ *колокольчикомъ* (clarinnée) если онъ у нея виситъ на шеѣ, *рогатою* (accornée) и съ *копытами* (onglée), если эти части ея тѣла отличаются цвѣтомъ отъ всего туловища.

Быкъ есть символъ плодородія земли.

Овца изображаетъ собою кротость и сельскую жизнь.

Козелъ отличается въ гербѣ рогами, загнутыми спирально, изображается въ профиль, идущимъ и служитъ символомъ весны, потому что въ знакахъ зодіака овенъ соотвѣтствуетъ Марту мѣсяцу.

Агнецъ, эмблемма доброты, называется *пасхальнымъ* (agneau pascal), если держитъ хоругвь съ изображеніемъ креста.

Единорогъ, символъ чистоты и непорочности, часто встрѣчается на щитахъ гербовъ. Онъ по фигурѣ своей сходенъ съ лошадью и отличается отъ нея рогомъ, которымъ вооружена его голова, и бородкою. Единорогъ называется прислонившимся (acculé), когда онъ стоитъ прямо съ поднятыми передними ногами, и въ оборонительномъ положеніи (en defense), когда хочетъ какъ бы защититься своимъ рогомъ.

Олень, по увѣренію натуралистовъ, запахомъ своимъ прогоняетъ змѣю, и потому служитъ эмблеммою воина, предъ которымъ бѣжитъ непріятель. Если рога оленя, который всегда изображается въ профиль, идущимъ, бѣгущимъ или лежащимъ, означены особою отъ всего тѣла краскою, то это означается при описаніи герба.

Лань, символъ робости, изображается также въ профиль.

Наконецъ *кабанъ*, *вепрь*, эмблемма мужества и неустрашимости, всегда цвѣта чернаго и въ профиль. Иногда представляется одна *кабанья голова* (la hure); причемъ необходимо обозначать цвѣтъ глазъ а краску, которою отличены зубы кабана (les defenses).

Въ этомъ перечнѣ исчислены далеко не всѣ четвероногія, находящія себѣ мѣсто на щитахъ гербовъ, но эмблеммы другихъ звѣрей встрѣчаются рѣже и значеніе ихъ яснѣе.

§ 21.

Пернатыя.

Изъ птицъ всего чаще встрѣчается въ гербахъ изображеніе *орла*, символа власти, господства и вмѣстѣ съ

тѣмъ великодушія и прозорливости. Царь птицъ представляется обыкновенно летящимъ грудью впередъ, а крылья его или подняты въ верхъ или паритъ (au vol abaissé). Онъ бываетъ или объ одной головѣ или двуглавый. Константинъ Святой первый сталъ употреблять двуглаваго орла, чтобы показать, что Имперія, хотя и раздѣлившаяся, тѣмъ не менѣе образуетъ одно тѣло. Вслѣдствіе того двуглавый орелъ, цвѣтомъ черный, носитъ названіе Императорскаго.

Если языкъ у орла, его ноги и когти означены особою краскою въ отличіе отъ всего тѣла, то признаки эти опредѣляются всякій разъ при описаніи герба (langué, membré et armé). Если же вокругъ его головы есть кружокъ, то онъ называется въ діадемѣ (diademedé). Въ одномъ щитѣ можетъ быть два орла, (aiglettes), а если они безъ носу и безъ ногъ, то называются орленками (alerions).

Утки изображаются въ профиль (canettes), а безъ клёва и ногъ (дикія въ особенности утки) называются *merlettes*.

Воронъ, символъ долголѣтія и предусмотрительности, рисуется чернымъ.

Пѣтухъ, самая бойкая изъ всѣхъ птицъ (оттого Галлы приняли этотъ символъ и носили его на оружіи и знаменахъ), служитъ символомъ борьбы и боя. При изображеніи его въ гербѣ могутъ быть отмѣчены особою (въ отличіе отъ остальнаго тѣла) краскою его гребешокъ и бородка (creté et barbé), открытый клёвъ, какъ будто бы пѣтухъ поетъ (chantant) и почитается готовымъ вступить въ бой (hardi), если нога у него поднята.

Цапля есть эмблемма бдительности, пугливости и трусости.

Павлинъ, эмблемма тщеславія, принимался въ гербъ какъ знакъ побѣды надъ врагомъ тщеславымъ и гордымъ. Птица эта отличается своимъ хохолкомъ на головѣ и длиннымъ хвостомъ, который или можетъ быть распущенъ (rouant) и тогда павлинъ изображается впрямь; а когда хвостъ сложенъ, то эмблемма эта рисуется въ профиль.

Фениксъ, который, по преданію, возраждается изъ огня, сгорая въ немъ, служитъ символомъ безсмертія.

Пеликанъ, кормящій птенцовъ своихъ собственною своею кровью, означаетъ любовь родителей къ дѣтямъ, равно какъ попеченіе Государя о подвластныхъ ему народахъ.

Журавль изображается съ камнемъ въ одной лапѣ и служитъ эмблеммою бдительности: онъ стоитъ какъ бы на сторожѣ и охраняетъ все стадо отъ нападенія со стороны непріятеля.

Кромѣ исчисленныхъ птицъ, на щитахъ въ гербѣ находятъ себѣ мѣсто, хотя и рѣже, и иныя пернатыя. Онѣ окрашиваются или натуральнымъ своимъ цвѣтомъ или другою краскою по выбору владѣльца герба; такъ орелъ бываетъ и бѣлый и золотой и красный, что всякій разъ должно быть означено подробно.

Вмѣсто птицъ, могутъ быть помѣщаемы въ гербахъ одни только крылья ихъ, и притомъ или оба (vol) или одно (demivol) съ плечомъ и ногою.

§ 22.

Рыбы, насѣкомыя, пресмыкающіяся.

Чаще другихъ рыбъ употребляется *дельфинъ*, эмблемма силы. Глаза у него могутъ быть освѣщены особою

враскою (allumé), равно какъ плавательныя перья и хвостъ отличаться отъ всего тѣла (loré, peautré), или же во всѣхъ частяхъ дельфинъ можетъ быть одного цвѣта, безъ глазъ и зубовъ, съ открытымъ ртомъ и какъ бы издыхающимъ (pâmé). Напротивъ, если его голова и хвостъ склоняются къ основанію щита, дельфина считаютъ *лежащимъ* (couché), и *играющимъ* (vif), если рыба эта представлена въ профиль, изгибается полукругомъ и обращается вправо хвостомъ и головою.

Насѣкомыя изображаются или идущими, ползущими (passants) или летающими (volants), цвѣтомъ своимъ приближаются къ натуральному и имѣютъ геральдическое значеніе, заимствованное изъ ихъ качествъ и примѣтъ.

Пчела и муравей служатъ эмблеммою трудолюбія и покорности

Бабочка есть символъ вѣтренности, непостоянства, и помѣщеніе въ гербѣ этого насѣкомаго означаетъ, что владѣтель его побѣдилъ врага, отличавшагося такими недостатками. Если на крыльяхъ бабочки означены цвѣтные кружки, то она носитъ названіе *разрисованной* (papillon miraillé).

Змѣя полагается въ гербѣ и вдоль и поперегъ, нерѣдко изображается держащею хвостъ во рту, символъ вѣчности.

Прочія насѣкомыя и пресмыкающіяся, хотя и употребляются въ гербахъ, не имѣютъ особенныхъ аттрибутовъ.

S 23.

Растенія.

Деревья часто находятъ себѣ мѣсто въ гербахъ, и каждое изъ нихъ отличается нѣкоторыми примѣтами,

и не смѣшивается съ другими, имѣя свое символическое значеніе; но по формѣ, въ какой деревья изображаются, они бываютъ или *вырванные* (arrachés), если видны корни дерева, *безъ листьевъ* (effeuillés) и *безъ вѣтвей* (accotés).

Дубъ, бывшій въ большомъ уваженіи у древнихъ, какъ символъ крѣпости и силы, отличается по жолудамъ и называется съ плодами (fruité), если жолуди обозначены особымъ цвѣтомъ въ отличіе отъ листьевъ и ствола дерева.

Оливковое дерево, символъ мира, отличается остроконечными листьями и своимъ плодомъ.

Сосна узнается въ гербахъ по прямому своему стволу, расходящимся вѣтвямъ, равно какъ по растущимъ на ней шишкамъ (pommes de pin). Древніе употребляли это дерево для костровъ при жертвоприношеніяхъ.

Дикое вишневое дерево (le crequier) изображается наподобіе седьмисвѣщника.

Пальма, символъ долговѣчности, узнается по развѣсистымъ листьямъ.

Не чужды гербовъ цвѣты, травы, колосья, плоды. Изъ цвѣтовъ чаще встрѣчаются въ гербахъ розы, лиліи [1], трилистникъ, верескъ и т. д. Стволъ и лепестки цвѣтка могутъ быть окрашены и иною краскою въ отличіе отъ другихъ частей его (tigé et pétalé).

---

(1) Не можемъ не привести здѣсь заимствованнаго изъ объясненія герба Храповицкихъ свидѣтельства означенія, лиліи придаваемомъ: «она почитается особливо за знакъ добрыя надежды и непорочнаго житія, и похожъ цвѣтокъ сей не только по внѣшнему своему виду, чистый и нарядный цвѣтъ; но и по внутреннему своему свойству пріятный запахъ, нѣкоторую полезную силу имѣетъ, того ради и тѣ, которые употребляютъ лиліи въ своихъ гербахъ, имѣютъ быть добрыхъ, справедливыхъ и честныхъ.» (Сборникъ Рэутъ. Т. III. 1854).

§ 24.

Звѣзды, планеты и стихіи.

Міръ изображается въ видѣ шара, въ который водруженъ крестъ.

Солнце, символъ свѣта, богатства и изобилія, означается золотомъ, и если оно другаго цвѣта, то почитается только *тѣнью солнца* (ombre du soleil). Изображается солнце въ видѣ человѣческаго лица, окруженнаго лучистымъ сіяніемъ, но въ случаѣ недостатка послѣдняго признака, оно называется *въ затмѣніи*.

Луна (le croissant), обыкновенно цвѣта бѣлаго, изображается безъ лица, а если оно есть, то должно быть обозначено. Рога луны могутъ быть обращены къ верху или къ правому краю щита (tourné), или къ лѣвой его сторонѣ (contourné), или къ низу (versé). Если два полумѣсяца помѣщены въ одномъ щитѣ, то они примыкаютъ одинъ къ другому или спиною (adossés) или встрѣчаются рогами (affrontés).

Звѣзды очень часто употребляются въ гербахъ и отличаются по числу образующихъ ихъ угловъ и цвѣту, которымъ обозначены. Онъ можетъ быть даже и черный. Числомъ можетъ быть звѣдъ въ гербѣ или одна или двѣ и болѣе. Онѣ служатъ символомъ ночи и вѣчности.

Комета изобрaжается обыкновенно съ хвостомъ (caudée), т. е. со свѣтлымъ слѣдомъ.

Облака отличаются своимъ волнистымъ, прозрачнымъ изображеніемъ, принимаютъ самыя разнообразныя положенія и притомъ бываютъ одни безъ другихъ аттрибутовъ или же съ иными примѣтами, напр. рукою, часто вооруженною, изъ облаковъ выходящею.

Огонь изображается въ видѣ пламени, факловъ, горящихъ угольевъ и костровъ.

Вода представляется въ видѣ рѣкъ, источниковъ и волнъ.

Земля помѣщается въ гербахъ въ видѣ горъ, холмовъ и утёсовъ. Чаще изображается одна только вершина горы *l (он; ваи).*

Этимъ мы оканчиваемъ второй разрядъ фигуръ, которыя, бывъ заимствованы изъ природы видимой или невидимой и получивъ значеніе символическое, находятъ себѣ мѣсто въ гербахъ. Необходимо знать, какъ изображается каждый изъ этихъ предметовъ, потому что хотя они и заимствованы изъ міра, дѣйствительно существующаго, это нисколько не значитъ, чтобы изображеніе ихъ совпадало съ дѣйствительностью, а отступать отъ разъ принятыхъ формъ, цѣлыя вѣка существующихъ и всѣмъ міромъ усвоенныхъ, нельзя. Считаемъ лишнимъ повторять, что исчислены здѣсь далеко не всѣ фигуры: иныя совершенно ясны, другія употребляются рѣдко, а третьи наконецъ сложны и могутъ видоизмѣняться до безконечности (напр. всадникъ на конѣ).

§ 25.

III. Фигуры воображаемыя.

Онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ воображенію поэтовъ и художниковъ, которые, желая изобразить какой нибудь символъ и не находя для того приличнаго выраженія въ природѣ, или придаютъ предметамъ существующимъ такую форму и такія примѣты, которыя имъ не принадлежатъ, или выдумываютъ существа небывалыя. Главнѣйшія изъ такихъ фигуръ здѣсь исчислены.

Для изображенія порока и страстей порочныхъ, поэты

придумали *гарпію*, принятую Геральдикою и представляемую въ слѣдующемъ видѣ: голова и грудь молодой дѣвушки, а остальная часть тѣла заимствована отъ орла, смотрящаго впрямъ и вьющаго распростертыя крылья. Если слѣдовать преданію и миѳу, то гарпіи имѣли: тѣло—коршуна, лице и грудь—старухи, руки—вооруженныя когтями.

Центавръ сохраняетъ миѳологическую форму: одна половина человѣчья, другая лошадиная.

Гидра есть видъ дракона; изображается въ профиль съ семью головами, изъ которыхъ низшая виситъ на одномъ волоснѣ. Поэты представляли гидру седмиглавою и говорили, что по мѣрѣ того, какъ отрубаютъ одну голову, выростаетъ другая. Пораженіе этого чудовища было, говорятъ, самымъ славнымъ подвигомъ Геркулеса; посему на этотъ символъ въ гербахъ своихъ могли бы имѣть право только тѣ, которые отличились подвигами доблести, не смотря на многія и большія къ совершенію ихъ препятствія.

Грифъ, баснословное животное, вполовину орелъ, вполовину левъ: служитъ символомъ быстроты, соединенной съ силою. Древніе думали, что онъ хранитъ клады.

Драконъ, эмблемма нечистой силы, язычества, невѣжества, изображается въ профиль съ лапами грифа, на которыхъ онъ и покоится; языкъ его похожъ на жало, крылья у него такія же, какъ у летучей мыши, а туловище оканчивается рыбьимъ хвостомъ.

Сирена есть морское чудовище, вполовину дѣвица, вполовину рыба и держитъ въ правой рукѣ зеркало съ ручкою, а въ лѣвой гребень. По миѳу, сирены были дочери рѣки Ахелоя и музы Каліопы. Имена ихъ были: *Партенона*, *Лигея* и *Левкозія*, соотвѣтственно тремъ наслаж-

деніямъ: любви, музыкѣ и вину. Сирены рѣдко бываютъ эмблеммами въ гербахъ, но чаще употребляются какъ щитодержатели.

§ 26.

IV. Фигуры искусственныя.

Фигуры этого рода заимствуются Геральдикою изъ обыкновенной жизни, войны, охоты, изъ области наукъ, искусствъ и ремеслъ.

Нерѣдки въ гербахъ чаши, посохи, четки, кадила и т. п.

Четки образуютъ на Западѣ внѣшнее украшеніе гербовъ игуменій, Мальтійскихъ командоровъ, рыцарей и т. п. лицъ.

Посохъ, символъ духовной власти, святительства, служитъ вмѣстѣ съ митрою отличительнымъ признакомъ гербовъ епископовъ, архіепископовъ.

Мірская жизнь вноситъ въ Геральдику скипетры, коровы, драгоцѣнные камни, одежды, домашнюю утварь и др. предметы.

Изъ *быта военнаго* заимствованы и внесены въ Геральдику знамена, сабли, шпаги, кортики, копья, пики, аллебарды, шлемы, стрѣлы, колчаны, пушки, пули, панцыри, шпоры и др.

Охота сообщила гербамъ также нѣкоторыя эмблеммы: охотничьи рога, бичи, своры собакъ и др.

Мореплаваніе увеличило число геральдическихъ эмблеммъ, *кораблемъ*, который можетъ-быть *оснащенъ* (vaisseau *equipé ou habillé*) или *разснащенъ*, безъ парусовъ и

начть (arreté). Употребляются въ гербахъ нерѣдко части и принадлежности корабля: канаты, якори, древко отъ якоря, кабельтовы, стеньги и т. п.

Архитектура также не осталась чужда геральдики: изъ нея заимствованы *зáмки*, выстроенные изъ разныхъ матеріаловъ, чтò означается цвѣтомъ и кладкою камней, *башни съ башеньками* (les tours *donjonnées* ou *sommées*), со стѣнами, окнами, рѣшетками. Формою башни бываютъ круглыя, четыреугольныя и иного вида. Стѣны городскія и зàмковыя нерѣдко употребляются также въ гербахъ.

Изъ области наукъ и ремеслъ заимствованы орудія музыки и разныхъ работъ. Они отчасти распознаются по своему сходству и подобію съ изображаемыми предметами, отчасти по нѣкоторымъ условнымъ примѣтамъ; такъ напр. колеса отъ часокъ бываютъ зубчатыя и въ средину ихъ вставляется четыреугольникъ, тогда какъ колесо, употреблявшееся въ среднія вѣка для пытокъ и мученій, узнается по остроконечіямъ, которыми усѣянъ его ободокъ.

Въ гербахъ встрѣчаются также *ручныя бàбы (des hies)*, употребляемыя для мощенія улицъ; далѣе—колокола, барабаны, сѣдла, лѣстницы, котлы, ключи (символъ безопасности и покорности) и т. п.

Множество искусственныхъ фигуръ, переходившихъ на щиты рыцарей, объясняется до безконечности разнообразнымъ характеромъ тѣхъ заслугъ и подвиговъ, которые рыцарь увѣковѣчивалъ на своемъ щитѣ, и съ другой стороны различіемъ тѣхъ странъ и племенъ, къ которымъ принадлежали витязи; фигуры вмѣстѣ съ другими аттрибутами щита, должны были въ подробности свидѣтельствовать и объ этомъ (прил. 1).

§ 27.

Внѣшнія украшенія щита.

Какъ для рыцаря было недостаточно одного щита, такъ и гербъ, вѣрный сколокъ рыцарскаго вооруженія, требуетъ еще нѣкоторыхъ прибавленій и украшеній. Они суть:

1. Короны и шапки (couronnes et chapeaux);
2. Шлемы (les casques);
3. Буреле̃тъ (le bourelet);
4. Наметъ (les lambrequins);
5. Нашлемникъ (le cimier);
6. Щитодержатели (tenants ou supports);
7. Мантія (le manteau);
8. Снурки (la cordelière), и
9. Девизъ (la devise et le cri d'armes).

О каждой изъ этихъ принадлежностей герба, перешедшихъ и въ нашу геральдику, считаемъ себя обязанными сказать по нѣскольку словъ.

1) *Короны и шапки.* Короны служатъ признакомъ власти и разнятся между собою сообразно степенямъ ея.

Тіара, какъ двойная эмблемма власти Папы, духовной и свѣтской, есть *первая* въ ряду коронъ Государей Западной Европы. Она состоитъ изъ трехъ коронъ простыхъ, соединенныхъ между собою скругляющеюся къ верху линіею, на которой въ вершинѣ укрѣплено яблоко съ серебрянымъ крестомъ. Сзади щита лежатъ крестообразно два ключа: одинъ серебряный, другой золотой, связанные между собою голубою съ крестами лентою (табл. X, рис. 7). На этомъ гербѣ нѣтъ мантіи и подлѣ него не видно щитодержателей, потому что это гербъ не рыцарскій. Тройственность короны въ

тіарѣ папской объясняется тройственностью власти Папы надъ Католическою Церковью, гонимою, борющеюся и побѣждающею; а ключи служатъ символъ тѣхъ ключей, которые Спаситель обѣщалъ Апостолу Петру.

У Императоровъ, Королей, Маркизовъ, Графовъ и Бароновъ были у каждаго свои особенныя короны, которыя видомъ своимъ или приближались къ дѣйствительно существовавшимъ, или же разъ, принявъ условную форму, не измѣнялись и отчасти перешли къ намъ. У духовныхъ лицъ Западной Церкви гербы украшались шапками, которыя дѣйствительно носились лицами извѣстнаго въ Католической Іерархіи сана.

2) *Шлемы*. На древнихъ гербахъ, точныхъ снимкахъ рыцарскаго вооруженія, шлемы всегда изображались въ профиль (табл. I); но съ XV вѣка ихъ стали представлять прямо.

Шлемы витязей различныхъ разрядовъ носили слѣдующія отличительныя примѣты:

а) Каска Императора и Королей была золотая, открытая лицевою стороною и безъ рѣшетки (табл. II, рис. 1). Богатство украшеній и насѣчки не могло не отличать этого рода шлемовъ.

б) У Принцевъ крови и Герцоговъ шлемъ серебряный, открытый (рис. 2).

в) У Маркизовъ тоже, но со спущенною рѣшеткою (рис. 3).

г) У Графовъ шлемъ изъ серебра, обращенный въ три четверти и съ девятью *рѣшетинами* (1) (рис. 4).

---

(1) Слово *рѣшетина* введено нами не произвольно, но въ такомъ же значеніи употреблялось оно и прежде; напр. въ составленномъ въ 1745 г. описаніи лейбъ-кампанскаго герба Храповицкихъ (въ 3 ч. Раута, Сборника, изд. Сушковымъ, въ Москвѣ 1854 г.).

д) У Бароновъ шлемъ сдѣланъ изъ полированнаго серебра, обращенъ въ три четверти и съ семью рѣшетинами (рис. 5).

е) Дворянскій шлемъ, изъ полированной стали, обращенъ въ профиль съ четырьмя рѣшетинами (рис. 6).

ж) Шлемъ жалованныхъ дворянъ—изъ того же металла, обращенъ въ право и въ профиль, съ забраломъ почти опущеннымъ (рис. 7); наконецъ

з) Гербы лицъ, рожденныхъ отъ неосвященныхъ союзовъ, имѣютъ шлемъ, сдѣланный изъ того же металла; но онъ обращенъ влѣво, и если ставится прямо, то со спущеннымъ забраломъ (рис. 8, 9).

3) *Бурелетъ* есть жгутикъ изъ ткани, набитый шерстью и полагаемый на шлемъ (рис. 10). Онъ былъ окрашиваемъ тѣми же красками, какъ и щитъ, и въ гербахъ простыхъ дворянъ назывался *fresque*, *torque*, *tortil*.

4) *Наметъ на шлемъ*. Во времена рыцарства шлемъ покрывался иногда особенною тканью или для того, чтобы предохранить его отъ вліянія непогоды и сырагo воздуха, или чтобы онъ не раскалялся слишкомъ отъ палящихъ лучей солнца. Въ битвахъ и на турнирахъ покровы эти подвергались ударамъ и разсѣкались въ лоскутки (lambeaux, отсюда lambrequins). Нерѣдко также въ знакъ побѣды шлемы обвивались древесными вѣтвями. Наконецъ и избранная рыцаремъ дама не забывала украшать каску своего рыцаря любимымъ цвѣтомъ и лентами. Сообразно происхожденію и виду, который имѣютъ въ гербѣ эти лоскутки, изрѣзанные въ листья, окрашенные въ цвѣта щита и ниспадающіе съ обѣихъ сторонъ его, украшенія эти носятъ различныя названія. Они именуются volets, если ткань изрѣзана и представляется летящею по вѣтру; capeline, когда она

имѣютъ видъ капюшона; mantelet, когда блякн къ формѣ плаща, и bachemets, въ томъ случаѣ, когда обрывки эти имѣютъ видъ лентъ, украшающихъ каску.

5) *Нашлемникъ*. Онъ составляетъ верхнюю часть шлема и отъ такого положенія называется cimier (отъ cime, вершина). У древнихъ народовъ, равно какъ и у рыцарей, на шлемахъ возвышалась нерѣдко разныя фигуры или для отличія или для того, чтобы воину казаться выше. Для сего выбирались изображенія животныхъ, цвѣтовъ, перьевъ и т. п.; нерѣдко въ гербахъ на шлемахъ повторяется часть фигуръ, въ щитѣ изображенныхъ (табл. 1).

6) *Щитодержатели*. Это фигуры людей, звѣрей или даже существъ вымышленныхъ, которыя съ одной, и чаще съ двухъ сторонъ поддерживаютъ щитъ. Хотя эта часть герба и не необходима, тѣмъ не менѣе она встрѣчается въ большей части древнихъ гербовъ, а происхожденіе ея объясняется тѣмъ, что во времена рыцарства всѣ желавшіе участвовать въ турнирѣ должны были вывѣшивать свои щиты на показъ для того, чтобы всякій, вступающій въ состязаніе, зналъ, что онъ будетъ имѣть дѣло съ дѣйствительно благороднымъ по происхожденію человѣкомъ. Выставленные для этой-то цѣли щиты охранялись оруженосцами или людьми, переодѣтыми во львовъ, сиренъ, грифовъ, борзыхъ собакъ или въ существа фантастическія.

7) *Мантіи* составляли первоначально принадлежность гербовъ коронованныхъ только главъ, а позднѣе усвоены Принцамъ, Князьямъ и Дюкамъ, которые помѣщаютъ свои щиты подъ богато вышитымъ и украшеннымъ бахрамою павильономъ. Обычай этотъ объясняется тѣмъ, что на турнирахъ рыцарь для того, чтобы удобнѣе было ждать очереди вступленія въ бой, воздвигалъ

себѣ палатку, подъ которую и помѣщалъ свое оружіе. Оттого мантія и изображается въ видѣ палатки, изъ-подъ короны спускающейся. Вотъ образчикъ того, какъ въ гербахъ совмѣщались подробности, даже случайности рыцарскаго быта и жизни того времени.

8) *Снурки*. Гирлянда изъ листьевъ или цвѣтовъ, окружающая щитъ въ женскомъ гербѣ, долго былъ символомъ дѣвичества или вдовства его владѣлицы. Но съ XV вѣка украшеніе это замѣнено тканью изъ снурковъ съ узлами. Писатели, самые опытные въ Геральдикѣ, несогласны между собою насчетъ происхожденія этого украшенія; и

9) *Девизъ*. Онъ означается подъ щитомъ и служитъ или воспоминаніемъ о славныхъ дѣяніяхъ лица или побужденіемъ къ нимъ. Въ девизѣ заключается плоть и духъ, или вѣрнѣе: идея и мысль герба. Девизъ часто бываетъ аллегорическій, и потому есть девизы, состоящіе изъ одной только буквы. Главное ихъ достоинство заключалось въ смыслѣ, который можно было придать девизу. Рыцарскіе девизы, обязанные своимъ происхожденіемъ событіямъ изъ жизни того лица, которое ихъ приняло, нашли себѣ не одного истолкователя въ Западной Европѣ, и, дѣйствительно, эта наука могла занимать умъ, потому что давало ему пищу: необходимо было знать исторію лица, его рода, времени, чтобы разгадать какой нибудь девизъ, всегда краткій и выразительный. Только съ XV столѣтія девизъ сталъ фразою общепонятною, афоризмомъ въ похвалу красотѣ и добродѣтели.

Представители благороднаго семейства, всегда старшіе въ своемъ родѣ, носили надъ гербомъ т. н. cri de guerre или cri d'armes, т. е. выраженіе, которое на войнѣ рыцарь употреблялъ для возбужденія воиновъ къ

бою и побѣдѣ и для отличія себя отъ другихъ витязей. Понятно по этому, правило: le cri suit la bannière, т. е. военный сигналъ тамъ, гдѣ знамя. Оно было средоточіемъ военной силы, центромъ, къ которому стремились войска, знакомъ, за которымъ слѣдили они сердцемъ и глазами. Этихъ военныхъ cris безчисленное множество и начало ихъ кроется въ глубокой древности. Мы приведемъ болѣе извѣстныя, ставшія историческими. Готфридъ Бульонскій шелъ въ крестовые походы, говоря: Dieu le veut, и это убѣжденіе руководило имъ и его войскомъ. Короли Французскіе, считавшіе св. Діонисія своимъ патрономъ, идя на войну, повторяли Montjoie et Saint Denis (¹); у Монморанси: Dieu aide au premier Baron Chretien; у Бурбоновъ: Bourbon Notredame или Esperance; у Королей Англійскихъ: Saint George, позднѣе *Dieu et mon droit*.

Такимъ образомъ мы показали, почему рыцарство имѣло такое сильное вліяніе на образованіе гербовъ и почему въ нихъ такія, а не другія существенныя части. Только вооруженіе рыцаря можетъ разрѣшить этотъ въ Геральдикѣ важный вопросъ. Но для развитія науки о гербахъ необходима была ихъ критика, необходимо было примѣненіе къ жизни правилъ, условленныхъ бытомъ рыцаря, и лучшимъ для того поприщемъ были турниры.

(¹) *Menestrier*, Les recherches du blason. Paris. 1673 p. 40, 47. De Wailly II, 100, 101.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

II. Турниры и обряды, при нихъ соблюдавшіеся.

§ 28.

О времени происхожденія турнировъ и о странѣ, въ которой этѣ рыцарскія игры впервые появились, историки между собою не согласны: Франція и Англія присвоиваютъ ихъ себѣ, а за то, что Германіи обязаны они своею организаціею, говоритъ уставъ о турнирахъ, Императору Германскому Генриху Птицелову приписываемый (¹). Во всякомъ случаѣ однако если рыцарство было обще всѣмъ Германскимъ народамъ, если оно вытекло изъ ихъ быта, образа жизни, если далѣе начало этого благороднаго сословія кроется въ VII и VIII столѣтіяхъ, то нѣтъ основанія утверждать, чтобы одинъ какой нибудь народъ въ извѣстную именно эпоху изобрѣлъ турниры и что отъ него заимствованы они другими, хотя конечно усовершенствованіе ихъ и окончательное образованіе правилъ, по которымъ турниръ производился, могло совершиться и въ Германіи.

Французскія хроники IX вѣка описываютъ этѣ военныя забавы и изъ описаній этихъ можно заключить, что онѣ производились такъ: двѣ стороны бросались другъ на друга, каждая изъ нихъ старалась по возможности защититься отъ нападенія, употребляла всѣ хитро-

---

(¹) *Eichhorn*-Deutsche Staats und Rechtsgeschichte. (5-te Ausg. II,567) утверждаетъ, что уставъ о турнирахъ, Генриху приписываемый, не подлинный, а происхожденіе его, по мнѣнію Эйххорна, легко объясняется тѣмъ, что при Императорѣ этомъ рыцарскія игры стали національнымъ въ Германіи сенятіемъ. Въ лѣтописи Турской упоминается: «Gaufridus de Pruliaco torneamenta invenit». *De Wailly* II. p. 98.

сти, чтобы завлечь непріятеля въ невыгодное положеніе и преслѣдовали тѣхъ, кто обращался въ бѣгство, qui tournaient le dos. Отъ послѣдняго ли выраженія или отъ самаго способа биться такъ, чтобы противникъ не могъ нанести удара, для чего необходимо было, особенно всаднику, увертываться съ ловкостью, произошло и самое слово, передѣланное латинскими писателями среднихъ вѣковъ въ turneamenta, tournois, турниры (¹).

Если при какомъ нибудь дворѣ (²) затѣвался турниръ, всегда блестящій по обстановкѣ и по тѣмъ приготовленіямъ, которыя для него дѣлались, вѣсть объ этомъ праздникѣ проносилась повсюду: миннезингеры воспѣвали при дворахъ Королей, Герцоговъ, Бароновъ и рыцарей будущіе подвиги витязей, всѣ приходили въ движеніе и ждали съ нетерпѣніемъ назначеннаго дня, чтобы показать свое мужество и свою отвагу. Но это былъ праздникъ только для людей благороднаго происхожденія, а потому турниру долженъ былъ предшествовать судъ, кого изъ желающихъ участвовать въ немъ допустить къ состязанію и кого нѣтъ. Задача трудная, если вспомнимъ, что на турниръ стекались рыцари отовсюду. Щитъ, необходимая принадлежность рыцаря, съ изображенными на его оружіи фигурами, оказывалъ въ этомъ случаѣ немаловажную помощь. Гербъ рыцаря

(¹) *Менестріе* въ Traité des tournois, joustes, carrousels et autres spectacles publics (*Lion*. p. 270) опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, которое производятъ слово это отъ tirocinium, trojamentum (какъ бы Троянская игра) и доказываетъ, что слово это чисто Французское, происходящее отъ *tourner*, «parceque ces courses se font en tournant et retournant».

(²) Въ предисловіи къ упомянутой (въ предъидущемъ примѣчаніи) книгѣ Менетріе правильно говоритъ: «La cour est l'academie de l'honneur et l'ecole de la vertu».

подвергался разбору выбранныхъ и уполномоченныхъ къ тому судей, отъ усмотрѣнія которыхъ зависѣло принять рыцаря или же отвергнуть гербъ, не допустивъ владѣльца его до состязанія. Рѣшеніе это было слишкомъ важно для чести и будущности рыцаря, и твердыя правила ограничивали и дѣлали невозможнымъ всякій въ этомъ случаѣ произволъ.

S 29.

За нѣсколько дней до начала турнира щитъ рыцаря выставлялся для разсмотрѣнія и обсужденія, что на техническомъ языкѣ того времени называлось Helmesschau, Tournierschau. Въ судьи были призываемы дамы, дѣвицы, могшія сказать что-нибуть противъ чести и нравственности состязателя, но главная забота въ этомъ случаѣ лежала на герольдахъ (héraults) [1], людахъ, спеціально къ тому приготовленныхъ и учившихся своему искусству въ какой нибудь славной школѣ; потому что мало было знать, изъ чего состоитъ гербъ, надобно было постигнуть тайный, аллегорическій смыслъ эмблеммъ, въ немъ помѣщенныхъ, и умѣть выразить мысль на геральдическомъ языкѣ, совершенно отличномъ отъ обыкновеннаго разговорнаго и письменнаго. Во главѣ этихъ свѣдущихъ людей стояло лице, по преимуществу знакомое съ высокимъ искусствомъ читать и составлять гербы, т. н. *roi d'armes, Wappenkönig*. При нихъ состояли сверхштатные помощники герольдовъ, *les poursuivants d'armes*, изучавшіе на практикѣ гербы, чтобы съ теченіемъ

---

(1) *Спенеръ* (въ Insignium theoria p. 1) производитъ слово *herold* отъ Греческаго ἥρως, потому что онъ, обсуживая гербы, становился по необходимости судьею героическихъ подвиговъ. Вѣрнѣе производить названіе это отъ *Heer*, войско, и *hold*, пріятный, любимый, или отъ alt старый.

времени удостоиться высшихъ степеней въ геральдической іерархіи.

Всѣ эти оффиціальныя на турнирахъ лица отличались особенною епанчею безъ рукавовъ, cautt d'armes, доходившею до колѣнъ и украшенною девизами и гербами того двора, къ которому они принадлежали ([1]). Поэтому у Французскаго двора предсѣдатель т. е. турнирнаго комитета, le roi d'armes, назывался *Montjoie Saint Denis.*

Отъ слова *heraldus* происходитъ самое названіе науки о гербахъ—*Геральдика.*

Герольды, подъ предсѣдательствомъ своего старшины, должны были разобрать гербъ критически, blasener, и результатомъ этого разбора было или допущеніе рыцаря къ турниру, или исключеніе его изъ участія въ этомъ благородномъ занятіи. Для узнанія рѣшенія по этому предмету, рыцарь на конѣ подъѣзжалъ къ мѣсту, гдѣ долженъ былъ происходить турниръ, и трубнымъ звукомъ звалъ къ себѣ герольда (blasen). Если рыцарь удостоивался принятія, то онъ привѣшивалъ этотъ рогъ къ шлему и вступалъ въ ряды своихъ собратій. Отъ этого-то обряда и происходитъ слово *blason*, гербъ, *l'art du blason* и *blasonner*, слова, употребляемыя и нынѣ какъ техническія.

При королевскихъ дворахъ Западной Европы герольдия оставались гораздо долѣе того времени, какъ существовали турниры. Вмѣсто прежняго занятія устройства турнировъ, на нихъ была возложено веденіе и содержаніе въ порядкѣ списковъ благородныхъ фамилій и ихъ гербовъ. При церемоніяхъ, особенно торжественныхъ,

---

([1]) Въ началѣ сочиненія Спенера приложены рисунки съ изображеніемъ всего геральдическаго штата.

герольды являются и нынѣ въ прежнемъ своемъ блескѣ, если не значеніи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

III. Крестовые походы.

§ 30.

Полное и блестящее примѣненіе къ дѣлу нашли себѣ рыцарскія понятія о чести, добродѣтели, уваженія къ святынѣ и къ прекрасному полу въ крестовыхъ походахъ. Св. Церковь, которая благословляла рыцаря и его доспѣхи при вступленіи его въ это благородное званіе, требовала отъ него защиты противъ Мусульманъ, въ рукахъ которыхъ была колыбель Христіанства—Св. Градъ Іерусалимъ, противъ невѣрныхъ, которые становились страшны центру Католицизма—Риму. Вся Западная Европа встрепенулась и радостно откликнулась на зовъ Папы. Вообразите себѣ цвѣта, эмблеммы, девизы на щитахъ и шлемахъ рыцарей всѣхъ странъ и народовъ Западной Европы, и вы поймете, какую пользу оказали въ этомъ случаѣ гербы рыцарей.

Крестъ, символъ той святой цѣли, для которой предпринимался походъ, былъ видѣнъ повсюду, разныхъ цвѣтовъ, въ разномъ положеніи; и если до этой эпохи крестъ могъ нерѣдко красоваться на гербахъ, то неопровержимо, что крестовые походы внесли его въ гораздо большее число гербовъ рыцарей, поднимавшихъ оружіе за Св. Крестъ. Кромѣ того съ крестовыхъ же походовъ часто

встрѣчаются въ гербахъ рыцарей изображенія перелетныхъ птицъ: ихъ встрѣчали крестоносцы, идя на Востокъ, и помѣщали изображеніе ихъ на своихъ щитахъ, показывая тѣмъ, что и они также странствуютъ и бездомны; а въ ознаменованіе тѣхъ ранъ и лишеній, которымъ витязи подвергались, идучи на великое дѣло освобожденія христіанъ изъ-подъ ига невѣрныхъ, изображали птичекъ безъ ногъ и безъ носа (merlettes) ([1]). Символъ этотъ такъ многозначителенъ и такъ нравился крестоносцамъ, что принятъ очень многими изъ нихъ, и если онъ встрѣчается въ гербѣ какой-нибудь благородной фамиліи Западной Европы, можно почти навѣрное сказать, что кто-нибудь изъ членовъ этой фамиліи былъ въ крестовыхъ походахъ и вынесъ этотъ знакъ съ собою.

Съ Востока же, утверждаютъ геральдики, принесли съ собою рыцари названія геральдическихъ цвѣтовъ; такъ: gueules, красный цвѣтъ, производятъ отъ Еврейскаго gudul и Персидскаго gul, красный; sinople, зеленый цвѣтъ, обязанъ своимъ происхожденіемъ городу Синопу или, правильнѣе, это есть названіе извѣстной породы земли въ Левантѣ, которая окрашиваетъ предметы въ зеленую краску. Съ Востока же принесены названія— rubis, saphir, amethyste, émeraude.

§ 31.

Гербы простолюдиновъ.

Во всѣхъ феодальныхъ государствахъ Западной Европы даже и тогда, когда чисто-феодальныя учрежденія уже перестали существовать, осталась еще та взаимная

([1]) De Wailly II. p. 94, 95.

вражда сословій, которая условливалась завоеваніемъ в бытомъ бароновъ. Подъ прикрытіемъ герба они тѣснили простой классъ народонаселенія, который, съ своей стороны, чтобы уменьшать значеніе рыцарскаго герба, присвоилъ себѣ гербъ съ необходимыми его аттрибутами, съ девизами, шлемами и т. п. А какъ первоначально возстали противъ феодальныхъ владѣльцевъ Западной Европы среднихъ вѣковъ сословія, цехи, то у нихъ ранѣе чѣмъ у частныхъ людей (roturiers) встрѣчаются знамена съ изображеніемъ того святаго, котораго они считали своимъ покровителемъ, съ эмблемою и надписью, занатію и образу дѣятельности ихъ соотвѣтствующими. Въ Парижѣ напр. сословіе аптекарей имѣло въ гербѣ изображеніе руки, выходящей изъ облаковъ на звѣздномъ небѣ и держащей бичь съ вѣсами, а наверху девизъ: lances et pondera servant.

На условіяхъ, сдѣлкахъ и вообще дѣловыхъ бумагахъ ремесленники, неумѣвшіе подписать свое имя, изображали вмѣсто того отличительное орудіе своего ремесла, и до насъ дошло много актовъ, подписанныхъ фигурами молота, ключа, подковы, колеса; а радомъ съ этими изображеніями нотаріусъ или другое должностное лице отмѣчалъ имя плотника, слесаря и т. п, Этѣ же фигуры помѣщались на щитахъ и принимали форму гербовъ. Они по большей части переводатъ на геральдическій языкъ ремесло, занятіе лица или его имя и прозваніе (armes parlantes).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИСТОРІЯ ПЕЧАТЕЙ ВЪ РОССІИ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

§ 32.

Изложеніе исторіи Геральдики Западной Европы, не смотря на всю его краткость, должно было убѣдить насъ въ одномъ: въ томъ, что всякая, повидимому, мелочная принадлежность западнаго герба, всѣ его аттрибуты не случайны, а вытекли прямо изъ рыцарскаго быта, который въ свою очередь обязанъ существованіемъ и развитіемъ феодализму. Онъ оставилъ свою печать на всѣхъ учрежденіяхъ средне-вѣковой Европы, и Геральдика не могла остаться чуждою этой стихіи.

Исторія нашего дворянства совершенно отлична отъ исторіи рыцарства: съ одной стороны несуществованіе у насъ феодализма, а съ другой—такого событія, которое бы послужило къ окончательному его образованію, каковы были на Западѣ турниры и крестовые походы, заставляетъ искать иного для Геральдики нашей основанія. Если съ этою цѣлью обратиться къ исторіи благороднаго сословія въ отечествѣ нашемъ, то представляется слѣдующее начало: какъ западное дворянство пріобрѣталось отвагою и личными качествами, такъ коренное Русское дворянство, столь же благородное по подвигамъ доблести, въ основаніи всегда было поземельное, по владѣнію недвижимою населенною собствен

ностью, и отчасти только служебное, и притомъ такъ, что первое послужило зерномъ, къ которому примкнуло второе. Въ первый разрядъ вошли благородные туземные роды, Князья и бояре, а во второй—служилые люди; выѣзжіе роды, пожалованные въ бояре, окольничья, получившіе земли, вотчины и помѣстья за службу Россіи.

Различіе этихъ двухъ видовъ дворянства, существенное для исторіи гербовъ, объясняетъ и причину, по которой изложенію Геральдики въ тѣсномъ смыслѣ должна предшествовать хотя краткая исторія печатей. Недостатокъ ни одного по этой части специальнаго у насъ сочиненія не могъ бы оправдать насъ въ выборѣ этой системы, если бы для нея не лежало основанія въ самой сущности предмета. А именно: отъ Владиміра Св. и Ярослава пошло нѣсколько линій Княжескихъ владѣтельныхъ родовъ, *старшей и младшей братьи*, которые развѣтвляясь и мелчая, обратились одни въ В. Князей, другіе въ т. н. *служилыхъ Князей и подручниковъ* своего старшаго брата В. Князя Московскаго, Господаря, Государя и Обладателя всея Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и удѣлы ихъ по завоеванію, мѣнѣ и инымъ основаніямъ слились съ Москвою. Но каждый Князь, властвуя въ своемъ удѣлѣ, имѣлъ необходимость въ печати, которою онъ утверждалъ какъ свои договоры, сдѣлки съ Москвою и иными городами, такъ и акты своихъ подданныхъ, печати, которая не могла не отразиться и на удѣльныхъ Княжескихъ монетахъ. Если печати эти первоначально произвольные, часто видоизмѣнялись, если нельзя положительно сказать, что всѣ онѣ перешли въ гербы, тѣмъ не менѣе было явленіемъ совершенно естественнымъ, что Удѣльные Князья, утративъ свою первона-

чальную самостоятельность и занявъ въ рядахъ Московскихъ служилыхъ людей самое почетное мѣсто по обычаю, утвержденному давностью, сохранили въ печатяхъ, а въ послѣдствіи гербахъ своихъ изображенія, которыя первоначально были эмблемами ихъ владѣнія тѣмъ или другимъ Княжествомъ. Такимъ образомъ печати предшествовали фамильнымъ Княжескимъ гербамъ.

Что касается до частныхъ лицъ не Княжескаго происхожденія, то и у нихъ долго не было гербовъ въ настоящемъ значеніи этого слова, а мѣсто ихъ до конца XVII в. занимали также печати. Нѣкоторыя изъ этого правила изъятія сохранились отъ первой половины того-же столѣтія: мы увидимъ у нѣкоторыхъ лицъ печати со всѣми признаками герба, но это не болѣе, какъ исключенія, сдѣланныя въ пользу лицъ знатныхъ и образованныхъ. Правиломъ же остается то, что у каждаго лица была своя печать именная или съ извѣстными аттрибутами, имъ усвоенными. Въ доказательство этого положенія мы приведемъ слѣдующія слова Котошихина изъ его сочиненія о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, слова, тѣмъ бо́льшее имѣющія значеніе, что авторъ, бывъ за границею, уже имѣлъ точное и вѣрное понятіе о гербахъ и прямо различаетъ ихъ отъ печатей. «А кому Царь похочетъ вновь дати боярство и окольничество и думное дворянство изъ стольниковъ и изъ дворянъ, или дворянина изъ дворовыхъ всякихъ чиновъ или изъ военныхъ людей, и такимъ даетъ честь и службу, по своему разсмотрѣнію, кто въ какой чинъ и честь годенъ. А грамотъ и гербовъ на дворянство ихъ и на боярство никому не даетъ, *потому что гербовъ никакому человѣку изложити не могутъ*, да не токмо кому боярину или иному человѣку недаются гербы, но и самъ Царь

гербомъ своимъ Московскимъ печатается на грамотахъ въ Христіанскія Государства не истинынымъ своимъ прямымъ, а печатается своимъ истиннымъ гербомъ къ Крымскому Хану и къ Калмыкамъ; также и у старыхъ родовъ Князей и бояръ, и у новыхъ, истинныхъ своихъ печатей нѣтъ, да не токмо у Князей и бояръ и иныхъ чиновъ, но и у всякаго чину людей Московскаго Государства гербовъ не бываетъ; а когда лучится кому къ какимъ письмамъ или посломъ къ посольскимъ дѣламъ прикладывать печати, и они прикладываютъ, *какая у кого печать прилучилась, а не породная»*. (гл. II ст. 12). Факты, сохраненные намъ древними грамотами, и самыя печати, дошедшія до насъ, служатъ полнымъ подтоерждевіемъ этой мысли: какъ у Князей, такъ и другихъ благородныхъ лицъ были по правилу однѣ печати до тѣхъ поръ, пока эмблемы, принадлежащія тому или другому Княжеству, не были усвоены его владѣльцу и роду, отъ него происшедшему, а другими лицами не были присвоены аттрибуты по происхожденію ихъ (если они были выѣзжіе) или по заслугамъ. Ранѣе другихъ образовался Гербъ Государственный, а печать В. Княжества Московскаго стала постоянною и родовою эмблемою Московскаго Герба, который съ теченіемъ времени нашелъ себѣ мѣсто въ двуглавомъ орлѣ; и Котошихинъ совершенно правъ, называя всадника на конѣ собственно Московскимъ Гербомъ.

§ 33.

Но если печати такъ важны для правильнаго уразумѣнія Руской, особенно, повторяемъ, Княжеской Геральдики, то предварительно разсмотрѣнія въ отдѣльности каждаго рода и вида ихъ, необходимо разрѣшить два вопроса:

1) о древности печатей и 2) объ источникахъ, изъ которыхъ свѣдѣнія о печатяхъ могутъ и должны быть заимствуемы. Давъ отвѣтъ на эти основные вопросы, наука будетъ обязана войти въ аналитическое разсмотрѣніе печатей каждой эпохи и каждой Княжеской линіи (разумѣется на столько, на сколько это необходимо для главной цѣли), и затѣмъ историческія данныя приложить къ гербамъ Государстаенному, Княжескимъ и прочихъ лицъ.

S 34.

О древности печатей.

Сфрагистикѣ Русской, т. е: наукѣ о печатяхъ, которая на Западѣ въ послѣднее особенно время сдѣлала большой шагъ впередъ, не положено у насъ еще начала; не многія журнальныя статьи (1) когда-то внесли въ нашу ученую литературу нѣкоторыя по этому предмету не полныя, критикою не очищенныя данныя, и на томъ археологія наша какъ бы остановилась, не смотря на то, что никогда не было открываемо и обнародываемо въ обширномъ отечествѣ нашемъ столько грамотъ и актовъ разнаго рода, сколько въ настоящемъ столѣтіи. И между тѣмъ, какъ разработка отечественной исторіи вообще сдѣлала большой шагъ впередъ, наукѣ о печатахъ предстоитъ собрать и

(1) Самое полное исчисленіе древнихъ нашихъ печатей сдѣлано Митрополитомъ Евгеніемъ въ его статьѣ: «*Примѣчанія на Мстиславову грамоту*», помѣщенной въ 3-й части трудовъ и Записокъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (М. 1826 стр. 5—65), и въ Вѣстникѣ Европы 1818 г. № 15, 16. Другія статьи болѣе частныя будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

привести въ систему тѣ факты, которые представляютъ наши источники для исторіи печатей. Безъ того отечественная археологія будетъ лишена одного изъ главныхъ средствъ повѣрять подлинность актовъ и опредѣлять время ихъ составленія. Отъ насъ, повторяемъ, нельзя требовать полнаго изложенія отечественной сфрагистики, но излагая ее въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для Геральдики, мы постараемся найти общія для печатей начала.

Древнѣйшая Русская печать относится, какъ увидимъ ниже, къ началу XII столѣтія: обстоятельство относительно выгодное, если вспомнимъ, что Россія, какъ самостоятельное Государство, существовала до того только два съ половиною столѣтія, между тѣмъ, какъ въ государствахъ Западной Европы, гораздо ранѣе возникшихъ и уже процвѣтавшихъ тогда, когда Россія только зарождалась, очень немногіе памятники принадлежатъ V вѣку, нѣсколько болѣе VII, VIII и IX, а древними собственно считаются относящіеся къ столѣтіямъ X, XI и XII (1). Но если сохранилась у насъ печать XII вѣка, то это нисколько не значитъ, что раньше этого времени у насъ не было печатей: напротивъ, на первыхъ страницахъ лѣтописи преподобнаго Нестора встрѣчается свидѣтельство, что печати были извѣстны Русскимъ первой половины X еще вѣка и что приложеніе ихъ считалось необходимымъ для утвержденія договоровъ. Въ трактатѣ Великаго Князя Игора съ Греками, заключенномъ въ 945 г., упоминается, что дипломатическіе агенты Россіи первоначально носили печати: послы золотыя, а гости серебреныя.

---

(1) Elementa artis diplomaticae Gatterari. Goettingae. 1765 pars 1. p. 13. Вѣстникъ Европы 1818 г. № 15, 16. стр. 250

что̀ и служило признакомъ ихъ полномочія; а въ эпоху заключенія договора вмѣсто того давались отправляемымъ въ Грецію посламъ и гостямъ пропускныя грамоты, въ которыхъ означалось число ихъ кораблей, чтобы Греческое Правительство знало, сколько кораблей приходитъ изъ государства, состоящаго съ нею въ мирѣ (¹). Тѣмъ не менѣе договоръ, заключенный съ Греціею при Святославѣ, уполномоченные Русскіе утвердили своими подписями и печатями (²).

Судя по этимъ свидѣтельствамъ, должно бы заключать, что печати, т. е. вѣроятно перстни съ печатями, давались въ древней Россіи лицамъ, отъ Правительства уполномоченнымъ, вмѣсто вѣрющихъ грамотъ, и что на печатяхъ повторялось одно и то же изображеніе. Иначе не довѣряли бы имъ лица, для убѣжденія которыхъ и давались эти печати; но къ сожалѣнію догадка эта, слишкомъ впрочемъ правдоподобная, ждетъ подтвержденія; и еслибы не погибло такъ много драгоцѣнныхъ памятниковъ нашей старины, если бы перстни, золотые и драгоцѣнными камнями украшенные, не передѣлывались: то разрѣшилась бы не одна задача отечественной археологіи. Безъ этого, въ ней часто встрѣтятся пробѣлы, которыхъ нельзя пока пополнить. Собственно говоря, печатей (по крайней мѣрѣ обнародованныхъ или другими путями

(¹) Выписываемъ и подлинныя слова изъ 1 Т. Полнаго Собранія Русскихъ лѣтописей (изд. археогр. Ком.) стр. 20:» ношаху сли печати злáты, а гости сребрены; нынѣ же увѣдѣлъ есть князь вашъ посылати грамоту ко царству нашему: иже посылаемы бываютъ отъ нихъ сли и гостье, да приносятъ грамоту, пишуче сице: яко послахъ корабль селько». Ср. *Шлецера* Несторъ Т. III стр. 115—117. *Эверса* древн. Русс. Право стр. 220.

(²) Лѣтопись Т. 1 стр. 31. Подобное же уваженіе къ печатямъ встрѣчаемъ и у другихъ Славянскихъ народовъ. *Эверсъ* стр. 220, 221.

намъ извѣстныхъ) не много, хотя слѣды ихъ существованія на грамотахъ встрѣчаются нерѣдко. Но шнурокъ подгнилъ, воскъ распался, изображенія даже на металлѣ поизгладились, а догадка, если и на фактахъ основанная, не всегда имѣетъ ту степень достовѣрности и неопровержимости, какой требуетъ наука. Лучшее по нашему мнѣнію пособіе въ этомъ случаѣ представляютъ наши древнія деньги и штемпеля, на нихъ сохранившіеся.

§ 35.

Виды печатей и ихъ отношеніе къ денежнымъ чеканамъ.

По различію лицъ, кому печати въ древней Россіи принадлежали и которыя ими пользовались для утвержденія своихъ грамотъ, сдѣлокъ и распоряженій, печати распадаются на два разряда: имѣя нѣкоторыя общія между собою черты, онѣ различаются существенными примѣтами. Печати были или *Княжескія* или *частныхъ лицъ*. Какъ въ первомъ разрядѣ мы пока не различаемъ еще никакой отрасли князей, ни старшей, ни младшей братьи, такъ и частныя лица, печатями пользовавшіяся, различались по состояніямъ (духовныя, свѣтскія) и по положенію своему въ государствѣ (должностныя лица). Общее, не смотря на все кажущееся различіе, во всѣхъ этихъ печатяхъ было то, что камей, антикъ, случайно попадавшійся, понравившійся лицу или примѣнимый къ его быту, жизни и обстоятельствамъ, вставлялся въ именный ободочекъ, или же изображеніе изготовлялось въ Россіи и также съ круговою надписью составляло печать, или наконецъ одна надпись на печати свидѣтель-

ствовала, чья она, и приложеніе ея къ договорамъ и актамъ служило достаточнымъ ручательствомъ ихъ твердости. То же явленіе мы видѣли и въ Западной Европѣ, и къ намъ оно перешло изъ Византіи. Отсюда привозили къ намъ камеи, къ которымъ, по свидѣтельству путешественниковъ, питаютъ большое уваженіе всѣ Славянскія племена. Впрочемъ какъ вообще одинаковыя учрежденія и обыкновенія, существующія у разныхъ народовъ при одинаковой степени ихъ развитія, должны быть объясняемы сходствомъ и тождествомъ потребностей и недостаткомъ другихъ средствъ къ ихъ удовлетворенію, такъ и относительно печатей замѣтимъ, что въ древней Россіи рѣзчиковъ не было, поэтому монеты и печати для Князей или должны были дѣлаться въ Византіи (Греческая работа видна очень часто), или состоять изъ геммъ, которыхъ не могъ не отличать самый необразованный вкусъ за ихъ красоту и отдѣлку. Частныя лица, хотя также употребляли для этой цѣли камеи, но чаще дѣлали себѣ печати именныя или съ изображеніемъ, дурно скопированнымъ съ камей. Духовныя только лица, подражая образцамъ, привесеннымъ изъ Византіи, имѣли на печатяхъ своихъ эмблемы и надписи, постоянно повторявшіяся соотвѣтственно сану лица.

Такимъ образомъ общимъ у печатей Княжескихъ съ печатями частныхъ лицъ остается то, что онѣ были по большей части именныя и личныя, слѣд. характера родоваго и наслѣдственнаго первоначально не имѣли. Къ древнимъ печатямъ частныхъ лицъ это начало дѣйствительно и примѣнимо, но для Князей такихъ печатей было недостаточно, и потому рядомъ съ личными идутъ другія печати съ изображеніемъ т. е. официальнымъ, государственнымъ, которое если и видоизмѣнялось, то не

вслѣдствіе перемѣны лица, а вслѣдствіе перемѣны обстоятельствъ и государственныхъ убѣжденій. Печать, мы увидимъ, была самою краснорѣчивою ихъ представительницею. Извѣстному времени, извѣстнымъ отношеніямъ В. К. Кіевскаго или Московскаго къ Ордѣ, Литвѣ, къ другимъ удѣльнымъ князьямъ соотвѣтствовала печать иная въ сравненіи съ тою, которая употреблялась при измѣнившихся обстоятельствахъ; и тогда какъ государственныя, такъ-сказать, бумаги печатались ею, частная, внутренняя переписка, неносившая признака государственной, довольствовалась печатью личною, именною.

Эти два характера печатей княжескихъ объясняютъ многое въ нашей древней сфрагистикѣ и главное дѣлаютъ неумѣстнымъ всякій упрекъ въ какомъ-то произволѣ при выборѣ изображеній для печатей княжескихъ; въ исторіи же Русскаго Государственнаго Герба начало это чрезвычайно важно, ибо слѣдя за образованіемъ печатей Великаго Князя Московскаго, мы шагъ за шагомъ можемъ прослѣдить тѣ убѣжденія, которыя воплощались въ печати, пока изображеніе на ней, разъ остановившееся при окончательномъ образованіи идей государственныхъ, не перешло въ гербъ.

§ 36.

Лучшимъ пособіемъ для исторіи Княжескихъ печатей служатъ древнія наши монеты, точно такъ, какъ и онѣ съ своей стороны должны находить себѣ объясненіе въ изображеніяхъ на печатахъ одной со временемъ чеканки ихъ эпохи. Долго преобладало у насъ и доселѣ еще не всѣми покинутое убѣжденіе, будто всякій серебреныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ, *денежникъ*, чеканилъ монету со штемпелемъ, какой ему угодно, такого вѣса, какой

для него было выгоднѣе, и что раньше XIV вѣка у насъ будто и не чеканили совсѣмъ монеты, а обходились, употребляя однѣ иностранныя деньги. Высказанная Герберштейномъ (¹), повторенная Бакмейстеромъ (²) и Барономъ Шодуаромъ (³) мысль эта, нисколько неповѣренная фактами, не смотря на все несогласіе ея съ свидѣтельствами лѣтописи о торговлѣ, учрежденіяхъ древней Россіи, не смотря на противорѣчіе съ постановленіями, заключающимися въ Русской Правдѣ и другихъ узаконеніяхъ *о вирахъ* и *продажахъ*, оставалась до новѣйшихъ временъ общимъ у насъ убѣжденіемъ. Недостатокъ наличныхъ памятниковъ и сходство изображеніій на оставшихся монетахъ съ деньгами Византійскими повидимому оправдывали это мнѣніе; но забывали, что въ странѣ, которая вела торгъ съ сосѣдними государствами, странѣ, гдѣ личныя наказанія замѣнялись взносомъ опредѣленнаго количества денегъ, необходима была единица, въ которой могла бы приравняться цѣнность вещей и иностранныхъ денегъ. Недостатокъ даже древнихъ монетъ не могъ уничтожать справедливости свидѣтельства лѣтописи, подтверждаемой иностранными источниками, и тогда именно, когда Императорское Археологическое Общество стало доказывать неправильность такого взгляда на нашу нумизматику (⁴), случай сдѣлалъ больше, чѣмъ могли бы сдѣлать всѣ

(¹) Herbersteini commentarii (ed. Starczewski) p. 39.

(²) *Бакмейстера* опытъ о библіотекѣ и кабинетѣ рѣдкостей Академіи наукъ, перев. *Костыгова*. Спб. 1779. стр. 19.

(³) *Baron Chaudoir*—Aperçu sur les monnaies russes et etrangères qui ont eu cours en Russie. Spb. 1836. T. 1. p. 102.

(⁴) Указываемъ на главнѣйшія по этой части разсужденія въ запискахъ Археологическаго Общества: *П. С. Савельева* (Т. 1. стр. 342. сл.) въ замѣчаніяхъ на статью. *Я. Я.* Рейхеля о монетахъ западныхъ Славянъ. *И. Д. Бѣляева* (зап. Т. V. стр. 298): «Были ли на Руси монету до XIV вѣка?»

разсужденія и доводы, путемъ науки добытые.—Въ 1852 году открытъ близъ Нѣжина кладъ, заключавшій въ глиняномъ горшкѣ около 200 серебреныхъ монетъ съ Славянскими надписами того же стиля, какой употреблялся въ X и XI вѣкахъ у насъ въ Россіи и съ именами Князей, которые управляли Россіею въ эту именно эпоху—Владиміра, Ярослава, Святополка и Георгія. Въ минцкабинетахъ нашихъ и прежде были уже извѣстны деньги съ тѣмъ же штемпелемъ и съ тою же надписью, но самая малочисленность ихъ была приводима въ доказательство того, что онѣ не были ходячими у насъ деньгами; иначе ихъ встрѣчалось бы гораздо болѣе. Доказательство это повидимому подтверждалось и тѣмъ, что чеканъ ихъ, форма рисунка, даже фигуры на оборотной сторонѣ составляютъ вѣрное подражаніе монетамъ Византійскимъ. Но явленіе это, по нашему мнѣнію, совершено естественное и должно напротивъ служить подтвержденіемъ того, что деньги эти дѣйствительно принадлежатъ первымъ Русскимъ Князьямъ, если даже и оставить безъ вниманія то обстоятельство, что онѣ отысканы въ сердцѣ древней Россіи, Малороссіи, что у Сербскихъ и другихъ Славянскихъ племенъ, которымъ хотѣли приписать монеты этого рода (¹). нельзя указать ряда Князей, имена которыхъ, ясно

Здѣсь же (стр. 268) моя статья: «Исторія поддѣлки монетъ въ Россіи до временъ Петра Великаго». Путемъ юридическаго изслѣдованія законовъ противъ денежниковъ можно дойти до слѣдующаго вывода: если существовали правила противъ поддѣлки монетъ, если виновники ея наказывались, значитъ она была запрещена и производство въ этомъ важномъ государственномъ дѣлѣ не было. Наконецъ статья *И. П. Сахарова* въ Запискахъ Русскаго Отдѣленія Археологическаго Общества Т. I. Спб. 1851 Отд. I. стр. 107 сл.

(¹) *Я. Я. Рейхеля* Зап. Арх. Общ. Т. I. стр. 262 сл. Описаніе древнихъ монетъ и медалей собранія Генерала *Шуберта* Спб. 1843. Ч. I. стр. 53 сл.

видны на открытыхъ монетахъ. Никакой подделки въ этомъ случаѣ также подозрѣвать нельзя: ее можно бы приписать только нумизмату, археологу; но какъ наука о древнихъ монетахъ у насъ еще слишкомъ юна, такъ и собирателей монетъ у насъ не было и быть не могло до новѣйшихъ временъ; къ счастію былъ у предковъ нашихъ обычай хоронить клады и ввѣрять на случай опасности сокровища свои землѣ. Какъ бы въ благодарность за труды и усердіе, съ которыми пахарь ее воздѣлываетъ, она награждаетъ его изрѣдка драгоцѣнностями, обогащающими науку (1).

На всѣхъ монетахъ первыхъ нашихъ Князей изображенъ потретъ самого Государя, съ надписью вокругъ его имени, и прибавкою: *«на столѣ»*, а на оборотѣ: *«а се его серебро»*. Большей гарантіи для подданныхъ, употреблявшихъ такую ходячую монету, не требовалось, и штемпель этотъ, разъ утвержденный, не измѣнялся долго, до тѣхъ поръ, пока Россія не распалась на удѣлы, на самостоятельныя части. Тогда изображеніе Государя стало видоизмѣняться отчасти по областямъ, гдѣ чеканилась монеты, а главное по тѣмъ убѣжденіямъ, которыя имѣлъ тотъ или другой Великій Князь о верховной власти и по отношеніямъ, въ которыхъ онъ находился къ другимъ Князьямъ, своей братьѣ, равно какъ къ врагамъ своей области. Не говоря о частностяхъ и не вдаваясь въ подробности, на которыя должно быть обращено вниманіе при изложеніи печатей каждаго Княжества въ отдѣльности, мы замѣтимъ здѣсь пока, что идея Государевой власти,

---

(1) Подробнымъ описаніемъ Нѣжинскаго клада мы обязаны *Г. Волошинскому* въ трудахъ Коммисіи, Высочайше учрежденной при Университетѣ Св. Владиміра для описанія губерній Кіевскаго Учебнаго округа. 18[illegible] Кіевъ. ([illegible]).

не смотря на безчисленныя видоизмѣненія изображеній, въ сущности слѣдовала такому порядку: первоначально Государь, сидящій на престолѣ прямъ, въ коронѣ, съ крестомъ въ рукѣ, какъ покровитель и распространитель Христіанства—это типъ чисто Византійскій; потомъ Русскіе уже художники на деньгахъ XIV и XV вѣковъ изображали его также въ коронѣ, но въ профиль и съ мечемъ; *столъ* же, на которомъ сидитъ Князь, имѣлъ видъ или простой скамейки или креселъ, бока которыхъ украшены изображеніемъ головы животныхъ, обыкновенно львовъ. Буквы к в н, которыя часто обозначались по сторонамъ этой фигуры, прямо указываютъ, что это ни кто иной, какъ самъ Князь. А чтобы изобразить жизнь и дѣятельность Государя, денежникъ представлялъ его или судящимъ и милующимъ, или съ сѣкирою, мечемъ, поражающимъ змія и т. п. Съ XV-го вѣка Князь представляется конныымъ, но также съ аттрибутами власти, и главное—побѣдителемъ. Поднятый мечъ и изображеніе лошади вскачь не оставляютъ никакого повода сомнѣваться, что именно эту идею думалъ изобразить денежникъ, а тѣже буквы к н н (Князь) вполнѣ убѣждаютъ, что это портретъ Государя. Сходство съ подлинникомъ, при очень плохой чеканкѣ, конечно отыскать трудно, но мысль при этомъ едва ли иная, и когда Москва стала во главѣ Государства, мечъ въ рукахъ В. Князя замѣненъ копьемъ и подъ ногами коня изображены его враги въ видѣ дракона, котораго онъ и побѣждаетъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и прежде, нельзя сомнѣваться, кто этотъ всадникъ: объ этомъ свидѣтельствуютъ означенныя буквы, встрѣчаемыя на монетахъ съ этимъ штемпелемъ а въ случаѣ ихъ недостатка—надпись кругомъ изображенія или на оборотѣ монеты: *Великій Князь*, съ означеніемъ его имени и отче-

ства (¹). Притомъ въ одно и то же правленіе, одинъ и тотъ же В. Князь изображался различно: обстоятельство, совершенно понятное и легко объясняемое современнымъ эпохѣ, когда чеканена монета, состояніемъ Россіи и образомъ дѣятельности тогда ея Государя. Если съ этой точки зрѣнія смотрѣть на нашу нумизматику, то за недостаткомъ цифръ, откроется приблизительное по крайней мѣрѣ средство означать время чеканки денегъ.

Такова была государственная, оффиціальная т. е. сторона чекана, а оборотъ ея (если не былъ посвященъ надписи, кто такой изображенный Князь) занятъ фигурами до чрезвычайности разнообразными, а вокругъ ихъ надпись *печать* Князя, съ означеніемъ какого именно. Если бы даже и не было послѣдняго указанія, слова *печать*, то и тогда одно соображеніе (не говоря уже о сравненіи этихъ штемпелей съ дошедшими до насъ печатями Князей) должно бы довести до заключенія, что если денежники чеканили монету подъ надзоромъ и по указаніямъ Правительства, если деньги исходили отъ лица Государя, то на нихъ могли находить себѣ мѣсто тѣ только эмблеммы, которыя употребляются Князьями. Какъ съ одной стороны монеты буквы к. и. не оставляютъ никакого сомнѣнія, что не смотря на всѣ видоизмѣненія въ изображеніи, былъ представленъ самъ Князь, такъ употребленіе слова *печать* при фигурахъ головъ людей, грифовъ, львовъ, птицъ, деревьевъ, монограммъ и т. п. доводитъ до заключенія, что фигуры этѣ были дурныя, по большей части, копіи съ прелестныхъ иногда оригиналовъ, къ камеевъ. Такимъ образомъ откры-

---

(¹) Черткова, Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ. М. 1834, табл. I, стр. 6. 7; табл. II, стр. 1. 4; табл. III, стр. 5.

вается средство къ взаимному дополненію и къ повѣркѣ денегъ и печатей. Вотъ одинъ примѣръ: на Московскихъ великокняжескихъ и удѣльныхъ деньгахъ часто встрѣчается штемпель: человѣкъ, стрѣляющій изъ лука; но на печати такого изображенія не видимъ, и можно бы подумать, что оно обязано своимъ существованіемъ произволу художника. Между тѣмъ въ числѣ перстней, наслѣдованныхъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ отъ его предковъ, находимъ и такую печать ([1]). Вообще если встрѣчается на грамотѣ печать, не извѣстно кому принадлежаща, стòитъ провѣрить, у кого на монетахъ она вычеканена, и если случай сохранилъ на деньгѣ этой имя Князя, то задача разрѣшена, и на оборотъ печати Княжескія подаютъ руку помощи нумизмату, если онъ затрудняется опредѣлить время́, когда выбита та или другая монета. Штемпель и сравненіе его съ печатью можетъ навести на слѣдъ, указать время, къ которому монета принадлежитъ.

Какъ въ каждомъ подобномъ случаѣ приходится и здѣсь пожалѣть о томъ, что сохранилось далеко не все, что̀ наука желала бы имѣть для полнаго доказательства своихъ доводовъ и соображеніі: печатей въ особенности сохранилось не много, и мы воспользуемся ими для доказательства приведенныхъ выводовъ при изложеніи исторіи Княжеской сфрагистики. Но предварительно необходимо еще коснуться вопроса о внѣшнемъ видѣ печати и о формѣ ея приложенія. Много встрѣтимъ мы здѣсь сходнаго съ тѣмъ, что̀ было сказано о приложеніи печатей въ Западной Европѣ, и позволимъ себѣ напомнить, что какъ штемпела для печатей, такъ и образъ

([1]) Записки Археол. Общ. Т. III, стр. 72, 73.

ихъ приложенія первоначально могли перейти къ намъ изъ Византіи и быть усвоены Русскими.

§ 37.

По веществу, изъ котораго дѣлались печати, они бываютъ:

1) *Металлическія* (извѣстныя на Западѣ подъ названіемъ bullae (стр. 26). Они всегда привѣшивались на снуркѣ, продѣтомъ въ пергаментѣ или бумагѣ, и состояла изъ двухъ тонкихъ пластинокъ, чрезъ которыя пропускался и заклепывался шнурокъ (какъ въ нынѣшнихъ таможенныхъ пломбахъ). По различію металловъ печати были: а) золотыя, б) серебреныя, в) серебреныя вызолоченныя и г) свинцовыя. Печати этого рода, если не предполагать, что имъ предшествовали восковыя, истлѣвшія и утратившіяся, самыя древнія. Употребленіе разныхъ видовъ металла для печати не было произвольно, а условливалось саномъ лица, ее употреблявшаго, равно какъ значеніемъ грамоты, печатью утверждаемой. Золотыя печати привѣшивались къ трактатамъ съ Цесаремъ, т. е. Императоромъ Австрійскимъ, который и съ своей стороны дипломатическую съ Россіею переписку запечатывалъ золотыми буллами. Такая Bulla aurea (начало надписи вокругъ печати) сохранилась на замѣчательной грамотѣ, писанной Императоромъ Максимиліаномъ I къ Великому Князю Василію Іоанновичу въ 1514 году Августа 4-го о взаимномъ согласіи и союзѣ противъ Польскаго Короля Сигизмунда. Грамота эта обратила на себя вниманіе Петра Великаго тѣмъ, что въ ней Великому Князю Василію Іоанновичу дается титулъ Императора Всероссійскаго. (Она издана въ С.-Петербургѣ въ 1718 году) [1].

[1] Собр. Гос. Гр. и Догов. Т. V (неоконченный и хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ) стр. 65. 66.

Кромѣ того золотыми же печатями утверждались т. н. *шертныя* грамоты, посредствомъ которыхъ татарскіе Цари и Царевичи, оставшіеся въ областяхъ первоначально имъ подвластныхъ и въ послѣдствіи къ Россіи присоединенныхъ, признавали надъ собою покровительство и власть Московскаго Государя, обѣщавшаго имъ съ своей стороны милость и защиту. Трактаты такого рода укрѣплялись крестоцѣлованіемъ и считались такъ важными, что къ нимъ привѣшивались *золотыя печати*, обѣими вступавшими въ сношенія сторонами «*на большее укрѣпленіе*», какъ сказано въ древнемъ титулярникѣ при описаніи подобной грамоты, данной Сибирскому Царю Кучуму ([1]). О приложеніи золотой печати упоминалось въ самомъ актѣ; напр. грамота, данная въ 1480 году, Великимъ Княземъ Іоанномъ III Крымскому Царю Менгли-Гирею, оканчивается слѣдующимъ выраженіемъ: «такъ молвя изъ своихъ устъ, сю *крѣпкую* грамоту съ золотою своею печатью далъ есми;» ([2]) а шертная грамота Крымскаго Царя Магмедъ-Гирея Великому Князю Василію Іоанновичу въ 1518 г. данная—словами: «а въ семъ *золотомъ ярлыкѣ* кои слова есми молвили, и како тому и быти . . . молвя золотую съ синимъ нишаномъ жиковиною запечатавъ шертную грамоту далъ есми.» ([3]) Далѣе къ актамъ внутреннимъ особенной важности, напр. жалованнымъ грамотамъ монастырямъ на земли и привиллегіи, равно какъ къ договорамъ съ Новгородомъ и иностранными городами прикладывали печати серебре-

---

([1]) Титулярникъ (рукоп. Арх. Мин. Иностр. *Дѣлъ*) 6997 года стр. 80.

([2]) Собр. Гос. Гр. Т. V, стр. 2.

([3]) Тамъ же, стр. 81, 104, 124. Ср. стр. 37. Подъ словомъ *нишанъ* разумѣется на Восточныхъ языкахъ *знакъ, печать*.

ныя, которыя употреблялись также Московскими Митрополитами и Новгородскими Архіепископами, хотя грамоты меньшей важности тѣже лица утверждали печатями восковыми. Древнѣйшія новгородскія посадничьи и городовыя грамоты, до насъ дошедшія, равно какъ нѣкоторыя печати частныхъ лицъ—свинцовыя ([1]). Металлическія печати почти всегда двусторонніе и вислыя.

2) *Печати восковыя* или изъ чистаго воску—бѣлаго и желтаго, или изъ воска, смѣшаннаго съ красками: черныя, темнокоричневыя и красныя. Какъ первыя могли быть употребляемы всѣми, начиная отъ Великаго Князя и Митрополита, такъ воскъ красный составлялъ принадлежность однѣхъ печатей Велико-княжескихъ, Митрополичихъ и Новгородскаго Архіепископа и опять съ тѣмъ же различіемъ по содержанію и важности актовъ. Частная этихъ высшихъ лицъ переписка печаталась чернымъ воскомъ, тогда какъ грамоты оффиціальныя отличались воскомъ краснымъ. Но такъ какъ воскъ не проченъ и печать на немъ легко могла искрошиться, то въ видахъ сохраненія ея цѣлости и неприкосновенности въ XVI особенно вѣкѣ, когда образовалась наша Государственная Печать и съ расширеніемъ государственной дѣятельности въ приложеніи ея встрѣчалась все чаще и чаще необходимость, были прикладываемы:

3) *Печати воскомастичныя.* Вещество для нихъ составлялось изъ воску, мастики, красной краски, мѣла или муки. Этого рода печати очень прочны, съ перваго взгляда мало отличаются отъ сургучныхъ, цвѣтомъ или

([1]) При подробномъ исчисленіи печатей разныхъ видовъ и разрядовъ, мы будемъ всякій разъ означать, на чемъ онѣ оттиснуты.

красныя или бланжево-красноватыя. Нѣкоторыя изъ нихъ сохранились очень хорошо.

4) *Печати на дегтю* или на *смолѣ* встрѣчаются рѣже восковыхъ и прикладывались вѣроятно за недостаткомъ другихъ болѣе прочныхъ и для оттисковъ удобныхъ матеріаловъ. Въ находящейся у насъ рукописной крѣпостной книгѣ 1586 года, назначенной для внесенія въ нее по мѣрѣ явки кабалъ и разныхъ частныхъ сдѣловъ, книгѣ, на которую мы неоднократно будемъ имѣть случай ссылаться, читаемъ въ одномъ мѣстѣ подъ статьею о явкѣ *полной* Андреемъ Ивановымъ Пустошкинымъ, что «у полные печать печатана дегтемъ». (¹)

и 5) *Печати сургучныя*—черныя и красныя, появились только въ концѣ XVII вѣка и вошли въ общее употребленіе съ XVIII столѣтія.

Печати восковыя и воскомастичныя или прикладывались къ грамотамъ или привѣшивались къ нимъ, что также обозначалось иногда въ самомъ актѣ (²). Въ первомъ случаѣ для большей прочности около того мѣста, гдѣ предполагалось приложить печать, вырѣзывали четвероугольникъ (большій или меньшій, смотря по величинѣ печати) и огибнувъ его къ самой грамотѣ, чрезъ вдвое сложенный пергаментъ или чрезъ двойной слой бумаги, продѣвали тоненькую полоску пергамента или бумаги (также вдвое сложенной) и уже потомъ прикладывали пе-

---

(¹) Замѣчательная и единственная въ своемъ родѣ рукопись эта напечатана въ 1-ой половинѣ 2 Тома Архива Историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, который издаетъ Н. В. Калачовъ.

(²) «И къ той грамотѣ *приложили* есмя свою печать.» Собр. Гос. Гр. V. стр. 9. «печать свою *приложилъ*.» стр. 39. ср. стр. 53. 61. 65. 68 и др. Къ актамъ частнымъ, не оффиціальнымъ, печети чаще прикладывались, чѣмъ привѣшивались.

чать, которая и держалась собственно на этихъ полоскахъ.

Печать, формы по большей части круглой, рѣже продолговатой, прикладывалась, если была одна, на нижнемъ краю грамоты, иногда въ срединѣ самаго акта; а если ихъ было нѣсколько, то въ размѣщеніи ихъ начинали отъ лѣвой руки къ правой по старшинству и достоинству лицъ или по обычаю (напр. на Новгородскихъ грамотахъ печати представителей разныхъ концовъ города) или наконецъ по порядку упоминовенія лицъ въ началѣ акта. Послѣднее обстоятельство не должно быть оставляеме безъ вниманія, потому что не рѣдко служитъ единственнымъ средствомъ узнать, кому изъ утвердившихъ актъ печатями своими лицъ принадлежитъ та или другая печать, если она не именная и не состоитъ изъ камея, въ именной ободочекъ вставленнаго.

Для большей сохранности прикладываемыя печати прикрывались иногда бумажною накладкою и назывались *подъ кустодіею.* Съ XVII вѣка предосторожность эта соблюдалась чаще, а изъ времени Царя Өеодора Іоанновича сохранилось нѣсколько печатей, приготовленныхъ изъ воско-мастики и покрытыхъ листовымъ золотомъ. У насъ кустодія чаще употреблялась для охраненія государственныхъ, чѣмъ частныхъ печатей, и форма ея, т. е. гладко ли обрѣзаны края кустодіи или изгибами, была подробно обозначена въ титулярникѣ для трактатовъ Россіи съ другими государствами, а практикою опредѣлена для различныхъ видовъ жалованныхъ грамотъ.

Вислыя печати были по большей части двустороннія, такъ что Государственная Печать и тогда даже, когда Московскій Гербъ уже нашелъ себѣ мѣсто въ сердцѣ двуглаваго орла, въ случаяхъ, когда она привѣшивалась,

представлялась въ раздѣльномъ видѣ: съ одной стороны орелъ, а съ другой всадникъ на конѣ; а на печатяхъ прикладываемыхъ эмблеммы этѣ соединялись. Рѣдко печати вислыя были односторонніа и почти исключительно принадлежали частнымъ людямъ.

Достоинство лица, кому принадлежала печать, и степень важности акта, къ которому она привѣшивалась, отражались и въ ниткахъ или снуркѣ, къ которымъ она прикрѣплялась. Печати частныхъ лицъ почти всегда привѣшивались на суровыхъ ниткахъ, которыя продѣвались чрезъ отверзтія, въ пергаментѣ или бумагѣ сдѣланныя, а царскія на шелковыхъ снуркахъ чаще малиновыхъ, рѣже зеленыхъ, голубыхъ, синихъ съ золотомъ.

Къ нѣкоторымъ актамъ привѣшивалось по нѣскольку печатей числомъ отъ двухъ до двѣнадцати и болѣе, отъ разныхъ лицъ, въ самой грамотѣ упоминаемыхъ. Печати эти также размѣщались по достоинству лицъ въ томъ же порядкѣ, какъ изложено выше для печатей прикладываемыхъ. На Новгородскихъ грамотахъ находимъ, начиная съ лѣвой руки, на первомъ мѣстѣ печати Великихъ Князей, потомъ архіепископа, далѣе посадниковъ и тысяцкихъ.

Изложивъ общія примѣты древнихъ Русскихъ печатей, переходимъ къ описанію и исчисленію ихъ родовъ и видовъ: а именно: 1) *печатей Великаго Князя и младшей его братіи*, 2) *городовъ*; 3) *духовенства*; 4) *должностныхъ лицъ и приказовъ*, и 5) *прочихъ классовъ народонаселенія*.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Печати Княжескія.

§ 38.

Печати Кіевскихъ В. Князей.

При изложеніи печатей Княжескихъ мы будемъ держаться порядка хронологическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ прослѣдимъ ихъ по княжествамъ, чтобы изъ сравненія эмблеммъ, на печатяхъ разныхъ Князей встрѣчаемыхъ, вывести заключеніе о вліяніи, которое изображенія на печатяхъ имѣли на фигуры, перешедшія въ гербы областей и городовъ. Мы начнемъ съ печатей В. Князей Кіевскихъ. Изображеніе Архангела Михаила составляло почти всегда необходимую ихъ принадлежность: это легко объясняется тѣмъ, что Кіевъ, мать градовъ Русскихъ, былъ центромъ, изъ котораго Православіе излилось на всю нашу родину.

Единственная печать, сохранившаяся до нашего времени отъ XII вѣка, привѣшена къ жалованной грамотѣ Князя Мстислава Владиміровича и сына его Всеволода (1125—1132 года ([1]). Актъ этотъ хранится въ Новгородскомъ Юрьевомъ Монастырѣ, которому пожалованъ ([2]): на привѣшенной къ ней серебрсной позолоченой печати изображенъ съ одной стороны ликъ Іисуса Христа, а съ

([1]) *Карамзинъ* Т. II. Гл. 8.

([2]) Грамота эта напечатана въ 1-мъ Т. дополненій къ историческимъ актамъ. № 2.

другой Архангела Михаила, поражающаго зміа [1] (Табл. IV рис. I).

Отъ XIII и XIV вѣковъ сохранилось также нѣсколько Велико-княжескихъ печатей, и не смотря на то, что столъ Великаго Князя перенесенъ во Владиміръ на Клязьмѣ, Кіевъ не потерялъ своего прежняго значенія и имяна—Архангелъ Михаилъ—не сходило съ Велико-княжеской печати до половины XIV вѣка. А именно: 1) когда по смерти Александра Невскаго братъ его Ярославъ Ярославичъ наслѣдовалъ прародительскій Велико-княжескій престолъ, то онъ двумя грамотами 1265 и 1270 годовъ подтвердилъ Новгороду его прежнія права и преимущества и при послѣднемъ изъ этихъ актовъ сохранилась одна свинцовая печать. Изображеніе на ней поистерлось; но тѣмъ не менѣе на одноіі сторонѣ можно разпознать ликъ Спасителя по сохранившимся буквамъ С—I, а на другой Святаго, одѣтаго въ епанчу, держащаго въ лѣвоій рукѣ щитъ, который покоится на землѣ, а въ правыій рукѣ имѣющаго копье [2]. Можетъ быть, это ликъ Архангела Михаила, хотя сохранившійся съ лѣвоіі стороны знакъ въ родѣ нашего ф. (табл. IV. рис. 2) наводитъ на мысль, не было ли вокругъ стершейся надписи *Ярославъ*, какъ вокругъ подобнаго изображенія на грамотѣ Тверскаго Князя Александра Михайловича отъ 1327 г. видна надпись *Александръ* [3] 2) Къ двумъ договорнымъ грамотамъ, заключеннымъ между В. К. Михаиломъ Ярослави-

---

(1) Вѣстникъ Европы 1818 г. № 15, 16. Нынѣ Архангелъ Михаилъ изображается въ гербѣ города Архангельска летящимъ, вооруженнымъ пламеннымъ мечемъ и щитомъ и поражающимъ поверженнаго діавола (Полн. Собр. Зак. 1780 г. Окт. 2, № 15069).

(2) Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ Т. I, стр. 3. 4.

(3) Тамъ же, стр. 20.

чемъ и Новгородомъ въ 1295 г., привѣшена печать серебреная вызолоченная. На одной ея сторонѣ изображенъ ликъ Св. Архангела Михаила ([1]), на что указываютъ сохранившіяся по бокомъ печати буквы—*М*. Х, *А*, а на другой—Св. Николая, правою рукою благословляющаго, въ лѣвой держащаго Евангеліе, а съ боковъ надпись ([2]) (табл. IV, рис. 3); 3). Къ грамотѣ, заключенной между тѣмъ же В. Княземъ и Новгородомъ въ 1305 г., привѣшена свинцовая печать (табл. IV рис. 4). На одной ея сторонѣ изображенъ ликъ Спасителя, на престолѣ сидящаго. Правою рукою Господь благословляетъ, а въ лѣвой держитъ *яблоко* съ крестомъ, вокругъ надпись— Іс. Хр. Ніка. А на другой сторонѣ изображенъ также Архангелъ Михаилъ съ распущенными крыльями, одѣтый въ броню. Печать эта по отдѣлкѣ, надписамъ и чекану такъ хороша, что почти безъ ошибки можно приписать ее мастерамъ Греческимъ ([3]). 4) Но и эта печать употреблялась не всегда: нѣсколько болѣе, чѣмъ чрезъ десять лѣтъ послѣ предъидущаго документа, а именно въ 1317 г. заключенъ тѣмъ—же Великимъ Княземъ Михаиломъ Ярославичемъ также съ Новгородомъ договоръ, скрѣпленный грамотою, къ которой привѣшена иная печать: неизмѣнною на ней эмблеммою осталось изображеніе Архангела Михаила, а на другой ея сторонѣ видимъ Св. Николая Чудотворца (табл. IV рис. ([4]). 5) Изъятіе составляетъ печать

([1]) Не имѣемъ впрочемъ твердыхъ основаній оспаривать возраженіе, которое могутъ сдѣлать, что образъ Св. Михаила помѣщенъ на означенныхъ печатахъ, не какъ знаки города Кіева, а въ соотвѣтствіе съ именемъ, которое носилъ Великій Князь, актъ писавшій.

([2]) Тамъ же, стр. 5. Исторія *Г. Р. Карамзина* IV. прим. 187.

([3]) Собр. Гос. грам. и дог. 1. стр. 9.

([4]) Тамъ же, стр. 16.

Великаго Князя Тверскаго Александра Михайловича на договорной его грамотѣ съ Новгородомъ 1327 года. Печать эта имѣетъ на одной сторонѣ изображеніе Спасителя, возсѣдающаго на престолѣ и благословляющаго, а съ другой стороны ликъ Святаго, съ надписью вокругъ Александръ; онъ въ епанчѣ, по колѣни висящей и держитъ въ правой рукѣ копье, а въ лѣвой щитъ. ([1]) Но и это отступленіе отъ разъ принятаго начала нельзя, по нашему мнѣнію, считать произвольнымъ: оно объясняется тѣмъ, что въ эту именно эпоху по смерти Юрія Даниловича, убитаго въ ордѣ В. К. Димитріемъ Михайловичемъ Тверскимъ, Московскій Князь получилъ первенство въ раду Князей Русскихъ и Іоаннъ Даниловичъ Калита оспаривалъ и оспорилъ титулъ Великаго Князя у Александра Михайловича Тверскаго ([2]).

Московскій Великій Князь избралъ для своихъ печатей другую эмблему; но обзору ихъ должны предшествовать по времени печати Смоленскія.

§ 39.

Печати Смоленскія и Галицкая.

Къ 1228 и 1229 годамъ относятся торговые договоры Смоленскаго Князя Мстислава Давидовича съ городомъ Ригою и Готландскимъ берегомъ. Они давно уже изданы, но недавно открытъ въ тайномъ архивѣ города Риги реэстръ бумагъ, въ немъ находящихся, и въ актѣ этомъ слѣдующимъ образомъ исчисляются заключенные съ Смоленскомъ трактаты: 1) договоръ 1228 г. между

([1]) Тамъ же, стр. 20.
([2]) *Карамзинъ*, Т. IV гл. 8.

Смоленскомъ и Ригою на Русскомъ Языкѣ *съ одною* вислою печатью; 2) того же года *съ двумя* висльими печатями, 3) 1229 года *съ одною* печатью, 4) того же года *съ двумя* печатями, изъ которыхъ одна оторвана и 5) Смоленскаго Князя Ивана Александровича утвердительная грамоты прежнихъ договоровъ съ Ригою и Готландскимъ берегомъ, данная между 1330 и 1359 годами, съ двухстороннею желтою восковою печатью на малиновомъ снуркѣ (1). Къ сожалѣнью изъ шести печатей, бывшихъ на грамотахъ 1228 и 1229 годовъ, сохранилось только три и всѣ серебреныя, привѣшенныя на красныхъ шелковыхъ шнуркахъ. Одна изъ нихъ съ изображеніемъ льва и на оборотѣ съ надписью *Великаго Князя Θедора печать*. Извѣстно, что Князь Мстиславъ носилъ и другое Христіанское имя Θеодоръ. Форма льва съ расправленными когтями, положеніе его хвоста, пригнутаго къ спинѣ (какъ это видно на табл. IV рис. 6), заставляетъ подозрѣвать иностранное происхожденіе этой эмблемы. На другой же печати сохранилась надпись (табл. IV, рис. 7), судя по которой, заключаютъ, что это печать Смоленскаго владыки (2). Нѣтъ, во всякомъ случаѣ, никакого основанія согласиться съ То-

---

(1) *Tobien*. Die ältesten Tractate Russlands. Dorpat. 1845 S. 44. 45. Въ изданіи этомъ Профессоръ Тобинъ, одѣлавъ переводъ на Нѣмецкій Языкъ древнѣйшихъ Русскихъ договоровъ и трактатовъ, помѣстилъ нѣкоторые снимки съ этихъ бумагъ и привѣшенныхъ къ нимъ печатей.

(2) Такое объясненіе печати будетъ согласно съ тѣмъ чтеніемъ надписи на ней, которое принимаетъ И. И. Срезневскій (въ Запискахъ Археолог. Общ. Т. III, стр. 222). Онъ читаетъ: *влдк. Смоленско. и пчта. кръет*. Въ снимкахъ намъ извѣстныхъ виды буквы: *ієрьо* (табл. IV рис. 7) и сравнивая эту надпись съ правописаніемъ слова: *Іеремей* съ самомъ актѣ, я не нахожу причинъ сомнѣваться, что печать принадлежала этому именно лицу. (Ср. *Карамзинъ* Т. III прим. 248. *Tobien* Tractate Russlands стр. 47).

биномъ (1) и признать ее за печать города Смоленска. За недостаткомъ свѣдѣній, кто былъ въ эпоху написанія грамоты Смоленскимъ Епископомъ (2) и судя по формѣ первыхъ буквъ, которыя уцѣлѣли на печати, можно, кажется, безъ ошибки заключить, что это была печать «лучшаго», какъ сказано въ самомъ трактатѣ «попа Іеремея», посланнаго въ Ригу для заключенія договора вмѣстѣ съ умнымъ мужемъ Пантелѣемъ (не ему ли принадлежала третья утратившаяся съ акта печать?) (3).

Наконецъ въ Рижскомъ архивѣ на той же перепискѣ 1229 г. сохранилась третья печать съ совершенно неясным изображеніемъ Святаго во весь ростъ, и съ обѣихъ сторонъ этой фигуры буквы, которыхъ разобрать нельзя (4) (табл. IV, рис. 8). Ближе всего признать это изображеніе за ликъ св. Ѳеодора, имя котораго носилъ заключавшій трактатъ Смоленскій Князь: труднѣе объяснить въ этомъ смыслѣ надпись, очевидно неполную.

При этомъ необходимо упомянуть о желто-восковой, на малиновомъ шелковомъ снуркѣ привѣшанной, печати къ договорной грамотѣ Смоленскаго Князя Ивана Александровича съ Ригою. На одной сторонѣ этой печати изображенъ крестъ, а на другой *персона*, одѣтая въ епанчу и въ латахъ, и идущая съ булавою отъ правой стороны съ лѣвой. Вокругъ надпись, которую разо-

(1) *Tobien* Ibidem.

(2) *Амвросія* Исторія Россійской Іерархіи Т. I. 1822, стр. 161.

(3) Имена двухъ этихъ лицъ встрѣчаются въ самомъ началѣ трактата. «Уадумалъ Князь Смольнескый Мстиславъ, Давидовъ сынъ, прислалъ въ Ригу своего лучьшего попа Іеремея и съ нимъ умьна мужа Пантелѣя». (Собр. Гос. Гр. и дог. Т. II стр. 1).

(4) *Tobien* стр. 47. 48. Снимокъ съ печати этой приложенъ къ его книгѣ: Die altesten Tractate Russlands.

брать не смотря на всѣ усилія нельзя: по очертанію буквъ она не Русская и вѣроятно принадлежала представителямъ города Риги, скрѣпившимъ этою печатью обѣщаніе соблюдать трактатъ со стороны Риги. Доказательствомъ того служитъ какъ форма креста не Русская, такъ и одѣаніе на персонѣ: оно совершено рыцарское (¹) (табл. IV, рис. 9).

§ 40.

Изъ разсмотрѣнія означенныхъ Княжескихъ печатей XII, XIII и XIV вѣковъ мы дѣлаемъ слѣдующіе выводы: 1) что для В. Княжества Кіевскаго образовалась постоянная эмблемма Архангела Михаила, и 2) что такъ какъ печать должна была замѣнять подпись Князя и притомъ охранять святость и ненарушимость того трактата, къ которому приложена: то всего естественнѣе было ей носить на себѣ изображеніе того Святаго, по имени котораго Князь назывался и кромѣ того надпись чья печать. На оборотѣ видимъ нерѣдко ликъ Спасителя или святаго, напр: Николая Чудотворца, который пользовался и пользуется у насъ особеннымъ почитаніемъ.

Сообразно изложенному началу у Князя Галицкаго Юрія Львовича, который, наслѣдовавъ послѣ смерти дяди своего Мстислава Даніиловича и Владимірскую область, принялъ наименованіе Короля Россійскаго, Rex Russiae, на печати было съ одной стороны изображеніе Юрія или Георгія на тронѣ въ вѣнцѣ и съ скиптромъ въ правой рукѣ, кругомъ подпись: «Domini Georgii, regis Russiae, а на другой сторонѣ: всадникъ въ латахъ, въ

(¹) Собр. Гос. Гр. и Дог. II, стр. 11.

рукахъ щитъ и знамя, а вокругъ надпись: Domini Georgii principis Ladimeriae (¹).

§ 41.

Печати Великихъ Князей Московскихъ (²).

Переходя къ Московскимъ Велико-княжескимъ печатямъ, мы должны предварительно замѣтить, что и на нихъ отразились тѣ же отличительныя черты, какія мы видѣли и на другихъ Княжескихъ печатяхъ, т. е. что В. Князь утверждалъ грамоту изображеніемъ того святаго, котораго онъ почиталъ своимъ покровителемъ, а надпись, что печать принадлежала такому именно В. Князю вполнѣ замѣняла его подпись. Но рядомъ съ этимъ типомъ вырабатывалась постепенно другая идея: Москвѣ было суждено постоянными усиліями, безпрерывною, долговременною борьбою съ врагами внутренними и внѣшними дойти до высшихъ понятій о самодержавіи, положить прочное основаніе самостоятельному Государству и разширять его предѣлы. Это убѣжденіе въ великомъ призваніи Москвы, эта борьба во всей своей полнотѣ отразилась сперва на штемпеляхъ монетъ В. К. Московскихъ, а потомъ на печати ихъ. Не смотря на все разнообразіе изображеній этихъ, наука должна, по нашему мнѣнію, найти въ нихъ общія черты и мы воспользуемся изложеннымъ выше началомъ при изложеніи исторіи Московской Печати и Московскаго Герба.

(¹) *Карамзинъ*, IV, стр. 104, прим. 204, 268, 276.

(²) Большая часть печатей Московскихъ Великихъ Князей напечатаны въ Румянцовскомъ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. На это изданіе мы ссылаемся, а у себя перепечатываемъ только немногія печати, какъ образцы.

Слѣдуя порядку хронологическому, мы начнемъ съ печатей именныхъ и отмѣтимъ:

1) Печать В. К. Іоанна Даниловича Калиты: на его духовной грамотѣ 1328 года, печать восьмиугольная, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Спасителя, а на другой Св. Іоанна Предтечи. Вокругъ по обѣимъ сторонамъ надпись: *Печать Великаго Князя Ивана*. Она серебреная позолоченая, отличается отчетливостію отдѣлки и тѣмъ, что хорошо сохранилась (¹).

2) На договорной грамотѣ Великаго Князя Симеона Іоанновича Гордаго съ его братьями (1341 г.), вообще обветшавшей, были привѣшены двѣ восковыя печати; но онѣ до того повреждены, что изображенія на нихъ распознать, къ сожалѣнію, нельзя (²); но на духовной грамотѣ В. К. Симеона, въ монашествѣ Созонта, 1353 г., сохранились три печати: одна серебреная позолоченая двусторонняя, велико-княжеская, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Св. Симеона, что гласитъ и надпись: *Семенъ Святый*, а на другой подпись: *печать Князя Великаго Симеона всеа Руси*. Рядомъ съ этою велико-княжескою висятъ двѣ восковыя, односторонніи и повидимому перстневыя печати, приложенныя вѣроятно не В. К. Симеономъ, а монахомъ Созонтомъ: на одной изъ этихъ печатей изображена *персона*, по очертанію лица и по формѣ античная гемма, а на другой малый шестиугольникъ, внутри и вокругъ его непонятная надпись (³).

3) Къ духовной В. К. Іоанна Іоанновича 1356 года привѣшена серебреная позолоченная двусторонняя печать, на которой изображенъ съ одной стороны Св. Іо-

(¹) Собр. Гос. Гр. I, стр. 33, 35. *Карамзинъ*, И. Г. Р. Т. IV прим. 325.
(²) Собр. Гос. Гр. I, стр. 37.
(³) Тамъ же, стр. 38.

линъ съ надписью: Агіωсъ Іω (аминь), а съ другой подпись: *печать Князя Великаго Ивана Ивановича*, безъ прибавленія всея Руси (1).

Но на монетахъ его правленія, до насъ дошедшихъ, въ штемпелѣ уже начинаетъ проявляться убѣжденіе о борьбѣ съ врагами и о побѣдѣ надъ ними; и именно на нѣкоторыхъ его монетахъ изображенъ воинъ въ остроконечной шапкѣ (нѣтъ сомнѣнія, что это самъ В. Князь), который, вынувъ мечъ изъ ноженъ, какъ бы готовится на бой (табл. V, рис. 1), на оборотѣ надпись *Великаго Князя Ивана Ивановича;* а другое изображеніе (табл. V, рис. 2) еще знаменательнѣе: человѣкъ намѣренъ поразить мечемъ гидру, которая разъярившись силится броситься на него (2). Повторяемъ (ибо на этомъ будетъ основанъ нашъ дальнѣйшій выводъ): во всѣхъ этихъ типахъ слишкомъ много смысла и значенія для того, чтобы приписать измѣненіе рисунка вкусу и произволу денежника: какъ В. Князь грозитъ поразить гидру, такъ чрезъ полстолѣтія мы увидимъ его поразившимъ ее тогда, когда врагъ дѣйствительно ослабѣетъ и будетъ побѣжденъ (3).

4) Печать В. К. Дмитрія Іоанновича также серебряная, имѣетъ на одной сторонѣ изображеніе Св. Дмитрія

(1). Тамъ же, стр. 41, 43. *Карамзинъ*, IV прим. 386.

(2) Черткова, Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ, стр. 1, 2.

(3) Изъ многихъ извѣстныхъ намъ древнихъ печатей Западной Европы, равно какъ Славянскихъ племенъ, гдѣ та же идея борьбы съ врагами выражалась подобнымъ образомъ, мы приведемъ одну печать *Лешка Черного*, бывшаго на Польскомъ престолѣ съ 1279 по 1289 годъ. Печать эту мы заимствуемъ изъ новаго сочиненія Фоссберга: Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen. Berlin. 1854 Taf. [illegible]. Она изображаетъ самого Герцога въ полномъ вооруженіи, защищающаго крѣпость отъ непріятеля, въ видѣ крылатаго чудовища (табл. V, рис. 6).—Ср. *Карамзина* И. Г. Р. IV стр. 91.

Солунскаго и букву Д, а съ другой строчную надпись: *печать Князя Великаго Димитрія*. Но замѣтимъ, что изображеніе Св. Дмитрія на двухъ дошедшихъ до насъ печатяхъ В. К. Дмитрія Іоанновича не одинаково, а именно: на первой духовной его грамотѣ 1371 года онъ представленъ въ бронѣ и развѣвающейся епанчѣ, съ вѣнцомъ на головѣ, со знаменемъ въ правой рукѣ и кругомъ въ лѣвой (¹), а на печати, привѣшенной по второй его духовной 1389 года, къ оружію прибавленъ мечъ, висящій позади, такъ что видны только рукоятка его и конецъ, въ правой рукѣ копье, а въ лѣвой щитъ сердцеобразной формы съ монограммою Х, вокругъ изображенія надпись: *Св. Димитрій*, а съ другой стороны надпись: *Князя Великаго Дмитрія Ивановича всея Руси* (²), титулъ, котораго мы прежде не встрѣчаемъ и который принятъ послѣ договорныхъ грамотъ Донскаго съ братомъ его Княземъ Владиміромъ Іоанновичемъ и дѣтьми сего послѣдняго. Мы не упоминаемъ при этомъ о печатяхъ, привѣшенныхъ къ договорнымъ этимъ грамотамъ, потому что онѣ дурно сохранились и надписи до того стерлись, что не знаешь, кому печати эти принадлежали. На одной изъ нихъ видѣнъ образъ Св. Николая (³).

Столь извѣстныя и богатыя послѣдствіями побѣды, одержанныя Дмитріемъ Донскимъ надъ Татарами, дали ему полное право на изображеніе въ видѣ человѣка, обращеннаго влѣво и держащаго въ правой рукѣ сѣкиру, а въ лѣвой мечъ (табл. V, рис. 3), поднятые

(¹) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 1, стр. 51.

(²) Такъ же, стр. 62. *Карамзинъ* V, прим. 116.

(³) Собр. Гос. Гр. I, стр. 53.

вверхъ, какъ будто бы онъ готовился на бой. Предъ нимъ звѣзда, а вокругъ надпись: *печать Князя Великого Дмитрія* (1). Позднѣе Князь является на конѣ съ подъятымъ мечемъ, а подъ лошадью человѣческая голова (2). При преемникѣ Дмитрія Донскаго типъ этотъ еще болѣе развился и установился.

5) На большой печати В. К. Василія Дмитріевича, сообразно тому же началу, которымъ руководствовались прежніе наши Великіе Князья, изображенъ совершенно согласно съ подлинникомъ (3), въ видѣ образа, св. Василій Кесарійскій, а на оборотѣ надпись: *печать Князя Великаго Васильева Дмитріева всея Руси*.—Печать эта привѣшена къ духовной его грамотѣ 1406 г. (4). Но вмѣстѣ съ тѣмъ на печати переходятъ тѣ эмблемы, которыя мы уже видѣли на Московскихъ монетахъ, эмблемы, столь приличныя Москвѣ и дѣятельности ея Великихъ Князей. Такъ къ договорной грамотѣ В. Князя Василія Дмитріевича съ дядею его Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ (1389 г.) привѣшено три печати, изъ нихъ одна большая и по почетному своему мѣсту на лѣвомъ краю, безъ сомнѣнія, принадлежавшая Великому Князю, носитъ изображеніе всадника на конѣ, копьемъ вооруженнаго (табл. V, рис. 4) (5). Фигура эта мало отли-

---

(1) Reichelsche Münzsammlung. B. 1. Spb. 1842 S. 3.—Baron Chaudoir Aperçu des monnaies Russes. T. II № 3.—Я. Я. *Рейхеля* Дополненія къ Русской Нумизматикѣ средняго вѣка (въ 1-мъ Т. Зап. Археол. Общ.) стр. 22.

(2) Reichelsche Münzsammlung I. 3.

(3) Подъ именемъ *подлинника* разумѣется собраніе правилъ иконописанія. Онъ расположенъ по мѣсяцамъ и днямъ, и подъ каждымъ числомъ описывается, какъ должно изображать святаго, котораго въ тотъ день празднуетъ Св. Церковь.

(4) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, стр. 74.

(5) Тамъ же, стр. 64, 71.

чается отъ штемпеля на монетахъ того же Великаго Князя; но еще ближе къ нимъ В. Князя печать: всадникъ, разсѣкающій воздухъ мечомъ (1) (табл. IV, рис. 10); а что это изображеніе самого Великаго Князя, о томъ свидѣтельствуетъ надпись на монетахъ его съ тѣмъ же изображеніемъ: *Князь Великій Василій Дмитріевичь* (2).

Въ то же самое время, какъ эта воинственная и грозная эмблемма усвоена Московскимъ Великимъ Княземъ, *независимо* отъ Москвы возникло и росло на Западѣ Россіи сильное противовѣсіе ей, Литва. Изъ маленькой, бѣдной и ничтожной области Гедиминъ и его потомки возвели ее на степень государства, расширивъ ея предѣлы на счетъ Москвы. Тотъ же всадникъ, ѣдущій на конѣ *подъ снятымъ мечемъ*, былъ усвоенъ и Литвою, и если Витенъ, взявшій этотъ гербъ, видѣлъ въ немъ, по выраженію нашей лѣтописи (3), *«рыцаря збройнаго на конь съ мечемъ»*, погонъ этотъ въ послѣдствіи обратился въ изображеніе самого Литовскаго В. Князя, ѣдущаго, по обыкновенію, на конѣ на защиту своихъ владѣній, и для расширенія предѣловъ своего государства. Та же идея, не оставлявшая Московскихъ Великихъ Князей, не могла не выразиться на ихъ печатяхъ и монетахъ, а простее

---

(1) Тамъ же, стр. 82.

(2) *Чертковъ*, Описаніе монетъ, стр. 9. — Какъ самое слово *Князь* происходитъ отъ *коня* и *ѣздить*, какъ военная служба отправлялась благороднымъ сословіемъ на конѣ, такъ всего приличнѣе для Князя было изображать себя на монетахъ и печатяхъ коннымъ. Такое его положеніе было самымъ естественнымъ и потому удержалось надолго.

(3) Прибавленіе къ Ипатьевской лѣтописи (въ Полн. Собр. Русскихъ Лѣтописей, Т. II), стр. 346. Въ статейномъ спискѣ Русскаго посольства въ Польшу 1673 года погонъ описанъ такъ: «особа рыцарская на конѣ въ погонѣ, имѣющая въ руцѣ мечъ обнаженный». П. И. *Ивановъ*, Описаніе Государств. Архива старыхъ дѣлъ. М. 1850, стр. 321.

сравненіе печатей В. К. Василія Дмитріевича съ печатью Витовта заставляетъ подозрѣвать заимствованіе (если не идеи, то изображенія) (табл. IV, рис. II), что становится совершенно яснымъ, если вспомнимъ, что В. Князь Василій Дмитріевичъ былъ женатъ на дочери его, Софіи Витовтовнѣ ([1]). Пользуемся случаемъ, чтобы приложить къ этому изслѣдованію печать Князя Корибута Ольгердовича, владѣвшаго Новгородомъ-Сѣверскимъ. Она носитъ изображеніе всадника съ копьемъ, а Русская надпись на оборотѣ ея показываетъ, какъ твердо Литва была сплочена съ коренною Россіею ([2]) (табл. VI, рис. 5).

Что дѣйствительно на Московскихъ деньгахъ и печатяхъ былъ изображенъ самъ Государь всея Руси, доказываетъ, кромѣ надписи, и то, что на иныхъ монетахъ В. Князь представляется какъ бы въ минуты отдыха занимающимся охотою: онъ верхомъ и на правой рукѣ держитъ сокола ([3]). Какую важность придавали у насъ въ древности этой забавѣ, тому лучшимъ доказательствомъ служитъ уставъ о соколиной охотѣ Царя Алексѣя Михайловича. Штемпель этотъ не былъ чуждъ и печатямъ; хотя онъ не встрѣчается ни на одной изъ Велико-Княжескихъ, мы видимъ печать съ этимъ изображеніемъ привѣшенною къ духовному завѣщанію 1498 г. Князя Ивана Юрьевича Патрикѣевича (табл. V, рис. 8) ([4]). Сходство ея съ монетнымъ штемпелемъ чрезвычайное (табл. V, рис. 7). Обстоятельство это, т. е. переходъ такой эмблемы на печать мелкаго удѣльнаго

([1]) Записки Археол. Общ. Т. I стр. 226. *Сахаровъ* въ Запискахъ Отд. Русск. Археол. Т. I стр. 126.

([2]) Приведеннаго сочиненія Фоссберга стр. 43. Табл. XXIII.

([3]) *Чертковъ* Табл. I № 5, 6.

([4]) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, стр. 333.

Князя (надпись стерлась и не видно, кому именно печать принадлежала) вполнѣ объясняется тѣмъ, что перстни составляли часть наслѣдства, упоминаемаго въ завѣщаніяхъ, и этимъ путемъ переходили отъ одного Князя къ другому.

Изъ частныхъ печатей Великаго Князя Василія Дмитріевича сохранились на монетахъ такія, какихъ не видимъ приложенными къ грамотамъ. Мы уже не однократно выражали убѣжденіе, что названіе—*печать*, постоянно придаваемое этимъ изображеніямъ, не могло бы имѣть мѣста, если бы онѣ дѣйствительно не были печатями въ настоящемъ значеніи слова. Не придется же этотъ эпитетъ всаднику на конѣ, какъ портрету самого Государя, или другимъ эмблемамъ, также на монетахъ встрѣчающимся и выражающимъ характеръ дѣятельности, но не печать В. Князя Московскаго. А что остатки печатей этихъ въ оригиналѣ или въ слѣпкахъ на грамотахъ не сохранилось, не должно удивлять никого: всѣ ли печати изданы, извѣстны ли всѣ древніе перстни, хранящіеся въ Московской Оружейной Палатѣ, въ казенныхъ и частныхъ архивахъ и музеяхъ, а сколько истреблено пожарами, невѣжествомъ и т. п. д? (¹).

Преслѣдуя одну главную цѣль показать, какъ образовался Московскій и въ послѣдствіи Государственный Гербъ и въ этихъ только видахъ излагая Княжескія печати, мы покажемъ главный типъ печатей, сохранившихся на оборотной сторонѣ Московскихъ денегъ, чеканенныхъ при В. Князѣ Василіи Дмитріевичѣ: это голова въ про-

(¹) Нельзя не желать, чтобы драгоцѣнные эти памятники нашей старины наконецъ были изданы вполнѣ и достойнымъ ихъ образомъ. За образецъ подобнаго изданія можно взять: *Abrahami Gorlaei* Antverpiani dactyliothecae (перстни) seu annulorum sigillarium collectio cum explicationibus Jacobi Granovii. Lugduni Batavorum. 1695.

филь, обращенная вправо, въ шапкѣ, а по сторонамъ двѣ тамги Хановъ Золотой Орды, которыю требовали, чтобы на монетахъ подвластныхъ имъ Князей былъ вычеканенъ такой знакъ покорности (1). Голова эта представлялась влѣво, или вправо, была различныхъ очертаній, видовъ (2), что̀ условливалось бо̀льшимъ или мѐньшимъ искусствомъ мастера, чеканившаго деньги; но вѣроятно эта была копія съ антика, напр. со вставленнаго въ печать Князя Андрея Владиміровича (3).

6) Печать преемника и сына В. К. Василія Димитріевича, Василія Васильевича Темнаго, принявшаго титулъ *Государя всея Руси*, носитъ еще болѣе примѣтъ его идей о самодержавіи Москвы. На монетахъ его времени главный типъ, неизмѣнный почти на всѣхъ его деньгахъ съ подписью—*осподарь* (4), есть самъ Великій Князь (о чемъ свидѣтельствуютъ поставленныя съ боковъ буквы к и я), направо скачущій и колющій копьемъ змія (5). Значеніе этой эмблеммы на печати отца Іоанна Васильевича памятью, если вспомнить его отношенія къ Татарамъ и удѣльнымъ Князьямъ (табл. V, рис. 5). Тѣмъ же объясняется какъ сохраненіе прежнихъ типовъ, т. е. человѣка съ мечемъ и сѣкирою, всадника, скачущаго съ мечемъ наголо, или ѣдущаго съ соколомъ на рукѣ (6), такъ и введеніе новыхъ изображеній, а именно: а) человѣкъ—В. Князь, судя по коронѣ и одѣянію, въ кото-

(1) *Чертковъ*, стр. 5.

(2) Тамъ же, табл. I рис. 5, 8, 9, 12 и др.

(3) Собр. Госуд. Грам. Т. I стр. 82.

(4) *Чертковъ*, стр. 31, 33, табл. III рис 5. табл. IV. рис. 8.

(5) *Чертковъ*, табл. II. 1. 4. *Reichelsche* Münzs. I. 8, 9, 10.

(6) *Чертковъ*, табл. II рис. 2, 3, 6, 7. III рис. 11. IV. 1, 2, 12 и др. Reichelsche Münzsammlung. I. 7.

рыхъ онъ представленъ, какъ будто выговариваетъ другому человѣку, стоящему предъ нимъ на колѣняхъ ([1]), (табл. V, рис. 9); б) сидящій на престолѣ В. Князь въ коронѣ съ аттрибутами власти: скипетромъ и державою ([2]), (табл. V, рис. 9, 10); надпись и тѣ же буквы *к* и *н* ясно свидѣтельствуютъ, чье лице изображено въ этомъ штемпелѣ; в) одинаковый смыслъ, выраженный аллегорически, просвѣчиваетъ и чрезъ другія эмблемы, встрѣчаемыя на монетахъ того же Государя, какъ то: бѣгущій грифонъ, а подъ нимъ лежащій навзничь человѣкъ, на оборотѣ надпись *Князь Великій Василій* ([3]), или: два человѣка лицемъ къ лицу держатся за дерево и каждый тянетъ его къ себѣ, а на оборотѣ человѣческая голова съ надписью вокругъ: «Князь Великій Василій» ([4]), далѣе человѣкъ, колющій копьемъ звѣря, стоящаго на заднихъ лапахъ ([5]), или стрѣляющій изъ лука въ птицу, на деревѣ сидящую, причемъ на другой сторонѣ отмѣчено: «Князь Великій Василій» ([6]) или рубящій что-то топоромъ и та же надпись ([7]), или наконецъ держащій въ рукѣ срубленную голову, подъ которою точки вѣроятно означаютъ капли крови ([8]).

Изложить подробнѣе типы изображеній на монетахъ В. Князя Василія Васильевича намъ казалось необходимымъ потому, что отъ долговременнаго его правленія сохранилось мало печатей съ тѣмъ оффиціальнымъ штем-

---

([1]) *Чертковъ*, табл. II рис. 9.
([2]) Тамъ же, таб. II. рис. 11, табл. III р. 2. 6.
([3]) Тамъ же, II. 12.
([4]) Тамъ же, стр. 28. таб. III рис. 4.
([5]) Тамъ же, стр. 29. табл. III рис. 7
([6]) Тамъ же, табл. III рис. 8, 9.
([7]) Тамъ же, рис. 12.
([8]) Тамъ же, табл. IV рис. 12.

целемъ, который былъ усвоенъ его преемники и переданъ преемникамъ его власти и идей. Печать съ изображеніемъ всадника ѣдущаго влѣво съ копьемъ въ правой рукѣ (надпись вокругъ непонятна), а на оборотѣ гемма, представляющая двухъ людей, сидящихъ на камнѣ и какъ будто указывающихъ на облако, вставленная въ ободочекъ съ надписью: *Князя Великаго Василья Васильевича*, утверждаетъ договорныя грамоты Великаго Князя Московскаго съ Князьями Андреемъ и Константиномъ Дмитріевичами отъ 1428 года [1].

Кромѣ того пользовался В. К. Василій Васильевичъ другою печатью, состоявшею изъ геммы съ изображеніемъ женской головы, обращенной влѣво, съ зубчатымъ вѣнкомъ. Она вставлена въ именной ободочекъ [2]. (табл. VI, рис. 1). Эту головку, въ дурно сдѣланной копіи, видимъ на нѣкоторыхъ монетахъ того же Великаго Князя (табл. V, рис. 12, 13) [3]

На позднѣйшихъ грамотахъ печать эта замѣнена слѣдующею, по-видимому, также геммою: четыре лошади бѣгутъ попарно въ противоположныя стороны, а на нихъ стоитъ человѣкъ съ головою, окруженною лучами (не Фебъ ли это?); въ одной рукѣ онъ держитъ вѣтку, а другая приподнята къ верху, какъ будто бы онъ правитъ лошадьми, но безъ вожжей (табл. VI, рис. 3). Нельзя ли видѣть и въ этой эмблемѣ намекъ на тогдашнее положеніе и значеніе Москвы и Московскаго Великаго Князя: препятствіямъ, встрѣчавшимся на пути къ уничтоженію удѣловъ, могли соотвѣтствовать два шара, изображенные на землѣ между ногъ лошадей. Тою же идеею можетъ быть

---

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, стр. 90.

(2) Тамъ же, стр. 112, 124, 135, 137, 150.

(3) *Чертковъ*, табл. IV, рис. 7.

объяснено и изображеніе на оборотной сторонѣ печати: левъ, пожирающій змѣя (1) (табл. VI, рис. 3). Надпись вокругъ нея—*печать Великаго Князя Василья Васильевича*, а на той сторонѣ, гдѣ левъ, видны буквы, которыя могли означать мастера, и которыя какъ несущественныя опущены въ печати В. К. Іоанна Васильевича (2); доказательствомъ же того, что это дѣйствительно была гемма, служитъ самое положеніе ея въ печатяхъ: у В. К. Василія Васильевича: она положена вдоль, а въ печати сына его—поперегъ, (табл. VI, рис. 2 и 3) (3).

7) Эмблема—левъ, пожирающій змѣя, усвоена Великимъ Княземъ Іоанномъ III, а на другой сторонѣ его печати видимъ изображеніе человѣка, стоящаго съ мечемъ въ рукѣ противъ ангела, который держитъ въ рукѣ кольцо, а вокругъ ихъ надпись: *печать Великаго Князя Ивана Васильевича* (4) (табл., VI, рис. 2). Въ то же время Іоаннъ III употреблялъ печать съ изображеніемъ: двухъ всадниковъ, ѣдущихъ другъ другу на встрѣчу; одинъ изъ нихъ съ правой стороны въ панцырѣ, въ латахъ и шлемѣ, а другой полунагой. Вокругъ та же надпись, что̀ и на предъидущей печати (5). На монетахъ этотъ Великій Князь продолжалъ употреблять штемпель своихъ предковъ, т. е. всадника съ поднятымъ мечемъ (табл. V, рис. 14) (6); а всадникъ на конѣ, поражающій копьемъ дракона, перешелъ *на* печать В. Князя Тверского Михаила Борисовича (7),

(1) Собраніе Гос. Грам. и Дог. Т. I, стр. 176, 206, 208.
(2) Тамъ же, стр. 206.
(3) Собр. Гос. Гр. I, стр. 208, 215.
(4) Тамъ же, стр. 215, 225, 227, 238, 243 и др.
(5) Тамъ же, стр. 220.
(6) *Чертковъ*, стр. 42, 43.
(7) Собр. Гос. Гр. I, стр. 215.

пока наконецъ В. К. Іоаннъ III, ставъ Государемъ и Обладателемъ всея Россіи, не возвратилъ себѣ прародительской, многозначительной эмблеммы, для того, чтобы Москва болѣе не покидала ея никогда. Изображеніе всадника, коня и змѣя на этой печати отчетливѣе, чѣмъ на предъидущихъ печатяхъ, особенно на древнихъ монетахъ, которыя, не смотря на поставленныя на нихъ имена лучшихъ иностранныхъ мастеровъ (каковъ былъ напр. *Аристотелесъ*) (1), не могутъ пощеголять отчетливостью отдѣлки. Сообразно коренному началу, и на этой печати надпись гласитъ, что на ней изображенъ самъ В. Князь. Оборотная сторона занята двуглавымъ коронованнымъ чернымъ (т. н. Императорскимъ) орломъ, а вокругъ обѣихъ этихъ эмблеммъ надпись, выражающая полный титулъ Государя Русскаго. Съ одной стороны: *Великій Князь Иванъ Божіею милостію Государь всея Русіи;* а съ другой: *и Великы Князь Влад* (имірскій), *и Моск* (овскій) *и Нов* (городскій) *и Пск* (овскій) *и Тве* (рскій) *и Уго* (рскій) *и Вят* (скій) *и Пер* (мскій) *и Бол* (гарскій) (2) (табл. VI, рис. 4). Это уже не печать, а гербъ, что разумѣлъ и самъ Великій Князь: тогда какъ прежде вокругъ всякаго изображенія въ печати (кромѣ всадника или вообще лица, представлявшаго самого Великаго Князя на тронѣ, на охотѣ, въ судѣ и т. п.) означалось, что это печать такого-то именно Князя, здѣсь о печати не упоминается. Это, повторяемъ, гербъ, который, въ сущности оставаясь неприкосновеннымъ и только измѣняясь въ частяхъ несущественныхъ, какъ-то въ формѣ крыльевъ, положенія Московскаго герба на груди

(1) *Чертковъ*, Табл. V рис. 8.

(2) Собраніе Государств. Грам. и Догов. Т. I, стр. 333.

герба Всероссійскаго или на оборотѣ его и т. д., переходилъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и дошелъ до настоящаго времени. Такъ какъ о гербахъ Русскихъ вообще и о Гербѣ Государственномъ въ особенности будетъ говорено въ третьей части нашего труда, то здѣсь мы соберемъ все то, что̀ сказано было выше о значеніи Московской Печати и воспользовавшись другими какъ Русскими, такъ и иностранными объ этомъ предметѣ извѣстіями, рѣшимъ вопросъ, что̀ означалъ всадникъ на конѣ, поражающій дракона. Для этого мы начнемъ съ понятій общихъ, такъ какъ эмблема эта, не чужда всему Сѣверу, повторяется въ сагахъ Скандинавскихъ (1). Для образца мы приводимъ печать одного изъ герцоговъ Подоліи Александра сына Коріата и внука Ольгердова (2) (табл. VII, рис. 4). На печати этой, относящейся къ 1375 г., виденъ Св. Георгій въ вѣнцѣ, подъ лошадью драконъ, пораженный копьемъ (3).

§ 42.

Змѣй, орудіе злаго духа при грѣхопаденіи прародителя нашего, могъ означать только злое, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, въ видѣ ли внѣшняго врага, въ видѣ ли раздоровъ, раздѣляющихъ государства и приближающихъ его къ погибели, въ видѣ ли невѣжества: все раз-

(1) Извѣстна сага о Рагнарѣ Лодброкѣ, избавившемъ Царевну Толу, дочь Царя Герранда отъ страшнаго дракона. Mithologie illustrée. Paris. 1852 vol 2. p. 89.

(2) Приведенное сочиненіе Фосеберга T. XXIV и стр. 44.

(3) Художникъ очевидно хотѣлъ изобразить на печати всю легенду о побѣдѣ, надъ дракономъ одержанной; дерево на заднемъ планѣ картины могло служить для этой только цѣли. А какъ въ то время художества были мало развиты въ Польшѣ, это доказываетъ плохое изображеніе лошади и всадника.

но. Если Императрица Екатерина II не нашла лучшаго способа выразить окончательную побѣду, одержанную Петромъ Великимъ надъ прежнимъ порядкомъ вещей, въ Россіи преобладавшимъ, какъ въ видѣ всадника на конѣ, который топчетъ змѣю въ то время, какъ она хочетъ ужалить лошадь, то нѣтъ ничего неестественнаго, что Великіе Князья Русскіе, видѣвшіе явное зло въ раздробленіи Россіи на мелкія владѣнія и желавшіе сплотить ихъ воедино для пресѣченія другаго несчастія—владычества татарскаго, не могли выразить идею эту, становившуюся цѣлью ихъ жизни, лучше, какъ изобразивъ В. Князя готовымъ на бой, а когда бой одержавъ, представивъ дракона пораженнымъ.

Эпоха, когда эмблеммы эти нашли себѣ мѣсто на печатяхъ и монетахъ Московскихъ Великихъ Князей, постепенное развитіе этого типа до окончательной его отдѣлки при В. Князѣ Іоаннѣ III и наконецъ наслѣдственность его доказываетъ, что предположеніе наше не лишено достовѣрности. А что это было дѣйствительно изображеніе самого Великаго Князя, подтверждаютъ буквы Кн. (Князь), которыя встрѣчаемъ на большей части монетъ съ этимъ штемпелемъ, и притомъ не рѣдко надпись кругомъ или на оборотѣ—*Великій Князь, Господарь* и т. п., всегда въ соотвѣтствіи съ дѣйствительнымъ титуломъ Государя, въ его грамотахъ употреблявшимся.

Форма изображенія всадника, поражающаго дракона, навела на мысль, что это Св. Георгій. Почитаніе, которое оказывалось Святому *буйцѣ*, какъ онъ назывался въ древнихъ нашихъ грамотахъ (1), побѣдоносцу, очень

(1) Дополненія къ Истор. акт. Т. I, № 2. Лѣтописей Т. VI, стр. 9.

древне и обще всей Европѣ, не исключая и Россіи (¹). Безстрашіе Св. Георгія проявилось въ освобожденіи имъ Царевны Аи (Ajа) отъ дракона. Митрополитъ Макарій въ великой минеи такъ описываетъ это чудо: «Въ Палестинскомъ городѣ Гевалѣ поселился въ озерѣ великій змѣй, которому жители отдавали на съѣденіе дѣтей своихъ. Когда очередь дошла и до царской дочери, Св. Георгій явился ей при озерѣ, гдѣ она стояла, какъ обреченная жертва, и повелѣлъ ей, обвязавъ дракону голову своимъ поясомъ и уздою коня, влечь его въ городъ. Царевна исполнила приказаніе Побѣдоносца, и когда она притащила чудовище въ городъ, Св. Георгій отрубилъ ему голову мечемъ и такимъ чудомъ обратилъ въ Христіанство идолопоклонниковъ Гевальскихъ». Этому описанію соотвѣтствуютъ и изображенія подвиговъ Св. Георгія, напр. въ церкви (въ алтарѣ, у западныхъ вратъ) въ Рюриковомъ городищѣ близъ Старой Ладоги (оно мало извѣстно и потому мы его прилагаемъ на табл. VI, рис. 5) (²), на древнемъ барельефѣ въ собраніи П. Н. Царскаго (³), на Джіотовой картинѣ и др.; но обыкновенное изображеніе этого чуда у насъ и въ Западной Европѣ есть: всадникъ, въ развѣвающейся мантіи, въ полномъ вооруженіи и на всемъ скаку поражаетъ копьемъ дракона. Такимъ мы его видимъ на древнемъ Римскомъ барелье-

(¹) Святой Георгій родился въ Кападокіи, служилъ въ Римскихъ легіонахъ при Императорѣ Діоклеціанѣ, пользовался почетомъ, и за обличеніе язычества подвергся страшнымъ преслѣдованіямъ и ужаснымъ мученіямъ. См. Энцикл. Лексик. Т. XIV, стр. 91, 92.

(²) Изображеніе этого образа есть въ изданіи покойнаго *Оленина:* Объясненіе фигуръ къ письму о Славянахъ отъ временъ Траяна и Русскихъ до нашествія Татаръ. С.-Пб. 1833.

(³) *Громонина:* Очерки съ лучшихъ произведеній живописи, гравированія, ваянія и зодчества. Т I. М. 1839 стр. 228. Учен. Зап. Московск. Унив. 1833, № 5.

фѣ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ [1], на древнихъ нашихъ образахъ и картинахъ [2]. Изъ этого впрочемъ нисколько не слѣдуетъ, чтобы всякій всадникъ на конѣ, поражающій змія, былъ непремѣнно Св. Георгій, тѣмъ болѣе, что онъ всегда пишется въ вѣнцѣ, какъ и другіе Святые, а не въ шлемѣ и не въ коронѣ Княжеской. Подъ этимъ изображеніемъ нерѣдко скрывается высокій смыслъ; напр. рыцари среднихъ вѣковъ, на щитахъ которыхъ встрѣчается также всадникъ, ооширающій дракона, хотѣли этимъ выразить побѣду надъ идолопоклонствомъ [3]. Точно такъ благочестивые предки наши любили воспѣвать подвиги Св. Георгія, *Егорія храбраго*, какъ защитника Православія, чему доказательствомъ служатъ многія народныя пѣсни [4].

§ 43.

Относительно значенія эмблеммы, видимой на Московской печати, имѣются нѣкоторыя очень важныя свидѣтельства, изъ которыхъ открывается, за кого почитали у насъ всадника въ гербѣ Московскомъ.

---

(1) Подробное описаніе этого барельефа, равно какъ разысканія о его значеніи, находимъ въ статьѣ И. М. *Снегирева*, помѣщенной въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Т. II, стр. 470 и сл. Изображеніе этого памятника есть въ достопамятностяхъ Москвы, изд. Троновиными и въ Древностяхъ Государства Россійскаго.

(2) *Филимоновъ*—Описаніе памятниковъ древности церковнаго и гражданскаго быта Русскаго Музея Карабанова. Москва 3849 стр. 1, 2. Таблица рисунковъ II. 1, 3, 12.

(3) Не этимъ ли значеніемъ образа Св. Георгія, а никакъ не тѣмъ, что всадникъ былъ уже на щитѣ Олега, объясняется свидѣтельство Стрійковскаго, что на Галатскихъ вратахъ Византіи онъ видѣлъ это изображеніе? Карамзина Т. I прим. 315.

(4) Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. годъ третій Т. IX. Смѣсь, стр. 148.

Во всѣхъ письменныхъ памятникахъ до царствованія Алексѣя Михайловича включительно, т. е. до послѣдней четверти XVII столѣтія, при объясненіи Московскаго Герба постоянно говорится, что это Князь, человѣкъ на конѣ съ копьемъ, ѣздецъ, который колетъ, побѣждаетъ змія (¹).

Ясно свидѣтельствуютъ объ этомъ: 1) Котошихинъ: онъ орямо пишетъ, что «въ истинной Московскаго Княженія печати вырѣзано—царь на конѣ побѣдилъ змія (²). 2) Дворянинъ и боровскій намѣстникъ Василій Лихачевъ въ статейномъ спискѣ посольства своего во Флоренцію въ 1659 году пишетъ, что за столомъ у него, когда онъ угощалъ Великаго Герцога Тосканскаго и его дворъ, было устроено три орла двоеглавыхъ, и на срединѣ одного изъ нихъ изображенъ: «Великій Государь нашъ на арганакѣ» (³); а когда В. Герцогъ спросилъ его, всадникъ въ срединѣ орла не представляетъ ли Св. Георгія? Лихачевъ прямо отвѣтилъ, что это самъ Царь съ копьемъ (⁴); 3) въ составленномъ въ царствованія Алексѣя Михайловича оффиціальномъ собраніи формъ сношеній Русскихъ Государей съ другими Монархами, ихъ титуловъ и гербовъ, Московскій Гербъ, въ срединѣ Всероссійскаго Орла, истолкованъ такъ: «на персѣхъ изображеніе наслѣдника,» (⁵), 4) Александрійскій Патріархъ въ XVI вѣкѣ

(¹) А. арх. Экспед. IV. № 90. Собр. Госуд. Гр. Т. IV. стр. 26. Дополн. къ Историч. акт. Т. V стр. 303. Ср. мою статью о Россійскомъ Гербѣ въ С-пб. *вѣдомостяхъ* 1847 г. № 142, и въ Московскихъ ст. И. М. Снегирева 1853 г. № 69.

(²) Котошихинъ ст. 29, 77. 90.

(³) Древняя Россійская Вивліоѳика Т. IV стр. 349. Русскій Историческій Сборникъ, изд. Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ Т. III, стр. 332.

(⁴) Истор. Сборн. Тамъ же, стр. 338.

(⁵) Древней Росс. Вивл. Т. XVI, стр. 118.

былъ увѣренъ въ томъ, что всадникъ не Св. Георгій, а Русскій Царь. Посмотрѣвъ на печать грамоты, къ нему присланной, онъ прямо спросилъ архидіакона Новгородскаго, Геннадія, посланнаго къ нему Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ: «на кони де благовѣрный царь на сей печати?» «Государь на конѣ,» отвѣтилъ ему Русскій [1]; и 5) въ описи имущества Царя Алексѣя Михайловича одинъ изъ десяти его перстней описанъ такъ: «перстень съ разными финифты, въ немъ изумрудъ четвереуголенъ, на немъ вырѣзано: персона человѣческая на лошади съ саблею, подъ лошадью змій [2],» а въ законахъ его времени и послѣдующихъ царствованій до начала XVIII вѣка постоянно упоминается, что это «ѣздецъ» (1682 г. Апрѣля 29 (N° 915), 1726 г. Марта 11 (№ 4850).

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слѣдующую надпись, которая сохранилась на заглавномъ листѣ Славянской Библіи, изданной въ Москвѣ въ 1663 году. На листѣ этомъ (табл. VII, рис. 3) выгравированъ Московскій Гербъ: въ срединѣ двуглаваго орла всадникъ съ бородою и въ Царской коронѣ. Подъ ногами коня пораженный копьемъ драконъ. Вокругъ всадника начертаны слѣдующія буквы: В. Г. Ц. В. К. А. М. В. В. М. Б. Р. С. т. е. Великій Государь, Царь, Великій Князь Алексѣй Михайловичь всея Великія, Малыя, Бѣлыя Россіи Самодержецъ. Что слова сіи относятся прямо къ

---

(1) Путешествіе Геннадія, архидіакона Софійскаго и купца Василія Познякова въ XVI вѣкѣ (рукоп. Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ). Ср. статью И. М. *Снегирева* о Московскомъ Гербѣ въ Московс. Вѣдомостяхъ 1853 г. № 69 стр. 707.

(2) Записки Археолог. Общества Т. III. Т. 71; статья И. П. *Сахарова* о Русскихъ древностяхъ.

всаднику, объ этомъ свидѣтельствуютъ приложенныя къ гербу надписи изъ Св. писанія (1) и слѣдующіе стихи:

Орла сугубоглавство—образъ сугубодержавства,
Алексія Царя надъ многими странами начальства.
Въ деснѣй скиптръ знаменія царствія,
Въ шуей-же держава его самодержавствія.
Бысть главъ трезубія вѣнцы,
Троицы содержащія концы.
Посылаемія на главы побѣждающихъ враги,
Просящихъ отъ нея помощи крѣпкія руки.
Успѣвай и царствуй великій Царь, въ новомъ Израилѣ.
Наставляй и управляй и во Христѣ Спасителѣ,
Побѣждай копіемъ сопротивнаго тя змія,
Наипаче-же мечемъ духа еретика злаго (2).

Подобно тому представленъ Царь въ коровѣ, съ крестомъ на персяхъ, и побѣждающимъ змія на заглавномъ листѣ книги, изданной Лазаремъ Барановичемъ въ 1674 году подъ заглавіемъ: Трубы ларочатыя праздниковъ Господскихъ, Богородичныхъ и проч. Надъ всадникомъ надпись: «ты убо яко добръ воинъ.» (2-го посл. къ Тим. гл. 2. ст. 3).

Такъ единогласно объясняли Московокій Гербъ Рус-

---

(1) *Надписи* эти, равно какъ буквы и стихи, прямо относятся къ лицу всадника, *т. е.* Царя. Вотъ они: съ верху—изъ Пѣсни пѣсней 3-й Гл. ст. 11: «*Дщери сіони* изыдите и видите въ *Царь Соломонъ*, въ вѣнцѣ, имъ же вѣнча *его* мати его, въ день обрученія его (и въ день веселія сердца его)»; далѣе изъ Пророчества Исаіи Гл. XXXII ст. 1: «Се бо *Царь Праведный* воцарится и *Князи* съ судомъ владѣти начнутъ.» Съ лѣвой и правой стороны орла также надписи изъ Пророчества Исаіи Гл. XLV. ст. 13: «Азъ воздвигнухъ его съ правдою *Царя*, и вси путіе его правы».

(2) Экземпляры такой библіи съ выходнымъ листомъ нерѣдки. Они есть въ Императорской Публичной Библіотекѣ, у Гр. Уварова и др.

скіе, но иностранцы, привыкшіе видѣть въ этой формѣ изображеніе Св. Георгія Побѣдоносца, смотрѣли и на нашъ гербъ иначе. Но это воззрѣніе иностранцевъ на Московскій Гербъ образовалось только позднѣе, а первоначально и они толковали его такъ же, какъ Русскіе; въ древнѣйшихъ, напр. изданіяхъ путешествій Герберштейна и Гваньини на заглавномъ листѣ изображенъ Московскій Великій Князь и подлѣ него щитъ съ Московскимъ Гербомъ (копію котораго читатель видитъ на табл. VII. рис. 1, 2). Сверху надпись: Московскій Великій Князь (Moscoviter Grosfürst) и стихи, въ которыхъ Государь въ первомъ лицѣ говоритъ, что наслѣдовалъ Московское Государство отъ предковъ и покоренъ только Богу (подлинные стихи въ прибавленіи 2-мъ). Точно такъ и Менетріе, знаменитый геральдикъ, жившій въ XVII столѣтіи, прямо говоритъ, описывая Московскій Гербъ, что это всадникъ серебрянаго цвѣта, вооруженный копьемъ и убивающій дракона въ естественномъ видѣ (¹). Съ другой стороны однако какъ Великій Герцогъ Тосканскій не усомнился спросить у Лихачева, не Святой ли Георгій на конѣ видѣнъ въ гербѣ Московскомъ, такъ и Коллинсъ, бывшій при Дворѣ Царя Алексѣя Михайловича и оставившій описаніе тогдашней Россіи, утверждаетъ, что на груди орла изображенъ Св. Георгій на конѣ; къ чему однако не забылъ присовокупить, что послѣдній, какъ нѣкоторые говорятъ, прибавленъ съ тѣхъ поръ, какъ Королева Елисавета прислала Царю Ивану Васильевичу орденъ

(¹) *Menestrier*,—Nouvelle méthode raisonnée du blason et de l'art heraldique. Lion. 1680 p. 480.

подвязки [1]. Едва ли ошибемся, если скажемъ, что такое толкованіе могло родиться только на Англійскомъ посольскомъ дворѣ того времени. Наконецъ Корбъ [2], въ дневникѣ котораго сохранилось прекрасное изображеніе государственной печати съ городскими гербами (табл. XVII.) также не усомнился сказать, что Московскій Гербъ представляетъ Св. Георгія.

Въ XVIII вѣкѣ, какъ будетъ подробно изложено далѣе въ исторіи Всероссійскаго Герба, законодательными памятниками объяснено, что въ Московскомъ Гербѣ изображенъ Св. Георгій Побѣдоносецъ.

§ 44.

Печати Русскихъ удѣльныхъ Князей:

Каждый изъ удѣльныхъ Князей, младшей братьи Великаго Князя, управляя самостоятельно и независимо своею областью, доставшеюся ему по праву преемственности отъ его предка, если не былъ ограниченъ въ своемъ правѣ договоромъ съ Москвою или инымъ актомъ [3], чеканилъ монету съ своимъ штемпелемъ и

---

(1) Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей Росс. Засѣд. отъ 26 Января 1846 г. № 1. Отд. 3 стр. 17.

(2) *Korb*. Diarium itineris in Moscoviam anno 1698. Viennae Austriae p. 186.

(3) Сколько можно судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, подобное ограниченіе права чеканить монету было рѣдко и относится къ позднѣйшему времени, къ XV и XVI столѣтіямъ. Угличскій напр. Князь Андрей Васильевичъ былъ лишенъ такого преимущества. Братъ его Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ писалъ въ завѣщаніи своемъ: «А сынъ мой Юрій съ братьею по своимъ удѣломъ въ Московской землѣ и въ Тферьской денегъ дѣлати не велятъ, а деньги дѣлати велитъ сынъ Василій на Москвѣ и во Тфери, какъ было при мнѣ».—Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, стр. 397.

именемъ, а съ другой стороны, вступая въ договоры, заключая трактаты съ Великимъ Княземъ или съ Новгородомъ или съ равнымъ себѣ удѣльнымъ Княземъ, утверждалъ акты эти своею печатью. Такимъ образомъ удѣльные Князья ни сколько не ровнятся въ этомъ отношеніи отъ Великихъ Князей, а потому держась прежде высказаннаго убѣжденія о связи, въ которой изображенія на печатяхъ находятся съ штемпелемъ на монетахъ, мы, излагая исторію печатей удѣльныхъ Князей въ хронологическомъ порядкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ прослѣдимъ, сколько то позволятъ наличные памятники нашей нумизматики и сфрагистики (1), въ какой мѣрѣ отразилось изображеніе, видимое на печати, или по крайней мѣрѣ идея его на монетномъ штемпелѣ? Считаемъ нелишнимъ замѣтить при этомъ, что печати удѣльныхъ Князей состояли по большей части изъ геммъ, въ именные ободочки вставленныхъ, и что исключеніе изъ этого правила составляютъ В. К. Тверскіе и нѣкоторые изъ Московскихъ удѣльныхъ Князей, усвоившихъ себѣ знамя Московское—всадника на конѣ съ мечемъ или копьемъ, или вмѣсто того другія эмблеммы, которыя, имѣя то же значеніе, не были чужды Московскимъ печатямъ и монетамъ.

Такимъ образомъ печати удѣльныхъ Князей не отличаются родовымъ и наслѣдственнымъ характеромъ эмблеммъ, и какъ на исключеніе должно смотрѣть, если гемма или сдѣланное въ Россіи подражаніе ей съ печати

---

(1) Печатей удѣльныхъ Князей, точно такъ же, какъ и частныхъ лицъ, издано пока немного. Доселѣ извѣстныя мы успѣли дополнить нѣкоторыми новыми, благодаря предупредительности просвѣщеннаго начальства Императорской Публичной Библіотеки и археологовъ нашихъ Гр. А. С. Уварова, А. Н. Попова и Ѳ. Г. Солнцева.

отца переходила на печати сыновей, обыкновенно же послѣдніе избирали себѣ новую гемму.

Въ рѣдкихъ случаяхъ печать удѣльныхъ Князей бывала двусторонняя: по большей же части она состояла изъ одного изображенія, вокругъ котораго означалось: печать такого-то Князя, по имени и по отчеству.

Относительно происхожденія геммъ, для сей цѣли употреблявшихся, мы можемъ только повторить прежде сказанное, т. е. что Россія снабжалась ими первоначально изъ Византіи, что не рѣдко съ этихъ прелестныхъ оригиналовъ у насъ дѣлались копіи, по большей части, плохія, и наконецъ что съ XV только столѣтія начали получаться подобныя печати изъ Западной Европы. Привычный глазъ легко отличаетъ послѣднія (не говоря даже о несовсѣмъ отчетливой ихъ работѣ), по содержанію и идеѣ изображенія: тогда какъ Греческіе антики представляютъ головку, звѣрей, птицъ, миѳологическихъ боговъ, геммы, съ Запада привезенныя,—цѣлую исторію въ лицахъ; поэтому первыя просты, вторыя сложны и замысловаты.

Печати Князей нашихъ изданы почти исключительно въ Румянцовскомъ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ (Т. I. и 2). Исчисляя ихъ, мы будемъ ссылаться на это изданіе и дополнимъ ихъ тѣми, которыя намъ удалось собрать и которыя доселѣ нигдѣ еще не были изданы.

§ 45.

Точно такъ, какъ несомнѣнно, что печати Великихъ Князей Русскихъ начинаются ранѣе XII столѣтія отъ котораго онѣ сохранились въ немногихъ экземплярахъ, такъ нѣтъ сомнѣнія, что и удѣльные Князья, до-

говариваясь съ Кіевомъ, Москвою и между собою, всегда утверждали свои сдѣлки и трактаты печатями, замѣнявшими подписи, хотя и не сохранилось печатей этого рода, ранѣе XIV столѣтія, Такое явленіе впрочемъ станетъ совершенно яснымъ, если вспомнимъ, что печати, къ трактатамъ между Князьями прилагаемыя, были почти исключительно восковыя и притомъ чаще висячія, всего болѣе подверженныя случайностямъ. Тѣмъ не менѣе однако и по тому, что осталось, можно проследить исторію печатей Московскихъ удѣльныхъ Князей XV вѣка почти безъ перерывовъ, чего къ сожалѣнію не можемъ сказать о печатяхъ другихъ Князей.

На договорахъ Московскихъ Великихъ Князей Димитрія Іоанновича Донскаго и сына его Василья Димитріевича съ двоюроднымъ братомъ перваго и дядею втораго Кн. Владиміромъ Андреевичемъ отъ 1388 и 1389 годовъ сохранилось нѣсколько печатей, съ разными изображеніями. Тогда какъ на монетахъ Кн. Владиміра Андреевича, подобно штемпелю на деньгахъ Московскаго В. Князя, виденъ человѣкъ, вооруженный сѣкирою и мечемъ (¹), на одной изъ печатей того же Князя представлена женщина въ короткой епанчѣ, держащая въ правой рукѣ мечъ, а въ лѣвой, сколько можно судить по дурно сохранившемуся слѣпку, голова человѣка (²), а на другой его печати представлена идущая вправо нагая женщина(³).

Въ 1423 году Великій Князь Василій Димитріевичъ, составляя духовное завѣщаніе въ пользу сына своего Василія Васильевича и жены своей Софіи Витовтовны, по-

---

(¹) *Черткова.* Описаніе Русскихъ монетъ стр. 128.

(²) Собраніе Госуд. Гр. и дог. Т. I, стр. 64. 71.

(³) Тамъ же, стр. 57.

ручалъ исполненіе этой записи младшей своей братьѣ Князьямъ Андрею, Петру и Константину Дмитріевичамъ, равно какъ сыновьямъ Князя Владиміра Андреевича, бывшимъ тогда въ живыхъ Князьямъ Семену и Ярославу Владиміровичамъ. При составленіи грамоты были свидѣтели. Она подписана (по-гречески) Митрополитомъ Фотіемъ, но ни Великій Князь, ни душеприкащики акта не подписали, а приложили къ нему печати: Великій Князь—Московскую, а братья его утвердили свое согласіе на приведеніе въ исполненіе распоряженія старшаго брата также своими печатями. У каждаго изъ нихъ была особенная печать: у Князя Андрея Дмитріевича, на ней изображена смотрящая влѣво голова рыцаря въ шапкѣ съ развѣвающимися на немъ страусовыми перьями (видъ вѣроятно западнаго происхожденія); вокругъ надпись: *Князя Андреева Дмитріевича.* У брата его Кн. Петра Дмитріевича изображенъ на печати человѣкъ, который, держа собаку за одну лапу, заставляетъ ее перескочить чрезъ палку. На ободочкѣ: *Печать Княжа Петрова Дмитріевича.* Наконецъ третій братъ приложилъ печать двустороннюю съ надписью, одинаковою съ обѣихъ сторонъ: *печать Княжа Константина Дмитріевича;* но изображенія различны, а именно: съ одной стороны, два нагихъ человѣка, держа за узду каждый по лошади, *ведутъ* ихъ одну на встрѣчу другой; а на оборотной сторонѣ представлено дерево, котораго корни занимаютъ нижній край поля, а раскидистыя вѣтви верхнюю треть печати. Между вѣтвями видны три лица, а подъ вѣтвями съ правой стороны отъ дерева идетъ оселъ или лошадь, рядомъ съ нимъ человѣкъ, на встрѣчу ему съ лѣвой стороны два человѣка, какъ бы приглашающіе перваго; на землѣ же у корня дерева два какихъ-то животныхъ. Зна-

ченіе этой печати ясно: это образъ пріема трехъ странниковъ Авраамомъ (1).

Къ означенному завѣщанію В. Князя Василія Дмитріевича не приложилъ своей печати одинъ изъ братьевъ его Кн. Юрій Дмитріевичь, который, воспользовавшись малолѣтствомъ В. Князя Василія Васильевича, вздумалъ-было похитить беззаконно правленіе Великимъ Княженіемъ, пока въ 1428 году онъ не отказался отъ притязаній своихъ особо заключеннымъ между ними договоромъ. Къ этому акту привѣшено, кромѣ другихъ уже извѣстныхъ печатей, еще двѣ печати, изъ которыхъ одна совсѣмъ стерлась и по порядку, судя по мѣсту, вѣроятно принадлежала младшему изъ дядей В. Князя Андрею Дмитріевичу, а другая хотя безъ круговой надписи и потерта, сохранилась однако такъ, что видны изображенія съ обѣихъ ея сторонъ: съ одной женская голова въ античномъ уборѣ, а съ другой—голова старца съ бородою. Всѣхъ печатей привѣшено четыре: актъ заключали Великій Князь и его печать первая, за нимъ старшій дядя Константинъ Дмитріевичъ и его печать на второмъ мѣстѣ съ лѣва, далѣе (такъ какъ Кн. Петра Дмитріевича, умершаго въ 1428 г., тогда уже не было въ живыхъ) слѣдовалъ Юрій Дмитріевичь, и мы считаемъ себя въ правѣ думать, что тотчасъ описанная, двусторонняя печать принадлежитъ ему (2).

Невсегда однако примѣнимо и помогаетъ это начало: по мѣсту опредѣлять владѣльца печати, особенно, когда не извѣстно, чья была первая печать. Въ этихъ случаяхъ, во избѣжаніе упрека въ произвольномъ толкованіи,

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, стр. 89.

(2) Тамъ же, стр. 90.

достаточно отмѣчать только *для* полноты, какія на грамотахъ встрѣчаются печати; такъ на договорной грамотѣ 1433 г. Можайскихъ Князей Ивана и Михаила Андреевичей съ В. Княземъ Василіемъ Васильевичемъ сохранялось двѣ печати, изъ которыхъ одна совсѣмъ стерлась, а на другой виденъ одноглавый орелъ ([1]), сбирающійся летѣть. Этотъ камей такъ хорошъ, что мы его приводимъ въ нашихъ рисункахъ для сравненія съ другою, также безъ имени, печатью (неизданною) XV вѣка съ изображеніемъ орла. (табл. XI, рис. 1, 4). По печатямъ однако, сохранившимся на договорѣ, заключенномъ въ 1445 г. между В. Княземъ Василіемъ Васильевичемъ и Можайскими Князьями Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами, можно доискаться, какія были у послѣднихъ эмблемы, а именно: къ акту привѣшено три печати, изъ которыхъ первая слѣва Велико-княжеская, вторая безъ имени, на ней всадникъ на конѣ съ копьемъ ([2]), а надъ головою двѣ точки, должна принадлежать Кн. Ивану Димитріевичу Можайскому, у котораго и на деньгахъ тотъ же штемпель—всадникъ на конѣ, подъ нимъ собака или змѣй, или даже воинъ съ одною саблею ([3]); а печать Князя Михаила Андреевича (такова надпись вокругъ ея) носитъ изображеніе женщины, обращенной лицемъ вправо: она одѣта въ длинное платье, имѣетъ на головѣ шишакъ, въ правой рукѣ оалку, на которую упирается, а въ лѣвой мечъ, поднятый вверхъ; очертаніе лица и дра-

---

([1]) Въ числѣ перстней, послѣ Царя Алексѣя Михайловича оставшихся, упоминается одинъ съ изображеніемъ птицы—*нелсыть съ дѣтьми*. И. П. Сахаровъ (З. Арх. Общ. Т. III стр. 73) предполагаетъ, не оттискъ ли это означенной печати; только не видно дѣтей.

([2]) На другихъ печатяхъ того же Князя всадникъ держитъ какъ будто иное орудіе. Собр. Гр. 1. 149. 152.

([3]) *Чертковъ*, стр. 117. 119. *Reichel*, S. 341. 342.

пировка платья (табл. XI, рис. 5) не оставляютъ сомнѣнія въ античномъ происхожденіи этого изображенія ([1]). Сынъ же Князя Михаила Андреевича Князь Василій Михайловичъ избралъ для своей печати другую эмблему: единорогъ, стоя на заднихъ лапахъ, рогомъ своимъ забодалъ дракона ([2]).

Далѣе въ 1433 году утвердили между собою взаимную дружбу Великій Князь Василій Васильевичъ, Князья Константинъ и Юрій Дмитріевичи, сынъ послѣдняго Дмитрій Георгіевичъ, и къ грамотамъ, по этому случаю составленнымъ, привѣшено пять восковыхъ печатей, изъ которыхъ на трехъ изображеній совсѣмъ не видно, а изъ двухъ другихъ на первой осталась обращенная вправо голова какого-то чудовища съ раскрытою пастью, и на второй женская голова съ античнымъ профилемъ и въ повязкѣ, предъ лицемъ полукругъ въ родѣ луны(?) ([3]). Наконецъ на печати Князя Дмитрія Юрьевича Шемяки осталось изображеніе головы воина, смотрящаго влѣво, руки и грудь его въ латахъ, а голова въ шишакѣ, съ лѣвой стороны-какія то неправильно начертанныя буквы (можетъ быть это случайные остатки дурно сдѣланнаго слѣпка). Вокругъ надпись: *печать Князя Дмитрія Юрьевича* ([4]).

Отъ 1448 года на договорныхъ грамотахъ также В. Князя Василія Васильевича и его дѣтей съ Княземъ Бо-

---

([1]) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, стр. 135.

([2]) Тамъ же, стр. 253, 275.

([3]) Тамъ же, стр. 104.

([4]) Въ то же время у того же Князя видимъ другую печать съ изображеніемъ не совсѣмъ впрочемъ ясными и распознаваемыми: съ правой стороны птица, надъ нею шестиугольная звѣзда, а съ лѣвой змѣя (?), какъ бы вьющая въ облакахъ и ниспадающая на землю. Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, стр. 130.

ровскимъ Василіемъ Ярославичемъ, сохранилось двѣ восковыхъ печати, обѣ безъ надписей (которыхъ кажется вовсе и не было). Онѣ замѣчательны по красотѣ камеевъ (табл. XI, рис. 2 и 3), и представляютъ: одна нагую женщину, въ головной повязкѣ, натягивающую лукъ, она обращена вправо и опирается о столбъ; а на другой виденъ купидонъ (1).

Къ числу неизвѣстно кому принадлежащихъ печатей относятся еще двѣ, изъ которыхъ одна, съ изображеніемъ дельфина или подобной ей рыбы, сохранилась на договорной записи, заключенной въ 1448 г. Княземъ Димитріемъ Шемякою съ Можайскими Князьями Иваномъ и Михаиломъ Андреевичемъ о посылкѣ къ В. Князю Василію Васильевичу съ прошеніемъ принять ихъ въ любовь и дружбу (2), а другая — коронованный левъ, бѣгущій влѣво съ головою, обращенною назадъ: печать эта привѣшена вмѣстѣ съ Велико княжескою къ договорной грамотѣ, заключенной въ 1451 году между Княземъ Суздальскимъ Иваномъ Васильевичемъ и Великимъ Княземъ Василіемъ Васильевичемъ. Печать сего послѣдняго занимаетъ почетное, первое съ лѣваго края мѣсто, а вторая (вокругъ которой надпись почти вся стерлась) должна принадлежать Суздальскому Князю (3).

§ 46.

Обозрѣвъ печати удѣльныхъ Московскихъ Князей, жившихъ въ правленіе В. Князя Василія Васильевича и приходившихъ съ Москвою въ мирныя или враждебныя соотношенія (что и выразилось въ ихъ трактатахъ,

(1) Тамъ же, Т. I, стр. 142. 169. 168. 201.
(2) Тамъ же, стр. 150.
(3) Тамъ же, стр. 166.

приложеніемъ печати утвержденныхъ), переходимъ къ государствованію В. Князя Іоанна III Васильевича. Онъ продолжалъ поддерживать съ удѣльными Князьями тѣ же, какъ и предки его, сношенія и опредѣлялъ свои права и преимущества договорными грамотами, въ которыхъ требовалъ отъ Князей почтенія, «чтобы его, В. Князя, и его Великое Княженіе держали честно и грозно безъ обиды», и въ то же время постепенно ограничивая прежнія права независимости *младшей братьи*, касательно сношеній съ другими Государями, сбора податей и т. п., увеличивалъ тѣмъ самодержавіе Москвы. Значеніе ея росло въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ, пока не сложилось государство, дѣлавшее излишнимъ заключеніе Московскимъ В. Княземъ трактатовъ съ удѣльными Князьями.

Подобные договоры Іоанна III писались отъ имени Великаго Князя и старшаго сына его Ивана Ивановича (умершаго въ 1490 году), который потому прилагалъ къ договорамъ и свою печать. На ней видимъ двухъ мужей, идущихъ другъ къ другу на встрѣчу. Оба они держатъ по копью; по одинъ изъ нихъ съ правой стороны въ шляпѣ и полунагъ, а другой въ шлемѣ и грудь у него въ латахъ. Вокругъ надпись: *печать Князя Великаго Ивана Ивановича* (1). Форма фигуръ, одѣяніе и драпировка на нихъ обличаютъ Греческое происхожденіе этихъ изображеній. Когда же по смерти В. К. Ивана Ивановича право на наслѣдство Московскаго Великаго Княжества перешло къ другому сыну его Василію Іоанновичу, то и онъ не былъ исключенъ изъ участія въ договорахъ Москвы съ удѣльными Князьями. Но въ то время уже сложилась

(1) Тамъ же, стр. 238.

Московская Печать, т. е. съ одной стороны всадникъ на конѣ, а на оборотѣ двуглавый орелъ, и эти эмблемы перешли также на печать наслѣдника престола, съ тѣмъ только различіемъ, что печать его въ объемѣ своемъ меньше той, какая была у Великаго Князя и Государя всея Россіи ([1]); величина изображенія имѣла, мы увидимъ, прямое отношеніе къ степени важности и значенія печати.

Братья Великаго Князя Іоанна Васильевича имѣли каждый свою печать, а именно: Князь Борисъ Васильевичъ Волоцкій имѣлъ въ печати изображеніе, по сложности своей и раздѣленію поля близко подходящее къ гербу (вѣроятно западнаго происхожденія): поле разбито на два, и верхняя половина разсѣчена на три части, изъ которыхъ въ средней сидитъ человѣческая фигура, въ крайнихъ видимъ по птицѣ, а въ нижней половинѣ восемь идущихъ вправо воиновъ (на нихъ-то сверху и смотритъ человѣкъ, какъ бы Князь или начальникъ). Вокругъ печати надпись, свидѣтельствующая объ имени ея владѣльца ([2]).

Другой братъ Великаго Князя Іоанна III Князь Углицкій Андрей Васильевичъ имѣлъ на своей печати иное изображеніе: двухъ всадниковъ, копьями вооруженныхъ и ѣдущихъ на встрѣчу одинъ къ другому. Кругомъ надпись: «*печать Князя Андрея Васильевича* ([3])».

Но сыновья Князя Бориса Васильевича Князья Θедоръ и Иванъ Борисовичи Волоцкіе не сохранили на печатяхъ своихъ изображенія, ихъ родителемъ принятаго, а оно

([1]) Собр. Гос. Гр. Т. I, стр. 347.
([2]) Тамъ же, стр. 238, 289. 313.,
([3]) Тамъ же, стр. 243, 248. 259 и др.

замѣнено у Князя Ѳедора Борисовича (заимствованною съ Запада) эмблемою: по бокамъ крѣпостной двери стоятъ два рыцаря въ панцыряхъ и шлемахъ, и поднятыми вверхъ руками подерживаютъ толстое бревно, на которомъ съ правой стороны сидитъ птица и клюетъ что-то, а съ лѣвой видна фигура человѣка ([1]). Вокругъ надпись: *печать Князя Ѳедора Борисовича.* Еще сложнѣе изображеніе на печати брата его Кн. Ивана Борисовича (что̀ гласитъ и надпись вокругъ ея): на лодкѣ построенъ навѣсъ подъ императорскою короною. Его подерживаетъ на воздухѣ ангелъ, а на коронѣ сидитъ птица (не орелъ ли?) въ профиль съ расправленными крыльями. Всю эту картину (могущую представлять какое нибудь событіе изъ исторіи Германіи) довершаютъ два человѣка, сидящіе одинъ на носу, другой на кормѣ лодки и оба трубятъ ([2]).

Наконецъ, у третьяго сына В. Князя Князя Юрья Ивановича видимъ на печати человѣка (судя по одеждѣ, простолюдина), который колетъ рогатиною въ пасть львиную голову, между тѣмъ какъ собака бросается на звѣря ([3]).

§ 47.

Сохранилось также нѣсколько (сравнительно не много) печатей В. Князей Тверскихъ, приходившихъ съ своешеніи съ Москвою.

На монетахъ В. Княжества Тверскаго видимъ почти исключительно тѣ же изображенія, какія были и на Мо-

---

([1]) Тамъ же, стр. 338.
([2]) Тамъ же.
([3]) Тамъ же, стр. 347.

сковскихъ, современныхъ имъ, деньгахъ; поэтому если встрѣчаемъ на монетахъ В. Князей Тверскихъ изображенія человѣка съ мечемъ, копьемъ, щитомъ или лукомъ, четвероногихъ, птицъ, то и всадники, ѣдущіе съ мечемъ наголо, съ птицою на правой рукѣ и т. п., не чужды Тверской денежной системы (¹). Подобно тому и на печатяхъ Великихъ Князей Тверскихъ, которые отъ времени Михаила Ярославича именовались Великими Князьями и долго спорили съ Москвою о первенствѣ, видимъ всадника на конѣ, ѣдущаго влѣво и поднявшаго мечъ, какъ бы готовясь на бой; такова печать Великаго Князя Тверскаго Бориса Александровича (надпись на печати), приложенная къ договорнымъ грамотамъ его съ В. К. Московскимъ Василіемъ Васильевичемъ отъ 1447 и 1451 годовъ. А у сына его Михаила Борисовича, заключившаго въ 1462 году договоръ съ Великимъ Княземъ Іоанномъ III-мъ о бытіи имъ въ дружбѣ и согласіи, видимъ на печати такого же всадника: онъ въ бронѣ, епанча развѣвается по вѣтру, голова въ шишакѣ и мечъ поднятъ къ верху, а подъ ногами коня изгибается драконъ (²).

Съ конца XV вѣка Москва, дотолѣ медлившая и старавшаяся обезпечить себя трактатами съ удѣльными Князьями, которыхъ независимость она все еще щадила и только изрѣдка и слегка ограничивала, стала дѣйствовать рѣшительнѣе. Были покорены уже Новгородъ и Двинская Земля, была подвластна Пермь, въ 1485 году Тверь признала себя данницею Государя Московскаго

(¹) *Чертковъ*, стр. 71—90. Reichelsche Münzsammlug, I. S. 321. ff.
(²) Тамъ же, стр. 215.

и всея Россіи, затѣмъ Князья Верейскіе, Ростовскіе, Ярославскіе и иные утратили свои владѣтельныя права (1). Если и затѣмъ Москва расширяла свои владѣнія, то она пріобрѣтала ихъ на основаніи обыкновенныхъ гражданскихъ сдѣлокъ, и всякія уступки земель отъ удѣльныхъ Князей Москвѣ утверждались купчими или мѣновыми грамотами, которыя вмѣсто подписей укрѣплялись печатями: такъ на грамотахъ 1566 г. между Государемъ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ и двоюроднымъ его братомъ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ видимъ печать послѣдняго—олень, обращенный влѣво, лежитъ подъ кустомъ, повернувъ голову назадъ (2). Съ другой стороны, когда удѣльные Князья перешли въ службу и подъ покровительство Государя и Обладателя всея Россіи, то мѣсто прежнихъ договорныхъ грамотъ между Москвою и удѣльными Князьями заступили т. н. *подручныя* грамоты, которыми Князья, какъ подданные, обязывались служить Москвѣ, а въ случаѣ нарушенія вѣрности уплатить опредѣленную сумму денегъ, и представляли за себя ручательство какого нибудь духовнаго лица и нѣсколькихъ лицъ, правительству извѣстныхъ. Поручательства эти отбиралъ одинъ какой нибудь бояринъ, къ тому уполномоченный, который въ концѣ грамоты и прикладывалъ свою печать, что̀ всегда означалось на самомъ актѣ, въ рукоприкладствѣ. Такихъ подручныхъ грамотъ отъ государствованія В. К. Василія Іоанновича, равно какъ отъ царствованія Іоанна Грознаго, осталось довольно много, и хотя почти всегда упоминается, что такой-то бояринъ «къ сей грамотѣ подручной и печать свою при-

---

(1) *Карамзина* И. Г. Р. Т. VI, стр. 111—114.
(2) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, стр. 529, 533.

ложилъ» [1]; но печати эти, будучи восковыми, или совсѣмъ искрошились, или изображенія на нихъ до того стерлись, что разобрать ихъ не возможно. На подручной грамотѣ, данной въ 1528 г. по Князьямъ Шуйскимъ, сохранилась печать боярина Михайла Юрьевича Захарича: обращенная влѣво женская голова съ сборчатою вокругъ шеи драппировкою. Что касается наконецъ до печатей другихъ удѣльныхъ Князей, то эмблемы на нихъ помѣщались на томъ же основаніи, какъ и на Московскихъ печатахъ. Для примѣра указываемъ на печать Бѣлозерскаго Князя Михаила Андреевича (табл. XI, рис. 6): на ней представлена богиня плодородія, голова ея въ сіяніи, въ лѣвой рукѣ держитъ она рогъ изобилія. Вокругъ надпись, полагать должно, показывала, чья печать [2]. Типъ драппировки одежды свидѣтельствуетъ о Греческомъ происхожденіи камея, съ котораго изображеніе снято. Труднѣе разобрать печать, отъ XV также вѣка сохранившуюся и Вологодскому Князю Андрею Васильевичу принадлежавшую: орелъ держитъ въ клювѣ вѣнокъ, а по бокамъ его что-то въ родѣ арматуръ [3] (табл. XI, рис. 7.).

§ 47.

Обзоръ Княжескихъ печатей, во всемъ ихъ разнообразіи какъ по формѣ, такъ и по эмблемамъ, доводитъ до убѣжденія, что онѣ были по большей части заимство-

---

(1) Тамъ же, стр. 432.

(2) Печать эту мы заимствуемъ съ рукописей Императорской Публичной Библіотеки (NN° 14. 18. 19. 20. 25 и др.): жалованныхъ грамотъ Кирилло-Бѣлозерскому Монастырю (съ 1448 по 1468 годъ).

(3) Неоднократно повторяется печать эта на жалованныхъ грамотахъ Князя Андрея Васильевича тому же монастырю отъ 1467 года. (Рукоп. Публ. Библ. N° 40. 41).

ванныя геммы или подражаніе имъ, сдѣланныя можетъ быть Греческими, Итальянскими зодчими и другими мастерами, пріѣзжавшими въ Россію. Всякій Князь выбиралъ то изображеніе, которое ему болѣе нравилось изъ имѣвшихся подъ рукою и которое ближе выражало его политическое положеніе в отношеніи къ Ордѣ или къ Великому Князю. Оттого наслѣдственныхъ печатей не было, и не рѣдко одинъ и тотъ же Князь въ разныя эпохи своего правленія, при неодинаковыхъ обстоятельствахъ и на разныхъ документахъ прилагалъ различныя печати (1). Надпись вокругъ, чья печать, служила, при этой неопредѣленности изображенія, необходимою ея принадлежностью и ручательствомъ за ея неприкосновенность. Исключенія изъ этого правила рѣдки.

Печати эти носились въ видѣ привѣсковъ (судя по ушкамъ, которыя остались на нѣкоторыхъ печатяхъ), но чаще на кольцахъ и перстняхъ. Ихъ было очень много и у частныхъ людей, а Цари обращали на нихъ вниманіе и любили щеголять ихъ красивою отдѣлкою и большимъ числомъ.

Перстни въ старину отличались особенными названіями: *напалы*, *жиковины* или *жуковины*, *булатники*. Въ средину ихъ вставлялись камни, а кругомъ ихъ убирали или жемчугомъ или алмазными, яхонтовыми и изумруд-

(1) Я. Я. *Рейхель*, говоря объ удѣльныхъ Русскихъ деньгахъ, всегда старается показать, откуда типъ ихъ заимствованъ. Иногда такое объясненіе и можетъ удаваться, но по большей части оно оставляетъ поводъ сомнѣваться, не произвольно ли подобное толкованіе; говоря напр. о всадникѣ, поражающемъ дракона, онъ хочетъ видѣть заимствованіе его съ монетъ Владислава, Герцога Богемскаго (Зап. Арх. Общ. Т. I, стр. 25, 26 тогда какъ легенда о драконѣ была и въ Скандинавіи и въ Польшѣ и имѣетъ общечеловѣческое значеніе.

выми искрами. Изъ камней были въ употребленіи: алмазы, лалы, перелифты или ониксы, сердолики, изумруды, яхонты лазоревые и червчатые, и др.—Въ духовныхъ грамотахъ Князей нашихъ нерѣдко встрѣчаются особыя статьи съ подробнымъ описаніемъ перстней, переходившихъ въ наслѣдство. Въ духовной напр. грамотѣ Князя Дмитрія Ивановича 1509 года помѣщено: «двадцать и три жиковины женскихъ золоты съ яхонтцы и съ лальцы и съ изумруды и съ жемчужки и съ плохимъ каменейцомъ. А перстней моихъ золотыхъ у Андреа у Бѣлкина, да у Ѳедора у Малова и пр.» Не мудрено поэтому, что въ казнѣ Царя и В. Князя Алексѣя Михайловича сохранилось нѣсколько перстней древнихъ, перешедшихъ къ нему по наслѣдству отъ предковъ. Это описаніе такъ любопытно, что мы его приведемъ вполнѣ ([1]):

1) Перстень съ рѣзными финифты, въ немъ изумрудъ четвероуголенъ, на немъ вырѣзано: *персона человѣческая на лошади съ саблею, подъ лошадью змій*, типъ, который мы такъ часто встрѣчали на монетахъ и печатяхъ Московскихъ и Тверскихъ Великихъ Князей.

2) Перстень съ чернымъ финифтомъ, въ немъ яхонтъ червчатъ продолговатъ, на немъ вырѣзанъ *песъ борзой*.

3) Перстень съ рѣзными финифты, а на немъ лалъ осмиуголенъ, на немъ вырѣзанъ *орелъ двоеглавый съ короною и съ подписью.*

4) Перстень рѣзной, съ чернью, въ немъ въ срединѣ яхонтъ лазоревъ, на немъ вырѣзаны *двѣ персоны людскія: одна сидитъ на стулѣ съ посохомъ, а другая львy держитъ челюсти*, около его искорки яхонтовыя и изум-

---

[1]) Свѣдѣніями о перстняхъ мы обязаны И. П. Сахарову. Зап. Арх. Общ. Т. III. стр. 67. Ср. Собр. Гос. Гр. I. № 147.

рудныя, по сторонамъ два яхонта червчатыхъ. Перстень этотъ перешелъ въ казну Государя Московскаго отъ В. Князя Василія Васильевича, утвердившаго такою печатью договорную свою грамоту 1428 г., заключенную съ Князьями Андреемъ, Константиномъ и Юрьемъ Дмитріевичами (1).

5) Перстень съ разными финифты, въ немъ яхонтъ лазоревъ четвероуголенъ, на немъ вырѣзано: *птица кормитъ съ дѣтьми*.

6) Перстень съ разными финифты, въ немъ изумрудъ четвероуголенъ, на немъ вырѣзано: *персона людская стрѣляетъ изъ лука*, типъ, такъ часто видимый на монетахъ Московскихъ и Тверскихъ, но не сохранившійся на печатяхъ.

7) Перстень съ разными финифты, въ немъ камень перелифтъ не великъ, на немъ вырѣзано *опахальцо*.

8) Перстень золотъ съ разными финифты, въ немъ яшма, въ яшмѣ вырѣзано клеймо, на клеймѣ *орелъ двоеглавый*, надъ клеймомъ коруна.

9) Перстень золотъ съ разными финифты, въ немъ яхонтъ лазоревъ граненый, къ верху островатъ, по сторонамъ по изумруду, въ немъ *часы*.

10) Перстень золотъ, въ немъ въ когтяхъ изумрудъ, на немъ на престолѣ вырѣзана персона, а около его подпись: Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца.

Мы убѣждены, что если бы время пощадило всѣ перстни, которые носили наши Великіе и удѣльные Князья и которыми они пользовались для печатанія своихъ гра-

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, стр. 30.

мотъ и отписокъ, то уяснился бы не одинъ штемпель нашей монетной системы, до сихъ поръ считаемый произвольнымъ и потому незаслуживающимъ вниманія и подробнаго изученія. Если такой образъ воззрѣнія на древности наши и легокъ и избавляетъ отъ труда розысканія, то едва ли онъ правиленъ, и дѣло науки—показать его неосновательность. Только обнародованіе перстней и печатей, разсѣянныхъ въ нашихъ музеяхъ и хранилищахъ древностей, прольетъ яркій свѣтъ на многія неясныя стороны отечественной администраціи и всего быта русскаго человѣка въ древности: перстнямъ всегда придавалось въ отечествѣ нашемъ большое значеніе. Они были принадлежностью однихъ взрослыхъ людей и служили какъ бы знакомъ полнолѣтія и правоспособности. При обрученіи новобрачныхъ возлагались на руку жениха золотой перстень, а на руку невѣсты—желѣзный или серебреный (1). Такіе перстни носились нашими отцами, какъ обѣтные до самой смерти. Потеря ихъ считалась худымъ предвѣщаніемъ.

На выходахъ въ торжественныхъ случаяхъ Цари наши надѣвали по нѣскольку, по 7, 9 даже перстней (2) и потому старались объ увеличеніи числа ихъ. За недостаткомъ пока полныхъ свѣдѣній, какіе перстни и какія на нихъ изображенія были сдѣланы въ каждое правленіе, мы приведемъ нѣкоторые объ этомъ интересномъ предметѣ свѣдѣнія; такъ венеціанскій ювелиръ Асценти выгранилъ въ Москвѣ для Царя Бориса Ѳедоровича Годунова изумрудъ для перстня. Въ 1597 г. посолъ Цесаря Рудольфа поднесъ Государю «перстень золотъ съ изум-

(1) Потребникъ мірской. М. 1639 г. Чинъ вѣнчанія.

(2) Выходы Государей, Царей и Великихъ Князей, стр. 166, 168, 172, 173 и др.

рудомъ, а въ изумрудѣ печать Его Царскаго Величества орелъ». Изумрудъ съ перстня Царя Өедора Алексѣевича съ вырѣзаннымъ нанемъ гербомъ и буквами: п. ц. ѳ. а. (т. е. печать Царя Өедора Алексѣевича) находится нынѣ въ звѣздѣ надъ дискосомъ и принесенъ въ даръ Чудову монастырю Царевною Маріею Алексѣевною въ 1710 году (¹).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

§ 48.

2) Печати городовъ.

Въ наказахъ, которые давались воеводамъ при отправленіи ихъ въ области, для завѣдыванія ими, не рѣдко предписывалось вмѣстѣ съ городскими ключами, нарядомъ, пушками, деньгами, бумагами принять и печать городскую. (²) О изображеніи на ней, къ сожалѣнію, не упоминается, какъ о предметѣ обще-извѣстномъ, и потому свѣдѣнія о городскихъ печатяхъ скудны. Впрочемъ если сообразить, въ какой связи печать Князя находилась съ штемпелемъ на его деньгахъ, то можно догадываться, что и городское знамя во время существованія удѣловъ измѣнялось вмѣстѣ съ обладателемъ города и области, т. е. что Князь, избравъ для себя эмблему, печатая ею бумаги, до управленія областью относившіяся, тѣмъ самымъ усвоивалъ ее городу и области Если для доказательства справедливости этого предположенія, какъ общаго правила, недостаетъ у насъ матеріаловъ, тѣмъ не менѣе печати Кіева, Москвы и Литвы,

(¹) Зап. Археолог. Общ. Т. III, стр. 68.
(²) Акты Историч. Т. V, № 66.

бывшія первоначально личными Великихъ Князей, и обратившіяся въ послѣдствіи времени въ печати и гербы городскіе, не только не противорѣчатъ нашей догадкѣ, но напротивъ подтверждаютъ ее.

Не смотря однако на всю скудость свѣдѣній объ этомъ въ высшей степени любопытномъ предметѣ, городскія печати заслуживаютъ полнаго вниманія Русскаго геральдика, потому что ими только объясняются эмблеммы, вошедшія въ гербы Княжескихъ и древнихъ дворянскихъ фамилій, которыя произошли отъ удѣльныхъ Князей Русскихъ. Такъ какъ при разсмотрѣніи Княжескихъ печатей были уже сдѣланы выводы о томъ, какимъ образомъ послѣ долгихъ колебаній установились *знамена* для Кіева и Москвы, то мы переходимъ къ другимъ городамъ, но при этомъ должны ограничиться тѣми изъ нихъ, у которыхъ образовалось постоянное изображеніе на печати, не смотря на перемѣны, которымъ она должна была подвергаться вмѣстѣ съ перемѣною Князей. Съ образованіемъ же Государственнаго и областныхъ гербовъ въ нихъ вошли тѣ *знамена* съ городскихъ печатей, которыя усвоены городамъ этимъ давностью, а для другихъ, непользовавшихся постояннымъ знаменемъ, были сочинены новыя эмблеммы (что̀ всегда означалось въ самомъ указѣ объ утвержденіи городскаго герба), которыя и нашли себѣ мѣсто въ гербахъ Княжескихъ фамилій въ память обладанія ими областью или городомъ.

Если справедливо то, что городская печать была въ зависимости отъ печати Князя, то скорѣе всего должно было образоваться неизмѣнное знамя на печатяхъ тѣхъ городовъ, на которые обстоятельство это не могло имѣть вліянія. Мы говоримъ о Новгородѣ и Псковѣ. Для го-

родовъ этихъ печать была тѣмъ необходимѣе, что они, вступая въ сношенія съ разными областями, должны были утверждать свои коммерческія сдѣлки печатаніемъ, по обще принятому въ то время обыкновенію. Самыя же эти сношенія, знакомя Новгородъ и его пригородъ съ печатями другихъ странъ, произвели то, что Новгородскія и Псковскія печати отличаются правильностью геральдическихъ фигуръ: положеніе лапъ, хвоста, самая форма звѣрей и вооруженіе людей заставляютъ подозрѣвать въ составителѣ ихъ знакомство съ геральдикою того времени.

Новгородъ, заключая договоры съ Москвою и другими городами, равно какъ давая жалованныя и тому подобныя грамоты, всегда означалъ имена своихъ представителей, распоряженіе это дѣлавшихъ, какъ то посадниковъ, тысяцкихъ, которые и прилагали личныя свои печати (они будутъ изложены въ главѣ о печатяхъ должностныхъ лицъ); но тѣмъ не менѣе образовались и особыя для городовъ этихъ эмблеммы.

Изъ двухъ печатеіі Новгородскихъ, которыя сохранились на договорныхъ грамотахъ 1426 и 1461 годовъ Новгорода съ В. К. Тверскимъ Борисомъ Александровичемъ (1), изображены: на одной геральдическое животное, съ лошадиною головою, а задомъ и ногами львиными, бѣгущее влѣво съ поднятымъ хвостомъ, между головою и шеей видна веревка въ видѣ узды, а на оборотѣ надпись—*печать Новгорочкая,* (табл. XII, рис. 8), а на другой какое-то животное въ родѣ тигра, пантеры, или можетъ быть мифическое, надъ нимъ двѣ звѣздочки, а на оборотѣ печати надпись: *печать Великаго Нова-города*

(1) Собр. Гос. Гр. 1, стр. 24.

(табл. XII, рис. 9). Между тѣмъ на Новгородскихъ деньгахъ всего чаще видемъ Князя въ коронѣ, судящій или милующій стоящаго предъ нимъ человѣка, а на оборотѣ надпись—*Великаго Новагорода* (съ небольшими измѣненіями). Впрочемъ сохранилась печать и съ подобнымъ штемпелемъ отъ XV, какъ думаютъ, вѣка (табл. XVI, рис. 6.) (1). Вмѣсто Князя видна на ней женская фигура. Не Марфа ли это посадница?—Когда Новгородъ присоединенъ къ Москвѣ, на его деньгахъ стали писать: *печать Великаго Князя*, а еще позднѣе изображать двуглаваго орла (2).

Позднѣйшее изображеніе на печати Новгородской объясняется тѣмъ значеніемъ, которое имѣли въ древнемъ Новгородѣ вѣче и Архіепископъ, владыка города Св. Софіи. Какъ вѣчу была предоставлена высшая административная и судебная въ Новгородѣ власть, такъ съ другой стороны Архіепископъ его былъ совѣтникомъ Новгородцевъ, посредникомъ между Княземъ и жителями, ходатаемъ за нихъ предъ Великимъ Княземъ и Москвою. Договоры, Новгородомъ заключаемые, *по благословенію* Архіепископа, утверждались его печатью, которой и давалось почетное съ лѣваго края мѣсто. Такое же значеніе было оставлено владыкѣ и по присоединеніи Новгорода въ Москвѣ, а что это такъ было даже въ царствованіе Государя Михаила Θедоровича, достаточно привести слѣдующее свидѣтельство разрядной книги 1617 года. Въ этомъ году, былъ посланъ вѣдать государевы и земскія дѣла въ Новгородѣ бояринъ и воевода князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, да стольникъ Князь Θедоръ Андрее-

(1) Mémoires de la Societé d'Acheologie T. I, p. 365. Koehne's Zeitschrift für Munz-Siegel und—Wappenkunde B. VI. Tf. VII. № 12.

(2) *Чертковъ*, стр. 143 сл. *Reichel*, S. 355 ff.

вичь Елецкій. Наказъ былъ данъ имъ самый подробный, что условливалось неопредѣленностью въ то время отношеній Россіи къ Польшѣ и Швеціи; а въ концѣ этого наказа воеводѣ вмѣнено въ обязанность «въ большихъ дѣлахъ приходить къ Митрополиту Исидору ([1]) совѣтоватись съ нимъ, какъ которому дѣлу быти пригоже и какъ бы Государеву дѣлу быти лучше и прибыльнѣе; а Митрополиту о томъ отъ Государя писано». ([2]) Какъ бы то ни было, сохранившіяся отъ XVI вѣка и извѣстныя намъ Новгородскія печати носятъ на себѣ слѣды той важности, которая придавалась вѣчу и Архіепископу Новгородскимъ, и замѣчательны потому, что представляютъ начало того изображенія, которое потомъ перешло на печать Новгородскую и сохранилось въ гербѣ этой губерніи. Вѣчевыя ступени ([3]) (вѣче собиралось на возвышеніи, на *степеняхъ*, отсюда *степенные* посадники, тысячскіе) и положенный на нихъ посохъ Архіепископа служили выразительными эмблеммами власти свѣтской и духовной, въ нераздѣльномъ соединеніи. Надпись вокругъ гласитъ, что это печать: *господина Великаго Новгорода.* (табл. XIV, рис. 5.). Въ послѣдствіи времени къ этому основному изображенію прибавлены дополнительные аттрибуты, напр. медвѣдь и собака, которыхъ видимъ на печати Грознаго, съ надписью вокругъ: *пе-*

([1]) Митрополія въ Новгородѣ учреждена въ 1589 г. Первымъ Новгородскимъ Митрополитомъ былъ Александръ, (1589—1591), за нимъ Варлаамъ (1592 — 1601), а послѣ него Исидоръ (1603 — 1619). Исторія Росс. Іерархіи Т. I, стр. 78, 79.

([2]) Оффиціальные разряды, изд. Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, С.-Пб. 1853 Т. I, стр. 333.

([3]) Судя по изображенію на печати Новгородской, можно полагать, что она старше XVI столѣтія: она вѣроятно была вѣчевая и современна вѣчу, но сохранилась отъ XVI вѣка на отпискахъ воеводъ Новгородскихъ.

чать намѣстника Великаго Новагорода (табл. XV, рис. 6), или два медвѣдя на памятникахъ XVII вѣка, напр. на серебреномъ тронѣ, на тарелкѣ Царя Алексѣя Михайловича (таб. XV, рис. 3. 7). Не это ли *знамя* разумѣлось въ крѣпостной Новгородской книгѣ XVI вѣка, въ которой при запискѣ акта съ означеніемъ его содержанія и формы, упоминается: «у полные печать, писано въ кругу тамга Великаго Новагорода»? А что *тамгою* означали изображеніе, видно изъ того, что въ другихъ мѣстахъ той же любопытной книги для отличія отмѣчено: «у полные печать писана въ кругу *съ писью*». Не разумѣлась-ли здѣсь печать съ надписью: «*печать Новгородская*?»

Дальнѣйшія измѣненія Новгородской печати будутъ изложены въ исторіи городскихъ гербовъ.

Рано также образовалась печать Псковская; на ней встрѣчаемъ геральдически вѣрное изображеніе барса съ расправленными когтями, высунутымъ языкомъ и поднятымъ хвостомъ, бѣгущаго вправо, а вокругъ надпись: *печать господарьства Псковскаго* (таб. XIV, рис. 2). Источникъ, откуда заимствована эта геральдическая фигура, должно искать въ сношеніяхъ Пскова съ городами Западной Европы, съ Ганзою. Къ дошедшимъ до нашего времени серебренымъ Псковскимъ печатямъ придѣланы проушины, изъ чего можно заключить, что онѣ носились Псковскими посадниками на шеѣ и можетъ быть служили знакомъ ихъ достоинства. При покореніи Пскова Великимъ Княземъ Василіемъ Іоанновичемъ въ 1510 г., онѣ взяты были въ Москву и нынѣ хранятся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (¹).

(¹) Предисловіе покойнаго Малиновскаго ко 2-му Тому Собр. Гос. Грам. и Дог., стр. V. VI.

А что барсъ дѣйствительно былъ знаменемъ, печатью Псковскою, тому лучшимъ доказательствомъ (кромѣ приведенной надписи) служитъ денежный штемпель на древнихъ Псковскихъ монетахъ: съ одной стороны человѣкъ впрямь, въ коронѣ (по мнѣнію Г. Рейхеля Епископской), держитъ въ правой рукѣ обнаженный мечъ (изображеніе крайне безобразно и выбито въ подражаніе монетамъ, которыя въ Дерптѣ чеканилъ Епископъ и которыя могли быть въ обращеніи между Псковитянами по сосѣдству съ Дерптомъ). На оборотѣ Псковскихъ денегъ представлено четвероногое со всѣми аттрибутами барса, видимаго на печати, но обращенное влѣво, какъ и на серебреномъ престолѣ (таб. XV, рис. 10), вокругъ надпись: *деньга Псковская* (1).

Отъ начала XV столѣтія (1414 года) сохранилась Полоцкая печать съ надписью: *печать Полоцькая и Святоѣ Софьи* (2).

У другихъ городовъ, также старыхъ, печати, если только не состояли изъ надписей, должны были имѣть постоянныя изображенія, и что преданіе о нихъ существовало, видно изъ того даже, что при составленіи городамъ гербовъ многіе изъ нихъ называются *старыми;* а что мы ихъ не знаемъ, это могло произойти оттого, что городская печать замѣнялась первоначально печатью того Князя, который владѣлъ, въ послѣдствіи личною печатью чиновника, областью управлявшаго. Любопытное въ этомъ отношеніи извѣстіе сохранилось въ Дворцовыхъ Разрядахъ 1626 года о томъ, какія дѣла въ Новгородѣ какою печатать печатью. Новгородскій вое-

(1) *Чертковъ*, стр. 151. *Reichel* S. 858.
(2) Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. II, стр. 17.

вода Князь Одоевскій писалъ Царю Михаилу Өедоровичу, что до него Князь Ромодановскій, бывшій на Новгородскомъ воеводствѣ, кромѣ Новгородской печати, употреблялъ свою собственную, которую и взялъ съ собою, и этою печатью онъ печаталъ грамоты о всяких порубежныхъ дѣлахъ, въ Шведскіе города къ градодержавцамъ и для купцевъ проѣзжія, а прочія бумаги печаталъ печатью Новгородскою, и что такъ поступали и прежніе Новгородскіе воеводы, которые, уѣзжая, увозили съ собою свои печати, какъ лично имъ принадлежавшія. Новгородская же печать употреблялась «до Новгородскаго разоренья и послѣ него» въ отпискахъ къ Государю о разныхъ дѣлахъ, наказныхъ памятахъ, въ приговорахъ по дѣламъ помѣстнымъ и суднымъ (т. е. по теперешнему выраженію вотчиннымъ и исковымъ) и *во всякихъ Государевыхъ дѣлахъ*. Не зная, чего держаться и какъ поступать на будущее время, Князь Одоевскій представлялъ объ этомъ Царю Михаилу Өедоровичу, который хотя разрѣшилъ поступать впредь, «примѣряясь къ прежнему, какъ было до сихъ мѣстъ», велѣлъ однако розыскать, давно ли воеводы печатаютъ бумаги своими печатями, «и по Государеву ли указу или собою то дѣлали или изстари такъ повелося» (¹). Отписку по этому предмету велѣно было отдать въ посольскомъ приказѣ, въ дѣлахъ котораго и должно искать отвѣта на этотъ важный вопросъ.

Города новые, выстроенные въ XVI и XVII столѣтіяхъ, равно какъ покоренные оружіемъ Русскимъ, по-

(¹) Дворцовые Разряды, по Высочайшему повелѣнію изданные II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи. Т. I. С.-Пб. 1850, стр. 812—814.

лучили уже печати отъ Правительства Русскаго, напр. Астрахань, Казань, города Сибирскіе и съ этихъ-то печатей изображенія перешли въ областные и городскіе гербы или безъ измѣненій или съ небольшими перемѣнами, которыхъ требовала, быть можетъ, геральдика ([1]). Мы представляемъ двѣ печати, съ грамотъ XVI и XVII вѣковъ: изъ нихъ одна Царства Астраханскаго (такова надпись вокругъ) съ эмблеммою, перешедшею въ XVIII столѣтія въ гербъ города: Астраханская Царская корона, а подъ нею обнаженный мечъ (*табл.* XIV, рис. 6), а другая представляетъ двухъ соболей, стоящихъ на заднихъ лапахъ, а въ переднихъ держащихъ щитъ съ надписью: «*Царства Сибирскаго*» (табл. XIV, рис. 3.).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

§ 49.

3) Печати духовенства.

По введеніи въ отечествѣ нашемъ Христіанства, первыми у насъ учителями, распространителями Православія, первыми помощниками В. Князей на этомъ поприщѣ были духовныя лица Греческаго происхожденія. Съ другой стороны значеніе у насъ духовенства по высокой степени образованности, которою оно такъ рѣзко отличалось отъ другихъ состояній, наконецъ довѣріе къ нему В. Князей, видѣвшихъ въ духовенствѣ лучшихъ себѣ помощниковъ къ распространенію въ народѣ про-

([1]. Акты Историч. Т. IV. № 104, 209. Т. V, № 259.

священія: все это условливало участіе духовенства нашего, особенно высшаго, въ совершеніи разнаго рода актовъ, договоровъ, трактатовъ. Подпись Митрополита Московскаго (не рѣдко на Греческомъ Языкѣ) скрѣпляетъ не одинъ государственный документъ даже XIV и XV столѣтій, какъ это уже было показано въ исторіи печатей Княжескихъ. Но по обычаю того времени, подписи было недостаточно: оттого печати духовныхъ лицъ встрѣчаются часто и сохранились въ большомъ количествѣ.

Штемпель на печатяхъ духовныхъ лицъ, не смотря на все ихъ разнообразіе и ничтожныя, по большей части несущественныя, видоизмѣненія, слѣдовалъ извѣстнымъ, разъ принятымъ началамъ и сообразовался съ саномъ и достоинствомъ лица, печать употреблявшаго, такъ что для этого рода печатей раньше другихъ образовались твердыя и неизмѣнныя правила. Не можетъ быть сомнѣнія, что духовенство наше обязано и идеею ихъ и изображеніемъ Византіи. Отсюда первыя лица духовенства Русскаго вывезли свои печати, съ которыхъ изображеніе преемственно переходило съ мѣстомъ и саномъ. О такомъ происхожденіи печатей изъ Византіи свидѣтельствуютъ лики Божіей Матери и Спасителя, сдѣланные правильно, изящно и совершенно сообразно Византійскому иконописному пошибу. Время не пощадило или до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, не открыто печатей съ Греческими надписями званія и имени духовнаго лица, и потому трудно поддержать догадку о существованіи такихъ печатей; но она вытекаетъ сама собою изъ строгаго соотвѣтствія между подписью лица и означеніемъ имени на его печати. Въ послѣдствіи, можетъ быть, откроются подобные экземпляры. Изъ сравненія же тѣхъ, которые

имѣемъ въ настоящее время, оказывается, что какъ существеннымъ въ древнихъ печатяхъ Княжескихъ было изображеніе Святаго, котораго имя носилъ Князь, в надпись, чья печать, такъ и духовенство считало необходимымъ изображать на печатяхъ своихъ съ одной стороны образъ Божіей Матери и Предвѣчнаго Младенца, или крестъ, или образъ инаго Святаго, а съ другой означать, кому печать та принадлежитъ, и притомъ означать это или буквами въ строку, или изобразивъ руку, надписать чья она. Послѣдующее исчисленіе покажетъ, какіе правило это принимало оттѣнки въ примѣненіи къ духовнымъ лицамъ разныхъ сановъ. Повторяемъ, что обычай присвоилъ каждому изъ нихъ аттрибуты, которые въ послѣдствіи утверждены за нимъ положительнымъ законодательствомъ; а потому привычный глазъ и безъ надписи узнаетъ, принадлежитъ ли печать Архіепископу, Митрополиту, Епископу или Священнику.

Въ исчисленіи печатей лицъ духовнаго званія, слѣдуя порядку хронологическому, мы начнемъ съ Великаго Новагорода, гдѣ значеніе владыки было совершенно исключительное и иное, чѣмъ въ другихъ областяхъ Россіи.

На древнихъ Новгородскихъ грамотахъ и на договорахъ Новгорода съ разными Князьями встрѣчаются слѣдующія свинцовыя печати Архіепископа Новгородскаго, а именно на грамотахъ 1305 и 1308 г. Архіепископа Ѳеоктиста: ликъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на персяхъ, съ боковъ надпись: М҃р. Ѳ҃ѵ. (Матерь Божья), а на оборотѣ: *Фектистъ Архіепископъ Новгородскій* (табл. VIII, рис. 1.). (1) Такое же изображеніе, отличающееся въро-

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, стр. 7, 12, 15.

чемъ красотою отдѣлки, было у Архіепископа Новгородскаго Давида (1) (имя это означено на оборотѣ печати); но нѣтъ титлъ: Мр. Ѳѵ, которыя опять являются на печати Архіепископа Алексѣя (2). Позднѣе, а именно въ XVI в. у Новгородскаго Архіепископа въ печати видимъ благословляющую руку, съ лѣва, съ права и сверху ея по вѣткѣ (3), а вокругъ надпись; но что прежнее обычное изображеніе не было вовсе оставлено, тому служитъ доказательствомъ печать Архіепископа Новгородскаго Александра, приложенная къ приговорной грамотѣ всего духовенства о монастырскихъ вотчинахъ 1580 г.: на печати этой видимъ съ одной стороны Матерь Божію съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и обычными надписями, а съ другой три деревца, въ видѣ виноградныхъ лозъ и вокругъ надпись: *Александръ Великаго Новаго* (рода) *Архіепископъ* (4). — Считаемъ также не лишнимъ отмѣтить при этомъ печать одного изъ Архіепископовъ Новгородскихъ Евфимія (ихъ было три отъ 1423 по 1451) (5), сохранившуюся на жалованной грамотѣ, данной, по его благословенію, посадниками Новгородскими Сергіевскому Монастырю *въ Маковцѣ* на разныя преимущества. Первая по порядку съ лѣваго края печать, безъ сомнѣнія владыки Новгородскаго, хотя противъ обыкновенія, на ней нѣтъ надписи съ его именемъ. На печати этой изображенъ съ одной стороны восьмиконечный крестъ, у подножія его эмблемма побѣды, одержанной надъ смертью—мертвая голова, съ правой стороны кре-

(1) Тамъ же, стр. 16.
(2) Тамъ же, стр. 22.
(3) Тамъ же, стр. 507, 596.
(4) Тамъ же, стр. 586.
(5) Исторія Росс. Іерархіи, Т. I, стр. 75.

ста копье, съ лѣвой дерево, а по бокамъ надпись: Іс. Хр. Нї-ка. На оборотѣ образъ Божіей Матери въ фелони, стоящей съ подъятыми руками и Младенецъ у ея сердца. Надписи: Мр. Ѳѵ. Іс. Хс. (табл. XIII, рис. 1).

Изображеніе Матери Божіей перешло и на печать Митрополитовъ Московскихъ; такъ на серебряной позолоченной печати Алексѣя Митрополита, привѣшенной къ духовной грамотѣ В. К. Димитрія Іоанновича 1371 г., изображенъ съ одной стороны ликъ Богородицы, а съ другой стороны видна надпись: *Божіею* (пропущено: милостью) *печать Алексѣя Митрополита всея Русіи* (1). Внѣшняя форма этѣхъ печатей, пошибъ изображенія и почеркъ надписи совершенно тотъ же, какой видимъ на печати Велико-Княжеской: нельзя сомнѣваться въ томъ, что они принадлежатъ одному рѣзцу. Вообще на духовныхъ грамотахъ Великихъ и удѣльныхъ Князей Русскихъ должно искать печатей высшаго нашего духовенства, потому что завѣщанія всегда писались при духовномъ отцѣ, обыкновенно за его подписью, разбирались по законамъ духовнымъ, а не свѣтскимъ, и слѣд. для большей крѣпости утверждались подписью и печатью духовнаго лица, бывшаго при составленіи этого документа. Самое названіе его—духовная—показываетъ, какое вліяніе имѣло на составленіе его духовенство. Сообразно такому началу къ завѣщанію Великой Княгини Софіи, вдовствовавшей супруги Великаго Князя Василія Димитріевича, привѣшена восковая печать: съ одной стороны то же изображеніе Божіей Матери, а съ другой надпись: *Божіею милостью смиренный Іона Митрополитъ всея Руси* (2). Далѣе къ духовнымъ грамотамъ В. К. Ва-

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, стр. 51.
(2) Тамъ же, стр. 194.

силія Васильевича, писаннымъ около 1462 г., также привѣшена печать Митрополита, съ изображеніемъ, которое разнится отъ описанныхъ тѣмъ, что Божія Матерь представлена не въ поясномъ изображеніи и не съ Младенцемъ на персяхъ, а сидящею на престолѣ, и держащею I. X. на рукахъ, съ боковъ надпись: Мр. Іс. Хс. Ѳӳ., а на оборотѣ: *Милостью Божьею смиренный Ѳеодосій Митрополитъ всея Руси* (1). (табл. VIII, рис. 3). Точно такою же печатью съ перемѣною разумѣется имени: *смиренный Геронтій Митрополитъ всея Руси*—укрѣплена духовная 1486 г. Князя Михаила Андреевича Верейскаго (2). Эмблемма, разъ усвоенная этого рода печатямъ, осталась и на печати Митрополитовъ Симеона, Макарія (3) и др.

Означенное изображеніе было кореннымъ и основнымъ: отъ него по правилу не отступали ни Митрополиты, ни другіе Архіепископы; тѣмъ не менѣе съ XVI вѣка благословляющая рука становится эмблеммою, часто встрѣчающеюся на печатяхъ лицъ духовнаго званія. Первая извѣстная намъ печать съ этимъ типомъ принадлежитъ Митрополиту Даніилу (4). На одной ея сторонѣ кисть руки и персты сложены такъ, какъ слагаются для благословенія, а вокругъ надпись: *рука митрополита Даніила всея Русіи*, а на оборотѣ: *Божьею милостью смиренный Даніилъ митрополитъ всея Русіи* (табл. VIII, рис. 5). Тѣмъ не менѣе прежнее изображеніе Пресвятой Дѣвы Маріи встрѣчается на печатахъ и позднѣе (5). Наконецъ оба

(1) Тамъ же, стр. 473.
(2) Тамъ же, стр. 206, 208.
(3) Тамъ же, стр. 302.
(4) Тамъ же, стр. 323, 404, 473 и др.
(5) Тамъ же, стр. 415, 417, 422.

эти типа иногда соединялись; а именно къ записи Боярина Ивана Петровича Яковлева, данной въ 1565 г. за поручительствомъ Московскаго Митрополита Аѳанасія Царю Іоанну Васильевичу о вѣрной службѣ, привѣшена печать, на одной сторонѣ которой изображена Богородица съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и обычными надписями, а на оборотной, въ срединѣ—благословляющая рука, осѣненная вѣтвями, а вокругъ ея надпись: *Божіею милостью смиренный Аѳонасій Митрополитъ всея Руси* (¹).

Приговорная грамота всего духовнаго чина 1584 года о монастырскихъ вотчинахъ была утверждена одиннадцатью печатями, изъ которыхъ Царская, Митрополичья и двѣ архіепископскихъ изъ краснаго воска на красныхъ же шелковыхъ снуркахъ, а семь остальныхъ изъ чернаго воска на черныхъ шелковыхъ снуркахъ; но изъ печатей этихъ сохранилось только девять. Изъ нихъ, стоящая рядомъ съ Царскою, митрополичья, носитъ изображеніе Божіей Матери, ликъ которой видимъ и на четырехъ епископскихъ печатяхъ, а изображеніе руки—на одной епископской и двухъ архіепископскихъ (²). Рѣдко и въ видѣ изъятія встрѣчаются на архіепископскихъ печатяхъ вмѣсто образа Божіей Матери образа другихъ Святыхъ, можетъ быть по имени владѣльца печати; такъ изъ 10 печатей духовныхъ лицъ, привѣшенныхъ къ грамотѣ о восшествіи на престолъ Царя Михаила Ѳедоровича одна (неизвѣстно чья, ибо надпись стерлась) кромѣ руки, носитъ изображеніе Св. Архистратига Михаила (³).

(¹) Собр. Гос. Гр. I, 636.

(²) Тамъ же, стр. 506. 536.

(³) Тамъ же, стр. 596. Ср. стр. 586, 636. Т. II. стр. 101 Прод. древн. Росс Вивл. Т. VII, стр. 134. 158.

Подобныя изъятія впрочемъ нисколько не нарушали общаго правила, утвержденнаго обычаемъ, а въ послѣдствіи и закономъ; а именно: въ 1564 году Царь Іоаннъ Василіевичъ постановилъ, чтобы по примѣру прежнихъ вѣковъ Митрополиты и Архіепископы печатали свои грамоты на красномъ воску, на печати же имѣть имъ изображеніе съ одной стороны: ликъ Богоматери съ Младенцемъ, а съ другой руку *благословенную* съ именемъ Митрополита (1).

Патріаршая печать почти всегда была краснаго воска на шнурахъ, двухсторонняя, величиною въ рубль серебромъ и даже болѣе, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Богоматери, а на другой благословляющей руки съ подписью вокругъ: *Божіею милостію Святѣйшій Патріархъ Царствующаго Града Москвы и всея Русіи* (2). У Патріарха Никона изображеніе на печати осталось тоже, но надпись вокругъ благословляющей руки пространнѣе: *Божіею милостью Архіепископъ Царствующаго Града Москвы и всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Патріархъ Никонъ* (3). (табл. VIII, рис. 7). Но кромѣ этой большой печати у Патріарховъ была и малая, односторонняя, съ благословляющею только рукою и надписью вокругъ: *Божіею милостью Великій Патріархъ Московскій и всея Русіи.* Извѣстно, что подобная печать была у Патріарха Филарета, родителя Царя Михаила Ѳеодоровича.

Высшія степени духовной Іерархіи нашей были доступны и лицамъ не Русскаго происхожденія: образо-

---

(1) *Карамзина* И. Г. Р. IX, стр. 20 и прим. 94.

(2) Труды Общ. Исторіи и древн. Россійскихъ Т. III, стр. 56, 57. Собр. Гос. Гр. и дог. II, стр. 101.

(3) Архимандрита Аполлоса. Начертаніе житія и дѣяній Никона. М. 1846 г. въ прилож.

важность и заслуги всегда открывали у насъ всякому путь къ высшимъ почестямъ и достоинствамъ. Если лица эти происходили изъ такой фамиліи, которая имѣла право на гербъ, то они сохраняли его, и только для показанія своего званія прибавляли къ родовой эмблемѣ извѣстные аттрибуты. Для примѣра мы укажемъ на гербъ Митрополита Кіевскаго Петра Могилы. Отецъ его былъ Княземъ Волошскимъ, а самъ Митрополитъ родился въ Молдавіи около 1597 г. Первая его молодость была посвящена военной службѣ, потомъ онъ, слѣдуя влеченію своему къ монастырской жизни, постригся въ Кіево-Печерской Лаврѣ и наконецъ въ 1633 году былъ посвященъ въ Митрополиты Кіевскіе (1). Портретъ его, вѣроятно современный самому Митрополиту, сохранился въ Голосіевской пустынѣ, отстоящей отъ Кіева въ четырехъ верстахъ и приписанной къ Кіево-Печерской Лаврѣ (2). На портретѣ этомъ (3) изображенъ гербъ рода Могилъ, составленный совершенно правильно изъ слѣдующихъ эмблеммъ: щитъ разбитъ на два, и разсѣченъ на три, такъ притомъ, что средній столбъ не доходитъ до верхняго края герба. Щитъ весь цвѣта краснаго, кромѣ средней полосы, золотой. Въ первой четверти видимъ обыкновенный аттрибутъ гербовъ фамилій Молдавскаго происхожденія—воловью голову съ кольцомъ во рту, надъ головою между рогами звѣзда, а повыше ея корона; во второй четверти двѣ на крестъ положенныя стрѣлы, а между ними копье, въ третьей бѣлая птица, летящая

---

(1) Митрополита Евгенія, Словарь писателей духовнаго чина. Изд. 2, Т. 2, стр. 156, 157.

(2) Ист. Росс. Іерархіи, Т. III, стр. 735.

(3) Портретомъ мы обязаны извѣстному художнику-археологу Ѳ.Г. Солнцеву, снявшему изображеніе это на мѣстѣ.

мѣно, несетъ въ носкѣ крестъ, а надъ нею корона, и наконецъ въ четвертой Польская геральдическая фигура т. н. *novina*, или же чаша, въ которую поставленъ мечъ. Средняя полоса разбита также на двѣ части, изъ которыхъ въ верхней скрещены двѣ сабли, а въ нижней между двумя лунами, обращенными въ противуположныя стороны, крестъ. Щитъ увѣнчанъ Архіепископскою золотою митрою, съ правой стороны ея виденъ крестъ, а съ лѣвой святительскій жезлъ; по бокамъ же щита слѣдующія буквы: П. М. А. М. К. Г. Е. К. А. П., означающія: Петра Могилы Архіепископа Митрополита Кіевскаго, Галицкаго, Екзарха Константинопольскаго, Архимандрита Печерскаго печать (табл. IX, рис. 1). Для сравненія считаемъ не лишнимъ указать на другое также современное самому Петру Могилѣ изображеніе его герба ([1]), замѣчательное потому, что его внѣшняя форма еще болѣе носитъ признаковъ Молдавскаго происхожденія рода Могилъ (Молдавскою шапкою коронованъ гербъ), что внѣшніе аттрибуты могли съ этого рисунка перейти въ гербъ Патріарха Никона, и наконецъ потому, что есть нѣкоторое различіе въ раздѣленіи щита и въ эмблеммахъ; а именно: щитъ разбитъ на два, и разсѣченъ на три, въ первомъ полѣ въ кольцѣ у вола изображены двѣ скрещенныя шпаги, а по бокамъ воловьей головы представлены съ права солнце, съ лѣва—луна; въ третьемъ полѣ вмѣсто стрѣлъ копья, и въ четвертомъ—надъ птицею, несущею въ клювѣ крестъ, нѣтъ короны. Прочія эмблеммы и буквы, щитъ окружающія, сходны съ предъидущимъ (табл. IX, рис. 2).

([1]) Гербъ этотъ напечатанъ на Львовскомъ Апостолѣ, выпущенномъ въ 1630 г. изъ типографіи Михаила Сліоски.

Слѣдуя тому же началу, и Св. Димитрій Ростовскій, происходившій изъ благородной Малороссійской фамиліи Туптало ([1]), наслѣдовалъ отъ предковъ своихъ родовой гербъ—треугольникъ въ красномъ полѣ, и прибавилъ къ нему Святительскія утвари ([2]).

По происхожденію своему Патріархъ Никонъ не имѣлъ права на гербъ; тѣмъ не менѣе онъ, какъ бы не довольствуясь измѣненіемъ надписи на обычной Патріаршей печати, сочинилъ себѣ гербъ. Возможность такого явленія становится совершенно понятною, когда вспомнимъ гербъ Петра Могилы, который могъ быть первообразомъ для герба Патріарха Никона и что именно въ царствованіе Алексѣя Михайловича родилась у насъ мысль о гербахъ. Въ это время сложился окончательно Государственный нашъ гербъ и упоминаются первые герольды въ Россіи.

Съ другой стороны сравненіе Патріаршаго герба съ гербомъ Папскимъ не оставляетъ сомнѣнія, что второй имѣлъ вліяніе на составленіе перваго (табл. X, рис. 7, 8.), Царская же корона украшаетъ гербъ этотъ, можетъ быть, случайно, а можетъ быть соотвѣтствуетъ титулу, который былъ усвоенъ Никону: *Божіею милостью Великій Государь и пр.*—Буквы по бокамъ щита, расположеніе, даже очертаніе ихъ напоминаютъ собою тѣ, которыя видимъ на портретахъ Царя Алексѣя Михайловича и другихъ современныхъ Никону гербахъ, напр. Богдана Хмѣльницкаго ([3]); слѣд. повторяемъ, всѣ эти

([1]) Словарь Митрополита Евгенія I, 116. Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, соч. *Бантышъ-Каменскаго* Спб. 1847. Т. 1, стр. 522.

([2]) *Громоника* достопамятности Москвы стр. 33.

([3]) Гербъ этотъ сохранился на портретѣ Богдана Хмѣльницкаго и состоитъ изъ изображенія казака, имѣющаго на плечѣ ружье. Надъ щитомъ

аттрибуты говорятъ противъ мнѣнія тѣхъ, которые утверждаютъ, что будто гербъ этотъ несвоевременъ и не могъ принадлежать тому лицу, которому онъ приписывается. Пока не будутъ найдены доводы болѣе убѣдительные, мы признаемъ гербъ этотъ за подлинный и предлагаемъ его описаніе (табл. X, рис. 8).

Щитъ серебряный, раздѣленный на 4 части: въ верхнихъ изображены евангеліе и благословляющая рука, а въ нижнихъ—ключь (въ подражение гербу Папскому) и пятисвѣшникъ. Надъ щитомъ корона, усаженная драгоцѣнными камнями. Ее вѣнчаетъ крестъ, а съ нея на цѣпи спускается къ щиту образъ Спасителя (у Петра Могилы въ этомъ же положеніи видимъ крестъ). Корону на шнурахъ, обвивающихся вокругъ креста и архипастырскаго жезла (точно такъ, какъ у Могилы), на крестъ лежащихъ, поддерживаютъ два ангела. Въ рукахъ у нихъ по щитку съ надписями: Патріархъ и Никонъ. Наметъ, голубой съ серебромъ. Въ девизѣ заключается объясненіе составныхъ частей герба:

«Егда печать сію вѣрніи смотряемъ, Велика пастыря всемъ уподобляемъ. Десницу, свѣтильникъ, ключь, Евангеліе, образъ Спасовъ крестъ, жезлъ, вѣнецъ, началіе». По сторонамъ щита помѣщены начальныя буквы титула Патріарха: а именно Н. М. Б. В. Г. С. А. М. В. В. М. Б. Р. П; т. е. Никонъ милостью Божіею Великій Государь Святѣйшій Архіепископъ Москвы всея Великія Малыя Бѣлыя Россіи Патріархъ».

Составитель жизнеописанія Патріарха Никона, Архи-

возвышается три древка отъ знаменъ, а вокругъ буквы: Б. Х. В. Е. Ц. В. З. Г., т. е. Богданъ Хмѣльницкій войска Его Царства Величества Запорожскаго Гетманъ.—Чтенія въ Московс. Общ. исторіи и древн. Россійскихъ. Засѣд. 26 Апр. 1847 г. № 9. Приложеніе.

мандритъ Аполлосъ ([1]) заимствовалъ описанный гербъ изъ книги: Рай мысленный, 1659 г., хранящейся въ Иверскомъ Валдайскомъ Монастырѣ. Одна цифра, когда написана означенная книга, сохранившая намъ этотъ драгоцѣнный памятникъ, опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые не вѣрятъ въ подлинность его: въ это время Никонъ достигъ высшаго предѣла силы и значенія. Во всякомъ случаѣ любопытно бы знать, кто составлялъ этотъ гербъ, когда, на основаніи какихъ данныхъ и наконецъ употреблялъ ли его самъ Патріархъ. Свѣдѣнія эти могли бы во многомъ уяснить исторію нашихъ гербовъ.

Печатей лицъ духовнаго званія степеней высшихъ осталось немного. На нихъ изображалась благословляющая рука съ надписью—чья она. А если духовное лице занимало какую нибудь особенную должность, то на печати помѣщалась и ея эмблемма: такъ на печати ключаря былъ изображаемъ ключъ ([2]); или помѣщалась надпись, свидѣтельствовавшая о занимаемой должности, напр. у Келаря Троицкой Лавры—*печать Келарьская Сергіев(ска-го мо) настыря* (табл. VIII, рис. 2), *печать старца Варлама Вороникова* (табл. VIII, рис. 6). и т. п. Такими печатями утверждались разныя отписки; но кромѣ того употреблялись духовенствомъ печати, которыя были назначены для извѣстной именно цѣли; такъ напр. сохранилась печать, которая замѣняла нынѣшнія исповѣдныя свидѣтельства, даваемыя въ одномъ приходѣ для допущенія къ причащенію Св. Таинъ; въ другомъ, въ Караба-

---

([1]) Жизнеописаніе Никона стр. 190. Ср. *Тромонина* Достопримѣчательности Москвы.

([2]) Временникъ Московскаго общества Исторіи и древн. Росс. Т. III, Смѣсь. стр. 3.

новскомъ собраніи, есть серебряная, круглая печать съ ушкомъ, съ одной ея стороны изображенъ ключъ съ надписью вокругъ: *печать попа Даніила Анисимова*, а съ другой стороны: *пожаловать причастить святыхъ Христовыхъ таинъ* (1). Подобно тому была въ Успенскомъ Соборѣ въ Москвѣ особая печать для вѣнечныхъ памятей съ надписью вокругъ: *сія . . . . Пресвятыя*, а въ срединѣ *Богородицы* (табл. VIII, рис. 4) (2).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

§ 50.

4) Печати должностныхъ лицъ и приказовъ.

Въ разныхъ случаяхъ государственной дѣятельности должностныя лица обязаны были утверждать грамоты и всякія иныя отписки своею печатью, и знамени этому придавали значеніе, ему вѣрили. Въ слѣдствіе того подобныя печати должны были носить неопровержимые признаки принадлежности ихъ извѣстному лицу, и сообразно общимъ началамъ нашей древней сфрагистики печати должностныхъ лицъ были или съ изображеніемъ и надписью или только съ одною надписью. Изображеніе иногда соотвѣтствовало занятію лица и его обязанностямъ, нерѣдко представляло образъ того Святаго, по

(1) *Филимонова* Описаніе памятниковъ древности Церковнаго и Гражд. быта Русскаго Музея Коробанова, табл. XXXIX и XL, р. п. II.

(2) Буквы С и 8, на печати сохранившіяся, не означаютъ ли годъ: 7206, т. е. 1698?

имени котораго назывался чиновникъ, или же въ самой надписи заключалось наименованіе должности и того, кто облеченъ властью. Характеръ печатей этого рода по большей части оффиціальный, строгій и отвлеченный отъ частной жизни человѣка. Въ слѣдствіе того они отличаются тѣмъ однообразіемъ, которое рѣдко въ другихъ видахъ печатей.

Въ Москвѣ большое развитіе выпало на долю Велико-Княжескихъ печатей—явленіе, совершенно понятное при томъ значеніи, которое постоянно и неизмѣнно имѣлъ Государь Московскій; совершенно иное встрѣчаемъ въ Новгородѣ, гдѣ отъ имени его договаривались и давали льготы посадники, тысяческія и т. п. лица. Такъ какъ печати эти были всегда свинцовыя, то ихъ сохранилось довольно много и изъ сравненіяхъ оказывается, что договоры града Св. Софіи съ Москвою, Тверью и другими городами утверждали своими печатями—тысячкіе, посадники, а дарованіе какихъ нибудь правъ и преимуществъ по торговлѣ, управленію, владѣнію землею и т. п., кромѣ означенныхъ лицъ и владыки, предоставлялось отъ имени всего Новгорода и утверждалось почти всегда печатями представителей отъ пяти концевъ Новгородскихъ. Какое значеніе придавали въ Новгородѣ печатямъ должностныхъ лицъ, замѣнявшимъ подпись, видно изъ того, что о приложеніи ихъ подробно означалось въ самомъ актѣ. Для примѣра указываемъ на грамоту, данную Новгородомъ Соловецкому Монастырю въ XV в. Она оканчивается слѣдующими удостовѣреніями: «къ сей грамотѣ приложилъ господинъ Преосвященный Архіепископъ Великаго Новаграда и Пскова владыка Іона свою печать; Степенный Иванъ Лукиничь и тысячскій степенный Трифонъ Юрьевичь приложили свои печати. Повелѣніемъ всего госпо-

дина Государя Великаго Новагорода изо всѣхъ пяти концевъ приложиша по печати» ([1]). И дѣйствительно, печати эти привѣшены, на нѣкоторыхъ грамотахъ сохранились и будутъ приведены ниже. Слѣдуя же хронологическому порядку, мы должны начать съ заключеннаго Новгородомъ съ В. Княземъ Тверскимъ Михаиломъ Ярославичемъ въ 1317 г. договора: на немъ сохранились печати Новгородскія, отличающіяся слѣдующими надписями и изображеніями: 1) На одной сторонѣ надпись — *Новгорочкая печать,* на оборотѣ — *и посадничa:* 2) *Печать Матьфѣя Фалелеевича,—тысячкого Новгорочкою;* 3) *Печать Сильвестрова* съ изображеніемъ вѣроятно Св. Сильвестра; 4) *Филипа тысячького* печать съ изображеніемъ Святаго, подлѣ котораго надпись-*Филипъ;* 5) *Яковля печать, посадника Новгорочкого,* также съ изображеніемъ Святаго на конѣ и со знаменемъ въ рукахъ; (можетъ быть Св. Георгія) ([2]); 6) *печать Ондрѣянова посадника Новгород.,* на оборотѣ также изображенъ Святой въ вѣнцѣ, облаченіи и съ Евангеліемъ; 7) *Юрьева печать Ивановича - посадника Новгорочкаго;* 8), *печать Онаненіева—(т. е. Ананьева) тысячкого Новгорочкого*; 9) *печать Іевана Іеремнича,* на оборотѣ изображеніе воина со щитомъ и копьемъ; 10) *Семенова печать Онъдрѣевича* и 11) *Степанова печать*—на оборотѣ Святой со щитомъ ([3]).

Извѣстно, что въ управленіи Новгородомъ принимали участіе какъ посадники и тысячкіе *степенные,* такъ сказать правительственные, т. е. управлявшіе его дѣла-

([1]) Исторія Россійской Іерархіи Архимандрита Амвросія. М. 1810, часть 2 стр. 390, 391. Акты археогр. экспед. I, № 104.

([2]) *Карамзинъ* V, прим. 36.

([3]) Собр. Гос. Грам. и дог. Т. I. стр. 17.

ми, такъ и *старые*, бывшіе прежде посадниками и тысячскими и вновь неизбранные, оттого число печатей этихъ лицъ такъ велико. Первыя двѣ печати съ лѣваго края принадлежатъ степеннымъ посаднику Михаилу и тысячскому Матвѣю Фалелѣевичу. Отъ этихъ двухъ лицъ, равно какъ «отъ бояръ, и отъ житыхъ людей и отъ чорныхъ людсй и отъ всего Новгорода», какъ означено въ самой грамотѣ, «послаша Новъгородъ Юрьи и Явима къ Князю къ Михайлѣ на Тверь и велѣлъ миръ имати на семъ».—Выборнымъ изъ означенныхъ въ трактатѣ сословій могли принадлежать оставленыя изъ описанныхъ тотчасъ печатей: послѣднее ихъ мѣсто служитъ тому подтвержденіемъ.

Большое число печатей доказываетъ важность акта, ими утвержденнаго, поэтому тогда какъ на означенномъ договорѣ съ Тверью о мирномъ постановленіи, объ уступкѣ земель и т. д. привѣшено одиннадцать печатей, свидѣтельствующихъ о твердости и ненарушимости этого документа; другой трактатъ Новгорода же съ В. Княземъ Тверскимъ Михаиломъ Александровичемъ отъ 1375 года объ обоюдномъ отпускѣ плѣнныхъ, утвержденъ двумя только печатями—архіепископскою и посадничьею съ надписью на одной сторонѣ: *Юрьева печать Ивановича*, а на другой *посадника Новгорочкаго* (1). Чаще однако прилагались къ Новгородскимъ грамотамъ, кромѣ печати посадника, еще печать тысячскаго. Въ Румянцовскомъ Музеумѣ хранятся двѣ пергаментныхъ грамоты съ привѣшенными къ нимъ свинцовыми печатями. Одна изъ нихъ относится к концу XIII или началу XIV вѣка. Эта неопредѣленность времени написанія Новгородскихъ

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, стр. 22.

грамотъ происходитъ отъ того, что въ нихъ безъ означенія года составленія акта, упоминается только о лицахъ, при которыхъ онъ утвержденъ. Зная въ какомъ году былъ посвященъ тотъ или другой владыка, когда избранъ и смѣненъ посадникъ, можно приблизительно, по крайней мѣрѣ, сдѣлать выводъ о вѣкѣ, къ которому документъ относится. Въ настоящемъ случаѣ грамота дана отъ В. Князя Андрея, отъ посадника Семена и отъ тысячскаго *Машка* (т. е. Матвѣя) (1). Изъ Новгородскихъ же лѣтописей оказывается, что Великій Князь Андрей Александровичь прибылъ въ Новгородъ въ 1293 году при посадникѣ Семенѣ Климовичѣ, который былъ смѣненъ въ 1303 г., а въ слѣдующемъ году умеръ Великій Князь Андрей Александровичь (2); слѣд. грамота, о которой говоримъ, можетъ относиться къ пространству времени отъ 1293 по 1303 годъ и заключаетъ въ себѣ разрѣшеніе о проѣздѣ купцовъ Любскихъ и Рижскихъ чрезъ Новгородскія владѣнія. Изъ трехъ привѣшанныхъ къ этому акту печатей одна *тысяцкого*, что и означено на ней, а на оборотѣ образъ Святаго въ вѣнцѣ и съ правой стороны буквы М. Т. Ѳ., по которымъ можно заключить, что это образъ Св. Матѳѣя. Посадничья печать именная: на ней надпися съ одной стороны—*Сменова печать*, а съ другой—*Климовича.* Между ними третья печать, вѣроятно принадлежавшая Великому Князю, судя по изображеніямъ на ней: съ одной, стороны всадникъ на конѣ, а съ другой образъ Святаго. Мы ихъ перепечатываемъ у себя (на табл. XIII, рис. 9, 10, 11), чтобы

(1) *Карамзина*, IV, прим. 291.

(2) Полнаго Собранія лѣтописей Т. III. Первая Новгородская лѣтопись, стр. 65, 68. *Карамзинъ*, IV, стр. 102 (по 5 изд.).

показать стиль, какимъ отличались отечественные художники отъ тѣхъ мастеровъ иностранныхъ, въ особенности Греческихъ, которымъ обязана своимъ существованіемъ большая часть печатей Московскихъ Великихъ Князей [1].

Другая изъ поименованныхъ грамотъ дана отъ архіепископа Новгородскаго Алексѣя, отъ посадника Юрья и тысячскаго Матфѣя о торговлѣ съ Любекомъ и съ Готскимъ берегомъ, и хотя на ней также не означено года, но судя по тому, что Алексѣй былъ посвященъ въ архіепископы въ 1360 и оставилъ епархію въ 1387 г. [2], должно заключить, что она относится къ этому пространству времени [3]. На свинцовыхъ печатахъ, къ грамотѣ этой привѣшанныхъ, надписи на первой: *печать Матьфѣя Фалелѣевича*, съ другой стороны: *тысячкого Новгорочкого;* а на второй печати съ одной стороны—*Посадника Новгорочкого*, съ другой *Юрьева печать Иван(ов)ича* [4].

Для образца печатей, приложенныхъ отъ разныхъ концевъ Новгородскихъ, мы опишемъ грамоту, данную по благословенію Архіепископа Евфимія посадниками Дмитріемъ Васильевичемъ, всѣми старыми посадниками и тысячскимъ Михаиломъ Андреевичемъ, равно какъ всѣми старыми тысячскими, боярами, житыми людьми, купцами и всѣмъ Господиномъ Великимъ Новымъ-городомъ на вѣчѣ, на Ярославовомъ дворѣ Сергіеву Мона-

---

(1) Вѣстникъ Европы, изд. *Каченовскимъ*, 1811 года часть LX стр. 201. Эмблемма средней печати такъ неясна, что при объясненіи печатей этихъ въ Вѣстникѣ Европы не знали, всадникъ ли это или плывущій корабль, при чемъ авторъ прибавляетъ предположеніе, не былъ ли корабль гербомъ Новгорода? Тамъ же, стр. 198.

(2) Исторія іерархіи Т. I, стр. 74.

(3) Вѣстникъ Европы въ о. м., стр. 284, 285.

(4) Замѣчанія по поводу означенныхъ грамотъ напечатаны покойнымъ *Калайдовичемъ* въ LXI Т. Вѣстника Европы, стр. 204 и сл.

стырю въ Маковцѣ въ утвержденіе за нимъ разныхъ преимуществъ по уплатѣ повинностей и по торговлѣ. По времени, когда на архіепископскомъ престолѣ Новгородскомъ былъ Евфимій (отъ 1423 по 1458 г.), актъ этотъ должно отнести къ XV столѣтію. Вмѣсто подписей приложены слѣдующія свинцовыя двустороннія печати: 1) съ лѣваго края архіепископская, описанная выше (§ 49); 2) *Печать Дмитрія Васильевича*, съ одной стороны летящая въ лѣво птица и вокругъ означенная надпись, а на оборотѣ—*посадника Новгорочкого*, въ срединѣ же видимъ изображеніе, заимствованное вѣроятно съ запада: Государь въ коронѣ лѣвою рукою держитъ предъ собою щитъ, а правою онъ поднялъ мечь, вынутый изъ ноженъ, висящихъ у пояса; съ правой стороны этой фигуры кругъ, заключающій въ себѣ крестъ. (табл. XIII. рис. 2); 3) печать тысячскаго: съ одной стороны идущая въ лѣво птица съ головою, обращенною назадъ, вокругъ надпись: *печать тыс* (яцкого Новго) *роцкого*; на оборотѣ образъ Св. Михаила Архангела и вокругъ его надпись: *Михаила Оньдрѣевича* (табл. XIII. рис. 3); 4) *Печать Людина конца*, а на оборотѣ человѣкъ, держащій въ правой рукѣ копье, въ лѣвой щитъ, упирающійся въ землю (табл. XIII. рис. 4); 5) *печать Святою Николы*, а на оборотѣ: образъ Св. Николая, по бокамъ его надпись: *Нико.* (табл. XIII. рис. 5.). Какого конца эта печать не означено. 6) *Загородскаго конца:* съ одной стороны надпись *Святого Николы въ Загородьскомъ концѣ*, а съ другой образъ Св. Николая, вправо отъ него *Аґіосъ*, а влѣво—*Никол.* (табл. XIII. рис. 6). 7) *Антоновскаго конца:* въ срединѣ шестиконечный крестъ, вокругъ надпись-*печать Онтоновская*, на оборотѣ ликъ Пресвятой Дѣвы, знаменующій, быть можетъ,

что въ этомъ концѣ былъ монастырь, во имя Успенія Божіей Матери [1], (табл. XIII рис. 7.) и 8.) *Славенскаго конца:* съ одной стороны крестъ, вокругъ надпись: *печать Славенскаго конча*, на оборотѣ Сватой въ вѣнцѣ, и по сторонамъ надпись — *Павелъ исповѣдникъ* (табл. XIII, рис. 8)..

Кромѣ того, что печати эти важны для археолога, они не меньшаго заслуживаютъ вниманія и со стороны изслѣдователя древностей Новгородскихъ. Споръ о его концахъ, о числѣ и мѣстоположеніи ихъ не конченъ, а здѣсь должно предположить, что актъ утвержденъ печатями отъ всѣхъ концовъ Новгородскихъ [2].

Печати низшихъ должностныхъ лицъ были, по большей части, именныя, съ означеніемъ, какое мѣсто занималъ ихъ владѣлецъ и какъ онъ назывался. Повторяемъ, что такая подробность была необходима при той важности, которая придавалась печати: она сообщала акту крѣпость и силу. Оттого въ крѣпостной книгѣ, при запискѣ въ ней разныхъ сдѣлокъ, при отмѣткѣ кѣмъ, кому и о чемъ выдавался актъ, прибавлялось напр: «а печать у кабалы, писано въ ней губново старосты Махѣево имя Млевецкаго.»

Въ другихъ областяхъ Русскихъ печати должностныхъ лицъ также или состояли изъ однихъ надписей, напр. *Стольника Князя Александра Михайловича Шаховскаго* [3]; или съ какимъ нибудь изображеніемъ и круговою надписью; напр. на одномъ перстнѣ представленъ

(1) *Красова* о мѣстоположеніи древняго Новгорода. 1851. Новгородъ. стр. 135.

(2) *Муравьева* Историческія изслѣдованія о древностяхъ Новгорода, Спб. 1828 стр. 25. *Красова* въ о. м. стр. 21 сл.

(3) *Филимонова* описаніе Карабановскаго Музеума табл. XXXIX рис. 9.

пѣтухъ, а вокругъ надпись: *П. добра человѣка* (¹). Не можемъ однако не заявить при этомъ мысли, что изображеніе на печатяхъ должностныхъ лицъ могли имѣть соотношеніе съ ихъ обязанностями и занятіями, такъ напр. въ родѣ Головиныхъ сохранилась древняя печать, на которой вырѣзано избіеніе младенцевъ (²), а между тѣмъ на печати Головина-Ховрина, бывшаго казначеемъ при Великомъ Князѣ Василіи Ивановичѣ, на срединѣ *ея* представлены двѣ лошади, стоящія въ стойлѣ и вокругъ надпись: *Великаго Государя Казначея Петра Ивановича* (табл. XI. рис. 9.).—Не хотѣли ли выразить этимъ символомъ обязанность казначея управлять хозяйственною частью Государева двора?

§ 51.

Впрочемъ если подобное начало соотвѣтствія между обязанностью должностнаго лица и изображеніемъ на его печати нельзя считать за непреложное, то нѣтъ сомнѣнія, что оно находитъ себѣ примѣненіе въ большей части печатей приказовъ; такъ *земскій приказъ* существовавшій въ Москвѣ и другихъ главныхъ городахъ, завѣдывалъ полиціею, порядкомъ въ домахъ и одна изъ главныхъ обязанностей этого присутственнаго мѣста состояла *въ береженіи отъ огней*. На печати его видимъ передній фасадъ дома, а вокругъ надпись: *печать Великаго Государя земскаго приказу* (табл. XIV, рис. 1.). Печать *Московской большой таможни* имѣетъ приличную ей эмблему—вѣсы (табл. XIV, рис. 10.), какъ позднѣйшая (1707 г.) таможенная печать-корабль, а по сторо-

---

(¹) Сборникъ Князя М. А. Оболенскаго Кн. XI, стр. 49—51.

(²) *Казанскаго*. Село Новоспасское. Москва. 1846, стр. 54.

намъ буквы *т. п.* (таможенаа печать) (табл. XIV, рис, 8).—*У питейнаго приказа* на печати была представлена бутылка.

Намъ извѣстны два исключенія изъ означеннаго правила; а именно на печати *приказа большаго Дворца* вырѣзанъ «инърогъ звѣрь» (табл. XIV. рис. 4.), по выраженію Котошихина (¹); т. е. единорогъ. По сторонамъ этой эмблеммы надпись: *печать большаго дворца*. Далѣе у *Московскаго печатнаго двора* на печати было изображеніе льва и единорога: оба стоятъ на заднихъ лапахъ другъ къ другу лицемъ и подъ короною (табл. XIV. рисунокъ 9.). Эмблемма эта взята съ рисунка, бывшаго надъ входомъ въ старый печатный дворъ, рисунка, который виденъ теперь еще надъ воротами Синодальной типографіи (²). Дѣла приказовъ и присутственныхъ мѣстъ областныхъ печатались печатями мѣстными или личными, принадлежавшими воеводамъ, боярамъ, въ приказахъ сидѣвшимъ (³).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

§ 52.

5) Печати частныхъ лицъ.

«Гдѣ рука, тамъ и голова», вотъ правило, котораго строго держалась наша древняя юридическая практика, и приложеніе руки считалось необходимымъ признакомъ выраженія воли и согласія лица на какую нибудь сдѣлку.

(¹) Котошихинъ, стр. 70.

(²) Достопримѣчательности Москвы, стр. 36.

(³) Дополненія къ Историческимъ Актамъ Т. II, стр. 23. А. Ист. Т. IV № 209. Т. V. № 259. Дворцов. Разр. I, стр. 813. 814.

Правило это буквально исполнялось въ древней Россіи, пока бóльшее и бóльшее распространеніе грамотности не дало полнаго значенія другой пословицѣ: «что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ.» Какъ на печатяхъ духовенства изображеніе руки съ означеніемъ, чья она, было существеннымъ, такъ и частныя лица считали актъ твердымъ, когда прилагали къ нему свою руку, т. е. намазавъ ее чернилами налагали на бумагу, на которой получался такимъ образомъ вѣрный ея оттискъ, или вмѣсто того рука обводилась чернилами. Такимъ образомъ видны были величина руки, ея складъ, покрой, и если съ теченіемъ времени необходимо было, въ случаѣ спора, сомнѣнія, повѣрить, есть ли это дѣйствительно рукоприкладство того лица, кому оно приписывалось, оставалось только приложить руку къ ея изображенію, и истина открывалась сама собою. Не всегда конечно былъ этотъ способъ повѣрить рукоприкладство благонадеженъ, твердъ и удобенъ: малѣйшая перемѣна въ ростѣ, складѣ, сгибѣ руки давала поводъ къ сомнѣнію, та-ли изображена рука, за которую она выдавалась, тѣмъ болѣе, что точное очертаніе руки потребовало бы много времени и что малѣйшая въ томъ неточность или по злому умыслу или (что̀ могло встрѣчаться чаще) по неосмотрительности могла бы повлечь за собою затруднительное и не рѣдко долговременное разбирательство. А потому лица, которымъ необходимо было часто прикладывать свою руку къ разнаго рода бумагамъ, употребляли вмѣсто того печати, на которыхъ изображалась рука съ надписью, чья она (1), въ послѣдствіи съ означе-

(1) Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale de St.-Petersbourg. 1844. T. II. № 4. 5. Ср. Въ Сынъ Отечества за 1852 г. нашу статью: Общія основанія системы догово-

ніемъ имени того, кому она принадлежала и наконецъ съ извѣстными эмблеммами. Послѣднія до начала XVIII вѣка не были, по выраженію Котошихина, *породными* в каждый прикладывалъ такую печать, какая у него случалась, отъ чего у бумагъ, въ разное время писанныхъ, печати одного и того же лица были разныя. «И у тѣхъ новыхъ писемъ съ старыми письмами многія печати разнятся» (¹). И дѣйствительно мы встрѣчаемъ древніе документы, припечатанные тѣми или другими печатями совершенно случайно, потому быть можетъ только, что другихъ предметовъ, съ которыхъ могъ быть снятъ слѣпокъ, не случалось; такъ одну духовную грамоту 1473 г. Степана Лазарева запечатали священникъ «в мужи всѣ и дьякъ *деньгою* Новгородскою (²);» другое завѣщаніе 1482. г. запечатали «хресцемъ, тѣльникомъ поповымъ Ивановымъ (³),» иногда запечатывали крестомъ(⁴) и т. д. Подобная печать была неразпознаваема: для предупрежденія отпирательства отъ нея служили, быть можетъ, тѣ свидѣтели, которые *стояли у печати* и означались въ самомъ актѣ, печатью утвержденномъ (⁵). Съ этою же цѣлью къ частнымъ актамъ, грамотамъ, о твердости которыхъ особенно заботились, прикладывались печати Князи или должностнаго лица, котораго званіе было означаемо на самой печати (⁶). Правило это прямо выра-

ровъ и обязательствъ по началамъ Русскаго законодательства. Статья 1-я стр. 73, 74, 75.

(¹) *Котошихинъ*, стр. 22.

(²) Акты Юрид. № 411.

(³) Тамъ же, № 412.

(⁴) Тамъ же, № 413.

(⁵) Описаніе Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ соч. П. И. *Иванова* М. 1850 стр. 208. Временникъ Московскаго Общества Исторіи и древностей Росс. Т. XVI. Смѣсь, стр. 14—21.

(⁶) *Иванова* опис. Госуд. Архива, стр. 219.

жено въ Псковской судной грамотѣ: «вольно инде написати, а Князю запечатать; а не запечатаетъ Князь, ино у СвятЪй Троицы запечатить, въ томъ измѣны нѣтъ (¹).» Этимъ объясняется и изображеніе на печати, привѣшанной къ одной замѣчательной грамотѣ XIII вѣка, описаніемъ и истолкованіемъ которой наука обязана Гг. Срезневскому и Неволину. Печать эта свинцовая, темносиняго цвѣта и сплочена изъ двухъ пластинокъ, между которыми продѣтъ снурокъ. На одной сторонѣ печати изображенъ ликъ Св. Тимоѳея, какъ можно судить по надписи: слѣва видно А и, вѣроятно начало слова Αγίος (святый), а справа—ТИ МО ѲЄІ на четырехъ строкахъ. На другой сторонѣ изображенъ шестиконечный крестъ и надъ нимъ буквы: слѣва ІС, а справа ХС. Съ перваго взгляда очевидно, что печать эта не могла принадлежать частному лицу: она должна быть Княжеская, и безъ сомнѣнія принадлежитъ В. К. Довмонту (Тимоѳею), что вполнѣ соотвѣтствуетъ приведенному правилу изъ судной Псковской грамоты и объясняется самымъ текстомъ грамоты: ее писалъ Довмонтовъ писецъ (²).

Недостатокъ грамотности въ народѣ заставилъ его рано обратить вниманіе на печати, которыя бы могли замѣнять подписи. При этомъ видимъ опять примѣненіе тѣхъ же началъ, по которымъ образовались другіе виды печатей: въ нихъ существенны съ одной стороны надпись, чья печать, а съ другой изображеніе, и чѣмъ печати древнѣе, тѣмъ эмблемы на нихъ проще и незамысловатѣе; такъ на трехъ Двинскихъ грамотахъ (духовной и

(¹) Псковская Судн. Грам. Изд. *Мурзакевичемъ*. Одесса. 1847, стр. 9.

(²) Записки Императорскаго Археологическаго Общества Т. III, стр. 221 до 267.

двухъ купчихъ), отъ XIV вѣка сохранившихся, привѣшены двусторонніе свинцовыя печати. Всѣ эти акты безъ подписей, и утверждены печатями, изъ которыхъ на одной надпись *Ивана Петровича*, на другой *печать Дементья Олексѣева*, на третьей *Печать Трифона (О)сипови(ча)*, а на оборотной ихъ сторонѣ изображены кресты разныхъ видовъ. (табл. XIII. рис. 12.) (1). Имя владѣльца печати, на ней изображенное, обезпечивало ея неприкосновенность. Для той же цѣли могъ служить и крестъ, символъ святости, и если вспомнимъ, что въ самой грамотѣ отмѣчалось, кто былъ свидѣтелемъ при приложеніи печати, *кто стоялъ у печати*, то нельзя не согласиться, что при этихъ условіяхъ печать имѣла вполнѣ твердость подписи. Удобнѣе впрочемъ были для частныхъ людей перстни съ надписями и изображеніями. Предпочтеніемъ, которое оказывалось подобнымъ перстнямъ и кольцамъ, объясняется ихъ множество; изъ описи напр. наслѣдству, выдѣленному Княжнѣ Лыковой послѣ дяди ея Стрѣшнева, открывается, что къ ней перешло тридцать восемь перстней, цѣною въ триста сорокъ одинъ рубль. Конечно большая часть изъ этихъ перстней отличалась богатствомъ камней, украшеніями финифтью и т. п; но въ числѣ ихъ есть и «пять перстней съ печатьми, цѣна тринадцать рублевъ (2).» Этимъ же объясняется и то, что въ разныхъ мѣстахъ Россіи откапывали и до сихъ поръ откапываютъ перстни разныхъ видовъ, изъ различныхъ металловъ, и съ самыми

(1) Путешествіе академика Ивана Лепехина часть IV. Спб. 1803. стр. 419 сл. Письмо Кореспондента Академіи Крестинина въ члену ея Озерецковскому.

(2) Временникъ Московскаго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ Т. V Отд. 3 стр. 23, 24.

разнообразными эмблемами: но общимъ у нихъ признакомъ остается то, что въ срединѣ помѣщалось какое нибудь изображеніе: гемма или подражаніе ей и вообще какая нибудь фигура, а вокругъ на ободочкѣ имя владѣльца, съ прибавленіемъ слова *печать*, или же безъ надписи.

Что касается до изображеній на перстняхъ, то они распадаются на два разряда, существенно различныхъ, а именно: 1) печати безъ всякихъ геральдическихъ признаковъ въ эмблемкѣ и аттрибутахъ и 2) съ геральдическими аттрибутами. Послѣднія по времени относятся къ эпохѣ къ намъ ближайшей; поэтому мы начинаемъ съ первыхъ.

Геммы, видѣли мы, были любимы нашими Князьями и бóльшая часть печатей ихъ состояла изъ антиковъ, вставленныхъ въ именные ободочки. При незавидномъ состояніи въ древней Россіи искусствъ и художествъ, этотъ родъ печатей былъ выгоденъ и удобенъ. Предположить должно, что антиковъ у насъ было много, а страсть къ нимъ раздѣляли и частные люди. Въ печатяхъ ихъ видимъ иногда прелестные образцы древняго искусства. Именные ободочки тамъ, гдѣ буквы сохранились на слѣпкахъ, обличаютъ, кому печать принадлежала, а если владѣтель ея есть лице историческое, то становится извѣстнымъ, какого она вѣка. На другихъ не осталось этихъ слѣдовъ: надпися можетъ быть или совсѣмъ не было, или она стерлась, но тѣмъ не менѣе печать по своей фигурѣ заслуживаетъ вниманія, и мы приведемъ нѣкоторые изъ такихъ экземпляровъ, еще не изданныхъ. — Если актъ утвержденъ печатями нѣсколькихъ лицъ, что̀ и было означаемо въ самомъ документѣ, напр. «къ сей даной (1639 года) Василей Петровичъ Наумовъ, да Микита Наумовичъ Беглецовъ печати свои приложили», то не смотря на недостатокъ надписей, свидѣтельствующихъ

кому принадлежала какая печать, можно безъ ошибки заключать, что первая съ лѣваго края принадлежала тому, кто первый упомянутъ въ подписи, или даже въ началѣ акта, вторая тому, кто за нимъ слѣдовалъ и т. д. Средство это очень часто открываетъ истину въ разысканіяхъ при недостаткѣ другихъ данныхъ.

Въ исчисленіи Княжескихъ печатей не было помѣщено нами печатей тѣхъ лицъ, которыя, хотя и происходили отъ владѣтельныхъ Князей, во время написанія акта, низошли уже на степень частныхъ людей; такъ къ написанной въ 1498 г. духовной грамотѣ Князя Ивана Юрьевича Патрикѣевича о раздѣлѣ имѣніа его дѣтямъ Князьямъ Василію и Ивану, равно какъ Княгинѣ Авдотьѣ привѣшано семь восковыхъ печатей на шелковыхъ малиновыхъ снуркахъ. Первая съ лѣвой стороны *печать Княгини Авдотьи Ивановны* (такова надпись) имѣетъ изображеніе полуживотнаго и получеловѣка, держащаго въ одной рукѣ мечь, въ другой щитъ. На второй печати видно летящее чудовище, какъ бы летучая мышь, и по сторонамъ заглавныя буквы, означавшія владѣльца печати; за тѣмъ двѣ небольшіа печати, состоявшія также изъ геммъ (надписи стерлись) съ изображеніемъ человѣка въ лѣво. Къ этой же духовной приложилъ свою печать зять завѣщателя Князь Семенъ Ивановичь (вѣроятно Ряполовскій): *персона* сидитъ на скамьѣ и держитъ въ рукахъ стрѣлы (не Геркулесъ ли это?). Свидѣтелями при написаніи этого акта были, какъ сказано въ самомъ завѣщаніи, Иванъ Голова, да Дмитрій Владимеровы дѣти Григорьевича. На печати перваго видимъ человѣка впрямь: въ правой рукѣ онъ несетъ свѣточь, при видѣ котораго два животныя у ногъ его бѣгутъ въ противуположныя стороны; вокругъ надпись: *Печать Ивана Воло-*

димеровича. Наконецъ на послѣдней (не видно надписи, она вѣроятно другаго свидѣтеля) изображенъ Князь верхомъ, на правой рукѣ у него соколъ—эмблемма, которая часто встрѣчается на Московскихъ монетахъ. (табл. V, рис. 8).

Эмблеммы, которыя частными лицами избирались, для печатей были самыя разнообразныя, состояли изъ птицъ, рыбъ, и всѣхъ видовъ животныхъ, изъ травъ, кораблей, всего чаще изъ людей и коней, однихъ или въ сочетаніи съ другими фигурами. Для образца мы приведемъ нѣкоторыя изъ печатей намъ извѣстныхъ и еще неизданныхъ: 1) Константина Григорьевича *Заболоцкаго*, жившаго при В. К. Іоаннѣ III: на печати его видно изображеніе головы, обращенной въ право. Она въ повязкѣ, и оканчивается античною драпировкою. (табл. XI, рис. 10). 2.) Ко времени В. К. Василья Ивановича относится печать Угрина Ѳедоровича *Кутузова* съ изображеніемъ человѣка, обращеннаго въ лѣво: онъ держитъ въ правой рукѣ какое то оружіе, а лѣвою хватаетъ птицу (не Ивиковы-ли это журавли?) (табл. XI. рис. 11). 3) Василія Михайловича *Чертенка-Заболоцкаго* (XVI вѣка)—женская головка на полотнѣ, въ драпировкѣ (табл. XI, рис. 8); 4) *Печать Князя Юрья Васильевича* (надпись вокругъ): обращенная въ лѣво прелестная античная голова съ бородою. Убранство волосъ вѣнкомъ, ниспадающимъ до плечь, не оставляетъ сомнѣнія въ Византійскомъ происхожденіи этой геммы. (табл. XI, рис. 12); 5). На печати Кн. *Петра Васильевича* (?)—львиная голова (табл. XI, рис. 13); 6) У Кн. *Андрея Ивановича* (?)—женская голова, обращенная въ лѣво (табл. XI, рис. 14); 7) Семена Васильевича *Колтовскаго* печать, приложенная къ межевой выписи 1623 года, носитъ изображеніе оснащеннаго корабля; 8) сложнѣе эмблемма на печати стольника и воеводы Калины

Григорьевича *Благово*, утвердившаго ею выпись Сійскаго монастыря игумну объ освобожденіи монастырскихъ дворовъ отъ разныхъ сборовъ: Государь на престолѣ, съ короною на головѣ и съ державою въ лѣвой рукѣ, правою указываетъ на простертаго у ногъ его человѣка, надъ которымъ два другихъ человѣка держатъ поднятый мечь, какъ бы сбираясь отсѣчь ему голову. Печать эта сохранилась хорошо и есть вѣроятно издѣліе запада (табл. XI. рис. 15.); 9) У Романа Өедоровича *Кирѣевскаго* (отъ 1629 года) на печати видно дерево, покрытое листвою. Вокругъ него обвилась змѣя, какъ бы хранящая плоды, къ которымъ протягиваютъ руки два человѣка. (Не хотѣлъ ли художникъ изобразить здѣсь исторію грѣхопаденія праотцевъ?). Подобная же печать была у Василія Петровича *Наумова* (1639 года); но вышевсѣхъ исчисленныхъ покрасотѣ 10) *Печать князя Ивана Андреевича Булгакова:* въ срединѣ ея *Леда* ласкаетъ лебедя—прелестная гемма. (табл. XI. рис. 16); и 11) изображеніе Геркулеса, держащаго въ рукахъ змѣй (табл. XII. рис. 1).

Какъ у Князей не всегда были подлинныя геммы въ печатяхъ, а вмѣсто нихъ встрѣчаются изображенія, очевидно снатыя съ хорошихъ образцевъ, такъ и частныя лица пользовались печатями, сдѣланными въ Россіи. На нихъ изображались также звѣри, птицы, монограммы и иныя знамена. Выборъ ихъ въ каждомъ частномъ случаѣ зависѣлъ, разумѣется, отъ лица, ихъ выбиравшаго, но разъ усвоенное знамя становилось какъ бы непремѣннымъ спутникомъ человѣка въ его гражданской дѣятельности, сросталось съ нимъ, и нѣтъ ничего необыкновеннаго, если *знамя* это находило себѣ мѣсто и на печати.—Названіе знамени замѣняло не рѣдко наименованіе лица, которому оно принадлежало; напр. «ходили зна-

мя косы на чертѣ,» (изображеніе знамени слѣдуетъ послѣ каждаго названія), «да знама калита съ поясомъ, да знамя калита же съ рубежемъ, да знама лежая съ двумя рубежи, да знамя локотки и т. д. ([1])», встрѣчаемъ мы въ межевыхъ, судебныхъ и другихъ актахъ. Всего чаще, разумѣется, употреблялось знамя креста, какъ самое уважаемое, твердое и до нынѣ самое обыкновенное между людьми неграмотными, для замѣны подписи.

Что употребленіе знамени было разрѣшено оффиціально, доказывается тѣмъ, что приложеніе его къ разнаго рода актамъ десятильникомъ, поповскимъ старостою и другими должностными лицами требовалось закономъ, а значеніе, которое ему придавалось, можетъ служить только доказательствомъ его разпознаваемости и общеизвѣстности. Цѣль, для которой знамена были установлены, во всякомъ случаѣ достигалась вполнѣ: подпись лица замѣнялась печатью, и способъ этотъ такъ удобенъ при маломъ распространеніи грамотности въ народѣ, что даже Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича и послѣдующее наше законодательство дозволяютъ употреблять знамена ([2]), точно такъ, какъ и теперь въ деревняхъ и обществахъ удѣльныхъ крестьянъ головы, старосты и т. п. должностныя лица, если они безграмотны, замѣняютъ подпись свою на бумагахъ по обязанностямъ службы приложеніемъ особой печати, съ означеніемъ на ней, чья она ([3]).

([1]) А. Юридич. стр. 186, 212, 213, *Калачева* Русская Правда, стр. 131. ст. CXXIX.

([2]) Улож. Гл. X. ст. 161. Указы 1665 года Марта 9. (№ 1111), 1698 г. Дек. 4. (№ 1387).

([3]) Св. Учр. Губ. Т. II. (Изд. 1842 г.) ст. 5207, 5209. Ср. указъ 1822 г. Іюня 30 (№ 29092) Сенатскій.

Для образца мы приведемъ нѣсколько печатей, сдѣланныхъ въ Россіи и начнемъ съ важнѣйшей и бывшей до селѣ неизвѣстною: это печать боярина и дворецкаго Григорья Васильевича *Годунова*. Изображеніе всадника есть одна изъ примѣтъ гербовъ для родовъ Татарскаго происхожденія; но не имѣя достаточныхъ доводовъ для того, чтобы придавать такое значеніе эмблеммѣ, видимой на печати боярина Годунова, мы должны ее призвать лично принадлежащею означенному боярину Григорію Васильевичу, тѣмъ болѣе, что точно такая же эмблема видна и на печати Сергѣя Ѳедоровича *Аксакова*, приложенной къ межевой выписи 1668 года (табл. XII, рис. 2); печать же боярина Годунова сохранилась на правой грамотѣ, данной имъ Суздальскому Спасоефимьевскому монастырю 22 Апрѣля 1586 г., всадникъ ѣдетъ въ право, круговая надпись стерлась. Иногда къ всаднику прибавлялись и иныя еще фигуры; напр. на печати (1598 года) боярина *Волконскаго*, сколько можно заключать по сохранившейся надписи, обращенный въ лѣво всадникъ держитъ въ правой рукѣ мечь. Епанча на всадникѣ развѣвается подобно тому, какъ въ Московскомъ гербѣ, но подъ ногами лошади бѣжитъ собака (вмѣсто дракона) (табл. XII, рис. 3). Также изображеніе всадника въ бронѣ и съ мечемъ видно на печати Богдана Борисовича *Воейкова*, 1618 года (табл. XII, рис. 4).

Въ Лихвинскомъ уѣздѣ въ числѣ другихъ вещей было открыто въ недавнее время нѣсколько перстней, на одномъ изъ нихъ грубо изображенъ моржъ или другое какое то морское животное, на другомъ представлена птица съ распущенными крыльями и головою, обращенною въ право, на третьемъ монограмма изъ четырехъ

узловъ, крестообразно расположенныхъ, на четвертомъ вырѣзано два листа, расположенные другъ противъ друга въ клеймахъ, наведенныхъ чернью, самые же листья оставлены бѣлыми, и наконецъ на пятомъ представленъ въ кругломъ черномъ полѣ бѣлый цвѣтокъ или бѣлая пятилиственая вѣтка.

Въ Карабановскомъ музеѣ сохранилось также нѣсколько перстней и печатей именныхъ: съ надписями—*печать Нѣметинова, перстень Бориса Богданова,* а въ срединѣ этой надписи видны очертанія фигуры рыцаря и дракона, *печать Князя Бориса Михайловича Лыкова.* (¹) Во Владимірѣ на Клязьмѣ найденъ вмѣстѣ съ монетами перстень съ печатью (относимый къ XIV или XV столѣтію): на сердоликѣ въ срединѣ печати изображенъ звѣрь, бѣгущій влѣво, съ расправленными когтями, хвостомъ, склоненнымъ къ спинѣ и головою, обращенною назадъ, вокругъ надпись: «*печать Нестера Турова*».

§ 53.

Считаемъ лишнимъ прибавлять, что ни одна изъ приведенныхъ печатей не можетъ имѣть притазанія на то, чтобы считаться гербомъ: имъ недостаетъ какъ геральдическихъ аттрибутовъ, для герба необходимыхъ, такъ и той неизмѣняемости и наслѣдственности, безъ которыхъ гербъ не можетъ существовать. Если на нѣкоторыхъ печатяхъ, отъ XVII вѣка сохранившихся, видимъ первый признакъ, т. е. аттрибуты западныхъ гербовъ, какъ то корону, щитъ, щитодержателей итп., то недостатокъ втораго признака на печатахъ этой эпохи отнимаетъ у нихъ характеръ гербовъ.—Что же касается до

(¹) *Филимонова.* Описаніе Карабановскаго Музеума Таб. XXXIX и XL, рис. 5, 7, 14.

источника, изъ котораго могли быть заимствованы ими геральдическіе аттрибуты, то достаточно замѣтить что въ Польшѣ гербы употреблялись издавна. По присоединеніи къ ней древней области Русской—Литвы, этотъ признакъ благородства былъ сообщенъ и Литовскимъ родамъ: они примыкали къ фамиліамъ польскимъ, сообщавшимъ имъ свой гербъ. Стоитъ только просмотрѣть старопечатныя книги львовскія и острожскія XVI и XVII вѣковъ, чтобъ убѣдиться, какое значеніе имѣли здѣсь гербы. Почти на каждой книгѣ гербъ автора или того, кому было посвящено сочиненіе съ громкими по большей части виршами, восхвалявшими доблести фамиліи и достоинства лица. Не говоря о другихъ сношеніяхъ съ Литвою, этимъ путемъ должна была дойти къ намъ идея о гербахъ. Ихъ конечно продолжали употреблять Литовцы и Поляки, перешедшіе въ службу Русскаго Царя, а по образцу ихъ могли дѣлаться печати и для Русскихъ; но повторяемъ нельзя признавать ихъ за гербы, какъ потому, что одна и та же эмблемма не принадлежала всему роду и всѣмъ лицамъ, отъ одного родоначальника происшедшимъ, такъ съ другой стороны потому, что она была лишена той наслѣдственности, которая характеризуетъ гербъ. Оттого на нѣкоторыхъ изъ такихъ печатей съ геральдическими аттрибутами видна вокругъ надпись съ названіемъ лица, кому она принадлежала.

Мысль нашу всего лучше объяснитъ печать Князя Димитрія Михайловича *Пожарскаго*. Князья Пожарскіе происходятъ отъ Князей Стародубскихъ и должны бы имѣть въ своей печати Стародубское знамя, т. е. старый дубъ. А между тѣмъ письмо свое, отправленное въ 1612 году къ Австрійскому Императору Князь Д. М.

Пожарскій запечаталъ совсѣмъ иною печатью. Въ щитѣ представленъ орелъ или коршунъ, клюющій мертвую голову (не Турка-ли, какъ въ гербѣ Шварценберговъ?)(1). Щитъ держатъ два льва, геральдически вѣрно изображенные, надъ щитомъ корона, а внизу печати извивается драконъ. Вокругъ надпись: *стольникъ и воевода Князь Дмитрей Михайловичь Пожарской Стародубской.* (табл. XII рис. 6.) (2). При первомъ взглядѣ на эту и подобныя ей печати является мысль о сходствѣ ихъ съ печатями Княжескими, состоявшими изъ геммъ, въ именныя ободочки вставленныхъ. Не бралось ли изображеніе въ печать изъ чужаго иностраннаго герба, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій? На это наводятъ насъ и нѣкоторыя другія печати съ геральдическими признаками, относящіяся къ XVII вѣку, такъ напр. фигуры въ печати стольника Ѳедора Савина Нарбекова 1676 года Шотландскія (табл. XII. рис. 5.). Далѣе знамя на печати боярина Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, сохранившееся на отпискѣ его 1611 года къ Королю Польскому Сигизмунду III и Владиславу Сигизмундовичу, составлено совершенно по правиламъ геральдики. Это коронованный левъ, обращенный вправо: онъ стоитъ на заднихъ лапахъ съ когтями, расправленными на переднихъ. Иностранное происхожденіе этой печати обличается латинскими буквами, поставленными на верхнемъ краю щита: T. D. C. D. M., могущими означать: Theodor dux, Mstislawsky (3). Еще яснѣе иностранная надпись на пе-

(1) *Spener* lib. II. p. 528.

(2) *Миклошича* Slavische Bibliothek. Bd. 1. Wien., 1851, стр. 19—42. Ср. Памятники дипломатическихъ сношеній Т. II, стр. 1406, 1420.

(3) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. II, стр. 489.

чати Стольника Ивана Михайловича *Афросимова*, сохранившейся на межевыхъ выписяхъ 1675 года. Въ щитѣ, совершенно правильно обозначенномъ, изображенъ одноглавый коронованный орелъ (наподобіе Польскаго). Онъ повторяется въ нашлемникѣ. Корона и намётъ геральдически вѣрны. Печать эта оттиснута на воску и бывшая вокругъ нея надпись едва видна: буквы однако латинскія (табл. XII, рис. 7).

Какъ Литовцы и Поляки, переходя въ Московскую службу, приносили съ собою свои родовые гербы, такъ съ другой стороны и Русскіе, переселявшіеся въ Польшу, получали гербъ. Достаточно въ этомъ случаѣ указать на Князя Андрея Михайловича Курбскаго: предки его идутъ отъ прародителя Владиміра Мономаха, поколѣнія Князей Ярославскихъ. До 1563 года Князь Андрей Михайловичъ Курбскій служилъ вѣрно своему отечеству, а въ это время онъ измѣнилъ ему и перешёлъ въ службу Короля Польскаго [1]. Въ Польшѣ ему данъ былъ гербъ, который подробно описанъ у Польскаго геральдика XVII вѣка Окольскаго съ объясненіемъ притомъ, почему этому лицу присвоена эмблема—обращенный вправо левъ, стоящій на заднихъ лапахъ, съ поднятымъ хвостомъ и высунутымъ языкомъ. Вокругъ щита вѣнокъ изъ цвѣтовъ. «Левъ-царь звѣрей» говоритъ геральдикъ, «и если онъ украшаетъ гербъ какого либо благороднаго мужа, то служитъ признакомъ большой храбрости и особеннаго благоразумія. По преданію былъ онъ изображенъ на печати Агамемнона и Помпея. Курбскій, продолжаетъ тотъ же авторъ, былъ

(1) Сказанія Князя Курбскаго. *Изд. Устрялова.* Спб. 1842. Предисловіе.

замѣчателенъ по происхожденію, какъ родственникъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго, по значенію своему, какъ предводитель войскъ Московскихъ, и по храбрости, какъ побѣдитель многихъ непріятелей. Не менѣе замѣчательно было его счастіе, если изгнанникъ и бѣглецъ онъ былъ принятъ съ почестями Королемъ Августомъ. Наконецъ обширны были его умственныя дарованія, если онъ на старости изучилъ въ короткое время Латинскій языкъ, бывшій ему прежде неизвѣстнымъ.» (1) Такъ объясняетъ этотъ гербъ Польскій авторъ, смотрѣвшій на измѣну Курбскаго съ своей точки зрѣнія. Мы съ своей стороны замѣтимъ, что левъ былъ извѣстенъ въ Россіи издавна, какъ символъ мужества и благородства. Онъ вмѣстѣ съ единорогомъ имѣлъ у предковъ нашихъ особенное значеніе, бывалъ знаменемъ на печатахъ, украшеніемъ на зданіяхъ, кубкахъ и пр.

§ 54.

Общій выводъ о печатахъ.

Потребность въ печатяхъ выработала и тѣ общія начала, по которымъ онѣ составлялись у насъ въ теченіе пяти, шести столѣтій. Замѣчательно единство, проявившееся въ печатяхъ самыхъ разнообразныхъ какъ по лицамъ, которымъ онѣ принадлежали, такъ и по цѣлямъ, для которыхъ служили. Изученіе ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать чуждымъ нашей Геральдики, если смотрѣть на нее, какъ на науку и излагать съ правильной точки зрѣнія, т. е. исторической. Этимъ только путемъ можно найти въ ней смыслъ, въ которой ей такъ часто

(1) Orbis Polonus autore *Ocolsky*. Cracoviae. 1641. T. I. p. 504, 505.

отказываютъ. Было бы конечно пристрастно и значило бы увлекаться своимъ предметомъ, если бы мы стали отвергать всякое влiянiе Западной Европы на отечественную Геральдику, но съ другой стороны послѣ всего вышесказаннаго можно ли сомнѣваться, что эмблемы для гербовъ Государственнаго и Княжескихъ образовались у насъ самостоятельно, путемъ историческимъ, имѣютъ смыслъ, значенiе, а не заимствованы безсознательно. Не лишены также значенiя эмблемы въ другихъ гербахъ, и дѣло науки есть, раздѣливъ ихъ на группы, найдти для каждой изъ нихъ особые примѣты и подчинить составленiе у насъ гербовъ правиламъ, выработаннымъ также непроизвольно, а долговременною практикою. Полное развитiе въ подробностяхъ и въ приложенiи къ дѣлу найдетъ себѣ эта мысль въ слѣдующей третьей части нашего труда, для котораго двѣ первыя служатъ только введенiемъ, какъ бы приготовленiемъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

О РУССКИХЪ ГЕРБАХЪ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Исторія Русскихъ гербовъ.

§ 55.

Печать тогда только можетъ стать гербомъ, когда пріобрѣтетъ характеръ наслѣдственности, т. е. будетъ переходить изъ рода въ родъ безъ измѣненія, и кромѣ того приметъ тѣ геральдическіе аттрибуты, безъ которыхъ нѣтъ понятія о гербѣ. Мы видѣли уже, какъ рыцарское вооруженіе со всѣми принадлежностями быта средневѣковаго рыцаря и турнировъ перешло въ гербъ. У насъ были также щиты, шлемы съ забралами, были военные плащи, епанчи, по тѣмъ не менѣе ни шапки мисюрки, ни іерихонскія шапки, ни контари, ни другія части нашего древняго вооруженія не нашли себѣ мѣста въ нашихъ гербахъ. Хотя дошедшее до нашего времени вооруженіе древнихъ Русскихъ Князей, напр. шишакъ В. К. Ярослава Всеволодовича, или шлемъ В. К. Александра Невскаго, отличающіеся богатою насѣчкою и драгоцѣнными украшеніями (¹), хотя далѣе простые шлемы (²), точно

(¹) Древности Государства Россійскаго Отд. III, № 4, 5.

(²) Тамъ же, № 23.

такъ же, какъ и щиты Государственный [1], Царскіе и простыхъ воиновъ [2] могли бы послужить для полнаго образованія чисто Русскихъ гербовъ; тѣмъ не менѣе имъ усвоены рыцарскіе аттрибуты, ихъ окружаетъ обстановка точно такая, какая отличаетъ гербы Западные. Это обстоятельство ясно доказываетъ, что форма герба заимствована нами изчужа, и усвоена вмѣстѣ съ другими учрежденіями Западной Европы: трудно только опредѣлить, откуда и когда именно сдѣлано это заимствованіе, хотя наука по необходимости задаетъ себѣ этотъ вопросъ всякій разъ, когда встрѣчаетъ новое учрежденіе, намъ несродное и очевидно къ намъ перенесенное. Какъ бы ни хотѣлъ однако пытливый умъ разрѣшить вопросъ о мѣстѣ и времени заимствованія, онъ долженъ допустить постепенное введеніе чужеземнаго учрежденія. Слѣдя за исторіею печатей Государственной и частныхъ лицъ, мы шагъ за шагомъ приближались къ гербу, до тѣхъ поръ, пока онъ не усвоенъ былъ нами окончательно. Событіе это обыкновенно относятъ ко временам Петра Великаго, и, судя по нѣкоторымъ дошедшимъ до насъ памятникамъ и свидѣтельствамъ, должно бы признать, что Петръ I былъ нововводителемъ и въ этомъ отношеніи. Но если взглянуть на исторію нашу поглубже, то окажется, что Онъ часто утверждалъ только то, что̀ давно уже перешло къ намъ изчужа и гораздо прежде было усвоено Россіею. Это-то и есть, по нашему мнѣнію, главная заслуга Петра Великаго: Онъ умѣлъ обнять мыслію то, въ чемъ заключалась потребность современныхъ Ему событій, къ чему они вели и какъ можно

---

(1) Тамъ же, № 71, 72.
(2) Тамъ же, №№ 65, 66, 67, 68, 72.

было удовлетворить стремленію страны къ развитію и просвѣщенію. Мысль наша будетъ еще яснѣе изъ примѣра, имѣющаго впрочемъ прямое отношеніе къ исторіи гербовъ. Конечно, всякаго Русскаго историка занималъ вопросъ, откуда заимствована Табель о Рангахъ Петра Великаго. Легко отвѣтить: изъ Швеціи, Остзейскихъ провинцій, изъ Германіи и т. п.; но какъ помирить съ этимъ отвѣтомъ съ одной стороны то, что такого стройнаго зданія іерархіи служебной не находимъ ни въ одномъ изъ иностранныхъ законодательствъ, и съ другой, что Табель о Рангахъ, изданная 1722 г. Января 24 (№ 3890), освящена законодательною властью тогда уже, когда на практикѣ была она въ полномъ дѣйствіи? Въ Коллегіяхъ засѣдали иностранцы на половину съ Русскими членами; по регламентамъ этихъ учрежденій они носили извѣстные титулы, назывались различно и по самому учрежденію коллегій стояли въ извѣстномъ отношеніи къ предсѣдателю и къ товарищамъ своимъ. Иначе была бы не понятна для иностранца та степень правъ, какая придавалась ему въ Россіи по прибытіи его изъ-за границы, мѣра тѣхъ преимуществъ, которыя предоставлялись ему на Руси. Предшествовавшая служба не покидала его и въ новой отчизнѣ, которая принимала его въ прежнемъ рангѣ, чинѣ. Но предоставивъ иностранцу извѣстный объемъ правъ, должно было сравнять съ нимъ и Русскихъ членовъ Коллегіи, занимавшихъ съ нимъ равное мѣсто. Такъ родилась потребность въ отысканіи общихъ для службы гражданской началъ. Служба военная до Петра Великаго представляетъ еще болѣе разительныя доказательства тому, что задолго до табели о рангахъ была опредѣлена для чужеземныхъ служилыхъ людей, которые въ XVII вѣкѣ во множествѣ

пріѣзжали къ намъ, та постепенность, которой слѣдовало пожалованіе въ чины: были даже опредѣлены сроки, въ которые производилось повышеніе, конечно, если иностранецъ могъ доказать, что онъ былъ въ рядахъ войска иностраннаго Государя съ такимъ именно чиномъ, съ какимъ принятъ въ службу Русскую. Много памятниковъ царствованій Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича служатъ неопровержимымъ доказательствомъ тому, что служилые люди наши мало по малу готовились въ преобразованію въ чинахъ, и потому-то Табель о Рангахъ безъ всякаго объясненія и толкованія была ясна и удобопримѣнима: она опредѣляла то, что было извѣстно каждому, до кого это могло касаться, всякому служившему. Точно такъ, учреждая герольдію, Пѣтръ Великій говоритъ о гербахъ, какъ о чемъ-то существующемъ, и тогда какъ въ отечествѣ нашемъ и Государи и города и частныя лица долго имѣли только однѣ печати, Государь считаетъ даже лишнимъ объяснять, что такое гербъ, какія его принадлежности, какъ онъ составляется и пр. И дѣйствительно въ архивахъ нашихъ хранятся цѣлыя производства, возникшія, какъ увидимъ ниже, тотчасъ послѣ уничтоженія мѣстничества и сожженія разрядовъ, при представленіи выѣзжими родами доказательствъ о благородномъ ихъ происхожденіи, дававшемъ имъ право на внесеніе въ родословную книгу. Такимъ образомъ въ послѣдней четверти XVII столѣтія учрежденіе гербовъ было уже въ ходу, дѣленія герба и лучшія геральдическія сочиненія были извѣстны, а когда издавался указъ о томъ, чтобы каждый благородный имѣлъ гербъ, цѣль законодателя была, на оборотъ, ограничить излишнее число гербовъ и противозаконное употребленіе ихъ тѣми, которые не имѣли

права на это отличіе. Сравните то, что говоритъ Котошихинъ о гербахъ нашихъ, съ словами Петра Великаго о томъ же предметѣ: «Не токмо у Князей и бояръ и иныхъ чиновъ, но и у всякаго чину людей Московскаго Государства гербовъ не бываетъ, а прикладываютъ у кого какая печать прилучилась, а не породная», говоритъ Котошихинъ, и объясняетъ явленіе это тѣмъ, что гербовъ «никакому человѣку изложити не могутъ». А въ 1722 г. Петръ Великій прямо говоритъ, что возводить въ дворянство и жаловать гербомъ и печатью можетъ одинъ только Государь, а такъ какъ между тѣмъ оказалось, что нѣкоторыя лица сами себя называли дворянами, не имѣя этого званія, «иные же своевольно приняли гербъ, котораго предки ихъ не имѣли, ниже отъ предковъ нашихъ или отъ иностранныхъ коронованныхъ главъ имъ данъ, и притомъ смѣлость пріемлютъ, иногда такой гербъ избирать, который владѣющіе Государи и иныя знатнѣйшія фамиліи дѣйствительно имѣютъ», то и установлена должность Герольдмейстера. Обязанность его состояла съ одной стороны въ томъ, чтобы требовать отъ дворянъ доказательствъ ихъ благородства, а отъ тѣхъ, которые имѣютъ гербъ, отъ кого и когда онъ имъ пожалованъ, а съ другой въ томъ, чтобы лицамъ, дослужившимся до оберъ-офицерства (въ военной службѣ) Русскимъ и иноземцамъ, изъ дворянъ и не изъ дворянъ, равно какъ и не служившимъ, но могущимъ доказать свое дворянство за сто лѣтъ, давать гербы (¹).

Есть положительные факты, которые подтверждаютъ мысль, прямо впрочемъ вытекающую изъ словъ указа, что Петръ Великій засталъ уже гербы; но, оставляя пока

(¹) Имен. Указъ 1722 г. Января 24 (№ 3890).

доводы эти, мы приведемъ здѣсь еще другое свидѣтельство, также изъ законодательнаго памятника заимствованное — это манифестъ 1798 г. Января 1 (№ 18302), послѣдовавшій по случаю изданія первой части гербовника [1].

«Во всѣхъ Европейскихъ Государствахъ въ древнія времена» читаемъ мы въ этомъ указѣ, «званіе дворянское и званіе рыцарское имѣли однѣ и тѣ же обязанности; честь и храбрость были главнымъ основаніемъ дѣяній дворянина и рыцаря. По разрушеніи древней Римской Имперіи, когда вся Европа покрыта была мракомъ невѣжества, и во время феодальнаго правленія раздираема была междоусобіями бароновъ и другихъ степеней дворянскихъ владѣльцевъ, когда грабительства и разбои свирѣпствовали во всѣхъ странахъ Европы и невинность угнетаема была насиліемъ: тогда нѣкоторые, озаренные свѣтомъ Евангелія и одушевленные вѣрою и любовью, составили общества рыцарскія и кавалерскія. Каждый дворянинъ вмѣнялъ себѣ въ честь и славу быть рыцаремъ и получить знаки и украшенія рыцарства. Щиты рыцарей украшаемы были гербами ихъ родовъ, составленными изъ разныхъ изображеній, внесенныхъ въ гербъ въ память или въ знакъ какихъ либо рыцарскихъ подвиговъ. Честь, храбрость, безпредѣльная вѣрность и любовь къ Государю и отечеству составляли главныя свойства дворянина и рыцаря. Всему свѣту извѣстно, что дворянство тѣхъ временъ, движимое такими началами, успѣло, подъ покровительствомъ Госу-

[1] Манифестъ этотъ напечатанъ, какъ предисловіе, къ 1-му Тому Гербовника.

дарей, распространять повсюду христіанскія добродѣтели и основанное на нихъ благонравіе. Отъ такихъ-то предковъ нѣкоторые происшедшіе потомки, какъ то показываетъ исторія отечества нашего, выѣхали въ Россію въ древнѣйшія времена и, найдя въ отечествѣ нашемъ дворянъ, руководимыхъ тѣмъ же духомъ храбрости и честя, основали роды дворянъ выѣзжихъ, получивъ во владѣніе помѣстья наравнѣ съ другими служилыми людьми въ Россія.

«Роды же княжескіе Русскіе произошли, по большей части, отъ сыновей Великаго Князя Владиміра Святославича, озарившаго Россію свѣтомъ Евангелія. Отъ родовъ княжескихъ ведутъ свое начало многіе роды дворянскіе, слѣдовательно всѣ они происходятъ отъ Рюрика и потому древностью своею не уступаютъ самымъ древнѣйшимъ родамъ княжескимъ и дворянскимъ другихъ Государствъ.

«Что Руеское дворянство всегда руководилось духомъ храбрости и чести, то доказываютъ всему свѣту извѣстные труды и подвиги Россійскаго дворянства, на службу Государямъ своимъ и на пользу отечества подъятые. Самодержцы Всероссійскіе, находя всегда въ дворянствѣ ревностныхъ исполнителей Монаршей воли и храбрыхъ защитниковъ отечества, отличали ихъ почестями и изливали на нихъ отъ Престола своего милости. По примѣру предковъ своихъ и Государь Императоръ Павелъ Петровичъ, обращая вниманіе на все, что можетъ способствовать къ славѣ и чести Россійскаго дворянства, повелѣлъ издать собраніе гербовъ дворянскихъ, яко знаковъ дворянскаго достоинства каждаго дворянскаго рода, ибо прежде сего, за неимѣніемъ такого собранія, многіе гербы или совсѣмъ утратились или же по временамъ

измѣнялось. Въ отвращеніе этихъ-то неудобствъ и велѣно было составить гербовникъ».

Свидѣтельство это о происхожденіи гербовъ нашихъ важно, какъ единственный отрывокъ изъ исторіи геральдики Россіи и какъ указаніе на то мнѣніе о нашихъ гербахъ, котораго держались у насъ въ XVIII вѣкѣ.

§ 56.

Происхожденіе слова «гербъ».

Мнѣніе объ иностранномъ происхожденіи нашихъ гербовъ обязано своимъ существованіемъ главнымъ образомъ тому обстоятельству, что Геральдика Русская усвоила себѣ аттрибуты, необъяснимые нашимъ бытомъ, хотя имѣвшіе историческое значеніе въ Западной Европѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, должно бы перейти къ намъ и самое слово, служившее для означенія понятія намъ чуждаго, подобно тому, какъ напр., архитектура, военное дѣло, заимствовали названія для частей зданія, для разныхъ видовъ вооруженія оттуда же, откуда и самыя учрежденія, бывшія намъ прежде неизвѣстными. Въ этомъ-то отношеніи филологія имѣетъ за собою большія права, и при содѣйствіи ея сдѣланъ уже не одинъ счастливый выводъ для исторіи движенія народовъ и перехода учрежденій и разнаго рода установленій изъ одной страны въ другую. Производство слова *гербъ* должно показать, какъ Славянскіе народы вообще и Русскіе въ особенности смотрѣли на гербы, и гдѣ должно искать источника, изъ котораго мы почерпнули это установленіе.

Исторія геральдики рыцарской доводитъ до убѣжденія, что названіе герба—*Wappen*, *armes*—обязано своимъ

происхожденіемъ оружію, на которомъ прежде всего появился этотъ отличительный знакъ благороднаго рыцаря. Вооруженіе того времени, скрывавшее почти совершенно коня и всадника, породило потребность въ такихъ знакахъ, при взглядѣ на которые всякій зналъ, кто тотъ витязь, который скрывается подъ кольчугою и бронею. У Славянскихъ народовъ, непринадлежавшихъ къ западно-европейскому рыцарству, по недостатку военныхъ игръ, турнировъ, на которыхъ отличались рыцари Франціи, Англіи и Германіи, гербъ былъ вызванъ другою потребностью.

Во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ встрѣчаются слова: *herb*, *erb*, *irb*, гербъ (¹), въ значеніи наслѣдникъ или наслѣдство, что и подало поводъ искать сродства его съ Нѣмецкимъ erbe, Французскимъ heritage. Не беремся рѣшать, коренной ли это Славянскій звукъ, случайно похожій на Германскій, или же Славянское слово обязано своимъ происхожденіемъ Германскому корню: для насъ важна та идея, которую Славяне связывали съ названіемъ герба. Это понятіе о наслѣдственности эмблемы, о ея неизмѣняемости. Правда, что качество это считалось необходимою принадлежностью и герба рыцарскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ были у него еще другія геральдическія примѣты, внѣшніе атрибуты. Хотя они прямо и безъ всякаго измѣненія

(¹) *Linde* Slownik подъ словомъ *Herb*, чешск. erb, znamenі́, wladyctwi', Сербо-Луж. herba, Карніольск. erb, irb, наслѣдникъ Виндск. (Хорут.) erbl, jerbi, потомство; по-Нѣмецки Erbe, по Франц. heritage, Англосакс. yrf, arf. Не думаетъ, чтобы можно было производить это общее почти всѣмъ Славянскимъ народамъ слово отъ средневѣковаго *herribannum*, знамени, которое предшествовало войску на войнѣ. Такому производству противится съ одной стороны различіе въ значеніи обоихъ словъ, а съ другой недостатокъ въ *гербѣ* коренныхъ въ *heribannum* буквъ.

перешли въ Русскій гербъ, но существенною всегда считалась твердость изображенія въ гербѣ, внѣшніе же его аттрибуты—шлемъ, наличникъ, мантія, наметъ и т. п.,—стали помѣщаться вокругъ щита позднѣе, и на нихъ не было обращено вниманія. Оттого такъ мало значенія имѣетъ у насъ напр. теорія шлемовъ, которые въ гербахъ Русскихъ имѣютъ почти постоянно одну и ту же форму, тогда какъ на Западѣ для каждаго рода и вида дворянства былъ свой шлемъ, съ наличникомъ, спущеннымъ болѣе или менѣе, обращеннымъ влѣво или вправо. Вообще намъ кажется, что если можетъ быть Русская Геральдика, то это только наука о тѣхъ изображеніяхъ, которыя видимъ на щитѣ,—изображеніяхъ, имѣющихъ, повторяемъ, свою исторію, свой смыслъ и свое значеніе.

Какимъ же путемъ дошла до насъ идея о гербахъ? Слово *гербъ*, обще Славянское названіе наслѣдственныхъ эмблеммъ, заставляетъ насъ, сказали мы, искать источника, откуда перешло къ намъ это учрежденіе, не въ Западной Европѣ, и обстоятельство это, по-видимому ничтожное, богато послѣдствіями. Во Франціи, Англіи, Германіи гербъ избирался лицемъ и утверждался за нимъ по его личнымъ качествамъ и доблестямъ. По гербу, какъ по книгѣ, читаетъ опытный глазъ, когда, въ чемъ, гдѣ отличился тотъ или другой рыцарь. Если подвиговъ, о которыхъ память желали увѣковѣчить, было нѣсколько, гербъ былъ сложный, поле щита разноцвѣтно, точно такъ, какъ различіемъ же подвиговъ объясняется и разнообразіе эмблеммъ въ Западныхъ гербахъ. Эта система Геральдики сродна всѣмъ странамъ, гдѣ существовали рыцари и турниры, всѣмъ народамъ, принимавшимъ участіе въ крестовыхъ походахъ; но въ

наукѣ извѣстна подъ именемъ *французской*, такъ какъ она развилась преимущественно во Франціи.

Но кромѣ этой геральдической школы есть еще другая съ совершенно иною основною мыслью и потому съ инымъ исходомъ. Это школа *Польская*. Начало ея восходитъ до древнѣйшихъ временъ существованія Польши, и такъ какъ рыцарство было въ ней мало извѣстно, жители же ея не принимали участія въ играхъ и подвигахъ, служившихъ въ Западной Европѣ примѣненіемъ геральдическихъ идей къ жизни; то и геральдика этой страны усвоила себѣ совсѣмъ иной характеръ. Простота, сохраненная Польскими гербами до сихъ поръ, изумительна. Это одинъ знакъ, одна примѣта, одно *знамя*, которое ставъ наслѣдственнымъ, приняло форму герба. За недостаткомъ историческихъ свѣдѣній, было бы слишкомъ смѣло находить сходство ихъ съ Татарскими тамгами, псаками, и изъ того заключать о происхожденіи Польскихъ родовъ отъ Татаръ (1). Сравненіе ихъ съ Русскими *знаменами*, которыя мы уже видѣли на печатяхъ частныхъ и должностныхъ лицъ, можетъ довести до противуположнаго убѣжденія, т. е. что характеръ этотъ былъ не чуждъ славянскимъ племенамъ вообще, тѣмъ болѣе, что знаки и символы эти прямо заимствованы изъ ихъ земледѣльческаго быта, изъ окружающей ихъ природы, и первоначально служили только знаками отличія; необходимыми въ жизни для многихъ случаевъ. Когда въ позднѣйшее уже время проникли въ Польшу понятія о западныхъ гербахъ, она были примѣнены къ объясненію Польскихъ гербовъ: имъ стали приписывать то зна-

(1) Таково мнѣніе автора статьи: *гербъ, гербовѣдѣніе и геральдика* въ XIV. Т. Энциклопед. Словаря стр. 118. *Татищева* Исторія Россійская. Книга 1-я, часть 1. М. 1768 г. стр. 552.

ченіе, котораго они первоначально не имѣли. Для этого стóитъ только сравнить напр. Длугоша, геральдика XV вѣка, съ Окольскимъ (XVII столѣтія) или Неецкимъ, о которыхъ будетъ подробно сказано ниже при разсмотрѣніи Польскихъ гербовъ, въ Россію перешедшихъ.

Сколько въ древней Польшѣ было коренныхъ колѣнъ, столько же было и отличительныхъ для нихъ знаковъ, *клейнодовъ*, и всякій новый родъ, равно какъ и частный человѣкъ, который примыкалъ къ Польскому дворянству, не могъ выдумать свое знамя, или привесть свой клейнодъ, а его бралъ подъ свое покровительство какой нибудь коренной Польской родъ и приписывалъ къ своему знамени. Отъ того-то въ прежнія времена мало было назвать лице, должно было прибавить: дворянинъ такого то знамени, герба. На войнѣ одногербовцы имѣли общее знамя, которымъ отличались отъ соратниковъ.

Какая же изъ двухъ геральдическихъ системъ усвоена Россія?

Не упоминая объ иностранцахъ, которые, пріѣзжая въ Россію, могли привозить свой гербъ и пользоваться имъ, мы думаемъ, что первыя свѣдѣнія о гербахъ перешли въ Россію изъ Литвы. Литовцы, не переставая почитать Россію за свое отечество, во множествѣ переходили на службу Русскаго Государя, оставались у насъ и образовали выѣзжія благородныя семейства, которыя конечно удержали древнее свое отличіе, гербъ, и позднѣе, въ концѣ XVII вѣке, только просили Царя объ утвержденіи его. А для убѣжденія себя въ томъ, что Поляки и Литовцы въ XV и XVI вѣкахъ пользовались гербами всегда, когда къ тому представлялся случай, достаточно взглянуть на акты и отписки того времени. Совершенно правильно составленные гербы на пе-

чатяхъ, подъ кустодіею, скрѣпляютъ ихъ во множествѣ (1).

Немаловажное вліяніе на переходъ къ намъ гербовъ изъ Польши и Литвы должно было имѣть и то обстоятельство, что въ годину несчастій были отторгнуты отъ Россіи цѣлыя области, дворянству которыхъ усвоено Польшею право пользоваться гербомъ, что̀ и утверждалось за благороднымъ сословіемъ особою грамотою. Когда внутренніе раздоры въ отечествѣ нашемъ затихли и иго Татарское стало спадать, Россія вступилась за свое прежнее достояніе, и начиная отъ Іоанна III до Царя Алексія Михайловича она возстановлялась въ прежнихъ границахъ, намѣченныхъ для ея дѣятельности Рюрикомъ и его ближайшими родичами. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, съ возвращеніемъ Россіею Малороссіи и Смоленска и съ переходомъ ихъ служилыхъ людей на службу Москвы, учрежденіе гербовъ не могло не отразиться въ жизни и обычаяхъ Русскихъ болѣе, чѣмъ когда нибудь прежде, и мы увидимъ, что именно къ этой эпохѣ относится у насъ забота о правильномъ составленіи гербовъ, что этому царствованію Русская Государственная печать обязана окончательною своею отдѣлкою и собраніемъ вокругъ нея приличныхъ ей аттрибутовъ.

Въ доказательство того, какое значеніе придавали гербамъ Польскіе Короли, сообщая преимущества городамъ, отъ Россіи отторгнутымъ, достаточно указать на свидѣтельство жалованной грамоты Короля Польскаго Сигизмунда Августа 1568 года. Даруя Вильнѣ за услуги, коронѣ Польской оказанныя, самыя существенныя прек-

(1) Подобныхъ печатей сохранилось много на Польскихъ рукописяхъ Императорской Публичной Библіотеки подъ NN° 222, 224, 225, 226 и др.

мущества, Король не забылъ предоставить благородному сословію этого города право употреблять на печатяхъ, въ рисункахъ и гравюрахъ гербы, но не иначе, какъ съ согласія того семейства, къ гербу котораго лица, получившія право на это отличіе, желаютъ приписаться. За тѣмъ только они, съ разрѣшенія этого семейства и утвержденія Государя, могутъ сами и потомки ихъ пользоваться извѣстнымъ знаменемъ [1].

§ 57.

Но если понятіе о гербахъ перешло къ намъ изъ Польши и Литвы, то идея, лежавшая въ основѣ Польской геральдической школы, не могла найти у насъ полнаго примѣненія уже и потому, что наша геральдика не осталась чуждою и для иныхъ вліяній, и самыя эмблемы заимствованы для Княжескихъ родовъ изъ источника Русскаго, изъ знаменъ, служившихъ для означенія родовыхъ владѣній, а для родовъ выѣзжихъ постепенно образовались для каждаго ихъ разряда свои особыя примѣты въ соотвѣтствіе съ корнемъ, отъ котораго роды эти пошли. Сообразно тому, Польскія эмблемы усвоены гербамъ фамилій, выѣзжихъ изъ Польши и Литвы.

Такимъ образомъ гербы наши, соединяя въ себѣ примѣты обѣихъ геральдическихъ системъ, не только могутъ

---

(1) Licebitque praedicto magistratui et eorum liberis nobilium stemmata seu insignia, si volent, sibi assumere, *de consensu tamen et voluntate alicujus familiae, ejus generis, quod ea arma gerit*, quae illi assumere optaverint, quibus insignibus in omnibus actis suis tam in annulis signatoriis, quam in sculpturis ac picturis privatis uti poterint perpetuo, requisito deinceps vel nostro, vel successorum nostrorum consensu aut alio privilegio novo et speciali». Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильно, Ковно и др. Вильно. 1843. Часть 1-я стр. 112.

служатъ отличіемъ одного благороднаго семейства отъ другихъ и свидѣтельствовать о ихъ подвигахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ происхожденіе лица. Въ этомъ отношеніи наши гербы—armes parlantes въ обширномъ значеніи слова, и опытный глазъ прочтетъ по эмблемамъ гербе всю исторію рода: гдѣ его корень и чѣмъ онъ отличился. Объяснить значеніе нашихъ гербовъ должна отечественная геральдика, при помощи которой всѣ части герба приходятъ въ стройный порядокъ и получаютъ тотъ смыслъ, который имъ должна придать наука.

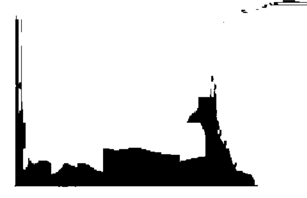
Дойти до такихъ богатыхъ послѣдствіями результатовъ можно только при помощи исторіи, и такъ какъ во второй части нашего труда печати всѣхъ разрядовъ доведены до той эпохи, когда онѣ, окрѣпнувъ, приняли геральдическія формы, то здѣсь мы продолжимъ начатое выше, слѣдуя прежнему порядку; т. е. изложимъ исторію герба Государственной печати, за тѣмъ перейдемъ къ гербамъ городовъ, и наконецъ заключимъ свое изслѣдованіе гербами частныхъ лицъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Исторія Герба Государственной Печати.

§ 58.

Пока Москва была не болѣе, какъ удѣлъ Московскаго Великаго Князя, безъ всякаго особеннаго политическаго государственнаго значенія, пока первенство ея среди другихъ городовъ и областей Россіи не было утвержде-



по мирнымъ трактатамъ ея Великихъ Князей съ Новгородомъ, договорными грамотами съ другими Князьями, наконецъ введеніемъ повсюду Московской администраціи съ Великокняжескими намѣстниками, печать Московская такъ же измѣнилась, какъ и всякая другая личная, семейная печать. Тотъ кругъ, въ которомъ она должна была имѣть значеніе и пользоваться общеизвѣстностью, былъ такъ тѣсенъ, что не было необходимости усвоивать печати Москвы опредѣленныя, неизмѣнныя и наслѣдственныя формы. Но вмѣстѣ съ Государственными идеями установился и тотъ гербъ, который долженъ былъ перевести на символическій языкъ монархическія понятія, составившія силу и твердость нашего отечества. Изъ всѣхъ эмблемъ, которыя въ разное время выражали ту же идею борьбы Москвы съ врагами и побѣды надъ ними, никакое другое знака не могло быть такъ соотвѣтственно, какъ усвоенное ей окончательно, и вокругъ этого основнаго типа, какъ кореннаго, группируются постепенно другіе аттрибуты, долженствующіе служить вѣрнымъ и непреложнымъ свидѣтельствомъ убѣжденій Россіи и ея успѣховъ на полѣ брани.

Поэтому современный намъ Государственный Россійскій гербъ сложился не вдругъ: онъ слагался постепенно, и приращеніе его аттрибутовъ соотвѣтствуетъ увеличенію силы Россіи. Мы думаемъ, что исторія Государственной печати въ разныя царствованія должна быть тождественна съ повѣствованіемъ объ измѣненіи объема нашего отечества и отношеній его къ другимъ державамъ.

Этимъ же воззрѣніемъ на Государственную печать объясняется, почему всегда и всѣми придавалось ей у насъ такое значеніе: безъ нея, какъ символа Государственной власти, останавливалось отправленіе Государ-

ственныхъ дѣлъ. «За Государевою печатью многіе Государевы грамоты стали», читаемъ въ отпискѣ 17 Марта 1613 г., отправленной послами, ходившими просить на царство Михаила Ѳедоровича, къ Земскому Совѣту, который обѣщалъ прислать имъ «боярскій подлинный списокъ и Государеву печать (1)». Далѣе малѣйшая и несущественная по-видимому ошибка, допущенная въ приложеніи ея, влекла за собою продолжительные толки, не рѣдко ничтожность акта и наказаніе того, кто былъ виною погрѣшности: форма печати, утвержденная обычаемъ и закономъ, въ извѣстный моментъ была неприкосновенна. Если въ каждое царствованіе встрѣчаемъ по нѣскольку экземпляровъ Государственной печати, которые различались между собою объемомъ, полнотою аттрибутовъ и эмблемъ, то при приложеніи ихъ въ точности соблюдалось соотвѣтствіе съ уваженіемъ, которое Россія питала къ другому государству: чѣмъ больше было это уваженіе, тѣмъ большая употреблялась печать и на оборотъ. Даже въ царствованіе Петра Великаго, при введеніи гербовой бумаги, достоинство ея различалось по величинѣ орла, и въ указѣ 1699 года (Января 23 № 1673) велѣно употреблять бумагу *подъ большимъ орломъ* для актовъ выше 50 рублей, *подъ гербомъ величиною противъ золотаго* для актовъ, недостигающихъ этой цифры, а *для* остальныхъ—*за печатью въ полузолотой*. На самой же бумагѣ было отмѣчено: «подъ сею мѣрою герба писать всякія крѣпости», за тѣмъ слѣдовало означеніе цѣны.

Существеннѣе были измѣненія въ титулѣ, который выставлялся на печати при имени Царя; но при этомъ

(1) Дворцов. Разряды Т. I. стр. 1050.

не должно выпускать изъ виду, что и титулъ былъ большой и краткій, и употребленіе того и другаго въ дипломатическихъ сношеніяхъ соотвѣтствовало также степени уваженія, которое Россія питала къ той или другой державѣ. Обстоятельство это отражалось и на бумагѣ даже, на которой писались грамоты: на ней выводилось золотомъ, красками болѣе или менѣе травъ и иныхъ украшеній. Какъ къ «Цесарскому Величеству Римскому» грамоты писались на самой большой Александрійской бумагѣ, «а травы золотыя писались большія», такъ къ Королямъ Шведскому, Англійскому и другимъ «травы золотомъ были среднія», къ курфирстамъ «травы золотомъ на верху надъ писмомъ, а по сторонамъ не бываетъ», и наконецъ къ Татарскому хану писались грамоты «безъ травъ».(¹) Сообразно тому же началу большая Государственная печать прикладывалась къ грамотамъ въ важнѣйшія иностранныя государства. Въ другихъ случаяхъ употреблялась малая Государственная печать. Она была въ окружности меньше большой, что въ срединѣ ея подъ Московскимъ гербомъ и означалось иногда буквою М. Кромѣ того отписки къ ханамъ Крымскимъ и Грузинскимъ запечатывались печатью, на которой былъ изображенъ одинъ гербъ Московскій: «Царь на конѣ побѣдилъ змія, около подпись Царская, титла самая малая по «и иныхъ» (²).

Для написанія грамотъ и приложенія къ нимъ печати брали за образецъ примѣры прошлыхъ лѣтъ, и разъ установившаяся форма сношеній съ тою или другою державою не измѣнялась произвольно и безъ особенной

(¹) *Котошихинъ*, стр. 28, 29.
(²) Тамъ же, стр. 29. 77. 90.

нужды. Потому въ древнѣйшіе *титулярники* съ величайшею точностью вносились случаи, по которымъ Россія отправляла грамоты въ ту или другую державу съ подробнымъ означеніемъ, въ какой формѣ они писались. Не была забыта и не упущена безъ вниманія ни малѣйшая подробность. Эти-то замѣтки и даютъ въ настоящее время средство опредѣлять, на какіе виды дѣлилась Государственная печать и какъ различалось ея приложеніе.

Самый древній (по крайней мѣрѣ мнѣ извѣстный) титулярникъ, т. е. собраніе образцевъ и правилъ сношеній Россіи съ другими державами, хранится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и относится къ $\frac{6997}{1489}$ году, но гораздо полнѣе его другой, также оффиціальный, составленный при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ: дипломатія его времени представляла болѣе образцевъ и требовала большей точности въ опредѣленіи различій печати.

Для примѣра приводимъ изъ послѣдняго нѣкоторые отрывки, могущіе служить свидѣтельствомъ о томъ, въ какихъ случаяхъ акты утверждались Государственными печатями того или другаго вида и чѣмъ различалось самое ихъ приложеніе. «Къ Цесарскому Величеству (Германскому Императору) писана грамота на Александрійскомъ на большомъ листѣ, самая большая съ фигуры, богословіе и государево имянованье по *Московскаго*, а Цесарево по *Римскаго* писано золотомъ, подпись Думнаго дьяка на затылкѣ, печать Государственная большая *подъ кустодіею съ фигуры*, въ камкѣ кармазинѣ».—Къ Королю Французскому грамоты утверждались также большою печатью, но подъ *кустодіею большою*. (¹) Къ

(¹) Рукоп. Титулярникъ временъ Царя Алексѣя Михайловича, стр. 106.

Бранденбургскому Курфирстру «писали на средней Александрійской бумагѣ, кайма безъ фигуръ. Божіе и Государево имя писано золотомъ, подпись дьячая безъ загибки, печать Государственная большая на красномъ воску, *подъ кустодією гладкою*» ([1]). Къ владѣтелямъ Молдавской земли писали: на меньшей Александрійской бумагѣ, кайма безъ фигуръ, «Божіе и Государево именованье по *Владимірскою* золотомъ, печатаютъ Государевою большою печатью на красномъ воску подъ кустодією, а кустодія безъ фигуръ, *гладкая*.» ([2]) Далѣе Крымскимъ и Грузинскимъ ханамъ писали «Татарскимъ письмомъ, печать *кормленая*, на красномъ воску, подъ кустодією *гладкою*; а Нурадину писали даже, не закрывая печать кустодією».—Наконецъ къ Калмыцкимъ тайшамъ объявленіе милостиваго слова посылалось «на Александрійской на меньшей бумагѣ, на ней подпись безъ загибки, печать *воротная на черномъ воску* ([3]).»

Вотъ въ какой постепенности представляется приложеніе Государственной печати въ разныхъ случаяхъ и къ владѣтельнымъ особамъ различныхъ странъ. Все, начиная отъ цвѣта воска до вида кустодіи, было твердо опредѣлено, а печатникъ съ печатнымъ приказомъ наблюдали за тѣмъ, чтобы правила, освященныя обычаемъ, не были нарушаемы.

Изъ вышеизложенныхъ примѣровъ оказывается, что Государственная печать раздѣлялась на слѣдующіе виды:

1) *большая* и *малая*, по величинѣ изображенія и объему Государева титула.

([1]) Тамъ же, стр. 68.
([2]) Тамъ же, стр. 250.
([3]) Тамъ же, стр. 302, 306.

2) *печать воротная*. Она была односторонняя, малая, съ Московскимъ гербомъ по срединѣ двуглаваго орла, съ ушкомъ, придѣланнымъ для ношенія на шеѣ. Подлинникъ ея хранится въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Не эта ли печать называлась и *походною*, о которой упоминается въ титулярникѣ 1489 года? (1).

и 3). Печать *кормленая или кормчая*, состоявшая, по свидѣтельству титулярника, изъ изображенія: «человѣкъ на конѣ съ копьемъ колетъ змія, около подпись Царскаго Величества именованье» (2). Представляя снимокъ этой печати (таб. XVI, рис. 5), мы останавливаемся на опредѣленіи ея: значеніе этого вида Государственной печати не понятно и не объяснено. Мы думаемъ, что первоначальное назначеніе этой печати состояло въ приложеніи ея къ грамотамъ, которыя давались воеводамъ и нѣкоторымъ другимъ чиновникамъ на кормленіе, т. е. на право содержанія себя изъ доходовъ ввѣреннаго имъ города или мѣста, и въ отличіе отъ печатей, которыми утверждались другія жалованныя грамоты на земли и разныя преимущества, этой печати придано названіе *кормленой*. Въ послѣдствіи ею стали утверждать отписки къ Крымскимъ и Татарскимъ Ханамъ.

§ 59.

Неизмѣнный символъ власти Государя и обладателя *всея Руси*, со времени Іоанна III, есть двуглавый орелъ.

Въ выборѣ знаковъ для гербовъ всегда руководствовались тѣмъ символическимъ значеніемъ, которое извѣстнымъ фигурамъ и животнымъ искони придавалось, и конечно всякій выбиралъ себѣ ту эмблему, которая на-

---

(1) Титулярникъ рукопис. $\frac{6997}{1489}$ года стр. 66.

(2) Титулярникъ временъ Царя Алексѣя Михайловича, стр. 302, 327.

иболѣе могла говорить за его мужество, благородство, преданность и иныя добродѣтели. Этимъ объясняется общая любовь древнихъ и новыхъ народовъ къ изображеніямъ орла, дельфина и льва, царей птицъ, рыбъ и животныхъ, и такъ какъ необходимо было чѣмъ нибудь различить эти эмблеммы въ гербахъ разныхъ фамилій, то невольно удивляешься разнообразію аттрибутовъ, которые придавались этимъ типамъ.

Эмблемма льва была у насъ издавна употреблена: мы ее встрѣчаемъ на печатахъ частныхъ лицъ и приказовъ. Въ гербѣ города Львова въ XVI вѣкѣ изображена крѣпостная стѣна съ башнями, а въ двери геральдическій левъ. На Львовской грамматикѣ, изданной въ 1591 г., на которой изображенъ этотъ гербъ (1), къ нему приложены слѣдующіе стихи:

«Левъ царствуетъ безсловеснымъ звѣремъ въ начало,
Словеснымъ же образъ Христова царства намъ ся показало.
Мужайся много-племенный Россій народе,
Да Христосъ начало крѣпости въ тебѣ буде.»

Не этимъ ли употребленіемъ символа льва въ львовской печати должно объяснять помѣщеніе его въ Государственной Польской печати, для означенія (какъ думаютъ Польскіе геральдики) Галиціи, носившей названіе Россіи, въ память ея неразрывнаго единства съ коренною Русью, съ Москвою (2)?

Но аттрибутомъ собственно Московскаго, или правильнѣе Русскаго Государства былъ орелъ. Онъ пользовался у насъ также издавна почетомъ: фигуры его въ раз-

(1) Адельфотисъ грамматика доброглаголиваго Еллино-Славенскаго языка. 1591 г. Львовъ. Въ друкарни братской.

(2) *Vossberg*. Siegeln; стр. 13, 14. Таблицы рис. 7, 8.

ныхъ видахъ и съ разными украшеніями встрѣчаются на древнихъ печатахъ, на зданіяхъ, заголовкахъ книгъ и т. п. При В. Князѣ Іоаннѣ III эмблема эта усвоена Государственному гербу.

Царь птицъ, за силу и зоркость, съ давнихъ временъ почитался символомъ проницательности и мужества ([1]). И въ какихъ формахъ, въ какихъ видахъ и цвѣтахъ не представляли его древняя и новая геральдика! Aquila Romana, Римскій орелъ, былъ знакомъ всему древнему міру, и какой другой символъ могъ бы болѣе приличествовать этому побѣдоносному народу?

Долго Римскій орелъ представлялся одноглавымъ и въ такомъ видѣ онъ является на древнихъ памятникахъ Рима, и никакъ не ранѣе временъ Цесаря ему придана и другая глава. Впрочемъ вопросъ о поводѣ, по которому, и о времени, съ котораго гербъ Рима начали изображать въ видѣ двуглаваго орла, до сихъ поръ не рѣшенъ еще окончательно.

Нѣкоторые утверждаютъ, что двуглавый орелъ установленъ Цесаремъ въ память предвѣщанія, которое было послано ему предъ побѣдою его надъ врагами и достиженіемъ верховной власти въ Римѣ; а именно: летѣвшій надъ главою его при въѣздѣ въ Римъ орелъ убилъ и бросилъ на землю двухъ коршуновъ. Такъ какъ предзнаменованіе это сбылось, то Цесарь хотѣлъ увѣковѣчить память о немъ, помѣстивъ двуглаваго орла въ гербѣ Рима ([2]). Но большая часть ученыхъ присоединяется къ мнѣнію тѣхъ, которые приписываютъ введеніе этого изображенія въ Римскомъ гербѣ эпохѣ образованія двухъ имперій Восточной и Западной. Та и другая имѣла пра-

([1]) Spener pars I. p. 211—215.

([2]) Petra Sancta Tesserae p. 398.

но и орла съ одною главою, а такъ какъ они были соединены подъ однимъ скипетромъ, слѣд. убѣжденія и интересы ихъ были нераздѣльны, то оба орла составили одно тѣло, а память о ихъ первоначальной раздѣльности сохранилась въ двухъ главахъ, въ противоположныя стороны обращенныхъ. Послѣднимъ признакомъ могла выражаться впрочемъ и другая еще идея: око Государя было обращено на Востокъ и на Западъ, а распоряженія обѣими странами исходили изъ одного источника. Нельзя не признаться, что едва ли Геральдика можетъ указать на другую эмблему, въ такой мѣрѣ знаменательную.

Гербомъ этимъ пользовалась Восточная Римская Имперія до тѣхъ поръ, пока существовала, а затѣмъ по преемству символъ этотъ въ 1494 году (¹) перешелъ къ Россіи, какъ странѣ православной, наслѣдовавшей убѣжденія Царяграда (²).

Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный впрочемъ объяснялъ принадлежность Россіи двуглаваго орла родствомъ своимъ съ Августомъ Кесаремъ, отъ котораго символъ этотъ по прямой линіи долженъ былъ, по мнѣнію Царя, перейти къ Москвѣ; а именно: во время раздоровъ съ Шведскимъ Королемъ Іоанномъ III, Грозный на упреки его отвѣчаетъ: «а что писалъ еси о Римского царства по-

---

(¹) *Карамзина* Исторія Госуд. Рос. Т. VI, прим. 98.

(²) Вообще почетную эмблему—Императорскаго орла принимали въ гербъ Государства, считавшія себя преемниками Рима (напр. Австрія) и фамиліи, происшедшія отъ Греческихъ Императоровъ или соединенныя узами брака съ принцесами изъ дома Ангеловъ, Комниновъ, Ласкарисовъ и Палеологовъ. На этомъ основаніи и Цари Сербскіе, которые съ XII вѣка неоднократно вступали въ браки съ Греческими Царевнами, усвоивали себѣ двуглаваго орла. *Для* примѣра прилагаемъ (на табл. XVI. рис. 7) печать деспота Іоанна 1498 года. Ср. *Nicollis* Anacephalaeosis. 1722 p. 68. 69. *Striltteri* Memoriae Populorum. Petropoli. 1774. T. II. p. 195. 202.

чати и у насъ своя отъ прародителей нашихъ; а Римская печать намъ не дико. Мы отъ Августа Кесаря родствомъ ведемся (1)». Царь при этомъ прямо различалъ печать родовую, т. е. Московскую, отъ вновь заимствованнаго изъ Греціи двуглаваго орла.

Такимъ образомъ сложился нашъ Государственный гербъ, и хотя онъ измѣнялся въ частностяхъ и мелкихъ подробностяхъ, въ сущности однако былъ онъ неприкосновененъ и твердъ, измѣненія же дѣлались по причинамъ историческимъ. Такъ понимали у насъ всегда важность Государственнаго герба. Поэтому и было сочинено на него много стихотвореній, болѣе или менѣе удачныхъ, часто очень высокопарныхъ. Какъ на образецъ послѣднихъ указываемъ на стихи Леонтія Магницкаго, приложенные къ книгѣ его «*ариѳметика, сирѣчь наука числительная съ разныхъ діалектовъ на Славянскій языкъ переведенная, воедино собранная и на двѣ книги раздѣленная* (изд. 1703 г.)». Мы ихъ не выписываемъ, потому что они клонятся болѣе къ похвалѣ математики и только мимоходомъ касаются приложеннаго въ книгѣ государственнаго герба и его аттрибутовъ, но нѣкоторыя изъ стихотвореній на гербъ замѣчательны, потому что высказываютъ убѣжденіе о значеніи каждой части орла и входящихъ въ государственный гербъ эмблемъ. Вотъ одно изъ такихъ стихотвореній:

Тремя вѣнцами орелъ восточный сіяетъ,
Вѣру, надежду, любовь къ Богу являетъ.
Крилѣ простеръ, объемлетъ всего міра конца,
Сѣверъ, югъ, отъ востока ажъ до запада солнца
Простертыми крылами добрѣ покрываетъ,

(1) *Карамзина* Ист. Гос. Росс. Т. IX. прим. 414.

во на орла съ одною г… …покровъ простираетъ.
динены подъ одним… …крѣпость, являетъ честь, славу,
тересы ихъ бы… …Августа восприиметъ державу (1).
одно тѣло, а г… …подробно исторію Государственнаго
сохранила… …прослѣдить исторію каждой изъ со-
сторон… …частей: 1) орла, 2) коронъ на немъ, и 3)
выра… …вокругъ печати.
бы…

§ 60.

1) Орелъ.

Орелъ въ Русскомъ Государственномъ гербѣ съ конца XV вѣка былъ и до сихъ поръ есть двуглавый черный орелъ. Эмблемма эта остается неизмѣнною. Измѣнялось положеніе крыльевъ орла. Въ Римѣ, напр. на колоннѣ Антонина, онъ представлялся летящимъ (2), а въ печати Іоанна III видимъ его съ опущенными крыльями. (табл. VI. рис. 4.) (3). Такая форма ихъ оставалась безъ измѣненія до конца XVI вѣка, затѣмъ орелъ съ распущенными крыльями появляется на нѣкоторыхъ печатяхъ Лжедимитрія (табл. XVI, рис. 2) (4), но въ гербѣ временъ Царя Михаила Ѳеодоровича они опять спущены (5). Наконецъ съ царствованія Алексѣя Михайловича до настоящаго времени орелъ остается съ расправленными крыльями, все равно притомъ представляется ли онъ парящимъ или на лету (табл. XVI. рис. 3) (6).

---

(1) Алфавитъ, собранный рифмами, сложенный отъ Святыхъ писаній и изъ древнихъ реченій. 1705 г.

(2) Petra Sancta p. 2[illegible].

(3) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, стр. 347

(4) Тамъ же, Т. II, стр. 162.

(5) Тамъ же, Т. III, стр. 277.

(6) Тамъ же, Т. IV, стр. 253.

...воста, головы и ногъ орла сколько зависѣла ...печати, отъ большей или меньшей степени ...а чекана, столько и отъ того, въ какомъ по- ...представлялся орелъ, т. е. летѣлъ-ли онъ или ...дѣлъ.—На печати Іоанна III главы орла были съ закрытымъ клювомъ (1), но уже на печати В. К. Василія Іоанновича клювы отверзты и изъ нихъ выходитъ по язычку (2). Форма эта осталась въ гербѣ нашемъ до сихъ поръ; но въ изображеніяхъ на рисункахъ, сосудахъ и другихъ неоффиціальныхъ памятникахъ она измѣнялась до чрезвычайности. Вообще мы должны замѣтить, что державный орелъ употреблялся какъ украшеніе очень часто на издѣліяхъ, и потому вкусъ художника рѣшалъ, какъ убрать любимую эмблему и какіе придать ей атрибуты.

Въ Государственномъ гербѣ орелъ изображался безъ скипетра и державы до времени Царя Михаила Θеодоровича (3). При немъ стали ихъ иногда придавать орлу, но прибавленіе это не считалось существеннымъ и необходимымъ (4). Потому оно иногда и опускалось, даже въ началѣ царствованія Царя Алексѣя Михайловича. При этомъ Государѣ окончательно сложился Государственный гербъ, и каждая изъ входящихъ въ него частей объяснена, и символы переведены на общепонятый языкъ. Скипетръ и держава должны были означать: «Милостивѣйшаго Государя, Самодержца и Обладателя» (5).

(1) Тамъ же, стр. 347.

(2) Тамъ же, стр. 417.

(3) Описаніе Музея Коробанова, стр. 21, табл. XIV, рисунокъ.

(4) Тамъ же, стр. 22.

(5) Указъ 1667 г. № 421 (Ипол.). Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. IV, стр. 209.

Скипетръ заступленія въ покровъ простираетъ.
Скипетръ въ царствіи крѣпость, являетъ честь, славу,
Свѣтъ содержитъ, Августа воспріиметъ державу (¹).

Чтобы изложить подробно исторію Государственнаго герба, необходимо прослѣдить исторію каждой изъ составныхъ его частей: 1) орла, 2) коронъ на немъ, и 3) надписей вокругъ печати.

§ 60.

1) Орелъ.

Орелъ въ Русскомъ Государственномъ гербѣ съ конца XV вѣка былъ и до сихъ поръ есть двуглавый черный орелъ. Эмблемма эта остается неизмѣнною. Измѣнялось положеніе крыльевъ орла. Въ Римѣ, напр. на колоннѣ Антонина, онъ представлялся летящимъ (²), а въ печати Іоанна III видимъ его съ опущенными крыльями. (табл. VI. рис. 4.) (³). Такая форма ихъ оставалась безъ измѣненія до конца XVI вѣка, затѣмъ орелъ съ распущенными крыльями появляется на нѣкоторыхъ печатяхъ Лжедимитрія (табл. XVI, рис. 2) (⁴), но въ гербѣ временъ Царя Михаила Ѳеодоровича они опять спущены (⁵). Наконецъ съ царствованія Алексѣя Михайловича до настоящаго времени орелъ остается съ расправленными крыльями, все равно притомъ представляется ли онъ парящимъ или на лету (табл. XVI. рис. 3) (⁶).

(¹) Алфавитъ, собранный рифмами, сложенный отъ Святыхъ писаній и изъ древнихъ реченій. 1705 г.

(²) Petra Sancta p. 306.

(³) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, стр. 247

(⁴) Тамъ же, Т. II, стр. 162.

(⁵) Тамъ же, Т. III, стр. 277.

(⁶) Тамъ же, Т. IV, стр. 253.

Форма хвоста, головы и ногъ орла сколько зависѣла отъ отдѣлки печати, отъ большей или меньшей степени отчетливости чекана, столько и отъ того, въ какомъ положеніи представлялся орелъ, т. е. летѣлъ-ли онъ или парилъ.—На печати Іоанна III главы орла были съ закрытымъ клювомъ (1), но уже на печати В. К. Василія Іоанновича клювы отверзты и изъ нихъ выходитъ по язычку (2). Форма эта осталась въ гербѣ нашемъ до сихъ поръ; но въ изображеніяхъ на рисункахъ, сосудахъ и другихъ неоффиціальныхъ памятникахъ она измѣнялась до чрезвычайности. Вообще мы должны замѣтить, что двуглавый орелъ употреблялся какъ украшеніе очень часто на издѣліяхъ, и потому вкусъ художника рѣшалъ, какъ убрать любимую эмблему и какіе придать ей аттрибуты.

Въ Государственномъ гербѣ орелъ изображался безъ скипетра и державы до временъ Царя Михаила Θеодоровича (3). При немъ стали ихъ иногда придавать орлу, но прибавленіе это не считалось существеннымъ и необходимымъ (4). Потому оно иногда и опускалось, даже въ началѣ царствованія Царя Алексѣя Михайловича. При этомъ Государѣ окончательно сложился Государственный гербъ, и каждая изъ входящихъ въ него частей объяснена, а символы переведены на общепонятный языкъ. Скипетръ и держава должны были означать: «Милостивѣйшаго Государя, Самодержца и Обладателя» (5).

(1) Тамъ же, стр. 347.
(2) Тамъ же, стр. 417.
(3) Описаніе Музея Коробанова, стр. 21, табл. XIV, рисунковъ.
(4) Тамъ же, стр. 22.
(5) Указъ 1667 г. № 421 (Имен.). Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. IV, стр. 200.

Что касается до изображеній, окружавшихъ орла, то на многихъ памятникахъ ваянія XVI и XVII вѣковъ онъ является не одинъ; напротивъ почти всегда онъ обставленъ фигурами: льва, единорога, дракона и грифа. Что принадлежности эти нельзя считать однимъ простымъ и значенія неимѣющимъ украшеніемъ, плодомъ воображенія художника, это доказывается неизмѣнностью ея. Если и трудно найдти положительное объясненіе этихъ фигуръ, тѣмъ не менѣе можно съ нѣкотораго рода достовѣрностью утверждать, что значеніе ихъ апокалипсическое. Подъ Царскимъ напр. мѣстомъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго изображены, говоря словами одного рукописнаго сборника XVI вѣка, «звѣри, а имъ три имена: *лютой*, *левъ*, *скиментъ* (молодой левъ, символъ племени іудина), второй звѣрь *уена* (гіена), третій *орелъ*, четвертый *оскрогант*, пятый—*оскроганъ же*» ([1]). — Съ другой стороны однако нельзя отказать означеннымъ звѣрямъ и въ историческомъ значеніи: къ намъ перешли они безъ сомнѣнія изъ Византіи, памятникамъ которой изображенія эти нечужды. На древностяхъ Византійскихъ слѣд. и должно искать разгадка этихъ эмблемъ, которыя, повторяемъ, не могли быть ни случайны, ни произвольны. Достаточно въ этомъ случаѣ обратить вниманіе на хранящійся въ Московской Оружейной Палатѣ налучникъ отъ саадака Греческой работы. Стиль ея въ сравненіи съ памятниками того же происхожденія не оставляетъ сомнѣнія въ древности этого саадака. На немъ видимъ орла съ четырьмя фигурами, держащими символы Государственной власти, а именно: единорогъ держитъ

([1]) Древности Государства Росс. Отд. II, Москва, 1851, стр. 106, 107. Рисунки 67—73.

скипетръ, левъ—мечъ, драконъ—корону, и грифъ—державу. Число—четыре—въ связи съ означенными фигурами наводитъ на мысль, не представляли ли они четырехъ Римскихъ префектуръ, точно такъ какъ въ Государѣ, поражающемъ дракона, художникъ могъ изобразить побѣду Константина Святаго надъ Максентіемъ или Ликиніемъ. Ближайшее знакомство съ Византійскими памятниками какъ вообще, такъ въ этомъ случаѣ въ особенности, можетъ навести не на одно предположеніе и должно объяснить многое въ отечественныхъ древностяхъ.

Не смотря на то однако, что эмблемы эти издавна окружали орла, мысль помѣстить на крыльяхъ его печати важнѣйшихъ областей Россіи, которыя прежде составляли отдѣльныя Великія Княжества и Царства, и слившись съ Россіею должны были имѣть представителей своихъ въ гербѣ Русскомъ, мысль эта не древняя. Нераздѣленъ съ Всероссійскимъ гербомъ былъ гербъ Москвы. Настоящее его мѣсто есть въ сердцѣ Русскаго орла, какъ средоточіе, изъ котораго выросло Государство; но долго Московскій гербъ составлялъ только оборотную сторону Всероссійскаго герба, а гдѣ нельзя было изобразить оборотную сторону, напр. на сосудахъ, тамъ изображался одинъ только орелъ, на приклеенныхъ же къ грамотамъ печатахъ Московскій гербъ помѣщался и на персяхъ орла. Вообще только удобствомъ соединенія двухъ этѣхъ эмблемъ и необходимостью ихъ раздѣленія можетъ быть объясненъ произволъ, который существовалъ въ этомъ случаѣ. Для примѣра достаточно указать на три грамоты, хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и утвержденныя Государственными печатями. Онѣ относятся къ одному де-

сятилѣтію, и достойны вниманія, ибо показываютъ, какая разница въ печатахъ существовала по различію содержанія актовъ и по тону, въ какомъ видѣ они приложены: 1606 г. Ноября 9 (по каталогу Публичн. Библ. № 275) дана Царемъ Василіемъ Ивановичемъ Ниловой пустошь грамота на земли. Къ акту этому *привѣшена* красновосковая печать на малиновомъ снуркѣ, съ одной стороны всадникъ въ коронѣ—Московская печать, а съ другой: двуглавый орелъ съ надписью вокругъ—*Божіею милостью Великій Господарь Царь и Великій Князь Василій Ивановичь всея Руси Самодержецъ и многихъ Господарствъ господарь и обладатель*. А между тѣмъ къ грамотѣ 1608 года (№ 277) также Царя Василія Іоанновича Стряпчему сытнаго Дворца, на Бѣлоозеро, *приложена* печать, на которой изображенъ двуглавый орелъ, на персяхъ его Московскій гербъ; точно такъ, какъ 1617 г. Августа 28 (№ 289) вознаа грамота путному ключнику Афонасію Родіонову на имѣніе утверждена печатью на червомъ воску, въ срединѣ орла Московскій гербъ—всадникъ на конѣ.

Сообразно изложенному началу, Московскій гербъ долженъ былъ соединиться съ двуглавымъ орломъ прежде всего на большой Государственной печати, которая обыкновенно прикладывалась, а не привѣшивалась, тогда какъ малыя печати были по большей части двусторонніи, висьлыя. И дѣйствительно, на большихъ Государственныхъ печатахъ Царей Іоанна Васильевича Грознаго и Ѳеодора Іоанновича гербъ Московскій изображенъ на особомъ щитѣ по срединѣ герба Русскаго—всадникъ на конѣ въ лѣво, (табл. XV. рис. 6) (1), тогда какъ на малыхъ

(1) Собр. Гос. Грам. и Дог. Т. II, стр. 101, 228.

печатяхъ Царей Феодора Іоанновича и Бориса Феодоровича Годунова они раздѣльны (1).

На малой печати Дмитрія Самозванца (табл. XVI. рис. 2) соединены два эти изображенія съ тѣмъ только различіемъ, что всадникъ ѣдетъ въ право. Это одно могло бы доказать, что печать Лжедимитрія сдѣлана за границею человѣкомъ, знавшимъ геральдику, по правиламъ которой всѣ живыя фигуры должны быть обращены въ право. О томъ же иностранномъ происхожденіи печати свидѣтельствуетъ корона надъ орломъ, нисколько не Велико-княжеская, и надпись вокругъ—*Дмитръ Ивановичь Божю Милостую Царевичь Московски*. Русскій не вырѣзалъ бы такъ надписи, тѣмъ болѣе, что надписи на печатяхъ у насъ всегда дѣлались Славянскимъ штрифтомъ, который тогда одинъ и употреблялся, а на печати Лжедимитрія подпись сдѣлана штрифтомъ, ближе подходящимъ къ теперешнему гражданскому письму. Большая впрочемъ печать Самозванца вполнѣ соотвѣтствуетъ типу, Русскими Царями принятому и давностью утвержденному. (2).

При этомъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что всадникъ на всѣхъ почти государственныхъ печатяхъ былъ обращенъ въ лѣво, на издѣліяхъ же, престолахъ, оружіи и т. п. мы его встрѣчаемъ иногда и въ право. Примѣта эта важна, ибо по ней можно издѣлія Русскія отличать отъ иностранныхъ. Мастера наши конечно далеки были отъ знанія западной геральдики, а случайность здѣсь допустить трудно. На предположеніе наше могутъ намъ возразить тѣмъ, что какъ печать носилась на шеѣ,

(1) Тамъ же, стр. 155.
(2) Тамъ же, стр. 168, 280.

то въ оригиналѣ всадникъ былъ обращенъ въ право и только въ оттискѣ выходилъ въ лѣво; но какъ *воротная* печать никогда не составляла главнаго вида государственныхъ печатей и употреблялась не часто, такъ другія государственныя печати не были назначены для ношенія печатникомъ на шеѣ, почему къ нимъ и не придѣлывалось ушко; слѣд. возраженіе это падаетъ само собою.—Намъ кажется непонятнымъ желаніе примѣнять къ нашему Государственному гербу, какъ и вообще къ эмблемамъ въ Русскихъ гербахъ, начала западной, намъ чуждой геральдики. Съ XIV вѣка всадникъ въ Московскомъ гербѣ, какъ и въ Литовскихъ печатяхъ, былъ обращенъ въ лѣво и остается въ этомъ положеніи въ теченіи *шести* столѣтій. Если оно и не соотвѣтствуетъ правиламъ рыцарской геральдики, то давность стоитъ за твердость и неприкосновенность эмблемы, на которой такъ ярко отразились убѣжденія Московскихъ Великихъ Князей и Государей всея Россіи. Замѣчаніе это направлено противъ мнѣнія тѣхъ иностранныхъ писателей, которые укоряютъ Русскихъ въ незнаніи геральдики и въ доказательство того ссылаются на положеніе всадника въ Государственномъ гербѣ.

§ 62.

Одежда всадника въ Московскомъ гербѣ измѣнялась, смотря потому, какъ на него смотрѣли: онъ былъ или въ шишакѣ, если въ немъ видѣли воина, который кололъ копьемъ змія, или въ Мономаховой коронѣ, какимъ онъ изображенъ на печатяхъ Царя Михаила Θеодоровича, ибо представлялъ самого Великаго Князя (1),

(1) Собр. Гос. Гр. III, стр. 277. На выходномъ листѣ Евангелія 1663 года, въ изображеніи Государственнаго герба помѣщенъ портретъ Царя Алексѣя Михайловича въ Мономаховой коронѣ (табл. VII рис. 8). Также въ коронѣ

или же въ коронѣ княжеской на печатяхъ Царя Алексѣя Михайловича (табл. XVI, рис. 3): по объясненію этого Государя на персахъ орла было изображеніе наслѣдника. (¹) Иногда, хотя рѣже, всадникъ въ Государственномъ гербѣ представлялся съ обнаженною головою (табл. VI, рис. 4). Неизмѣннымъ остается положеніе его: онъ поражаетъ дракона копьемъ. Художнику было предоставлено только изобразить большую или меньшую, такъ сказать, степень пораженія: то копье только вонзилось въ животное, то оно пронзило его, то змѣй какъ бы жалитъ коня въ ногу, то конь давитъ дракона въ самую грудь и т. д.

Епанча на всадникѣ всегда представляется развѣвающеюся по воздуху и спадающею съ плеча, ибо конь изображается на всемъ бѣгу. Грудь и ноги всадника въ латахъ. На панцырѣ обыкновенно нѣтъ никакого особеннаго знака, но въ печати Царя Михаила Ѳеодоровича (не подъ вліяніемъ ли Литовскаго герба?) на груди всадника виденъ бѣлый крестъ (²). Впрочемъ онъ встрѣчается рѣдко.

§ 63.

Кромѣ Московскаго герба на персяхъ орла помѣщались и иныя эмблемы, а именно: 1) на малой печати Царя Іоанна Васильевича Грознаго видимъ съ одной стороны изображеніе единорога, а съ другой—двуглаваго орла, но безъ Московскаго герба (³) (табл. XV, рис. 1).

Царской помѣщенъ онъ на заглавномъ листѣ книги *Лазаря Барановича*, въ 1674 году изданной: Трубы на дни нарочитые праздниковъ господнихъ, Богородичныхъ и пр.

(¹) Собр. Гос. Гр. и дог. Т. IV, стр. 209, 253.

(²) Тамъ же, Т. III, стр. 277.

(³) На золотыхъ монетахъ Іоанна Грознаго орелъ изображался съ обѣихъ сторонъ, и въ срединѣ его былъ съ одной стороны единорогъ, а съ другой ѣздецъ.

Хотя и Царь Іоаннъ Васильевичъ не считалъ единорога необходимою принадлежностью государственнаго герба, почему и не помѣстилъ его на большой своей печати (табл. XV, рис. 6), тѣмъ не менѣе фигура эта встрѣчается еще на нѣкоторыхъ печатяхъ Царей Бориса Ѳедоровича Годунова, Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича съ тѣмъ только различіемъ, что орелъ былъ съ обѣихъ сторонъ печати, а на персяхъ его изображался съ одной стороны всадникъ на конѣ, а съ другой единорогъ ([1]).

Татищевъ ([2]) утверждаетъ, что единорогъ былъ собственнымъ гербомъ Іоанна Грознаго. Если слово *гербъ* въ строгомъ смыслѣ употреблено здѣсь и не правильно, тѣмъ не менѣе справедливо, что Грозный частную свою переписку, равно какъ акты неофиціальные, печаталъ единорогомъ: напр. свои письма въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь (Грамоты, хранящіяся въ Публ. Биб. отд. рук. № 250, 253 и др.).—Значеніе единорога въ Царской печати, безъ сомнѣнія, было символическое, объясненія котораго должно искать въ Священномъ Писаніи. Доказательствомъ тому можетъ служить серебряный ковшъ, найденный въ 1730 году на монетномъ дворѣ при разборѣ серебра, взятаго отъ Архіепископа Ростовскаго. Кругомъ этого ковша была подпись—имя Àжедимитрія съ титуломъ, въ срединѣ на днѣ вмѣсто обыкновеннаго орла единорогъ, а вокругъ него подпись, взятая изъ псалма—«яко единорога святилище твое на земли» ([3]).

2) На малой Царской печати Петра Великаго на персяхъ

([1]) Указъ 1682 г. Апр. 29 (№ 915) Инед.

([2]) Россійская Исторія *Татищева* Кн. 1, Часть 2-я, стр. 550.

([3]) Тамъ же.

орла былъ помѣщенъ Андреевскій крестъ, но и онъ удержался не долго на томъ мѣстѣ, которое, по всѣмъ правамъ принадлежало Московскому гербу. Въ послѣдствіи времени Андреевскій крестъ на цѣпи, этому ордену присвоенной, помѣщенъ вокругъ щита съ изображеніемъ Московскаго герба. На означенной печати Петра Великаго (табл. XVIII, рис. 3.) по бокамъ орла видимъ буквы: Ц. І. В. К. П. А. П. В. Р., что могло значить; Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича печать всея Россіи.

3) Императоръ Павелъ Петровичъ, ставъ Гроссмейстеромъ Мальтійскихъ рыцарей ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, изволилъ повелѣть, чтобы Московскій гербъ былъ положенъ на крестъ, этому ордену усвоенный и въ такомъ видѣ изображенъ на персяхъ двуглаваго орла [1], но въ 1801 году прибавленіе это снова уничтожено [2].

и 4) Образъ Божіей Матери помѣщался на груди орла, но не на печатяхъ и не на оффиціальныхъ вообще изображеніяхъ государственнаго герба, а былъ аттрибутомъ произвольнымъ. Сколько намъ извѣстно, орелъ съ этимъ изображеніемъ на персяхъ встрѣчается въ первый разъ въ книгѣ, изданной въ 1705 году: «Алфавитъ, собранный рифмами, сложенный отъ святыхъ писаній и изъ древнихъ реченій». Послѣ заглавнаго листа въ началѣ книги изображенъ двуглавый орелъ, тремя коронами увѣнчанный и имѣющій на персяхъ образъ Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ; съ боковъ орла буквы: Б. М. В. Г. Ц. В. К. П. А. В. В. и М. и Б. Р. С. Значеніе ихъ понятно: это титулъ Царя Петра Алексѣе-

(1) 1799 г. Авг. 10 (№ 19074). Авг. 19 (№ 19089) Имен.
(2) 1801 г. Апр. 26 (№ 19856) Имен.

вича (1). Впрочемъ художники не стѣснялись выражать и иначе мысль о благословеніи и покровительствѣ свыше Русскому орлу. Для образца указываемъ на заглавный листъ въ книгѣ Лазаря Барановича (1674 г.): Трубы на дни нарочитые праздниковъ и пр. Матерь Божія положила руки свои на главы орла, какъ бы благословляя ихъ, а въ сердцѣ орла Духъ Святой, въ видѣ голубя. Надъ главою Богоматери надпись: «покрыла его, яко позна имя мое». Вмѣсто скипетра и державы орелъ держитъ въ ногтяхъ два щита разныхъ видовъ, и подъ ними стихъ (изъ 4-й гл. Кн. пѣснь пѣсн.): «тысяща щитовъ виситъ на немъ».—Надписи, изъ Св. Писанія заимствованныя, вполнѣ объясняютъ, какую идею авторъ хотѣлъ осуществить въ рисункѣ.

§ 64.

Мысль помѣстить вокругъ орла, герба Всероссійскаго, печати прочихъ Царствъ и Великихъ Княжествъ, присоединенныхъ въ разное время къ Москвѣ, выразилась въ первый разъ въ большой государственной печати Царя Іоанна Васильевича Грознаго, которую видимъ приложенною къ грамотѣ Лжедимитрія 1605 г. Ноября 5, съ увѣдомленіемъ Юрія-Мнишка о благоуспѣшности всѣхъ дѣлъ его (2) (табл. XV, рис. 6).—Идея эта могла родиться у насъ при видѣ тѣхъ фигуръ, которыхъ изображенія встрѣчаются на произведеніяхъ Греческаго искусства вокругъ всадника на конѣ (см. выше), но вѣроятнѣе, что нововведеніемъ этимъ была обязана Рос-

(1) Еще съ большими украшеніями, но также съ образомъ Божіей Матери представленъ Государственный гербъ на Патерикѣ, напечатанномъ въ Кіевѣ въ 1806 году.

(2) Собраніе Госуд. Грам. и Дог. Т. II, стр. 207.

сія знакомству съ печатями Польши и Западной Европы. Дѣйствительно, если сравнить печать Іоанна Грознаго съ современною ей печатью Польскою (1), то нельзя не удостовѣриться, что форма надписей и расположеніе областныхъ гербовъ представляютъ большое сходство. Какъ бы то ни было, печатями областей, помѣщенными вокругъ государственной печати, должно было объяснить титулъ Государя, здѣсь же написанный. Отъ того изображены вокругъ герба печати: Новгородскаго намѣстника, Царствъ Казанскаго и Астраханскаго, Псковская, Смоленская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская, Новагорода Низовскія земли и Черниговская. Подобно тому на Царскомъ серебряномъ тронѣ, на Царской посудѣ и другихъ вещахъ позднѣйшаго времени видимъ также вокругъ государственнаго герба изображенія областныхъ печатей (2). Но въ Государственной печати Царя Алексѣя Михайловича эти мелкія печати стянулись въ болѣе общія, и соотвѣтственно Государеву титулу были изображены съ правой стороны три крѣпости, каждая особой архитектуры, а надъ ними буквы В. М. Б.: это представительницы Великой, Малой и Бѣлой Россіи; а съ лѣвой также три крѣпости и надъ ними буквы В. З. и С., эмблемы восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ странъ. Въ дополненіе къ тому былъ изображенъ подъ орломъ знакъ отчича и дѣдича, который съ обѣихъ сторонъ охраняли вооруженные люди (3) (Табл. XVI. рис. 3). По присоединеніи Малороссіи къ Царству Московскому на печати, назначенной

(1) Тамъ же, стр. 464.
(2) Древности Россійскаго Государства. Отд. II. № 79. Отд. V. № 42.
(3) Собр. Гос. Гр. Т. II, стр. 209.

для печатанія дѣлъ, до нея относившихся, подъ Государственнымъ орломъ, съ аттрибутами власти—скипетромъ и державою, положена на столѣ гетманская булава. Съ правой ея стороны стоитъ вѣроятно самъ гетманъ съ крестомъ въ рукѣ, съ другой стороны выступаетъ какое то важное лице, держащее знамя. За ними слѣдуетъ нѣсколько человѣкъ всѣ въ Малороссійскихъ парадныхъ костюмахъ. Нѣкоторые изъ спутниковъ гетмана и свидѣтелей возведенія его въ это званіе указываютъ на Царя, въ Московскомъ гербѣ, давая тѣмъ какъ будто знать, что онъ даруетъ гетману власть (¹).

Та же форма и тѣ же изображенія, какія мы видѣли на большой печати Царя Алексѣя Михайловича, сохранились на большихъ Государственныхъ печатахъ Царя Ѳеодора Алексѣевича и первыхъ годовъ царствованія Петра Великаго. Гораздо полнѣе аттрибуты въ государственномъ гербѣ, приложенномъ къ дневнику иностранца Корба, бывшаго въ Россіи въ концѣ XVII вѣка: на персяхъ орла помѣщенъ Московскій гербъ, на правомъ крылѣ знамена Кіевское, Новгородское и Астраханское, а на лѣвомъ Владимірское, Казанское и Сибирское, а вокругъ всего герба на особыхъ щиткахъ двадцать шесть другихъ гербовъ областей и городовъ, упоминаемыхъ въ титулѣ Русскаго Царя; ему принадлежащихъ, равно какъ и тѣхъ областей, на которыя Россія имѣла притязаніе. (Табл. XVII).

Помѣщенные у Корба на крыльяхъ орла областные гербы, и въ томъ же порядкѣ перешли на Императорскую печать Петра Великаго: на однѣхъ печатяхъ въ особомъ ободочкѣ, въ другихъ на крыльяхъ орла помѣстились въ отдѣльныхъ щитахъ гербы главнѣйшихъ

(¹) Собр. Гос. Гр. IV, стр. 369.

городовъ, бывшихъ столицами Россіи, Кіева, Новагорода и Владиміра на Клязьмѣ, и трехъ Царствъ, присоединенныхъ къ Москвѣ—Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго. Какъ печати первыхъ, т. е. городовъ Русскихъ увѣнчаны коронами Императорскими, и Велико-Княжескими, такъ на гербахъ Царствъ стоятъ короны этихъ странъ (табл. XVIII, рис. 2 и 7).

Конечно, по мѣрѣ увеличенія предѣловъ Россіи должны были измѣняться и гербы, окружающіе двуглаваго орла: гербы городовъ, прежнихъ столицъ Княжествъ, уступили мѣсто гербамъ отдѣльныхъ Царствъ и Государствъ, присоединенныхъ къ Россіи, и хотя ихъ обыкновенное мѣсто было на крыльяхъ орла, какъ Московскаго на персяхъ его, тѣмъ не менѣе иногда дѣлались попытки размѣстить ихъ и иначе, но такія отступленія отъ обычнаго порядка удерживались недолго. Для примѣра указываемъ на монету Императрицы Екатерины II, 1769 года: на ней въ срединѣ представленъ государственный гербъ, безъ изображенія Московскаго знамени, а по сторонамъ, въ особыхъ щиткахъ, гербы Московскій, Сибирскій, Казанскій и Астраханскій (табл. XVI, рис. 7).

Въ настоящее время на правомъ крылѣ орла въ Государственномъ гербѣ помѣщаются три щита съ гербами Царствъ: Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, и на лѣвомъ Царствъ Польскаго, Таврическаго и Великаго Княжества Финляндскаго. Въ большой же Государственной печати, сверхъ того, вокругъ щита гербы всѣхъ прочихъ губерній и областей (¹).

Есть ли какая нибудь практическая польза для науки отъ такого подробнаго изученія исторіи Государственнаго герба? Имѣетъ ли оно какое нибудь отношеніе къ

(¹) Св. Зак. Основн. Т. I. (изд. 1842 г.) ст. 39.

археологіи и не есть ли это плодъ простаго любопытства? можетъ спросить насъ кто нибудь не близко знакомый съ дѣломъ. Оставляя въ сторонѣ, что все родное, пережившее вѣка, должно быть дорого и мило тому, кто любитъ свою родину, кто чтетъ ея святыню, мы думаемъ, что ошибки, такъ часто дѣлаемыя у насъ археологами при опредѣленіи времени, къ которому принадлежитъ тотъ или другой памятникъ, при отыскаміи мѣста, которому онъ обязанъ своимъ существованіемъ, отчасти происходятъ отъ того, что археологія наша не постановила еще твердыхъ и непреложныхъ правилъ, когда гербъ изображался такъ или иначе, въ какихъ именно случаяхъ и когда Московская печать помѣщалась отдѣльно отъ двуглаваго орла и когда онѣ слились, когда онъ сталъ держать въ позногтяхъ скипетръ и державу, съ какого времени начали его вѣнчать тремя коронами и т. д. А знать всѣ эти примѣты необходимо, потому, что Государи наши и даже частныя лица любили украшать домашнюю свою утварь, одежду, збрую, оружіе, пелены изображеніемъ орла. На вещахъ, особенно Государевой казны, не могъ не отразиться типъ, который преобладалъ на печати того или другаго правленія и составлялъ ея отличительную черту; напр. единорога въ Государственномъ гербѣ, видимъ на сѣдлахъ (въ Оружейной Палатѣ хранящихся), а на оборотной ихъ сторонѣ повторенъ двуглавый орелъ, на персяхъ его—ѣздецъ. Время, къ которому памятникъ этотъ принадлежитъ, можно опредѣлить по означенной примѣтѣ. Безусловно нельзя сѣкиръ этихъ приписывать царствованію Іоанна Грознаго, у котораго въ печати единорогъ былъ поставленъ одинъ, а оборотная сторона двуглаваго орла была безъ Московскаго *ѣздца*. Въ позднѣйшія только царствова-

нія единорогъ помѣщенъ на перьяхъ орла въ печати. Потому за недостаткомъ другихъ данныхъ, которыя могли бы противиться этому предположенію, должно отнести сѣкиры къ концу XVI или началу XVII столѣтій. Это одинъ примѣръ, а подобные случаи могутъ встрѣчаться археологу часто, и за неимѣніемъ другихъ болѣе твердыхъ и положительныхъ свидѣтельствъ, форма орла и его аттрибуты даютъ вѣрное средство дойти до истины.

Любовь къ эмблеммѣ орла была такъ велика, что для украшенія ея ничего не жалѣли. Какъ часто на памятникахъ старины нашей вы видите вмѣсто коронъ драгоцѣнные камни, вмѣсто Московскаго герба чудное бурмицкое зерно, вмѣсто державы—огромный лалъ, имѣющій ея форму и т. д. Въ этомъ отношеніи конечно давалась полная воля воображенію художника, но основный типъ того времени, когда изготовлялся орелъ, былъ неприкосновененъ и всегда твердъ. Обстоятельство это, повторяемъ, важно для опредѣленія эпохи, къ которой должно отнести памятникъ; не менѣе важно другое обстоятельство, хотя кажущееся ничтожнымъ, но могущее въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказать немаловажную услугу при розыскапіи мѣста, гдѣ сдѣлана вещь. Мы говоримъ о томъ, въ какую сторону обращенъ Московскій гербъ. По основному въ Геральдикѣ правилу, всякая живая фигура должна смотрѣть вправо, между тѣмъ у насъ въ гербѣ всадникъ на конѣ искони и всегда обращенъ въ лѣвую сторону, и конечно никакой Русскій художникъ безъ нужды не перемѣнилъ бы такого его положенія, а если на нѣкоторыхъ издѣліяхъ виденъ всадникъ, обращенный вправо, то можно навѣрное сказать, что это произведеніе не Русскаго мастера, а сдѣланное за границею, напр. на желѣзномъ кованномъ шишакѣ, вре-

менъ (какъ значится по описи) Царя Θеодора Іоанновича въ двуглавомъ орлѣ видимъ всадника на право и дѣйствительно онъ оказывается «Цесарскаго дѣла» (¹). Выше было уже замѣчено о печати Лжедимитрія съ такою же отличительною чертою. Подобныхъ примѣровъ много. Обращаемъ вниманіе на хранящійся въ Оружейной Палатѣ Царскій серебряный тронъ и на изображеніе рыцаря поверхъ сидѣнія: онъ въ латахъ, на конѣ, также поражаетъ дракона, и обращенъ вправо. Фигура его не оставляетъ никакого повода сомнѣваться въ иноземномъ происхожденіи этого замѣчательнаго памятника старины.

Не менѣе важна для науки исторія другихъ принадлежностей Русской Государственной печати. Мы переходимъ къ коронамъ.

§ 65.

Короны.

По общему правилу, въ Государственномъ гербѣ помѣщается та корона, которою Государь вѣнчается на Царство. Сообразно тому, корона Мономахова (табл. X, рис. 6), завѣщанная Византіею Русскому Царю,— корона, которой и по преданію и по значенію ея при Царскомъ вѣнчаніи оказывалось постоянное и особенное уваженіе, могла бы вѣнчать Русскаго орла. Но вмѣстѣ съ Византійскимъ гербомъ перешла въ намъ и корона, его вѣнчавшая, и въ первое время послѣ принятія этого символа она подвергалась небольшимъ лишь измѣненіямъ. Вообще на печатяхъ форма Велико-

(¹) Древн. Госуд. Росс. Отдѣл. III, № 18.

княжеской короны напоминаетъ собою вѣнцы, которые употребляются церковью нашею при совершеніи обряда бракосочетанія.

На каждой изъ главъ орла печати Іоанна III видимъ по такой зубчатой коронѣ сперва о семи, а потомъ о пяти шипахъ. ([1]) (табл. VI. рис. 4). Въ малыхъ печатяхъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго и его ближайшихъ преемниковъ она состояла изъ трехъ листьевъ ([2]) (табл. XV. рис. 1), а на большой Государственной печати Грознаго, окруженной областными гербами, возвышается одна Великокняжеская корона, (табл. XV. рис. 6) въ которую вваженъ крестъ съ надписями по сторонамъ: Іс. Хс. ([3]). Корона эта такая же, какую видимъ на шлемѣ В. К. Александра Невскаго ([4]). (табл. X. рис. 1. 2.).

Три короны являются въ первый разъ на печати начала XVII столѣтія, правленія *Лжедимитрія*. Мы уже заявили свое убѣжденіе и доказательства, почему мы думаемъ, что печать эта сдѣлана за границею мастеромъ, не близко знакомымъ съ Россіею. Двѣ маленькія короны, покоющіяся на главахъ орла, совершенно такія же, какія на печати Іоанна IV Грознаго, но корона средняя, (табл. XVI. рис. 2) большая, есть королевская и прямо соотвѣтствуетъ тому титулу Imperator, который принялъ и употреблялъ мнимый сынъ Іоанна. — Но на другой, *меньшей* печати того же лица вмѣсто средней короны видимъ большой крестъ, который встрѣчается иногда на памятникахъ XVI и XVII столѣтій.

([1]) Собр. Гос. Гр. I. стр. 347, 417, 453.
([2]) Тамъ же, Т. II. стр. 65.
([3]) Тамъ же, стр. 228.
([4]) Древности Госуд. Росс. Отд. III. № 5.

Причина помѣщенія креста на коронѣ вполнѣ объясняется образомъ воззрѣнія Православнаго Государя на Св. Церковь. Высшее осѣненіе эмблемы власти крестомъ есть идея не новая, и крестъ же возвышается на коронѣ Мономаховой, (табл. X. рис. 6). Еще яснѣе выразилась эта мысль на большой печати Іоанна Грознаго: кромѣ креста на его коронѣ въ особомъ щитѣ изображенъ еще другой крестъ, имѣющій съ боку копье и палицу съ надписью вокругъ: «древо даруетъ древнее достояніе». (Табл. XV. рис. 6). Выше была уже высказана нами и подтверждена фактами мысль, что въ Государственной печати ни одна черта небыла произвольна, и всякая въ ней эмблемма, всякая надпись была въ полномъ соотвѣтствіи съ титуломъ, который носилъ Государь и употреблялъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ по стародавнему обычаю. Мы полагаемъ поэтому, что и помѣщеніе креста въ гербѣ на печати Іоанна Грознаго не можетъ быть приписываемо ни случаю, ни произволу, а объясняется нововведеніемъ, сдѣланнымъ въ это царствованіе въ Государственномъ титулѣ; а именно вмѣсто прежняго выраженія: «*Божіею Милостью*», Іоаннъ IV начиналъ свое *Царское именованье* такъ: «Троица пресущественная и пребожественная и преблагая, правовѣрующимъ въ Тя истиннымъ крестьяномъ дателю премудрости, преневѣдомый и пресвѣтлый и *крайній Вѣрою* направи насъ на истину Твою и настави насъ на повелѣнія твоя, да возглаголемъ о людехъ твоихъ по волѣ твоей! Сего убо Бога нашего, въ Троицы славимаго, милостію и хотѣніемъ и благоволеніемъ удержахомъ скипетръ Россійскаго Царствія, мы Великій Государь и пр.» Другая формула была кратче: «Милосердія ради милости Бога нашего, въ нихъ же посѣти насъ востокъ свыше,

во еже направити ноги наша на путь миренъ, сего убо Бога нашего въ Тройцѣ славимаго милостію, мы и пр. (¹)».

Неоднократно съ тою же формою титула крестъ, вмѣсто средней короны, перешелъ на большія Государственныя печати Царей Θеодора Іоанновича (²), Лжедимитрія (³), у котораго кромѣ того по сторонамъ креста надпись: Царя славы Іс. Хс. ника, равно какъ на Государственную печать начала Царствованія Михаила Θеодоровича (⁴) (табл. XVI. рис. 1), но съ 1625 г. велѣно было помѣстить вмѣсто креста среднюю корону, и съ этого года должно считать оффиціальное введеніе въ Государственномъ гербѣ трехъ коронъ (⁵).

Какъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ сложились и объяснены прочія части Государственнаго герба, такъ и три короны, которыя до нынѣ вѣнчаютъ Русскаго двуглаваго орла, продолжали постоянно употребляться въ царствованіе этого Государя, съ тѣмъ только, что форма ихъ стала подходить ближе къ шапкѣ Мономаха. (табл. XVI. рис. 3). Короны этѣ, по выраженію одного оффиціальнаго того времени памятника, знаменуютъ «три великія: Казанское, Астраханское и Сибирское славныя царства, покоряющіяся Богохранимой и высочайшей

(¹) Наша статья: «о титулѣ Русскихъ Государей» въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1847 № 10. 11.

(²) Собр. Гос. Гр. и дог. Т. II стр. 101.

(³) Тамъ же, стр. 280.

(⁴) Фундоклея Россійскій Царственный домъ Романовыхъ. 1852. Вып. 6.

(⁵) Собр. Гос. Гр. Т. III. стр. 277, отъ 1625 года, Апр. «что у прежней нашей печати были промежъ главъ орловыхъ слова, и нынѣ у новые нашіе печати словъ нѣтъ, а надъ главами у орла Коруна». (А. Арх. Экспед. III. № 162).

Его Царскаго Величества, Милостивѣйшаго нашего Государя, державѣ и повелѣнію (1)».

Тѣ же короны остались безъ измѣненія и въ послѣдующія Царствованія до тѣхъ поръ, пока Петръ I не принялъ титула Императора (табл. XVI, рис. 3). Тогда Великокняжескія, Царскія короны замѣнены тремя, коронами Императорскими, которыя остаются въ Русскомъ Государственномъ гербѣ до настоящаго времени (табл. XVIII, рис. 2, 3, 7).

Судя строго, по коронамъ должно бы узнавать, къ какому времени относится тотъ или другой памятникъ, на которомъ осталось изображеніе этой любимой эмблемы, и иногда дѣйствительно можетъ быть полезнымъ знаніе, въ какое царствованіе начали изображать надъ двуглавымъ орломъ три короны, когда вмѣсто средней короны употреблялся крестъ, какую онъ имѣлъ форму и т. п. Знаніе всѣхъ этихъ примѣтъ важно даже для опредѣленія порядка, въ которомъ слѣдовали самыя печати, въ одно и тоже царствованіе употреблявшіяся; напр. печати Петра Великаго (табл. XVIII) отличаются одна короною Великокняжескою (табл. XVIII рис. 3), другая Королевскою (рис. 2) и третья Императорскою (рис. 7). Первыя двѣ должны быть старше послѣдней, которая исправила ошибку, допущенную во второй.

На издѣліяхъ и вообще памятникахъ не оффиціальныхъ короны имѣли форму самую разнообразную (табл. X, рис. 3, 4, 5), и такъ какъ въ нихъ не рѣдко отражался стиль короны чужеземной извѣстной эпохи, то мы думаемъ, что эта примѣта можетъ въ нѣкоторыхъ

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. IV. стр. 209. Древн. Росс. Вивліоѳика. Т. XVI, стр. 118.

случаяхъ, за недостаткомъ другихъ болѣе положительныхъ свидѣтельствъ, заслуживать нѣкотораго вѣроятія и вести къ довольно правильнымъ предположеніямъ о времени, когда и о мѣстѣ, гдѣ издѣліе заготовлено.

§ 66.

3) Надписи вокругъ печати.

Въ этомъ отношеніи всего менѣе перемѣны произошло въ Государственномъ гербѣ въ сравненіи съ Велико-Княжескою печатью. Выше было уже замѣчено, что самая печать была въ сущности не иное что, какъ титулъ Государя въ эмблемѣ, которая въ точности соотвѣтствовала пространству его власти и объему владѣній. Надпись вокругъ печати объясняла, какъ это было и прежде, чья она, какія области подчиняются Русскому Государю, и вообще соотвѣтствовала его титулу. Поэтому какъ титулъ бывалъ или полный и пространный, или краткій и малый, такъ и надпись вокругъ печати была или полная или сокращенная, и самыя печати сообразно тому носили названіе большой и малой. Конечно каждая изъ нихъ прикладывалась къ тѣмъ грамотамъ, гдѣ упоминался и соотвѣтственный царскій титулъ. Иначе нарушался бы законъ строгаго соотвѣтствія между титуломъ Государя въ грамотѣ и на печати.

Каждое правленіе должно было по необходимости имѣть свою печать, ибо измѣнялось имя Государя, и если у вновь вступившаго на престолъ Царя нѣсколько времени оставалась еще печать его предшественника, объ этомъ помѣщалось въ указѣ, который по тому случаю издавался. Но кромѣ того каждое увеличеніе титула

Государя не могло не повлечь за собою и передѣлки печати; о чемъ также извѣщалось во всеобщее свѣдѣніе; такъ въ 1625 г. Царь Михаилъ Θеодоровичь, написавъ, «что на прежней печати Государьское титло описано было не полно», и потому на новой печати прибавлено: «*Самодержецъ*», равно какъ сдѣланы измѣненія въ изображеніи герба, предписываетъ, чтобы разныя грамоты, наказы, подорожніа печатались новою печатью и уважались не иначе, какъ въ такомъ видѣ (1).

Считая лишнимъ приводить всѣ надписи, или иначе говоря излагать исторію титула Русскихъ государей, (2) мы остановимся здѣсь только на тѣхъ, въ которыхъ выразилась какая нибудь отличительная черта.

На печати В. К. Іоанна Васильевича съ той стороны, на которой изображенъ Московскій гербъ, надпись: Іоаннъ Божіею Милостію Государь всея Руси Великій Князь, а съ другой, съ изображеніемъ Государственнаго Герба — Великій Князь Владимірскій, и Московскій, и Новгородскій и Псковской, Тверской, Югорской, Вятскій, Пермскій и Болгарскій (3) (табл. VI, рис. 4).

У В. К. Іоанна IV надпись на малой печати была кратче: съ одной стороны «Иванъ Божіею Милостію Государь всея Руси», а съ другой «Великій Князь Володимерскій, Московскій, Новградскій и иныхъ» (4); но за то большая печать, съ изображеніями гербовъ областей, къ Москвѣ присоединенныхъ, носитъ на себѣ дополненный въ слѣдствіе новыхъ завоеваній титулъ Царя Рус-

---

(1) А. Арх. Эксп. III. № 168.

(2) Ссылаемся на статью нашу о *Титулѣ Государей Русскихъ* въ Ж. М. Н. П. 1847 № 10 и 11.

(3) Собр. Гос. Гр. и Дог. I стр. 347. 448.

(4) Тамъ же, I стр. 463, 586. II, стр. 65.

скаго: «Бога въ Троицѣ славимаго милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всея Руси, Владимерскій, Московскій, Новгородцкій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій, и иныхъ Государствъ и Великій Князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій». [1] (Табл. XV, рис. 6).

На малой печати Царя Θеодора Іоанновича титулъ нѣсколько измѣнился: «Феодоръ Божіею милостію Царь Государь всея Руси и Великій князь Владимерскій, Московскій и Новогородскій и Астраханскій [2]»; а въ большей его печати помѣщены всѣ безъ исключенія владѣнія, которыя не были даже упомянуты въ печати Іоанна Грознаго, ибо присоединены къ Москвѣ послѣ изготовленія Іоанновой печати. Чтобы не приводить весь этотъ обширный титулъ, обращаемъ вниманіе на конецъ надписи..... «и всея Сибирскія земли и сѣверныя страны повелитель и многихъ земель Государь и обладатель [3]». Титулъ этотъ такъ обширенъ, что въ три строки едва умѣстился вокругъ обѣихъ сторонъ Государственной печати, носящей одно и тоже изображеніе—двуглаваго орла съ гербомъ Московскимъ на персяхъ.

Большая печать Дмитрія по надписи ничего замѣчательнаго не представляетъ [4]; надпись же вокругъ малой кратка и должна значить: «*Дмитрій Ивановичь Божьею милостью Царевичь Московскій.*»—(табл. XVI, рис. 2) [5].

---

[1] Тамъ же, II, стр. 228.

[2] Тамъ же, Т. I, стр. 596.

[3] Тамъ же, Т. II. стр. 101.

[4] Тамъ же, стр. 260.

[5] Тамъ же, стр. 162. На снимкѣ печати (таб. XVI, рис. 2) сохранена орѳографія подлинника.

Любопытно бы знать, какую надпись носила *земская печать*, замѣнявшая Государственную во время междуцарствія и упоминаемая въ грамотѣ, данной въ 1613 году бояриву и воеводѣ Князю Димитрію Тимоѳеевичу Трубецкому на отчину Вагу отъ Россійскихъ архіереевъ и бояръ ([1]).

Государи благословеннаго дома Романовыхъ въ сущности не измѣняли надписи вокругъ своей печати. На малой печати Царя Михаила Ѳеодоровича, представляющей отдѣльно гербъ Московскій отъ двуглаваго орла, вокругъ перваго изображенія читаемъ: «Божіею милостію Великій Государь Царь и Великій князь Михаилъ Ѳеодоровичь,» а вокругъ втораго: «всея Русіи Самодержецъ и многихъ Госнодарствъ Госнодарь и обладатель» ([2]).

Вокругъ печатей Царей Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича надписи удерживаютъ тотъ же типъ, но титулъ обобщается и Государь называетъ себя: «Царемъ и Великимъ княземъ Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи, странъ Восточныхъ, Западныхъ и Сѣверныхъ отчичемъ и дѣдичемъ, Государемъ и обладателемъ ([3])».

Впрочемъ эти общія выраженія, оставшіяся въ сущности безъ измѣненія какъ въ царствованіе Государя В. Князя Алексѣя Михайловича, такъ и въ послѣдующія

([1]) Выписываемъ конецъ этой замѣчательной грамоты: «а на большое утвержденіе дали есмя сію грамоту въ Соборной и Апостольской церкви пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея успенія у чудотворнаго Ея образа Владимирскаго, еже написа Божественный Евангелистъ Лука и у многоцѣлебныхъ чудотворныхъ мощей Московскихъ чудотворцъ Петра и Іоны и руки свои есмя къ той грамотѣ приписали и печать земскую приложили, что быти крѣпко и стоятельно и непремѣнно на вѣки.» *Миллера* извѣстіе о дворянахъ Русскихъ. Спб. 1790. стр. 133.

([2]) Тамъ же, Т. III, стр. 277.

([3]) Тамъ же, Т. IV, стр. 253. 369.

правленія, въ подробностяхъ измѣнялись съ каждымъ новымъ пріобрѣтеніемъ, съ каждою побѣдою. Въ подтвержденіе приводимъ оффиціальное описаніе печатей Царя Алексѣя Михайловича съ подробнымъ означеніемъ того, въ чемъ заключалось различіе между ними.

Всѣхъ государственныхъ печатей, оставшихся въ Посольскомъ приказѣ отъ времени Царя Алексѣя Михайловича, было девять. Большая государственная серебряная печать, сдѣланная по Андрусовскому перемирію «съ Государскимъ именованіемъ и съ короткими титлами.» Такая же точно оловянная печать, которая въ послѣдствіи передѣлана на имя Царя Θеодора Алексѣевича, пока новая печать не была одѣлана. Далѣе печать большая съ стебелькомъ, серебряная, съ полнымъ титуломъ, но безъ выраженія *Бѣлой Россіи*, а прибавлено: «*Полоцкій, Витебскій, Мстиславскій*». Такая же печать, но съ прибавкою: «*Литовскій*, *Черниговскій*, *Полоцкій*, *Витебскій*, *Мстиславскій*». Еще печать, въ которой, въ сравненіи съ первою, нѣтъ: «*Бѣлой Россіи*, *Смоленскаго*,» а прибавлено: «*Черниговскій*».—На иной Государственной серебряной же печати, большой съ стебелькомъ, пропущено: *Великой*, *Малой*, *Бѣлой Россіи*, равно какъ: *Кіевскаго* и *Смоленскаго*, и кромѣ того въ началѣ поставлено *Владимірскій*, а *Московскій* послѣ. Наконецъ большая оловянная печать съ полнымъ титуломъ, въ которомъ прибавлено: *Литовскій*, *Волынскій*, *Подольскій*, *Полоцкій*, *Витебскій*, *Мстиславскій*» [1]. Титулу, въ которомъ выражался объ-

[1] Указъ 1682 года Апр. 29 (№ 915) Имен. съ боярскимъ приговоромъ. Ср. въ XVI. Т. древн. Росс. Вивліоѳ. «Книгу, а въ ней собраніе, какъ въ прошлыхъ годѣхъ Великіе Государи, Цари и Великіе Князи Русскіе, . . . писали въ грамотахъ ко окрестнымъ Великимъ Государемъ Христіанскимъ и къ Мусульманскимъ и какими печатьми грамоты печатаны.» стр. 86—119. Рукописи Царскаго. М. 1848. стр. 652. 653.

[illegible] въ XVI и XVII [illegible] 1667 г. [illegible] Россіею [illegible] Смоленскъ [illegible] Царя Алексѣя Михайловича, [illegible] Петра Алексѣевича: «Божіею милостію мы [illegible] Великій Государь и Великій Князь Петръ Алексѣевичь всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ: Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, и царь Сибирскій, Государь Псковскій, Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій и всея Сѣверныя страны повелитель, и Государь Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей, и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ многихъ Государствъ и земель Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ Отчичь и Дѣдичь и Наслѣдникъ и Государь и

Обладатель» (табл. XVI, рис. 3). На рисункѣ, Корбомъ въ его дневникѣ оставленномъ, всякое областное наименованіе олицетворено въ гербѣ. По этому мы находимъ здѣсь и armes de prétention, гербы Иверскій, Карталинскій, Черкасскій, Кабардинскій и Свейскій (табл. XVII).

Печати, сдѣланныя послѣ провозглашенія Петра 1-го Императоромъ, носятъ различныя надписи: «Петръ Алексѣевичь, Царь и Самодержецъ всероссійскій и всея сѣверныя страны повелитель», или: «Петръ первый Божіею Милостью царь и повелитель всероссійскій.» (Табл. XVIII, рис. 7) (1).

За тѣмъ въ каждое царствованіе измѣнялась печать въ той мѣрѣ, въ какой требовало того измѣненіе титула и имени Императора или Императрицы (2).

Но не раньше 1726 года опредѣлено въ какомъ полѣ быть какому изображенію въ Государственномъ гербѣ: указомъ этого года о приготовленіи золотой Государственной печати объяснено, чтобы орелъ съ распростертыми крыльями былъ въ желтомъ полѣ, а ѣздецъ въ красномъ (3).

§ 67.

Ненарушимость печати. Печатники, Оберегатели Государственной печати. Печатный приказъ.

Государственная печать, въ опредѣленной формѣ приложенная, свидѣтельствовала объ утвержденіи того или

(1) Указъ 1721 г. Дек. 6 (№ 3861, Сенатскій.

(2) 1725 г. Фев. 17 (№ 4657) Сенатск.; 1741 г. Ноября 25 (№ 8474) п. 18, 12. 1762 г. Іюня 28 (№ 11.583) Сен. Іюля 3 (№ 11.591) Сен. п. 6. 1799 г. Авг. 19 (№ 10.089) имен.

(3) 1726 г. Марта 11 (№ 4850) Сенатскій.

другаго распоряженія Верховною властію, о дарованіи ею извѣстныхъ правъ, и потому какъ съ одной стороны форма печати, изображеніе и надписи на ней были тверды, какъ далѣе обычаемъ и закономъ было опредѣлено, къ какимъ актамъ, когда, какая печать прилагается, такъ съ другой стороны строгое наказаніе ждало каждаго, кто незаконно воспользовался бы довѣріемъ, соединеннымъ съ Государственною печатью и подделалъ ее или приложилъ къ актамъ, мимо узаконенныхъ властей.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича установило смертную казнь для всякаго, кто или подделаетъ Государственную печать или отнявъ печать отъ бумаги, къ которой она приложена, перенесетъ ее на «*воровскія* и *нарядныя*» грамоты ([1]). Съ одинаковою строгостью Петръ 1-й преслѣдовалъ поддѣлывателей Государственной печати: ихъ лишали живота и имѣнія ([2]). Послѣдующее законодательство наше видитъ въ поддѣлкѣ Государственной печати одно изъ тягчайшихъ преступленій и наказываетъ его самыми строгими мѣрами, соображаясь конечно съ степенью проявленія въ каждомъ частномъ случаѣ преступной воли лица и со вредомъ, Государству нанесеннымъ ([3]).

При такомъ уваженіи къ Государственной печати, которое ей по всѣмъ правамъ принадлежало, необходимо было лице или учрежденіе, которое бы наблюдало за правильнымъ приложеніемъ ея и вмѣстѣ съ тѣмъ охра-

---

([1]) Уложеніе 1649 г. Гл. IV ст. 1, 2.

([2]) Воинскіе артикулы 1716 г. Марта 30 (№ 3006) ст. 201. Морской Уст. 1720 г. Генв. 13 (№ 3485) Кн. V. Гл. 18 ст. 136. Генер. Реглам. 1720 г. Февр. 28 (№ 3534) гл. 13.

([3]) Св. Зак. Угол. Т. XV (изд. 1842 г.) ст. 497, 498. Уголовн. Улож. 1845 г. ст. 323.

вляло ея неприкосновенность, оберегало ее.—Для этой цѣли существовали въ древней Руси печатники, а въ послѣдствіи времени образовался печатный приказъ.

Первыя извѣстія о печатникѣ довольно древни и относятся къ половинѣ XIII столѣтія. Значеніе этого должностнаго лица объясняется тѣмъ, что въ древней Руси Великіе Князья сами не подписывали бумагъ: онѣ писались отъ имени Великаго Князя, а печатникъ утверждалъ ихъ печатью (1), надпись на которой ясно свидѣтельствовала, чья она. Приложеніе такой печати считалось достаточнымъ доказательствомъ согласія В. Князя на то или другое распоряженіе. Выраженіе: «а сесь списокъ велѣлъ есми подписати печатнику и печать свою приложилъ» (2), обыкновенно въ нашей древней оффиціальной переписке. Очевидно, что къ лицу печатника Великій князь долженъ былъ питать неограниченное довѣріе, и потому тогда, когда должности на Руси еще не были строго разграничены, на печатника переносились нерѣдко обязанности, ему чуждыя, напр. Великій Князь поручалъ ему храненіе своихъ сокровищъ (3). Вмѣстѣ съ другими государственными людьми и печатникъ призывался В. Княземъ къ совѣщанію въ особенно важныхъ случаяхъ, (4) далѣе онъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ (5) и т п. Тѣмъ не менѣе главною его обязанностью оставалось прикладывать къ равнымъ грамотамъ,

(1) *Успенскаго* Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ Т. I стр. 162. Собр. лѣтоп. Т. II. стр. 179, 180.

(2) Собр. Гос. Грам. и дог. Т. I, стр. 304, 305, 416.

(3) Въ духовной грамотѣ В. Князя Іоанна Васильевича читаемъ: «а тѣ лари стоятъ въ моей казнѣ у моего казначея . . . да у моего печатника.» Собр. Гос. Гр. 1 стр. 399 ср. 547.

(4) Тамъ же, стр. 549. Ср. Лѣтоп. Т. II, стр. 179.

(5) *Карамзинъ* И. Г. Р. Т. IV, стр. 15.

отпискамъ, судебнымъ актамъ и др. бумагамъ печати и сбирать за это установленныя пошлины. (1).

Въ печатники избирались лица *наслѣданныя*, по выраженію знаменитаго печатника Ордына-Нащокина (2), *простотою и разумомъ:* личное довѣріе Государя опредѣляло выборъ этого приближеннаго къ нему лица. Поэтому въ запискѣ, составленной въ началѣ XVII столѣтія (1610—1613), о Царскомъ дворѣ, церковномъ чиноначаліи, придворныхъ чинахъ пр. и было упомянуто, что «печать большую держитъ, кому Государь пожалуетъ велитъ.» (3) И дѣйствительно въ правленіе Димитрія Іоанновича Донскаго былъ избранъ въ Велико-княжескіе духовники и печатники священникъ села коломенскаго Митяй, отличавшійся умомъ, познаніями, краснорѣчіемъ и другими качествами (4). Ему поручено было управленіе иностранными дѣлами, а высшія должности въ церковной іерархіи и наконецъ санъ Митрополита были наградою за дѣятельность Митяя на этомъ поприщѣ (5).

При В. Князѣ Іоаннѣ III печатникомъ былъ Юрій Тракаміотъ, родомъ Грекъ, тотъ самый, который присланъ былъ къ нему отъ Кардинала Виссаріона съ предложеніемъ руки Софіи Ѳоминишны Палеологъ. Онъ, оставшись въ службѣ Велико-княжеской, неоднократно отправляемъ былъ съ важными порученіями, въ качествѣ посла, къ Цесарямъ Фридерику и Максимиліану 1-му (6).

---

(1) А. Истор. Т. I № 153 ст. 42, 43, 44.

(2) *Терещенко.* Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностр. дѣлами въ Россіи. Т. I. Спб. 1837. стр. 60.

(3) А. Истор. Т. II, стр. 423.

(4) *Карамзинъ* V стр. 30.

(5) *Терещенко* въ о. и. стр. 3, 4.

(6) Тамъ же, стр. 5.

Случаи, въ которыхъ требовалось приложеніе Великокняжеской, царской, Государственной печати были такъ разнообразны, что для дѣятельности печатника трудно положить предѣлы. Его участіе было необходимо повсюду, но такъ какъ печатью же утверждались договоры съ иностранными Государями, то завѣдываніе посольскими дѣлами составляло одну изъ главныхъ обязанностей этого Государственнаго лица. Съ расширеніемъ дипломатическихъ сношеній Россіи являлась большая и большая потребность въ приготовленныхъ къ занятію этого мѣста лицахъ. Выборъ падалъ обыкновенно на дьяковъ, людей, вполнѣ преданныхъ Царю, бравшему ихъ по большей части изъ низшихъ классовъ общества, дьяковъ, отличавшихся своимъ образованіемъ и способностями. Сидя въ приказахъ, отправляясь въ посольства при боярахъ, присутствуя при пріемѣ иностранныхъ пословъ Русскимъ дворомъ, они пріобрѣтали практику, которая приготовляла ихъ къ званію думныхъ дьяковъ и печатниковъ. Царь и бояре не пренебрегали совѣтомъ этихъ опытныхъ и испытанныхъ людей. Исторія наша пока молчитъ объ Олмазѣ Ивановѣ, Грамотинѣ, о Лихачевѣ, о Щелкаловыхъ и др. думныхъ дьякахъ, которые тѣмъ не менѣе такъ успѣшно окончили не одну войну выгоднымъ для Россіи миромъ, одѣлали не одно улучшеніе въ законодательствѣ и во внутреннемъ управленіи отечества нашего. Настанетъ время, когда Россія съ гордостью укажетъ на этихъ дѣльцевъ, на древнихъ дипломатовъ Московскаго двора.

При Іоаннѣ IV печатникомъ былъ Иванъ Михайловичъ Висковатой, за нимъ слѣдовалъ Романъ Васильевичъ Олферьевъ, но выше всѣхъ предыдущихъ были думные дьяки Андрей и Василій Яковлевичи Щелкаловы, которыхъ

встрѣчаемъ на дипломатическомъ, Государственномъ поприщѣ въ теченіе 60 лѣтъ при Іоаннѣ Грозномъ, Θеодорѣ Іоанновичѣ и Годуновѣ. Читая дипломатическія сношенія Россіи того времени убѣждаешься въ значеніи, которое имѣлъ у насъ въ этихъ случаяхъ печатникъ. Гонцы и послы прежде представленія своего Государю показывали грамоты печатнику, который опытнымъ своимъ взглядомъ рѣшалъ, въ какой степени они соотвѣтствуютъ достоинству Русскаго Царя, правильно-ли написанъ титулъ, «по пригожю ли и по прежнему обычаю» привѣшена печать (а не приклеена) и т. п. (1). Его голосъ долженъ былъ рѣшить эти предварительные вопросы. Оффиціальныя свидѣтельства не оставляютъ никакого сомнѣнія, что печатникъ иногда и самъ велъ иностранную переписку конечно не по самымъ важнымъ дѣламъ и на его имя присылались отвѣты въ Посольскій приказъ (2). Кромѣ того иностранные торговые люди и промыслы ихъ были подвѣдомы тому же лицу, печатнику (3).

Думный дьякъ Андрей Щелкаловъ принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ, которые Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный велъ съ Даніею и Литвою. — Самыя чувствительныя струны Московской дипломатіи были затронуты опроверженіями, которыя иностранные дворы представляли противъ притязаній Русскаго Царя, но печатникъ умѣлъ отстоять ихъ и внушить иностраннымъ посламъ уваженіе къ Русскому Государю. Англичане, которымъ Царь Іоаннъ Васильевичъ даровалъ ос-

(1) Памятники дипломатич. сношеній древн. Россіи Т. II, стр. 25—27, 284.

(2) Тамъ же, стр. 648.

(3) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. II, стр. 151, 152.

ронныя торговыя привиллегіи въ Россіи, нашли себѣ въ Щелкаловѣ умнаго противника, понимавшаго всѣ невыгоды для Русскихъ торговыхъ людей, отъ такого предпочтенія проистекавшія. Не разъ пытались Англичане лишить царскаго довѣрія ненавистнаго для нихъ Щелкалова, но всѣ ихъ происки были безуспѣшны. Царь, уважая его способности и опытность, въ награду за его труды, даровалъ ему новый и лестный титулъ— *Ближняго Дьяка*, а по смерти Андрея Щелкалова (1595 г.) печатникомъ назначенъ братъ его Василій Щелкаловъ, и не было ни одного важнаго въ тогдашней Россіи событія, ни одного государственнаго предпріятія, которое бы обошлось безъ участія этого замѣчательнаго человѣка, а засѣдая въ Думѣ, Щелкаловъ своимъ значеніемъ и вліяніемъ на дѣла много содѣйствовалъ Борису Годунову въ возведеніи его на престолъ. Опасенія заставили Годунова удалить Щелкалова отъ дѣлъ; но Лжедимитрій, ссылаясь на Щелкаловыхъ, будто бы они спасли его отъ ярости Годунова и подмѣнили другимъ ребенкомъ, вызвалъ Андрея Щелкалова къ своему двору, возвратилъ ему прежній санъ и возвелъ въ окольничьи (1).

По смерти Щелкалова посольскими дѣлами управляли дьяки: *Сутуновъ* и *Афонасій Власьевъ*. Послѣдній отличался гибкимъ умомъ, и за услуги, оказанныя Лжедимитрію при возведеніи его на Русскій престолъ, получилъ отъ него званіе *Великаго Секретиря* и *Надворнаго Подскарбія:* онъ принималъ постоянное участіе въ государственныхъ распоряженіяхъ Лжедимитрія.

По убіеніи Самозванця (1606 г.), Власьевъ былъ сосланъ на воеводство въ Уфу. При Царѣ Василіи Іоанно-

(1) *Терещенко*, тамъ же, стр. 5—10.

вичѣ Шуйскомъ дѣлами посольскаго приказа занимались: посольскій дьякъ *Василій Телепневъ*, печатникъ и думный дьякъ *Өедоръ Андросовъ*, потомъ въ товарищи къ нему поступилъ посольскій дьякъ Өедоръ *Алексѣевичъ Третьяковъ*. Выше всѣхъ ихъ былъ печатникъ при Царѣ Михаилѣ Өедоровичѣ, *Иванъ Тарасьевичъ Грамотинъ*. Онъ пользовался преимуществомъ (какъ извѣстно для происшедшихъ отъ лицъ небоярскаго званія важнымъ) писаться *вичемъ* (1) и принималъ участіе, какъ лице дѣйствующее, въ пріемѣ пословъ иностранныхъ державъ и переговорахъ съ ними (2). Но зависть очернила его въ глазахъ Государя: подкинуто было во дворецъ безъименное письмо, будто Грамотинъ носилъ волшебный перстень. Онъ былъ сосланъ въ Алатырь (1619 г.), откуда вызванъ обратно къ званію печатника въ 1634 году. По смерти его (1635 г.) вступилъ въ управленіе иностранными дѣлами думный дьякъ Михаилъ *Даниловъ*, а помощниками его были дьяки *Матюшкинъ* и *Лихачевъ*. Послѣдній, достигнувъ званія думнаго дьяка въ 1641 году, былъ утвержденъ въ должности печатника и начальника посольскаго приказа.

Өедоръ Өедоровичъ *Лихачевъ* (3), кромѣ участія въ дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ другими государствами, встрѣчается въ качествѣ докладчика на соборѣ, бывшемъ при Царѣ Михаилѣ Өедоровичѣ въ 1642 году, для разсужденія о томъ, должно ли удержать за Россіею Азовъ или отдать его обратно Туркамъ (4).

---

(1) А. Истор. III, стр. 329, № 185. Собр. Гос. Гр. II, стр. [illegible]

(2) А. Истор. III, N 182, 185. А. Арх. Экспед. I, N [illegible]

(3) А. Истор. Т. III, № 219, 239.

(4) Собр. Гос. Гр. Т. III, стр. 378, 405. Ср. Древн. Россійская Вивл. VI, стр. 247.

и кромѣ того предсѣдательствовалъ въ Новгородскомъ Приказѣ, гдѣ въ послѣдствіи времени ту же должность занималъ оберегатель Государственной печати Князь Василій Васильевичъ Голицынъ ([1]).

Съ увольненіемъ Лихачева поступили на его мѣсто думный дьякъ *Григорій Львовъ*, за нимъ *Назаръ Ивановичъ Чистой*, подавшій поводъ преступнымъ своимъ корыстолюбіемъ къ мятежу въ Москвѣ, во время котораго онъ и былъ умерщвленъ (1648 года). Преемникомъ его былъ печатникъ *Олмазъ Ивановъ*, пользовавшійся за познанія и дѣятельность свою общимъ уваженіемъ ([2]).

Изъ списка лицъ, занимавшихъ у насъ должность печатниковъ, видно съ одной стороны, какъ разнообразны были ихъ занятія и какое важное вліяніе имѣли они на ходъ государственныхъ дѣлъ. При всемъ томъ непремѣнною обязанностью печатника оставалось приложеніе Государственной печати разной величины и въ разныхъ видахъ. Должность эта считалась необходимою и потому оставлена въ проектѣ устава, при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ составленномъ о служебномъ старшинствѣ бояръ. Въ замѣчательномъ этомъ памятникѣ печатникъ опредѣленъ такъ: «онъ всегда нашего Царскаго Величества имѣетъ на выѣ своей печать и досирая печатаетъ наши Государскіе грамоты, чтобы въ нихъ не было ничего противно нашимъ Царскимъ законамъ» ([3]).

Съ расширеніемъ дипломатическихъ сношеній Россіи образовался *посольской приказъ*. Такъ какъ подъ вѣдо-

---

([1]) А. Арх. Экспед. Т. III, № 312, 314, 318. Т. IV, № 202. А. Истор. V, № 151 стр. 254.

([2]) *Терещенко*. I, стр. 11—14.

([3]) *Милючевъ* Архивъ историкоюридич. свѣдѣній, относящихся до Россіи. Т. I, М. 1850. Отд. II, стр. 83.

ромъ и вѣдѣніемъ его прилагалась Государственная печать къ разнаго рода трактатамъ и вообще дипломатическимъ бумагамъ, то въ этомъ же присутственномъ мѣстѣ были вѣдомы большая и малая Государственныя печати (1). Но кромѣ того посольскій же думный дьякъ вѣдалъ *печатный приказъ*: въ немъ собственно прикладывалась Государева печать къ разнаго рода грамотамъ и отпискамъ, которыя посылались въ города Московскаго Государства по Царскому указу или по челобитью частныхъ лицъ. Естественно, что этому же мѣсту былъ подвѣдомъ и сборъ пошлинъ за прикладываніе печата по положенію, подробно опредѣленному закономъ. По выраженію Котошихина, «бываетъ та печать у думнаго дьяка безпрестанно повѣшена на вороту и въ дому; а вырѣзано на той печати орелъ двоеглавой, въ середи Царь на конѣ побѣдилъ змія, около подпись Царскаа титла самая короткая, а величиною та печать будетъ немного больши ефимка Любскаго кругомъ» (2).

Со второй половины XVII столѣтія дипломатическія сношенія отечества нашего постоянно расширяются и касаются вопросовъ самыхъ живыхъ и важныхъ. Можетъ быть для того, чтобы придать большее значеніе лицу, стоявшему во главѣ управленія посольскими дѣлами, или чтобы сравнять его съ лицами, занимавшими ту же должность въ иностранныхъ государствахъ, Русскій Царь ставитъ подлѣ себя оберегателя Царственныя большія печати и Государственныхъ посольскихъ дѣлъ. Такой человѣкъ, какъ *Аѳонасій Лаврентьевичь Ордынъ-*

(1) *Котошихинъ*, стр. 69.

(2) *Котошихинъ*, стр. 90. *Карамзинъ* V, прим. 54: «того ради Матвѣй избранъ бысть изволеніемъ Великаго Князя во отъчестве и въ печатники, иже на себѣ ношаше печать Князя Великаго».

Нащокинъ, не могъ не оправдать Царскаго выбора, и этотъ геніальный дипломатъ охранялъ выгоды Россіи и политику двора Московскаго много лѣтъ.

Переговоры его съ Даніею и Швеціею о предѣлахъ Россійскихъ владѣній и о титулѣ, который долженъ принадлежать Русскому Царю: «Литовскій и Бѣлыя Россіи и Повелитель Востока, Запада и Сѣвера» обнаруживають въ немъ тонкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ твердаго Государственнаго человѣка, неотступавшаго до послѣдней крайности отъ притязаній, на законномъ правѣ основанныхъ. Но незабвенны для каждаго Русскаго должны быть заслуги Ордына-Нащокина при заключеніи имъ Андрусовскаго съ Польшею мира (1667 г.): Русской Державѣ возвращены были владѣнія, принадлежавшія ей со временъ Владиміра Святаго,—владѣнія, безъ которыхъ Россія не могла считать сердца своего Москвы обезпеченнымъ отъ непріятельскихъ нападеній и за которыя было пролито столько крови. Смоленское Княжество, Сѣверія, вся Украйна на восточной сторонѣ Днѣпра, Кіевъ съ окрестностями и вся Малороссія округлили Россію и придали ей то могущество, которымъ она до тѣхъ поръ не пользовалась. Самъ Царь Алексѣй Михайловичъ, успокоившись отъ внѣшней борьбы, началъ заботиться о направленіи огромныхъ силъ Россіи къ благой цѣли. Петръ Великій довершилъ начатое мудрымъ Его родителемъ.

Чинъ *ближняго боярина* и *дворецкаю* былъ наградою для Ордына-Нащокина за его государственную дѣятельность, но клевета не пощадила и его: Нащокинъ удалился въ *Крыпецкій* (близъ Пскова) монастырь, откуда онъ, инокъ, еще разъ былъ вызываемъ по случаю переговоровъ съ Польшею о продолженіи Андрусовскаго мира.

Счастливый успѣхъ увѣнчалъ и это послѣднее дѣло его, по окончаніи котораго онъ снова удалился въ монастырь, гдѣ и предался своимъ обязанностямъ къ Богу и Церкви. Но и здѣсь Царь совѣтовался съ нимъ нерѣдко о политическихъ дѣлахъ.

Въ 1680 году скончался этотъ замѣчательный человѣкъ, и бюстъ его, поставленный на фронтонѣ Оружейной Палаты, свидѣтельствуетъ объ уваженіи, которымъ почтили его соотечественники (1).

Когда Ордынъ-Нащокинъ уклонился отъ службы, въ преемники ему избранъ *Артамонъ Сергѣевичь Матвѣевъ* съ тѣмъ же титуломъ, который былъ пожалованъ его предшественнику. Молодость свою Матвѣевъ провелъ при дворѣ и въ военной службѣ. Особенно отличился онъ при переговорахъ съ Запорожскимъ Гетманомъ Хмѣльницкимъ (1653 г.), и по изъявленіи Малороссіею желанія присоединиться къ державѣ великаго Царя Русскаго, Матвѣевъ былъ отправленъ въ Чигиринъ, столицу Малороссійскихъ казаковъ, съ объявленіемъ, что Царь соизволяетъ на просьбу Малороссіи и ея гетмана. Это, можно сказать, было началомъ дипломатическаго поприща Матвѣева, но не менѣе удачно дѣйствовалъ онъ и мечемъ противъ Поляковъ, нежелавшихъ безъ боя уступить намъ Украйну. По ближайшему знакомству его съ дѣлами Малороссіи, ему порученъ въ управленіе Малороссійскій приказъ. Быстрое возвышеніе его въ 1671 г. въ думные дворяне доказываетъ, въ какой мѣрѣ Царь былъ доволенъ его дѣятельностью. Въ это то время онъ назначенъ въ должность оберегателя Царскія большія печати съ порученіемъ управлять Посольскимъ прика-

(1) *Терещенко*, Т. 1, стр. 27—68.

зомъ, который при немъ переименованъ *въ Государственный приказъ посольской печати*. Тогда открылось для Матвѣева широкое поприще государственной дѣятельности, на которомъ онъ неоднократно имѣлъ случай оправдать довѣріе къ нему Царя и отстоять честь и достоинство Русскаго имени. Дипломатическія сношенія съ Польшею и Швеціею укрѣпили прежде заключенные съ ними договоры и упрочили неприкосновенность отечества нашего съ этой стороны, а договоръ съ Черкесскимъ Княземъ Касбулатомъ Муцаловичемъ послужилъ къ охраненію южныхъ предѣловъ Россіи отъ грабежей Крымскихъ Татаръ. Кромѣ того Матвѣевъ съ пользою управлялъ общирнѣйшимъ Новгородскимъ приказомъ и во всѣхъ подвѣдомственныхъ этому учрежденію областяхъ и городахъ возбуждалъ промышленость и торговлю.

Заслуги Матвѣева были награждены въ 1672 году званіемъ окольничаго, а въ 1674 году онъ почтенъ чиномъ боярина и дворецкаго съ титуломъ Серпуховскаго намѣстника; но съ кончиною Царя Алексѣя Михайловича измѣнилось положеніе и Матвѣева: его обвинили въ любостяжаніи, волшебствѣ и чернокнижничествѣ. Въ слѣдствіе того онъ удаленъ отъ двора и посланъ на воеводство въ Верхотурье, но на дорогѣ остановленъ и отправленъ въ ссылку въ Пустозерскъ. Здѣсь онъ подвергался безчисленнымъ лишеніямъ и оскорбленіямъ, и хотя ему суждено было услышать о своемъ возвращеніи въ Москву въ послѣдніе дни правленія Царя Θеодора, но и возвращеніе его было, какъ будто, необходимо только для того, чтобы смертью запечатлѣть свою преданность Россіи и ея Государямъ.—Въ 1682 году онъ убитъ во время мятежа стрѣльцовъ, защищая Царицу отъ бунтовщиковъ. Та-

кимъ образомъ всю жизнь до послѣдней минуты Матвѣева одушевляло исполненіе священнаго долга (¹).

Преемникомъ его былъ ближній бояринъ и намѣстникъ Обдорскій *Василій Семеновичъ Волынскій;* но во время стрѣлецкаго бунта онъ отказался отъ управленія Посольскимъ Приказомъ. Уѣзжая, онъ тогда же возвратилъ носимую имъ на шеѣ царскую серебряную печать. Она доднесь хранится въ Главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. На лицевой сторонѣ ея изображенъ воинъ на конѣ, пронзающій копіемъ дракона и вокругъ подпись: «Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Θеодоръ Алексѣевичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ господарствъ Государь и обладатель». Оборотная сторона печати гладкая (²).

Въ 1682 г. Ближній бояринъ Князь Василій Васильевичь Голицынъ пожалованъ въ санъ: «Царственныя большія печати и Государственныхъ великихъ дѣлъ оберегателя» (³). Молодость свою онъ провелъ, подобно Матвѣеву, на военномъ поприщѣ въ дѣйствіяхъ противъ Запорожцевъ и Поляковъ. Ему же было поручено Царемъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ войти въ подробное разсмотрѣніе состоянія Русскаго войска и найти средства для того, чтобы оно въ нуждѣ могло дѣйствовать

(¹) Біографія Матвѣева, довольно подробная, но, къ сожалѣнію, безъ должной оцѣнки его дипломатическаго поприща, написана покойнымъ Малиновскимъ и напечатана въ 7-мъ Томѣ Трудовъ и Лѣтописей Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1837 стр. 57. Полнѣе у *Терещенко* Т. I, стр. 71—120. Ср. Павла *Львова* — Бояринъ Матвѣевъ. Спб. 1815 г.

(²) Лѣтоп. и труды Московскаго Общества Исторіи и древн. Росс. Т. VII, стр. 67. *Терещенко* Т. I, стр. 123—130.

(³) Собр. Госуд. Грам. и Дог. IV. 164.

успѣшнѣе. Князь Василій Васильевичъ донесъ, что этого усовершенствованія можно достигнуть не иначе, какъ съ уничтоженіемъ мѣстничества. Высшій совѣтъ духовенства и бояръ, убѣдясь, согласно волѣ Царя, во вредѣ, отъ мѣстничества проистекавшемъ, рѣшилъ сжечь «*случаи съ мѣсты, чтобы у всякихъ дѣлъ быть всѣмъ межъ себя безъ мѣстъ*». Событіе это важно въ исторіи геральдики нашей, какъ начало, когда выѣзжіе роды, вмѣстѣ съ своими родословными, стали представлять и доказательства о томъ, что имъ издавна принадлежатъ извѣстные гербы: въ наведеніи справокъ, описаніи и утвержденіи гербовъ видно особенное участіе Князя Василія Васильевича Голицына.

По смерти Царя Θеодора Алексѣевича, Правительница Россіи Софія Алексѣевна пожаловала князя Голицына, какъ ближайшаго къ ней человѣка, въ оберегатели Государственной печати, и въ теченіе семи лѣтъ онъ былъ высшимъ сановникомъ въ Государствѣ. Не обинуясь можно сказать, что всѣ распоряженія, усовершенствованья и нововведенія, сдѣланныя у насъ въ эту эпоху, или задуманы или исполнены имъ ([1]). Рядъ трактатовъ съ сосѣдними державами служитъ доказательствомъ политическихъ свѣдѣній Голицына, но, къ сожалѣнію, имя его помрачается съ одной стороны отзывомъ современниковъ о приверженности, оказанной имъ къ Швеціи, которая въ бѣдственныя времена отторгла отъ Россіи Лифляндію, Ингрію и Карелію со всѣми городами

([1]) Біографія Кн. В. В. Голицына написана покойнымъ Малиновскимъ въ VII. Т. Лѣтописей и Трудовъ Московск. Общ. Исторіи и Древн. Росс. стр. 68—85. Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. IV. стр. 519. Временникъ Моск. Общ. Ист. и древн. Росс. Т. V. Смѣсь стр. 1—10. Древн. Росс. Вивліоѳ. Т. XVII. стр. 208, 209. Терещенко Т. I. стр. 131—178.

и портами въ Балтійскомъ морѣ, съ другой дѣйствіями его вмѣстѣ съ Великою Княжною Софьею Алексѣевною противъ Петра, равно какъ походомъ князя Голицына на Поляковъ, походомъ, за который такъ щедро награжденъ самъ оберегатель Государственной печати и его сподвижники. Неудачный походъ на Крымъ и подозрѣніе въ участіи въ заговорѣ Шакловитаго совершенно уронили Князя Василія Васильевича Голицына въ глазахъ Царя Петра Алексѣевича. Онъ былъ лишенъ «чести боярства», сосланъ въ ссылку, а «помѣстья и вотчины и дворы Московскіе и животы описаны и розданы въ раздачу».

На этомъ оберегателѣ Государственной печати должна остановиться исторія печатниковъ, какъ людей, соединявшихъ въ своемъ лицѣ съ большимъ знаніемъ дѣла и извѣданною опытностью огромное вліяніе на внѣшнія и на внутреннія дѣла Россіи. При Петрѣ Великомъ прежній порядокъ вещей измѣненъ и въ этомъ отношеніи. Древній посольскій приказъ переименованъ въ Посольскую Канцелярію, президентомъ которой назначенъ Графъ Θеодоръ Алексѣевичъ Головинъ (1), печатному же приказу было ввѣрено съ одной стороны печатаніе грамотъ, указовъ и разнаго рода отписокъ, а съ другой сборъ за приложеніе печати опредѣленныхъ пошлинъ. Обязанность эта оставалась за печатнымъ приказомъ, не смотря на всѣ измѣненія въ лицахъ и значеніи печатниковъ, а въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, съ особенною подробностью, обозначены случаи, когда приложеніе печати необходимо и какіе за это назначены сборы (2). Если въ разное время и по различнымъ случай-

(1) *Терещенко*, тамъ же, стр. 102 сл.

(2) Улож. Гл. XVIII. ст. 6. 8. 9. 49. 54. 70. 71.

нымъ обстоятельствамъ были дѣлаемы изъятія въ пользу грамотъ, исходившихъ изъ приказовъ земскаго (1), изъ приказной избы города Ярославля (2), для которой велѣно было заготовить особую печать съ гербомъ Ярославскимъ, изъ приказовъ Сибирскихъ и вообще по дѣламъ, до Сибирскаго царства касавшимся (3), если далѣе было разрѣшено бурмистрамъ и ратушѣ имѣть особыя печати, а прикладывать ихъ къ бумагамъ, а именно: первымъ съ изображеніемъ вѣсовъ (4), а второй, т. е. Ратушѣ «вѣсовъ изъ облака въ держащей рукѣ, да зрительнаго ока, а кругомъ надписи: правда на нюже око державствующаго зритъ» (5): то это не болѣе, какъ случайныя изъятія, нисколько неизмѣнявшія общаго правила, котораго сила и возстановлена Петромъ Великимъ. Въ 1699 г. Царь повелѣлъ отобрать печати изъ приказовъ, а всякія крѣпости, акты и другія бумаги, выдаваемыя изъ присутственныхъ мѣстъ частнымъ лицамъ не печатать ни въ какомъ приказѣ, кромѣ печатнаго. Такимъ образомъ весь сборъ печатныхъ пошлинъ сосредоточивался въ одномъ печатномъ приказѣ, а онъ-то именно и представлялъ Государю о недоборѣ печатныхъ пошлинъ противъ прежняго и объ ущербѣ, вслѣдствіе того для Государства происшедшемъ (6).

Изъ городовъ пошлины этого рода также присылаемы были въ печатный приказъ и онъ представлялъ отъ себя отчетъ по установленному порядку (7).

(1) Указъ 1676 г. Окт. 22 (№ 665) имен.
(2) 1692 г. Іюля 18 (№ 1444) имен.
(3) 1696 г. Декаб. 9 (№ 1559) имен.
(4) 1699 г. Сент. 1 (№ 1690) имен.
(5) 1699 г. Ноября 17 (№ 1719) имен.
(6) 1699 г. Декабря 5 (№) 1727) имен.
(7) 1699 г. Дек. 5 (№ 1728) имен.

По учрежденіи Петромъ Великимъ Коллегій и Сената, Государственную печать повелѣно хранить въ Сенатѣ «у особаго человѣка», а пошлины за приложеніе ея сбирать въ тѣхъ же мѣстахъ и тѣмъ же лицамъ, которыя сбираютъ ихъ съ другихъ дѣлъ (1). Затѣмъ велѣно, по Генеральному Регламенту, имѣть въ Коллегіяхъ особыя печати съ изображеніемъ царскаго герба и съ надписаніемъ званія каждой Коллегіи. Въ послѣдствіи времени то же правило распространено на другія правительственныя и судебныя мѣста губернскія, съ тѣмъ только различіемъ, что на послѣднихъ печатяхъ долженъ быть изображаемъ не Государственный, а городской гербъ (2). Такими печатями печатались дѣла каждой Коллегіи и о храненіи печати предписаны Регламентомъ особыя твердыя правила (3); но указы и промеморіи, которыя исходили изъ Коллегіи, могли быть отправляемы не иначе, какъ я печатью, которая хранилась въ печатномъ приказѣ (4), а съ 1723 г. въ печатной конторѣ. Сюда же, по прежнему, (5) стекались изъ провинцій всѣ счеты о печатныхъ пошлинахъ (6). Печать эта была золотая (7) съ Государственнымъ гербомъ и вокругъ титулъ краткій (при Императрицѣ Екатеринѣ 1-й—«Божіею милостію Екатерина Императрица и Самодержица Всероссійская) (8)».

(1) 1718 г. Дек. 10 (№ 3252).

(2) 1724 г. Августа 10 (№ 4552)

(3) 1720 г. Февр. 28 (№ 3534) гл. 13. 1724 г. Авг. 10 (№ 4552) Сенатскій.

(4) 1821 г, Мая 22 (№ 3789) Сен. Ср. 1747 г. Апр. 2 (№ 9388) Сен.

(5) 1723 г. Ноября 12 (№ 4359) Сенатск. Ср. 1730 г. Нояб. 26 (№ 5649) Сен.

(6) 1734 г. Окт. 4 (№ 6633). 1735 г. Іюля 11 (№ 6769) Сенатскіе.

(7) Печать была золотая, ибо стальная отъ мокроты ржавѣла. 1732 г. Февр. 28 (№ 5967).

(8) 1726 г. Марта 11 (№ 4850) Сенатск. Ср. 1732 г. Іюня 21 (№ 6101) Сенатск. 1732 Февр. 28 (№ 5967) Сен.

Въ Царствованіе Императрицы Екатерины II печатныя конторы одна въ Москвѣ, а другая при Сенатѣ въ С.-Петербургѣ уничтожены, ибо усмотрѣно, что приложеніе печата не самими присутственными мѣстами, гдѣ дѣло производится, причиняло только напрасную проволочку. Сдѣлать эту перемѣну было тѣмъ возможнѣе, что въ другихъ городахъ, гдѣ не было печатныхъ конторъ, тѣмъ не менѣе прикладывались печати и сбирались за то пошлины. По этимъ уваженіямъ велѣно было каждому присутственному мѣсту посылать указы, выдавать копіи и т. п. за своими печатями и сбирать за то пошлины, дѣла же печатныхъ конторъ, для храненія и для справокъ, велѣно сдать въ Государственный Архивъ (1).

Введенный такимъ образомъ порядокъ, т. е. что государственныя учрежденія и всѣ присутственныя мѣста имѣютъ свои особыя печати, и что въ печатяхъ первыхъ изображается государственный гербъ, а вторыхъ губернскіе гербы тѣхъ губерній, въ которыхъ они учреждены, остается безъ измѣненія до настоящаго времени; Государственная же печать хранится нынѣ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

§ 68.

Частныя печати Государей и гербы въ печатяхъ членовъ Государева семейства.

Сравнивая печати на различныхъ памятникахъ древней нашей письменности, изслѣдователь доходитъ до убѣжденія, что Государственная печать прикладывалась только къ бумагамъ государственнымъ и вообще оффиціальнымъ, другія же отписки, разнаго рода письма, на-

(1) 1763 г. Декабря 15 (№ 11989) Манеф. п. 18.

ставленія и иныя бумаги, отъ лица Государя исходившія, утверждались его частною перстневою печатью. Такое различіе было существеннымъ. Въ доказательство считаемъ достаточнымъ привести слѣдующіе примѣры изъ временъ царскихъ, когда слѣд. Государственный гербъ сталъ принимать твердую геральдическую форму. Примѣры эти мы заимствуемъ изъ неизданныхъ грамотъ, въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранящихся.—На грамотѣ Іоанна IV-го (1581 г. № рукописей 250) въ Ростовъ о сборѣ податей съ сельца Юрцова приклеена печать чернаго воска, съ изображеніемъ обращеннаго въ лѣво единорога съ поднятымъ хвостомъ. Другая, также частная, печать Царя съ изображеніемъ, которое трудно разобрать, сохранилась на грамотѣ того же государя въ Кирилловъ монастырь о богослуженіи 1584 г. (№ 253).

Обстоятельство это, т. е. что къ грамотѣ приложена не Государственная печать, означалось иногда въ самой отпискѣ; такъ два посланія Царя Іоанна Васильевича 1584 г. въ Кириллобѣлозерскій монастырь, въ которыхъ Государь проситъ, чтобы братія «соборне и по кельямъ» молилась Богу о прощеніи его грѣховъ и «объ избавленіи отъ недуга смертнаго», оканчиваются выраженіемъ: «а сю есмя грамоту печаталъ своимъ перстнемъ [1]».

Далѣе на сохранившейся отъ 1636 г. Іюня 23 подлинной грамотѣ Царя Михаила Θеодоровича строителю Павловскаго монастыря о безпорядкахъ въ монастырѣ видна черновосковая печать, также съ изображеніемъ единорога и надписью. Послѣдняя къ сожалѣнію оттиснулась не вся, но по оставшимся буквамъ, можно

(1) А. Истор. I № 214 Исторія Россійской іерархіи Т. IV стр. 479—481.

догадываться, что на ней было написано: *Господарь*, вѣроятно краткій титулъ Царя.

Чѣмъ объяснить такое предпочтеніе, единорогу оказываемое? Изображеніе его замѣняло у насъ иногда (какъ мы это уже видѣли выше) Московскій гербъ въ Государственной печати временъ Грознаго (на печати 1571 года), на печати большаго дворца при Царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, на золотыхъ монетахъ Іоанна IV и Θеодора Іоанновича, равно какъ на золотой и серебряныхъ монетахъ Димитрія Самозванца, и даже на печати и монетахъ Царя Алексѣя Михайловича, хотя на оборотной сторонѣ повторялся нерѣдко тотъ же орелъ съ гербомъ Московскимъ (¹). Единорогъ былъ вообще однимъ изъ любимыхъ звѣрей, которыхъ избирали художники для украшеній, для эмблемъ. Нерѣдко изображался онъ вмѣстѣ со львомъ. Они встрѣчаются на державѣ Мономаховой, на древнихъ Царскихъ саадакахъ и топорахъ, на тронахъ, сѣдлахъ, оконныхъ наличникахъ и т. п. (²). Цари наши, проникнутые идеями библейскими, не хотѣли ли представить въ символическомъ образѣ своихъ побѣдъ, руководствуясь изреченіями псалма 91: «и вознесется яко единорога рогъ мой», и апокал. (V. 5): «се побѣди есть левъ (³)»?

У Петра Великаго было также нѣсколько частныхъ печатей, для личной, кабинетной переписки назначенныхъ. Первою по времени печатью этого рода считается

(¹) Указъ 1662 г. Апр. 20 (№ 915). Записки Археол. Общества Т. III. Статья Князя Долгорукова: Описаніе неизданныхъ Русскихъ монетъ, стр. 46, 47, 48.

(²) Достопамятности Москвы. М. 1815 стр. 86. Древности Россійскаго Государства Отд. IV стр. 118.

(³) *Снегирева* статья въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1853 г. № 60 стр. 707.

хранившаяся прежде въ Императорской Академіи Наукъ, а нынѣ находящаяся въ Эрмитажѣ. Это перстень, сдѣланный изъ золота, украшенный черною эмалью и превосходнымъ четыреугольнымъ смарагдомъ, на которомъ изображенъ Петръ Великій въ полномъ царскомъ одѣяніи: въ коронѣ, со скипетромъ и державою, а вокругъ надпись *Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичь всея Россіи* (табл XVIII, рис. 5) ([1]). Царь представленъ сидящимъ на невысокомъ креслѣ и ногою упирается на скамеечку. Судя по лицу, видно, что онъ изображенъ въ юношескомъ возрастѣ, и потому должно полагать, что печать эта сдѣлана вскорѣ послѣ восшествія Петра на престолъ.

Печать съ этимъ изображеніемъ во всякомъ случаѣ старше другой также частной, кабинетной печати Петра Великаго, которою Онъ печаталъ письма къ членамъ Царской фамиліи и другимъ знатнымъ лицамъ. Не знаешь, что въ ней выше: красота ли изображенія, или та идея, которую художникъ ([2]) хотѣлъ осуществить. Россія—Имперія, представленная въ видѣ благообразной жены съ ниспадающими на плеча волосами, стоитъ въ порфирѣ, подбитой горностаемъ и закована въ латы. На главѣ у нея корона, въ правой рукѣ скипетръ, въ лѣвой держава. Всѣ части этого прелестнаго бюста окончательно отдѣланы; остается въ грубомъ видѣ одна только

([1]) Черта подъ печатью на рисункѣ означаетъ ея величину въ подлинникѣ.

([2]) По изустному преданію, печать эта была вырѣзана самимъ Петромъ Великимъ. Между тѣмъ въ Московской Оружейной Палатѣ сохранились попоны, которыми были покрыты лошади, подведенныя Государю въ подарокъ отъ Меньшикова, и на попонахъ этихъ вышита таже эмблема, какъ и на описываемой печати. Кому принадлежитъ идея, такъ вѣрно выполненная?

нога, которую вѣнценосный художникъ и работникъ, самъ Царь, въ порфирѣ и коронѣ, отдѣлываетъ молотомъ съ большимъ усиліемъ. Все это дѣйствіе происходитъ на берегу Невы, по которой плыветъ заморскій корабль, а съ правой стороны возвышается храмъ славы, на которомъ сидитъ сова,—символъ прозорливости и мудрости. При помощи Бога (Adjuvante Jehova) густыя облака невѣжества разсѣеваются отъ лучей просвѣщенія, и заботы Царственнаго труженика увѣнчаны успѣхомъ (табл. XVIII, рис. 6) (1).

То же начало, т. е. что печатью съ Государственнымъ гербомъ запечатывались однѣ оффиціальныя бумаги, должно было опредѣлять: кто изъ членовъ Государева дома могъ имѣть право на Государственный гербъ? Сынъ его, наслѣдникъ престола, и супруга Царя. Какъ первый, обыкновенно въ юности еще, начиналъ принимать участіе въ государственныхъ распоряженіяхъ своего родителя, какъ имя его не рѣдко помѣщалось въ указахъ рядомъ съ именемъ Царя, такъ и супруга Государя необходимо раздѣляла права Царя на гербъ. Сравните для образца печати сыновей В. Князя Іоанна III, Василія Ивановича, преемника своего родителя, и брата его Юрія Ивановича на договорной ихъ грамотѣ 1504 года. У перваго изъ нихъ точно такая же печать, какъ у В. К. Іоанна III, т. е. съ одной стороны орелъ, а съ другой всадникъ на конѣ, и вокругъ надпись: «*Князь Великій Василій Ивановичь*», а у втораго видимъ изображеніе воина, который колетъ копьемъ львиную голову, между тѣмъ какъ собака бросается на нее. Вокругъ этого эмблемма-

(1) *Тромонина*. Очерки лучшихъ произведеній живописи, гравированія, ваянія и водчества. М. Т. I, 1839, стр. 74.

тическаго изображенія надпись: «*Князь Юрій Ивановичь сынъ Великаго Князя* (1)».

Что касается до печатей Царицъ и Великихъ Княгинь, то достаточно указать на сохранявшуюся въ Оружейной Палатѣ печать: она неправильно продолговатой формы, имѣетъ изображеніе двуглаваго орла, двумя коронами вѣнчаннаго (безъ Московскаго герба), и вокругъ надпись: «*Царицы и Великія Княгини Марьи печать*» (табл. XVIII, рис. 4). Она приписывается второй супругѣ Царя Іоанна Васильевича Грознаго Маріи Темрюковнѣ. На печати Марины Мнишекъ, жены Лжедимитрія (какъ можно заключить изъ того, что печать эта находится подъ ея отпискою), двуглавый орелъ коронованъ двумя коронами, а на персяхъ его, вмѣсто Московскаго герба, изображеніе цвѣтка, въ родѣ лиліи (2) (XVI, табл. рис. 4).

У прочихъ лицъ Государева дома печати были щитовыя или съ изображеніями Святыхъ, по имени которыхъ они назывались, или, наконецъ, съ избранными эмблеммами и камеями.

По учрежденію объ Императорской Фамиліи Государя Императора Павла Петровича, Наслѣдникъ Престола и всѣ пользующіеся титуломъ Императорскихъ Высочествъ имѣютъ Государственный гербъ, принадлежащій Императорской Фамиліи со всѣми его знаками; а пользующіеся титуломъ Князей и Княженъ крови Императорской не имѣютъ на персяхъ орла,—знака Московскаго герба. Наконецъ Великія Княжны и Княжны крови Императорской, вступившія въ замужство за иностранныхъ

(1) Собр. Гос. Гр. и Договор. Т. I, стр. 347.
(2) Тамъ же, Т. II, стр. 270.

принцевъ, могутъ присоединять къ гербу своихъ супруговъ принадлежащій имъ по праву рожденія гербъ Россійскій, чѣмъ самымъ пользуются и потомки ихъ невозбранно (¹).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

§ 69.

Гербы городовъ.

Часто изслѣдователь напрасно ищетъ причины и основанія того или другаго установленія, древностью завѣщаннаго, и нерѣдко приходится ему отказаться отъ объясненія необъяснимаго. Нельзя скрыть, что затрудненія подобнаго рода не чужды отечественной археологіи и древней сфрагистики при вопросѣ, почему тотъ или другой Государь выбивалъ на своихъ монетахъ и медаляхъ такое или иное *знамя*? по какимъ основательнымъ причинамъ онъ его мѣнялъ? что означало такое или иное изображеніе на печати? Вопросы эти ни въ какомъ случаѣ впрочемъ не могутъ почитаться плодомъ празднаго любопытства, тѣмъ не менѣе они не разгаданы и не объяснимы, и самая наука объ отечественныхъ древностяхъ еще такъ нова, что и попытки для разрѣшенія этихъ любопытныхъ вопросовъ у насъ не сдѣлано. Должно признаться, что и фактовъ, которыхъ собраніе могло бы способствовать ихъ уясненію, слишкомъ недостаточно. Оттого приходится не рѣдко довольствоваться одними догадками,

(¹) 1797 г. Апрѣля 5 (№ 17906) § 41, 42.

хотя наука вообще ихъ мало уважаетъ по ихъ нетвердости и шаткости: какъ часто одна догадка смѣняетъ другую, и умъ не знаетъ на чемъ остановиться! Впрочемъ такое явленіе не есть исключительная принадлежность нашей археологіи вообще и нашей геральдики въ особенности. На Западѣ видимъ то же: рыцарь выбиралъ себѣ или принималъ отъ своей дамы ту или другую эмблему; самъ онъ почти всегда зналъ, что̀ означаетъ каждая часть его герба, всякая фигура на его щитѣ, но вмѣстѣ съ личностью умирало часто сознаніе это, и послѣдующія поколѣнія, принимая отъ своего славнаго предка аттрибуты его достохвальныхъ подвиговъ, можетъ быть, гордясь ими, не заботились разгадать, какой именно подвигъ, какая именно характеристическая черта прошедшей жизни ихъ рода ввели тотъ или другой знакъ въ фамильный гербъ.

Такое же затрудненіе представляютъ изображенія на нашихъ древнихъ городскихъ печатяхъ и гербахъ. Отчего у Пскова напр. барсъ? Конечно не оттого, что здѣсь когда нибудь могъ водиться этотъ звѣрь. Отчего Смоленскъ выбралъ себѣ райскую птицу? Дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ невозможно, хотя присутствіе въ Смоленскомъ гербѣ пушки можетъ быть объяснено положеніемъ этого города на границѣ Литвы и Россіи, частыми вслѣдствіе того осадами, которыя городъ этотъ претерпѣвалъ цѣлыя столѣтія а сильнымъ вооруженіемъ его крѣпости. Не смотря однако на такую необъяснимость эмблемъ во многихъ городскихъ гербахъ, возможна ихъ исторіа: она не рѣдко начинается съ глубокой древности (напр. для Кіева), знамя постепенно измѣвалось подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, и слѣдя за такими измѣненіями, можно дойти

до того вида, въ которомъ гербы городовъ представляются въ настоящее время. Вообще легче разъяснить эмблемы, вошедшія въ гербы новые, особенно тѣ, объ установленіи которыхъ остались свидѣтельства (напр. эмблеммы гербовъ для областей и городовъ Царства Сибирскаго), чѣмъ разгадать смыслъ и значеніе гербовъ старыхъ. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь та же метода, которую мы употребляли для разъясненія Московскаго герба и Государственной печати,

Со времени утвержденія въ Россіи Государственнаго герба, изображеніе его постоянно видится на монетахъ и на печатяхъ, и если бывали въ этомъ случаѣ какія нибудь различія, то они, будучи несущественными, свидѣтельствуютъ объ одномъ, что всякое учрежденіе совершенствуется, и что общіе успѣхи въ развитіи искусствъ не могли не отразиться на печатяхъ и въ чеканѣ денегъ. Тѣмъ не менѣе сравненіе печатей, отъ временъ Іоанна III-го и последующихъ правленій оставшихся, съ штемпелями на деньгахъ Московскаго Государства, доводитъ до убѣжденія о ихъ сходствѣ и даже о тождествѣ. Не одинъ выводъ старались мы сдѣлать изъ такого сравненія: въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно одно можетъ довесть если не до положительныхъ и непреложенныхъ фактовъ, то, по крайней мѣрѣ, послужить основаніемъ для относительно вѣрныхъ догадокъ и предположеній. Пусть будутъ они не болѣе, какъ началомъ, попыткою, которую усовершенствовать, докончить суждено другимъ, болѣе счастливымъ, изслѣдователямъ.

Но можно ли ту же методу сравненія штемпеля на монетахъ съ эмблеммами на печатяхъ примѣнять къ печатямъ и гербамъ княжескимъ и городскимъ, когда изображенія на нихъ безпрестанно и по-видимому произволь-

но измѣнялись? То же явленіе видѣли мы въ исторіи печати и герба Москвы, и остаемся при убѣжденіи, что если разбирать эмблеммы съ знаніемъ дѣла, а главное исторіи княжества или города въ давную эпоху, то откроется рядъ событій въ лицахъ. Эта система толкованія памятниковъ древности давно принята на Западѣ. Отечественная археологія, чтобы усвоить себѣ характеръ науки, не можетъ обойтись безъ примѣненія того же начала и къ нашимъ древностямъ: при помощи его только, наша нумизматика можетъ изъ простаго описанія непонятныхъ изображеній на деньгахъ обратиться въ систематическое цѣлое. Если съ этой точки зрѣнія смотрѣть на монеты удѣльныхъ княжествъ, то тѣ эмблеммы, которыя теперь кажутся произвольными, которыхъ у насъ не перестаютъ считать обязанными своимъ происхожденіемъ воображенію денежника, окажутся соотвѣтствующими исторіи. Но притомъ является одно препятствіе, котораго не представляла Москва. Удѣльныхъ денегъ отъ XV и XVI вѣковъ осталось немного: Москва вмѣстѣ съ своею администраціею вводила свою денежную систему съ Московскимъ штемпелемъ во всѣ области, къ ней присоединяемыя. Но съ другой стороны древность завѣщала намъ другіе памятники, на которыхъ сохранились областныя и городскія печати, и ими-то мы воспользуемся для исторіи городскихъ гербовъ.

§ 70.

Русскій орелъ на Государственной печати, Царскихъ тронахъ, Государевой утвари былъ обыкновенно окружаемъ гербами областей, къ Москвѣ присоединенныхъ и имѣвшихъ уже прежде свои печати. Выше мы имѣли уже случай замѣтить то соотвѣтствіе, которое существовало

между титуломъ Государя и аттрибутами его гербовъ. Въ доказательство того, какъ строго соблюдалось это начало, достаточно двухъ примѣровъ. Великое Княжество Кіевское, искоавая вотчина Россіи, говоря языкомъ древнихъ нашихъ грамотъ, отторгвуто отъ Россіи и потому не упоминается въ титулѣ Государей Русскихъ XV и XVI вѣковъ: напрасно стали бы мы искать печати Кіевской въ ряду другихъ старыхъ печатей, окружающихъ государственный гербъ временъ Іоанна Грознаго (табл. XV, рис. 6), а между тѣмъ знамя это образовалось еще въ XII вѣкѣ. Съ другой стороны на печати Грознаго видѣнъ еще Смоленскій гербъ (хотя не такой, какимъ онъ изображался позднѣе), котораго нѣтъ на тронѣ Царя Михаила Ѳедоровича, ибо Смоленскъ въ то время принадлежалъ Польшѣ. На памятникахъ же позднѣйшаго времени, напр. на тарелкѣ Царя Алексѣя Михайловича, Государственнымъ и областными гербами украшенной, Смоленская печать занимаетъ принадлежащее ей по порядку мѣсто (табл. XV, рис. 2); изъ чего заключить должно, что она изготовлена послѣ Андрусовскаго съ Польшею мира, по которому Россіи возвращенъ между прочимъ и Смоленскъ.

Памятники, о которыхъ мы не разъ имѣли уже случай упоминать и на которыхъ сохранились изображенія старыхъ нашихъ городскихъ гербовъ, суть: 1) Государственная печать Царя Іоанна Васильевича IV (табл. XV, рис. 6), 2) серебряный золоченый тронъ Царя Михаила Ѳедоровича, передѣланный въ послѣдствіи въ двойной тронъ для Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей. На задней стѣнкѣ или прислонѣ трона повѣшена пелена, шитая пряденымъ серебромъ и унизанная жемчугомъ. На ней по средовѣ изображенъ двуглавый орелъ съ Москов-

скимъ гербомъ (вправо) на перьяхъ, а по найманъ, между золотыми травами, видны двѣнадцать гербовъ царствъ и областей Россійскихъ (табл. XV, рис. 7, 8, 9, 10). За завѣсой, съ лѣвой стороны прислона, находится отверстіе, въ родѣ слуховаго окна, за которымъ вѣроятно сидѣлъ наставникъ десятилѣтняго Царя Петра (1); 3) Тарелка Царя Алексѣя Михайловича, въ срединѣ которой вычеканенъ Государственный гербъ: двуглавый, тремя коронами вѣнчанный орелъ, держащій скипетръ и державу. Крылья и главы орла зеленыя, а клевъ и лапы розовые. Вокругъ этого изображенія по краямъ тарелки между травъ, плодовъ, птицъ, видно 16 гербовъ, каждый въ особенномъ щитѣ (табл. XV, рис. 2, 3, 4, 5), и при томъ такъ, что гербы главныхъ Княжествъ изображены въ большихъ щитахъ подъ особыми коронами (рис. 2), а гербы второстепенные въ щитахъ малыхъ. Кромѣ того, что на тарелкѣ этой сохранились изображенія гербовъ, она важна и потому-еще, что здѣсь видна уже попытка отличить ихъ красками, чего прежде не было (2); и 4) огромнаго размѣра изображеніе Государственной печати въ дневникѣ Корба, сопровождавшаго въ 1698 и 1699 годахъ Австрійскаго посланника, отправленнаго Императоромъ Австрійскимъ къ Русскому Двору для переговоровъ о войнѣ съ Турціею (3). Корбъ оставилъ подробное описаніе своего пребыванія у Московскаго Двора. Въ настоящее время оно очень рѣдко. Въ немъ пред-

---

(1) Древности Государства Россійскаго. М. 1851. Отдѣленіе IV, стр. 113, 114. Рисунковъ Отд. 2, № 78—88. Для образца прилагаемъ у себя нѣсколько съ этого памятника изображеній (табл. XV рис. 7, 8, 9, 10).

(2) Древн. Госуд. Россійскаго Отд. V. № 42.

(3) *Adelung* Kritisch-litterärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, Bd. II. S. 397—399.

ставленъ Государственный двуглавый орелъ, имѣющій въ сердцѣ Московскаго *ѣздца*, на крыльяхъ несущій гербы Великихъ Княжествъ Кіевскаго, Новгородскаго, Владимірскаго и Царствъ Астраханскаго, Сибирскаго и Казанскаго, и наконецъ окруженный гербами: Смоленскимъ, Псковскимъ, Тверскимъ, Подольскимъ, Пермскимъ, Болгарскимъ, Черниговскимъ, Полоцкимъ, Ярославскимъ, Удорскимъ, Кондійскимъ, Мстиславскимъ, Иверскимъ, Кабардинскимъ, Черкасскимъ, и горскихъ земель, Карталинскимъ, Свейскимъ, Витебскимъ, Обдорскимъ, Бѣлозерскимъ, Ростовскимъ, Рязанскимъ, Новгородъ-Низовскія земли, Вятскимъ, Югорскимъ и Волынскимъ (табл. XVII). Сравненіе этихъ гербовъ съ полнымъ титуломъ Петра Великаго и надписью на Его Государственной печати доказываетъ строгое соотвѣтствіе между титуломъ Государя и аттрибутами его герба ([1]).

Для геральдики Россіи печать эта замѣчательна во многихъ отношеніяхъ: она даетъ основаніе утверждать, что всѣ главныя области Россіи, принадлежавшія нѣкогда роду Мономахову и изъ которыхъ многія по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ были отторгнуты отъ Россіи и наконецъ опять стеклись подъ крылья нашего могучаго орла, имѣли уже въ XVII вѣкѣ свои гербы, такъ что Петру Великому оставалось только придать эмблемамъ этимъ геральдическія формы, постоянные цвѣта и т. д. Города же, менѣе значительные, и главнымъ образомъ небывшіе столицами въ удѣльныхъ княжествахъ, получали гербы въ позднѣйшее время.

([1]) Подъ орломъ подписано обращеніе къ Петру: «Moscos Petro doces, data crescere regna per arma, arcesbella domant, te modo facta sare».

§ 71.

Изъ областныхъ гербовъ нашихъ самый твердый и ранѣе другихъ установившійся есть гербъ *Московскій*. Неразрывное его соположеніе съ двуглавымъ орломъ въ Государственномъ гербѣ, частое употребленіе, наконецъ та идея, которая ему придавалась Московскимъ Великимъ Княземъ и Царемъ, должны были охранять изображеніе это отъ всякихъ произвольныхъ перемѣнъ и нововведеній. Въ отечествѣ нашемъ уваженіе къ этому гербу было постоянно, и потому въ сущности былъ онъ неприкосновененъ. Иностранцы же, въ Россіи бывшіе, позволяли себѣ дѣлать въ этой эмблеммѣ произвольныя измѣненія; такъ напр. Герберштейнъ, оставившій потомству два изображенія Московскаго герба въ двухъ своихъ сочиненіяхъ, кромѣ того, что обратилъ лице вправо, измѣнилъ и самую его фигуру. На портретѣ Московскаго Государя, приложенномъ къ древнѣйшимъ изданіямъ Герберштейна (¹), всадникъ представленъ нагимъ и какъ ему, такъ и коню даны положеніе и видъ неестественные (табл. VII, рис. 2), а между тѣмъ въ изданной въ 1560 г. самимъ Герберштейномъ автобіографіи (²) всадникъ представленъ въ развѣвающейся епанчѣ, но онъ безъ латъ, конь имѣетъ форму такую, какую придавали ему на печатяхъ Московскихъ, но драконъ съ волчьею головою (табл. VII, рис. 1).

Что касается до другихъ областныхъ и городскихъ

(¹) Moscowiter vunderbare Historien von Herberstein zu Basel. 1563.

(²) Gratae posteritati Sigismundus liber baro in Herberstein, Neypirg et Guettentag, primarius ducatus Carinthiae haereditariusque et camerarius et dapifer etc immunitate meritorum erga donatus, actiones suas a puero ad annum usque aetatis suae septuagesimum quartum brevi commentario notatas reliquit. Viennae. 1560.

гербовъ, то мы, излагая ихъ единственно съ цѣлью объяснить эмблеммы, входящія въ гербы княжеовихъ родовъ, отъ Мономаха происшедшихъ, не будемъ останавливаться на описаніи гербовъ всѣхъ областей и городовъ, тѣмъ болѣе, что представимъ подробное ихъ описаніе, отъ начала XVIII столѣтія сохранившееся. Для нашей цѣли важны гербы: Кіевскій, Новгородскій, Черниговскій, Смоленскій, Ярославскій, Ростовскій, Бѣлоозерскій и Стародубскій. *Погони* же, герба Литовскаго, такъ часто повторяющагося въ гербахъ нашихъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій, отъ Гедимина происшедшихъ, мы здѣсь не коснемся, такъ какъ объ исторіи его было уже упомянуто выше. Объ означенныхъ гербахъ мы замѣтимъ слѣдующее:

1) *Кіевскій гербъ* сохранилъ то же изображеніе, которое видѣли и на древнихъ Кіевскихъ печатяхъ: это Архангелъ Михаилъ въ бѣломъ одѣяніи съ мечемъ въ правой и копьемъ въ лѣвой рукѣ (1).

2) *Новгородскій*. Подъ вліяніемъ ли западныхъ своихъ сосѣдей, съ которыми Новгородъ и Псковъ приходили такъ часто въ торговыя и политическія соотношенія, или по другимъ причинамъ, какъ бы то ни было, на печатяхъ двухъ этихъ городовъ рано образовались и правильно сохранились геральдическія фигуры. Печатей Новгородскихъ было нѣсколько съ *тамгою* и съ *писью* (т. е. подписью), но употреблялась долѣе другихъ и перешла въ Новгородскій гербъ собственно печать вечевая, описанная выше (табл. XIV, рис. 5). Степени веча и посохъ Архіепископа служили представителями свѣтской и духовной властей града Св. Софіи. По присоединеніи Нов-

(1) Указъ 1782 г. Іюня 4 (№ 15422).

города къ Москвѣ, тѣ же эмблемы перешли въ печать воеводскую и встрѣчаются на отписках воеводъ Новгородскихъ XVI и XVII вѣковъ. Въ послѣдствіи времени по бокамъ степеней веча поставлены медвѣди (табл. XV, рис. 3, 6, 7) (1); а когда въ концѣ XVII или началѣ XVIII столѣтій вечевыя степени замѣнены Велико-Княжескимъ Царскимъ престоломъ, съ накрестъ положенными скипетромъ и крестомъ, то вмѣсто архіепископскаго посоха и въ память того вліянія, которое владыка Новгородскій имѣлъ на дѣла; поставленъ за престоломъ трисвѣщникъ. Такимъ образомъ сложился нынѣшній Новгородскій гербъ (2).

3) Если на печати Царя Іоанна Васильевича (табл. XV, рис. 6) *гербъ Смоленскій* изображенъ въ видѣ Велико-Княжескаго престола, на которомъ положена Мономахова шапка, то это или по общепринятому для всѣхъ бывшихъ Великихъ Княжествъ символу (табл. XV, рис. 5, 9) или по ошибкѣ мастера, потому что Тверскому Великому Княжеству присвоена эмблема герба Ярославскаго—медвѣдь. Обыкновенно же Смоленскій гербъ состоялъ изъ изображенія лафета, на которомъ сидѣла райская птица безъ ногъ. Послѣдній признакъ, т. е. что райская птица подстрѣлена (табл. XV, рис. 2) можетъ навесть на догадку, что Смоленскъ, пограничная и всегда исправно вооруженная крѣпость (3), не разъ служила къ тому, что Поляки и Ли-

(1) На серебряномъ тронѣ Царя Михаила Θеодоровича въ нижней половинѣ щита представлены плавающими двѣ рыбки (таб. XV, рис. 7): эмблема, могущая означать мѣстоположеніе Новгорода на берегу Волхова. Прибавленіе это впрочемъ никогда не считалось непремѣннымъ и неизмѣннымъ.

(2) 1781 г. Августа 16 (№ 15209) Высоч. утвержденный докл. Сената.

(3) Дополненій къ Историч. Актамъ Т. V, № 51 и 26 примѣчаніе къ этому тому актовъ.

товцы бывали отражаемы и побѣждаемы; а всѣ былины о райской птицѣ свидѣтельствуютъ, что ею обозначались самые вожделѣнные и недосягаемые предметы. Не такимъ ли для Поляковъ и Русскихъ бывалъ и Смоленскъ? (¹)

4) Пока *Черниговское* Княжество принадлежало Литвѣ и Польшѣ, Черниговскій гербъ былъ двуглавый орелъ съ распущенными крыльями, увѣнчанный одною короною (²); а на рисункѣ, который оставилъ Корбъ въ своемъ дневникѣ, Черниговскій гербъ состоитъ изъ изображенія одноглаваго коронованнаго орла, держащаго въ лѣвой лапѣ длинный крестъ, конецъ котораго видѣвъ надъ правымъ его плечомъ (табл. XVII).

5) *Гербъ Ярославскій* не измѣнялся въ существенныхъ своихъ аттрибутахъ: это медвѣдь, держащій въ лапѣ посохъ. Различіе состояло въ томъ, что на упомянутой тарелкѣ Царя Алексѣя Михайловича онъ представленъ идущимъ вправо и какъ бы упирающимся на палку, а въ рисункѣ Корба медвѣдь идетъ на заднихъ же ногахъ влѣво и несетъ на плечѣ знамя или чеканъ (³). Это очевидно произволъ художника,—произволъ, который не могъ измѣнить главнаго, и только вносилъ свой вкусъ во второстепенные аттрибуты.

6) Гербъ *Ростовскій* изображенъ на престолѣ Царя Михаила Ѳедоровича, и у Корба въ такомъ же видѣ, въ какомъ онъ остается до настоящаго времени: въ чер-

(¹) Подъ Польскимъ владычествомъ Смоленскій гербъ былъ: на красной хоругви золотой посохъ. *Niesieckiego* Herbarz Polski, I, 182.

(²) Herbarz I, 220. Неизвѣстно, почему на печати Іоанна Грознаго (табл. XV, рис. 6) Черниговскій гербъ состоитъ изъ обнаженнаго меча.

(³) Закон. 1778 г. Іюня 20 (№ 14765).

вленномъ полѣ серебряный *олень*, рога, грива и копыта у него золотыя (1) (табл. XVII).

7) Гербъ *Бѣлозерскій* есть старый: въ голубомъ полѣ двѣ накрестъ изображенныя стерляди; надъ ними крестъ и луна (2) (табл. XVII);

и 8) *Стародубскій* гербъ прямо соотвѣтствуетъ названію города: въ серебряномъ полѣ *старый дубъ* (3). Эмблемма эта встрѣчается на Стародубской печати конца XVII вѣка.

§ 72.

Вообще къ послѣдней половинѣ XVII столѣтія должно отнести начало составленія городскихъ гербовъ, какъ подробное розыскавіе исторіи Государственной печати довело насъ до результата, что при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Государственный гербъ достигъ той полноты, которою онъ отличается и которую сохраняетъ въ сущности неизмѣнно до настоящаго времени. Немногія (4) о городской геральдикѣ извѣстія, сохраненныя временемъ, доказываютъ несомнѣнно, что Царя Алексѣя Михайловича занимала мысль о введеніи у насъ правильныхъ гербовъ. Для этой цѣли было, какъ увидимъ ниже при изложеніи исторіи герольдіи, написано нѣсколько сочиненій какъ Русскимъ, который былъ обязанъ въ подробности знать правила Государственной особенно геральдики и охранять неприкосновенность печати, т. е. царскихъ

(1) 1778 г. Іюня 20 (№ 14765).

(2) 1781 г. Августа 16 (№ 15.209).

(3) 1782 г. Іюня 4 (№ 15.424).

(4) Въ архивахъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ должны, по нашему мнѣнію, храниться важныя для нашего предмета извѣстія.

печатникомъ Артамономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ, такъ и иностранцами, которые вызывались въ Росоію или сами пріѣзжали къ намъ.

Древность завѣщала намъ, правда, нѣкоторыя областныя и городскія знамена; но такъ какъ мѣсто ихъ было собственно на городскихъ печатяхъ и слѣдовательно къ нимъ не были примѣнимы правила о цвѣтахъ, и вообще эмблеммы эти не усвоили себѣ еще постоянныхъ геральдическихъ формъ, то *герольдамъ*, пріѣзжавшимъ къ намъ, предстояло дополнить этотъ недостатокъ. Городскіе гербы, окружающіе Государственный гербъ въ дневникѣ Корба (табл. XVII), ясно свидѣтельствуютъ, что труды Царя и его помощниковъ принесли плоды. Тѣмъ не менѣе окончаніе этой работы было предоставлено позднѣйшему времени. Поводъ къ утвержденію прежде существовавшихъ городскихъ старыхъ гербовъ и дополненію ихъ новыми, сочиненными для городовъ, вновь построенныхъ, былъ случайный; но онъ такъ богатъ послѣдствіями, что необходимо на немъ остановиться, тѣмъ болѣе, что предметъ этотъ еще совершенно не тронутъ нашими археологами, а выводы изъ него должны много увеличить объемъ результатовъ, добытыхъ наукою въ послѣднее время.

Устроенное Петромъ Великимъ регулярное войско требовало правильнаго распредѣленія его по областямъ Россіи для обезпеченія продовольствія арміи, и не одинъ указъ, Великимъ Государемъ изданный, свидѣтельствуетъ, какое значеніе Онъ придавалъ этой части государственнаго управленія. Когда въ 1720 г. все войско было расположено на подушномъ сборѣ и на каждую провинцію приходилось, смотря по ея объему и народонаселе-

нію, по одному полку и рѣже по нѣскольку полковъ, необходимо было устроить такъ, чтобы каждый полкъ, нося названіе области, въ ней и былъ расположенъ, а чтобы полки, которые прежде назывались по фамиліямъ своихъ командировъ, были переименованы по провинціямъ. Вслѣдствіе того въ 1724 году было принято за правило, что когда всѣ полки займутъ квартиры по провинціямъ, тогда дать полкамъ имена сообразно областямъ, въ которыхъ они расположутся, и на полковыхъ знаменахъ изобразить гербы тѣхъ провинцій; а если въ провинціи будетъ размѣщено нѣсколько разныхъ полковъ, то дать имъ всѣмъ имя той провинціи, различивъ ихъ только по нумерамъ (1). Между тѣмъ однако у нѣкоторыхъ провинцій и городовъ гербовъ не оказалось, хотя тѣмъ, которые построены или завоеваны Петромъ Великимъ (напр. Нарвѣ, Выборгу, Кронштадту), были вновь даны гербы или утверждены прежде имъ принадлежавшіе. Вслѣдствіе того явилась потребность въ сочиненіи городскихъ гербовъ, но работа эта представляла столько затрудненій, что хотя прежняя мысль объ изображеніяхъ на полковыхъ знаменахъ и не была вовсе оставлена, Императрица Екатерина I рѣшилась замѣнить гербы на нихъ вензелевымъ своего имени изображеніемъ, а въ послѣдствіи было даже приказано впредь *«до конфирмаціи гербовника»* оставить полкамъ старыя знамена, какія у нихъ до тѣхъ поръ были; если же прежнія окажутся

(1) Съ одной стороны, чтобы представить въ краткомъ перечнѣ названія полковъ, при Петрѣ Великомъ бывшихъ, а съ другой, чтобы можно было видѣть, какимъ городамъ принадлежали старые гербы, прилагается при семъ таблица, при Петрѣ Великомъ составленная (Прил. 4.) Ею, какъ и всѣми матеріалами, до сего предмета касающимися, мы обязаны почтенному нашему военному историку, А. В. Висковатову.

слишкомъ ветхими, то сдѣлать въ тѣ полки одинъ только разъ знамена подъ Государевымъ именемъ. Между тѣмъ въ 1727 году было возложено на Оберъ-Церемонимейстера Графа *Санти* нарисовать провинціальные гербы, для чего велѣно было: «дать ему живописцевъ изъ Канцеларіи о строеній; а какого цвѣта должны быть поля знаменъ и около полей зубчики (для каждаго полка и слѣд. для каждой провинціи различно), было указано Военною Коллегіею и утверждено Императрицею.

Гербы городскіе, по составленіи ихъ, велѣно было представить для аппробаціи въ Верховный Тайный Совѣтъ и когда утвержденіе ихъ послѣдуетъ, то сдѣлать съ тѣми изображеніями печати, «которыми Губернаторамъ и воеводамъ отписки, доношенія и прочія отправленныя письма, кромѣ партикулярныхъ, печатать» (¹).

Военная Коллегія очень часто относилась въ «Высокій Сенатъ» и просила, чтобы гербы для городовъ, которые ихъ не имѣютъ, были немедленно составлены, для чего дозволено взять мастеровъ изъ артиллеріи. Въ представленіи Коллегіи сказано, что гербы уже есть у *знатныхъ* городовъ, и они изчислены для вѣдома Сената, который затруднялся вопросомъ, какіе гербы должно еще составить?

Попытки дѣлались, но вѣроятно не удачно. Въ 1728 году Государственная Военная Коллегія относилась въ Казначейскую Контору о выдачѣ маларному мастеру Гезелю «за сочиненіе образцовыхъ знаменъ по городамъ пятидесяти семи гербовъ, за краски и за Александрійскую бумагу» тридцати шести рублей (²). Наконецъ 12

(¹) Рукописный указъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта 11 Ноября 1727 года.

(²) Рукописный указъ изъ Военной Коллегіи 17 Апрѣля 1728 г.

Іюля 1728 года послѣдовалъ на имя «Генерала и ордена Св. Александра кавалера и надъ фортификаціями Оберъ-директора Графа фонъ Миниха» изъ Военной Коллегіи указъ, по силѣ котораго велѣно было передать ему, Миниху, «для малеванія на знаменахъ» какъ старые, такъ и вновь сочиненные городскіе гербы, и по составленіи ихъ прислать всѣ вмѣстѣ съ старыми въ Военную Коллегію. Для этой работы опредѣленъ къ Миниху изъ бывшихъ въ домѣ Меншикова живописцевъ Андрей Барановъ, которому за первый экземпляръ герба велѣно было давать по 15, а за послѣдующіе снимки по 10 копѣекъ.

Въ Маѣ 1729 года гербы эти были уже представлены Минихомъ въ Военную Коллегію, удостоились Высочайшаго утвержденія, и такъ какъ это первый чисто-геральдическій въ отечествѣ нашемъ трудъ, въ которомъ, какъ сказано въ подлинной запискѣ Коллегіи, «гербы учинены съ надлежащими *обстоятельствы*» (аттрибутами), то мы считаемъ необходимымъ представить здѣсь реэстръ гербовъ съ ихъ описаніемъ, до сихъ порѣ еще не изданнымъ, во всей его подробности:

1. *Гербъ Государственный*, по старому, двоеглавый орелъ, черный, на главахъ короны, а наверху въ срединѣ большая Императорская корона-золотые; въ срединѣ того орла Георгій на конѣ бѣломъ, побѣждающій змія, епанча и копье желтые, вѣнецъ желтой же, змѣй черный, поле вругомъ бѣлое, а въ серединѣ красное. Съ этого времени осталось такое объясненіе Московскаго герба ([1]), хотя еще въ 1726 году онъ именовался всадникомъ ([2]).

([1]) 1781 Декабря 20 (№ 15304).

([2]) 1726 Марта 11 (№ 4850).

2. Имя Его Императорскаго Величества Петръ Второй противъ конфирмованнаго: два покоя двойные латинскіе золотые, внизу цыфра II; поле лазоревое, наверху Императорская корона, пальмы зеленые.

3. *Лейбъ-регименть*, по старому, вѣнецъ зеленый лавровый одинъ, подъ нимъ корона Императорская золотая, поле красное.

4. *Санктпетербургскій*, скипетръ желтый, надъ нимъ гербъ государственный, около его два якора серебряные, поле красное, вверху корона Императорская, (противъ послѣдняго Сантіева).

5. *Ингерманландскій*, двѣ стѣны на искось, бѣлые съ зубцами, поле лазоревое.

6. *Московской*, Георгій на конѣ, противъ того, какъ въ срединѣ государственнаго герба.

7. *Кіевской*, по старому, въ срединѣ ангелъ въ бѣломъ одѣяніи съ мечемъ, сіаніе желтое, поле лазоревое.

8. *Володимерской*, противъ стараго, левъ стоячій на заднихъ ногахъ, на главѣ корона желтая, а въ переднихъ ногахъ держитъ крестъ длинный серебряный, поле красное.

9. *Новгородской*, по старому, на желтомъ престолѣ красная подушка и отъ нея къ правой сторонѣ скипетръ, а въ лѣвой крестъ, отъ престола наверхъ подсвѣчникъ съ тремя горящими свѣчами-желтые, да около престола два медвѣдя черные, поле бѣлое.

10. *Казанской*, змѣй черный подъ короною золотою Казанскою, крылья красныя, поле бѣлое.

11. *Астраханской*, по старому, сабля бѣлая подъ короною Астраханскою, черенъ (рукоятка) и корона золотые, поле лазоревое.

12. *Сибирской*, два собола черныхъ, стоящіе на зад-

Іюля 1728 года послѣдовалъ на имя «Генерала в ордена Св. Александра кавалера и надъ фортификаціями Оберъ-директора Графа фонъ Миниха» изъ Военной Коллегіи указъ, по силѣ котораго велѣно было передать ему, Миниху, «для малеванія на знаменахъ» какъ старые, такъ и вновь сочиненные городскіе гербы, и по составленіи ихъ прислать всѣ вмѣстѣ съ старыми въ Военную Коллегію. Для этой работы опредѣленъ къ Миниху изъ бывшихъ въ домѣ Меншикова живописцевъ Андрей Барановъ, которому за первый экземпляръ герба велѣно было давать по 15, а за послѣдующіе снимки по 10 копѣекъ.

Въ Маѣ 1729 года гербы эти были уже представлены Минихомъ въ Военную Коллегію, удостоились Высочайшаго утвержденія, и такъ какъ это первый чисто-геральдическій въ отечествѣ нашемъ трудъ, въ которомъ, какъ сказано въ подлинной запискѣ Коллегіи, «гербы учинены съ надлежащими *обстоятельствы*» (аттрибутами), то мы считаемъ необходимымъ представить здѣсь реэстръ гербовъ съ ихъ описаніемъ, до сихъ поръ еще не изданнымъ, во всей его подробности:

1. *Гербъ Государственный*, по старому, двоеглавый орелъ, черный, на главахъ короны, а наверху въ срединѣ большая Императорская корона-золотые; въ срединѣ того орла Георгій на конѣ бѣломъ, побѣждающій змія, епанча и копье желтые, вѣнецъ желтой же, змѣй черный, поле кругомъ бѣлое, а въ срединѣ красное. Съ этого времени осталось такое объясненіе Московскаго герба (¹), хотя еще въ 1726 году онъ именовался ѣздцомъ (²).

(¹) 1781 Декабря 20 (№ 15304).

(²) 1726 Марта 11 (№ 4850).

2. Имя Его Императорскаго Величества Петръ Второй противъ конфирмованнаго: два покоа двойные латинскіе золотые, ввизу цыфра II; поле лазоревое, наверху Императорская корона, пальмы зеленые.

3. *Лейбъ-регименть*, по старому, вѣнецъ зеленый лавровый одинъ, подъ нимъ корона Императорская золотая, поле красное.

4. *Санктпетербургскій*, скипетръ желтый, надъ нимъ гербъ государственный, около его два якоря серебряные, поле красное, вверху корона Императорская, (противъ послѣдняго Святіева).

5. *Ингерманландскій*, двѣ стѣны на искось, бѣлые съ зубцами, поле лазоревое.

6. *Московской*, Георгій на конѣ, противъ того, какъ въ срединѣ государственнаго герба.

7. *Кіевской*, по старому, въ срединѣ ангелъ въ бѣломъ одѣяніи съ мечемъ, сіяніе желтое, поле лазоревое.

8. *Володимерской*, противъ стараго, левъ стоячій на заднихъ ногахъ, на главѣ корона желтая, а въ переднихъ ногахъ держитъ крестъ длинный серебряный, поле красное.

9. *Новгородской*, по старому, на желтомъ престолѣ красная подушка и отъ нея къ правой сторонѣ скипетръ, а къ лѣвой крестъ, отъ престола наверхъ подсвѣчникъ съ тремя горящими свѣчами-желтые, да около престола два медвѣдя черные, поле бѣлое.

10. *Казанской*, змѣй черный подъ короною золотою Казанскою, крылья красныя, поле бѣлое.

11. *Астраханской*, по старому, сабля бѣлая подъ короною Астраханскою, черенъ (руконтка) и корона золотые, поле лазоревое.

12. *Сибирской*, два соболя черныхъ, стоящіе на зад-

нихъ ногахъ, держатъ лукъ и корону золотые, межъ ими двѣ стрѣлы черныя, а перья и копья красные, поле бѣлое.

13. *Тобольской*, по старому, пирамида золотая съ воинскою арматурою, знамена и барабаны красные, поле лазоревое.

14. *Псковскій*, по старому, барсъ, а надъ нимъ изъ облакъ рука, стоитъ на землѣ зеленой, поле лазоревое.

15. *Смоленскій*, пушка черная, станокъ желтый, на пушкѣ птица желтая безъ ногъ, поле бѣлое, каковое сдѣлалъ Санти (выше уже сказано, что это гербъ старый, XVII вѣка).

16. *Эстляндскій*, такой же, какъ Ревельскій, только безъ дѣвицы.

17. *Ревельскій*, по старому; а какъ вновь учиненъ: три льва синіе подъ коронами, да сверху корона, а надъ нею наверху дѣвица подъ короною въ бѣломъ одѣяніи; поле желтое.

18. *Лифляндскій*, по старому: какъ прежде была птица грифъ бѣлая о четырехъ ногахъ съ крыльями и хвостомъ; поле красное; въ переднихъ ногахъ мечь; на груди Имя Его Императорскаго Величества.

19. *Рижской*, по старому и противъ того, каково нынѣ вновь учиненъ, межъ двумя башнями ворота, въ нихъ внизу львиная голова подъ короною, надъ нею рогатки, ворота и башни красные, пестрые, около нихъ орелъ двоеглавый черный, на двухъ главахъ короны, надъ воротами два ключа, надъ ними крестъ подъ короною, поле лазоревое, а земля зеленая.

20. *Корельской*, противъ новаго, поле наверху красное, внизу лазоревое, внизу стоитъ бѣлый журавль,

держитъ камень, на верху двѣ руки по плечо, держа по шпагѣ.

21. *Тверской*, по старому, на серебряномъ стулѣ подушка зеленая, на подушкѣ корона княжеская золотая, поле красное.

22. *Пермской*, по старому, бѣлый медвѣдь, надъ нимъ Евангеліе золотое, а надъ нимъ крестъ серебряный, поле красное.

23. *Вятской*, по старому, въ рукѣ изъ облака лукъ съ одною стрѣлою бѣлою, а перо черное, въ сторонѣ крестъ красной, ооле желтое.

24. *Нижегородской*, олень красный, рога и копыта черные, поле бѣлое.

25. *Черниговской*, черный орелъ одноглавый подъ короною, въ лѣвой ногѣ крестъ желтый, а корона, носъ и ноги желтые жъ.

26. *Рязанской*, по староду, Князь въ епанчѣ и въ шапкѣ, въ рукѣ правой мечь, а въ лѣвой ножны, епанча красная, платье, сапоги и шапка зеленые, шапка же соболевая, подъ нимъ земля зеленая, поле желтое.

27. *Ростовскій*, бѣлый елепь, каково сдѣлалъ Санти, рога и копыта желтые, подъ нимъ земля зеленая, поле красное. (Гербъ этотъ существовалъ раньше Санти).

28. *Ярославской*, стоящій медвѣдь черный, на плечѣ держитъ въ лапѣ чеканъ красный, поле желтое.

29. *Бѣлозерской*, по старому, озеро бѣлое, въ немъ двѣ стерляди желтыя, надъ рыбами мѣсяцъ съ крестомъ, мѣсяцъ бѣлый, крестъ желтый, поле лазоревое.

30. *Бутырской*, по старому гербовнику, центавръ, а именно: по поясъ человѣкъ, а ниже: туловище, ноги и хвостъ лошадиные бѣлые, въ рукѣ лукъ со стрѣлою, поле красное, лукъ и стрѣла желтые.

31. *Троицкій*, крестъ желтой подъ короною, по старому, поле красное.

32. *Новотроицкой*, бѣлый крестъ, въ срединѣ Имя Божіе на три угла желтое, поле красное.

33. *Бѣлогородской*, старый левъ лежащій, желтый, а надъ нимъ орелъ черный одноглавый, подъ нимъ земля зеленая, поле синее.

34. *Архангелогородской*, противъ того, что учинилъ Санти, а именно: Архангелъ въ синемъ одѣяніи, съ крыльями и съ огненнымъ мечемъ, побѣждающій діавола чернаго, въ другой рукѣ щитъ красный; поле желтое.

35. *Вологодской*, противъ стараго, держава золотая, на ней изъ облака рука съ мечемъ бѣлымъ, съ золотымъ ефесомъ, поле красное.

36. *Воронежской*, по старому, двѣ пушки на станкахъ желтые, изъ одной пушки выстрѣлено и на ней сидитъ орелъ бѣлый одноглавый, поле красное.

37. *Суздальской*, новой сдѣлать: птица соколъ въ княжеской шапкѣ, поле пополамъ: наверху синее, а внизу красное.

38. *Углицкой*, противъ новаго, Царевичъ Князь Димитрій въ одѣяніи царскомъ, шапка княжеская съ крестомъ, въ правой рукѣ ножъ, подъ пазухою лѣвой руки агнецъ, поле красное, одѣяніе и шапка золотые.

39. *Муромской*, новой, стѣна бѣлая и рука изъ облака, которая на золотой цѣпи держитъ княжескую корону, поле лазоревое.

40. *Галицкой*, воинская арматура желтая и надъ нею наверху крестъ Св. Іоанна бѣлый, поле красное.

41. *Луцкой*, по старому, изъ облака рука, въ рукѣ мечь перерубаетъ змія, рука и мечъ бѣлые, змѣй черный, поле красное.

42. *Азовской*, по старому гербовнику, полъ-мѣсяца и въ немъ крестъ серебряные, внизу двѣ рыбы бѣлыя, поле лазоревое.

43. *Симбирской*, прежній старой: на столбу бѣломъ золотая корова, поле лазоревое.

44. *Пензенской*, три снопа пшеницы, ячменю, проса золотые, поле зеленое.

45. *Свіяжскій*, новый городъ деревяный на судахъ, на рѣкѣ Волгѣ, въ ней рыбы, поле лазоревое.

46. *Уфимской*, сдѣлать вновь, лошадь бѣлая на бѣгу, поле красное.

47. *Сѣвской*, одинъ снопъ золотой ржаной на зеленомъ мѣстѣ, поле синее.

48. *Орловской*, городъ бѣлый, на воротахъ орелъ одноглавый черный, сверхъ орла корона золотая, въ синемъ полѣ противъ печати той Орловской провинціи.

49. *Полтавской*, противъ новоучиненнаго: внизу поле лазоревое, вверху красное, а кругомъ по двѣ стороны бѣлыя; на лазоревомъ полѣ пирамида золотая, на красномъ верху двѣ шпаги по сторонамъ, по правую сторону на зеленой землѣ знамя, на немъ значитъ государственный гербъ, въ срединѣ Имя Императора Петра Великаго, по другую сторону дерево зеленое пальмъ.

50) *Стародубскій*, дубъ старой, стоящій на зеленой землѣ, поле бѣлое.

51) *Глуховской*, противъ вновь учиненнаго, токмо сдѣлать яблоки по круглѣе.

52) *Нѣжинской*, противъ вновь учиненнаго: поле пополамъ, сверху красное, а снизу лазоревое, на немъ двѣ змѣи подъ шляпою съ крыльями, а на верху двѣ руки.

53) *Коломенской*, на лазоревомъ полѣ столбъ бѣлый, на немъ вверху корона, около двѣ звѣзды.

54. *Павловской*, по новому: Святый Апостолъ Павелъ, поле бѣлое.

55. *Тамбовской*, противъ новаго рисунка: на лазоревомъ полѣ улей, и надъ нимъ три пчелы золотыя, земля зеленая.

56. *Козловской*, противъ новаго рисунка: козелъ бѣлый, поле красное, земля зеленая.

57. *Коротояцкой*, вновь сдѣлать: магазейнъ красный, а надъ нимъ рогъ съ довольствомъ, внизу рѣка, поле лазоревое.

58. *Елецкой*, на бѣломъ полѣ елень красный, надъ нимъ ель зеленая.

59. *Каргопольской*, бѣлый баранъ, лежащій въ огнѣ на дровахъ, что учинилъ Санти, поле лазоревое.

60. *Устюжской*, лежащій Нептунъ на берегу держитъ въ обѣихъ рукахъ кувшины, изъ которыхъ льется вода въ одно мѣсто; кувшины красные, вода бѣлая, поле зеленое.

61. *Олонецкой*, по старому, рука бѣлая изъ облака держитъ щитъ синій, а въ высподи 4 ядра на цѣпяхъ черные, поле желтое.

62. *Ладожскій*, шлюза, ворота золотые, стѣны красныя, поле лазоревое.

63. *Шлюссельбургской*, ключь золотой, подъ короною Императорскою золотою, что сдѣлалъ Санти; внизу крѣпость бѣлая, поле синее.

64. *Невской*, по старому гербовнику, столбъ синій, шпага серебряная, эфесъ золотой, ключь золотой же, поле красное.

65. *Кронштатской*, вдоль половина поля красная, а другая лазоревая, на лазоревомъ караульная высокая башня съ фонаремъ, на верху корона, а на красномъ полѣ черный котелъ, кругомъ острова вода.

66. *Кроншлотской*, противъ новаго, на морѣ Кроншлотъ бѣлый, на верху корона и флагъ, поле лазоревое.

67. *Выборгской*, по старому, какой присланъ изъ Выборга, на лазоревомъ полѣ внизу литтера W, поперегъ полоса золотая, надъ нею три короны, а сверху два ангела съ крыльями, въ одѣяніи красномъ, крылья у одного лазоревыя, а у другаго желтыя.

68. *Кексгольмской*, островъ зеленый, кругомъ его вода бѣлая, на острову ворота съ башнями кирпичные, поле синее; надъ воротами Имя Императорскаго Величества Петра Великаго.

69. *Нарвской*, противъ стараго, присланнаго изъ Нарвы, крестъ красный, надъ нимъ по обѣ стороны вверху два цвѣта равные.

70. *Иваногородскій*, по новому, городъ бѣлый на зеленой землѣ, вверху поле лазоревое, на немъ орелъ двоеглавый летящій, въ устахъ у орла Имя Царя Ивана Васильевича.

71. *Венденской*, по старому и какъ нынѣ вновь учиненъ: городъ красный, на немъ человѣкъ стоитъ въ латахъ черныхъ, въ правой рукѣ шпага, въ лѣвой щитъ, земля зеленая, поле бѣлое.

72. *Эзельской*, по старому и противъ учиненнаго вновь: орелъ желтый, поле лазоревое.

73. *Перновской*, по старому и какъ вновь учиненъ: изъ облакъ рука въ красномъ одѣяніи бѣлая, держитъ крестъ, а подлѣ его ключь бѣлые, поле лазоревое.

74. *Питершанской* гербъ вновь учинить: Петровы шанцы красные на камнѣ бѣломъ, поле лазоревое.

75. *Дерптской*, противъ стараго, что присланъ изъ Риги: на зеленой землѣ ворота и двѣ башни красныя, въ

воротахъ въ полумѣсяцѣ звѣзда, на верху рогатка, надъ нимъ шпага съ ключемъ, а сверху корона.

76. *Копорской*, по старому, камень бѣлый, надъ нимъ облако, поле лазоревое.

77. *Ямбургской*, по старому гербовнику, орелъ двоеглавый черный, надъ нимъ солнце золотое, поле зеленое, подъ орломъ камень.

78. *Дорогобужской*, по новому, три бунта (связки) пеньки, связанно-лежащей серебряной, поле красное.

79. *Якутской*, на престолѣ бѣломъ Евангеліе золотое, поле красное.

80. *Енисейской*, сдѣлать новый: двѣ бѣлки красныя, а сверху изъ облака самострѣлъ черный, поле бѣлое.

81. *Томской*, человѣкъ, стоящій въ рудокопнѣ, въ рукахъ рудокопательные инструменты, поле желтое.

82. *Самарской*, дикая коза бѣлая, стоящая на травѣ, поле лазоревое.

83. *Царицынской*, по новому, два осетра бѣлые, поле красное.

84. *Терской*, арбузъ зеленой, вверху двѣ кисти виноградныя красныя, поле вверху бѣлое, а внизу желтое.

85. *Курской*, по новому, три куропатки, натурально летащія въ синемъ полѣ на искось, а по обѣимъ сторонамъ бѣлыя поля.

86. *Брянскій*, мортира золотая, а по сторонамъ по кучѣ бомбъ черныхъ, поле красное.

87. *Путивльской*, поле сверху бѣлое, а въ низу желтое, въ срединѣ сукно красное, кругомъ покромы красныя съ чернымъ, на сукнѣ два челнока золотые, съ цепками красными.

88. *Рыльской*, противъ новоучиненнаго: на желтомъ полѣ кабанья голова.

§ 73.

Въ 1730 году Марта 8 данъ указъ Правительствующимъ Сенатомъ Военной Коллегіи о томъ, что гербы эти, отчасти заимствованные изъ прежнихъ гербовниковъ, отчасти вновь *по приличеству городовъ* составленные, утверждены, и по нимъ слѣдуетъ изготовить для полковъ знамена, а для Губернаторовъ печати.

Въ этомъ указѣ прямо высказано, чѣмъ руководствовались составители городскихъ гербовъ при избраніи для нихъ эмблеммъ. Они застали: 1) гербы Русскіе, съ печатей перешедшіе, которые вездѣ и отмѣтили именемъ *старыхъ*, изрѣдка только по ошибкѣ приписывая ихъ Графу Санти. Древнимъ эмблеммамъ приданы, согласно правиламъ геральдики, *обстоятельства*, т. е. атрибуты (стоящіе вокругъ герба), которые также не были произвольны, а сообразовались съ цвѣтомъ, избраннымъ Государынею для знаменъ полковъ ([1]), въ тѣхъ городахъ расположенныхъ, и 2) прежніе гербы городовъ иностранныхъ, къ Россіи присоединенныхъ, особенно Остзейскихъ провинцій, каковы гербы Лифляндіи, Риги, Ревеля, Дерпта, Пернова, Эзеля, Вендена, Нарвы, Выборга и др. — Характеръ этихъ гербовъ совсѣмъ иной: они рѣзко отличаются своею рыцарскою загадочностью и сложностью отъ гербовъ Русскихъ какъ старыхъ, такъ и вновь составленныхъ.

Болѣе обширное поле было предоставлено геральдику при сочиненіи гербовъ для городовъ Русскихъ, на печатяхъ которыхъ не было тѣхъ постоянныхъ эмблеммъ, которыя могли бы найти себѣ мѣсто въ городскомъ гербѣ. Предварительно были вытребованы описанія го-

---

([1]) См. Приложенія 4 и 5.

родовъ, ([1]) и при избраніи для нихъ *знаменъ* составители принимали три начала: 1) историческое, сообразно тому, какое событіе ознаменовало исторію города; 2) географическое, чѣмъ городъ изобилуетъ, что производитъ, какое въ немъ замѣчательное зданіе, укрѣпленіе и т. п. и 3) начало соотвѣтствія герба съ названіемъ города. Первое начало, хотя бы должно было послужить главнымъ источникомъ и руководителемъ въ этомъ случаѣ, примѣнялось рѣже другихъ, что можетъ быть объяснено тѣмъ, что исторія городовъ нашихъ была мало извѣстна. Мы укажемъ на гербы *Пермской* (по выше приведенному списку 22-й), свидѣтельствующій о крещеніи этой страны, *Суздальскій* (37), данный въ память того значенія, которое имѣло у насъ Суздальское Великое Княжество въ спорахъ удѣльныхъ Князей; *Угличкій* (38), напоминающій смерть несчастнаго Царевича Димитрія Іоанновича; *Муромскій* (39), состоящій изъ аттрибутовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что городъ этотъ былъ когда-то главнымъ въ Княжествѣ. (Вообще княжескія шапка, престолъ, корона, держава избирались эмблемами для гербовъ городовъ, бывшихъ прежде *стольными*, таковы напр. Тверь, Суздаль, Муромъ, Новгородъ, Коломна, Орелъ, Симбирскъ и др.); *Азовской* (42), состоящій изъ полумѣсяца и креста, въ знакъ того, что Азовъ былъ первоначально подъ Турецкимъ владычествомъ (символъ его-луна) и присоединенъ къ Православному Государству; *Полтавской* (49), напоминающій побѣду, одержанную Русскими надъ Шведами подъ Полтавою въ 1709 году; *Иваньгородскій* (70), съ вензелемъ Великаго

([1]) 1737 Ноября 18 (№ 7442) Сенатскій.

Князя Іоанна Васильевича, въ память основанія имъ этой крѣпости въ 1492 году для обороны предѣловъ Россіи со стороны Ливонскихъ рыцарей (¹).

Мѣстоположеніе городовъ, преобладающіе въ нихъ промыслы, укрѣпленія, дали эмблемы для гербовъ С. Петербурга (4), Питершанца (74), Бѣлоозера (29), Свіяжска (45), Каргополя (59), Устюжны (60), (при которой Юга и Сухона сливаются и образуютъ Сѣверную Двину), Ладоги (62), Кронштадта (65), Шлюссельбурга (63) и др.—У городовъ, славящихся своимъ хлѣбопашествомъ или сбытомъ хлѣба, въ гербахъ видны снопы того или другаго хлѣба, на пр. у Пензы (44), Сѣвска (47), Дорогобужска (78), подобно тому, какъ города, отличающіеся скотоводствомъ, рыболовствомъ, пчеловодствомъ, имѣютъ для отличія лошадь, барана, улей, рыбу, таковы гербы Уфимскій (46), Самарскій (82), Царицынскій (83), Тамбовскій (55), Курскій (85), Путивльскій (87) и др.

Наконецъ въ гербахъ нѣкоторыхъ городовъ эмблемы прямо соотвѣтствуютъ ихъ названію, напр. гербы Троицкій (31), Новотроицкій (32), Козловскій (56), Елецкій (58), Рыльскій (88).

Тѣми же началами руководствовались геральдики наши и послѣ этого первоначальнаго труда, давшаго гербы главнѣйшимъ городамъ, во время составленія ихъ существовавшимъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда являлась потребность въ сочиненіи новыхъ гербовъ для городовъ, или вновь основываемыхъ или присоединяемыхъ къ Державѣ Русской.

(¹) Карамзинъ И. Г. Р. Т. VI, стр. 163.

§ 74.

Замѣчательно, что извѣстному Графу де-Санти, который при Петрѣ Великомъ сочинялъ гербы въ Герольдіи и вообще былъ, какъ видно, знатокъ Геральдики, приписывается составленіе первыхъ городскихъ гербовъ. Изъ приведеннаго выше перечня гербовъ оказывается, что ему обязанъ своимъ гербомъ Петербургъ, что онъ далъ внѣшніе аттрибуты гербамъ старымъ; но вся работа, мы видѣли, принадлежитъ не ему. Тѣмъ не менѣе въ 1737 году Правительствующій Сенатъ, выслушавъ предложеніе Герольдмейстера объ имѣющихся въ Герольдмейстерской Конторѣ гербахъ городовъ, сочиненныхъ бывшимъ Герольдмейстерскимъ товарищемъ Графомъ Сантіемъ на полковыя знамена, и о присланныхъ для сочиненія гербовъ этихъ изъ губерній и провинцій описаніяхъ городовъ, приказалъ: срисовавъ съ гербовъ копіи, отослать ихъ въ Академію наукъ, а подлинные хранить въ Конторѣ. Въ эту же Контору велѣно было обратить, по переводѣ, отосланную въ Академію подлинную на Нѣмецкомъ языкѣ «регуловъ геральдическихъ печатную книгу» (1).

Какъ ни великъ былъ трудъ, Графомъ Минихомъ исполненный, имъ не могла окончится дѣятельность Государей нашихъ на этомъ поприщѣ: во первыхъ не для всѣхъ городовъ, уже существовавшихъ въ то время, были сочинены гербы, а для тѣхъ только, въ которыхъ были расположены полки; во вторыхъ они не были приведены въ порядокъ и распредѣлены по губерніямъ, и наконецъ въ третьихъ—безпрестанно возникали новые города, и прежнія мѣстечка возводились на степень городовъ. Все это было причиною, что въ царствованіе Импера-

(1) 1737 Ноября 18 (№ 7442) Сенатскій.

трицы Екатерины II было издано нѣсколько указовъ, которые довершали трудъ Графа Миниха ([1]). Работа эта была возложена на герольдмейстера Князя Щербатова и Герольдмейстерскаго Товарища фонъ-Эндена, равно какъ на состоявшаго въ должности Герольдмейстера Волкова. Послѣднему до 15 губерній обязаны приведеніемъ въ порядокъ старыхъ и составленіемъ новыхъ городскихъ гербовъ, которые и удостоились Высочайшаго утвержденія.

Городовое Положеніе, данное Императрицею Екатериною II, 1785 г. Апрѣля 21-го, на права и выгоды городамъ Россійской Имперія, сдѣлало гербъ необходимымъ для каждаго города ([2]).—По сочиненія такого герба въ Герольдіи, онъ всякій разъ представляется на Высочайшее утвержденіе.

Наконецъ, когда блаженныя памяти Государь Императоръ Павелъ Петровичъ повелѣлъ собрать дворянскіе гербы и издать Гербовникъ, было предписано составить въ Герольдіи Общій Гербовникъ городовъ Россійской Имперіи, съ тѣмъ, чтобы подлинникъ, по воспослѣдованіи на него Высочайшаго утвержденія, хранился въ Герольдіи, а копіи съ него выдавались городамъ за опредѣленный денежный взносъ.

([1]) Указываемъ на важнѣйшія объ этомъ предметѣ постановленія: 1777 г. Марта 10 (№ 14596); 1778 г. Марта 8 (№ 14717); 1778 г. Іюня 20 (№ 14765); 1779 г. Мая 29 (№ 14884); 1780 г. Января 8 (№ 14964); Мая 7 (№ 15012); Октября 2 (№ 15069); Октября 10 (№ 15072, 15073); Декабря 22 (№ 15101); 1781 г. Мая 28 (№ 15162, 15164, 15165); Августа 16 (№ 15205, 15206, 15207, 15208, 15209, 15210, 15211); 1781 г. Августа 23 (№ 15215); Сентября 21 (№ 15236, 15237, 15238); Октября 18 (№ 15260); Декабря 20 (№ 15304); 1782 г. Іюня 4 (№ 15422, 15423, 15424); Іюня 8 (№ 15427); 1783 г. Іюля 17 (№ 15786); 1784 г. Марта 8 (№ 15953); 1785 г. Марта 17 (№ 16164) и др.

([2]) 1785 Апрѣля 21 (№ 16187), п. 28.

§ 75.

Оканчивая тѣмъ исторію городскихъ гербовъ, считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе на форму щита, въ который вмѣщались въ разное время городскіе гербы. Изъ сравненія памятниковъ отечественной старины, на которыхъ гербы Русскіе сохранились, оказывается, что твердыхъ и непреложныхъ правилъ на этотъ предметъ не существовало, а все или, по крайней мѣрѣ, очень многое зависѣло здѣсь отъ произвола и вкуса художника. Изображенія, снятыя съ разныхъ памятниковъ оффиціальныхъ, равно какъ и неимѣющихъ такого характера, вполнѣ доказываютъ справедливость сказаннаго (см. табл. XV, рис. 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9) Тѣмъ не менѣе однако нельзя не замѣтить, что чаще выбирали щитъ Русскій. чѣмъ всякій другой иностранный, а такъ какъ въ древней Россіи онъ былъ круглый или овальный, то онъ избранъ для областныхъ знаменъ, печать Іоанна Грознаго окружающихъ, равно какъ Корбомъ для приложеннаго къ его древнику Государственнаго герба (табл. XVII) и наконецъ Миннихомъ для тѣхъ городскихъ гербовъ, которые были утверждены въ 1730 году и реестръ, которымъ означенъ выше. Въ послѣдствіи щитъ измѣнялся, и для городскихъ, равно какъ для частныхъ гербовъ усвоена форма щита Французскаго, преобладающая у насъ до сихъ поръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Книги 1-й.

Часть Первая.

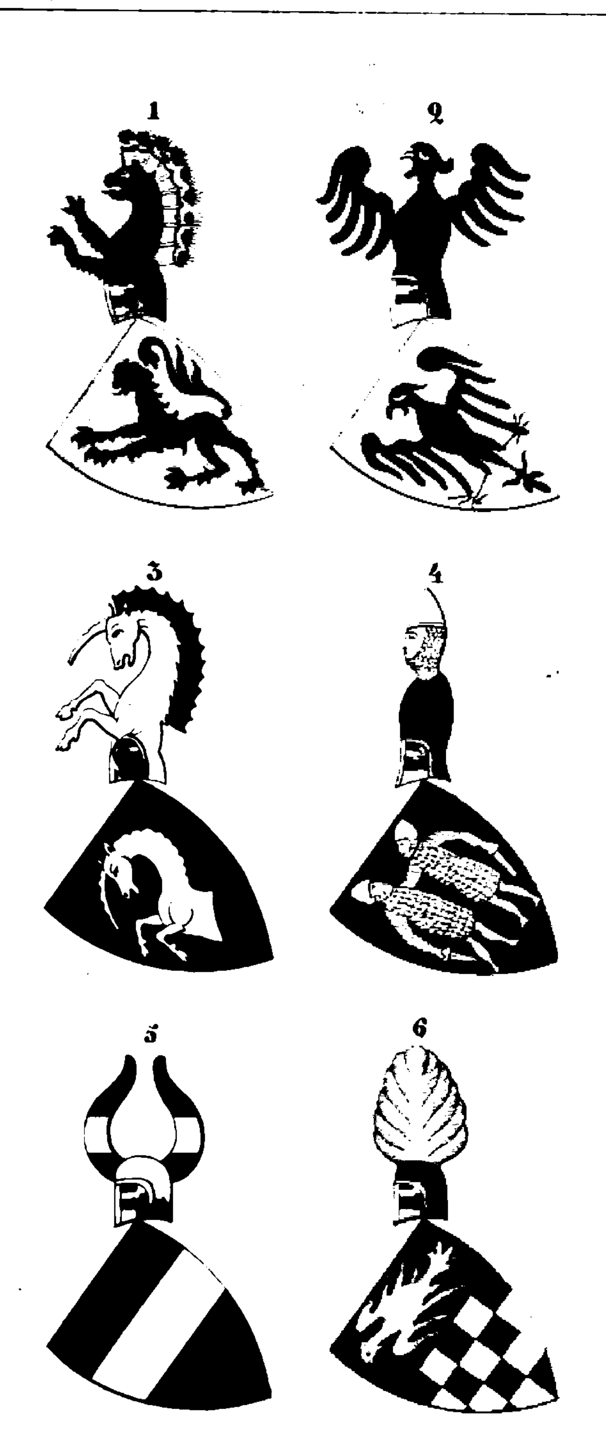
Исторія гербовъ Западной Европы.

Часть Вторая.

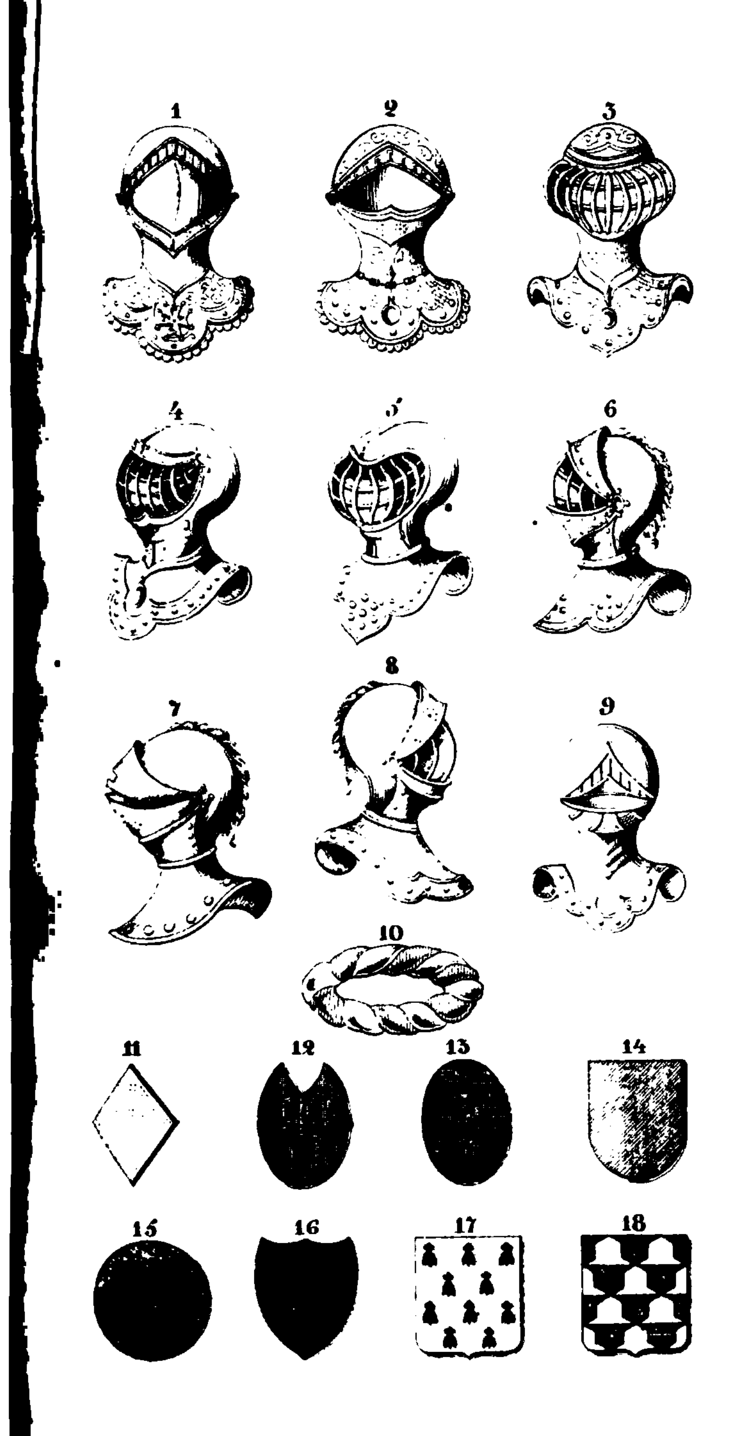
Исторія печатей въ Россіи.

Часть Третья.

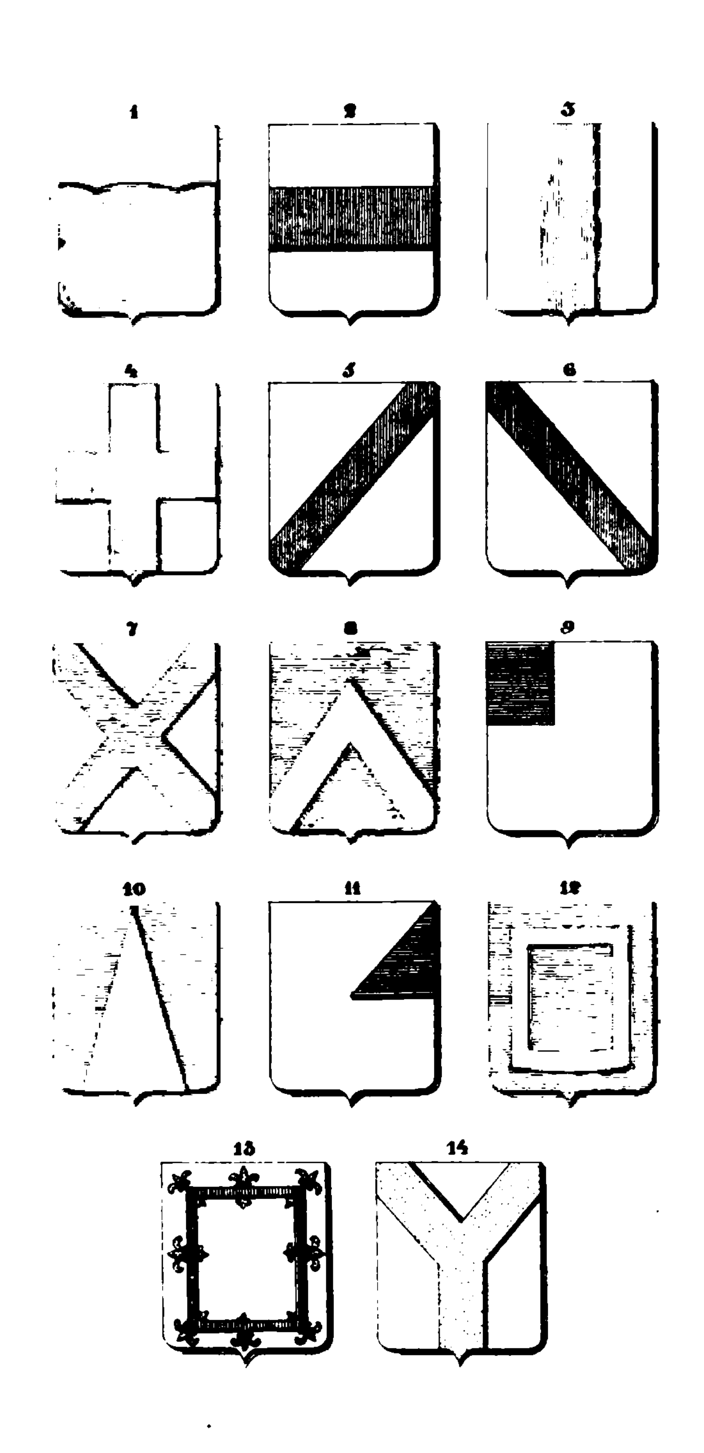
Taf. 1.

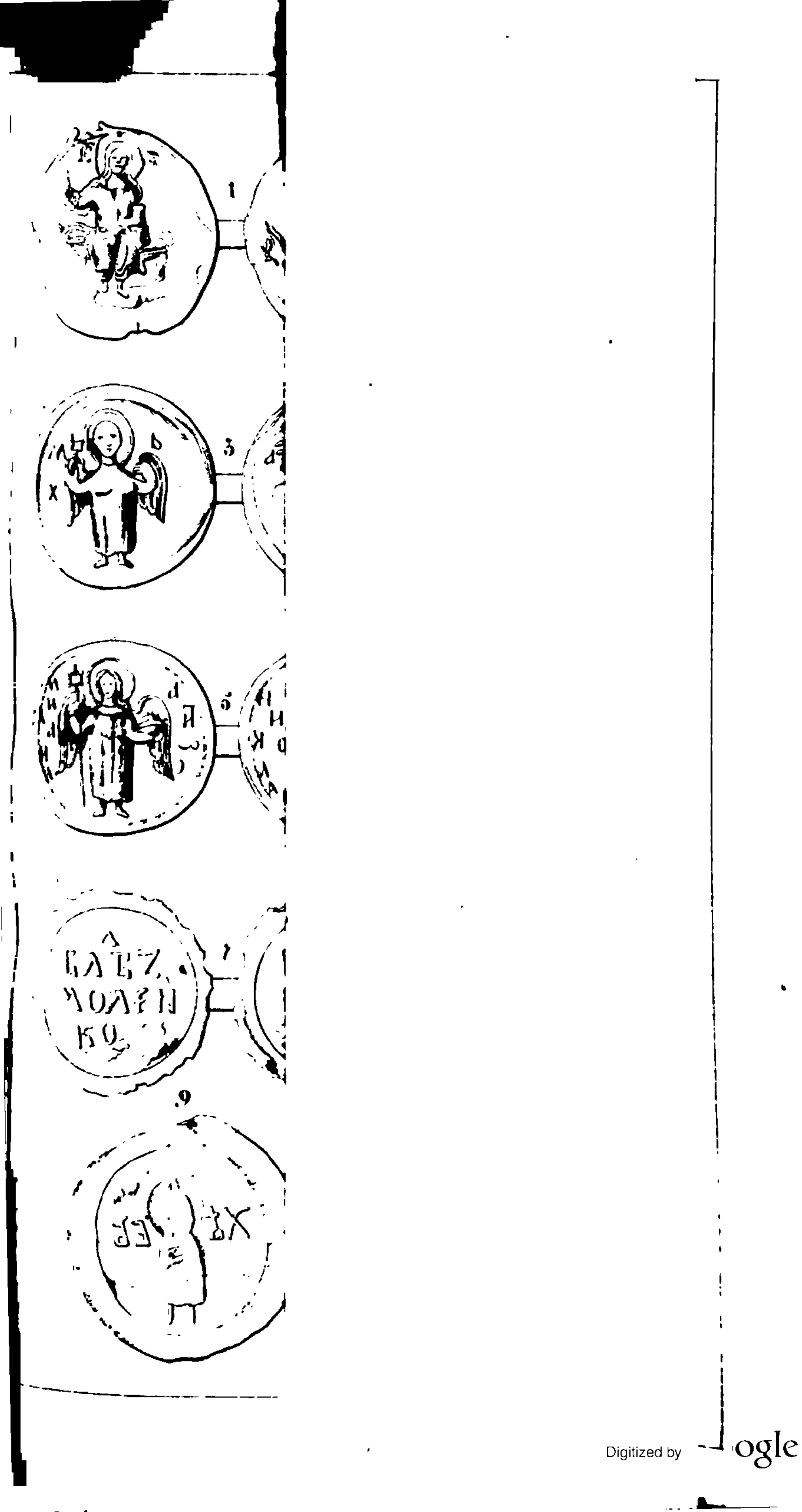


Таб II.

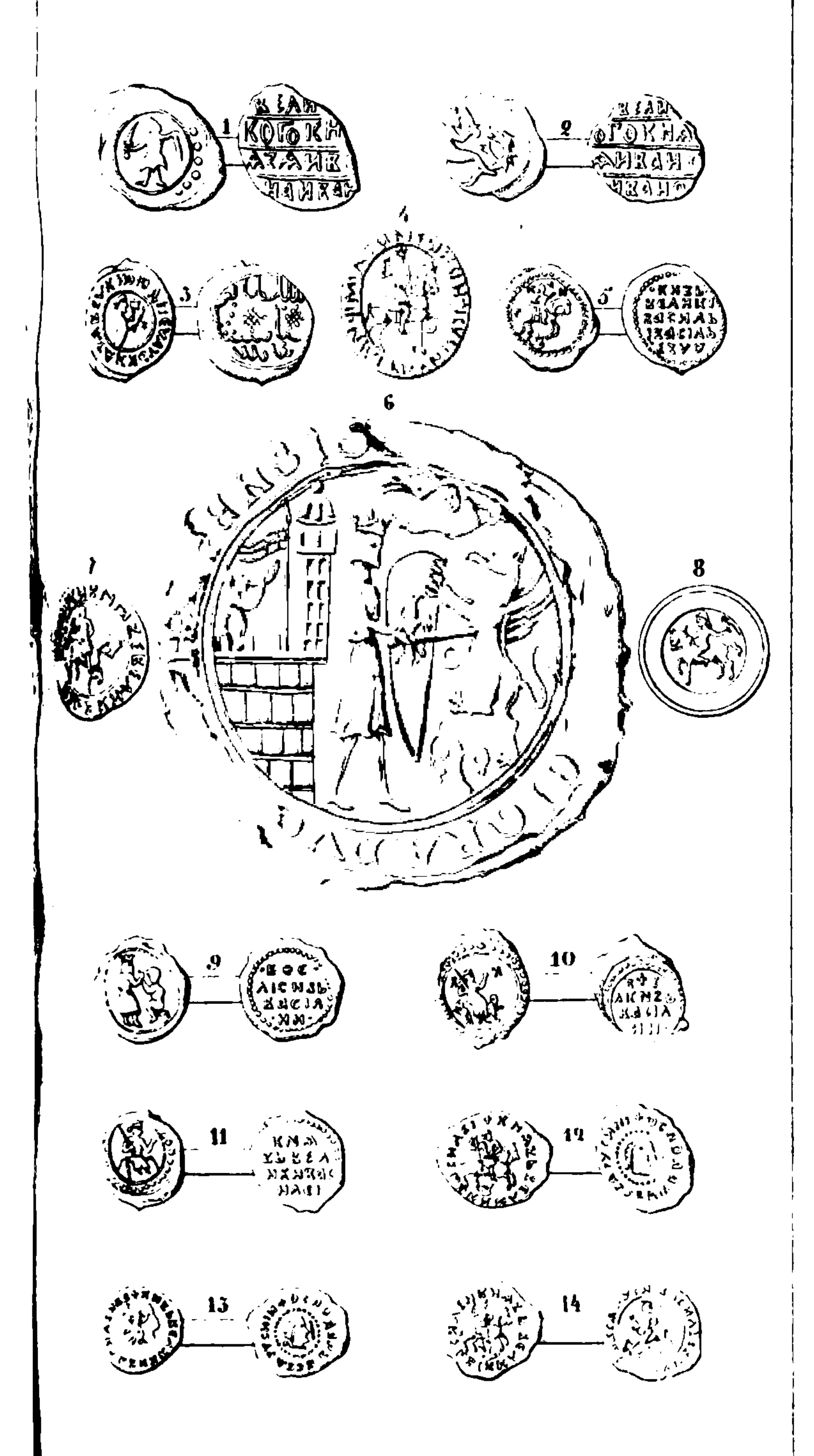


Таб. III.

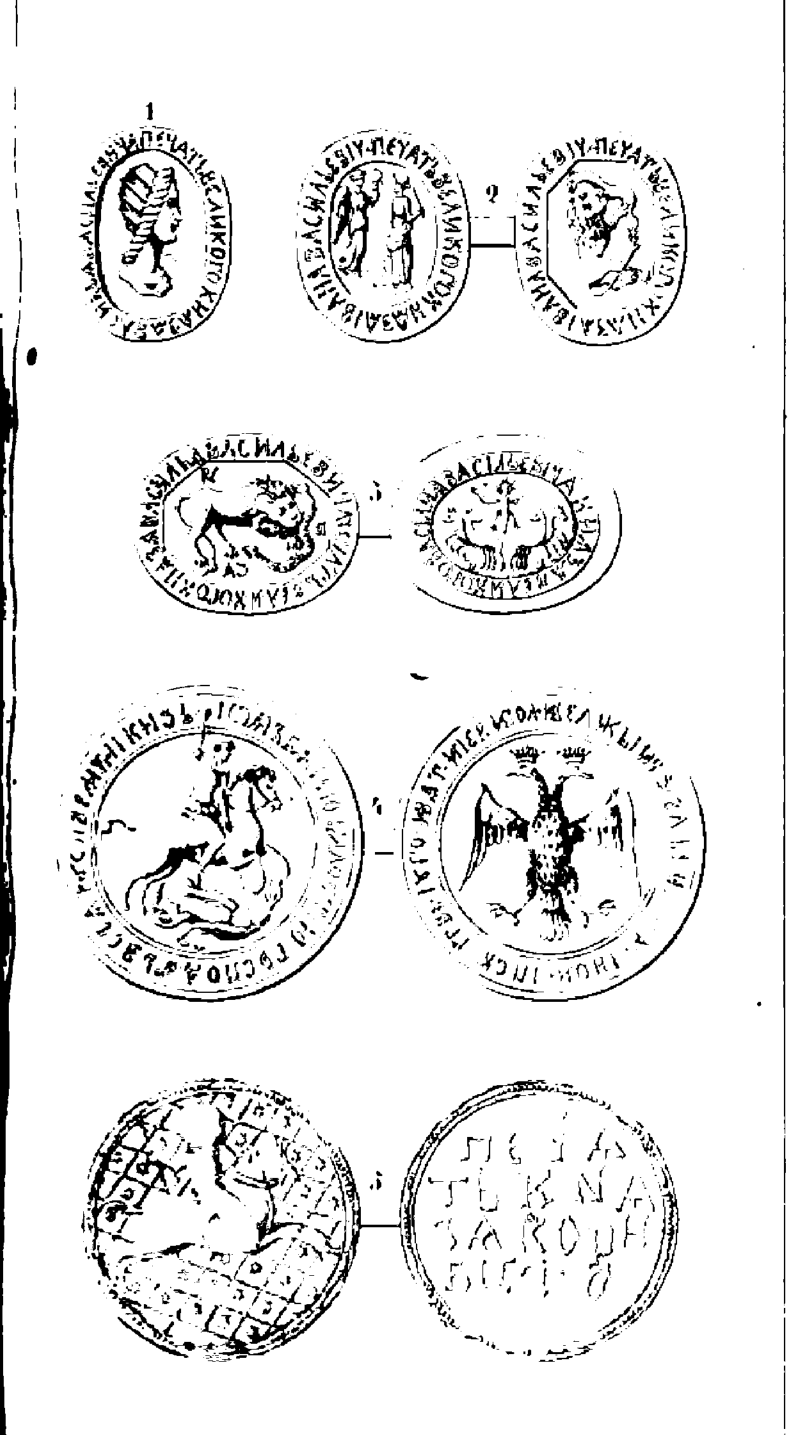



1
3
5
7
9

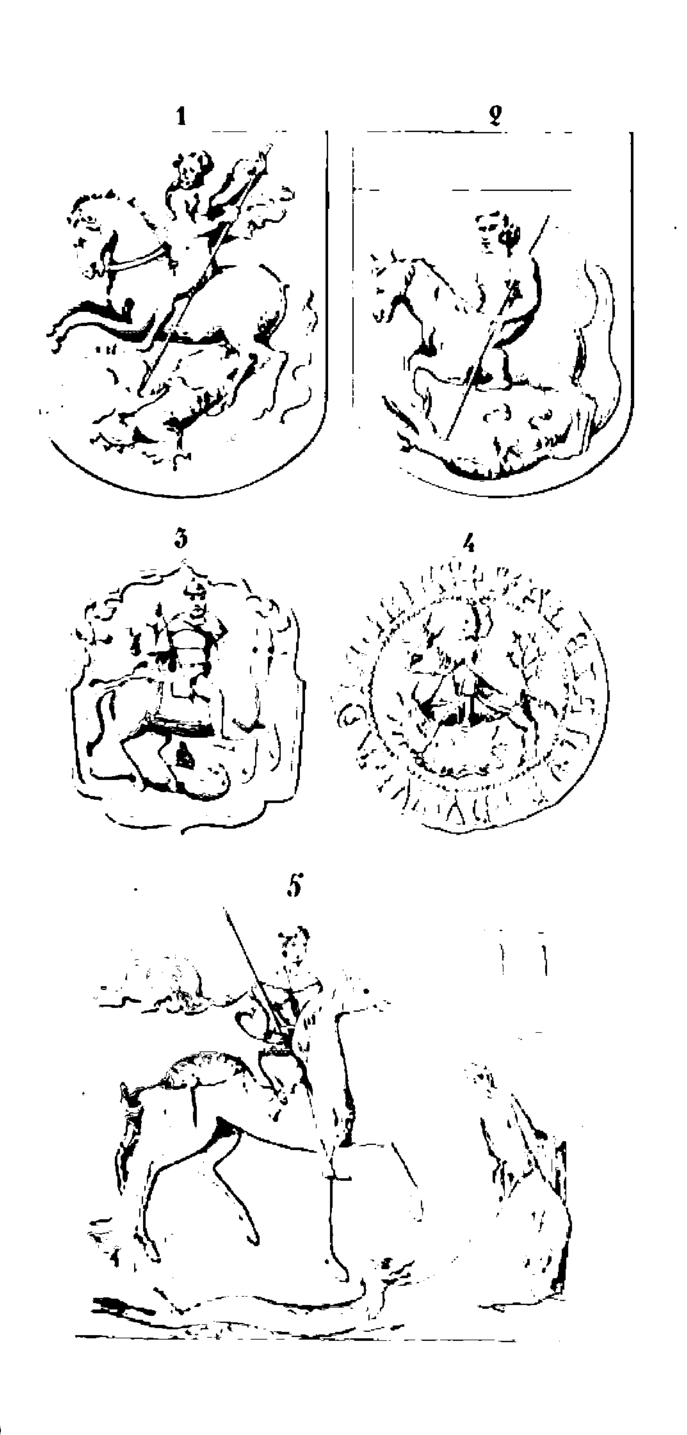
Таб. V.



Таб.VI.



Таб. VII



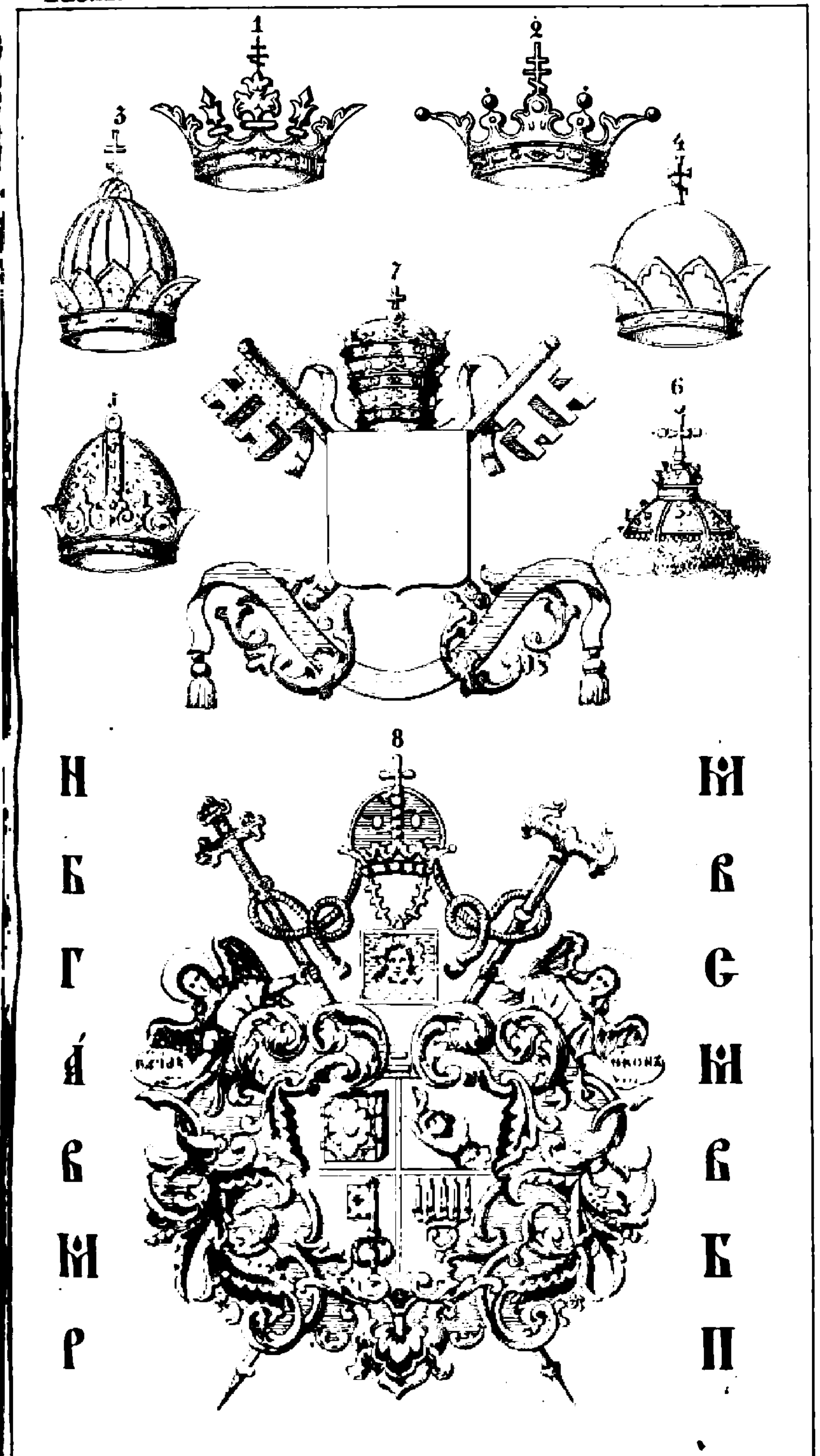
1

П М
А М
К Г
Є К
А П

2

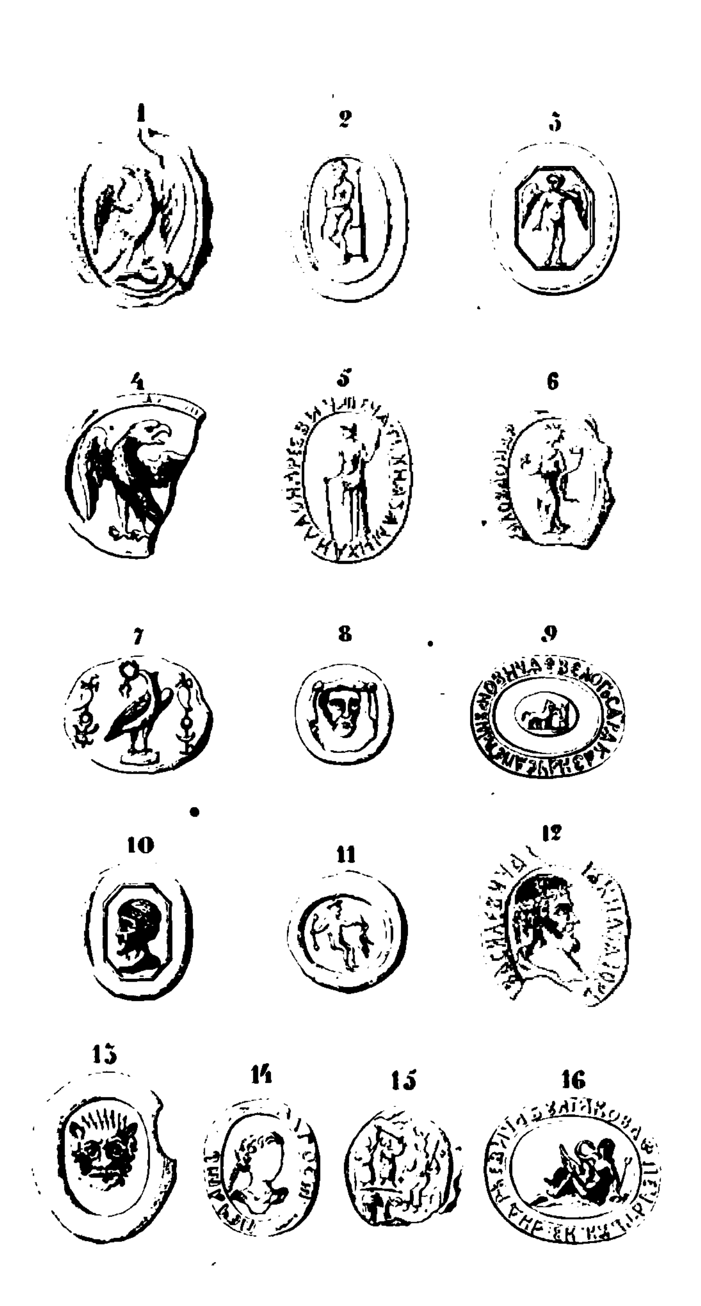
М
М
Г
К
П

Таб. X.



Гр. и Лит. Д. Демонткина, Невск. пр. против Думы, д. Розова. СПБ.

Таб. XI.



1
2
3
4
5
6
7
8
ПЕЧА
ТЬ НОВГО
РОДЧК
АЯ
9
ПЕЧА
ТЬ ВЕЛИК
ОГО НОВА
ТОРОДА

Таб. XIII.

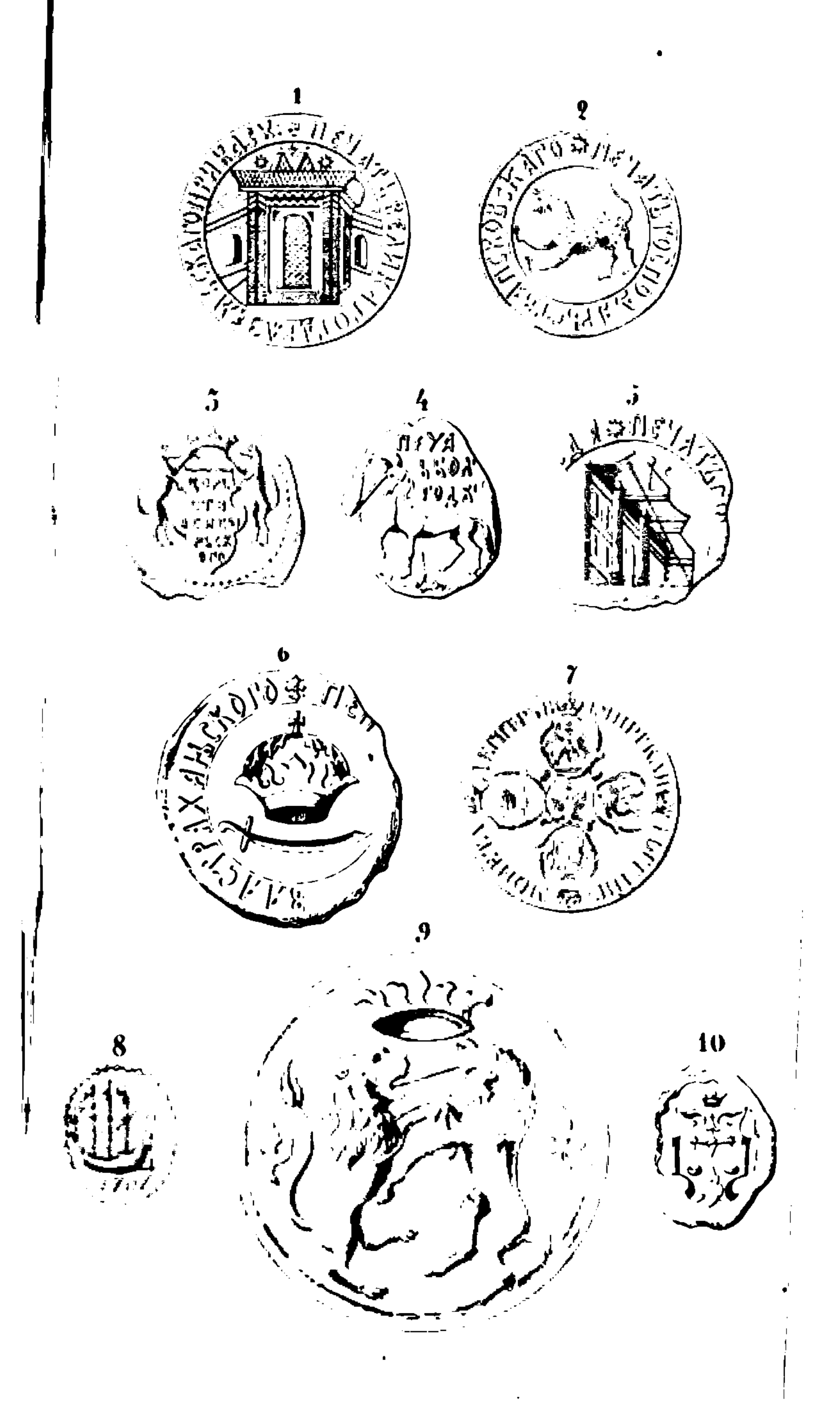
1

3

5

7

[illegible] Невск. пр. противъ [illegible] С.П.Б.



Таб. XV.

РУССКАЯ

ГЕРАЛЬДИКА.

СОЧИНЕНІЕ

Александра Лакіера.

═══

КНИГА II.

Часть 4-я:

Исторія дворянскихъ гербовъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1855.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ, узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Декабря 16-го 1854 года.

Цензоръ Н. Ахматовъ.

Въ Типографіи II-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЕРБЫ РУССКИХЪ ДВОРЯНСКИХЪ РОДОВЪ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Древность и составъ Русскаго дворянства.—Исторія дарованія ему гербовъ.

§ 76.

Какъ западно-европейскіе гербы объяснены нами исторіею дворянства, которое употребляло эти родовые знаки отличія, какъ исторія рыцарства въ его постепенномъ развитіи сдѣлала понятною эмблеммы и аттрибуты, въ рыцарскіе гербы кошедшіе, такъ и Русская Геральдика не будетъ ясна безъ исторіи дворянства Русскаго, котораго основы со всѣмъ иныя въ сравненіи съ дворянствомъ рыцарскимъ. Коснуться здѣсь этого предмета тѣмъ важнѣе и занимательнѣе, что этимъ путемъ только можно дойти до опредѣленія времени, съ котораго гербы вошли у насъ во всеобщее употребленіе. Если впрочемъ время это не отдалено отъ насъ десятками столѣтій, то изъ такого явленія никакъ нельзя вывести заключенія, будто дворянство наше ново. Противное тому говорятъ обыкновенно иностранцы, ищущіе у насъ рыцарства, забывая, что оно не могло быть безъ феодализма, точно такъ, какъ послѣднее условливалось завоеваніемъ и поселеніемъ Германскихъ народовъ

на завоеванной почвѣ. Не находя у насъ того, чего ищутъ, потому что искомаго не было и не могло быть въ Россіи, иностранцы изъ этого одного дѣлаютъ выводъ о недревности нашего дворянства. Всякій Русскій, знающій исторію своего отечества, конечно понимаетъ, какъ несправедливъ этотъ упрекъ; тѣмъ не менѣе предубѣжденіе это существуетъ, повторяется, и мы не считаемъ лишнимъ представить въ опроверженіе его нѣсколько доводовъ, не упуская при этомъ изъ виду нашей главной цѣли.

Выше не разъ уже была высказываема нами мысль, что различіе эмблемъ, въ гербахъ нашихъ употребляемыхъ, легко объясняется различіемъ происхожденія Русскихъ дворянскихъ родовъ, принесшихъ съ собою свои гербы или избравшихъ ихъ себѣ въ Россіи въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, откуда они выѣхали на службу Русскому Царю, равно какъ заслугами дворянъ Русскихъ на разныхъ поприщахъ. Поэтому говоря о древности Русскаго дворянства, мы должны коснуться другой стороны того же вопроса, т. е. состава, исторіи и окончательнаго образованія благороднаго у насъ сословія.

Въ смыслѣ западно-европейскомъ, къ древнему дворянству могутъ быть причисляемы тѣ только дворяне, которыхъ предки участвовали въ покореніи страны, гдѣ введенъ былъ феодализмъ, тѣ дворяне, которымъ дарованы права рыцарскія и баронскія. Роды, отъ лицъ этихъ происшедшіе, считаются самыми почетными по правамъ господства и преобладанія, которыя принадлежали имъ въ отношеніи къ ихъ вассаламъ. Что касается до древности, то первенство остается нынѣ за сохранившимися въ Италіи немногими родами, доказавшими свое происхожденіе по прямой линіи отъ Римскихъ патриціевъ.

Затѣмъ въ Западной рыцарской Европѣ Англія уважетъ дворянскіе роды, которыхъ начало теряется въ эпохѣ Вильгельма Завоевателя, Франція—роды, идущіе со временъ крестовыхъ походовъ и т. д. Такимъ образомъ древность происхожденія и самостоятельное обладаніе недвижимою собственностью считается на Западѣ необходимыми принадлежностями и доказательствами благородства. Принадлежатъ ли начества эти нашему дворянству?

Въ избѣжаніе упрека въ произвольныхъ догадкахъ о Славяныхъ въ т. н. доисторическія времена, мы не будемъ вдаваться въ подробности о тогдашнемъ бытѣ нашихъ предковъ и о тѣхъ слояхъ, которыхъ съ теченіемъ времени должны были составить первоначальную основу нашего дворянства; замѣтимъ только, что и въ то время, когда у Славянъ преобладала родовая стихія, у нихъ были свои Князья, старшивы, вожди, роды которыхъ не могли исчезнуть съ прибытіемъ къ намъ трехъ братьевъ Норманновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ послѣднихъ, въ ихъ безконечномъ раздробленіи, пошло многое множество княжескихъ и дворянскихъ фамилій, изъ которыхъ иныя уже вымерли, а другія процвѣтаютъ донынѣ. Съ теченіемъ времени къ этимъ двумъ кореннымъ и основнымъ стихіямъ прибавились новыя, пока изъ нихъ не сложилось одно цѣлое съ твердымъ устройствомъ и управленіемъ.

Какого происхожденія былъ Рюрикъ, исторія молчитъ, хотя трудно предположить, чтобы на вызовъ страны и союзныхъ племенъ «княжить и володѣть ими», пошли лица, неотличавшіяся благородствомъ происхожденія. Въ царствованіе Іоанна Грознаго, который свои притязанія на титулъ основывалъ на томъ, что «Великихъ Госуда-

рей Царей Россійскихъ корень изыде отъ превысочайшаго Цесарскаго престола, отъ прекрасноцвѣтущаго и пресвѣтлаго корени Августа Кесаря, обладающаго вселенною (1)», образовалась о происхожденіи Рюрика легенда, которая вошла въ родословныя книги. Вотъ она: въ то время, когда воплотился Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Римскій Императоръ Августъ, обладавшій всею вселенною, раздѣлилъ ее «въ содержаніе» братьямъ своимъ. Брата своего Пруса онъ поставилъ на берегахъ Вислы, въ города «Мадборокъ (Магдебуръ), Турунъ (Торнъ), Хвойницы, преславный Гдаескъ (Данцигъ)» и въ другіе города по теченію рѣки Немана, и по имени владѣтеля земли этой она до сихъ поръ именуется Пруссіею. Въ четырнадцатомъ колѣнѣ отъ Пруса былъ Рюрикъ. Въ то же время жилъ въ Новѣгородѣ старѣйшина именемъ Гостомыслъ; умирая, онъ посовѣтовалъ Новгородцамъ послать мудрыхъ мужей въ Прусскую землю и призвать оттуда Князей. Назовъ этотъ пришли изъ Пруссіи три брата отъ рода Римскаго Царя Августа (2).

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ (таковъ результатъ науки въ настоящее время), что пришедшіе къ намъ «съ роды своими» три брата отъ Варяго-Руссовъ были Норманы. Слѣдовательно, если бы необходимо было доказательство, для Западной Европы доступное, то мнѣніе ея о нашемъ дворянствѣ опровергается тѣмъ, что происхожденіе нашихъ Княжескихъ и древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ то же, какое и рыцарскаго дворянства, и восходитъ до половины IX столѣтія; слѣд. ни-

(1) Акты Археогр. Эксп. Т. II. № 7, стр. 17, № 44, стр. 101. Собраніе Гос. Гр. и Дог. Т. I, стр. 599, 602. Т. II, стр. 299, 303. Карамзина Ист. Гос. Рос. Т. IX, стр. 31 прим. 414. Histor. Russ. monum. a Turgenevio edita I. p. 346.

(2) Родословная книга Князей, дворянъ Россійскихъ и выѣзжихъ. Москва. 1787. Т. 1, стр. 11, 12.

сколько не моложе тѣхъ, которыми гордятся Франція и Англія. Что же касается до корня, отъ котораго пошли наши Князья, то смѣемъ замѣтать, что Вильгельмъ Завоеватель и другіе Норманны, ходившіе на добычу съ мечемъ въ рукахъ, были не болѣе какъ искатели приключеній, нападавшіе на ту или другую землю, проникавшіе по теченію рѣкъ во внутренность земель, которыя они и обращали въ свою собственность. Это были бездомные и безземельные витязи, ходившіе искать себѣ пріюта въ далекихъ странахъ, ввѣрявшіе себя и дружины свои измѣнчивымъ волнамъ морей. Туземцы покорялись силѣ пришлецовъ и, въ замѣнъ своей прежней независимости, своего народнаго устройства, получали право на извѣстное, не всегда одинаковое, количество земли, а ихъ отношенія къ новымъ обладателямъ малымъ чѣмъ отличались отъ обыкновенныхъ отношеній побѣдителя къ побѣжденнымъ, завоевателя къ плѣннымъ.

Не таково было прибытіе къ намъ Варяго-Руссовъ, и добровольный ихъ призывъ, предполагающій выборъ, не оставляетъ сомнѣнія въ хорошемъ происхожденіи тѣхъ, которые отозвались на приглашеніе Славянъ и союзныхъ племенъ. Безъ боя и насильственныхъ мѣръ совершилась та перемѣна въ правленіи и устройствѣ, которая всюду въ другихъ мѣстахъ оставила неизгладимые слѣды. Обстоятельство, что прежніе туземные роды не были покорены и неподвергались господству, какъ завоеванные, важно для исторіи нашего дворянства. А именно: народъ, у котораго преобладаетъ начало родовое, избираетъ себѣ въ старшины и представителя только лица изъ родовъ старшихъ, отличающихся своею древностью. Это-то старшинство и соединенная съ нимъ опытность и давали имъ право на тотъ почетъ, которымъ они всегда

отличаются. Исторія не сохранила извѣстій, какіе именно дворянскіе роды происходятъ отъ этого корня; тѣмъ не менѣе туземное происхожденіе многихъ благородныхъ поколѣній доказывается неупоминовеніемъ въ нашихъ родословныхъ и другихъ источникахъ о томъ, гдѣ ихъ начало, отъ какого благороднаго мужа они идутъ, откуда выѣхали, кѣмъ наконецъ возведены въ дворянство. Начало этихъ родовъ теряется въ незапамятной древности, а при твердости того родоваго начала, по силѣ котораго благородство передавалось неизмѣнно отъ родоначальника потомкамъ, нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что кровь тѣхъ благородныхъ Славянъ, которые призвали Норманновъ, донынѣ течетъ въ жилахъ многихъ Русскихъ дворянъ.

Другая, кромѣ древности происхожденія, отличительная для благородства черта есть, по мнѣнію Западной Европы, обладаніе недвижимою собственностью. И въ этомъ отношеніи наше коренное дворянство представляетъ явленіе единственное въ своемъ родѣ,—явленіе, которое разительно опровергаетъ всякія предубѣжденія противъ его благородства. Чтобы показать, какъ мало основательно мнѣніе въ этомъ отношеніи иностранцевъ и тѣхъ Русскихъ, которые, не разсуждая, принимаютъ на вѣру и повторяютъ его, мы считаемъ необходимымъ предварительно показать, какой объемъ самостоятельности владѣнія принадлежалъ Западно-Европейскимъ баронамъ, чтобы потомъ сравнить его съ Княжескою *вотчиною* и *удѣльною*, съ удѣлами нашихъ Князей.

Западно-Европейскій баронъ, получивъ отъ своего вождя участокъ земли, не становился чрезъ то самостоятельнымъ его обладателемъ, а напротивъ приходилъ къ вонунгу въ отношеніе подчиненія, и кромѣ того, что

былъ лишенъ правъ, принадлежащихъ самодержавной власти, какъ то бить монету, начинать войну, заключать миръ, кромѣ того, что подчинялся своему Государю въ высшихъ степеняхъ суда и управленія, онъ долженъ былъ вести свое войско подъ его знаменемъ, нести извѣстныя тягости и т. п. Въ рѣдкихъ случаяхъ только бароны, по большей части съ бою и мѣрами противозаконными, пріобрѣтали себѣ права полной самостоятельности, но это не болѣе какъ превышеніе и злоупотребленіе власти. Съ утвержденіемъ въ государствахъ Западной Европы монархическаго начала, права эти были уменьшены и превращены въ пользу Государей.

Если роды, отъ такихъ вассальныхъ владѣльцевъ происшедшіе, величаются своимъ благородствомъ, то не болѣе ли правъ на это имѣютъ наши Княжескіе роды, отъ Рюрика происшедшіе,—роды, предки которыхъ были вотчинными Государями, вотчинниками своихъ удѣловъ, съ правами, которыхъ не имѣлъ никогда ни какой вассалъ, ни какой баронъ? И права эти нисколько не были злоупотребленіемъ власти, не были беззаконно похищены, какъ это бывало на Западѣ, напротивъ у насъ это дѣлалось по обычаю и закону.

Великій Князь Ярославъ Владиміровичъ, вотчичъ и дѣдичъ всей Россіи, полученной имъ по наслѣдству отъ предковъ и частью добытой оружіемъ, раздѣлилъ ее между своими сыновьями. Явленіе это, хотя не единственное въ исторіи, имѣло послѣдствія, которыхъ не можетъ представить ни одна страна, непроникнутая преобладающимъ въ отчизнѣ нашей родовымъ началомъ.

Въ постепенномъ развѣтвленіи Княжескаго дома, Россія, дробясь все болѣе и болѣе, дошла до того наконецъ, что нѣкоторымъ Княжескимъ линіямъ принадлежалъ не-

рѣдко одинъ только городъ, одна волость, но какъ? на правахъ вотчинныхъ, т. е. съ правомъ самостоятельно владѣть и управлять удѣломъ, передавать его нисходящему потомству въ томъ же объемѣ, въ какомъ онъ полученъ по наслѣдству. Взаимные между удѣльными Князьями и съ Великимъ Княземъ, Государемъ всея Руси договоры и трактаты опредѣляли отношенія ихъ между собою.

Но въ то же время, не смотря на это раздробленіе, Россія не переставала въ сущности составлять родовую собственность всего Ярославова дома, что̀ спасало ее отъ окончательнаго распаденія, связывало въ минуты опасности, давало ей силу противъ враговъ и наконецъ способствовало тому, что безъ борьбы и насилія удѣлы примкнули къ Москвѣ, какъ центру, и сплотились съ нею твердыми, неразрывными узами. Сліяніе это совершилось незамѣтно: по мѣрѣ расширенія предѣловъ Московскаго Государства, уменьшались преимущества Князей удѣльныхъ, которые по взаимному согласію уступали Москвѣ свои владѣнія и права самостоятельности, заключали для того договоры и трактаты, выговаривали для себя все меньше и меньше правъ и наконецъ стали *служебными Князьями* Московскаго Государя. Даже Новгородъ и Псковъ никогда не утрачивали убѣжденія о единствѣ всей Государевой вотчины, что̀ и было высказано Новгородцами и Псковичами въ то время, когда Іоаннъ III требовалъ подданства отъ града Св. Софіи и ея пригорода (¹). Но лучшимъ подтвержденіемъ того, какъ дѣти Ярослава помнили (не смотря на нѣкоторые споры и вражды)

(¹) Собраніе Русскихъ лѣтоп. Т. VI. Первая Софійская лѣтопись стр. [illegible] 97 и сл.

единство кровнаго происхожденія и какъ сохранялась цѣлость Россіи при всемъ ея раздробленіи на самостоятельныя Княжества, служитъ исторія Князей Полоцкихъ и въ послѣдствіи Литовскихъ. Великій Князь Изяславъ, получивъ въ удѣлъ при жизни отца своего Владиміра Св. Полоцкъ, бывъ слѣд. отдѣленъ отъ прочихъ своихъ братьевъ, не считался совладѣльцемъ отчины Ярослава наравнѣ съ его дѣтьми. Въ продолженіе четырехъ столѣтій Литва и Кіевъ, потомъ Литва и Москва составляли два самостоятельныхъ, совершенно независимыхъ пункта, иногда замиренныхъ, по большей части враждовавшихъ, пока наконецъ Москва не взяла верхъ. Тѣмъ не менѣе коренная связь не была прекращена, и, по присоединеніи Литвы къ Россіи, Литовскіе Княжескіе роды заняли въ нашемъ дворянствѣ принадлежащее имъ по достоинству мѣсто, не смотря на то, что Литва цѣлыя столѣтія была отторгнута отъ Россіи, съ которою первоначально составляла одно цѣлое.

Такимъ образомъ, не преувеличивая можно сказать, что въ главѣ кореннаго Русскаго дворянства стоятъ потомки Государей разныхъ областей Россіи, удѣльныхъ Князей. Къ этому разряду должны быть причислены всѣ наши Княжескіе роды, отъ Владиміра Святаго происшедшіе, не исключая и тѣхъ родовъ, которые по случайнымъ обстоятельствамъ должны были на время расторгнуть хотя внѣшнимъ только образомъ узы, связывавшія ихъ съ родиною, но которые тѣмъ не менѣе оставались нераздѣльными съ отчизною по своимъ убѣжденіямъ, вѣроисповѣданію, не разъ стремились къ возсоединенію съ Москвою и наконецъ слились съ нею. Князья Чарторыйскіе, Пинскіе, Слуцкіе, Бѣльскіе и др. (не говоря уже о теперешнемъ ихъ подданствѣ Россіи) такіе же Русскіе

Князья, какъ Хованскіе, Голицыны, Трубецкіе и др.— Обстоятельство, почему первыхъ изъ нихъ привыкли считать не Русскими Князьями, тогда какъ никто не скажетъ того же о Трубецкихъ, Голицыныхъ, совершенно случайное и зависѣло оттого, что у первыхъ были владѣнія, которыя при разграниченіи Россіи съ Литвою отошли къ послѣдней. А такъ какъ принадлежность Россіи, Польшѣ или Литвѣ города или даже извѣстной волости было слѣдствіемъ побѣды или мирныхъ трактатовъ и взаимныхъ договоровъ, которыхъ содержаніе сообразно обстоятельствамъ неоднократно измѣнялось, то и принадлежность Литовскихъ Князей или вѣрнѣе владѣній ихъ къ Польшѣ не могло отнять у нихъ коренныхъ правъ, по силѣ которыхъ они оставались Русскими. Случай не можетъ лишать человѣка никакого важнаго и существеннаго преимущества. Для образца, какъ владѣніе опредѣляло подданство, мы приведемъ слѣдующій отрывокъ изъ договорной грамоты, заключенной 5-го Февраля 1494 году между Іоанномъ III и Александромъ Литовскимъ. По этому трактату были между прочимъ опредѣлены границы для владѣній того и другаго Государя, и въ соотвѣтствіе съ тѣмъ (такъ какъ служба лица и повинности, которыя они несли, были разложены *по землѣ и по водѣ*), необходимо было разграничить, кому изъ договаривающихся сторонъ подчиняется тотъ или другой Князь. «А по которая мѣста вѣдали волостели Осугу при Великомъ Князѣ Кестутьѣ, и моимъ волостелемъ по тому же вѣдати, а тобѣ Великому Князю Ивану не вступатися, также мнѣ Великому Князю Александру не вступатися у тобя и у твоихъ дѣтей въ вашу вотчину *въ городъ Вязму* и въ городы и въ волости *и во всѣ земли и воды Вяземскіе*, что въ Вязмѣ

нотягло, *ни Князей мнѣ Влзаемотишъ къ себѣ не приимати* . . . А Князи *Новосильскіе, Одоевскіе* и *Воротынскіе* и *Перемышльскіе* и *Бѣлевскіе* всѣ твои Великого Князи Ивановы и твоихъ дѣтей *и съ своими вотчинами*, къ вашему Великому Княжеству.» Далѣе по положенію вотчины, Князья одной и той же линіи могли служить разнымъ Государямъ. «А *Мезецкіе Князья*, Князь Михайло Романовичъ . . . служатъ тебѣ Великому Князю Ивану и твоимъ дѣтемъ *и съ своими отчинами*, что ихъ долницы въ городѣ въ Мезецку и въ волостѣхъ, а мнѣ Великому Князю Александру ихъ необидѣти и не приимати ихъ *и съ ихъ вотчинами*. А что служатъ мнѣ Великому Князю Александру *Мезецкіе Князи*, Князь Федоръ Сухой, да Князь Василій . . . и тѣ Князи въ Мезецку въ городѣ и въ волостѣхъ, вѣдаютъ свои отчины долницы свои, а тебѣ Великому Князю Ивану и твоимъ дѣтемъ ихъ не обидѣти и не приимати ихъ съ ихъ отчинами. А что у тебя въ нятствѣ *Мезецкіе Князи*, Князь Семенъ Романовичъ и Князь Петръ Ѳедоровичъ, и тебѣ тѣхъ Князей отпустити въ Мезецкъ на ихъ отчину, *и они кому хотять, тому служать и съ своими вотчинами*, что ихъ домницы въ городѣ въ Мезецку и въ волостехъ (1).». Вообще обстоятельство, кому подчиняются Князья пограничныхъ областей, часто измѣнялось, и не рѣдко въ одно и то же правленіе отдѣльное лице, не говоря уже о цѣлыхъ Княжескихъ поколѣніяхъ, при перемѣнѣ границъ владѣній, *тянуло* то къ Москвѣ, то къ Литвѣ. Потому-то мы и считаемъ его не существеннымъ: для насъ важны корень, отъ котораго идутъ Князья, и земли, которою они владѣли, ихъ удѣлъ.

(1) Собр. Гос. Грам. Т. V, стр. 17, 50.

А между тѣмъ во всей древней Руси не пресѣкалось искони сознаніе, что Литва есть Русская область, отторгнутая отъ своего центра при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и долженствовавшая возсоединиться и слиться съ нимъ, что̀ дѣйствительно и послѣдовало, какъ только Россія окрѣпла внутри, и Цари ея захотѣли возстановить свою древнюю прародительскую вотчину и дѣдину въ первоначальномъ объемѣ.

Ставъ *служебными Князьями* Московскаго В. Князя, Царя и обладателя всея Россіи, удѣльные Князья, наравнѣ со всѣми другими служилыми людьми, подчинялись распоряженіямъ разряда, который со всевозможною точностью велъ записки ихъ службъ придворной, военной и гражданской. Такимъ образомъ становится неумѣстнымъ всякое сомнѣніе, дѣйствительно ли нынѣ существующіе Русскіе Княжескіе роды ведутъ свое начало отъ сыновей Владиміра и Ярослава и продолжаются безъ перерыва. Какъ Княжескій родъ и въ немъ отдѣльное лице получали право на обладаніе извѣстною областью только и не иначе, какъ по началу родовому, по происхожденію отъ извѣстнаго родоначальника, такъ и потомкамъ ихъ придавалось при Московскомъ Дворѣ большее или меньшее служебное значеніе на томъ же основаніи старшинства происхожденія, и мы имѣемъ цѣлыя мѣстническія дѣла, состоящія изъ доказательствъ, отъ какой линіи Мономахова дома ведетъ свое начало тотъ или другой Княжескій родъ. Поэтому какъ каждый родъ, приходившій въ столкновеніе съ другими служилыми людьми, записывалъ для себя и потомства своего службы предковъ и происхожденіе ихъ, для опредѣленія на этомъ основаніи, кому то или другое лице *въ версту*, и кого оно моложе или старше, такъ съ другой стороны

и государство вело особые списки, въ которыхъ, кромѣ *родословія*, опредѣлявшаго старшинство происхожденія, тщательно записывались посылки, назначенія на службу, награды за нее, равно какъ вообще служебная дѣятельность лица до послѣднихъ мелочей, и слѣд. если бы частный человѣкъ имѣлъ выгоду вести себя отъ старшей линіи, не принадлежа къ ней, или скрыть извѣстную службу своего предка, то государственные разряды, въ которыхъ въ случаѣ спора находилась справка, открыли бы утайку, а *мѣстники*, основывавшіе на разрядахъ свои притязанія, конечно не преминули бы воспользоваться тѣмъ или другимъ несправедливымъ показаніемъ своего противника для доказательства его *потерки*, того, что онъ можетъ служить въ *одной верстѣ*, или даже ниже соперника. Оттого несомнѣнно основанное на родословныхъ книгахъ, равно какъ на разрядахъ, происхожденіе нашихъ Княжескихъ родовъ отъ царственнаго корня Владиміра Св. и Владиміра Мономаха. Можно ли затѣмъ сказать что нибудь противъ древности и благородства нашего кореннаго дворянства?

§ 77.

Кромѣ Князей, почетное мѣсто при Московскомъ Дворѣ занимали «*Цари* и *Царевичи* разныхъ земель, которые служатъ въ Московскомъ Государствѣ», какъ они неоднократно именуются въ нашихъ древнихъ историческихъ памятникахъ. Прибытіе ихъ къ нашему Двору и служба при немъ въ немаломъ количествѣ объясняются тѣмъ, что по сверженіи Татарскаго ига, вѣтви Чингисханова дома оставались долго еще въ разныхъ пунктахъ Россіи: въ Крыму, Казани, Астрахани до тѣхъ поръ, пока и отсюда они не были вытѣснены Московскими

Царями, которымъ и подчинялись. *Шертныя* грамоты, данныя имъ по этому случаю, обезпечивали Россію насчетъ вѣрности службы ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Русскій Государь, не лишая ихъ всѣхъ преимуществъ, принадлежащихъ имъ по первоначальному званію, предоставлялъ Царямъ и ихъ семействамъ нѣкоторыя права по своему усмотрѣнію до тѣхъ поръ, пока они не низошли на степень обыкновенныхъ Княжескихъ родовъ. Считая себя не въ правѣ излагать здѣсь въ подробности всю родословную Чингисханова дома ([1]), мы коснемся для примѣра генеалогіи *Князей Сибирскихъ*. Какъ прозваніе это ясно свидѣтельствуетъ о ихъ происхожденіи и о землѣ, которою они владѣли, такъ акты, сохранившіеся въ дѣлахъ Посольскаго Приказа, которому они были подвѣдомы, и въ домашнемъ архивѣ Князей Сибирскихъ, даютъ возможность прослѣдить исторію потомковъ царя Кучума до позднѣйшихъ временъ.

Извѣстно, что Сибирь, бывшая цѣлью для промысловъ Новгородцевъ, въ XI еще вѣкѣ посѣщалась Русскими, и что въ XIII столѣтіи Князья наши ѣздили къ берегамъ Амура на поклонъ къ Ханамъ. Въ XV столѣтіи начинаются наши завоеванія за Ураломъ, а въ XVI вѣкѣ Сибирь платила уже дань Москвѣ. Затѣмъ въ 1569 году по торжественному договору съ Царемъ Сибирскимъ Кучюмомъ, сыномъ Муртазы, происходившимъ отъ Чингисхана, страна эта утверждена въ подданствѣ Россіи; но, укрѣпившись въ Сибири, Кучюмъ пересталъ исполнять принятыя на себя по договору съ Москвою обязанности, что имѣло послѣдствіемъ дѣйствія противъ него вооруженною

([1]) Родословная Татарскихъ родовъ подробно изложена въ: Histoire généalogique des Tatars traduite du manuscript Tartare d'Abulgasi-Bayadur-Chan. Leyde. 1726.

рукою Строгановыхъ и подвиги Ермака. Въ правленіе Царя Θеодора Іоанновича Русскіе все болѣе и болѣе стѣсняли Кучюма, пока не завладѣли всею его областью. Наконецъ въ 1598 году Кучюма не стало, и Сибирь навсегда присоединена въ Москвѣ [1], все же семейство его переселено въ Россію. Сынъ Кучума Царь *Алей* былъ посланъ на житіе въ Ярославль, гдѣ и пожалованъ былъ помѣстьемъ съ обязавностью служить съ него. Сынъ Алея, Царевичь *Хансюеръ*, бывъ въ походѣ подъ Смоленскомъ, измѣнилъ Москвѣ и отъѣхалъ въ Литву, потомъ перешелъ къ Крымскому Хану, но былъ взятъ въ плѣнъ Казаками, сосланъ въ Сольвычегодскъ, потомъ въ Устюгъ и наконецъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича былъ возвращенъ въ Москву по просьбѣ отца. Между тѣмъ Алей, ссылаясь на свою старость, непозволявшую ему служить наравнѣ съ другими съ своего помѣстья, передалъ бо̀льшую часть его внуку своему *Калининку Хансюеровичу*, и затѣмъ осталось у него помѣстья—двѣ деревни, да двадцать двѣ пустоши. Вслѣдствіе того Царь Алей просилъ Государя о назначеніи ему *деннаго корма*, но такъ какъ помѣствымъ кормы не давались и по правилу помѣщикъ, немогшій самъ служить съ своего помѣстья, долженъ былъ сдать часть его другому лицу, которое и отправляло за него службу, то просьба Царя Алея осталась безъ удовлетворенія. Другой сынъ Царя Алея, *Алпъ-Арсланъ*, получилъ въ удѣлъ городъ Касимовъ и извѣстенъ подъ именемъ *Царя Касимовскаго*. Впрочемъ происшедшее отъ Царя Алея, равно какъ отъ третьяго Кучумова сына *Аблагаира* потом-

(1) *Карамзина* Исторія Госуд. Росс. Т. IX, стр. 79, 219, 226, 228, 242, прим. 644. Т. X, стр. 15, 16. Т. XI стр. 15—18. Abulgasi. p. 484--498.

ство пресѣклось, а настоящій родъ Князей Сибирскихъ пошелъ отъ втораго сына Царя Кучюма царевича *Алтаная*, который жилъ въ Ярославлѣ на Царскомъ жалованьѣ. У него было два сына, именовавшіеся еще Царевичами: *Достъ-Салтанъ*, по крещеніи Петръ, и *Ишъ-Салтанъ*, по святомъ крещеніи Алексѣй. Оба они, равно какъ ихъ жены и дѣти, погребены въ Новоспасскомъ монастырѣ въ Москвѣ и имъ придавъ титулъ Царевичей, который остался и за послѣдующимъ поколѣніемъ до конца XVII и начала XVIII столѣтій, а именно за дѣтьми Царевича Сибирскаго Алексѣя Алексѣевича: Григоріемъ, Василіемъ и Димитріемъ. Изъ нихъ второй, Василій, подвергся ссылкѣ по дѣлу Царевича Алексѣя Петровича, при которомъ находился. Засимъ дѣти его перестали называться Царями и царевичами и носятъ Княжескій титулъ. Родъ этотъ продолжается до настоящаго времени.

Подобно Царямъ Сибирскимъ, постепенно переходили въ Князья и другіе цари потомства Чингисханова, побѣжденные Московскимъ Государемъ, который имѣлъ потому полное право называться *Царемъ Царей* ([1]). Видя, что сила Московскаго Государя постоянно возвышается и что совмѣстно съ нимъ не возможно спокойное существованіе мелкихъ Киргизскихъ и иныхъ ордъ, властители ихъ, ханы и цари просили покровительства у Россіи и были принимаемы *подъ высокую руку* нашего Царя. Мало по малу они присоединялись къ Москвѣ, а владѣнія ихъ стали областями Россіи. Въ замѣнъ того ханамъ были даваемы земли или жалованье, а въ разря-

---

([1]) *Карамзинъ* т. X, стр. 114.

дахъ службы Московской имъ предоставлялось почетное мѣсто.

Вмѣстѣ съ царями Татарскаго происхожденія переходили ко Двору Московскому и въ службу Русскаго Государя мурзы и князья, окружавшіе своихъ Хановъ. Большая часть изъ нихъ приняла Святое крещеніе, пользовалась тѣмъ почетомъ, который принадлежалъ имъ по рожденію и царскому пожалованью, вступала въ бракъ съ Русскими, и только фамилія и гербъ ихъ потомковъ свидѣтельствуютъ донынѣ о томъ, какой странѣ и какому племени Россія обязана многими фамиліями, члены которыхъ ознаменовали себѣ предавностью Русскимъ Царямъ и своему новому отечеству. Понятно, отъ чего у насъ такъ много дворянскихъ родовъ, происшедшихъ изъ Орды и отъ Татаръ. Въ бархатной книгѣ, вмѣстившей въ себѣ показанія дворянъ о происхожденіи ихъ предковъ, во множествѣ упоминаются роды, выѣхавшіе изъ Крыма, Кафы, изъ Ордъ Большой, Золотой, Синей, Косуйской, Наручатской и изъ Татарскихъ земель вообще.

Что касается до другихъ странъ Европы, то должно признаться, что едва ли какая нибудь земля осталась для насъ вполнѣ чуждою и не внесла своей стихіи въ составъ Русскаго дворянства. Россія всегда была открыта для иностранцевъ, и въ нее въѣзжали отовсюду «мужи честны», по выраженію нашей Лѣтописи. Много выѣхало родовъ изъ Пруссіи и Германіи (Цесаріи), изъ *Нѣмецъ* вообще, хотя Англія, Франція, Италія, Турція, Греція и т. д. могутъ указать въ нашемъ дворянствѣ представителей, такъ сказать, своей народности. Впрочемъ выѣзды эти произошли такъ давно, роды эти такъ обрусѣли, что только гербъ свидѣтельствуетъ донынѣ о происхожденіи предковъ ихъ.

Наконецъ присоединеніе къ Россіи разныхъ областей и государствъ увеличивало число дворянъ Русскихъ благородными фамиліями этихъ странъ. Та неразрывная связь, которая искони существовала между Москвою съ одной стороны, Литвою и Польшею съ другой, связь, которая условливала безпрерывный переходъ къ намъ служилыхъ людей изъ этихъ земель, равно какъ возвращеніе къ Россіи при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ областей Приднѣпровскихъ, и въ послѣдствіи Смоленской, Витебской и другихъ Губерній, хотя и бывшихъ исконною вотчиною Русскихъ Государей, тѣмъ не менѣе состоявшихъ такъ долго подъ чуждымъ вліяніемъ, внесли въ списки нашихъ дворянъ множество родовъ Польскихъ, Литовскихъ и Малороссійскихъ. Не смотря на тѣсное ихъ слитіе съ тѣмъ центромъ, къ которому они примкнули, гербы ихъ носятъ неизмѣнные слѣды того, къ какому разряду дворянъ выѣзжихъ владѣльцы ихъ должны быть причислены.

Тоже должно сказать о дворянахъ Губерній Остзейскихъ, равно какъ Финляндіи и о родахъ, ведущихъ свое начало изъ странъ Кавказскихъ и Закавказскихъ.

Предки нынѣшнихъ Остзейскихъ дворянъ были рыцари Тевтонскаго ордена, переселившіеся въ XIII и XIV вѣкахъ къ берегамъ Балтійскаго моря изъ Германіи для распространенія христіанства между туземцами-язычниками. Утвердившись въ завоеванныхъ земляхъ, основавъ здѣсь города, они ввели въ нихъ феодальное управленіе: оно-то и послужило источникомъ для тѣхъ установленій и для того образа жизни, остатки которыхъ до сихъ поръ видны въ зданіяхъ, улицахъ, законахъ, гербахъ этихъ провинцій. Нѣтъ сомнѣнія, что Остзейское дворянство есть теперь одно изъ древнѣйшихъ рыцарскихъ, и гербы,

дворянамъ этимъ принадлежащіе, отличаются своею геральдическою правильностью и древностью. Для нихъ изданъ особый Гербовникъ.

Дворянство Финляндіи, въ основаніи своемъ Шведское, также искони имѣло свои гербы, помѣщенные въ особомъ гербовникѣ — Samling of Wapen för de Adelige Ätter som åro introducerade å Storfurstendömet Finlands. 1843.

Что касается до Князей и дворянъ Грузинскихъ и Кавказскихъ вообще, вошедшихъ въ составъ Русскаго дворянства, то необходимо замѣтить, что задолго еще до присоединенія Грузіи къ Россіи сношенія наши съ Кавказомъ были довольно тѣсны и часты; такъ при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ Кахетинскій владѣтель Леонтій обращался къ покровительству Московскаго Двора, и Грозный далъ ему грамоту съ золотою печатью, какъ своему вѣрноподданному. Затѣмъ въ 1586 году притѣсненія Персіянъ заставили Кахетинскаго Царя Александра II просить помощи у Царя Θеодора Іоанновича, который, принявъ отъ него присягу на вѣрноподданство, отправилъ посольство къ Шаху Аббасу Великому, съ извѣщеніемъ о принятіи Кахетіи въ подданство Россіи. Далѣе Карталинскій Царь Георгій, при Борисѣ Θеодоровичѣ Годуновѣ, и наслѣдникъ Александра Кахетинскаго Теймуразъ при Михаилѣ Θеодоровичѣ въ 1638 году, потомъ Мингрельскій Князь Левъ, а въ 1650 году Царь Имеретинскій Александръ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, испрашивали покровительства, вступали въ подданство Россіи и давали присягу на вѣрность. Цари *Горскіе* разныхъ наименованій, смотря по странѣ, изъ которой выѣхали, и Князья *Черкаскіе* встрѣчаются рано при Московскомъ Дворѣ. Они бывали часто въ свойствѣ съ Русскими В. Князьями и Царями

и ознаменовали свою преданность Россіи подвигами доблести на разныхъ поприщахъ государственной дѣятельности. Число Грузинскихъ фамилій, какъ отъ царственнаго корня происшедшихъ, такъ и дворянскихъ вообще значительно увеличивалось по мѣрѣ того, какъ Кавказъ подчинялся власти Русскихъ Государей. Начало покоренія этихъ странъ было положено Петромъ Великимъ, предпринимавшимъ походъ въ Персію. По силѣ трактата, окончившаго эту войну, Россіи уступленъ весь западный берегъ Каспійскаго моря до Астрабада. Не одинъ за тѣмъ походъ былъ предпринимаемъ Русскими Государями какъ съ цѣлью увеличенія владѣній нашихъ за Кавказомъ, такъ и для защиты Имеретіи и Мингреліи отъ Персіянъ и Турокъ. Только могуществу Россіи обязанъ этотъ край избавленіемъ отъ покоренія его Турками, и по договору, заключенному въ 1774 году между Россіею и Портою, послѣдняя отказалась отъ своихъ притязаній на Грузію, и признала независимость какъ ея, такъ и Мингреліи съ Имеретіею, а въ 1783 году Царь Грузинскій Ираклій призналъ себя со всѣми своими потомками зависимымъ отъ Россіи. Преемникъ его Георгій XIII, видя, что Грузія, безпрестанно подвергавшаяся нападеніямъ сосѣдей, слабая по недостатку твердыхъ установленій и лишенная матеріальныхъ силъ, не можетъ существовать самостоятельно, просилъ Государя Императора Павла Петровича принять всю Грузію въ подданство свое. Такимъ образомъ послѣ смерти Георгія XIII манифестами 18 Января (№ 19721) и 12 Сентября 1801 года (№ 2007) Грузія присоединена на вѣчныя времена къ Россіи (1). Въ настоящее благополучное цар-

(1) Обозрѣніе Россійскихъ владѣній за Кавказомъ, изданное отъ Министерства Финансовъ. Спб. 1836 года. 4 части.

ствованіе предѣлы владѣній Русскихъ за Кавказомъ значительно расширились, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и число дворянъ, которые, происходя изъ горскихъ племенъ, слились съ благороднымъ Русскимъ дворянствомъ.

Обозначивъ главныя, такъ сказать, стихіи, вошедшія въ составъ отечественнаго благороднаго сословія, мы не думаемъ, что исчерпали этотъ вопросъ, въ высшей степени занимательный самъ по себѣ и важный для Русской Геральдики. Собственно говоря, присоединеніе всякой области, даже и такой, гдѣ небыло рыцарства и связанныхъ съ нимъ учрежденій, не могло не имѣть вліянія на нашу Геральдику, въ которую такимъ путемъ вносились новыя эмблеммы, бывшія у насъ прежде неизвѣстными. Достаточно въ этомъ случаѣ указать хотя на Бессарабію. Первоначально принадлежала она Римлянамъ, потомъ была населена разными бродячими народами—Даками, Готами, Гуннами, Аварами, Печенѣгами, затѣмъ составляла часть Турціи, и по Бухарестскому трактату въ 1812 году присоединена къ Россіи вмѣстѣ съ восточною частью Молдавіи. Выѣзжавшіе къ намъ и прежде присоединенія Бесарабіи къ Россіи изъ Молдавіи и Валлахіи дворянскіе роды имѣли на своихъ печатяхъ эмблеммы, отличавшія ихъ происхожденіе, на прим. гербъ Петра Могилы (табл. IX, рис. 1, 2), Кантемировъ и т. д. Тѣмъ большее число дворянъ выѣхало къ намъ изъ этихъ странъ и увеличило собою отечественное дворянство, когда область эта была присоединена къ Россіи. Буйволова коронованная голова и летащая птица, несущая въ клёвѣ крестъ (см. выше стр. 168) видны теперь въ гербахъ нѣкоторыхъ нашихъ дворянскихъ фамилій, въ ознаменованіе происхожденія ихъ изъ Бессарабіи.

§ 78.

Краткій очеркъ исторіи образованія нашего дворянства набросанъ нами только для опроверженія мнѣнія тѣхъ, которые, сравнивая наше благородное сословіе съ западноевропейскимъ и не находя у насъ рыцарскихъ учрежденій, и въ числѣ ихъ гербовъ, отвергаютъ древность Русскаго дворянства. Считаемъ лишнимъ прибавлять послѣ того, что уже сказано, въ какой мѣрѣ подобное сужденіе согласно съ истиною и исторіею. А что у насъ, не смотря на все благородство стихій, въ составъ нашего дворянства вошедшихъ, долго, до конца XVII столѣтія, не было гербовъ, или, правильнѣе, о нихъ молчитъ законодательство наше, то это совершенно объясняется слѣдующимъ. Идея о гербѣ, какъ необходимомъ, для глаза видимомъ и осязательномъ отличіи каждаго дворянскаго рода, могла явиться не ранѣе самой идеи о дворянствѣ, какъ сословіи, имѣющемъ извѣстныя права личныя и имущественныя, равно какъ свою администрацію. Право на гербъ есть одно изъ личныхъ преимуществъ дворянина и не могло быть даровано ему, пока составныя части, послужившія къ образованію почетнаго сословія, были разрозвены до того, что не могли имѣть никакого общаго отличія, хотя не сомнѣнно, что отдѣльныя лица благороднаго происхожденія, служившія въ Русской службѣ и выѣхавшія изъ странъ, гдѣ существовали гербы, продолжали пользоваться и въ Россіи этимъ отличіемъ безъ перерыва. Но, повторяемъ, общее значеніе, какъ необходимая принадлежность дворянина, получилъ у насъ гербъ не ранѣе конца XVII и начала XVIII столѣтій, именно тогда, когда дворяне образовали изъ себя сословіе. Представляемъ вкратцѣ объясненіе и доказательства нашей мысли.

Изъ дружины, окружавшей Русскихъ Великихъ и Удѣльныхъ Князей въ качествѣ военныхъ спутниковъ и совѣтниковъ, съ теченіемъ времени, въ исходѣ XII столѣтія, образовался Дворъ, и лица, къ нему принадлежавшія, получали въ древнихъ нашихъ памятникахъ названіе *дворянъ*, но нисколько не въ томъ обширномъ смыслѣ, въ какомъ слово это употребляется нынѣ. Въ чиновной Іерархіи они стояли ниже бояръ и окольничихъ, *людей* думныхъ, и употреблялись какъ при Дворѣ собственно для того, чтобы придать ему болѣе блеска и значенія при пріемѣ, отпускѣ пословъ, бракосочетаніяхъ, церемоніяхъ разнаго рода, такъ и для посылокъ по дѣламъ военнымъ и гражданскимъ. Вообще при несуществованіи того разграниченія службъ, которое условливается только правильнымъ распредѣленіемъ должностей, придворные чины употреблялись всюду, по назначенію Князя, при которомъ служили. Естественно, что по мѣрѣ того, какъ росла сила Московскаго Великаго Князя, увеличивалось великолѣпіе Двора его и множилось число окружавшихъ его дворянъ, такъ, что наконецъ явилась потребность размѣстить ихъ по всѣмъ концамъ Россіи, начавъ отъ Москвы. Имѣя въ виду, что служба отправлялась *по землѣ и по водѣ*, съ угодій, во владѣніи лица находившихся, Московское Правительство не нашло лучшаго средства обезпечить служилыхъ людей и самую службу, какъ раздавъ имъ изъ казенныхъ и пустопорожнихъ земель помѣстья, участки сообразно отправляемой каждымъ должности, занимаемому *мѣсту* съ условіемъ, чтобы съ этого участка служилъ самъ помѣщикъ и выводилъ съ собою опредѣленное число людей *конныхъ* и *оружныхъ*, съ извѣстнымъ запасомъ продовольствія и въ опредѣленномъ вооруженіи.

Какъ помѣстье давалось только для службы и подъ условіемъ ея отправленія, какъ далѣе старость, слабость и вообще всякое препятствіе къ исполненію обязанностей служило поводомъ къ лишенію помѣстья и къ отдачѣ его другому способному лицу, такъ служба только связывала между собою помѣщиковъ, и по окончаніи ея они расходились по своимъ имѣніямъ, гдѣ спокойно жили до новаго *наряда*, до прибытія *окладчика*, сбиравшаго помѣщиковъ и наблюдавшаго, чтобы всякій изъ нихъ отправлялъ свою должность въ такомъ именно объемѣ, въ какомъ требовалъ законъ.

Дружина, подобная Московской, окружала и *младшую братью*, Удѣльныхъ Князей, и по присоединеніи ихъ къ Москвѣ въ качествѣ *служебныхъ Князей*, къ Московскому Великому Князю и Царю перешли *городскія* дружины и образовали собою *городовыхъ дворянъ*, служившихъ по городу и только изрѣдка пріѣзжавшихъ къ Московскому Двору. Какъ Московскіе дворяне, необходимые для службы, приближавшей ихъ къ Царю, видѣли постоянно его *Царскія очи*, такъ городовые дворяне могли являться при Дворѣ только изрѣдка, и такимъ образомъ служба *по Москвѣ* была выше и почетнѣе службы *по городу*. Въ слѣдствіе того, переводъ изъ городовыхъ дворянъ въ Московскіе считался повышеніемъ и наградою, какъ на оборотъ переведенный съ Москвы въ городъ служилый человѣкъ считалъ себя пониженнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ соотвѣтствіе съ различными степенями близости къ Царю лицъ, извѣстную должность занимавшихъ, и можетъ быть въ слѣдствіе привычки видѣть на опредѣленныхъ мѣстахъ, (напр. воеводами въ большомъ, передовомъ полкахъ, въ лѣвой или правой рукѣ, *смотрящими въ столы* на Государевыхъ обѣдахъ, ис-

полняющими извѣстные обряды на свадьбахъ Государей, на крестныхъ ходахъ и т. п.) болѣе или менѣе почетныя лица, образовалась сама собою обычная іерархія мѣстъ. По силѣ ея при назначеніи служилаго человѣка къ какой бы то ни было должности службъ военной, гражданской и придворной, обращали вниманіе на важность мѣста и на отношеніе лицъ, его занимающихъ, къ другимъ равнымъ и низшимъ чинамъ. Самая же важность должности условливалась съ одной стороны близостью къ Царю лица, властью облеченнаго, и съ другой тѣмъ, какъ великъ по *родословцу и разряду* былъ тотъ, кто прежде занималъ тоже мѣсто. Понятно, что при такомъ множествѣ составныхъ стихій, пока они не слились во-едино и не образовали изъ себя одного сословія, были неизбѣжны счеты о томъ, кто старше по происхожденію, *по родословцу*, какой удѣльный Князь отъ какой идетъ линіи и наконецъ кто выше по разрядамъ, по пожалованію отъ Государя и по службѣ. Споры *о мѣстахъ* должны были поэтому сопровождать всякую посылку, всякое назначеніе на службы, ибо эти начала родовое и служебное непремѣнно сталкивались, и хотя главное правило мѣстничества гласило: «что мѣстничаться между собою могутъ одни только родословные,» и что слѣдовательно этого права лишены лица, возведенныя въ боярство по разрядамъ, за службу, тѣмъ не менѣе столкновенія между ними были безпрерывны и увеличивались по мѣрѣ того, какъ прежнее родовое начало теряло свое первоначальное значеніе, а начало монархическое между тѣмъ росло и высилось. Строгія наказанія тѣхъ, кто мѣстничался *недѣльно*, все чаще и чаще повторявшіяся запрещенія, чтобъ въ извѣстныхъ службахъ, нарядахъ не было предъявляемо споровъ о

мѣстахъ, постепенно приготовляли совершенное сліяніе всѣхъ этихъ историческихъ оттѣнковъ въ одно стройное цѣлое. Но для того, чтобы подобное сліяніе могло воспослѣдовать, было главнымъ образомъ необходимо, чтобы: во первыхъ разряды изъ частныхъ, семейныхъ перешли въ правительственные и назначеніе на службу сообразовалось исключительно и единственно съ выгодами и потребностями Государства, мимо всякихъ семейныхъ счетовъ, и во вторыхъ чтобы составленіе родословныхъ книгъ, которыя велъ и вести имѣлъ выгоду каждый родъ для своей собственной *обороны*, приняло характеръ правительственный. Въ царствованія Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича запрещенія не мѣстничаться и наказанія тѣхъ, кто предъявлялъ свои притязанія на нарушеніе разряда, не согласнаго съ законами родоваго старшинства, были такъ часты, что исключеніе само собою перешло въ правило. Недоставало только положительнаго утвержденія закономъ этого порядка вещей, вылившагося изъ потребности времени.

Предлогомъ къ такой существенной и коренной перемѣнѣ послужилъ составъ нашего войска: оставаясь по прежнему, безъ измѣненія, оно оказалось не въ состояніи вступать въ бой съ непріятельскими войсками, у которыхъ были введены *новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы*. Къ тому же въ войскѣ нашемъ служило тогда множество иностранцевъ, для которыхъ были чужды и непонятны семейныя и родовыя распри о старшинствѣ; и потому Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь видѣлъ лучшее средство сравнить наше войско съ западно-европейскимъ съ одной стороны въ томъ, чтобы измѣнить прежнее устройство нашей арміи и съ другой уничтожить мѣстничество. Мысль эта важна сама по себѣ, какъ провозвѣстни-

ца послѣдующихъ преобразованій, сдѣланныхъ на томъ же поприщѣ Петромъ Великимъ; осуществленіе же ея Царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ богато послѣдствіями.

Оно было необходимо въ слѣдствіе переименованія служилыхъ людей въ званія и должности, бывшія у насъ прежде неизвѣстными, для которыхъ слѣд. обычай и законъ не могли еще установить никакой степени старшинства. Очевидно, хотя это и невыражено буквально въ грамотѣ 1682 года ([1]), цѣль во всемъ этомъ преобразованіи была одна, чтобы уничтоживъ прежнія должности, съ корнемъ вырвать вѣками утвердившіяся убѣжденія о старшинствѣ мѣстъ и лицъ, ихъ занимающихъ. Какъ ни много было подготовлено для такого преобразованія предыдущими событіями, какъ ни мало совмѣстно, по видимому, было прежнее воззрѣніе нашихъ служилыхъ людей на службу съ тѣмъ порядкомъ вещей, котораго заря уже восходила, вопросъ объ уничтоженіи мѣстничества требовалъ зрѣлаго обсужденія. Поэтому Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь, поручивъ разсмотрѣніе вопроса *о лучшемъ Государевыхъ ратей устроеніи и управленіи* Князю Василію Васильевичу Голицыну, велѣлъ быть при этомъ случаѣ «*выборнымъ* стольникамъ и Генераламъ, стольникамъ же и полковникамъ рейтарскимъ и пѣхотнымъ, и стряпчимъ и дворянамъ и жильцамъ, городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ». Мнѣніе выборныхъ людей состояло въ томъ, чтобы всѣхъ служилыхъ людей расписать въ роты, а не сотни, и вмѣсто сотенныхъ головъ установить ротмистровъ и поручиковъ изъ стольниковъ, стряпчихъ, изъ дворянъ и жильцовъ, *изъ всѣхъ родовъ и чиновъ съ головы безпремѣнно;* а между собою мѣстами не считаться и служить *безъ подбо-*

([1]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. IV, стр. 396—410.

ра, кому въ какомъ чинѣ онъ, Великій Государь, быти укажетъ.—Въ слѣдствіе того были переименованы въ ротмистры и поручики стольники, стряпчіе и дворяне. Но такъ какъ въ семьяхъ Князей Трубецкихъ, Одоевскихъ, Куракиныхъ, Репниныхъ, далѣе у Шеиныхъ, Троекуровыхъ и Лобановыхъ-Ростовскихъ не было лицъ, которыхъ бы можно было записать въ этѣ службы, за малолѣтствомъ, то бояре опасались, чтобы тѣмъ родамъ, которыхъ члены записаны на новую службу, не была поа вмѣнена *въ потерку* со стороны родовъ, сей неподвергшихся; а потому они полагали и послѣднихъ записать съ теченіемъ времени въ ротмистры и поручики и тѣмъ положить прочное основаніе уничтоженію навсегда и во всѣхъ дворянскихъ родахъ мѣстничества.

Для окончательнаго разсмотрѣнія однако этого важнаго вопроса Царь нашелъ необходимымъ созвать соборъ изъ лицъ духовныхъ: Патріарха, Архіереевъ и властей, и изъ свѣтскихъ: всѣхъ своихъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей. Въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ Царь изъяснилъ предъ соборомъ, какія неудобства происходили для Россіи отъ споровъ за мѣста, какъ въ слѣдствіе того *въ мимошедшая времена въ ратныхъ и въ посольскихъ и во всякихъ дѣлахъ чинилась великая пагуба и ратнымъ людямъ отъ непріятелей великое умаленіе.* Затѣмъ Царь показалъ, какъ предки его, понимая все зло и желая способствовать его уничтоженію, постоянно стремились къ ограниченію мѣстничества, какъ самъ онъ, Царь Өеодоръ Алексѣевичь, стремится къ тому же и наконецъ предложилъ на разрѣшеніе собора вопросъ: быть ли *всѣмъ разрядамъ и чинамъ безъ мѣстъ* или *по прежнему быть съ мѣсты*. Въ произнесенной за тѣмъ рѣчи, Патріархъ Іоакимъ доказывалъ, что любовь,

заповѣданная Спасителемъ, всего чаще нарушается несогласіями, возникающими въ слѣдствіе споровъ между *высокородными* о мѣстахъ, и что такіе споры возникаютъ не только между отдѣльными родами, но и между лицами, къ одному роду принадлежащими. Поэтому голосъ Патріарха былъ въ пользу искорненія такого *братоненавистнаго* установленія, во всѣхъ отношеніяхъ вреднаго и пагубнаго. То же мнѣніе выражали духовныя власти, бояре и думные люди: всѣ соглашались, что должно искоренить *отеческтвенное* мѣстничество и для уничтоженія памяти о прежнихъ спорахъ за мѣста предать огню всѣ прошенія, записки и дѣла, до этого предмета касающіяся, такъ чтобы уничтожить всякую даже память о мѣстничествѣ, «чтобы соблазна и претыканія никто никакого неимѣлъ».

Такое единодушное постановленіе земскаго собора было немедленно приведено въ исполненіе, и разрядныя книги преданы сожженію, избранные же для того отъ Царя бояринъ и думный дьякъ, а отъ Патріарха Митрополиты и Архіереи смотрѣли, пока книги эти совсѣмъ не сгорѣли.

Затѣмъ Патріархъ убѣждалъ бояръ, чтобы они не хранили у себя никакихъ записокъ о мѣстническихъ спорахъ, а приносили ихъ въ Разрядъ. Въ замѣнъ того Царь велѣлъ установить въ разрядѣ общую родословную книгу, извѣстную подъ именемъ бархатной и разрѣшилъ, чтобы каждый родъ велъ по прежнему свою родословную; для полноты же государственной родословной книги, веденіе которой ввѣрено Разряду, Царь предписалъ взять отъ отдѣльныхъ фамилій показанія, какія линіи и лица въ каждой изъ нихъ пропущены. Въ эту же книгу велѣно внести, по надлежащемъ удостовѣреніи, и тѣ *честные* роды, которые при прежнихъ Царяхъ занимали почетныя мѣ-

ства, были боярами, окольничими и думными людьми, равно какъ помѣстить тѣ *старые* роды, которые хотя и не были въ такихъ *честяхъ*, тѣмъ не менѣе съ царствованія Іоанна Васильевича Грознаго бывали въ посольствахъ, въ полкахъ, на воеводствахъ и въ другихъ *знатныхъ посылкахъ* или вообще были *людьми близкими* къ Государю. Затѣмъ велѣно было писать въ особыя книги: 1) тѣхъ, кто, не принадлежа къ исчисленнымъ видамъ службъ, съ царствованія Михаила Θеодоровича бывали послами, посланниками, полковыми воеводами и вообще служили *въ честныхъ чинахъ*, равно какъ записаные въ десятняхъ въ первой статьѣ; 2) тѣхъ, которые не были въ исчисленныхъ должностяхъ, а записаны въ десятняхъ въ средней и меньшей статьяхъ, и 3) тѣхъ, которые за службу отцовъ пожалованы изъ нижнихъ чиновъ въ Московскіе чины.

Съ теченіемъ времени правила, въ соборномъ дѣяніи объ уничтоженіи мѣстничества для составленія родословной книги постановленныя, дополнялись и объяснялись; такъ въ 1682 же году повелѣно причислять къ княжескимъ и другимъ дворянскимъ родамъ тѣ только фамиліи, о которыхъ удостовѣрятъ означенные роды, что онѣ идутъ отъ одного съ ними корня (1). Далѣе въ 1686 году велѣно родословную *обновить и пополнить*, включивъ въ нее роды, отъ Имеретинскаго Царя Арчила Вахтанговича происшедшіе, равно какъ Сибирскихъ и Касимовскихъ Царевичей и наконецъ Княжескіе выѣзжіе и иные честные роды (2).

Для того, чтобы расположить родословную по степенямъ и дать возможность *родословенно* всякій родъ и сво-

(1) Собр. Госуд. Гр. и Дог. IV, стр. 478, 479.

(2) Бархатная Книга Т. I, стр. 7—11.

кое его поколѣніе, восходя отъ родоначальника къ искомому лицу, повелѣно, не раздѣляя семействъ, отъ одного корня происшедшихъ, по разнымъ книгамъ, писать ихъ вмѣстѣ, не смотря на различія по службѣ, а показывать сперва роды, отъ старшаго колѣна происшедшіе, затѣмъ отъ втораго и т. д., если бы даже они измѣняли свое родовое прозваніе. Такимъ образомъ окончательное составленіе общей дворянской родословной книги относится къ царствованію Іоанна и Петра Алексѣевичей съ Царевною Софіею Алексѣевною, понимавшихъ, сколько можно заключить изъ ихъ указовъ, всю важность этого труда. Привести его въ исполненіе было поручено избраннымъ для того боярамъ, окольничимъ и думнымъ дьякамъ, составлявшимъ *Родословную Палату*.

Такимъ образомъ внесеніе въ общую родословную книгу всѣхъ *честныхъ* и *старыхъ* родовъ, знатныхъ по происхожденію и по службѣ, должно было сплотить воедино бывшія дотолѣ разрозненными составныя части нашего благороднаго сословія. А такъ какъ веденіе этого важнаго документа было поручено лицамъ, отъ Государства къ тому уполномоченнымъ, и внесеніе въ родословную книгу служило источникомъ для извѣстныхъ правъ и преимуществъ въ быту частномъ и общественномъ, то требовались положительныя доказательства отъ каждаго, кто желалъ быть внесеннымъ въ родословную книгу. Особенно же строго должно было исполняться требованіе это относительно иностранныхъ родовъ, служившихъ на разныхъ поприщахъ Русскимъ Царямъ. Они должны были представлять *явное о себѣ свидѣтельство*, т. е. доказательство о томъ, что дѣйствительно благородны по происхожденію и занимали почетныя въ Русской службѣ мѣста. Въ слѣдствіе того выѣзжія они

миліи, желавшія быть помѣщенными въ Родословной книгѣ и по благородному своему происхожденію обладавшія гербомъ, представляя при прошеніяхъ своихъ на имя Государей Феодора Алексѣевичей и его ближайшихъ потомковъ доказательства о своемъ благородствѣ, прилагали, нерѣдко за подписью *людей благонадежныхъ*, удостовѣренія о томъ, что предкихъ употребляли издавна гербъ съ извѣстными эмблеммами, и просили объ утвержденіи его за ними. *Родословная Палата*, по препровожденному къ ней отъ Царя прошенію, сносилась съ Посольскимъ Приказомъ о томъ, въ какой мѣрѣ справедливо показаніе лица о древности и знатности его рода и дѣйствительно-ли извѣстной фамиліи принадлежалъ гербъ, который она себѣ присвоивала. Посольскому Приказу были вообще подвѣдомы иностранцы, въ Россію пріѣзжавшіе, и потому свѣдѣнія о нихъ могли быть отыскиваемы только въ дѣлахъ этого государственнаго учрежденія. *Для* справокъ же о гербахъ была въ Посольскомъ Приказѣ *Латинская книга, называемая Гербовникъ Шляхетный Польскаго и Литовскаго народа, Окольскаго* Orbis Polonus, изданный въ Краковѣ въ 1641 году. На него, равно какъ на Папроцкаго и Стрыйковскаго дѣлались нерѣдко ссылки. Сообразно отзыву Посольскаго Приказа, если онъ утверждалъ принадлежность герба извѣстной фамиліи, этотъ знакъ благороднаго происхожденія за нею и утверждался.

Справки этѣ дѣлались такъ часто, что въ 1686 и 1687 годахъ была уже составлена въ Посольскомъ Приказѣ «книга въ десть», какъ показано въ описяхъ, «о родословіи и о гербахъ Россійскихъ разныхъ знатныхъ шляхецкихъ фамилій, кому по челобитью и по памятямъ изъ Родословной Палаты о тѣхъ фамиліяхъ и о гербахъ въ

Государственномъ Посольскомъ Приказѣ чинены выписки, о которыхъ фамиліяхъ и о гербахъ ихъ посольскихъ знатныхъ шляхтичевъ съ свидѣтельствованныхъ листовъ въ тѣхъ выпискахъ переводы имѣются и какъ о тѣхъ фамиліяхъ и о гербахъ съ тѣхъ чинимыхъ выписокъ изъ Посольскаго Приказу въ Родословную Палату въ памятяхъ писано, которымъ выпискамъ, памятямъ о тѣхъ фамиліяхъ и о гербахъ въ заглавіи книги сей описаніе по листамъ находится».

Заглавіе книги достаточно показываетъ, чего вправѣ были бы ждать отъ нея отечественныя генеалогія и геральдика; но, къ сожалѣнію, книга эта утратилась, и намъ удалось возстановить ее въ немногихъ отрывкахъ выписками изъ подлинныхъ дѣлъ того времени. Нѣкоторые особенно замѣчательные отрывки мы представляемъ здѣсь безъ измѣненія для того съ одной стороны, чтобы показать источники, изъ которыхъ почерпалъ Посольскій Приказъ свои свѣдѣнія о гербахъ выѣзжихъ въ Россію родовъ и съ какою добросовѣстностью онъ смотрѣлъ на этотъ тогда еще новый предметъ, а съ другой, чтобы привесть образчики геральдическаго языка того времени, языка, изъ котораго и теперь еще геральдика наша можетъ заимствовать много техническихъ словъ, что уже въ видѣ опыта и сдѣлано выше, въ §§ 11 и 17 нашего труда.

Обращаемъ вниманіе на слѣдующіе отзывы Посольскаго Приказа Родословной Палатѣ по дѣламъ о гербахъ:

1) *Хрущовыхъ*. Родъ ихъ выѣхалъ изъ Польши и въ 1686 году просилъ Царей объ утвержденіи за ними герба ихъ *Саламандра*. Отвѣтъ Посольскаго Приказа заимствованъ изъ книги Окольскаго (1) и состоялъ

(1) Orbis Polonus T. III. 89. 90.

въ слѣдующемъ: «Дана была Саламандра въ знакъ Францышку, первому Королю Французскому для того: или что посреди пламени нуждъ и бѣдъ побѣдитель бывалъ, какъ о томъ пишетъ мужъ премудрый именемъ Каусинъ, или что надъ Швейцарами, которыхъ знакъ принялъ есть, али надъ Нѣмецкимъ Цесаремъ Карломъ пятымъ, котораго гербъ Орелъ, цесарства ради, или надъ Княземъ Медіоланскимъ, котораго гербъ природный Змій есть побѣды восприниматель, какъ пишетъ премудраго мужа Алкіата перечнописецъ въ знакахъ на листу 58. Видима бо есть въ Палатѣ Королевской у источника доброй воды такова Саламандра, надъ которою златыми буквы подписано читаемо есть: свирѣпъ медвѣдь и орлы высокопарные и змій извитъ уступили пламени, Саламандра, твоему!—Толь превысокаго достоинства знакъ потомъ перешелъ въ гербъ добророднымъ въ Ческой землѣ Хрущовыхъ (у Окольскаго Chrançovii, Chranscovii), и для именной ва войнахъ храбрости и смѣлости, которою между пламенно сѣрными огньми и воинскими нарядами показали суть, и для того, что въ воинскомъ подъемѣ между каменными горами и твердыми неудобными стремнинами ядовитыхъ зміевъ полныхъ скорпіею, огнь разжегъ и у разселины убилъ хрущовъ, (по Польски *chrząszcz* значитъ *жукъ*) которыя близъ стану его ночнаго случились.—А герба ихъ описаніе подлинникомъ таково: животное тонкое и малое, скорпіи много подобное, не совершено желтымъ цвѣтомъ одѣянное, живетъ огнемъ, который вся смертная снѣдаетъ, во огни бо живетъ Саламандра; а въ семъ гербѣ на огнѣ сидящая Саламандра, свирѣпъ звѣрокъ съ распростертыми крылами, пишется на коронѣ хвостъ павлиновъ. А къ похвалѣ ихъ же напечатано: Гербъ шляхты Короны

Польской и Чеcкой, Саламандру егда вижу, по достоинству имъ, яко великимъ и смѣлымъ на войнахъ и противъ непріятеля отечественнаго и вѣры людемъ и побѣдителемъ, приложу надписаніе: животъ ихъ въ огни. Животъ ихъ въ огни рукодѣльномъ и пороховомъ, тѣхъ бо службы противъ Турокъ и подъ Варною того удостоилися, что имѣніе, данное при рубежахъ Ческихъ Хрущова воля имѣли дѣдичнымъ правомъ.—Саламандра въ великіо громы и въ престрашныя ненастья и дожди и во время водополья, вдоль и въ ширину потопляющаго воя, на свѣтъ выходитъ, о томъ пишетъ Каусинъ въ книгѣ ѳ.

Таковы, которымъ таковъ гербъ шляхетства данъ былъ, посреде волненій и непріятельскаго ружья и пушечнаго наряду, имя и достоинство восприяли есте».

2) Справка о *Лихачевыхъ*, по просьбѣ, въ 1697 году поданной: «Хоругвь церковная съ треми доли, *разсѣчена*, цвѣта желтоватаго, имѣя при концѣ каймы и крестъ посредѣ верха въ полѣ красномъ; на шлемѣ и вѣнцѣ суть перья струфокамиловы.—А о началѣ герба, какъ данъ, напечатано: Хоругвь есть древнѣйшее знамя воинское, у Персянъ, у Римлянъ и у Грековъ. Но такова образца знамя, каково Радваново есть, никому обще, но единымъ древнимъ въ коронѣ Польской Сарматомъ свойствуетъ: ибо Болеславъ смѣлый съ Роксоляны войну велъ. Начальникъ воинства, дабы тщательнымъ радѣніемъ безопаство воинству промыслить, посылалъ прежъ себя о непріятелѣхъ провѣдать, которымъ въ начальники человѣка полку воина Радвана именованнаго, назначилъ, которые, приказъ исполняя, на обозъ непріятелей Русаковъ напали, и видя, яко не могли отъ него ухоронятися, единымъ сердцемъ и душою умерсть уже думали, и тако воззвавъ Божіе имя, крѣпко сами перво на непріятеля напали; по-

спѣшило щастье: непріятель неначаемыхъ людей, чая, что имѣетъ людей запасныхъ, смутился, помѣшалося множество, взмялося; потомъ на другую сторону счастье обратися, оправились, побѣдителей убили и знамя воинское отбили, и такъ утерявъ знамя, испужався, учали пропадать, потомъ хотящу щастью, побѣжалъ Радванъ въ село ближнее, похватилъ хоруговь изъ церкви, прибѣжалъ на непріятелей, познали ратные люди своего водителя, воспріяли сердце, и помышляющу непріятелю, что новое войско съ новымъ знаменемъ воинскимъ пришло, разбили, да побѣду двоежды воспріяли. Возвратився въ обозъ Радванъ со многими плѣнники съ знамены, съ добычью и съ побѣдою во свидѣтельство вѣчные славы, хоруговь церковную съ крестомъ и половиною стрѣлы отъ Болеслава короля въ клеймо и гербъ шляхетства себѣ и наслѣдникомъ своимъ сподобился и улучилъ (¹);»

и 3) О гербѣ *Лаврицкихъ*. Гербъ ихъ описаніемъ таковъ: Подкова лошадина шипами внизъ обращена, на верху крестъ, а на немъ вранъ златъ перстень въ носу имый, поле свѣтлоголубое, воронъ черпъ, на вѣнцѣ тотъ же воронъ съ перстіемъ.

О началѣ герба напечатано: въ Коронѣ Полской достался отъ соединенія двухъ гербовъ, се есть ворона и Побогъ, мужъ бо герба Корвина или ворона, изъ королевства Угорскаго исходя, егда съ братомъ службы отдавалъ воинскіе королемъ польскимъ и княземъ Мазовецкимъ, оба свои жилища въ коронѣ уставили суть, но единъ изъ нихъ соблюлъ родительской гербъ корвинъ или ворона, а другой для супружества съ родомъ гербу Побогъ приялъ ихъ гербъ, которой гербъ поведеніемъ

(¹) Это переводъ слово въ слово изъ книги Окольскаго о гербѣ *Radwan*. T. II, стр. 560.

времени отмѣненъ и новое прозваніе принялъ есть, се есть *слѣповронъ*, а о немъ пишѐтъ: первый былъ Вратиславъ Слѣповронъ, которому Конратъ князь Мазовецкій, Государь и дѣдичь Плотскій, Червенскій и Ранскій, далъ привилей на имѣнія разныя, Слѣповраны и ины. Сынъ его Лаврета (у Окольскаго — Wawrzęń) Слѣповронъ.—О томъ лѣтописецъ Башко, каноникъ Познавскій, повѣствуетъ: «въ лѣто 1224 и послѣдующее Конрадъ, Князь Мазовецкій, въ побоищи, бывшемъ надъ Литвою, Прусы и Яцвинги противъ Болеслава Короля, прозваніемъ Стыдливаго, сотворя воеводу Лаврету Слѣповронъ (¹); а о исходящихъ отъ того Лавреты наслѣдникахъ, о Лаврецкихъ, въ книгахъ печатныхъ, что называются *Конституціи сеймовые* или *Уложеніе сеймовое*, напечатано: на генеральномъ сеймѣ подписалъ конституцію или уложенье сеймовое послѣ многихъ сенаторскихъ подписей и повѣтовыхъ пословъ рукъ изъ воеводства Сендомірскаго Ярославъ Александръ Лаврецкій.—А при обираніи нынѣ Короля Польскаго Яна третіяго на Варшавскомъ же сеймѣ обирательномъ, при многихъ воеводствахъ и повѣтахъ изъ Брацлавскаго повѣту, подписали выборъ нынѣшняго Короля Польскаго: Владаславъ Лаврецкій писарь Троцкій, Брацлавскій, да Ерофей Лаврецкій».

Менѣе замѣчательны къ тому же времени относящіяся свѣдѣнія, изъ Посольскаго Приказа въ Родословную Палату сообщенныя о гербахъ *Зиновьева*, *Карбышевыхъ*, *Одинцовыхъ*, *Украинцовыхъ*, *Загряжскихъ*, *Нелединскихъ* и др.—Во всѣхъ этихъ отзывахъ, по большей части, на основаніи *Окольскаго*, объясняется исторія эмблеммы, въ гербъ вошедшей, ея значеніе и похвала

(¹) Okolski. III. 121. 123.

ей. Всего болѣе касались запросы Родословной Палаты дворянскихъ родовъ, выѣхавшихъ изъ Польши и Литвы. Этихъ дворянъ, среди родовъ выѣзжихъ, было въ Россіи всего болѣе. Конечно тотъ же порядокъ наблюдался при справкахъ о гербахъ дворянъ, выѣхавшихъ изъ Германіи, Франціи и иныхъ земель. Со всякимъ годомъ царствованія Петра Великаго справки эти становились чаще и необходимѣе, потому что по мѣрѣ того, какъ расширялось поле преобразованій и нововведеній Петра Великаго, къ намъ стекалось отовсюду все болѣе и болѣе иностранцевъ. Многіе изъ нихъ отличались или образованіемъ или знатностью рода или опытностью, на службѣ иностранной пріобрѣтенною; и потому пріѣзжая въ Россію, они считали за собою право на отличіе и ни въ какомъ случаѣ не хотѣли лишиться тѣхъ преимуществъ, которыя принадлежали имъ по происхожденію, т. е. герба, равно какъ тѣхъ, которыя они пріобрѣли прежнею службою. Гербъ оставлялся за ними.

Труднѣе было найти мѣрило для вознагражденія иностранцевъ за ихъ службу у насъ. Жалованье, хотя и бо́льшее въ сравненіи съ тѣмъ, которое получали лица Русскаго происхожденія, тѣ же мѣста занимавшія, не могло удовлетворить выѣзжихъ служилыхъ людей; а между тѣмъ нельзя же было производить ихъ въ чины стольниковъ, стряпчихъ: какъ потому, что не возможно найти соотвѣтствія между древними, въ сущности придворными, чинами и тѣми должностями, которыя условливались новымъ устройствомъ коллегій, арміи и другихъ учрежденій, такъ и потому, что прежніе чины наши не могли бы удовлетворить честолюбія иностранца: для него они были непонятны, безъ значенія, и кромѣ того сами по себѣ не предоставляли лицу никакихъ особыхъ правъ, а

объемъ ихъ зависѣлъ отъ усмотрѣнія Государя и отъ назначенія служилаго человѣка на извѣстное мѣсто. По этому, какъ скоро пріѣзжалъ къ намъ иностранецъ, то, по удостовѣреніи, что онъ дѣйствительно носилъ за границею опредѣленный *рангъ*, его принимали у насъ въ соотвѣтственномъ чинѣ, котораго названіе переводили на Русскій съ Нѣмецкаго или инаго языка, смотря по тому, откуда прибыло лице. Подобные случаи повторились такъ часто, что наконецъ возведены до общихъ правилъ. Табель о рангахъ, въ 1722 году изданная, собрала ихъ во едино. Ей предстояло опредѣлить: какія права даруетъ рангъ человѣку, удостоившемуся получить его, и какія преимущества связаны съ благородствомъ, службою пріобрѣтеннымъ.—«Воинскимъ чинамъ», говоритъ Табель о рангахъ, «которые дослужатся до оберъофицерства не изъ дворянъ, то когда кто получитъ вышеписанный чинъ, оный *суть* дворянинъ (¹)». Хотя это *суть* долго служило какъ бы различіемъ между знатными родичами и выслужившимися дворянами, тѣмъ не менѣе предъ лицемъ Государства, въ правахъ какъ государственныхъ, такъ и частногражданскихъ, послѣдній нисколько не разнился отъ потомка Мономаха. Съ тѣмъ вмѣстѣ узаконено, что спутникомъ благородства служитъ гербъ, который и долженъ быть данъ каждому, достигшему опредѣленныхъ чиновъ. Петръ Великій хотѣлъ уничтожить и въ этомъ отношеніи разницу, между природными Русскими и выѣзжими къ намъ родами существовавшую. Какъ послѣдніе издавна обладали этимъ отличіемъ и домогались только утвержденія его Русскимъ Правительствомъ, такъ Петръ Великій узаконилъ, чтобы Герольдія, замѣнившая Разрядъ и потому оби-

(¹) 1722 г. Янв. 24 (№ 3890) п. 15.

занная вести родословную книгу и назначать на службу, занялась составленіемъ и утвержденіемъ гербовъ.

Такимъ образомъ исторія образованія отечественнаго дворянства неразрывно связана съ исторіею введенія у насъ гербовъ. Безъ первой осталось бы не понятнымъ, почему именно съ царствованія Θеодора Алексѣевича дворянскіе гербы ввелись у насъ, какъ установленіе, и почему Петръ Великій придавалъ имъ такое значеніе. Табель о рангахъ положила твердое основаніе составу Русскаго дворянства, подробно опредѣливъ, какія лица и какимъ путемъ пріобрѣтаютъ право на благородство, и хотя жалованная Русскому дворянству Императрицею Екатериною II грамота и нѣкоторыя позднѣйшія постановленія по тому же предмету въ нѣкоторыхъ статьяхъ измѣнили Табель о рангахъ, она остается въ нашемъ законодательствѣ основнымъ памятникомъ до настоящаго времени.

Дошедши такимъ образомъ до той эпохи, когда въ числѣ другихъ преимуществъ даровано Русскому благородному сословію право на гербъ, мы переходимъ къ исторіи установленія, которому было ввѣрено завѣдываніе этой части, т. е. *герольдіи* и вмѣстѣ съ тѣмъ укажемъ на разработку у насъ Геральдики, какъ науки.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

§ 79.

Исторія Герольдіи и отечественой Геральдики.

Прежде частныхъ гербовъ получилъ у насъ правильную, съ требованіями науки сообразную, форму гербъ Государственный. Если въ началѣ XVI столѣтія главная для него эмблемма черный двуглавый Орелъ былъ заим-

ствовань изъ Византіи, то оставалось ее дополнить разными аттрибутами, которые бы, соотвѣтствуя титулу Государя всея Россіи, представляли въ символическихъ знакахъ его силу и могущество. Той полноты и выразительности, которою въ настоящее время отличается нашъ Государственный гербъ, онъ не могъ бы достигнуть безъ участія въ этомъ дѣлѣ человѣка опытнаго въ геральдикѣ. Такъ какъ, мы видѣли, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Всероссійскій гербъ дошелъ до той полноты, которую въ сущности сохранилъ безъ измѣненія до нынѣ, то любопытно прослѣдить, какія именно лица помогали Царю на этомъ поприщѣ.

Вообще дипломатическія сношенія Россіи съ другими державами Европы, ставъ особенно часты со времени Царя Алексѣя Михайловича, вызвали потребность въ узнаніи титуловъ разныхъ Государей и родства ихъ между собою. Тогда-то начались у насъ переводы на Русскій языкъ разныхъ по этой части сочиненій, служившихъ руководствомъ для дѣйствій Посольскаго Приказа и хранящихся по большей части въ рукописяхъ въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Не менѣе необходимо было знать гербы окрестныхъ Государствъ; и дѣйствительно въ архивахъ нашихъ сохранились свѣдѣнія, что въ 1666 году живописецъ Станиславъ Лопуцкій писалъ Царю знама, «а на немъ четырнадцать печатей разныхъ Государствъ» (но какихъ именно, не сказано); а въ 1669 году тотъ же живописецъ писалъ «на полотнѣ гербъ Московскаго Государства и иныхъ окрестныхъ Государствъ гербы или клеймы, а подъ всякимъ гербомъ планеты, подъ которымъ каковы.»—Вѣроятно подобныхъ попытокъ собранія гербовъ было дѣлаемо нѣсколько, но выше

всѣхъ ихъ книга, написанная Австрійскимъ *Героальдомъ*, какъ у насъ онъ нерѣдко называется, Лаврентіемъ *Хурелевичемъ* или *Курелмчемъ*. Онъ былъ присланъ къ Царю, Алексѣю Михайловичу отъ Австрійскаго Императора, у котораго былъ совѣтникомъ и Герольдмейстеромъ. Рукописная книга его (въ листъ) отъ 1673 года сохранилась въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ оригиналѣ на Латинскомъ и въ переводѣ на Русскомъ языкахъ. Содержаніе ея видно изъ слѣдующаго заглавія: «О родословіи Россійскихъ Великихъ Князей и Государей, подносенная Царю Алексѣю Михайловичу отъ Цесарскаго Совѣтника и Герольдмейстера Лаврентія Курелича, съ показаніемъ имѣющагося, посредствомъ браковъ, сродства между Россіею и осьмью Европейскими державами, т. е. Цесаремъ Римскимъ и Королями: Англійскимъ, Дацкимъ, Французскимъ, Гишпанскимъ, Польскимъ, Португальскимъ и Шведскимъ, и съ изображеніемъ оныхъ Королевскихъ гербовъ, а въ срединѣ ихъ Великаго Князя Св. Владиміра, на концѣ же портрета Царя Алексѣя Михайловича». Какъ ни кажется трудъ этотъ въ настоящее время мало совершеннымъ, нельзя отрицать его пользы въ то время, которому принадлежитъ: онъ могъ служить важнымъ пособіемъ для Посольскаго Приказа при сношеніяхъ съ другими державами.

Изъ Русскихъ всего ближе было заниматься этою частью *Государевымъ Печатникамъ* и *Оберегателямъ Государственной печати*, и мы знаемъ сохранившуюся въ рукописи книгу Боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева: «Всѣхъ Великихъ Князей Московскихъ и всея Россіи Самодержавцевъ персоны и титла и печати». Трудъ этотъ составленъ по оффиціальнымъ источникамъ

и достоинъ вниманія, какъ единственный въ своемъ роде памятникъ.

При Петрѣ Великомъ, главнымъ Его помощникомъ въ дѣлѣ устройства Герольдіи, приведенія въ порядокъ прежде существовавшихъ гербовъ и пожалованія новыхъ былъ *Баронъ Фридерикъ Гизенъ*, лице въ высшей степени замѣчательное по своей многосторонней дѣятельности и по любви, которую питалъ къ нему самъ Царь.

Приглашенный Паткулемъ въ Русскую службу, Гизенъ вступилъ въ нее въ 1702 году, проникнутый удивленіемъ къ генію Петра Великаго, и обязался: 1) приглашать въ Россію иностранныхъ офицеровъ, инженеровъ, художниковъ, ремесленниковъ, а особенно такихъ, которые разумѣютъ Польскій и Богемскій языки; 2) уговаривать ученыхъ иностранцевъ, чтобы они свои сочиненія, особенно историческаго, политическаго и механическаго содержанія, посвящали самому Государю или Царевичу или лицамъ Царскаго Дома и писали о Государствѣ Русскомъ, чтобы знакомить съ нимъ иностранцевъ; 3) Высочайшее постановленіе объ учрежденіи регулярнаго войска перевести на иностранные языки и напечатать въ разныхъ мѣстахъ, и 4) посовѣтоваться съ разными почтамтами объ исправнѣйшемъ доставленіи Русскихъ писемъ.

Гизенъ ѣздилъ часто въ чужіе края съ разными отъ Царя порученіями; въ 1703 году былъ онъ назначенъ наставникомъ къ Царевичу Алексѣю Петровичу, котораго и сопровождалъ въ его путешествіяхъ, а между тѣмъ составлялъ онъ для Петра журналъ его съ 1695 по 1709 годъ (¹). Не касаясь здѣсь полезной дѣятельности Гизена на обширномъ дипломатическомъ поприщѣ, на кото-

(¹) *Туманскаго:* Собраніе разныхъ записокъ о Петрѣ Великомъ, Т. III и VIII.

ромъ онъ такъ часто былъ употребляемъ, мы обращаемся къ его геральдическимъ трудамъ.

По приказанію Государя, Гизенъ обработалъ разныя сочиненія. Изъ нихъ до Геральдики относятся слѣдующія: 1) проэктъ учрежденія Коллегій и Табель о рангахъ, для которой изъ иностранныхъ сочиненій извлечено все, что только можно было приспособить къ Россіи; 2) о порядкѣ жалованія достоинствъ: Княжескаго, Графскаго, баронскаго и дворянскаго и о формѣ грамотъ и дипломовъ, и 3) проэктъ о Герольдіи. Свои знанія въ Геральдикѣ Гизенъ примѣнилъ къ исправленію Государственнаго герба, который онъ велѣлъ выгравировать въ Вѣнѣ и два раза издавалъ въ Саксоніи съ подробнымъ описаніемъ [1].

Судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя остались о жизни и сочиненіяхъ Гизена, равно какъ объ уваженіи, которое Петръ Великій питалъ къ его способностямъ и познаніямъ, нѣтъ сомнѣнія, что мысль объ учрежденіи Герольдіи была плодомъ трудовъ Гизена.

§ 80.

Выше было уже замѣчено, что дѣла о гербахъ вѣдались первоначально въ Посольскомъ Приказѣ. Кромѣ того, что гербы въ настоящемъ значеніи слова стали употреблять въ Россіи прежде другихъ иностранцы, состоявшіе въ вѣдѣніи этого Государственнаго учрежденія, подчиненіе ему этой части могло условливаться и тѣмъ еще, что въ главѣ дипломатическихъ сношеній Россіи стоялъ въ то время человѣкъ, который пользовался личнымъ довѣріемъ Царей нашихъ—*Князь Василій Васильевичъ Голицынъ*, равно какъ и тѣмъ, что не

[1] Энциклопедическій Лексиконъ Т. XIV, стр. 213.

хотѣли отнять завѣдыванія частными гербами отъ лица, которому была ввѣрена печать государственная, отъ ея Оберегателя. Такимъ образомъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій гербы *сказывались* изъ Посольскаго Приказа, что и оставалось до учрежденія Герольдіи.

§ 81.

Такимъ образомъ очевидно, что задолго еще до установленія Герольдіи были даны гербы многимъ выѣхавшимъ и Русскимъ дворянскимъ фамиліямъ, и даже самое множество гербовъ, вошедшихъ у насъ въ употребленіе, и присвоеніе ихъ тѣми, которые не имѣли права на такое отличіе, побудило Петра Великаго учредить Герольдію. Такимъ образомъ въ 1722 году велѣно быть при Сенатѣ, въ числѣ другихъ чиновъ, и Герольдмейстеру «или иному какому чину, кто бъ дворянъ вѣдалъ и всегда представлялъ къ дѣламъ, когда спросятъ (¹)». А такъ какъ между разборомъ доказательствъ права на дворянство и дарованіемъ герба существовала тѣсная связь, то въ Табели о рангахъ постановлено, чтобы съ доказательствами о дворянствѣ и о принадлежности герба обращались къ Герольдмейстеру. Ему же предоставлено, смотря по заслугамъ, давать гербы Русскимъ и иноземцамъ, которые, хотя бы происходили и не изъ дворянъ, дослужатся до положенныхъ чиновъ (²).

Постановленіе это такъ кратко, что требовало объясненія, и оно послѣдовало въ инструкціи, данной въ 1722 году первому Герольдмейстеру Колычеву.

По силѣ ея, вмѣнено Герольдмейстеру въ обязанность,

(¹) 1722 года Генв. 12 (№ 3877) Именной.
(²) 1722 г. Янв. 24 (№ 3890) п. 16.

вѣдать дворянство всего Государства, высшихъ и низшихъ, прежнихъ и вновь установленныхъ Петромъ Великимъ военныхъ, гражданскихъ и придворныхъ чиновъ, и вести имъ списки трехъ родовъ: 1) генеральные, именные и порознь по чинамъ; 2) кто изъ дворянъ къ дѣламъ годится, въ какой кто находится должности и кто за тѣмъ остается отъ должности свободнымъ, и 3) сколько у кого дѣтей и какихъ лѣтъ. Для этой цѣли велѣно было передать Герольдмейстеру списки, которые прежде велись въ Разрядѣ. Такіе списки должны были быть дополняемы по представляемымъ въ Герольдію свѣдѣніямъ, и по нимъ Герольдмейстеръ обязанъ слѣдить за тѣмъ, чтобы дворяне не укрывались по городамъ отъ службы, подъ штрафомъ натуральной или политической смерти. Герольдія напротивъ, должна быть всегда въ состояніи указать, кто по своимъ способностямъ и состоянію можетъ занять то или другое мѣсто и потомъ отсылать избраннаго туда, куда его въ Сенатѣ опредѣлятъ. Въ слѣдствіе того лицу, замѣнившему Разрядъ, было поручено наблюдать и за нравственною стороною дворянъ, и повелѣно во вниманіе къ тому, что ученіе было у насъ мало распространено, въ гражданскихъ же и собственно экономическихъ дѣлахъ мы отстали отъ другихъ, завести, пока не будетъ устроена Академія, «*краткую школу*», гдѣ учить дѣтей знатныхъ и среднихъ фамилій *экономіи* и *гражданству* и при томъ наблюдать, чтобы гражданской службѣ, въ ущербъ военной, не посвящало себя болѣе одной трети членовъ каждаго семейства. Законодатель самъ чувствовалъ, что привесть предположеніе это, совершенно новое, въ исполненіе будетъ трудно; и потому повелѣно руководства для веденія родословныхъ и содержанія въ порядкѣ книгъ

прежнихъ, такъ и вновь данныхъ гербовъ искать въ книгахъ, существующихъ по этой части въ другихъ Государствахъ и перевести на Русскій Языкъ необходимыя для того сочиненія и пособія (1).

Цѣль, которая была въ виду Государя при установленіи Герольдмейстера, представлялась такою важною, что были употреблены всѣ усилія для достиженія ея: отъ правильнаго устройства этого учрежденія зависѣлъ порядокъ въ назначеніи и распредѣленіи на службу дворянъ, которые, привыкнувъ къ старому порядку вещей, по введеніи новыхъ служебныхъ отношеній, нерѣдко скрывались отъ службы и тѣмъ препятствовали исполненію предположеній Государя. Отъ того безпрерывныя наставленія и подтвержденія, особенная заботливость о томъ, чтобы Герольдмейстеръ добросовѣстно исполнялъ возложенную на него обязанность, особая для него присяга и строгія угрозы за неисполненіе имъ должности (2).

Въ царствованіе Императрицы Екатерины I въ главѣ занятій по Герольдіи видимъ человѣка, сколько можно судить по оставшимся отъ того времени слѣдамъ, въ дѣлѣ этомъ свѣдущаго и потому пользовавшагося особенными отличіями и преимуществами *Графа Сантія* (де-Санти). Онъ былъ опредѣленъ въ Герольдію въ 1724 году «для отправленія Геральдическаго художества», но главная его дѣятельность относится къ позднѣйшему времени. Для обезпеченія положенія Гр. Санти въ Россіи, ему даны: жалованія 1600 рублей, домъ на квартиру и за нарисованіе каждаго новаго герба позволено сбирать по два рубля на краски (3). Въ старыхъ дѣлахъ

(1) 1722 г. Февраля 5 (№ 3896) Инструкція Герольдмейстеру.

(2) 1722 г. Окт. 23 (№ 4114) Сенатскій. 1725 г. Сентября 22 (№ 4776).

(3) 1726 г. Февр. 9 (№ 4831) Имен.; 1735 г. Ноября 18 (№ 7442) Сенатскій.

сохранились замѣчанія его на многіе гербы, которые представлялись въ герольдію на утвержденіе. Тотъ же Графъ де-Санти составилъ гербы для многихъ городовъ Русскихъ (ср. Герб. Т. V, стр. 129).

Что касается до дальнѣйшей судьбы Герольдіи, какъ учрежденія, то несмотря на нѣкоторыя, несущественныя по большей части, измѣненія (1), предметы вѣдомства ея оставались тѣ же (2). При раздѣленіи въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины II Сената на 6 департаментовъ и распредѣленіи между ними занятій, дѣла по Герольдіи подчинены 1-му департаменту (3).

Для приведенія въ извѣстность, какой гербъ какому принадлежитъ дворянскому роду, и для окончательнаго утвержденія гербовъ, было въ 1797 году повелѣно составить въ Герольдіи, подъ высшимъ наблюденіемъ Генералъ-Прокурора Князя Куракина, *Общій дворянскихъ родовъ Гербовникъ,* причемъ былъ указанъ порядокъ для распредѣленія гербовъ. Въ первомъ отдѣленіи должно было помѣстить древнія благородныя фамиліи по старшинству родовъ, начиная съ Князей и Графовъ, потомъ бароновъ, наконецъ дворянъ, со времени соединенія помѣстій съ вотчинами, не внося сюда однако Князей и Графовъ Римской Имперіи, Русскими Государями въ семъ достоинствѣ не утвержденныхъ: ихъ велѣно оставить въ классѣ дворянства, по благородному ихъ происхожденію; равномѣрно запрещено включать въ число княжескихъ родовъ Князей Татарскихъ. Второе отдѣленіе назначалось для

---

(1) 1727 г. Февр. 24 (№ 5016 и 5017) Именной.

(2) 1729 г. Авг. 13 (№ 5460) Сен.; 1732 г. Генв. 7 (№ 5927) Имен.; Іюня 23 (№ 6102); 1743 г. Ноября 29 (№ 8824) Сен.; 1760 г. Марта 23 (№ 11043); Октября 16 (№ 11121); Сен.; 1771 Марта 5 (№ 13577).

(3) 1763 г. Дек. 15 (№ 11989) Манифестъ.

тѣхъ дворянъ, которые возведены въ дворянское достоинство милостію Государя, а третье наконецъ-для дворянъ, получившихъ право на дворянство по выслугѣ узаконенныхъ чиновъ, на которые имъ выданы дипломы и жалованныя грамоты. Прочимъ же родамъ, которые имѣютъ право получить дипломы и грамоты на дворянское достоинство, велѣно составить въ Герольдіи вѣрный списокъ и представить на Высочайшее усмотрѣніе ([1]).

Для приведенія въ исполненіе такого повелѣнія, были собираемы отовсюду самыя точныя и подробныя свѣдѣнія, при чемъ вмѣнено дворянамъ въ обязанность представлять за надлежащимъ удостовѣреніемъ доказательства о томъ, что они дѣйствительно принадлежатъ къ благородному сословію, равно какъ вносить въ Герольдію родословныя и употребляемый дворянскимъ родомъ гербъ. Послѣдній должно было изобразить красками съ подробнымъ описаніемъ содержанія эмблемъ и, буде можно, ихъ значенія, равно какъ съ объясненіемъ, по какому праву и случаю гербъ тотъ извѣстному дворянскому роду присвоенъ; а что такой гербъ дѣйствительно употреблялся и употребляется членами его должны были удостовѣрять предводитель дворянства и два чиновника или два дворянина ([2]).

Для скорѣйшаго приведенія такого труда къ окончанію были принимаемы неоднократно мѣры побужденія; но такъ какъ Герольдія отвлекалась отъ этого занятія производствомъ текущихъ дѣлъ, то составленіе гербовника было возложено на Оберъ-Прокурора 3-го Департамента

([1]) 1797 г. Января 20 (№ 17749) Имен.; 1798 г. Генв. 1. (№ 18302) Маниф. 1801 г. Мая 5 (№ 19.856) Высоч. утвержденный докл. Сената.

([2]) 1797 г. Марта 19 (№ 17881) Сенат.

Сената Кофодавлева, съ тѣмъ, чтобы каждая часть гербовника, по переплетѣ въ бархатъ, была скрѣплена во листамъ Генералъ-Прокуроромъ, а для утвержденія и подписанія—представлена Государю Императору, послѣ чего она печатается съ гравированными гербами (¹).

Перваго Января 1798 года послѣдовалъ манифестъ объ утвержденіи 1-й части Дворянскаго Гербовника; причемъ повелѣно, чтобы за симъ гербы дворянскихъ родовъ безъ особаго Высочайшаго повелѣнія не измѣнялись, чтобы ни подъ какимъ видомъ изъ нихъ ничего не исключалось и въ нихъ ничего не было прибавлено, и чтобы каждому лицу, причисляющему себя къ дворянскому роду, которому дарованъ гербъ, по представленіи надлежащихъ доказательствъ о принадлежности его къ тому роду, была выдаваема засвидѣтельствованная копія съ герба и объясненія его (²).

Засимъ составленіе гербовника продолжалось, и утвержденіе его послѣдовало: 2-й части въ 1798 (³), 3 и 4-въ 1799 (⁴), 5 въ 1800 (⁵), 6 въ 1801 (⁶), 7 въ 1803 (⁷), 8 въ 1807 (⁸), 9 въ 1816 (⁹) и 10 въ 1836 (¹⁰) годахъ.

Работы при составленіи гербовника дворянскихъ фамилій вызвали преобразованія въ учрежденіи Герольдмейстерской Конторы. Въ 1800 году Герольдія образо-

---

(¹) 1797 г. Августа 7 (№ 18061) Сенат.

(²) 1798 г. Янв. 1 (№ 18.302) Манифестъ.

(³) 1798 г. Іюля 22 (№ 18.595).

(⁴) 1799 г. Янв. 31 (No 18.834); Декабря 31 (№ 19.238).

(⁵) 1800 г. Ноября 13 (№ 19.647) Сен.

(⁶) 1801 г. Іюля 14 (№ 19.940) Сен.

(⁷) 1803 г. Окт. 30 (№ 21.021) Сен.

(⁸) 1807 г. Апр. 18 (№ 22.516) Сен.

(⁹) 1816 г. Сент. 19 (№ 26.436) Сен.

(¹⁰) 1836 г. Января 3.

вана на правахъ Коллегіи и директоромъ ея назначенъ Сенаторъ Козодавлевъ. Самый штатъ Герольдіи усиленъ, и къ прежнимъ чиновникамъ, бывшимъ при составленіи гербовника, прибавленъ особенный специялистъ по части Геральдики—*Ваппенрихтеръ* (1), а въ 1803 году повелѣно быть при Герольдмейстерѣ тремъ помощникамъ, изъ которыхъ одинъ долженъ знать геральдику; причемъ съ большею противъ прежняго подробностью опредѣлено, на какія должности и по чьему представленію Герольдія опредѣляетъ дворянъ, не имѣющихъ мѣста и какую ведетъ имъ вѣдомость. Дѣла Герольдіи велѣно обсуждать одинъ разъ въ недѣлю въ 1 Департаментѣ Сената, для чего и назначенъ Четвергъ (2).

Результатомъ всего предъидущаго развитія этого учрежденія было положеніе о Герольдіи 1841 г. Сентября 6 (№ 14862). Герольдію Имперіи (ибо при общемъ Собраніи Варшавскихъ Департаментовъ Сената состоитъ Герольдія Царства Польскаго) составляло присутствіе изъ Герольдмейстера и трехъ его товарищей, и кромѣ того для завѣдыванія разряднымъ архивомъ было особое отдѣленіе герольдмейстерскихъ дѣлъ въ Москвѣ, состоявшее изъ совѣтника съ секретаремъ.

Вѣдомство Герольдіи оставалось тоже, какое было прежде, т. е. она завѣдывала: 1) изготовленіемъ грамотъ и дипломовъ на разныя званія и достоинства, равно какъ сочиненіемъ и утвержденіемъ гербовъ; 2) производствомъ въ чины за выслугу лѣтъ по всѣмъ мѣстамъ государственнаго управленія, выдачею патентовъ на чины и храненіемъ формулярныхъ списковъ, и 3) опре-

---

(1) 1800 г. Мая 27 (№ 19,432) Имен.

(2) 1803 г. Февраля 4 (№ 20,608) Имен. и Февраля 24 (№ 20,635) Имен.

дѣленіемъ, перемѣщеніемъ и увольненіемъ чиновниковъ. Дѣла въ Герольдіи докладывались важнѣйшія Общему Собранію Сената, другія—Первому Сената Департаменту, а дѣла наименьшей важности—самому присутствію, которымъ и оканчивались (¹).

Наконецъ въ 1848 г. Герольдія обращена въ Департаментъ Сената и все въ ней производство подчинено тѣмъ же правиламъ, какія установлены для дѣлопроизводства въ Сенатѣ вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако измѣнился объемъ вѣдомства Герольдіи: а именно когда съ учрежденіемъ Инспекторскаго Департамента Гражданскаго Вѣдомства производство въ чины, перемѣщеніе и увольненіе чиновниковъ, равно какъ веденіе списковъ служащимъ возложено на это мѣсто, въ Герольдіи остались дѣла о дворянствѣ и родословныхъ книгахъ, разсмотрѣніи правъ на почетныя званія Князей, Графовъ, Бароновъ, выдачѣ дипломовъ, гербовъ, а изъ дѣлъ о производствѣ въ чины Герольдія по новому учрежденію своему завѣдываетъ нынѣ лишь дѣлами о замѣщеніи предсѣдательскихъ вакансій въ судебныхъ Палатахъ и Совѣстныхъ Судахъ, гдѣ должности эти замѣщаются кандидатами по выборамъ дворянства, равно какъ дѣлами о опредѣленіи, перемѣщеніи, увольненіи чиновниковъ по тѣмъ должностямъ ниже шестаго класса, по которымъ утвержденіе зависитъ отъ Правительствующаго Сената. Отдѣленіе Геральдейскихъ дѣлъ въ Москвѣ, состоящее изъ совѣтника и секретаря, для завѣдыванія Разряднымъ Архивомъ, было оставлено въ Москвѣ на преж-

(¹) Св. Зак. 1842 г. Учрежд. Правительствующаго Сената Т. I въ ст. 435 подробно исчислено, какія именно дѣла относятся къ каждому изъ означенныхъ разрядовъ.

немъ основанія (¹), но въ 1852 году вошло оно въ составъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи и подчинено Директору его (²).

§ 82.

И такъ около полутора столѣтія прошло со времени учрежденія у насъ Герольдіи. Къ числу главнѣйшихъ ея обязанностей относится составленіе гербовъ, которые затѣмъ представляются по порядку на Высочайшее утвержденіе въ грамотахъ и дипломахъ. Гербовникъ есть плодъ дѣятельности Герольдіи, и если дѣло ея еще не кончено, ибо составленіе гербовъ, съ увеличеніемъ дворянскихъ родовъ, продолжается, тѣмъ не менѣе и тѣ десять частей гербовника, которыя имѣемъ, представляютъ богатый матеріалъ для науки.

Воспользоваться имъ должна Геральдика, а что пользу и необходимость ея понимали у насъ издавна, видно изъ того, что въ одинъ съ учрежденіемъ Герольдіи годъ повелѣно было отыскать и перевести руководство для этого искусства. Затѣмъ, по учрежденіи Академіи Наукъ, такой трудъ былъ порученъ этому высшему ученому сословію въ Россіи. Сенатъ неоднократно подтверждалъ Академіи о скорѣйшемъ составленіи сказаннаго руководства, но не ранѣе 1731 года вышло въ свѣтъ на Нѣмецкомъ Языкѣ: *Введеніе въ Геральдику* (Kurze Einleitung zur Wappenkunde und zur Art des Blasonirens in deutlichen Exempeln gezeigt und in drei Sprachen-deutsch, französisch und lateinisch erklärt. Spb. 1731; gedruckt bei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in 8°). Теперь

(¹) 1848 г. Мая 12 (№ 22269).
(²) 1852 Іюля 7 (№ 26423), п. 1.

эта книга составляетъ библіографическую рѣдкость. Не извѣстно, былъ ли изданъ Русскій переводъ этого перваго у насъ опыта Геральдики: знаемъ только, что Сенатъ поручалъ Академіи сдѣлать такой переводъ, а въ 1746 г. она донесла, что книга переведена *Паульсо-номъ*, но такъ дурно, что для употребленія не годится. Въ то время, когда книга эта составлялась, рѣдко кто помышлялъ о самостоятельной разработкѣ отечественной исторіи вообще, и тѣмъ болѣе Геральдики: тогда конечно думали, что Русская Геральдика даже и не возможна. Поэтому книга, Академіею изданная, не болѣе какъ Нѣмецкій учебникъ (на 248 страницахъ, съ 46 таблицами, неоконченный), а о Русскихъ гербахъ нѣтъ въ ней и помину. Здѣсь находимъ подробное исчисленіе геральдическихъ терминовъ, фигуръ и о значеніи эмблемъ, въ Нѣмецкихъ гербахъ употребляемыхъ. Какъ ни безполезною кажется теперь подобная книга, появленіе ея съ такимъ именно содержаніемъ и въ такой формѣ объясняется съ одной стороны состояніемъ у насъ въ то время науки вообще, а съ другой—несуществованіемъ еще гербовника и трудностью, даже невозможностью, собрать точныя и положительныя свѣдѣнія о существующихъ гербахъ.

Гораздо бо́льшаго можно было ожидать отъ Геральдики, вышедшей въ 1805 году, когда подобной трудности уже не предстояло: необходимо было только посмотрѣть на науку съ Русской точки зрѣнія и привесть въ систему свѣдѣнія, въ Гербовникѣ разсѣянныя, дополнивъ ихъ, разумѣется, изъ другихъ источниковъ. Не такъ однако поступилъ *Глѣбъ Мальгинъ*, считавшій достаточнымъ перевесть на Русскій Языкъ книгу Гаттерера и издать ее подъ именемъ *Начертаніе Гербовѣдѣнія* (Спб.

1805 г. in. 8.). Здѣсь, подобно всѣмъ Нѣмецкимъ геральдическимъ учебникамъ прошлаго столѣтія, не обращено ни малѣйшаго вниманія на исторію рыцарства и значенія каждой части герба, каждаго его аттрибута, тогда какъ они имѣли смыслъ, составляли дѣйствительную принадлежность одежды или вооруженія рыцаря и по необходимости перешли въ его гербъ. Вмѣсто того въ книгѣ Малыгина изложено догматическое ученіе о щитѣ, его дѣленіяхъ, о фигурахъ, соединеніи, начертаніи гербовъ и т. д. Въ Русскомъ переводѣ книги Гаттерера прибавлено «краткое изъясненіе употребляемыхъ въ гербахъ изображеній, иконологическое описаніе емблемъ и знатнѣйшихъ государствъ съ ихъ гербами». Во всякомъ случаѣ книга Малыгина въ теченіе полустолѣтія остается у насъ единственнымъ до сихъ поръ руководствомъ по части Геральдики.

Тотъ же упрекъ въ недостаткѣ національности должно сдѣлать и книгамъ, которыя у насъ писались о значеніи эмблемъ, въ гербахъ употребляемыхъ: никто до сихъ поръ не касался вопроса о значеніи эмблемъ, нашими дворянскими фамиліями употребляемыхъ, хотя безспорно, наши геральдическіе знаки во многомъ разнятся отъ западныхъ и должны быть дороги для каждаго Русскаго, какъ живые памятники происхожденія дворянскаго рода и подвиговъ, которыми члены его себя ознаменовали. Вмѣсто того, чтобы объяснять отечественною исторіею и родословными каждый видъ геральдическихъ эмблемъ, руководствовались при этомъ иностранными лишь сочиненіями. Долго пользовались у насъ для этой цѣли книгою, изданною въ Амстердамѣ въ 1705 году, подъ заглавіемъ: *Символы и эмблемата, указомъ его освященнѣйшаго Величества, Высокодержавнѣйшаго и Пресвѣт-*

лѣйшаго Императора Московскаго Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи и иныхъ многихъ Державъ и Государствъ, земель Восточныхъ, Западныхъ и и Сѣверныхъ Самодержавца и Высочайшаго Монарха, напечатаны». Всѣ эмблемы (числомъ 840), въ хорошихъ гравюрахъ, объясвены на Русскомъ и пяти иностранныхъ языкахъ. Это изданіе, лучшее, теперь рѣдко, но таже книга была издаваема неоднократно. Извѣстны другихъ изданія *Нестора Максимовича-Амбодика* въ 1788 и 1811 годахъ, подъ заглавіемъ: *Избранныя эмблемы и символы, на Россійскомъ, Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Англинскомъ языкахъ объясненныя.* Въ началѣ своей книги Максимовичъ-Амбодикъ помѣстилъ нѣсколько общихъ замѣчаній объ эмблематическомъ изображеніи добродѣтелей, пороковъ, стихій, временъ года, дней, часовъ и т. п., равно какъ иконологическое описаніе гербовъ значительнѣйшихъ государствъ и государственнаго гербовъ Всероссійской Имперіи. Затѣмъ перепечатано объясненіе эмблемъ изъ Амстердамскаго изданія.

§ 83.

По нашему мнѣнію, возможна и какъ наука необходима отечественная Геральдика, но не иначе, какъ разсмотрѣнная съ исторической точки зрѣнія. Только при этомъ образѣ воззрѣнія на нее, оживетъ всякій гербъ, какъ безсмѣнный стражъ происхожденія лица и подвига, которымъ гордится его родъ. Если законодательство Русское придаетъ гербамъ значеніе, какъ заслуженному и вѣками утвержденному отличію, если дворянство наше дорожитъ имъ: то нельзя отказывать гербамъ нашимъ въ самостоятельной разработкѣ. Не думаемъ, чтобы по-

слѣ того, что уже было сказано выше о гербахъ Русскихъ вообще и послѣ примѣненія началъ науки къ исторіи Государственнаго Герба, можно было сомнѣваться въ пользѣ отечественной Геральдики. Еще болѣе примѣненія находятъ себѣ тѣ же начала къ Геральдикѣ частной. Здѣсь всякая эмблемма говоритъ сама за себя и означаетъ или область, которой извѣстный Князь былъ обладателемъ, или происхожденіе лица, или его заслуги. Это-то различіе эмблеммъ опредѣляетъ систему, въ которой, по нашему мнѣнію, должна быть излагаема Русская Геральдика нашихъ дворянскихъ фамилій,—систему, вытекающую изъ того, что̀ уже сказано выше, о составѣ и образованіи Русскаго Дворянства. А именно:

1) Во главѣ нашего благороднаго сословія стоятъ Княжескіе и дворянскіе роды, потомки удѣльныхъ Князей, ведущихъ свое начало отъ Рюрика и Владиміра Мономаха. Это дворянство въ Россіи самое древнее, и гербы фамилій, къ этому разряду относящихся, содержатъ въ себѣ эмблеммы, означающія родовую ихъ собственность, т. е. гербы тѣхъ областей и городовъ, которыми предки ихъ владѣли.

2) Вмѣстѣ съ тѣмъ съ древнѣйшихъ временъ выѣзжали въ Россію отовсюду иностранцы, удержавшіе за собою свои мѣстные гербы: они свидѣтельствуютъ о происхожденіи дворянина. По различію странъ, изъ которыхъ выѣзжія дворянскія фамиліи выселились въ Россію, мы раздѣлимъ и гербы ихъ.

3) Заслуги, за которыя у насъ жаловалось и жалуется дворянство, выражались въ эмблеммахъ дворянскихъ гербовъ. Мы сдѣлаемъ попытку, раздѣливъ заслуги на роды и виды, съ подведеніемъ подъ нихъ и геральдическихъ эмблеммъ.

и 4) Затѣмъ остается большой разрядъ гербовъ такихъ дворянскихъ фамилій, которыя, избирая себѣ для гербовъ эмблеммы, руководствовались при этомъ значеніемъ ихъ прозванія или фамиліи на Русскомъ или даже иностранномъ языкѣ. Такіе гербы есть и въ другихъ странахъ, но у насъ должны они имѣть особенное значеніе потому, что прозванія давались у насъ лицу по его качествамъ, привычкамъ, иногда тѣлеснымъ недостаткамъ, примѣтамъ, и будучи оставлены за фамиліею, отъ того лица происшедшею, выразились въ гербѣ ея.

Существеннымъ въ гербѣ Русскомъ почитаемъ мы эмблемму, какъ то уже неоднократно было повторяемо выше; потому, излагая гербы по означеннымъ основнымъ разрядамъ, мы будемъ подводить подъ одно начало гербы какъ простыхъ, такъ и титулованныхъ дворянъ, если только по эмблеммѣ они относятся къ одной категоріи. Князьямъ, Графамъ и Баронамъ принадлежитъ въ каждомъ разрядѣ первое, почетное мѣсто; предварительно же будутъ излагаемы, въ дополненіе къ тому, что уже сказано въ первой части нашего труда о западно-европейскомъ гербѣ, замѣчанія о внѣшнихъ примѣтахъ, аттрибутахъ, отличающихъ каждый разрядъ дворянскихъ гербовъ.

Такимъ образомъ, нисколько не розня того, что по природѣ своей происходитъ отъ одного корня, мы объяснимъ гербы нашихъ дворянскихъ фамилій, и убѣждены, что изложеніе это можетъ принесть двоякую пользу: съ одной стороны облегчить изученіе гербовъ, уже существующихъ, объясняя въ то же время ихъ значеніе, а съ другой дать матеріалъ для новыхъ гербовъ, т. е. показать, какія эмблеммы неизбѣжны, какія существенны и какія второстепенны въ каждомъ разрядѣ гербовъ,

такъ что лицу, составляющему гербъ для своей фамиліи, возведенной въ дворянство напр. за заслуги, остается, отыскавъ разрядъ лицъ, пожалованныхъ гербомъ за подобныя же отличія на служебномъ поприщѣ, помѣстить у себя предметы существенныя, общія, и дополнить ихъ тѣми, которыя условливаются особенными всякій разъ обстоятельствами.

Главнымъ для насъ источникомъ послужитъ Общій Гербовникъ дворянскихъ родовъ Всероссійской Имперіи, начатый въ 1797 году и нынѣ изданный въ 10 томахъ. Гербовъ дворянства присоединенныхъ къ Россіи областей, т. е. провинцій Остзейскихъ, Финляндіи, Царства Польскаго, мы коснемся не столько, на сколько его будетъ необходимо для коренной Русской Геральдики, у которой свои начала, своя исторія.

Засимъ намъ остается сознаться, что, не смотря на долголѣтніе труды, на желаніе собрать и объяснить то, что̀ намъ было доступно, многое остается темнымъ. Смѣемъ надѣяться, что если отъ перваго изслѣдователя на совершенно новомъ поприщѣ нельзя ожидать труда оконченнаго, то позднѣйшіе дѣятели дополнятъ пропущенное, разъяснятъ темное, и отъ такого взаимнаго содѣйствія выиграетъ наука, которая должна наконецъ образоваться и утвердиться на прочномъ основаніи, на отечественной почвѣ. Безъ начала нѣтъ и конца. Благодаря просвѣщенному содѣйствію многихъ частныхъ лицъ, мы могли сообщить хотя нѣкоторыя мысли о нашей Геральдикѣ, и конечно за всякое сообщеніе новыхъ матеріаловъ наука должна быть признательна тому, кто желаетъ ей приращенія и преуспѣянія. Мы убѣждены, и съ этимъ мнѣніемъ едва ли можно не согласиться, что Геральдика должна заимствовать для себя свѣдѣнія изъ

частныхъ семейныхъ и родовыхъ архивовъ, изъ фамильныхъ бумагъ, разнаго рода жалованныхъ грамотъ; и такъ какъ служба предковъ, заслуги Престолу, Царю и Отечеству, наконецъ древность рода и герба дороги всякому изъ насъ: то скромность, заставляющая скрывать то, что̀ должно быть достояніемъ исторіи, переходитъ въ равнодушіе непростительное. Вы скажете, можетъ быть, что это свойство вложено въ душу Русскаго. Цвѣтъ всѣхъ добродѣтелей, смиреніе, вѣнчаетъ тѣ качества, которыми такъ щедро надѣленъ Русскій отъ благаго Провидѣнія, но оно должно бы примѣняться только къ дѣяніямъ человѣка живаго; прошедшее же принадлежитъ не намъ, а исторіи отечества, слава котораго намъ мила. Любовь къ родинѣ, такъ глубоко чувствуемая всякимъ истинно Русскимъ, должна бы побѣдить въ этомъ случаѣ врожденную скромность. Безъ того, никогда не пополнятся тѣ пробѣлы въ отечественной исторіи, которые чувствуются каждымъ изслѣдователемъ; иностранцы же, непонимающіе внутренней, для чужаго глаза недоступной, причины такой неполноты, выводятъ результаты невѣрные и оскорбительные для народной гордости. Что̀ говорятъ они напр. о дворянствѣ Русскомъ? Они считаютъ его новымъ, noblesse d'hier, и такъ какъ въ опроверженіе этого обвиненія не поднимается ни одинъ голосъ, который бы указалъ неопровержимыми данными несправедливость и неосновательность мнѣнія, къ сожалѣнію слышимаго очень часто, то они и остаются при немъ. Въ послѣднее время, надобно признаться, исторія нашего отечества и его учрежденій сдѣлала большой шагъ впередъ, но исторія внутренней жизни и быта народа почти не тронута, не смотря на матеріалы, памятники, постоянно издаваемые во множествѣ. Мы бу-

демъ считать себя вполнѣ вознагражденными, если положенное Русской Геральдикѣ начало возбудитъ въ другихъ желаніе разработывать этотъ любопытный и важный предметъ. Повторяемъ однако, что это можетъ случиться не иначе, какъ при содѣйствіи потомковъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи въ разныя эпохи ея исторіи. Фамильныхъ записокъ у насъ не велось, но есть жалованныя грамоты, есть разряды, которые краснорѣчивѣе и достовѣрнѣе всякихъ записокъ.

Мысли эти вылились изъ-подъ пера, при сознаніи, какъ важна та часть изслѣдованія, къ которой приступаю, и какъ многимъ она могла бы быть пополнена, если бы частные архивы были разобраны и, по крайней мѣрѣ, важнѣйшее въ нихъ сдѣлано извѣстнымъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Гербы Русскихъ Княжескихъ и дворянскихъ родовъ, отъ Рюрика происшедшихъ.

§ 84.

Общія о нихъ замѣчанія.

Такъ какъ потомкамъ Рюрика и Владиміра Мономаха гербъ, родовое отличіе благородства, принадлежитъ по самостоятельному владѣнію ихъ вотчинною, наслѣдственными удѣлами, то и всѣ внѣшніе аттрибуты обыкновенныхъ гербовъ дворянскихъ, существующіе для того, чтобы показать исторію подвига, а именно шлемъ, на-

метъ, девизъ и пр. чужды гербамъ этого рода. Княжеская закрытая шапка, увѣнчанная шаромъ, надъ которымъ возвышается крестикъ, и отороченная горностаемъ, вмѣстѣ съ Княжескою бархатною мантіею, подбитою также горностаемъ, съ бахрамою и шнурами, свидѣтельствуютъ о благородномъ происхожденіи этихъ родовъ. Положенные на щитъ въ гербахъ нѣкоторыхъ Княжескихъ фамилій Мономахова рода также Княжескими шапками увѣнчанные шлемы, вмѣстѣ съ нашлемниками и щитодержателями, свидѣтельствуютъ о томъ, что Княжескій родъ этого разряда слился съ другою благородною фамиліею и что гербы ихъ также передѣланы. И въ этомъ случаѣ, конечно, весь гербъ бываетъ покрытъ Княжескими мантіею и шапкою.

Одинаковыя отличія принадлежатъ и такимъ родамъ, которые, хотя происходятъ отъ владѣтельныхъ Князей, не носятъ однако Княжескаго титула, ихъ предкамъ принадлежавшаго, потому что при раздробленіи родоваго удѣла на доли послѣднимъ наслѣдникамъ не пришлось самостоятельнаго княжескаго владѣнія. Тѣмъ не менѣе происхожденіе и этихъ фамилій знаменуется Княжескими въ ихъ гербахъ аттрибутами.

Что касается до эмблемъ въ гербахъ этого рода, то онѣ не что иное, какъ знамена, которыя мы уже видѣли на печатяхъ удѣловъ, принадлежавшихъ по владѣнію потомкамъ Рюрика и Мономаха. Поэтому первоначально гербы Княжескихъ фамилій состояли почти исключительно изъ одной только родовой эмблемы. Оно-то и занимало мѣсто; и такъ какъ первоначальное ея мѣсто было на геральдическихъ печатяхъ, гдѣ не могло быть и рѣчи о цвѣтѣ поля, то и въ гербахъ на этотъ предметъ не было обращено вниманія. Поэтому въ гербахъ родовъ Кня-

жескихъ фамилій, усвоившихъ себѣ однѣ и тѣ же городскія эмблеммы, онѣ, въ сущности не измѣнялось, представляются въ разныхъ поляхъ. На замѣчаніе это мы считаемъ нелишнимъ обратить особенное вниманіе потому, что различіе цвѣта, которымъ означены фигуры въ гербѣ и поле щита, можетъ показаться кому нибудь до того важнымъ, что, не смотря на тождество изображенія, будемъ считать ихъ различными фигурами только потому, что цвѣтъ поля неодинаковъ въ разныхъ гербахъ съ тѣми же эмблеммами. Такой выводъ противорѣчилъ бы основному правилу нашей Княжеской Геральдики, на основаніи котораго единство происхожденія Княжескихъ фамилій и владѣнія одною родовою вотчиною знаменуется одинаковыми въ гербахъ эмблеммами.

Подобно тому, какъ Княжескія поколѣнія, идущія отъ одного родоначальника и однимъ удѣломъ владѣвшія, сохраняютъ одно общее прозваніе, напр. Князей Ростовскихъ, Бѣлозерскихъ и т. п. и къ этому общему имени прибавляютъ особыя прозванія, такъ и въ гербахъ этихъ фамилій областныя и городовыя знамена сополагаются съ другими знаками доблести, съ иными эмблеммами, которыя или означаютъ обладаніе какимъ нибудь особеннымъ городомъ, отдѣльною волостью, или чаще, что родоначальникъ фамиліи сидѣлъ на Кіевскомъ, Новгородскомъ престолѣ, или наконецъ какой нибудь подвигъ. При такомъ соединеніи эмблеммъ особеннаго вниманія заслуживаетъ мѣсто, которое предоставлено родовому знамени; а именно: у старшихъ поколѣній оно занимаетъ или все поле щита или средній щитокъ въ гербѣ; затѣмъ у послѣдующихъ поколѣній оно помѣщается въ первой, второй четверти и не рѣдко повторяется на

метъ, девизъ и пр. чужды гербамъ этого рода. Княжеская закрытая шапка, увѣнчанная шаромъ, надъ которымъ возвышается крестикъ, и отороченная горностаемъ, вмѣстѣ съ Княжескою бархатною мантіею, подбитою также горностаемъ, съ бахрамою и шнурами, свидѣтельствуютъ о благородномъ происхожденіи этихъ родовъ. Положенные на щитъ въ гербахъ нѣкоторыхъ Княжескихъ фамилій Мономахова рода также Княжескими шапками увѣнчанные шлемы, вмѣстѣ съ нашлемниками и щитодержателями, свидѣтельствуютъ о томъ, что Княжескій родъ этого разряда слился съ другою благородною фамиліею и что гербы ихъ также нераздѣльны. И въ этомъ случаѣ, конечно, весь гербъ бываетъ покрытъ Княжескими мантіею и короною.

Одинаковыя отличія принадлежатъ и такимъ родамъ, которые, хотя происходятъ отъ владѣтельныхъ Князей, не носятъ однако Княжескаго титула, ихъ предкамъ принадлежавшаго, потому что при раздробленіи родоваго удѣла на долю послѣднихъ поколѣній не пришлось самостоятельнаго княжескаго владѣнія. Тѣмъ не менѣе происхожденіе и этихъ фамилій знаменуется Княжескими въ ихъ гербахъ аттрибутами.

Что касается до эмблеммъ въ гербахъ этого рода, то они не что иное, какъ знамена, которыя мы уже видѣли на печатяхъ удѣловъ, находившихся во владѣніи потомковъ Рюрика и Мономаха. Поэтому первоначально гербы Княжескихъ фамилій состояли почти исключительно изъ одной только родовой эмблемы. Она-то и важна для насъ; и такъ какъ первоначальное ея мѣсто было на городскихъ печатяхъ, гдѣ не могло быть и рѣчи о цвѣтѣ поля, то и въ гербахъ на этотъ признакъ не было обращено вниманія. Поэтому въ гербахъ разныхъ Кня-

жескихъ фамилій, усвоившихъ себѣ однѣ и тѣ же городскія эмблемы, онѣ, въ сущности не измѣнявшись, представляются въ разныхъ поляхъ. На замѣчаніе это мы считаемъ нелишнимъ обратить особенное вниманіе потому, что различіе цвѣта, которымъ означены фигуры въ гербѣ и поле щита, можетъ показаться кому нибудь до того важнымъ, что, не смотря на тождество изображенія, будемъ считать ихъ различными фигурами только потому, что цвѣтъ поля неодинаковъ въ разныхъ гербахъ съ тѣми же эмблемами. Такой выводъ противорѣчилъ бы основному правилу нашей Княжеской Геральдики, на основаніи котораго единство происхожденія Княжескихъ фамилій и владѣнія одною родовою вотчиною знаменуется одинаковыми въ гербахъ эмблемами.

Подобно тому, какъ Княжескія поколѣнія, идущія отъ одного родоначальника и однимъ удѣломъ владѣвшія, сохраняютъ одно общее прозваніе, напр. Князей Ростовскихъ, Бѣлозерскихъ и т. п. и къ этому общему имени прибавляютъ особыя прозванія, такъ и въ гербахъ этихъ фамилій областныя и городовыя знамена сополагаются съ другими знаками доблести, съ иными эмблемами, которыя или означаютъ обладаніе какимъ нибудь особеннымъ городомъ, отдѣльною волостью, или чаще, что родоначальникъ фамиліи сидѣлъ на Кіевскомъ, Новгородскомъ престолѣ, или наконецъ какой нибудь подвигъ. При такомъ соединеніи эмблемъ особеннаго вниманія заслуживаетъ мѣсто, которое предоставлено родовому знамени; а именно: у старшихъ поколѣній оно занимаетъ или все поле щита или средній щитокъ въ гербѣ; затѣмъ у послѣдующихъ поколѣній оно помѣщается въ первой, второй четверти и не рѣдко повторяется на

крестъ, такъ что при помощи родословной таблицы Рюрикова дома и родовъ, отъ него происшедшихъ, становится яснымъ, почему основной эмблеммѣ придано то или другое мѣсто въ гербѣ. Къ этому однако необходимо прибавить, что изъ означеннаго правила дѣлались иногда исключенія.

Говоря объ исторіи городскихъ гербовъ, мы показали уже, какъ изображаемыя въ нихъ фигуры древни и исторически вѣрны. Сказанное выше должно послужить отвѣтомъ на вопросъ, который можетъ быть кѣмъ нибудь предложенъ: знаменамъ ли городскихъ печатей обязаны Княжескіе гербы своими эмблеммами или наоборотъ усвоены они городамъ Князьями? Трудно дать общій отвѣтъ на этотъ вопросъ, такъ какъ извѣстна исторія не всѣхъ городскихъ гербовъ. Считаемъ достаточнымъ привести въ разрѣшеніе этого вопроса нѣкоторые только примѣры.

Гербъ Москвы былъ первоначально вѣрнымъ и наглядвымъ изображеніемъ Великаго Князя, поражающаго внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, портретомъ Царя, и въ послѣдствіи его наслѣдника. Потомъ, когда Великій Князь Московскій сталъ Государемъ всея Россіи, его частному, личному гербу, его печати и знамени усвоено значеніе герба городскаго. Далѣе гербъ Новгородскій, такъ часто встрѣчающійся въ гербахъ нашихъ Княжескихъ фамилій былъ первоначально печатью вѣча, потомъ Намѣстника Новгородскаго, наконецъ самаго города. Печать Кіевская — Архангелъ Михаилъ—употреблялась сначала на печатяхъ Великихъ Князей Кіевскихъ и позднѣе стала знаменемъ города.

Изъ этихъ примѣровъ можно, по нашему мнѣнію, вы-

вести то заключеніе, что знамена для печатей были первоначально даны городамъ ихъ Князьями; затѣмъ при переходѣ эмблемъ вмѣстѣ съ владѣніями въ послѣдующимъ поколѣніямъ, родовымъ фигурамъ придано значеніе личнаго герба, и теперь они остаются непреложнымъ свидѣтельствомъ того, что предкамъ извѣстной фамиліи принадлежало то или другое Княжество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того, что фамиліи, одно знамя употребляющія, происходятъ отъ общаго родоначальника. Эта основная мысль условливаетъ систему, въ которой должны быть излагаемы гербы Русскихъ Княжескихъ и дворянскихъ фамилій потомства Рюрика. Для опредѣленія старшинства ихъ при семъ прилагаются полныя родословныя таблицы каждаго поколѣнія особо, съ означеніемъ какъ угасшихъ, такъ и нынѣ существующихъ Княжескихъ и дворянскихъ родовъ. (*) Обращаемъ вниманіе на эти таблицы по-

(*) Для составленія прилагаемой родословной таблицы Рюрикова дома, съ означеніемъ происшедшихъ отъ этого корня княжескихъ и дворянскихъ фамилій, были приняты за основаніе: 1) *Родословная книга*, извѣстная подъ названіемъ *Бархатной*, изд. 1787 г. М. 2 Тома. 2) *Миллера* Извѣстіе о дворянахъ Россійскихъ. Спб. 1790. 3) Три списка родословныхъ книгъ, изданные въ 10 Т. Временника Московскаго общества Исторіи и древностей Россійскихъ; 4) *Кн. Петра Долгорукова* Россійскій Родословный Сборникъ. 4 Кн. Спб. 1840, 1841 и 5) *Матвея Спиридова*—О службахъ Россійскихъ благородныхъ родовъ.—Печатные экземпляры этого сочиненія, бывъ истреблены пожаромъ, очень рѣдки; самая же рукопись хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. При этомъ мы не упоминаемъ о другихъ, менѣе важныхъ пособіяхъ и источникахъ, которые будутъ указаны при описаніи гербовъ нѣкоторыхъ фамилій въ отдѣльности. Выше мы имѣли уже случай замѣтить, отъ чего родословныя различныхъ редакцій были между собою не всегда согласны: они велись для извѣстнаго рода, на исторію котораго и ближнихъ къ нему поколѣній было обращено особенное вниманіе. Поэтому для составленія полной и подробной родословной росписи, необходимо было сравненіе нѣкоторыхъ намъ до-

тому, что онѣ необходимы и при разборѣ мѣстническихъ дѣлъ, имѣющихъ почти всегда основаніемъ споръ о старшинствѣ той или другой Княжеской линіи, а въ отечественной геральдикѣ таблицы эти служатъ лучшимъ пособіемъ для уразумѣнія, почему каждой изъ этихъ фамилій усвоены извѣстныя эмблеммы и почему родовая фигура заняла въ гербѣ именно такое, а не иное мѣсто.

Слѣдуя началу старшинства, мы изложимъ: 1) гербы фамилій, отъ Святослава Ярославича, В. Князя Черниговскаго и сына его Олега происшедшихъ—*Князей Черниговскихъ* (Родосл. Табл. I); 2) родовъ, идущихъ отъ Ростислава Мстиславича Смоленскаго, т. е. Князей *Смоленскихъ* и *Ярославскихъ* (Табл. II); 3) Происшедшихъ отъ В. К. Всеволода Юрьевича-большаго гнѣзда: а) *Князей Ростовскихъ;* б) *Князей бѣлозерскихъ;* в) *Князей Галицкихъ* и г) *Князей Стародубскихъ* (Табл. III), и 4) *Князей Литовскихъ*, идущихъ отъ Гедимина и бывшихъ на удѣлѣ Изяслава Владиміровича Полоцкаго и сына его Брячеслава (Табл. IV).

§ 85.

I. Княжескіе и дворянскіе роды потомства Великаго Князя Святослава Ярославича Черниговскаго.

Святославъ Ярославичъ, изъ огромныхъ владѣній отца своего Ярослава Владиміровича, наслѣдовалъ Черниговъ, и у всего многочисленнаго потомства этого Кня-

ступныхъ редакцій этой родословной. Мы не вносили въ нее тѣхъ отраслей Рюрикова дома, о которыхъ въ источникахъ не заключается полныхъ свѣдѣній.

зя преобладающая въ гербѣ эмблемия есть *гербъ Черниговскій*: въ золотомъ полѣ черный орелъ, съ золотою на главѣ короною съ распростертыми крыльями, держащій въ лапѣ позлащенный крестъ. У Святослава было пять сыновей, изъ которыхъ Олегъ получилъ Черниговское Княжество; по имени его-то Черниговскіе Князья, такъ долго враждовавшіе съ Кіевскими Великими Князьями, именуются Ольговичами. Преемникомъ Олега Черниговскаго былъ Всеволодъ II, за нимъ слѣдуетъ сынъ его Святославъ, а сынъ сего послѣдняго Всеволодъ Чермный (т. е. Красный) княжилъ сперва въ Черниговѣ, въ послѣдствіи въ 1206 и 1209 г. въ Кіевѣ и скончался въ 1214 году, оставивъ по себѣ трехъ сыновей: 1) Князя Владиміра, 2) Кн. Олега и 3) Кн. Михаила. Послѣдній изъ нихъ получилъ въ удѣлъ отъ родителя своего въ 1207 г. Переяславль на Днѣпрѣ, потомъ княжилъ въ Черниговѣ, въ 1225 и 1228 годахъ въ Великомъ Новгородѣ, гдѣ, оставивъ Княземъ старшаго сына своего Ростислава, возвратился въ Черниговъ. Подобно другимъ Князьямъ Русскимъ и Князь Михаилъ долженъ былъ ѣхать въ Орду, а за отказъ поклониться кумирамъ онъ замученъ въ Ордѣ, по повелѣнію Батыя въ 1246 году; изъ потомства Михаила мы остановимся на трехъ его сыновьяхъ, родоначальникахъ слѣдующихъ Княжескихъ и дворянскихъ родовъ, а именно:

1) Третій сынъ его *Симеонъ Михайловичъ Князь Глуховскій* и *Новосильскій* есть родоначальникъ Князей *Одоевскихъ*, *Бѣлевскихъ* и *Воротынскихъ*. Изъ нихъ два послѣднихъ поколѣнія угасли, остались одни *Князья Одоевскіе*, получившіе свое названіе отъ того, что сынъ Князя Симеона Глуховскаго—Романъ перешелъ, въ слѣдствіе насилія Татаръ, жить изъ Новосиля въ Одо-

евъ, гдѣ оставались и потомки его: сынъ Романа Князь Юрій и сынъ сего послѣдняго Князь Семенъ Одоевскій, непосредственный родоначальникъ одного изъ самыхъ славныхъ родовъ Русскихъ ([1]).

2) Четвертый сынъ Князя Михаила Черниговскаго Кн. *Мстиславъ Карачевскій* есть родоначальникъ также многихъ Княжескихъ фамилій, но изъ нихъ до сихъ поръ продолжаются: 1) *Кн. Кольцовы—Масальскіе* и 2) *Князья Горчаковы.* — Князья Масальскіе ведутъ свой родъ отъ Мстислава Карачевскаго, чрезъ сына его Тита и внука Князя Святослава; сынъ послѣдняго Юрій, называвшійся уже Масальскимъ, имѣлъ сына Василія, прадѣда Князя Василія, который принялъ прозваніе *Кольцо-Масальскаго* въ отличіе отъ другихъ теперь уже несуществующихъ поколѣній Князей Масальскихъ, какъ то Литвиновыхъ-Масальскихъ и Клубковыхъ-Масальскихъ ([2]); отъ другаго же сына Князя Тита Мстиславовича, Кн. Ивана Козельскаго повели свой родъ *Князья Горчаковы,* по прозванію предка ихъ Ивана Горчакомъ ([3]).

Наконецъ слѣдуетъ третья отрасль дома Кн. Михаила Всеволодовича Черниговскаго:

3) Потомство *Юрія Михайловича, Князя Торускаго* и *Оболенскаго.* У сына его Князя Всеволода Юрьевича былъ сынъ Князь Андрей Шутиха-Мезецкій, а отъ сего послѣдняго родился Князь Александръ Барятинскій, родоначальникъ Князей *Барятинскихъ* ([4]). Другой же сынъ Юрія Князь Константинъ Оболенскій, ближайшій родоначальникъ *Князей Оболенскихъ*, имѣлъ двухъ

([1]) Родословн. книга, назыв. Бархатною, Т. I, стр. 182—184.

([2]) Древн. Росс. Вивл. Т. IX, стр. 246.

([3]) Родословная Т. I, стр. 193.

([4]) Такъ же, стр. 202.

правнуковъ Князей Ивана и Андрея; отъ перваго, чрезъ внуковъ его Князей Ивана, по прозванію *Репня*, и Василья *Телепню*, равно какъ чрезъ правнука Василія, прозваннаго *Тюфяка*, ведутъ свой родъ (несчитая вымершихъ поколѣній) Князья *Репнины*, *Тюфякины* и дворяне *Телепневы* (¹). А отъ Князя Андрея Константиновича, чрезъ двухъ его сыновей: перваго Князя *Ивана Долгорукаго*, и втораго Князя Василія *Щербатова*, повели свой родъ Князья *Долгоруковы* и *Щербатовы* (²).

Отъ того-же корня, т. е. Князей Черниговскихъ, произошли Князья *Волконскіе*, получившіе свое названіе отъ того, что сынъ Князя Юрія Михайловича Тарускаго Иванъ, по прозванію *Толстая голова*, получилъ во владѣніе вотчину *Сапрыкину*, въ Алексинскомъ уѣздѣ (въ нынѣшней Тульской Губерніи) на рѣчкѣ *Волконкѣ*.

Изъ предъидущаго изложенія исторія Княжескихъ и дворянскихъ фамилій, происшедшихъ отъ Черниговскихъ Князей, оказывается, что (кромѣ частныхъ фамильныхъ эмблемъ) роды, отъ этого корня происшедшіе, имѣютъ право: старшіе—на гербъ Черниговскій безъ всякаго прибавленія, а младшіе въ сочетаніи съ гербомъ Кіевскимъ въ знакъ того, что предки ихъ сидѣли на Кіевскомъ Великомъ Княженіи. Потому.

1) *Князья Одоевскіе*, *Кольцовы-Масальскіе* и *Горчаковы* имѣютъ въ золотомъ полѣ одно изображеніе Черниговской печати, (³) съ тѣмъ только для Кн. Кольцово-Ма-

(¹) Родословная т. I, стр. 218—222; Древн. Росс. Вивл. Т. IX. стр. 190.

(²) Древн. Рос. Вивл. Т. IX стр. 6.—см. Сказаніе о родѣ Князей Долгоруковыхъ. Спб. 1842 стр. XIV—XIX; Временникъ Т. X, стр. 46—50, 70, 72. (Отдѣлъ матеріаловъ).

(³) Въ гербѣ дворянъ *Горчаковыхъ* (Грб. IV, 85) сохранилось также Черниговское знамя, но въ полѣ, красною перевязью въ лѣво раздѣленномъ на двѣ половины цвѣтовъ голубаго и золотаго.

сальскихъ различіемъ, что орелъ держитъ въ правой лапѣ малый щитокъ краснаго цвѣта, покрытый княжескою шапкою; на щиткѣ этомъ изображена буква М съ крестомъ, а подъ нею три полосы золотомъ означенныя ([1]). Таковъ до сихъ поръ гербъ города Масальска, не смотря на то, что онъ нынѣ принадлежитъ къ Калужской (а не Черниговской) губерніи. Въ доказательство того значенія, какое имѣютъ наши гербы, мы позволяемъ себѣ привесть изъ указа о дарованіи Масальску описаннаго герба слѣдующія строки: «градъ сей былъ часть владѣній Черниговскихъ и принадлежалъ единому изъ колѣна Князей Черниговскихъ, которые во время бытности своей подъ Литовскою державою, откуда подъ Россійскую въ царствованіе Великаго Князя Іоанна Васильевича возвратились, гербъ сей имѣли» ([2]). А о гербѣ города Одоева сказано, что ему присвоенъ одинъ только гербъ Черниговскій, «какъ удѣлу старшаго колѣна Князей Черниговскихъ ([3])». Свидѣтельства эти, по нашему мнѣнію, чрезвычайной важности, вопервыхъ потому, что показываютъ, какъ знамя городское постоянно и неизмѣнно сохранялось чрезъ цѣлыя столѣтія и не смотря ни на какія случайности оставалось одно и то же, и съ другой, какъ къ старшему въ родѣ поколѣнію переходилъ безъ всякаго прибавленія гербъ главнаго въ удѣлѣ его города.

2) *У Кн. Барятинскихъ* и *Волконскихъ* въ гербѣ щитъ разсѣченъ на двѣ половины, изъ которой въ правой

([1]) Гербовникъ Т. I, стр. 4; II, 2. V, 1.

([2]) Указъ 1777 г. Марта 10 (№ 14596). Гербомъ рода Мосальскихъ издревле была прописная буква М. цвѣта бѣлаго, съ водруженнымъ посреди ея золотымъ крестомъ, въ щитѣ цвѣта лазореваго (*Окольскаго* Orbis Polonus II. p. 218). Подъ этимъ знаменемъ помѣщенъ гербъ *Корчакъ*.

([3]) Указъ 1777 г. Марта 10 (N 14596).

изображенъ гербъ Кіевскій: въ голубомъ полѣ Архангелъ Михаилъ, а въ лѣвой-Черниговскій ([1]).

3) *У кн. Оболенскихъ* и *Репниныхъ* ([2]) одинъ и тотъ же гербъ, а именно: щитъ разбитъ на двѣ не равныя части, верхнюю пространную и нижнюю меньшую. Въ верхней части, разсѣченной на двѣ половины, въ правомъ красномъ полѣ—Кіевскій гербъ, а въ лѣвомъ золотомъ—Черниговскій; въ нижней же малой части щита видны двѣ птицы, держащія во рту по стрѣлѣ, а въ лапахъ золотые шары (Гербъ г. Оболенска) ([3]).

4) *Князья Долгорукіе*, кромѣ герба Черниговскаго въ 1-й четверти и Кіевскаго въ красномъ полѣ во 2-й части, имѣютъ въ 3-й четверти своего четверочастно раздѣленнаго герба въ черномъ полѣ выходящую изъ облаковъ руку, облеченную въ латы и держащую стрѣлу, а въ послѣдней четверти-серебряную крѣпость въ голубомъ полѣ ([4]).

5) Въ гербѣ *Князей Щербатовыхъ* печать Черниговская помѣщена на среднемъ маломъ щиткѣ; первая и четвертая части большаго щита заняты Кіевскимъ гербомъ въ голубомъ полѣ, а вторая и третья—изображеніемъ серебраной крѣпости въ черномъ полѣ ([5]). Крѣпость можетъ означать здѣсь не иное что, какъ владѣніе

([1]) Гербовникъ I, 5. III, I.

([2]) Родъ Князей Репниныхъ въ мужескомъ колѣнѣ угаелъ въ 1801 году и продолжается по женскому колѣну въ фамиліи Князей *Репниныхъ—Волконскихъ*, въ слѣдствіе супружества дочери Генералъ-Фельдмаршале Князя Николая Васильевича Репнина съ Княземъ Григорьемъ Семеновичемъ Волконскимъ. См. Біографія Россійскихъ Генералиссимусовъ и Генералъ-Фельдмаршаловъ Т. II. стр. 230.

([3]) Гербовникъ I, 6; II, 3.

([4]) Тамъ же, I, 7.

([5]) Тамъ же, I, 8.

городами, или, по объясненію историка Кн. Щербатова, написавшаго родословную своихъ предковъ, переселеніе ихъ въ Тарусу ([1]).

6) *Гербъ Князей Тюфякиныхъ* имѣетъ Черниговское знамя во второй четверти своего четверочастнаго герба; прочія же его эмблемы слѣдующія: въ первой четверти въ красномъ полѣ воинъ, въ серебряныхъ латахъ, съ поднятымъ вверхъ мечемъ, въ третьей части въ серебряномъ полѣ птица сѣраго цвѣта съ пронзенною сквозь шею стрѣлою, а въ четвертой части въ голубомъ полѣ палатка, означенная серебромъ ([2]).

и 7) Въ гербѣ *Телепневыхъ* Черниговское знамя занимаетъ первое мѣсто, вторую четверть—въ голубомъ полѣ золотая звѣзда, третью-въ красномъ полѣ выходящая изъ облаковъ рука съ мечемъ, и послѣднюю—въ серебряномъ полѣ олень ([3]).

§ 86.

II. Гербы Княжескихъ и дворянскихъ фамилій потомства Великаго Князя Ростислава Мстиславича.

Эта отрасль Мономахова потомства распадается на два поколѣнія по двумъ сыновьямъ В. Князя Ростислава Мстиславича Смоленскаго: *Рюрику*, наслѣдовавшему городъ Вязьму, родоначальнику Князей *Вяземскихъ*, и брату его *Давыду Ростиславичу*, потомки котораго, владѣя Ярославлемъ и Смоленскомъ, дали начало *Князьямъ Ярославскимъ* и *Смоленскимъ*. Раздѣленіе это про-

---

([1]) Древн. Росс. Вивл. IX, стр. 73.
([2]) Гербовникъ II, 4.
([3]) Тамъ же, V, 11.

изошло слѣдующимъ образомъ: у Давыда Ростиславича были сынъ Мстиславъ и внукъ Ростиславъ; у сего послѣдняго было два сына: Кн. Θедоръ Чудотворецъ, Ярославскій, и Глѣбъ Ростиславичъ, Смоленскій. Потомство того и другаго было многочисленно, но до настоящаго времени остается не много родовъ, отъ этого корня происшедшихъ, а именно: изъ Ярославскихъ—*Кн. Шаховскіе*, *Щетинины* ([1]), *Засѣкины*, *Солнцевы-Засѣкины*, *Львовы* и *Прозоровскіе*, происхожденіе которыхъ подробно показано на прилагаемой родословной таблицѣ (II); а отъ Князей Смоленскихъ пошли: *Кн. Дашковы* и *Кропоткины*, равно какъ дворянскіе роды, безъ княжескаго титула: *Всеволожскіе*, *Татищевы*, *Еропкины* и *Ржевскіе*.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что означенные роды имѣютъ право на слѣдующія эмблеммы: 1) знамя В. Княжества Смоленскаго; 2) знамя Ярославское и 3) гербъ Кіевскій, такъ какъ предокъ ихъ былъ на Великомъ Княженіи Кіевскомъ. Знамена эти расположены въ гербахъ отдѣльныхъ фамилій въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Старшая линія Князей Смоленскихъ—*Кн. Вяземскіе* сохранили въ гербѣ своемъ одно знамя Смоленское, оно же и Вяземское ([2]): въ серебряномъ полѣ черная пушка на золотомъ лафетѣ и на пушкѣ райская птица ([3]). Совер-

([1]) Хотя родъ *Кн. Щетининыхъ* до сихъ поръ продолжается, гербъ ихъ въ Гербовникѣ не помѣщенъ. Этотъ и подобные ему пропуски объясняются тѣмъ, что когда отъ дворянъ требовалось представленіе ихъ гербовъ для внесенія въ Гербовникъ, не всѣ дворянскія фамиліи успѣли исполнить такое требованіе Правительства. Этимъ же объясняется, почему гербы древнихъ Княжескихъ фамилій, которые должны бы были найдти себѣ мѣсто въ первой части гербовника, помѣщены въ другихъ его томахъ. Ср. Грб. X, 27.

([2]) Указъ 1780 года Октября 10 (№ 15072).

([3]) Гербовникъ I, 9.

шено такой же гербъ у *Кн. Кропоткиныхъ* ([1]) и у *Ржевскихъ* ([2]).

2) *Кн. Шаховскіе*, *Львовы* и *Засѣкины* имѣютъ въ маленькомъ щиткѣ, занимающемъ сердце герба, Ярославское знамя: въ золотомъ полѣ черный медвѣдь влѣво съ золотою на плечѣ сѣкирою. За тѣмъ въ первой и четвертой частяхъ четверочастваго щита ихъ помѣщенъ въ голубомъ полѣ Кіевскій гербъ, а во второй и третьей— гербъ Смоленскій ([3]).

3) *Кн. Сонцовы* и *Сонцовы Засѣкины* имѣютъ одинъ съ Кн. Шаховскими гербъ съ тѣмъ только различіемъ, что изображенный на среднемъ щиткѣ черный въ золотомъ полѣ медвѣдь съ золотою на правомъ плечѣ сѣкирою обращенъ вправо ([4]).

4) *Кн. Прозоровскіе*, сохранивъ Ярославское знамя на маломъ щиткѣ въ сердцѣ герба, имѣютъ въ первой четверти гербъ Кіевскій, въ четвертой—гербъ Смоленскій, а во второй части: въ серебряномъ полѣ чернаго дракона съ короною на головѣ и красными крыльями, и наконецъ въ третьей части: идущаго влѣво серебрянаго медвѣдя ([5]).

5) У Князей *Дашковыхъ* въ среднемъ щиткѣ изображены въ серебряномъ полѣ, золотые крестъ и шестиугольная звѣзда, а между ними полумѣсяцъ, рогами обращенный внизъ ([6]); за тѣмъ прочія эмблемы общія

([1]) Тамъ же, V, 2.

([2]) Тамъ же, I, 37.

([3]) Тамъ же, II, 5, 6; V, 3.

([4]) Тамъ же, II, 6; VIII, 1; IX, 1. — Ср. Герб. V, 14.

([5]) Тамъ же, I, 11.

([6]) Въ Польской Геральдикѣ эта эмблема носитъ названіе *Корибутъ* (Koributh); она помѣщалась въ гербахъ многихъ Литовскихъ Князей и въ гербѣ Кн. Дашковыхъ можетъ быть объяснена тѣмъ, что Смоленское Княжество продолжительное время было подъ властью Польши. Ср. Okolski T. I. p. 524, 525 и ниже подъ гербомъ *Koributh*.

съ гербами другихъ фамилій того же корня, а именно въ первомъ и четвертомъ поляхъ четверочастнаго герба Кіевскій гербъ въ голубомъ полѣ, а во второмъ и третьемъ—Смоленскій въ красномъ полѣ (1).

6) Въ гербѣ *Всеволожскихъ* щитъ разбитъ на двѣ части: изъ нихъ въ верхней голубой изображенъ гербъ Кіевскій, а въ нижней въ серебряномъ полѣ—гербъ Смоленскій (2).

7) Въ гербѣ *Татищевыхъ* поле щита разбито на двѣ части, и изъ нихъ въ верхней въ красномъ полѣ: бѣлое знамя, имѣющее золотое древко (можетъ быть прежній Смоленскій гербъ, ср. стр. 285), а въ нижней Смоленское знамя, т. е. райская птица на лафетѣ. У Графовъ Татищевыхъ, пожалованныхъ въ это достоинство въ 1801 году, поле щита разбито на три части: изъ нихъ въ двухъ нижнихъ, въ сердцѣ и ногахъ, помѣщены означенныя эмблеммы, а въ вершинѣ прибавленъ выходящій до половины двуглавый черный, тремя коронами коронованный орелъ (3).

8) Гербъ *Еропкиныхъ* состоитъ изъ Смоленскаго только знамени съ тѣмъ притомъ, что вверху надъ пушкою изображенъ мечъ, остроконечіемъ обращенный въ правую сторону (4).

Къ этому же разряду дворянскихъ фамилій, т. е. ведущихъ свой родъ отъ Ростислава Смоленскаго (5) при-

(1) Гербовникъ. I, 10.

(2) Тамъ же, II, 19.

(3) Тамъ же, II, 17; VII; 5.

(4) Тамъ же, II, 18.

(5) Роды *Дмитріевыхъ—Мамоновыхъ* и *Аладьиныхъ* пропущены Бархатною книгою въ числѣ происходящихъ отъ Кн. Ростислава Мстиславича Смоленскаго. Помѣщая здѣсь описаніе гербовъ означенныхъ фамилій, счи-

надлежатъ: 1) *Дмитріевы-Мамоновы*, происходящіе отъ потомка Кн. Ростислава Мстиславича Александра Нетши. Поэтому они имѣютъ въ гербѣ своемъ, разбитомъ на двѣ части, изъ которыхъ верхняя разсѣчена, въ первой части гербъ Кіевскій, а во второй Смоленскій; въ нижней же части, окруженной съ трехъ сторонъ серебряными облаками, означена въ красномъ полѣ перпендикулярно серебряная стрѣла, летящая вверхъ чрезъ серебряный полумѣсяцъ, обращенный рогами вверхъ; надъ каждымъ изъ нихъ видно по осьмиугольной звѣздѣ серебрянаго цвѣта и между ними золотая корона съ четырьмя павлинными перьями (не измѣненный ли это гербъ *Сасъ* съ нашлемникомъ?). Эти же перья возвышаются и надъ шлемомъ. (1); и 2) *Аладьины*, которые въ верхней половинѣ разбитаго щита имѣютъ Смоленскій гербъ, а въ нижней двѣ крестообразно плавающія серебряныя рыбы (2).

§ 87.

III. Гербы Княжескихъ и дворянскихъ фамилій потомства Великаго Князя Всеволода Юрьевича-Большое Гнѣздо.

Самое названіе родоначальника этого поколѣнія Русскихъ дворянскихъ фамилій Всеволода *Большое-Гнѣздо*

таемъ долгомъ объяснить, что на основаніи доказательствъ, представленныхъ ими, и нѣкоторыхъ редакцій родословныхъ книгъ предки означенныхъ родовъ происходятъ отъ Князя Ростислава Мстиславича чрезъ правнука его Александра Нетшу. Не имѣя однако достаточныхъ данныхъ, чтобы показать отъ какого именно поколѣнія идутъ они и какъ связаны съ общимъ родоначальникомъ, мы не помѣстили ихъ въ родословной Рюрикова дома. Герб. II, 21; V, 13. Временникъ Т. X. Матеріалы стр. 123 *(родъ Монастыревыхъ)*.

(1) Гербовникъ II, 21. Ср. IV, 17.

(2) Тамъ же, V, 12.

показываетъ, что потомство его было многочисленно; теперь же семействъ, отъ этого корени происшедшихъ, осталось не много. Они распадаются на слѣдующіе четыре разряда: 1) Старшій сынъ Всеволода Юрьевича (внука Владиміра Мономаха) Константинъ, чрезъ внука своего Василько Ростовскаго, и двухъ сыновей сего послѣдняго Бориса и Глѣба, былъ родоначальникомъ *Князей Ростовскихъ* и *Бѣлозерскихъ* (см. Родословн. III). Изъ первыхъ донынѣ существуютъ Князья *Касаткины* и *Лобановы-Ростовскіе*, а изъ вторыхъ *Князья Бѣлосельскіе*, *Вадбольскіе*, *Шелешпанскіе* и *Ухтомскіе*. 2) Второй сынъ Всеволода Юрьевича Ярославъ былъ въ Галичѣ и есть родоначальникъ Князей Галицкихъ: *Ляпуновыхъ*, *Березиныхъ*, *Осининыхъ* и *Ивиныхъ;* и наконецъ 3) отъ послѣдняго сына Великаго Князя Всеволода Иоанна Стародубскаго пошли *Князья Стародубскіе: Гагарины*, *Ромодановскіе*, *Хилковы* и *Гундуровы*.

На какія эмблеммы въ гербахъ имѣютъ право означенныя фамиліи?

1) *Князья Ростовскіе*, по происхожденію отъ Владиміра Мономаха, сидѣвшаго на Кіевскомъ Великомъ Княженіи и по владѣнію своимъ удѣломъ Ростовомъ, имѣютъ въ гербахъ знамена Кіевское, т. е. Архангела Михаила, и Ростовское—въ красномъ полѣ серебряный олень, бѣгущій вправо (¹). Въ разбитомъ щитѣ гербовъ *Кн. Касаткиныхъ* и *Лобановыхъ-Ростовскихъ* верхнюю часть занимаетъ гербъ Кіевскій, а нижнюю — Ростовскій (²).

Изъ Князей Бѣлозерскихъ знамя княжества, которое было въ первоначальномъ владѣніи ихъ предковъ, т. е.

(¹) Указъ 1778 г. Іюня 2 (№ 14765).

(²) Гербовникъ I, 12; II, 7.

въ голубомъ полѣ изображеніе креста и луны (см. Гб. *Лелива*) а подъ ними двухъ рыбъ, наподобіе андреевскаго креста плавающихъ ([1]), осталось безъ прибавленія въ гербахъ Князей *Бѣлосельскихъ*, *Вадбольскихъ* и *Ухтомскихъ*. Гербъ Князей *Шелешпанскихъ*, въ сущности сохраняя ту же эмблемму, отличается отъ означенныхъ тѣмъ только, что рыбы помѣщены въ ногахъ щита (т. е. занимаютъ третью часть его внизу); сердце же и вершина щита раздѣлены на четыре поля, различающіяся: первая четверть—цвѣтомъ краснымъ, вторая—голубымъ, третья—золотымъ и четвертая—зеленымъ. На срединѣ изображенъ золотой крестъ, а подъ нимъ помѣщена серебряная луна, рогами обращенная вверхъ ([2]).

2) Изъ рода *Князей Галицкихъ* не осталось княжескихъ фамилій ([3]), а продолжающіяся до нынѣ дворянскія поколѣнія, въ знакъ своего благороднаго происхожденія отъ Владиміра Мономаха, отличаютъ свои гербы княжескими мантіею и короною. Что касается до эмблеммъ, то въ гербѣ *Ляпуновыхъ* изображенъ черный одноглавый орелъ, держащій въ правой лапѣ мечъ, а въ лѣвой золотой брусокъ, надъ мечемъ видна корона ([4]), а

([1]) Ук. 1781 г. Авг. 16 (№ 15209).

([2]) Гербовникъ I. 13; IV. 1, 2, 3.

([3]) Изъ Галицкихъ Князей потомства также Владиміра Мономаха чрезъ праправнука его Романа Мстиславича и сына сего послѣдняго Даніила Романовича, дарованъ Княжескій титулъ *Бабичевымъ* и *Друцкимъ-Соколинскимъ*, предки которыхъ были на Острожкомъ Княженіи. (Родословный Сборникъ *Кн. Долгорукаго* часть IV, Спб. 1841 стр. 7 до 9 и стр. 16. Энциклопедич. Лексиконъ Т. IV, стр. 28)—Гербы этихъ фамилій, съ объясненіемъ ихъ родословной, помѣщены въ 5 Т. Гербовника подъ № 4 и 5. Эмблеммы въ нихъ Польскія и будутъ объяснены ниже.

([4]) Гербовникъ IV, 16. ср. ниже въ отдѣлѣ о гербахъ дворянъ выѣхавшихъ изъ Польши эмблемму *Солтыкъ*.

у *Березиных* въ щитѣ, имѣющемъ красное поле, изображена серебряная стѣна ([1]).

3) *Стародубское* знамя есть, какъ было уже сказано выше, старый дубъ. Эмблемма эта повторяется въ гербахъ всѣхъ родовъ, отъ этого корня происходящихъ; а именно:

а) Гербы *Кн. Гагариныхъ* и *Хилковыхъ*, совершенно между собою сходные, имѣютъ въ сердцѣ щита золотой щитокъ съ изображеніемъ на немъ дуба, на поверхности котораго видна княжеская корона съ выходящею рукою въ латахъ и съ мечемъ, вверхъ подъятымъ, а у корня дуба медвѣдь. Затѣмъ въ четверочастномъ щитѣ первая и четвертая части цвѣта голубаго и имѣютъ: первая изображеніе облеченной въ латы руки съ подъятымъ вверхъ мечемъ, а послѣдняя-дерева и идущаго отъ него вправо чернаго медвѣдя; а вторая и третья части въ серебряномъ полѣ—первая стараго дуба, а вторая крѣпости краснаго цвѣта. ([2])

б) Въ гербѣ *Князей Гундуровыхъ* щитъ разсѣченъ на три и разбитъ на двѣ части. На среднемъ серебряномъ щиткѣ виденъ раздраженный черный медвѣдь, разоряющій муравьиное гнѣздо у корня дуба; за тѣмъ въ первой и шестой частяхъ изображены въ голубомъ полѣ старой дубъ, во второй и пятой въ золотомъ полѣ: въ первой орелъ, а во второй—Кіевскій гербъ, и наконецъ въ третьей и четвертой въ красномъ полѣ—облеченная въ латы и изъ облакъ выходящая рука съ мечемъ; щитъ увѣнчанъ тремя шлемами, изъ которыхъ на каждомъ по княжеской шапкѣ; нашлемники же состоятъ: на лѣвомъ

([1]) Герб. II, 20.
([2]) Тамъ же, I, 4. 14.

шлемѣ изъ выходящаго чернаго медвѣдя, на среднемъ— изъ вооруженной мечемъ руки, а на правомъ—изъ стараго дуба. Щитодержатели два медвѣдя (1).

и в) Родъ Князей *Ромодановскихъ* вымеръ въ концѣ прошлаго столѣтія и по указу 1798 года Апрѣля 8 фамилія и гербъ ихъ усвоены Ладыженскимъ. Поэтому въ Гербовникѣ помѣщенъ гербъ Кн. *Ромодановскихъ-Ладыженскихъ;* но отдѣливъ гербъ *Ладыженскихъ* (2), у Ромодановскихъ останется гербъ, подобный, съ нѣкоторыми измѣненіями, гербу Князей Гундоровыхъ. И у нихъ щитъ разсѣченъ на три и разбитъ на двѣ части; на среднемъ серебряномъ щиткѣ видѣнъ медвѣдь у корня дуба. Затѣмъ въ первой и шестой частяхъ изображены дубъ въ серебряномъ полѣ, во второй и пятой въ золотыхъ поляхъ: въ первой идущій влѣво черный медвѣдь, въ послѣдней стародубскій князь, держащій въ лѣвой рукѣ посохъ, а наконецъ третья и четвертая части заняты изображеніемъ вооруженной мечемъ руки. Шлемы, нашлемники и щитодержатели такіе же, какъ у Кн. Гундоровыхъ (3).

§ 88.

IV. Княжескіе роды потомства Гедимина.

Послѣ сказаннаго уже выше о томъ, почему мы полагаемъ необходимымъ помѣстить Князей Литовскихъ въ ряду Княжескихъ фамилій, отъ Владиміра Мономаха происшедшихъ, мы считаемъ излишнимъ напоминать, что если бы даже потомство Изяслава Владиміровича, полу-

(1) Тамъ же, VII, 1.
(2) Тамъ же, II, 49.
(3) Тамъ же, IV. 5.

чавшаго въ удѣлъ Полоцкъ, и пресѣклось, тѣмъ не менѣе земля, которою обладали Гедиминъ и потомки его, была искони Русскою. А такъ какъ въ Княжескихъ гербахъ важна эмблемма вотчины и дѣдины князя, то гербы потомковъ Гедимина, изъ которыхъ многія семейства ознаменовали себя подвигами на пользу Россіи, должны замкнуть собою разрядъ гербовъ Русскихъ дворянскихъ родовъ, предки которыхъ были владѣтелями вотчины Владиміра Св. и Ярослава. Мы считали бы однако обзоръ нашъ неполнымъ, еслибы не упомянули здѣсь о свидѣтельствѣ нѣкоторыхъ изъ нашихъ лѣтописей, равно какъ и родословныхъ о томъ, что Гедиминъ нетолько владѣлъ Русскою вотчиною, но и происходилъ отъ потомства Князя Полоцкаго Изяслава Владиміровича, и слѣд. находится въ кровномъ родствѣ съ Равноапостольнымъ Княземъ Владиміромъ. Положительно отвергать это сказаніе едвали можно до тѣхъ поръ, пока не будутъ разобраны и при помощи критики возстановлены всѣ вѣтви и поколѣнія Рюрикова дома, пока не будутъ приведены въ систему надписи на гробницахъ удѣльныхъ Князей и провѣрены съ лѣтописями и другими источниками. Во всякомъ случаѣ свидѣтельства Польскихъ и Литовскихъ хроникъ и исторій (Стрыйковскаго и иныхъ), повѣствующихъ, что какой то знаменитый Римлянинъ Палемонъ-Публіусъ-Либо во времена *или* Августа Кесаря *или* Нерона *или* Аттилы приплылъ въ Литву, образовалъ ея дикихъ жителей и что внуки Палемоновы господствовали въ Литвѣ еще въ XI (?) столѣтіи (1), вовсе не заслуживаютъ довѣрія и обнаруживаютъ только желаніе во что бы то ни стало породниться съ Римлянами. Слава Рима и

(1) *Карамзина* И. Г. Р. II, прим. 35.

преданіе о его силѣ и могуществѣ легко объясняютъ такое стремленіе, общее большей части народовъ среднихъ вѣковъ.

Наши лѣтописи и родословныя гласятъ, что въ 1128 г. Полоцкіе Князья Рогвольдовичи были вытѣснены изъ своихъ владѣній Великимъ Княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ, который завладѣлъ Полоцкомъ, а Князья Полоцкіе бѣжали въ Царьградъ. Въ то время Литовцы были данниками Князей отчасти Кіевскихъ и Черниговскихъ, отчасти Смоленскихъ и Кривскихъ и находились подъ управленіемъ собственныхъ гетмановъ. Вильна же, боясь Мстислава Великаго, поддалась Королю Венгерскому и призвала на княженіе изъ Греціи двухъ сыновей бывшаго Полоцкаго Князя Ростислава Рогвольдовича. Одинъ изъ этихъ Князей назывался *Давидъ*, другой *Мовкольдъ*. Первый сдѣлался Княземъ Виленскимъ и былъ отцомъ Вита (Витонесъ), прозваннаго *Волкомъ*, и *Эрдена;* отъ Мовкольда родился *Миндовгъ*, у котораго были сыновья *Вышлегъ* и *Damantъ* (Довмонтъ). Послѣдній былъ одно время Псковскимъ Великимъ Княземъ и по Св. Крещеніи носилъ имя Тимоѳея. Послѣ Вита на Литовскомъ престолѣ былъ сынъ его Князь Пройденъ, за нимъ Витянъ и наконецъ Гедиминъ ([1]). Съ сего времени вмѣстѣ съ увеличеніемъ силы Литвы становится яснѣе и достовѣрнѣе самая ея исторія. Отъ сыновей Гедимина произошли Литовскіе Княжескіе роды, родословная которыхъ составлена нами по показаніямъ бархатной книги и нѣкоторыхъ другихъ Русскихъ источниковъ; но уваженіе къ предмету заставляетъ насъ выразить при этомъ убѣжденіе, что свѣдѣнія эти тре-

([1]) Тамъ же, Т. IV, прим. 103. Временникъ Т. X. Въ Отдѣлѣ матеріаловъ, стр. 74.

буютъ строгой и добросовѣстной повѣрки съ актами, дошедшими къ намъ отъ древней Польши и Литвы. Многіе изъ хранящихся въ Литовской Метрикѣ документовъ могли бы облегчить исполненіе такого труда для человѣка, знакомаго съ исторіею Польши и ея геральдикою. Дополненіемъ настоящаго обзора послужатъ свѣдѣнія, сообщаемыя на основаніи Польскихъ источниковъ при изложеніи гербовъ родовъ выѣзжихъ изъ Литвы и Польши. (§ 90).

Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что владѣніе Князя Изяслава Владиміровича—Полоцкъ слился съ Литвою въ собственномъ смыслѣ, заключавшеюся въ предѣлахъ нынѣшней Виленской Губерніи. Постепенно Княжество это росло, и сила Гедимина была уже такъ велика, что онъ составлялъ на западѣ Россіи противовѣсіе Московскому Великому Князю на Востокѣ, а такъ какъ области его послѣдняго были подвластны Татарамъ, то Русскіе смотрѣли на Гедимина, какъ на чисто Русскаго Великаго Князя. Понятно, отъ чего сынъ Гедимина Наримунтъ былъ призванъ княжить въ Новгородъ, гдѣ однако былъ недолго.

Еще при жизни своей Гедиминъ раздѣлилъ наслѣдственную вотчину между своими дѣтьми, изъ которыхъ *Мендовиту* далъ Карачевъ и Слонимъ, *Наримунту*-Пинскъ, *Евнутію*-Вильну, *Ольгерду*-Креву и Ктому, *Кейстутію*-Троки, *Корьяду*—Новгородокъ, а *Любарта* принялъ въ свою землю Волынскій Князь, на дочери котораго онъ женился, потому Любартъ былъ обойденъ при раздѣлѣ отцовскаго наслѣдія (1). Вскорѣ за тѣмъ

(1) *Johannis Dlugossi* seu Longini Canonici quondam Cracoviensis historiae Polonicae libri XII. Lipsiae.1711. Lib. X. p. 60. *Paprockiego* Herby Rycerstwa Polskiego. W Krakowie. 1584. p. 589. Временникъ въ о. и. стр. 76.

сынъ Ольгерда и внукъ Гедимина Ягайлло женился на Польской Королевѣ Ядвигѣ и вмѣстѣ съ ея рукою получивъ корону Пястовъ, соединилъ Литовское Княжество съ Польшею (1).

Княжескіе Литовскіе роды ведутъ свое начало отъ трехъ сыновей Гедимина: *Наримунта*, *Ольгерда* и *Любарта*. (Родосл. Рюрик. дома IV). У перваго былъ сынъ Александръ, а у сего послѣдняго Патрикій Звенигородскій. Отъ старшаго сына Патрикія, правнука Наримунтова, Өедора произошли *Князья Хованскіе*. За вторымъ сыномъ Юріемъ была дочь Великаго Князя Василія Дмитріевича, княжна Анна, въ монашествѣ Анастасія. У Юрія Патрикеевича былъ сынъ Князь Василій, отъ котораго произошелъ Князь *Иванъ Булгакъ*, а отъ него чрезъ двухъ его сыновей князя *Михаила Голицу* и князя *Андрея Кураку* ведутъ свой родъ *князья Булгаковы—Голицыны*, удержавшіе въ послѣдствіи одно прозваніе *Голицыныхъ*, и *Куракины*. Отъ другаго же сына Василія Юрьевича—*Данила Щеню* произошли *Щенятевы*, которыхъ родъ пресѣкся. Наконецъ отъ третьяго сына Патрикеева Александра произошли *князья Корецкіе*, которые, какъ сказано въ родословной, «на Москѣ извелись», а остались въ Польшѣ.

Отъ Ольгерда другаго сына Гедиминова, ведутъ свой родъ (не упоминая о поколѣніяхъ вымершихъ), чрезъ втораго сына Ольгердова Дмитрія—Князья *Трубецкіе*, а чрезъ третьяго сына Константина князья *Чарторійскіе*.

---

(1) *Г. Устрялова* Изслѣдованіе вопроса: Какое мѣсто въ Русской Исторіи должно занимать Великое Княжество Литовское. СПб. 1839. *Берчевскаго*. Православіе и Русская народность въ Литвѣ. СПб. 1851. *Серчевскаго* Записки о родѣ Князей Голицыныхъ. СПб. 1853. стр. 1—12.

Наконецъ отъ Любарта чрезъ сына его Θеодора пошли между прочимъ *князья Сангушко*.

Литовскимъ гербомъ издавна была *погонь* (pogonia). Наша лѣтопись ([1]) сохранила о введеніи ея слѣдующее извѣстіе: «князь Витенъ нача княжити надъ Литвою (въ 1278 г), измысля себѣ гербъ и всему княжству литовскому печать: рыцерь збройный на конѣ зъ мечемъ, еже нынѣ нарѣчутъ погоня». Эта то эмблемма-погонь-и сохранялась въ гербахъ большей части Литовскихъ князей; но для отличія въ разныхъ фамиліяхъ была она не одинакова или по положенію всадника, или по фигурѣ, которая изображалась на щитѣ, его плечо защищавшемъ или наконецъ потому, что въ гербѣ представлялась одна только вооруженная рука. Такимъ образомъ въ Польской Геральдикѣ есть пять видовъ погоней; а именно: 1) въ красномъ полѣ покрытый латами и шишакомъ витязь на бѣломъ конѣ. Правою рукою онъ держитъ обнаженный мечь, а на лѣвой щитъ съ двойнымъ, шестаконечнымъ крестомъ, на конѣ сѣдло съ тремя концами; 2) такой же всадникъ, но съ копьемъ, которое онъ держитъ, какъ бы намѣреваясь бросить его на врага; 3) нагой всадникъ на конѣ безъ сѣдла и узды держитъ на воздухѣ, надъ головою обнаженный мечь; 4) въ золотомъ полѣ выходящая изъ облаковъ рука въ латахъ съ обнаженнымъ мечемъ, фигура эта повторается въ нашлемникѣ и 5) въ красномъ полѣ рука съ мечемъ, а въ нашлемникѣ до половины выходящій воинъ, вооруженный также мечемъ ([2]). Ниже будутъ приведены гербы родовъ

([1]) Прибавленіе къ Ипатьевской лѣтописи въ Полномъ Собраніи лѣтописей Т. II, стр. 246. Подробное объясненіе значенія и исторіи погони есть у Окольскаго въ его Orbis Polonus T. II, p. 442—446. *Paprockiego* Gniazdo cnoty. Korona Polska Kaspra Niesieckiego. 1728.

([2]) *Okolski* Orbis Polonus I. p. 539. 542. 543. II. 442—451.

Русскихъ и выѣзжихъ изъ Польши и Литвы, употребляющихъ разныя виды погони.

Первоначально въ гербахъ многихъ Гедиминовыхъ потомковъ погонь употреблялась одна, а впослѣдствіи для отличія одного дворянскаго рода отъ другихъ того же корня прибавлены иныя эмблемы, и для многихъ изъ нихъ основанія должно искать въ Польской геральдикѣ. Что знамя *погонь* переходило къ князьямъ этимъ по наслѣдству вмѣстѣ съ владѣніемъ, доказывается тѣмъ, что въ древнѣйшихъ актахъ, имѣвшихъ цѣлью утвердить эту эмблему за извѣстнымъ поколѣніемъ, упоминается, что за нимъ *оставляется* знакъ, ему уже принадлежавшій. Въ доказательство приводимъ слѣдующій отрывокъ изъ грамоты, данной князьямъ Черторижскимъ въ 1442 году королемъ Польскимъ Владиславомъ: «Желая ознаменовать милость и благоволеніе свое къ братьямъ Ивану, Александру и Михаилу Черторійскимъ, за особенную преданность ихъ коронѣ польской, король, по княжескому происхожденію означенныхъ лицъ и по родству ихъ съ королевскимъ домомъ, навсегда жалуетъ всему ихъ роду вообще и каждому его члену въ отдѣльности право пользоваться княжескою печатью, какую употребляли ихъ дѣдъ и отецъ, т. е. конемъ, на которомъ сидитъ вооруженный мужъ, держащій въ рукѣ обнаженный мечь». Привиллегія эта не разъ была подтверждаема и, между прочимъ королемъ Августомъ 1 на Любельскомъ сеймѣ 1569 года (1).

(1) Приводимъ подлинныя слова грамоты: «Significamus tenore praesentium, quomodo cupientes fratrum nostrorum illustrium Ivonis, Alexandri et Michaelis ducum de Czartorejska honori intendere qui singulari affectione et fidelitate erga nostram Majestatem et inclitam coronam regni nostri Poloniae se exhibent et exercent, pro eorum ducali statu et promotione, praefatos duces et consanguineos nostros, communiter et divisim sigillo eorum ducali

Кромѣ *Чарторійскихъ* ([1]) одна погоня безъ всякихъ иныхъ аттрибутовъ осталась у князей *Корецкихъ* ([2]) и *Сангушковъ* ([3]). Такой же былъ гербъ и у *князей Голицыныхъ*, чему свидѣтельствомъ служитъ знакъ на родовой посудѣ князя Василія Васильевича Голицына, хранящейся въ Оружейной палатѣ, и гербъ на портретѣ того же Князя ([4]). Но въ послѣдствіи (когда именно опредѣлить трудно), по необходимости различить гербы фамилій, отъ одного и того же корня происходящихъ, прибавлены аттрибуты, также не лишенные геральдическаго значенія, а погонѣ дано мѣсто въ той или другой части герба по старшинству происхожденія фамиліи отъ общаго родоначальника.

Такъ какъ Наримундъ княжилъ въ Новгородѣ, а потомки Гедимина сидѣли на Польскомъ королевскомъ престолѣ, то на гербъ Новгородскій имѣютъ право только князья, отъ Наримунта происшедшіе (слѣд. Кн. Трубецкіе его имѣть не могутъ); Польской же гербъ могъ войти въ гербы всѣхъ Литовскихъ Князей ([5]).

Сообразно тому: 1) у *кн.* *Хованскихъ* гербъ изображается такъ: въ сердцѣ четверочастнаго щита красный

---

frui, quo ex avo et patre ipsorum uti consueverunt, scilicet equo, cui subsidet vir armatus, gladium evaginatum manu tenens, volumus et decernimus, approbamus et concedimus perpetue ac in ævum.» Herb. Polsk. *Niesieck*. (ed. *Bobrowicz*) III. 224. *Paprockiego* Gniazdo Cnoty стр. 644.

([1]) *Bobrowicz* Herb. Pols. III. 222.

([2]) Ibidem V, 228.

([3]) *Okolski* T. III. p. 78.

([4]) Труды Московскаго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ Т. VII, стр. 83 и прилож.

([5]) Послѣдующее изложеніе докажетъ, что разнымъ поколѣніямъ Гедиминова дома были усвоены эмблемы въ гербахъ по руководству той родословной Литовскихъ родовъ, которая сохранилась въ Бархатной книгѣ. Поэтому и мы, при объясненіи этихъ гербовъ, должны держаться того же источника.

щитокъ, покрытый княжескою шапкою, занятъ гербомъ литовскимъ; въ первой и четвертой частяхъ большаго щита помѣщенъ гербъ польскій-въ красномъ полѣ бѣлый одноглавый орелъ, а во второй и третьей частяхъ-гербъ Новгородскій: въ серебряномъ полѣ малиноваго цвѣта престолъ, на которомъ изображены крестообразно державный жезлъ и длинный крестъ; надъ стуломъ тройной подсвѣчникъ съ горящими свѣчами, по сторонамъ престола два черные медвѣдя, стоящіе задними лапами на золотой рѣшеткѣ, подъ которою видны рыбы, плавающія въ рѣкѣ (1).

2) Гербъ *Князей Куракиныхъ* такой же (2), но въ расположеніи фигуръ та только разница, что Новгородскій гербъ (безъ изображенія рѣки) помѣщенъ во второй лишь четверти, а въ третьей части въ голубомъ полѣ видны серебряный крестъ, шестиугольная звѣзда и между ними золотой полумѣсяцъ, обращенный рогами внизъ (гербъ *Корибутъ*). Эмблемма эта могла быть знаменемъ одного изъ городовъ, находившихся во владѣніи предковъ этой фамиліи, и дѣйствительно она напоминаетъ гербы городовъ Борозны и Зенкова; но боясь всякихъ догадокъ, не основанныхъ на положительныхъ данныхъ и думая, что объясненіе гербовъ должно составлять заботу самихъ ихъ владѣльцевъ, мы ограничиваемся однимъ описаніемъ, тѣмъ болѣе, что существеннымъ, повторяемъ, остается гербъ наслѣдственной вотчины, гербъ того родича, отъ котораго идетъ поколѣніе. Прочіе аттрибуты менѣе существенны, хотя и они не случайны и не произвольны.

---

(1) Гербовникъ Т. I, № 1.

(2) Тамъ же, I, 3.

3) Гербъ *Князей Голицыныхъ* измѣнялся, сколько извѣстно, три раза, пока не дошелъ до современной формы. Первоначально въ немъ было только изображеніе Литовской погони. Затѣмъ въ гербъ Кн. Голицыныхъ вошли слѣдующіе аттрибуты: въ сердцѣ большаго щита была помѣщена въ особомъ щиткѣ Литовская погонь, въ первой четверти изображался польской гербъ, во второй Новгородскій, затѣмъ двѣ послѣднія четверти оставлены *для* эмблемъ, такъ сказать, спеціальныхъ, частныхъ: въ правой нижней части были видны въ голубомъ полѣ серебряные крестъ и шествугольная звѣзда, а между ними золотой полумѣсяцъ, обращенный рогами внизъ (какъ у Князей Куракиныхъ); а въ послѣдней наконецъ четверти въ голубомъ полѣ серебряный крестъ, имѣющій въ срединѣ черного двуглаваго орла ([1]). Въ настоящее время щитъ въ гербѣ Князей Голицыныхъ разбитъ на двѣ части и нижняя его половина разсѣчена. Верхняя часть занята изображеніемъ погони Литовской, въ нижней правой части виденъ гербъ Новгородскій, и наконецъ въ лѣвой—тотъ же бѣлый крестъ съ двуглавымъ по серединѣ орломъ, который описанъ выше ([2]).

и 4) У Князей *Трубецкихъ* ([3]) погоня занимаетъ (какъ и слѣдуетъ по старшинству) третью четверть четверочастнаго щита, за тѣмъ въ первой части изображены въ золотомъ полѣ два грифа, держащіе передними лапами Княжескую корону, во второй части Польской гербъ (въ

(¹) *Г. Серчеевскій* въ Запискахъ о родѣ Князей Голицыныхъ (Спб. 1853, стр. VI) полагаетъ, что серебряный крестъ означаетъ побѣду Литовцевъ надъ Тевтонскимъ орденомъ. Такой же гербъ былъ прежде у Волынскаго воеводства. Korona Polska Нѣсецкаго I, 154.

(²) Гербовникъ I, 2.

(³) Тамъ же, II, 1.

голубомъ полѣ), и наконецъ въ четвертой-въ серебряномъ полѣ бычачья голова.

Въ этомъ же отдѣлѣ мы должны помѣстить гербъ Свѣтлѣйшихъ Князей *Меншиковыхъ*. Родъ ихъ, какъ сказано въ грамотѣ Александру Даниловичу Меншикову на Княжеское достоинство въ 1707 году пожалованной, происходитъ изъ благородной фамиліи Литовской. Кромѣ другихъ аттрибутовъ, свидѣтельствующихъ о пожалованіи Княжескаго достоинства (двуглаваго тремя коронами увѣнчаннаго орла) и о военныхъ доблестяхъ, оказанныхъ Меншиковымъ на сушѣ и на морѣ (пушка, окруженная ядрами и знаменами, равно какъ оснащенный корабль), въ гербѣ его видна погонь Литовская (но вмѣсто краснаго въ голубомъ полѣ). Гербъ этотъ встрѣчаемъ на бумагахъ Князя Меншикова вскорѣ по пожалованіи его въ Княжеское достоинство (¹) въ томъ же точно видѣ, въ какомъ онъ изображенъ въ гербовникѣ (²).

(¹) Въ числѣ рукописей Императорской Публичной Библіотеки сохранилось объявленіе Князя Меншикова отъ 20 Апрѣля 1712 года Русскимъ и вспомогательнымъ войскамъ о пропускѣ судовъ Великаго канцлера Князя Радзивила, которыя пойдутъ Вислою къ Данцигу. Выписываемъ титулъ Князя Меншикова: «Мы Александръ Меньшиковъ Римскаго и Россійскаго Государства Князь и Герцогъ Ижерскій, наслѣдный господаръ Ораниибурха и иныхъ Его Царскаго Величества Всероссійскаго первый Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, командующій Генералъ—Фельдмаршалъ войскъ и Генералъ-Губернаторъ Губерній Санктъ-Питербурхской и многихъ провинцій, кавалеръ Св. Андрея и Слона и Чернаго и Бѣлаго орла и пр.»

(²) Гербовникъ I, 15.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Гербы родовъ выѣзжихъ.

§ 89.

Изъ гербовъ частныхъ лицъ не Рюрикова потомства первое мѣсто въ Русской Геральдикѣ принадлежитъ гербамъ выѣзжихъ родовъ потому, что послѣ Княжескихъ гербовъ, перешедшихъ съ прежнихъ городскихъ и областныхъ печатей, и какъ было доказано очень древнихъ, ранѣе другихъ частныхъ лицъ сохраняли это отличіе благородства фамиліи, пріѣзжавшія къ намъ изъ странъ, въ которыхъ прежде имъ пользовались. Въ слѣдствіе того при установленіи у насъ дворянства, какъ сословія, чрезъ внесеніе всѣхъ его видовъ и разрядовъ въ родословныя книги, которыя подъ наблюденіемъ Правительства велѣно было вести Разряду, прежде другихъ представляли доказательства о принадлежности имъ гербовъ и ходатайствовали о ихъ утвержденіи пребывавшіе въ Россіи чужестранные роды. Держась строго системы исторической и порядка хронологическаго, мы должны и въ самомъ распредѣленіи выѣзжихъ родовъ по странамъ, изъ которыхъ они пріѣхали въ Москву, начать съ тѣхъ чужестранныхъ благородныхъ фамилій, которыхъ гербы раньше другихъ утверждены Русскими Государями. Самое множество Поляковъ и Литовцевъ, пріѣзжавшихъ въ Россію и служившихъ Русскимъ Царямъ, было, доказали мы выше, причиною, отъ чего за этими именно родами начали утверждать гербы въ тоже самое время, какъ было уничтожено мѣстничсство и когда отъ дворянъ стали требовать доказательствъ благородства ихъ происхожденія для внесснія въ Бархатную книгу. — Затѣмъ слѣдуютъ гербы родовъ, выѣзжихъ изъ Прусіи и Помор-

скихъ странъ вообще, Германіи, Италіи, земель Татарскихъ и иныхъ, болѣе мелкихъ.—При этомъ однако мы не коснемся родовъ, выѣхавшихъ изъ такихъ странъ, для которыхъ есть особые гербовники (т. е. Финляндіи, Остзейскаго края и Польши). Изложеніе гербовъ, употребляемыхъ дворянствомъ этѣхъ областей, слишкомъ увеличило бы нашу книгу, тѣмъ болѣе, что мы могли бы повторить только давно уже сказанное другими.

Чѣмъ-же отличаются между собою гербы лицъ, выѣхавшихъ изъ разныхъ странъ? Эмблеммами, каждымъ изъ нихъ употребляемыми и внѣшними геральдическими аттрибутами. Послѣдніе впрочемъ до того усвоены геральдикою всѣхъ странъ, что они не могутъ допускать такого разнообразія, какъ эмблеммы: въ послѣднихъ весь смысль, вся душа герба, и потому они-же должны свидѣтельствовать о томъ, какой странѣ и какому народу принадлежатъ предки лица, употребляющаго ихъ въ своемъ гербѣ. Потому смѣемъ выразить убѣжденіе, что гербъ служитъ лучшимъ дополненіемъ, даже лучшею повѣркою для родословныхъ, которыя досихъ поръ ждутъ еще тщательной и окончательной разработки. Видя въ гербѣ дворянскаго рода, ведущаго себя изъ какой бы то ни было страны, положимъ отъ Татаръ, эмблеммы общія съ другими родами, ведущими себя на основаніи положительныхъ доказательствъ напр. изъ Прусіи, мы имѣемъ противъ Татарскаго происхожденія сказаннаго рода немаловажное доказательство. Если на него и нельзя полагаться всегда и съ неопровержимою достовѣрностью, то при другихъ данныхъ этотъ доводъ чрезвычайно важенъ и заслуживаетъ вниманія. Съ другой стороны дойти до эмблеммъ, общихъ извѣстному разряду выѣзжихъ дворянскихъ фамилій, важно и скажу бо-

лѣе необходимо потому, что до сихъ поръ еще не всѣмъ дворянскимъ фамиліямъ Россія пожалованы гербы, и такъ какъ число дворянъ нашихъ постоянно ростетъ, то откроется возможность для вновь избирающихъ себѣ гербы опредѣлять, на основаніи существующихъ примѣровъ, какія фигуры въ гербахъ неизбѣжны для означенія страны, изъ которой лица эти выѣхали, буде это родъ выѣзжій, точно такъ, какъ сравненіе гербовъ, пожалованныхъ за разныя заслуги, откроетъ возможность отыскать эмблеммы, соотвѣтствующія каждому роду и виду отличій.

Очеркъ исторіи Русскаго дворянства показываетъ, что въ благородное сословіе наше вошло много владѣтельныхъ родовъ, т. е. такихъ родовъ, предки которыхъ обладали городами, областями и цѣлыми даже Государствами. Конечно гербъ провинціи или Государства не можетъ быть чуждъ гербу потомковъ ихъ Правителей и Государей. Въ каждомъ разрядѣ гербовъ выѣзжихъ дворянъ мы будемъ приводить сначала гербы такихъ родовъ (если они есть), а затѣмъ переходить къ простымъ дворянскимъ фамиліямъ. Бархатная книга вмѣстѣ съ другими родословными и въ этомъ случаѣ, какъ при изложеніи гербовъ Княжескихъ, послужитъ намъ главнымъ источникомъ и пособіемъ.

Что касается до аттрибутовъ герба, то они у насъ общіе съ гербами Западной Европы, и такъ какъ исторія и значеніе ихъ были уже изложены выше въ первой части нашего труда, то мы здѣсь отмѣтимъ одни только особенности. Роды, выѣхавшіе изъ Западной Европы, не имѣли никакого повода и основанія измѣнять въ гербахъ своихъ тѣ общеевропейскіе аттрибуты, въ которые, такъ сказать, вставляется фигура. Рыцар-

ское одѣяніе, котораго точный сколокъ изображаетъ гербъ, было обще всей Западной Европѣ. Нельзя того же сказать о родахъ, выѣхавшихъ въ Россію изъ земель Татарскихъ и странъ Горскихъ. Если вооруженіе воиновъ этѣхъ земель и имѣетъ много общаго съ вооруженіемъ рыцарскимъ, то имъ нисколько не сроденъ рыцарскій шлемъ; потому его должна бы замѣнять чалма, какъ мы это и видимъ въ нѣкоторыхъ гербахъ; напр. Нарбековыхъ (IV, 45), Чевкиныхъ (IX, 8), Чириковыхъ (III, 21) и Князей Черкаскихъ (II, 9): гербы ихъ вѣнчаетъ шапка, имѣющая видъ чалмы и увѣнчанная перомъ. Шапка эта, сказано въ объясненіи послѣдняго герба, взъявляетъ знаменитость родоначальника Черкасскихъ Князей Инала, который былъ Султаномъ въ Египтѣ. Вообще форма щита и видъ шлема находятся въ прямомъ соотвѣтствіи съ происхожденіемъ лица, гербъ употребляющаго. Этотъ признакъ тѣмъ многозначительнѣе, что допускаетъ тѣже различія, какія должны выражаться и въ эмблеммахъ.

Происхожденіе фамиліи отражается иногда и въ щитодержателяхъ гербовъ, гдѣ есть этотъ аттрибутъ, потому что они не считаются необходимою и существенною принадлежностью герба. Щитъ держатъ нерѣдко лица изъ того же народа, къ которому принадлежитъ и гербовладѣлецъ; напр. Британцы у Бестужевыхъ-Рюминыхъ, происходящихъ изъ Англіи (Грб. I, 19), Венгерцы у Бутурлиныхъ (I, 22), Малороссы у Гр. Безбородко и Кочубеевъ (I, 29. III, 49. IV, 13: X. 4), Казаки у Графа Орлова-Денисова и Платова (VIII, 4. IX, 5), Татары у Барановыхъ, Мамаевыхъ, Колокольцевыхъ и др. (IV, 45. IX, 23. I, 63). Щитодержатели поэтому могутъ также служить пособіемъ при опредѣленіи происхожде-

нія лица. Тоже различіе должно бы наблюдаться въ звѣряхъ и птицахъ, которые не рѣдко держатъ щиты гербовъ; но въ этомъ отношеніи труднѣе найти какія нибудь общія правила: одна и таже порода звѣрей и птицъ можетъ безразлично принадлежать нѣсколькимъ странамъ, тогда какъ одѣяніе, вооруженіе людей, изображаемыхъ въ качествѣ щитодержателей, выразительнѣе и не допускаютъ такого смѣшенія. Притомъ въ качествѣ щитодержателей видимъ нерѣдко существа миѳическія, напр. грифовъ, сиренъ. Чаще другихъ животныхъ и птицъ держатъ щиты въ Русскихъ гербахъ львы и орлы, хотя имъ не чужды гончія собаки, медвѣди и т. п. Какъ на образцы того, въ какомъ соотношеніи щитодержатели не-люди могутъ находиться съ происхожденіемъ гербовладѣльца, указываемъ на гербы: Араповыхъ, который держатъ два черныхъ крылатыхъ змѣя (Грб. IV, 98), *Коволавлевыхъ*, родомъ изъ Мекленбурга, чему соотвѣтствуютъ лошади, (I, 67), у Строгановыхъ-два соболя (*II*, *16*. X, 12), у Тейльсовъ, родомъ изъ Испаніи, два мериноса (VI, 131) и др.

Еще нѣсколько общихъ замѣчаній о сочетаніи цвѣтовъ въ гербахъ должны дополнить нашъ обзоръ. Выше мы уже исчислили геральдическіе цвѣта, показали ихъ исторію, значеніе и то, какъ каждый изъ нихъ обозначается гравировкою. Гербъ, состоя почти всегда изъ болѣе, чѣмъ одной фигуры, помѣщенныхъ въ разныхъ поляхъ, бываетъ разноцвѣтнымъ, и притомъ такъ, что цвѣтъ фигуры отличается отъ цвѣта поля, на которомъ она помѣщена. Очень часто поля, какъ и фигуры, находятся въ соотвѣтствіи между собою на крестъ; т. е. первое съ четвертымъ, а второе съ третьимъ. Эмблемы въ означенныхъ поляхъ иногда повторяются.

Изъ фигуръ и красокъ одна почитается главною и остается неизмѣнною до того, что не уступаетъ никакимъ случайнымъ обстоятельствамъ и потому повторяется въ гербахъ всѣхъ фамилій, отъ одного корня происходящихъ. Ея мѣсто всегда самое почетное: она или одна на всемъ щитѣ, или помѣщается на среднемъ щиткѣ, или въ первой четверти, а если въ другой, то можетъ повторяться въ нашлемникѣ, на одеждѣ щитодержателя, на флагѣ въ его рукѣ и т. п.

Цвѣтъ главнаго поля важенъ потому еще, что опредѣляетъ краски намета. Его цвѣтной верхъ и металлической подбой состоятъ всегда изъ тѣхъ-же цвѣтовъ, которые есть на щитѣ, или, правильнѣе, изъ красокъ главной фигуры и главнаго поля.

За этими общими замѣчаніями, находящими себѣ примѣненіе и въ прочихъ родахъ и видахъ гербовъ, мы переходимъ къ изложенію гербовъ каждаго разряда выѣзжихъ дворянскихъ фамилій въ отдѣльности.

§ 90.

Гербы дворянскихъ родовъ выѣзжихъ изъ Литвы и Польши.

При присоединеніи какой нибудь страны къ Польшѣ. Польскія геральдическія эмблеммы сообщались и жителямъ новой провинціи, причемъ коренной Польскій родъ пріобщалъ пришлый къ своему гербу и приписывалъ его къ своему знамени. Отъ того къ одной эмблеммѣ бываетъ нерѣдко причислено въ Польшѣ по нѣскольку сотъ фамилій, которыя, прибавляя къ своему прозванію наименованіе той фигуры, которая въ ихъ гербѣ

тѣмъ даютъ полное понятіе о всемъ своемъ гербѣ, въ сущности неизмѣнномъ. Это не болѣе, какъ одна фигура, по очертанію обыкновенно простая, и какъ скоро въ ней допускается какое нибудь отступленіе отъ разъ принятой нормы, она получаетъ другое названіе или образуетъ новый (второй, третій) видъ прежняго герба. Эти-то качества, т. е. неизмѣняемость геральдической фигуры и принадлежность ея многимъ родамъ, составляютъ коренное различіе Польскихъ гербовъ отъ западно-европейскихъ рыцарскихъ, которые, какъ выраженіе доблестей, не могутъ быть совершенно одинаковыми у двухъ даже братьевъ, а непремѣнно требуютъ какихъ нибудь отмѣтокъ, какихъ нибудь brisures.

Коренныхъ Польскихъ *знаменъ* первоначально было немного, и исторія ихъ происхожденія такъ занимательна и необходима для объясненія быта древнихъ обитателей Польши, что съ XIV и XV вѣковъ до настоящаго времени изученіе ихъ и объясненіе послужило матеріаломъ не для одного ученаго сочиненія ([1]). Главная забота Польскихъ геральдиковъ состояла въ томъ, чтобы объ-

---

([1]) Чтобы при самомъ изложеніи знаменъ въ Польскихъ гербахъ, перешедшихъ въ Русскую Геральдику, не упоминать всякій разъ о тѣхъ источникахъ, которыми мы руководствовались, считаемъ необходимымъ привесть ихъ здѣсь всѣ вмѣстѣ въ хронологическомъ порядкѣ. Высчитывая главнѣйшія по этой части сочиненія, оставляемъ второстепенныя:

1) Johannis Dlugossi seu Longini Canonici quondam Cracoviensis historiæ Polonicæ libri XII. Lipsiæ. 1711. Здѣсь на стр. 17 введенія исчислены всѣ древнія сочиненія по части Польской Генеалогіи и Геральдики.

2) Wiadomosć o rękomiśmach historyi *Długosza*, jego banderia Prutenorum et insignia seu cleinodia Regni Polonici, wydał Jósef *Muczkowski*. Krakow 1831.

3) *Paprockiego:* a) Panosza, to iest herby znakomitych familij Woiewódstw uskiego i Podolskiego, z zalaczeniem wierszy na każdy herb. Krakow;1575.— Очень рѣдкая книга. б) Gniazdo cnoty, skąd herby rycerstwa slawnego Krö-

яснить, отъ чего каждой геральдической эмблемѣ придано такое именно, а не другое названіе, что могъ имѣть въ виду тотъ, кто первый помѣстилъ ее на своемъ щитѣ и сверхъ того отыскать эпоху, съ которой каждая эмблемма вошла въ употребленіе. Событіями Польской исторіи старались объяснить видъ и названіе эмблемъ: сходство именъ нѣкоторыхъ витязей и достопамятныхъ людей съ названіями гербовъ подавало нерѣдко поводъ къ разнымъ соображеніямъ, и хотя мы не вправѣ отвергать такихъ объясненій, тѣмъ не менѣе, вмѣстѣ съ новѣйшими писателями о томъ же предметѣ, мы думаемъ, что напрасно искать разгадки этихъ эмблемъ въ лѣт-

---

lewstwa Polskiego. Krakow. 1578. в) Herby rycerstwa Polskiego na pięcioro ksiąg rozdzielone. Krakow. 1584.

4) *Bielskiego* Kronika Polska, въ 6 книгахъ w Krakowie 1597. Здѣсь на поляхъ означены гербы при именахъ лицъ, ихъ употреблявшихъ.

5) *Okolski*, Orbis Polonus. Krakow. 1641. Три тома; это Геральдическое сочиненіе, написанное на Латинскомъ языкѣ, было у насъ особенно извѣстно.

6) *Potocki* (Waclaw): Poczet herbów, czyli wiersze i epigrammata na herby znakomitszych familij polskich i litewskich, porządkiem alfabetycznym herbów z figurami. 1696.

7) *Niesieckiego* Kaspra, Korona Polska. 4 Тома. 1728, 1738, 1740, 1743. Новѣйшее изданіе этой книги сдѣлано Бобровичемъ: Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego, wydany przez Iana Nep. Bobrowicza w. Lipskie. 1839–1846. Въ 10 томахъ. Хотя оно полнѣе перваго изданія, но знатоки отдаютъ предпочтеніе старому изданію, очень рѣдкому.

8) Heraldyka, to iest osada kleynotów rycerskich. Jos. Alex. Xcia *Jablonowskiego*, we Lwowie. 1742.

9) *Kuropatnickiego*, Wiadomość o kleynocie szlacheckim oraz herbach domów szlacheckich w Koronie Polskiey, w Warszawie. 1789.

10) *Wielądka* Heraldyka, czyli opisanie herbów oraz familij rodowitey szlachty Polskiey. 1794.

11) *Małachowskiego* Zbiór nazwisk szlachty z opisem herbów. 1805.

и 12) Гербовникъ дворянскихъ родовъ Царства Польскаго, Высочайше утвержденный въ 1853 г.—Два Тома. Варшава.

ныхъ именахъ и отдѣльныхъ событіяхъ Польши. Многія изъ такихъ знаменъ древнѣе ея исторіи и едвали можно думать найдти въ одномъ народѣ объясненіе того, что служитъ достояніемъ и другихъ Славянскихъ племенъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи каждаго герба въ отдѣльности мы хотя и приводимъ, на основаніи Польскихъ сочиненій, нѣкоторыя въ какомъ бы то нибыло отношеніи особенно замѣчательныя объясненія, хотя вмѣстѣ съ другими геральдиками не чуждаемся и цифръ для означенія года, когда получилъ начало тотъ или другой гербъ, думаемъ однако, что это не можетъ еще почесться послѣднимъ словомъ науки, а должно означать не болѣе, какъ время, отъ котораго на извѣстныхъ намъ печатяхъ сохранилась та или другая эмблемма.

Мы не думаемъ даже, чтобы эмблеммамъ, которыя теперь видимъ въ гербахъ, могло быть придано первоначально такое названіе. Онѣ далеко не соотвѣтствуютъ понятію, которое обыкновенно соединяется съ словомъ гербъ. Самая простота, незамысловатость фигуры, ея неизмѣняемость по какимъ бы то ни было случайнымъ обстоятельствамъ, существующая для нѣкоторыхъ изъ нихъ до настоящаго времени неопредѣленность цвѣтовъ даютъ намъ полное право повторять здѣсь тоже, что мы сказали выше о Русскихъ гербахъ. Это не болѣе, какъ знамена, какъ знаки, употребляемые для отличія одного семейства и рода отъ другихъ семействъ и родовъ, и если хорошо вглядѣться въ наши, Польскія и другія Славянскія эмблеммы, въ нихъ отыскиваешь нѣкоторыя коренныя фигуры, сочетаніемъ которыхъ въ такомъ или иномъ порядкѣ и образуется вся разница гербовъ. Крестъ, луна, звѣзды, мечь, стрѣлы и подковы —вотъ основныя для геральдическихъ знаменъ фигуры,

которыя во множествѣ встрѣчаются въ нашихъ, Польскихъ, Иллирійскихъ и Богемскихъ гербахъ. Значеніе ихъ понятно: завоеваніе нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ чуждыми народами, сверженіе ими этого владычества, далѣе переходъ изъ язычества въ христіанство и наконецъ вѣковая борьба ихъ съ Татарами и другими врагами не могли не оставить слѣдовъ въ геральдикѣ Польши и иныхъ Славянскихъ земель. Благородный витязь, считавшій для себя унизительнымъ сражаться пѣшимъ и слѣдовательно невообразимый безъ коня или представлялъ себя верхомъ въ бранныхъ доспѣхахъ, (какъ напр. въ Литовской погони) или вмѣсто того помѣщалъ въ своемъ гербѣ подкову, эмблемму самую почетную и любимую Славяниномъ. Не одна тысяча семействъ въ разныхъ Славянскихъ земляхъ пользуется этимъ знаменемъ, какъ представителемъ коннаго витязя [1]. И въ какихъ видахъ и сочетаніяхъ не представляется подкова! Далѣе побѣда креста надъ луною, т. е. язычествомъ, Татарами, побѣда, одержанная мечемъ, и награда, которая ожидала въ небесахъ всякаго, кто исполнилъ на землѣ велѣнія Бога (звѣзды), дѣлаютъ понятными смыслъ и значеніе вышеозначенныхъ геральдическихъ фигуръ. Этому же обстоятельству обязана бо́льшая часть польскихъ гербовъ краснымъ, кровью упитаннымъ полемъ щита. Намъ кажется, что встрѣчающіяся въ нихъ фигуры въ своихъ многообразныхъ

---

[1] Извѣстный польскій библіографъ *Вишневскій* (въ своей Historyi literatury Polskiej T. V Krakow. 1845. p. 509) упоминаетъ, что Папроцкій написалъ даже особое сочиненіе о подковахъ, какъ эмблеммахъ въ гербахъ, подъ заглавіемъ *Strom czyli o herbach ze znakiem podków.* Больше объ этомъ предметѣ разсужденіе есть въ концѣ Силезскаго гербовника (Stambuch szlęskie) того же автора (1609 года).

сочетаніяхъ могутъ быть по всей справедливости названы іероглифами идей, вѣрованій и преданій разныхъ Славянскихъ народовъ: это-то качество и составляетъ коренное, существенное отличіе ихъ отъ эмблеммъ рыцарскихъ Западной Европы, отъ эмблеммъ личныхъ, не народныхъ.

Послѣ этого понятно, отчего во всѣхъ славянскихъ земляхъ знамена въ гербахъ, различаясь въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, въ сущности одни и тѣже ([1]). Одинаковость, повторяемъ мы, убѣжденій должна была повлечь за собою и одинаковыя эмблемы въ гербахъ; и если они развились преимущественно въ Польшѣ и Литвѣ, то это потому, что въ Польшу выѣзжали дворяне Силезскіе, Богемскіе, Моравскіе, Иллирійскіе, Прусскіе и др. Они вносили свое знамя въ общую, такъ сказать, сокровищницу, изъ которой потомъ раздавались гербы вновь прибывавшимъ безъ такихъ знаменъ.

Вотъ почему, называя такую геральдику Польскою, мы уступаемъ только общепринятому обыкновенію, усвоенному въ наукѣ термину. Строго же говоря, геральдическая школа съ такими отличительными чертами свойственна и другимъ Славянскимъ землямъ. Вотъ почему далѣе ни изъ какого другаго источника, кромѣ этого Россія не могла заимствовать своихъ эмблемъ. Западная геральдика основана совсѣмъ на иныхъ началахъ, что̀ доказываетъ исторія нашего и рыцарскаго дворянства, а эмблемы Германіи, Франціи, Италіи, Англіи и т. д. остались въ гербахъ фамилій выѣзжихъ изъ этѣхъ странъ.

([1]) Обращаемъ вниманіе на слѣдующія, считающіяся лучшими для сравненія славянскихъ гербовъ сочиненія *Папроцкаго:* а) Zrdcadlo slavneho Markgrabstwij Morawskeho. 1593. Olomutii. б) Diadochos seu Stemmatographia Bohemiae regni. 1602. и в) Stammbuch Szlęzki. W Brunie. 1609.

Кромѣ того, что долгое пребываніе подъ владычествомъ Польши многихъ Русскихъ провинцій, Литвы, Малороссіи и Галицкой Руси должно было распространить между дворянами этѣхъ областей употребленіе знаменъ Польской Геральдики, кромѣ того, что гербы свои привозили къ Московскому Двору Польскіе и Литовскіе роды, выѣзжавшіе къ намъ во множествѣ, эти же эмблемы по случайному сходству прозваній съ именами знаменъ, равно какъ по родовой связи и иногда по сходству фамилій съ прозваніями тѣхъ лицъ, которыя ихъ употребляли, были усвоиваемы Русскими вообще. Поэтому никакъ не должно думать, что къ выѣзжимъ изъ Польши дворянамъ принадлежатъ всѣ тѣ дворянскіе роды, въ гербахъ которыхъ видимъ Польскія знамена. На эти геральдическія отличія имѣли право всѣ Русскіе, и если мы, говоря о выѣзжихъ изъ Польши родахъ, будемъ приводить иногда гербы Русскихъ дворянскихъ фамилій, то это только потому, что эмблемы у нихъ заимствованы изъ Польской Геральдики и что иначе мы не избѣжали бы частыхъ повтореній. Понятно также, отъ чего гербы Русскихъ дворанскихъ родовъ Татарскаго происхожденія имѣютъ много общаго съ вышеозначенными гербами. Татары не могли внесть въ нашу геральдику своего элемента, какъ внесли его Германія, Франція, Италія и др. страны, а идею борьбы Христіанства съ исламомъ Русскій могъ выразить только знаками, для него доступными, взятыми изъ Польской Геральдики.

Заимствованіе гербовъ дѣлалось или безъ всякой въ знамени перемѣны или съ нѣкоторыми измѣненіями, чрезъ которыя постоянно просвѣчиваетъ ихъ первоначальный и коренный видъ. Такія перемѣны, не чуждыя впрочемъ и западной рыцарской Геральдики, были не-

обходимы для того, чтобы отличить горбъ одной фамиліи отъ другихъ гербовъ одного съ нимъ разряда, а иногда дѣлались въ слѣдствіе требованій Геральдики, какъ науки, или въ память отличій и подвиговъ. Для образца мы приведемъ нѣсколько наиболѣе рѣзкихъ примѣровъ раздѣленія составныхъ частей одного знамени по разнымъ полямъ, перестановки ихъ и измѣненія цвѣтовъ: 1) въ гербѣ напр. *Гржимало* воинъ долженъ стоять въ воротахъ крѣпости о трехъ башняхъ; у *Повалишиныхъ* (Грб. VIII, 35) онъ поставленъ на крѣпости вмѣсто третьей башни; 2) въ гербѣ *Кисель* изображается серебряная палатка, увѣнчанная крестомъ, а надъ шлемомъ станятся три кирпичныя башни (Герб. III, 9); у *Брусиловыхъ* гербъ (VII, 123) разбитъ на двѣ половины и изъ нихъ верхняя разсѣчена на три части, составныя же эмблеммы герба *Кисель* расположены въ немъ такъ, что палатка занимаетъ всю нижнюю половину, башня—двѣ крайнія трети, а крестъ—среднюю треть верхней половины. 3) Чаще другихъ употребляется въ нашихъ гербахъ *Лелива:* въ ней не только цвѣтъ и форма звѣзды съ луною измѣняются, но и положеніе ихъ различно. Ср. гербы Пустороелевыхъ (VII, 12), Сенявиныхъ (II, 67), Шевичевъ (II, 132) и др.; 4) отдѣленіе крестовъ отъ подковъ часто въ гербахъ *Любичь, Побогъ* и *Ястржембецъ*. Ср. Гр. Бѣлокопытовыхъ (VIII, 60), Желтухиныхъ (III, 58), Митусовыхъ (II, 105), Мухановыхъ (II, 88), Чашниковыхъ (VII, 109), Чуфаровскихъ (IX, 46) и др. 5) въ гербѣ *Микулинскомъ* три прописныхъ буквы М покрываютъ одна другую, а надъ верхнею поставленъ крестъ; все знамя въ голубомъ полѣ. Въ гербѣ же Микулиныхъ (VII, 40), щитъ разбитъ на двѣ половины: изъ нихъ въ верхней цвѣта голубаго помѣщенъ золотой крестъ, а

въ нижней серебряной видны три буквы М. 6) Гербъ *Прусъ* (видъ третій, иначе *Нагоды*) состоитъ изъ сложенныхъ вмѣстѣ, въ видѣ полумѣсяца рогами внизъ, косы или серпа и полуподковы, и надъ ними крестъ. Въ гербѣ рода *Опочининыхъ* (IV, 82) этѣ составныя части положены въ трехъ различныхъ поляхъ, а надъ шлемомъ сохранилась также, какъ въ Прусѣ, согнутая въ колѣнѣ нога; и 7) перестановки двухъ полумѣсяцевъ и меча знамени *Остоя* ясны въ гербахъ Бороздиныхъ (I, 42. Ср. Шишковыхъ III, 75), Фиглевыхъ (IX, 92), и др.

Есть далѣе въ Русской Геральдикѣ и новыя эмблемы, какъ они есть и въ другихъ Славянскихъ земляхъ, но основа у нихъ таже, потому что мысль, которой эмблемма служитъ выраженіемъ, не измѣняетъ своего характера. Самое изображеніе показываетъ нерѣдко заключающійся въ знамени смыслъ. Этому же объясненію много способствуетъ его названіе; но это не всегда. Только долговременное изученіе гербовъ, отчасти знаніе Славянскихъ языковъ и главное исторіи единоплеменниковъ нашихъ открываетъ путеводную нить въ этой у насъ еще нетронутой наукѣ.

§ 91.

Важность гербовъ Польскихъ и сродство ихъ съ нашими геральдическими эмблеммами возлагаетъ на насъ обязанность разсмотрѣть этотъ предметъ съ особенною подробностью; а такъ какъ Геральдика прежде другихъ Славянскихъ земель развилась въ Польшѣ и знамена въ наши гербы перешли отсюда, то мы, излагая ихъ, будемъ руководствоваться Польскими источниками и сочиненіями. Главная при этомъ задача состоитъ

въ томъ, чтобы отдѣлять коренныя, Славянскія эмблемы отъ мѣстныхъ, сродныхъ только Польшѣ. Древность ихъ должна руководить насъ въ этомъ выборѣ, а указателемъ послужитъ одинъ оффиціальный документъ 1414 года о соединеніи при Витовтѣ Литвы съ Польшею и о сообщеніи дворанамъ Литовскимъ Польскихъ гербовъ [1]. Въ этомъ актѣ упоминается, какой родъ къ какому приписывается знамени. Это исчисленіе важнѣйшихъ гербовъ мы дополнимъ и иными, въ нашъ гербовникъ перешедшими, равно какъ знаменами, получившими начало въ Литвѣ, на Волыни, на Руси вообще, еслибы даже они и не встрѣчались въ утвержденныхъ Русскихъ гербахъ и наконецъ для полноты упомянемъ о другихъ главныхъ гербахъ, которые могутъ встрѣчаться у родовъ, не внесенныхъ еще въ гербовникъ. Упоминаемые же въ актѣ 1414 года мы отмѣтимъ звѣздочкою.

Что касается наконецъ до порядка, котораго будемъ держаться въ этомъ случаѣ; то мы избираемъ порядокъ алфавитный, какъ это дѣлаютъ Польскіе Геральдики, *во первыхъ* потому, что едва-ли можно производить одну эмблему отъ другой и держаться порядка преемственности знаменъ, *во вторыхъ* было-бы также произвольно раздѣлить гербы по группамъ, потому что о значеніи многихъ фигуръ нельзя произнесть ничего рѣшительнаго, и *въ третьихъ* для справокъ алфавитный порядокъ удобнѣе. Но при этомъ мы будемъ указывать иногда на сродство между собою гербовъ и упоминать о тѣхъ, которые чрезъ

---

(1) Volumen legum, I fol. 66: «Incorporatio terrarum M. D. Lithuaniae Regno Poloniae cum concessione armorum Lithuanis de Regno Poloniae cum aliis certis libertatibus».—Считаемъ долгомъ привести весь этотъ документъ въ подлинникѣ въ Прилож. 5.

прибавку или убавку въ главномъ знамени послужили гербами для фамилій, которыхъ названіе они и носятъ. Чтобы не дѣлать нашего обзора безъ нужды слишкомъ пространнымъ, мы воздерживались отъ всякихъ *похвалъ* гербамъ, которыхъ образцы можно видѣть у *Окольскаго*, и въ самомъ изложеніи исторіи каждаго знамени старались быть краткими. Въ слѣдствіе того же, указывая на производныя эмблеммы, мы ихъ не всегда описываемъ, а отсылаемъ читателя къ книгѣ *Нѣсецкаго*, какъ донынѣ самой полной. Наконецъ, подводя Русскіе дворянскіе роды, употребляющіе въ гербахъ своихъ то или другое знамя, мы ссылаемся на Русскій Гербовникъ дворянскихъ родовъ.

Прилагаемые рисунки съ означеніемъ цвѣтовъ объяснятъ еще болѣе то, что не всегда укладывается подъ перо. Большая часть геральдическихъ знаменъ Польши имѣетъ въ нашлемникѣ строусовыя перья: означая въ текстѣ число ихъ, мы пропускаемъ ихъ въ рисункахъ и помѣщаемъ въ гербахъ тѣ только нашлемники, которые имѣютъ особенныя изображенія.

Затѣмъ приступаемъ къ самому исчисленію знаменъ:

1.**Абданкъ*, *Гибданкъ*, иначе *Скарбекъ*, *Скуба* (Abdank, Habdank, Skarbek, Skuba)—состоитъ изъ двухъ серебряныхъ стропилъ со срѣзанными концами, обращенныхъ вершинами внизъ и соединенныхъ между собою на подобіе буквы W. Поле красное (табл. XIX, рис. 1). Въ нашлемникѣ, надъ короною повторяется таже эмблемма. Въ первый разъ знамя это было усвоено въ VIII вѣкѣ фамиліи *Скубовъ*. Отъ этого же рода произошли *Скарбеки*, изъ которыхъ одинъ былъ отправленъ Королемъ Польскимъ Болеславомъ-Кривоустымъ, въ качествѣ посла, къ Императору Германскому Генриху. Когда Импе-

раторъ показывалъ ему свои сокровища и гордясь ими, отзывался не совсѣмъ лестно о Польшѣ, Скарбекъ снялъ съ своей руки золотое кольцо и бросилъ его въ сокровищницу, за что Генрихъ его поблагодарилъ (Habe Dank). Въ память этого поступка, дано знамени Скарбека названіе *Габданкъ* или *Абданкъ*. Къ этому гербу приписано много Польскихъ фамилій и въ повтореніи въ немъ буквы V нѣкоторые историки и геральдики хотятъ видѣть какъ-бы начальныя буквы четырехъ словъ: Veritas, Victoria, Virtus et Vita, т. е. истина, побѣда, добродѣтель и жизнь. Чтобы показать еще яснѣе, что храбростью пріобрѣтено право на такой гербъ, нѣкоторыя фамиліи изображаютъ въ нашлемникѣ льва, который и держитъ Абданкъ.

Это же знамя — *Абданкъ*, встрѣчается въ гербахъ: 1) *Сырокомля;* 2) *Денбно*; 3) *Ильговскій*; 4) *Крокеа* и 5) *Халецкій*, которые всѣ описаны подъ своими буквами. Въ Русскихъ гербахъ знамя абданкъ есть: у Воеводскихъ (Герб. VI, 93; VII, 50); Волынскихъ (VI, 19); Мельницкихъ (IX, 10).

2. *Аксакъ*, см. Пржіацѣль.

3. *Амадей* (Amadej, Amadae) есть въ красномъ полѣ бѣлый, золотою короною коронованный одноглавый орелъ съ распростертыми крыльями и разверстыми когтями, но безъ хвоста. (табл. XIX, рис. 2). Въ клювѣ орелъ держитъ золотой перстень. Родъ Амадеевъ ведетъ свое начало изъ Венгріи, откуда онъ переселился въ Польшу въ правленіе Польскаго Короля Казиміра II, въ 1330 году.

4. *Айхингеръ* (Aichinger)—въ золотомъ полѣ бѣлка на муравѣ вправо; въ нашлемникѣ видна выходящая бѣлка между двухъ оленьихъ роговъ или слоновыхъ хоботовъ (табл. XXIII, рис. 2). Гербъ этотъ принесенъ изъ Германіи.

5. *Белина* (Belina)—въ голубомъ полѣ три подковы, расположенныя треугольникомъ передками внутрь, шипами одна къ правой, другая къ лѣвой сторонѣ щита, а третья къ его подошвѣ. Въ послѣднюю упирается острiемъ внизъ мечь, котораго золотая рукоятка имѣетъ видъ креста; надъ короною видна въ золотой бронѣ вооруженная мечемъ рука (табл. XXIII, рис. 9). Въ нѣкоторыхъ гербахъ того же имени изображается въ нашлемникѣ воронъ съ подъятыми крыльями и золотымъ во рту перстнемъ, въ другихъ же сидящая на мечѣ сова ([1]). *Папроцкiй* относитъ начало этой эмблеммы во времени Александра Македонскаго и повѣствуетъ, что 500 лѣтъ спустя послѣ его смерти, а именно въ 278 году по Р. Хр. гербъ трехъ подковъ съ Иллирiйскимъ полководцемъ Лубосомъ перешелъ въ Богемiю; *Окольскiй* же полагаетъ, что въ Польшѣ, во время войны Болеслава Храбраго съ Русскими, родственникъ Короля, Гетманъ и Краковскiй Воевода Графъ Зелиславъ Белинъ герба подковы, за одержанную имъ побѣду, получилъ приращенiе въ гербѣ, двѣ подковы и мечь ([2]).

6. *Берштенъ* (Bersztem) состоитъ изъ трехъ колесъ отъ плуга, расположенныхъ въ красномъ полѣ въ видѣ треугольника. Нашлемникъ изъ павлиньяго хвоста. (табл. XIX, рис. 3). Польскiе историки полагаютъ, что первые владѣльцы этого герба, родъ *Берштеновъ*, выѣхали изъ Германiи или Силезiи.

7. *Биберштейнъ* (Biberstein) обозначается подъятымъ вверхъ краснымъ оленьимъ рогомъ въ золотомъ полѣ, вѣтвами влѣво. Та же эмблемма повторяется и надъ шлемомъ. (табл. XIX, рис. 4). Родъ *Биберштейновъ* вы-

([1]) Гербовникъ дворян. родовъ Царства Польскаго, ч. I. Варшав. 1853 стр. 55, 56.

([2]) Безъ третьей внизу подковы гербъ называется *Лѣвъ*. См. Korona Polska *Niesieckiego* III, 195.

водятъ изъ Германіи, откуда онъ въ XIV вѣкѣ переѣхалъ въ Польшу.

8.*Богорія* (Bogoria) изображается въ видѣ двухъ сломанныхъ стрѣлъ бѣлаго цвѣта, отъ которыхъ остались одни только наконечники, расположенные въ красномъ полѣ древками внутрь. Въ нашлемникѣ павлинъ держитъ сломанную стрѣлу (табл. XXIII, рис. 3). Родъ *Богоріевъ* производятъ отъ одного витязя, по имени Богорія, который во время войны съ Половцами при Королѣ Болеславѣ Смѣломъ сражался мужественно, не смотря на то, что былъ проженъ двумя стрѣлами.

9. *Бодула* (Bodula) состоитъ изъ трехъ бѣлыхъ лилій, расположенныхъ въ голубомъ полѣ одна подъ другой по разсѣкающей линіи (табл. XIX, рис. 5). Начало этого герба писатели относятъ въ XIII столѣтію.

10. *Божаволя* (Bożawola, voluntas Dei) есть въ голубомъ полѣ серебряная передкомъ вверхъ подкова, внутри ея и надъ нею по серебряному кресту; наконецъ подъ подковою изображенъ золотой полумѣсяцъ, рогами обращенный вверхъ (табл. XIX, рис. 6). Начало этого герба относятъ къ XII столѣтію.

11. *Божездаржъ* (Bożezdarz)—въ голубомъ полѣ серебряный крестъ, на концахъ котораго по черной лиліи. Въ нашлемникѣ пять павлиныхъ перьевъ, и на нихъ крестъ, подобный тотчасъ описанному (табл. XXIII, рис. 4). Самое названіе объясняетъ значеніе этого знамени, котораго начало относятъ къ половинѣ XV столѣтія.

12. *Бойча* (Bojcza)—золотой тройной крестъ въ голубомъ (иногда красномъ) полѣ. Поверхъ щита развѣвается три страусовыхъ пера (табл. XIX, рис. 7). Въ Польшѣ гербъ этотъ встрѣчается въ концѣ XIV столѣтія.— Ср. *Сельчицъ*.

13. *Бокъй* (Bokiey) есть обращенная остріемъ вправо серебрявая сѣкира въ красномъ полѣ, поверхъ сѣкиры видѣнъ золотой крестъ; на шлемѣ пять строусовыхъ перьевъ (табл. XIX, рис. 8). Ср. *Топоръ.*

14. *Бонарова* или *Гибрида* (Bonarowa, Hibrida) есть двойная лилія двухъ цвѣтовъ бѣлаго и чернаго, расположенная такъ, что правая бѣлая ея половина въ черномъ полѣ, а лѣвая черная въ бѣломъ. Иногда въ нашлемникѣ изображается воинъ, въ полномъ вооруженіи, держащій на плечахъ два знамени. (табл. XIX, рис. 9 и XXIII, 5) Эмблему эту объясняютъ тѣмъ, что родоначальникъ выѣзжей изъ Франціи фамиліи *Бонаріевъ*, въ войну Франціи съ Англіею и Шотландіею, отнялъ у враговъ два знамени—черное и бѣлое, которыя красуются въ нашлемникѣ и далъ цвѣтъ щиту. Въ знакъ признательности за такую отвагу Французскій Король усвоилъ Бонаріямъ лилію, гербъ Франціи, а въ XIV вѣкѣ фамилія эта перешла въ Польшу, гдѣ и сообщила знамя свое другимъ родамъ. Ср. *Гоздава.*

15. *Боньча* (Bończa,) есть въ голубомъ полѣ бѣгущій вправо единорогъ, цвѣта бѣлаго. Верхняя его половина съ передними ногами видна въ нашлемникѣ (таб. XXIII рис. 6). Родоначальникъ рода Боньчіевъ *Мержъ* выѣхалъ изъ Италіи въ 996 году и принялъ фамилію Боньча или по имени Бонифацій въ сокращенномъ и испорченномъ видѣ, или за свои богатства (bona) или наконецъ потому, что прибылъ въ благопріятное время (bona, czas). — Въ нѣкоторыхъ гербахъ единорогъ бываетъ пересѣченъ золотымъ полумѣсяцомъ и въ лѣвой половинѣ щита расположены, въ видѣ треугольника, три золотыя звѣзды (табл. XXIII, рис. 7). См. гербы Баташевыхъ (V, 76); Веригиныхъ (I, 71); Остафьевыхъ (IX, 73); Романовскихъ (V, 104); Стрекаловыхъ (IV, 48); Тургеневыхъ (IV, 53); Шуваловыхъ.

16. *Братчицъ*, *Окша* (Bratczyc, Oksza) состоитъ изъ двухъ сѣкиръ, которыхъ рукоятки скрещаются, а острія обращены: одно въ лѣвую, а другое въ правую стороны. Поле красное, на шлемѣ три страусовыхъ пера (табл. XIX, рис. 10). Гербъ этотъ былъ данъ Королемъ Болеславомъ Кривоустымъ Богемскому роду Вершовичей (Werszowici), у которыхъ прежде въ гербѣ была *золотая верша* (Wiersza) (¹). Гербъ Пасынковыхъ (IX, 50).

17. *Брогъ* или *Лещицъ* (Bróg, Lezczyc) — въ красномъ полѣ четыре серебряныхъ столба (brożyny), покрытыхъ золотою крышею, въ родѣ сарая для храненія хлѣба. Нашлемникъ изъ павлиныхъ перьевъ, на которыхъ повторяется таже фигура въ косвенномъ положеніи, крышею къ правой сторонѣ, а основаніемъ столбовъ влѣво (табл. XIX рис. 11). Это одинъ изъ древнѣйшихъ гербовъ: начало его относятъ къ XI столѣтію.

18. *Бродзицъ* (Brodzic)—въ красномъ (иногда голубомъ) полѣ три золотые креста, выходящіе изъ золотаго кольца, два къ верхнимъ угламъ щита, а третій прямо внизъ. На шлемѣ пять строусовыхъ перьевъ (табл. XIX, рис. 12). Эмблемма эта получила свое названіе въ слѣдствіе пожалованія ея въ первый разъ одному витязю изъ Мазовіи, отличавшемуся своею бородою.—См. гербъ Буанныхъ (VII, 15).

19. *Броницъ* (Bronic) носитъ изображеніе двухъ ефесовъ отъ Богемскихъ сабель, расположенныхъ въ красномъ полѣ, въ видѣ Андреевскаго креста. Каждый изъ ефесовъ оканчивается съ обѣихъ сторонъ шарикомъ и вмѣстѣ сложенные они образуютъ букву X (табл. XIX, рис. 13). Этотъ гербъ считаютъ перешедшимъ изъ Богеміи, что доказываетъ и форма ефесовъ. Другіе объя-

(¹) Korona Polska, Niesieckiego, IV, 514.

сяють пожалованіе этого знамени борьбою съ Богемцами и побѣдою надъ ними.—*Ср. Корсакъ.*

20. *Брохвичъ* (Brochwicz)—въ бѣломъ полѣ красный олень, обращенный влѣво съ золотою на шеѣ короною. На шлемникъ изъ павлиньихъ перьевъ (табл. XIX, рис. 14). Эта эмблемма въ древности перенесена изъ Германіи и въ нѣкоторыхъ гербахъ подвергается слѣдующимъ видоизмѣненіямъ: олень бываетъ обращенъ вправо и безъ короны на шеѣ, или изображается одна его передняя половина, выходящая въ золотомъ полѣ изъ полумѣсяца, обращеннаго рогами къ нижнему лѣвому углу. Луна золотая, подъ нею золотая же звѣзда. На павлиньемъ нашлемникѣ видна золотая луна рогами внизъ, подъ нею такая же звѣзда, (табл. XXIII рис. 8) Ср. гербы Кн. Ростовскихъ (I, 12, II, 7); Богдановыхъ (VI, 56); Воейковыхъ (II, 50); Вровскихъ (VI, 142); Посевьевыхъ (IV, 89); Теряевыхъ (VII, 34).

21. *Бялыня* (Białynia)—въ голубомъ полѣ, въ подковѣ, шипами вверхъ обращенной, золотой крестъ, надъ крестомъ стрѣла желѣзкомъ вверхъ. На шлемѣ пять страусовыхъ перьевъ (табл. XIX, рис. 15). Фигуру, усвоенную, этому гербу объясняютъ тѣмъ, что въ войну Владислава (Łokietka) въ 1332 году съ Магистромъ Прусскаго Ордена, при осадѣ мѣстечка Бялыня, одно изъ приближенныхъ къ Королю лицъ выдумало сдѣлать и бросить въ непріятельскій лагерь стрѣлу съ горючими веществами. Побѣда, чрезъ то одержанная, дала отличившемуся право на знамя, имя котораго напоминаетъ о мѣстѣ отличія.—Ср. *Ястржембецъ.*

22. *Будзичъ.* См. *Папарона.*

23. *Бэлты* (Bełty)—три серебряныхъ дротика или стрѣльныхъ болта, положенные звѣздообразно въ красномъ полѣ, средній изъ нихъ желѣзкомъ вверхъ (табл.

XIX. рис. 16). Гербъ этотъ считаютъ въ IX вѣкѣ перенесеннымъ изъ Моравіи. Ср. *Елита*.

24. *Вага*, см. *Поцњй*.

25. *Вадвичъ* (Wadwicz) состоитъ изъ щита, разсѣченнаго на двѣ половины: правой-цвѣта краснаго и лѣвой-бѣлаго. Въ нихъ съ перемѣною цвѣтовъ изображены двѣ морскія рыбы выгибомъ къ краямъ щита, въ видѣ обороченной буквы С; на шлемѣ три строусовыхъ пера (табл. XIX. рис. 17). Такой гербъ былъ пожалованъ Королемъ Владиславомъ одному Нѣмцу, по фамиліи Вадвичъ, за то, что онъ, не смотря на грозившую ему со стороны моря опасность, отлично совершилъ посольство въ Данію.

26. *Вальдорфъ*, см. *Набрамъ*.

27. *Варня* (Warnia)—въ бѣломъ полѣ ракъ краснаго цвѣта съ расправленными клешнями. Надъ шлемомъ виденъ также до половины выходящій ракъ (табл. XXXIII. рис. 10). Въ XV столѣтіи гербъ этотъ пожалованъ одному храброму мужу, по прозванію Ракъ, за подвиги его противъ Турокъ при Варнѣ. Грб. Раковыхъ (VI, 36).

28. *Венява* или *Перштенъ* (Wieniawa, Perszten)—въ золотомъ полѣ воловья голова цвѣта чернаго съ рогами, загнутыми на подобіе полумѣсяца. Въ ноздряхъ у вола продѣтъ кругъ или кольцо, сплетенное изъ древесныхъ вѣтвей. Находящаяся въ нашлемникѣ фигура изображается различно, но по большей части въ видѣ выходящаго до половины и обращеннаго вправо льва, съ короною на головѣ и мечемъ въ правой лапѣ (табл. XXIII. рис. 11). О началѣ этого герба нѣтъ положительныхъ свѣдѣній. Полагаютъ, что онъ привезенъ изъ Германіи или Венгріи. Гб. Чихачевыхъ (IX, 55).

29. *Вирбъ*, см. *Радванъ*.

30. *Война*, см. *Новина*.

31. *Вонжъ*, *Вонжикъ* (Wąż, Wężyk)—въ красномъ поле извивающійся ужъ, головою обращенный вверхъ (табл. XIX. рис. 18). Начало этого герба относятъ къ 1306 году и объясняютъ его названіе именемъ того, кому онъ былъ впервые пожалованъ. Это знамя допускаетъ нѣкоторыя видоизмѣненія, а именно змѣй бываетъ иногда съ короною на головѣ, яблокомъ во рту и съ хвостомъ, до того искривленнымъ, что образуетъ цифру 8. Въ другихъ гербахъ тотъ же коронованный змѣй держитъ во рту шаръ съ крестомъ, въ иныхъ онъ глотаетъ ребенка, и наконецъ есть гербы, въ которыхъ два ужá съ высунутыми жалами стоятъ одинъ противъ другаго и, соприкасаясь хвостами, смотрятъ другъ на друга. См. гербъ Козарскаго (Герб. X, 122).

32. *Вукры*, *Укры* или *Хабе-эдиле* (Wukry, Ukry, Chabeedile)—въ красномъ полѣ три золотыя рѣки или три бруса, изъ которыхъ верхній самый длинный, послѣдующіе же постепенно уменьшаются въ видѣ лѣстницы; надъ ними два полумѣсяца тогоже цвѣта, обращенные одинъ рогами вверхъ, другой рогами внизъ, а между ними половина золотаго же креста. На шлемѣ пять страусовыхъ перьевъ (табл. XIX. рис. 19). Начало этого знамени въ Венгріи, какъ показываетъ и самое его названіе. Грб. Макшѣевыхъ (III, 98); Селецкихъ (III, 108).

33. *Вержбна* (Wierzbna)—въ разбитомъ на двое щитѣ голубаго цвѣта, въ верхней и нижней половинѣ по три бѣлыхъ лиліи, расположенныхъ рядомъ и притомъ такъ, что въ нижней средняя лилія придвинута немного болѣе крайнихъ къ подошвѣ щита. Въ нашлемникѣ столбъ, пробитый стрѣлою, летящею вверхъ отъ лѣвой стороны къ правой (табл. XXIII. рис. 12). Этотъ гербъ перенесенъ

из Богеміи, гдѣ употребляется многими родами.—Ср. *Гоздава*.

34. *Вѣрушова* (Wieruszowa)—въ бѣломъ полѣ козелъ, идущій влѣво; голова его и передвія ноги до половины туловища черныя, а задняя часть тѣла покрыта пересѣкающимися наподобіе шахматной доски красными и бѣлыми полосами. Надъ шлемомъ пять строусовыхъ перьевъ (табл. XIX. рис. 20). Нѣкоторые производятъ этотъ гербъ изъ Германіи: самое его названіе показываетъ, что знамя это было усвоено людямъ, отличавшимся своею вѣрностью, какъ полагаютъ *Длугошъ* и *Бѣльскій*.

35. *Габданкъ*, см. *Абданкъ*.

36. *Гейшторъ* (Gieysztor)—въ красномъ полѣ Андреевскій крестъ, образуемый, по объясненію однихъ, двумя загнутыми крюками, а по мнѣнію другихъ двумя половинками распоротой вдоль стрѣлы, цвѣта бѣлаго, желѣзкомъ вверхъ; съ обѣихъ сторонъ этой фигуры по золотой звѣздѣ. Многіе роды помѣщаютъ внизу подъ этимъ гербомъ *Корчакъ*. Надъ шлемомъ три строусовыхъ пера (табл. XIX. рис. 21).

37.*Геральтъ*, см. *Осморогъ*.

38. *Гербуртъ* (Herburt)—въ красномъ полѣ три меча, пронзающіе съ трехъ сторонъ кругъ зеленаго цвѣта, въ видѣ яблока. Въ нашлемникѣ три строусовыхъ пера (табл. XIX. рис. 22).—Ср. *Павенза*. Саксонскій Князь Гербуртъ прибылъ въ Венгрію и Моравію съ войскомъ Карла Великаго, отсюда въ 1378 году потомки его Фридрихъ, Венцеславъ и Николай Гербурты переселились въ Польшу при Людовикѣ, Королѣ Польскомъ и Венгерскомъ. У насъ см. гербъ Романчюковыхъ (Герб. IV, 74).

39. *Гибрида*, см. *Бонарова*.

40. *Гинейлъ*, ср. *Корвинъ*.

41. *Гиппоцентавръ*, *Довшпрунъ* (Hippocentaurus) есть геральдическая фигура, у которой голова, грудь и руки человѣчьи, а остальныя части туловища лошадиныя. Вмѣсто хвоста у лошади пасть дракона, котораго поражаетъ стрѣла, пущенная изъ лука руками самаго же животнаго (табл. XIX. рис. 23). Гиппоцентавръ былъ воспѣтъ поэтами Греціи и Рима и перенесенъ изъ Италіи лицами, бѣжавшими въ Самогитію во время войны Цесаря съ Помпеемъ. Старшій изъ нихъ былъ Довшпрунгъ, прибывшій въ Литву съ Палемономъ Либономъ, родоначальникомъ, какъ говорятъ, Литовскихъ Князей. Отъ того-то они первоначально и употребляли это знамя. Ср. гербы Галагановъ (V, 120); Головиныхъ (V, 31).

42. *Глаубичъ* (Glaubicz)—въ голубомъ полѣ плывущая влѣво золотая рыба. На шлемѣ пять строусовыхъ перьевъ (табл. XIX. рис. 24). См. гербъ Рокосовскихъ. (IV, 139).

43. *Глова-Баволя* (Głowa-Bawola)—въ красномъ полѣ черная буйволова голова съ такими же рогами. На шлемѣ три строусовыхъ пера. Ср. *Вѣнява*.

44. *Глинскій* (Glinski)—въ красномъ полѣ Княжескій престолъ, надъ нимъ скипетръ, котораго рукоятка, имѣющая видъ креста, образуетъ третью, среднюю ногу престола (табл. XIX. рис. 25). Такой гербъ принадлежалъ Литовскимъ Князьямъ Глинскимъ, имѣвшимъ удѣлъ въ Сѣверіи.—Ср. *Гербъ Огинскихъ*.

45.* *Годзѣмба* (Godziemba)—въ красномъ полѣ зеленаго цвѣта сосна съ тремя на ней вѣтвями и пятью корнями; двѣ вѣтви внизу сѣсчены. Въ нашлемникѣ вооруженный мужъ держитъ въ рукѣ туже фигуру (табл. XXIII. рис. 13). Начало этого герба относятъ къ XI столѣтію и изображеніе объясняютъ тѣмъ, что рыцарь Годзѣмба въ войнѣ

съ Моравами, веденной подъ предводительствомъ Краковскаго воеводы Сецѣха, очень удачно защищался отъ враговъ вырванною съ корнемъ сосною.

46.*Гоздава, Гоздовита* (Gozdawa, Gozdowita)—въ красномъ полѣ двѣ бѣлыя лиліи, связанныя между собою золотымъ кольцомъ такъ, что одна изъ этѣхъ лилій обращена цвѣткомъ вверхъ, а другая внизъ. Нашлемникъ изъ павлиныхъ перьевъ, на которыхъ изображена таже фигура (табл. XXIII. рис. 14). Это знамя Королемъ Владиславомъ-Германомъ было пожаловано въ 1090 году одному благородному воину Христиву, отъ котораго пошла фамилія Гоздавъ.—Ср. *Кердея и Вѣржбна*. Грб. Вязмитиновыхъ (VI, 79); Васильевыхъ (VII, 151); Глѣбовыхъ (V. 27); Глѣбовыхъ-Стрешневыхъ (VII, 9); Дедеевыхъ (II, 113); Захаровыхъ (VIII, 339); Лодыженскихъ (II,49); Кн. Ромодановскихъ-Лодыженскихъ (IV, 5); Храповицкихъ (II, 126, 127).

47. *Голобокъ* (Gołobok)—въ красномъ полѣ половина рыбы лося. Таже фигура въ нашлемникѣ между двумя трубами (табл. XXIII. рис. 15). Начало этого герба относится къ 1109 году, времени войны Короля Болеслава съ Поморянами, и данъ воину Ратольду, предсказавшему побѣду по мѣткому пораженію, нанесенному имъ въ водѣ лосю.

48. *Головинскій* или *Костровецъ* (Holovinski, Kostrovec): на двуножникѣ съ вогнутыми ножками (по объясненію *Нѣсецкаго*—это ворота, а *Окольскаго*—двѣ горы) золотой крестъ, подъ нимъ полугругъ въ видѣ полумѣсяца съ тупыми концами. На шлемѣ пять строусовыхъ перьевъ (табл. XIX. рис. 26). Это знамя—Русское. Большое съ нимъ сходство имѣетъ гербъ *Еловицкихъ* (Jałovicki) и разнится тѣмъ только, что под крестомъ нѣтъ полукруга, и у подставки углы острые. По объясненію *Окольска-*

го это крѣпостныя ворота бѣлаго цвѣта въ красномъ полѣ. Начало герба выводятъ изъ Волыни.

49. *Горчинскій*, см. *Сасъ*.

50. *Гошинскій*, см. *Елита*.

51. *Грабь* (Grabie)—въ золотомъ полѣ на трехъ горахъ зеленаго цвѣта бѣлыя грабли о семи зубцахъ. На шлемѣ пять строусовыхъ перьевъ (табл. XIX. рис. 27). Это знамя перенесено изъ Богеміи при Венцеславѣ, Королѣ Польскомъ и Богемскомъ. Въ нѣкоторыхъ гербахъ, напр. *Ходзимірскомъ*, трое граблей, сходясь ручками въ кольцѣ, расходятся зубцами наподобіе Y. Грб. Добровольскихъ (VIII, 140).

52.**Грифъ*, *Свобода* (Griph, Swoboda) изображается въ видѣ животнаго бѣлаго цвѣта съ орлиными головою и крыльями, а нижняя половина тѣла, заднія лапы и хвостъ львиные. Положеніе этой фигуры въ красномъ полѣ влѣво на заднихъ ногахъ. Въ нашлемникѣ видѣнъ выходящій до половины грифъ, предъ нимъ съ лѣвой стороны труба (табл. XXIII. рис. 16). Родоначальникомъ фамилій этого герба считаютъ Яксу, сына Короля Лешка III, жившаго въ X-мъ столѣтіи и получившаго въ удѣлъ Сербію. Гербы: Бырдиныхъ (V, 116); Вистицкихъ (IV, 113); Колтовскихъ (II, 23); Коробановыхъ (II, 86); Ластевыхъ (VI, 7); Лопухиныхъ (III, 8; IV, 6); Лупандиныхъ (II, 24); Нелединскихъ-Мелецкихъ (II, 53); Павловыхъ (IX, 8); Тухачевскихъ (VII, 10); Шимановскихъ (VIII, 92).

53.**Гржымала* (Grzymała)—въ золотомъ полѣ три кирпичнаго цвѣта башни. Въ открытыхъ воротахъ средней башни вооруженный воинъ защищаетъ входъ. Въ нашлемникѣ три башни на павлиныхъ перьяхъ (табл. XXIII. рис. 17). Нѣкоторые относятъ начало этого гер-

ба ко времени самаго Леха I-го.—См. гербы: Векентьевыхъ (VI, 61); Засѣцкихъ (IV, 37); Мишковыхъ (VI, 76); Островскихъ (III, 47); Чагиныхъ (V, 60); Черицовыхъ (III, 103).

54. *Гульчъ* (Gulcz)—въ голубомъ полѣ три золотыя лиліи, раздѣленныя золотымъ стропиломъ остріемъ вверхъ такъ, что двѣ изъ нихъ по бокамъ, а третья внутри его. На шлемѣ видна дѣвица съ отрубленными до плечъ руками, и на головѣ у нея три веретена, обмотанныя нитками (табл. XXIII. рис. 18). Гербъ этотъ принесенъ изъ Пруссіи.—Въ нѣкоторыхъ гербахъ стропило имѣетъ обратное положеніе, т. е. остріемъ внизъ, такъ что одна лилія помѣщена вверху, а двѣ внизу.

55. *Гурко* (Hurko) — въ красномъ полѣ двѣ круглыя скобы, въ видѣ полумѣсяцевъ, обращенныя къ правой и лѣвой сторонамъ щита и соединенныя двумя перекладинами, изъ которыхъ верхняя прямая, а нижняя косая отъ права влѣво. На верхней перекладинѣ поставлено остріемъ вверхъ копье. На шлемѣ три строусовыхъ пера. Первоначально скобы имѣли видъ загнутыхъ на углахъ крюковъ (таб. XIX. рис. 28).—Ср. гербъ *Ясенецкій-Война* общаго съ Гурко прозванія Ромейко (¹). Это гербъ рода *Гурко*.

56. *Гучи*, см. *Порай*.

57. *Дашкевичъ*, см. *Сасъ*.

58. *Дембичъ*, см. *Елита*.

59. *Денисъ* (Denis)—въ голубомъ полѣ крестъ надъ шестиугольною звѣздою. Ср. Грб. Владыкиныхъ (VII, 126); Денисьевыхъ (VII, 89).

60. *Деспотъ*, см. *Зеновичъ*.

(¹) Kor. Pols. II, 407.

61.*Дзялоша (Działosza)—въ красномъ полѣ оленій рогъ сѣраго цвѣта, съ четырьмя вѣтвями съ правой стороны, и крыло коршунье съ лѣвой. Въ нашлемникѣ три страусовыхъ пера (табл. XIX. рис. 29). Начало этого герба относятъ къ царствованію Болеслава Кривоустаго.

62. *Довшпрунгъ*, см. *Гиппоцентавръ*.

63.*Долива* (Doliwa)—три красныя розы, состоящія каждая изъ четырехъ (иногда пяти) листьевъ, расположенныя на узкой бѣлой перевязи, проведенной въ голубомъ полѣ вправо. Въ нашлемникѣ между двумя трубами также три розы, расположенныя вертикально одна подъ другою (табл. XXIII. рис. 18). Гербъ этотъ былъ пожалованъ одному витязю за отличіе при крѣпости Ливѣ; роза же, какъ и всякій цвѣтокъ въ гербѣ воина, означаетъ примирителя или избавителя отъ осады. См. гербъ Доливо-Добровольскихъ (X, 151).

64.*Долэнга* (Dołęga)—въ голубомъ полѣ серебряная подкова, обращенная шипами внизъ; на передкѣ ея золотой крестъ, а внутри подковы летящая внизъ стрѣла. Въ нашлемникѣ видно ястребиное крыло, пробитое насквозь стрѣлою (табл. XXIII. рис. 20). Такой гербъ фамилія Долэнговъ пріобрѣла въ войну Болеслава Кривоустаго съ Прусскимъ Орденомъ.—Ср. *Незгода*. Грб. Бобровскихъ (V, 81); Ковалевскихъ (III, 102).

65. *Донброва* (Dąbrowa), *Мурзжа* (Murza) бываетъ двухъ видовъ: 1) въ голубомъ полѣ серебряная подкова, отверстіемъ обращенная внизъ. На передкѣ ея золотой крестъ. Такіе же золотые кресты выходятъ изъ угловъ, образуемыхъ шипами подковы. Въ нашлемникѣ коршунье крыло, пробитое стрѣлою влѣво (табл. XXIII. рис. 21). Такой гербъ пожалованъ Донбровѣ въ 1246 г. Конрадомъ Мазовецкимъ за побѣду надъ врагами Хри-

стіанства; и 2) въ красномъ полѣ бѣлое копье съ двумя на немъ перекладинами, образующими осьмиконечный крестъ (табл. XIX. рис. 30). Эта фигура, поставленная на державѣ, называется *Окунь*, ([1]) на Абданкѣ—*Столоботъ* ([2]).—См. гербы: Кн. Сапегъ ([3]); Ададуровыхъ (II, 48); Кушелевыхъ (II, 84); Лодыженскихъ (II, 49); Ланскихъ (IV, 64); Ромодановскихъ-Лодыженскихъ (IV, 5); Родзянки (VI, 141); Румянцовыхъ (IX, 42); Фаминцыныхъ (II, 129).

66. *Донбровскій* (Dąbrowski)—въ красномъ полѣ дѣвица въ бѣлой одеждѣ съ распущенными волосами и въ золотой коронѣ, трубящая въ двѣ золотыя трубы на обѣ стороны. Въ нашлемникѣ видна подобная же выходящая дѣва между двухъ золотыхъ трубъ, за которыя она держится (табл. XXIII. рис. 22). Ср. гербъ Дубровскихъ (V. 58).

67. *Донбъ* (Dąb)—дубъ золотаго цвѣта съ корнями; на немъ три жолудя, средній выше боковыхъ, и подъ ними два листа. На шлемѣ тѣ же три жолудя. Цвѣтъ поля красный (табл. XXIII. рис. 23). Гербъ этотъ принесенъ Прокопомъ Жолондземъ изъ Пражицъ. Въ нашихъ гербахъ дубъ употребляется часто, но имѣетъ другую фигуру.

68. *Држевица* (Drźewiza)—въ голубомъ полѣ обращенный рогами вверхъ полумѣсяцъ, у котораго сверху и снизу по шестиугольной золотой звѣздѣ. Надъ шлемомъ пять строусовыхъ перьевъ. Ср. *Лелива* (табл. XX. рис. 1). О происхожденіи этого герба *Папроцкій* полагаетъ, что такое знамя было пожаловано Лешкомъ Чернымъ воину Прокопу Држевицѣ за принесенное имъ извѣстіе объ избра-

---

([1]) Ibid. III, 430.
([2]) Okolski. III, 177.
([3]) Временникъ Т. XIX. Загл. листъ къ Лит. Статуту 1588 года.

61.*Дзялоша (Działosza)—въ
сѣраго цвѣта, съ четырьмя
и крыло коршувье съ лѣв
совыхъ пера (табл. XIX
относятъ къ царствова

62. *Довшпрунъ*, см.

63.*Долива (Doli
каждая изъ четыре
женныя на узкой
бомъ полѣ вправ
ми также три р
подъ другою (
пожалованъ
вѣ; роза же
означаетъ
гербъ До

64.*Д
подвов
той к
наш.
стр
До
г
с

...сатели объясняютъ
...ванною при нѣстеч-
... Грб. Норовыхъ (VII,
...ыхъ (V, 15).
...въ красномъ полѣ три ноги
...соединены бедрами и рас-
...треугольника (табл. XX. рис.
...въ XI столѣтію и объясняютъ
... которому такой гербъ пожа-
...ствамъ.—Ср. гербъ Кулаков-

...—въ красномъ (иногда голу-
... серебрянаго кольца, положеннаго
... летащая вверхъ стрѣла.
... перьевъ. (табл. XX.
... изъ Силезіи въ XIII

...—въ красномъ полѣ бѣлаго цвѣ-
... внизъ, съ правой стороны въ
... Отъ Срженявы эта амблема
... что надъ рѣкою нѣтъ креста.)
... выходящій левъ между двумя
... (табл. XXIII. рис. 24).—Ср.
... IV. 25).

...—въ красномъ полѣ четыре зо-
... расположенныхъ попарно такъ, что
... въ каждой парѣ имѣетъ рога, обращен-
... внизъ. Посреди щита серебряный
... подобіе креста, остріемъ внизъ
... Этотъ гербъ принадлежитъ Князьямъ
... (Грб. V. 4). Описанные
... приложить къ мечу, нам

ую и употребляютъ въ гербѣ
іберезскіе.

(Drya, Mutyna)—въ красномъ по-
ясками полосами голубаго цвѣта, пе-
а ней три четыреугольныхъ камня,
отомъ (табл. XX. рис. 5). Такой гербъ
юю принесенъ въ XIII столѣтіи изъ Бо-
іишенскихъ (VI, 57).

(Dulicz) – половина кольца, обращенная от-
верхъ; въ него водруженъ высокій четырехъ-
крестъ; поле красное. На шлемѣ пять строусо-
рьевъ (табл. XX. рис. 6).

Дунинъ, см. *Лабендзь*.

.**Денбно* (Dębno)—чрезъ все красное поле бѣлый
естъ; съ лѣвой стороны у его подножія *Абданкъ*. Въ
ашлемникѣ буйволовы рога, и между ними крестъ (табл.
XXIII. рис. 25). Начало этого герба въ половинѣ XIII сто-
лѣтія.

77. *Езержа*, см. *Корвинъ*.

78.**Елита* или *Козлероги* (Jelita; Kozlerogi)—въ крас-
номъ полѣ три золотыхъ копья, расположенныхъ въ ви-
дѣ звѣзды, среднее остріемъ внизъ, а боковыя вверхъ.
Въ нашлемникѣ—выходящій до половины козелъ, обра-
щенный вправо (табл. XXIV. рис. 1). Въ 1331 году
этотъ гербъ былъ пожалованъ Королемъ Владиславомъ
одному воину Флоріану Саріушу, имѣвшему въ гербѣ
козла, въ награду за то, что Король видѣлъ витязя прон-
женнымъ тремя копьями и непотерявшимъ мужества.
Въ гербѣ *Дембичъ* копья эти соединены древками внизу и
повторяются въ нашлемникѣ ([1]), а въ гербѣ *Гошинскій*

([1]) Kor. Polska II, 24.

нія Лешка на престолъ. Другіе же писатели объясняютъ названіе этого герба побѣдою, одержанною при мѣстечкѣ Држевицѣ въ войну съ Литвою. Грб. Норовыхъ (VII, 32—съ перемѣною); Философовыхъ (V, 15).

69. *Дрогомиръ* (Drogomir)—въ красномъ полѣ три ноги въ бронѣ и со шпорами. Онѣ соединены бедрами и расходятся ступнями въ видѣ треугольника (табл. XX. рис. 2). Эмблему эту относятъ къ XI столѣтію и объясняютъ именемъ витязя Дрогомира, которому такой гербъ пожалованъ Болеславомъ Кривоустымъ.—Ср. гербъ Кулаковскихъ (X. 112).

70. *Дрогославъ* (Drogosław)—въ красномъ (иногда голубомъ) полѣ, половина серебрянаго кольца, положеннаго наподобіе радуги, надъ нимъ летящая вверхъ стрѣла. Надъ шлемомъ пять строусовыхъ перьевъ. (табл. XX. рис. 3). Гербъ этотъ принесенъ изъ Силезіи въ XIII столѣтіи.

71. *Дружина* (Drużyna)—въ красномъ полѣ бѣлаго цвѣта рѣка, текущая сверху внизъ, съ правой стороны въ лѣвую, по кривой линіи. (Отъ *Срженявы* эта эмблема отличается тѣмъ только, что надъ рѣкою нѣтъ креста.) Въ нашлемникѣ видѣнъ выходящій левъ между двумя трубами съ бубенчиками (табл. XXIII. рис. 24).—Ср. гербъ Левашевыхъ (IV. 25).

72. *Друцкъ* (Druck)—въ красномъ полѣ четыре золотыхъ полумѣсяца, расположенныхъ попарно такъ, что одинъ изъ нихъ въ каждой парѣ имѣетъ рога, обращенные вверхъ, а другой внизъ. Посреди щита серебряный мечъ съ эфесомъ наподобіе креста, остріемъ внизъ (табл. XX. рис. 4). Этотъ гербъ принадлежитъ Князьямъ Друцкимъ - Соколинскимъ (Грб. V. 4). Описанная фигура, если полумѣсяцы приложить къ мечу, како

минаетъ *Гоздаву*, которую и употребляютъ въ гербѣ своемъ Кн. Друцкіе-Подберезскіе.

73.**Дрыя*, *Мутына* (Drya, Mutyna)—въ красномъ полѣ, между двумя узкими полосами голубаго цвѣта, перевязь вправо; на ней три четыреугольныхъ камня, означенныхъ золотомъ (табл. XX. рис. 5). Такой гербъ нѣкоимъ Мутыною привесенъ въ XIII столѣтіи изъ Богеміи.—Грб. Кишенскихъ (VI, 57).

74. *Дуличъ* (Dulicz)—половина кольца, обращенная отверстіемъ вверхъ; въ него водруженъ высокій четырехъконечный крестъ; поле красное. На шлемѣ пять строусовыхъ перьевъ (табл. XX. рис. 6).

75. *Дунинъ*, см. *Лабендзь*.

76.**Денбно* (Dębno)—чрезъ все красное поле бѣлый крестъ; съ лѣвой стороны у его подножія *Абданкъ*. Въ нашлемникѣ буйволовы рога, и между ними крестъ (табл. XXIII. рис. 25). Начало этого герба въ половинѣ XIII столѣтія.

77. *Езержа*, см. *Коренкъ*.

78.**Елита* или *Козлероги* (Jelita; Kozlerogi)—въ красномъ полѣ три золотыхъ копья, расположенныхъ въ видѣ звѣзды, среднее остріемъ внизъ, а боковыя вверхъ. Въ нашлемникѣ—выходящій до половины козелъ, обращенный вправо (табл. XXIV. рис. 1). Въ 1331 году этотъ гербъ былъ пожалованъ Королемъ Владиславомъ одному воину Флоріану Саріушу, имѣвшему въ гербѣ козла, въ награду за то, что Король видѣлъ витязя проиженнымъ тремя копьями и непотерявшимъ мужества. Въ гербѣ *Дембичъ* копья эти соединены древками внизу и повторяются въ нашлемникѣ (1), а въ гербѣ *Гошинскій*

(1) Kor. Polska II, 24.

(Goszynski) три копья обернуты вверхъ остріями, и два боковыя упираются въ среднее (1). На шлемѣ вооруженная мечемъ и согнутая въ локтѣ рука. Ср. гербы: Вельяминовыхъ (II, 22); Воронцовыхъ-Вельяминовыхъ (V. 16); Головнинвыхъ (VIII, 66); Гордѣевыхъ (VII, 61); Головцыныхъ (II, 104); Грибоѣдовыхъ (IX, 17); Девятиныхъ (VI, 88); Катениныхъ (II, 59); Лихачевыхъ (VI, 16); Мерлиныхъ (III, 29); Романчюковыхъ (IV, 74); Ступишиныхъ (II, 78); Шпаковскихъ (VI, 127).

78. *Еловицкій*, см. *Головинскій*.

79. *Жижемскій* (Żyźemski)—обращенный въ лѣвую сторону левъ на заднихъ лапахъ, съ высунутымъ языкомъ и поднятымъ хвостомъ (табл. XX. рис. 7). Это, мы видѣли, гербъ города Львова; онъ принадлежалъ Кн. Курбскимъ и Жижемскимъ, какъ родамъ выѣзжимъ изъ Руси.

80. *Житынянъ*, см. *Порай*.

81. *Забава* (Zabawa) состоитъ изъ разсѣченнаго на двое щита, котораго лѣвая половина есть шахматная доска цвѣтовъ краснаго и бѣлаго, а другая половина цвѣта голубаго безъ фигуръ. На шлемѣ пять строусовыхъ перьевъ (табл. XX. рис. 8). Происхожденіе этого герба относятъ къ XI столѣтію и думаютъ, что онъ перенесенъ изъ Силезіи.

82. *Заглоба* или *Загроба* (Zagłoba, Zagroba)—въ голубомъ полѣ золотая подкова, шипами обращенная внизъ, а изъ средины ея чрезъ подкову проходитъ обнаженная шпага, такъ притомъ, что рукоятка ея, имѣющая видъ вреста, остается внутри подковы, а лезвіе выходитъ наружу. На шлемѣ видно пробитое влѣво стрѣлою врылю. (табл. XXIV. рис. 2).

---

(1) Тамъ же, стр. 291.

83.*Задора* или *Пломеньчикъ* (Zadora, Płomieńczyk)—въ голубомъ полѣ львиная голова по гриву, и изъ отврытой пасти выходитъ пламя. Таже львиная голова повторяется въ нашлемникѣ (табл. XXIV. рис. 3). Начало этого герба полагается въ X-мъ столѣтіи, при Болеславѣ Кривоустомъ, которымъ знама это было усвоено нѣкоему Задорѣ.

84.*Заремба* (Zaremba)—въ красномъ полѣ обращенный въ правую сторону левъ, выходящій до половины изъ-за бѣлой стѣны, на которой видно четыре золотыхъ камня (табл. XX. рис. 9). Въ XI столѣтіи этотъ гербъ перенесенъ изъ Богеміи.—См. гербы: Батюшковыхъ (IV, 92); Готовцевыхъ (IX, 104); Елагиныхъ (I, 46); Пикаловыхъ (VIII, 77); Сухаревыхъ (V, 111).

85. *Здзитовецкій*, см. *Наленчъ*.

86. *Зенбы* или *Три-Зенбы* (Zęby, Trzy-Zęby)—обращенные влѣво изъ десны выходящіе зубы, числомъ три (табл. XX. рис. 10). Это гербъ многихъ благородныхъ Венгерскихъ фамилій и между прочимъ принадлежитъ Баторіамъ, отъ чего и помѣщался на груди Польскаго орла при Королѣ Стефанѣ Баторіи. Грб. Бакуниныхъ (V, 41), изъ тогоже дома.

87. *Зеновичъ* или *Деспотъ* (Zienowicz, Despoth)—половина кольца, отверстіемъ обращенная внизъ наподобіе радуги, на вершинѣ его крестъ; сидящій на шлемѣ воронъ (*Слѣповронъ*) держитъ въ клювѣ перстень съ драгоцѣннымъ камнемъ (табл. XXIV. рис. 4). Это гербъ Молдавскаго деспота Зеновича, который, бывъ стѣсняемъ Турками, прибылъ въ 1390 году къ Витовту Литовскому и поселился въ его владѣніяхъ. — См. гербъ Зиновьевыхъ (I, 49).

88. *Златоголеньчикъ*, см. *Новина*.

89. *Иваницкій*, см. *Пэлня*.

90. *Ильговскій* (Ilgowski)—на срединѣ *Абданка*, положеннаго въ красномъ полѣ, стоитъ копье остріемъ вверхъ, продѣтое чрезъ кольцо. На шлемѣ три строусовыхъ пера (табл. XX. рис. 11). Ср. *Абданкъ*.

91. *Кантакузенъ* (Kantakuzen) — двуглавый орелъ, увѣнчанный двумя коронами. Начало его изъ Греціи. Эту эмблему употребляли въ Литвѣ Князья Явоеты-Подберезскіе, перешедшіе изъ Россіи, Кн. Верейскіе и Воейки (¹).

92. *Кара*, см. *Пржіяцѣль*.

93. *Карпъ* (Karp)—въ голубомъ полѣ три шестиугольныхъ звѣзды: двѣ рядомъ, а третья внизу. На шлемѣ четыре строусовыхъ пера.—См. гербы: Беклешовыхъ (VI. 80); Куломзиныхъ (VI. 43).

94. *Кердѣя* (Kierdeia) состоитъ изъ щита, разсѣченнаго на двѣ половины, изъ которыхъ правая цвѣта голубаго носитъ изображеніе трехъ бѣлыхъ лилій, одна подъ другою расположенныхъ, а лѣвая сторона щита красная. На шлемѣ три строусовыхъ пера (табл. XX. рис. 12). *Длугошъ* повѣствуетъ, что этотъ гербъ былъ пожалованъ въ XIV вѣкѣ Людвигомъ, Королемъ Польскимъ и Венгерскимъ, одному витязю Кердѣю, отличившемуся при взятіи зàмка Белза (Белжа). Геральдикъ же *Окольскій* полагаетъ, что Кердѣй, сынъ Таркѣвиза, Князя Перекопскаго, служилъ сперва въ Польшѣ, потомъ долгое время во Франціи и за заслуги на полѣ брани получилъ отъ Королей Французскихъ этотъ гербъ съ тремя лиліями, который и былъ за нимъ утвержденъ Королемъ Польскимъ Людвигомъ. Таковы гербы Віельгорскихъ, Дивовыхъ (I, 51) и Чаплиныхъ.

95. *Кетличъ* (Kietlicz) бываетъ двухъ видовъ: 1) или

(¹) Kor. Polsk. II, 477.

составляется изъ трехъ гордіевыхъ узловъ, сдѣланныхъ изъ золотой цѣпи и положенныхъ наподобіе буквы V (табл. XX. рис. 13); или 2) щитъ раздѣленъ косою линіею, наклоненною къ лѣвому нижнему углу, на двѣ части, изъ которыхъ нижняя меньше верхней. Нижняя половина разсѣчена восьмью линіями на четыре поля, изъ которыхъ первое черное, второе желтое, третье красное и четвертое бѣлое. А въ верхней большей части видѣнъ до половины выходящій буйволъ, обращенный влѣво. Нашлемникъ состоитъ изъ пѣтушиныхъ перьевъ, у которыхъ съ обѣихъ сторонъ по красной розѣ (табл. XXIV. рис. 5).—См. гербы Валуевыхъ (I, 38); Колокольцевыхъ (I, 63); Бароновъ Колокольцевыхъ (VIII, 6).

96. *Кисель* (Kisiel, Swientoldycz) есть палатка бѣлаго цвѣта, открытая спереди. Надъ нею бѣлаго и чернаго цвѣтовъ балдахинъ, имѣющій на вершинѣ золотой крестикъ. Вся фигура помѣщена въ красномъ полѣ. Надъ шлемомъ три кирпичныя башни, украшенныя зубцами: изъ нихъ средняя выше крайнихъ (табл. XXIV. рис. 6). Есть преданіе, отчасти и въ нашу лѣтопись внесенное, что въ правленіе Владиміра Мономаха ([1]), воевода Свентольдъ Кисель въ отсутствіе Великаго Князя умѣлъ спасти Кіевъ отъ осаждавшихъ его Печенѣговъ слѣдующею хитростью: когда въ Кіевѣ сдѣлался голодъ и осажденные стали приходить въ отчаяніе и упадать духомъ, Кисель велѣлъ вырыть двѣ ямы, изъ которыхъ въ одну насыпалъ муки, а въ другую налилъ воды и, подсластивъ ее медомъ, смѣшалъ, что̀ и образовало смѣсь въ родѣ *киселя*. Кіевляне, увидѣвъ, что земля ихъ производитъ

([1]) *Окольскій* (I, 387) относитъ это событіе ко времени Владиміра Святаго; но это несогласно съ хронологіею: по нашему Гербовнику Кисель жилъ при Владимірѣ Мономахѣ. См. герб. III, 9.

муку и медъ и сама даетъ готовую пищу, ободрились и отбили непріятеля.—Этотъ гербъ принадлежитъ у насъ родамъ Киселевыхъ (Герб. III. стр. 9) и Брусиловыхъ (VIII, 123. Въ Литвѣ были извѣстны Кисели-Брусилонскіе.)

97. *Клямры* (Klamry)—въ красномъ полѣ двѣ серебряныя скобы, положенныя въ видѣ Андреевскаго креста, и въ нижней половинѣ сходящіяся наподобіе щипцовъ. Въ нашлемникѣ—павлинныя перья, на которыхъ изображена *Гоздава* (табл. XXIV. рис. 7). Этотъ гербъ принятъ вмѣсто Гоздавы Андреемъ Немирою при переселеніи его въ Русь. Грб. Голынскихъ (X, 30). Андреевскіе кресты въ гербахъ нашихъ не рѣдки, но не всегда сохраняютъ они первоначальную фигуру эмблемы *Клямръ*.

98. *Кмита* (Kmita)—въ красномъ полѣ двѣ военныхъ хоругви или двое крѣпостныхъ воротъ, бѣлаго цвѣта, расположенныхъ одни надъ другими. Надъ шлемомъ видно пять строусовыхъ перьевъ. Такое знами было пожаловано Князьями Подоліи нѣкоему Воронѣ, отъ котораго происшедшій родъ Вороновичей переселился въ послѣдствіи въ Литву, гдѣ сохранилъ свой гербъ. По прозванію одного члена этого дома *Кмитою*, его имя было оставлено и за гербомъ, усвоеннымъ этому роду.

99. *Князь*, см. *Курчъ*.

100. *Ковня* (Kownia)—въ красномъ полѣ три меча, рукоятками обращенные вверхъ, а внизу сходящіеся остріями подъ угломъ (табл. XX. рис. 14). Въ нашихъ гербахъ бываютъ иногда соединены три стрѣлы остріями вмѣстѣ.—См. гербы: Валуевыхъ (I, 38); Воропановыхъ (VI, 98); Меркуловыхъ (IX, 30); Мозыриныхъ (VIII, 87).—Ср. также *Козелъ*.

101. *Козека, Скржыжолукъ* (Koziekа, Zkrzyżłuk)—лукъ съ тетивою, обращенною вверхъ; на тетивѣ золотой крестъ (табл. XX. рис. 15). Родъ, этотъ гербъ употреблявшій, изъ Волыни.

102. *Козелъ-Савичъ-Ясѣнецкій* (Kozieł-Sawicz-Jasieniecki)—въ красномъ полѣ полкруга отверстіемъ внизъ въ видѣ полумѣсяца, а на вершинѣ его по срединѣ и концамъ три выходящихъ остріями вверхъ стрѣлы (табл. XX. рис. 16). Родоначальникъ этого герба вышелъ изъ Сѣверіи въ Литву.

103. *Козлероги*, см. Елита.

104. *Колодынъ* (Kołodyn)—въ бѣломъ полѣ означенная чернымъ цвѣтомъ буква А подъ стропиломъ, или крыша, подъ которою стропила, соединенныя поперечиною (табл. XX. рис. 17). Родъ Кн. Колодынскихъ происходитъ изъ Волыни.—См. гербы Кн. Бабичевыхъ (V, 5); Путятиныхъ (I, 64).

105. *Колонтай* (Kołontay)—фигура, имѣющая видъ буквы Т, составленная изъ трехъ треугольниковъ, двухъ сверху вершинами внизъ, и третьяго, служащаго основаніемъ колонны. На шлемѣ три строусовыхъ пера (табл. XX. рис. 18). Въ 1500 году фамилія Колонтаевъ переселилась изъ Смоленскаго Княжества въ Литву.—См. гербъ Голенковскихъ (VIII, 128).

106. *Колюмна*, см. *Перихала*.

107. *Коньчицъ* (Kończyc)—семь строусовыхъ перьевъ, ложенныхъ рядомъ, такъ, что основаніемъ для нихъ служитъ обращенный рогами вверхъ полумѣсяцъ. Этотъ древній гербъ принесенъ изъ Богеміи и былъ употребляемъ фамиліею Мнишекъ, которая владѣла имѣніемъ Коньчицъ.

108. *Корасына* (Korasyna) состоитъ изъ двухъ рѣкъ

означенныхъ серебромъ въ красномъ полѣ. Одна изъ нихъ наливается вправо, другая влѣво. Между ними водруженъ мечь, рукоятью вверхъ. На шлемѣ три страусовыхъ пера (табл. XX. рис. 19). Начало этого герба относится ко времени Болеслава Храбраго: онъ усвоилъ одному витязю *Копасынѣ* въ память одержанной у двухъ рѣкъ надъ непріятелемъ побѣды.—Ср. *Дружина*.

109. *Корабъ* (Korab), представляетъ въ красномъ полѣ корабль цвѣта золотаго, изображенный въ разрѣзѣ и имѣющій на кормѣ и на носу по львиной головѣ. На срединѣ корабля возвышается мачта на подобіе башни. Такая же фигура въ нашлемникѣ (табл. XXIV. рис. 8). Гербомъ этимъ пользовались, по показанію Польскихъ историковъ и геральдиковъ, Нептунъ и его сыновья, а затѣмъ онъ перешелъ къ Лестрагову, владѣтелю Италіи. Въ Польшѣ упоминается родъ Корабіевъ въ первый разъ въ 1120 году. Нѣсецкій же (Kor. Polsk. II, 601) говоритъ, что этотъ гербъ произошелъ отъ Сарматовъ-Вандаловъ, когда они въ V вѣкѣ, подплывши къ Франціи на корабляхъ, подъ предводительствомъ Короля своего Крока или Крака, опустошили эту страну.—Ср. гербы Коробокъ (V, 124); Лобановыхъ (VII, 120); Лободъ (VII, 111); Торсуковыхъ (V, 74); Чертковыхъ (I, 73).

110. *Корвинъ* (Korwin, Corvus)—въ красномъ полѣ черный воронъ, стоящій на отрубѣ съ четырьмя суками, двумя сверху и двумя снизу. У птицы во рту золотой перстень съ драгоцѣннымъ камнемъ. На шлемѣ три страусовыхъ пера (табл. XX. рис. 20). Гербъ этотъ производятъ отъ Валерія Мессалы Корвина, которымъ во времена Императора Тиверія была завоевана Венгрія, и вмѣстѣ съ нею и Валахія, по его имени прозванная Валеріею. Изъ этого рода были Венгерскіе Короли Гуй-

ды Корвины Іоаннъ и Матвѣй.—Ср. гербы *Бартлиневій*, *Гинвилъ*, *Езержа*, *Зеновичъ*, *Косакъ* (Корвинъ на Корчакѣ), *Кржыжевскій*, *Слѣповронъ*, *Чарлинскій*, и у насъ: грб. Башуцкихъ (VIII, 131); Бутурлиныхъ (II, 29); Вороновыхъ (IX, 105); Карачинскихъ (IV, 128); Неклюдовыхъ (III, 11).

111. *Коржбокъ* (Korzbok)—въ бѣломъ полѣ три золотыя карпія, плывущія влѣво; на шлемѣ пять страусовыхъ перьевъ (табл. XX. рис. 21). Начало этого герба изъ Силезіи.—См. гербъ Ланскихъ (IV, 64).

112. *Корибутъ* (Koributh)—въ красномъ полѣ золотой полумѣсяцъ, рогами обращенный внизъ. Подъ нимъ золотая шестиугольная звѣзда, а надъ полумѣсяцомъ крестъ съ перекрещенными концами (табл. XX. рис. 21). Знамя это употреблялъ сынъ Ольгерда Гедиминовича Корибутъ, и отъ него гербъ этотъ перешелъ къ его потомкамъ: Князьямъ Збаражскимъ, Вишневецкимъ, Воронецкимъ и Порыцкимъ.—Ср. *Пэлня*, и гербы Кн. Куракиныхъ (I, 3); Дашковыхъ (I, 10).

113. *Корницъ*, *Благославъ-Господи* (Kornic, Blagoslaw-Hospody)—въ красномъ полѣ на трехъ каменныхъ ступеняхъ сѣраго цвѣта бѣлый крестъ св. Антонія наподобіе Латинской буквы Т, на концахъ которой по круглому хлѣбу. На шлемѣ пять страусовыхъ перьевъ (табл. XX. рис. 23). Этотъ гербъ ведетъ свое начало отъ Русскихъ Князей.

114. *Корсакъ* (Korsak), по объясненію однихъ, состоитъ изъ двухъ лилій цвѣта чернаго, сопложенныхъ основаніями въ полѣ бѣломъ, а по мнѣнію другихъ изъ двухъ положенныхъ въ андреевскій крестъ рукоятокъ отъ сабель или изъ двухъ якорей или наконецъ Датскихъ алебардъ (табл. XX. рис. 24). Родъ Корсаковъ очень древенъ въ Литвѣ. У

насъ см. грб. Корсаковыхъ (I, 83); Дундуковыхъ-Корсаковыхъ (X, 133) и Римскихъ-Корсаковыхъ (II, 52).

115.*_Корчакъ_ (Korczak) бываетъ двухъ видовъ, а именно _первый:_ есть золотая чаша, изъ которой выходитъ въ красномъ полѣ смотрящая влѣво собака съ пригнутыми передними лапами; нашлемникъ изъ павлинныхъ перьевъ, на которыхъ изображены три серебряныя балки или три бруска такъ притомъ, что самый длинный изъ нихъ представленъ сверху, средній короче перваго и нижній самый короткій; во второмъ же видѣ описанныя эмблеммы перемѣняютъ свое мѣсто, т. е. три бѣлыя балки помѣщаются въ красномъ полѣ щита, а собака на шлемѣ (табл. XXIV. рис. 9). Гербъ этотъ принадлежалъ сперва Князьямъ Славоніи, изъ нея перешелъ въ Венгрію и отсюда въ XIII столѣтію въ Польшу. Эмблемма _Корчакъ_ была въ гербѣ многихъ Богемскихъ Князей.—Ср. _Вукры_ или _Угры_, _Коржицъ_, _Косакъ_, _Масальскихъ_, _Рохъ (видъ третій, лилія на Корчакъ)_, _Рубежъ_ и _Трахъ_).—См. гербы Алабьевыхъ (II, 70); Баратынскихъ (IV, 116); Вазинтиновыхъ (VI, 79); Илличевскихъ; Ильинскихъ (VI, 138); Корсаковыхъ (I, 83); Дундуковыхъ—Корсаковыхъ (IX, 133) и Римскихъ-Корсаковыхъ (II, 52); Котлубицкихъ (V, 132); Отяевыхъ (II, 36); Селецкихъ (III, 108); Хвостовыхъ (II, 35); Хольревыхъ (IX, 66); Шафровыхъ (IX, 11).

116. _Корызна_ (Koryzna)—въ красномъ полѣ серебряный крестъ, обернутый вверхъ основаніемъ, чрезъ которое проходитъ остріемъ вправо стрѣла (табл. XII. рис. 25). Гербъ этотъ изъ Самогитіи.

117. _Косакъ_, см. _Корчакъ_.

118. _Костровецъ_, см. _Головинскій_.

119. _Косъ_ (Kos)—три бѣлыя перевязи вправо, въ кра-

номъ полѣ. Начало герба изъ Пруссіи.—См. гербъ Кусаковыхъ (VI, 90).

120. *Косы* (Kosy)—въ красномъ полѣ двѣ серебряныя косы, положенныя на-крестъ остріями внизъ. На шлемѣ пять строусовыхъ перьевъ (табл. XX. рис. 26).—См. грб. *Прусъ*.

121. *Косцьша, Стржегоня* (Kosciesza, Sztegonia)—копье или стрѣла бѣлаго цвѣта съ раздвоеннымъ основаніемъ, а повыше его перекладина въ родѣ ефеса отъ шпаги, такъ что вся фигура имѣетъ видъ креста подъ крышею, или якоря съ рукояткою внизъ (табл. XX. рис. 27). Названіе свое получила эта эмблемма отъ витязя Косцѣши, который въ 1072 году храбро оборонялся противъ враговъ въ присутствіи Короля Болеслава Смѣлаго. Когда кончилась битва и Польское войско стало сносить добычу, тогда приступилъ и Косцѣша. Держа промежъ ногъ копье, онъ открылъ голову, и показывая на ней огромныя раны и переломленный мечъ, сказалъ: «Въ этомъ и состоитъ вся моя добыча». Въ память такого подвига дана Косцѣшѣ въ гербъ описанная фигура, которая принята многими знатными фамиліями.—См. гербъ Валкевичевыхъ (VII, 110).

122. *Котвичъ* (Kotwicz)—въ бѣломъ полѣ красный поясъ. Въ нашлемникѣ видна закованная въ латы рука съ обнаженнымъ мечемъ. Гербъ этотъ въ XIII столѣтіи перенесенъ изъ Австріи, гдѣ его употребляютъ Австрійскіе Эрцгерцоги.

123.* *Котъ морской* (Kot, Cattus marinus)—въ красномъ полѣ котъ бѣлаго или сѣраго цвѣта, съ золотою на животѣ повязкою. Онъ представляется сидящимъ на заднихъ лапахъ съ поджатымъ хвостомъ. На шлемѣ три строусовыхъ пера (табл. XX. рис. 28). Это древній

гербъ, о началѣ котораго не сохранилось однако положительныхъ свѣдѣній.

124. *Кржычевскій*, см. *Корвинъ*.

125. *Кржывда* (Krzywda)—въ голубомъ полѣ обращенная шипами внизъ серебряная подкова; внутри ея видѣнъ крестъ; онъ же представленъ и на вершинѣ подковы, но безъ одного конца (табл. XX. рис. 29). Началомъ этой эмблеммы считаютъ гербъ *Любичъ*, отъ котораго *Кржывда* отличается только недостающимъ у верхняго креста концомъ, что̀ объясняется, по мнѣнію Польскихъ Геральдиковъ, преступленіемъ, совершеннымъ кѣмъ-то изъ имѣвшихъ этотъ гербъ, какъ показываетъ и самое названіе сего знамени. Гербъ этотъ видимъ у многихъ знатныхъ Польскихъ фамилій; таковъ гербъ Гр. Ржевускихъ.

126. *Кроіе* (Kroie)—въ красномъ полѣ три серебряныхъ искривленныхъ ножа безъ рукоятокъ (или сошника), расположенныхъ такъ, что толстыми концами они сходятся къ центру, а остріями расходятся въ видѣ звѣзды. Нашлемникъ изъ павлиныхъ перьевъ (табл. XX. рис. 30). Знамя это считается однимъ изъ древнѣйшихъ въ Польшѣ.—Ср. *Роля*.

127. *Кроква* (Krokwa) состоитъ изъ обернутыхъ вершиною къ низу двухъ соединенныхъ между собою стропилъ, употребляемыхъ при постройкѣ домовъ, съ стоящимъ на нихъ военнымъ знакомъ. Поле цвѣта голубаго, а стропила—серебрянаго (табл. XXI. рис. 1).

128. *Кроковскій* (Krokowski)—въ красномъ полѣ черный охотничій рогъ, на двухъ птичьихъ ногахъ; концы его соединяетъ шнуръ, связанный наподобіе 8. На шлемѣ двѣ сложенныя руки (табл. XXI. рис. 2). Владѣльцы этого герба, Кроковскіе, происходятъ отъ Князей По-

меранскихъ, владѣвшихъ въ XIII столѣтіи Крововымъ, близъ Данцига.

129. *Крокъ* (Krok)—въ голубомъ полѣ три полумѣсяца рядомъ, обращенные рогами въ правую сторону. Эмблемма эта привесена изъ Италіи.—Ср. грб. Куломзиныхъ (VI, 43).

130. *Крошинскій* (Kroszyński)—въ красномъ полѣ ворота, съ сторожевою башнею о трехъ зубцахъ (табл. XXI. рис. 3). Родъ Крошинскихъ пошелъ отъ Князя Вгунда, сына Князя Кейстута Гедиминовича; онъ имѣлъ владѣнія въ Смоленскомъ Княжествѣ и въ началѣ XVI столѣтія переселился въ Литву.

131. *Круневичъ* (Kruniewicz)—между двумя полумѣсяцами, изъ которыхъ одинъ обращенъ рогами вверхъ, а другой внизъ, поставленъ Греческій крестъ. На шлемѣ три строусовыхъ пера (табл. XXI. рис. 4). Родъ Круневичей переселился въ Литву изъ Кіевскаго воеводства.

132. *Курчъ* (Kurcz) или *Князь* (Kniaź) есть фигура въ родѣ Латинской буквы *игрекъ* (Y), перекрещенная въ срединѣ, и основаніемъ своимъ упирающаяся въ скобу съ загнутыми концами; справа отъ этой эмблеммы помѣщается шестиугольная звѣзда, а слѣва полумѣсяцъ (табл. XXI. рис. 5). Это—знамя Князей Коріатовичей-Курцевичей, происшедшихъ отъ Гедимина.

133. *Куръ* (Kur)—въ красномъ полѣ обращенный вправо бѣлый пѣтухъ.—Ср. грб. Ростопчиныхъ (IV, 12).

134. *Кушаба* (Kuszaba), *Папржица* (Paprzyca)—въ бѣломъ полѣ сѣрый жерновный камень, съ желѣзнымъ по срединѣ болтомъ, на которомъ онъ обращается. Въ нашлемникѣ восемь собачьихъ головъ, изъ которыхъ четыре повыше, и четыре пониже. Изъ первыхъ двѣ

обращены влѣво и двѣ вправо, а изъ нижнихъ три влѣво и одна вправо (табл. XXIV. рис. 10). Гербъ этотъ перешелъ изъ Богеміи в Австрію.

135.* *Лабендзь* или *Дунинъ* (Labędź, Dunin)—въ красномъ полѣ бѣлый лебедь, у котораго клювъ и ноги означены золотомъ. Въ нашлемникѣ повторяется та же фигура (табл. XXIV. рис. 11). Эмблемма эта, полагаютъ, перешла въ Польшу изъ Даніи, въ правленіе Короля Болеслава Кривоустаго въ 1124 году.—См. Гербы Дуниныхъ (VII,168); Дуниныхъ-Борковскихъ (IX, 9); Марченковъ (VI, 140); Пановыхъ (IX, 95); Пареваго (VIII, 38); Плетневыхъ; Шеміотовъ (X, 20); Шестаковыхъ (III, 65); Урбановичевъ (IX, 132).

136. *Лада* (Lada)—въ красномъ (иногда голубомъ) полѣ серебряная подкова, шипами обращенная внизъ; на вершинѣ ея золотой крестъ; съ правой отъ нея стороны летящая вверхъ стрѣла, а съ лѣвой орудіе, въ родѣ вилъ, употребляемыхъ охотниками. Въ нашлемникѣ изображается выходящій до половины коронованный левъ вправо, держащій въ лапѣ мечъ (табл. XXIV. рис. 12). Польскіе историки относятъ начало этого герба, одни къ XIII вѣку и объясняютъ названіе именемъ его владѣльца, другіе—къ началу XIV-го столѣтія и полагаютъ, что названіе это усвоено ему по мѣсту, которое принадлежало лицу, ознаменовавшему себя въ войнѣ съ Ятвягами.—См. грб. Лыкошиныхъ (IV, 117).

137. *Лариса* (Larysa)—въ бѣломъ полѣ два сошника, положенные рядомъ концами вверхъ, а остріями влѣво и вправо (табл. XXI. рис. 6). Названіе герба объясняютъ дарованіемъ его переселенцамъ изъ Ларисы, города Ѳессаліи, а помѣщеніе въ немъ сошниковъ—тѣмъ, что лица эти прежде не занимались земледѣліемъ.

138. *Леварть* (Lewart)—въ голубомъ полѣ обращенный вправо, стоящій на заднихъ лапахъ леопардъ, съ высунутымъ языкомъ и поднятыми передними лапами; на головѣ у него корона. Та же фигура и на шлемѣ. Эмблемма эта перешла въ Польшу изъ Германіи въ половинѣ XII столѣтія при Казимірѣ Справедливомъ.

139.**Лелива* (Leliwa) состоитъ изъ положенныхъ въ голубомъ полѣ шествугольной звѣзды, цвѣта золотаго, и подъ нею золотаго же полумѣсяца, рогами обращеннаго вверхъ. Нашлемникъ изъ павлиныхъ перьевъ, на которыхъ повторяется та же фигура (табл. XXIV. рис. 13). Это знамя, общее многимъ славянскимъ племенамъ, есть вмѣстѣ и гербъ Илларіи ([1]). Польскіе Геральдики утверждаютъ, что Леливу привесъ съ собою въ XI столѣтіи съ береговъ Рейна нѣкто Тицвиръ, который, основавъ въ Польшѣ городъ и породнившись съ Польскими фамиліями, сообщилъ имъ свой гербъ.—Ср. грб. Кн. Бѣлозерскихъ (см. стр. 382); Адамовичей (VI, 94); Бутримовыхъ (VIII, 24); Бырдиныхъ (V, 116); Бычковыхъ (VIII, 127); Вадовскихъ (IX, 52); Веневитиновыхъ (IV, 87); Дуидуковыхъ-Корсаковыхъ (IX, 133); Кологривовыхъ (IV, 23); Лашкевичей (VII, 161); Левшиныхъ (III, 24); Ледицкихъ (VI, 48); Леонтьевыхъ (IV, 30); Лосевыхъ (III, 99); Новиковыхъ (IV, 95); Романчюковыхъ (IV, 74); Сенявиныхъ (II, 67); Таракановыхъ (IX, 65); Тарновскихъ (VI, 136); Тарховыхъ (VI, 29); Тырковыхъ (V, 68); Шубиныхъ (IV, 81); Ярославовыхъ (IX, 15), и др.

140. *Левицць*, см. *Брогъ*.

(1) Ренча Исторія разныхъ Славенскихъ народовъ, наипаче Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ. Въ Віеннѣ. 1794 года. Т. II. Заглавный листъ.

141. *Лзава* (Lzawa) состоитъ изъ двухъ подковъ, шипами обращенныхъ въ правую и лѣвую стороны, а вершинами къ поставленному между ними мечу. Поле щита голубое (табл. XXI. рис. 7). Недостаткомъ третьей подковы, которой былъ лишенъ одинъ воинъ за то, что заснулъ на стражѣ и тѣмъ далъ непріятелю возможность одержать побѣду, отличается этотъ гербъ отъ *Белины*.

142. *Лимонтъ* (Limont)—въ красномъ полѣ мечъ рукояткою вверхъ, остріемъ онъ упирается въ шаръ (земной), слѣва и справа отъ него еще по шару. На шлемѣ между двумя строусовыми перьями виденъ мечъ остріемъ вверхъ (табл. XXI. рис. 8).

143.* *Лисъ* (Lis), *Мзура* (Mzura) есть серебряное копье или бѣлая стрѣла, положенная въ красномъ полѣ и перекрещенная двумя бѣлыми перекладинами наподобіе сѣкиръ. На шлемѣ видна до половины выходящая лисица, обращенная влѣво (табл. XXIV. рис. 14). Благородному мужу, имѣвшему въ гербѣ своемъ лисицу (отъ того и названіе эмблеммы lis) Казиміръ Справедливый послѣ побѣды, одержанной надъ Ятвягами на рѣкѣ Мзурѣ, въ 1058 году даровалъ новый знакъ его отваги—копье, въ память того, что онъ съ малымъ отрядомъ, окруженный непріятелемъ, далъ сигналъ копьемъ, брошеннымъ вверхъ съ зажженною сѣрою, и тѣмъ спасъ себя и войско отъ погибели. Знамя это есть въ гербѣ *Сапегъ;* изъ Русскихъ родовъ: у Комовскихъ (съ перемѣною—гр. V, 90); Лисянскихъ (X, 114); Хомутовыхъ (VII, 117).

144.* *Лодзя* (Łodzia)—въ красномъ полѣ золотая барка, сколоченная изъ четырехъ досокъ, изъ которыхъ въ каждой по три гвоздя. Та же фигура повторяется и въ нашлемникѣ на строусовыхъ перьяхъ (табл. XXIV. рис. 15).

Изображенія кораблей употреблялись въ знакахъ Греками и Римлянами, а впервые перешло это знамя въ Польшу въ 969 году, гдѣ и употребляется фамиліею Лодзіевъ.—Ср. грб. Березиныхъ (II, 20); Бородавицыныхъ (III, 52).

145. *Лопотъ* (Lopot)—въ красномъ полѣ двѣ рукоятки отъ сабель, расположенныя въ видѣ Андреевскаго креста. Надъ шлемомъ три строусовыхъ пера (табл. XXI. рис. 9). Гербъ этотъ происхожденія Литовскаго.

146. *Лукъ* (Luk)—въ красномъ полѣ натянутый лукъ съ стрѣлою, летащею вверхъ. Грб. Венгерскихъ (VII, 53); Голенищевыхъ (VIII, 119); Пискаревыхъ (VI, 144); Хрипуновыхъ (VIII, 135); Чесноковъ (IX, 122).

147. *Любичъ* (Lubicz)—въ голубомъ полѣ серебряная подкова, шипами обращенная внизъ; внутри ея золотой крестъ, который повторяется и на вершинѣ. Есть роды герба *любичъ*, которые удерживаютъ одинъ только крестъ. Въ нашлемникѣ три строусовыхъ пера (табл. XXI. рис. 10). Начало этого герба относятъ къ XII столѣтію и къ нему приписано въ Польшѣ всего болѣе родовъ.—У насъ см. гербы: Байковыхъ (II, 124); Бакуринскихъ (IX, 26); Батюшковыхъ (IV, 93); Бахтиныхъ (II, 95); Воровица (IV, 114); Грушецкихъ (II, 85); Жуковыхъ (VI, 25); Лавровыхъ (V, 87); Олешевыхъ (II, 112); Палибиныхъ (IV, 104); Столыпиныхъ (X, 31); Ходневыхъ (IV, 91) Хомяковыхъ (VI, 22); Хрущовыхъ (II, 111); Чемодуровыхъ (X, 116) и др.

148. *Любньва*, см. *Тржаска*.

149. *Ляцкій* (Lacki), по описанію Нѣсецкаго (Kor. Pols. III, 6),—въ красномъ полѣ обращенный вправо бѣлый грифъ съ змѣинымъ хвостомъ, цвѣта чернаго, покрытымъ чешуею и завернутымъ наподобіе 8; на кон-

цѣ хвоста остріе стрѣлы, обернутой къ кресту, находящемуся между головою и крыльями животнаго (табл. XXI. рис. 11). У Окольскаго (II, 17) гербомъ Ляцкихъ показанъ просто грифъ, обращенный влѣво. Родъ Ляцкихъ, одного корня съ Шереметьевыми, перешелъ въ Польшу, почему и получилъ это прозваніе.—Ср. *Трахъ*.

150. *Машковскій* (Maszkowski)—солнце въ полномъ сіяніи (табл. XVI). Это гербъ древняго Подольскаго воеводства. Грб. Мазаракіевъ (VIII, 129); Херасковыхъ (II, 134); Щербачевыхъ (II, 97); Беклемишевыхъ (IV, 36); Бороздиновъ (IX, 57).

151. *Микулинскій* (Mikuliński)—въ голубомъ полѣ одна на другую положенныя три буквы M, означенныя золотомъ или серебромъ, а на верхней изъ нихъ водруженъ крестъ. На шлемѣ пять строусовыхъ перьевъ (табл. XXI. рис. 12). Ср. гербъ Масальскій (см. выше, стр. 374, прим. 2).—Описанное знамя принадлежало Русскимъ Князьямъ Микулинскимъ, бывшимъ въ Литвѣ.—Ср. гербъ Микулиныхъ (VII, 40).

152. *Могила* (Mohyła) есть въ бѣломъ полѣ черная буйволова голова, держащая во рту кольцо съ двумя внутри его саблями, которыхъ концы перекрещены. Между роговъ животнаго видна шестиугольная звѣзда, съ правой стороны головы черная луна, а съ лѣвой иногда прибавляется солнце (табл. XXI. рис. 13). Гербъ этотъ перешелъ въ Польшу изъ Молдавіи, гдѣ принадлежалъ роду правителей этой страны, пока она не подпала подъ власть Турціи. Въ знакъ Турецкаго господства и была прибавлена луна къ основному типу. Въ Польшѣ родъ Могиловъ пользовался большимъ почетомъ и большими государственными преимуществами. У насъ это знамя принадлежитъ родамъ, выѣхавшимъ изъ Молдавіи (см. ниже).

153. *Мондростки* (Mądrostki)—въ красномъ полѣ бѣлая ручка отъ котла, отверстіемъ обращенная вверхъ, и въ нее вставлена стрѣла съ широкимъ наконечникомъ (въ родѣ стропила), перекрещенная ефесомъ отъ шпаги; на шлемѣ три строусовыхъ пера (табл. XXI. рис. 14).— Ср. *Новина, Невлинъ*.

154. *Мора* (Mora)—въ красномъ полѣ человѣчья голова цвѣта чернаго, лицемъ обращенная вправо. На головѣ у него бѣлая повязка. Въ Польшѣ гербъ этотъ употребляется съ половины XI столѣтія.

155. *Мсцишевскій*, см. *Сасъ*.

156. *Мурделіо* (Murdelio)—въ красномъ полѣ полумѣсяцъ, цвѣта золотаго, рогами обращенный вверхъ. Надъ нимъ золотой же крестъ, а подъ луною шестиугольная звѣзда. Въ нашлемникѣ стоитъ до половины выходящій грифъ съ расправленными когтями, поднятыми крыльями и высунутымъ языкомъ (табл. XXI. рис. 15). — Ср. *Шелига*. Родомъ Мурделіевъ былъ гербъ этотъ перенесенъ изъ Кроаціи, въ правленіе Владислава Короля Польскаго и Венгерскаго.

157. *Мурржа*, см. *Домброва*.

158. *Мѣсяцъ-Затаеный* (Miesiąc zataiony)—въ голубомъ полѣ серебряная подкова, шипами обращенная вверхъ, въ срединѣ ея золотая звѣзда, а надъ нею полумѣсяцъ, рогами обращенный вверхъ. — Ср. грб. Хотяинцовыхъ (IV, 34).

159. *Набрамъ, Вальдерфъ* (Nabram, Waldorff)—три полосы черныхъ съ тремя бѣлыми попеременно, по разсѣкающей линіи. На шлемѣ три строусовыхъ пера.—Ср. грб. *Корчакъ;* Соколовыхъ (VII, 121); Черкасовыхъ (VII, 106).

160. *Наленчъ* (Nałęcz)—въ красномъ полѣ бѣлая голов-

ная повязка, образующая концами своими Андреевскій крестъ; надъ шлемомъ видно два оленьихъ рога, между которыми три строусовыхъ пера, пробитыхъ стрѣлою (табл. XXIV. рис. 16). Гербъ этотъ принадлежалъ первоначально потомству Польскаго Князя Попеля, которое переселилось въ Померанію и называлось Герцогами Столпенскими. У нѣкоторыхъ родовъ гербъ этотъ отличается тѣмъ, что между оленьими рогами въ нашлемникѣ стоитъ дѣвица съ повязкою на головѣ и держитъ рога руками. Это гербъ Гр. *Остророговъ*.—Наленчъ, положенный вверхъ концами, по срединѣ со звѣздою, и со крестомъ на вершинѣ образуетъ гербъ *Здзитовецкій* (1). Грб. Вишневскихъ (V, 125); Подольскихъ (VIII, 89); Рачинскихъ (VI, 107); Тыкоцкихъ (V, 128).

161. *Настенкъ*, см. *Рудница*.

162. *Невлинъ* (Newlin)—въ голубомъ полѣ летящая вверхъ золотая стрѣла съ положеннымъ поперегъ ея внизу креста брускомъ съ концами, какъ у бердыша: съ обѣихъ ея сторонъ по шестиугольной звѣздѣ. Шлемъ увѣнчанъ золотою короною, надъ которою черное крыло, пробитое стрѣлою вправо (табл. XXIV. рис. 17). Гербъ этотъ упоминается въ XVI столѣтіи.

163. *Нечуя* или *Остржевъ* (Nieczuja, Ostrzew)—въ красномъ полѣ срубленный пень съ пятью сучьями: съ правой стороны тремя, и съ лѣвой двумя. Къ этой фигурѣ Болеславъ Кривоустый прибавилъ крестъ, который стоитъ на отрубѣ. Та же фигура и въ нашлемникѣ между двумя орлиными крыльями (табл. XXIV. рис. 18). Этотъ гербъ перенесенъ въ Богемію.

164. *Новина*, *Войня*, *Златоголенчикъ* (Nowina, Wojnia, Złotogoleńczyk)—въ голубомъ полѣ лодка (naw,

(1) Kor. Pols. IV. 723.

или по объясненію другихъ ручка отъ котла, цвѣта бѣлаго, изгибомъ внизъ, съ воткнутымъ въ средину ея серебрянымъ съ золотою рукоятью мечемъ; надъ шлемомъ и короною видна согнутая въ колѣнѣ нога въ латахъ и со шпорою, ступнею обращенная влѣво (табл. XXIV. рис. 19). Повѣствуютъ, что въ 1121 году гербъ этотъ пожалованъ Королемъ Болеславомъ Кривоустымъ одному ротмистру (отецъ котораго былъ мѣльникомъ) за то, что въ войнѣ съ Русскими онъ вмѣсто раненной подъ Королемъ лошади съ опасностью жизни досталъ ему новую. Затѣмъ, когда онъ попалъ въ плѣнъ и былъ закованъ въ одну съ Болеславомъ колоду, онъ, чтобы развязать узы, не пожалѣлъ своей ноги, отсѣкъ ее себѣ и такимъ образомъ освободилъ Короля. Этими событіями объясняютъ разныя названія Новины. Грб. Воздѣевыхъ (IV, 52); Шупиновскихъ (IV, 132).

165. *Новицкій* (Nowicki) или *Осеки* (Oseki) — въ голубомъ полѣ три крюка, сложенныхъ въ видѣ буквы Y; у верхнихъ крюковъ остріе вправо, а у нижняго влѣво. Между крюками три серебряныхъ шестиугольныхъ звѣзды. Таже фигура и въ нашлемникѣ изъ трехъ строусовыхъ перьевъ (табл. XXIV. рис. 20). — Грб. Новицкихъ (X, 97).

166. *Новосель* (Nowosiel) — въ красномъ полѣ бѣлая повязка, положенная въ кружокъ, съ скрещенными концами (см. *Наленчъ*); надъ нею положена стрѣла, остріемъ вверхъ (табл. XXI. рис. 16). Гербъ этотъ употреблялся на Волыни. — Грб. Новосельцовыхъ (VIII, 11).

167. *Незгода* (Niezgoda) — въ голубомъ полѣ подкова, обращенная шипами къ подошвѣ щита; подъ нею стрѣла, летящая внизъ, а на подкову по срединѣ ея положенъ мечъ рукоятью вправо, остріемъ влѣво. Нашлемникъ изъ павлиныхъ перьевъ (табл. XXI. рис. 17). — Ср. *Доленга*.

168. *Нѣсобѣ* (Niesobie)—въ красномъ полѣ половина серебряной стрѣлы остріемъ вверхъ, подъ нею черный орлиный хвостъ въ золотомъ полѣ (табл. XXI. рис. 18). Гербъ этотъ изъ Моравіи.

169. *Оброна*, см. *Пржіяцѣль*.

170. *Огинскій* (Ogiński)—въ голубомъ полѣ крѣпостныя ворота или престолъ, цвѣта краснаго; надъ ними крестъ или скипетръ серебряный (табл. XXI. рис. 19). Полный гербъ Кн. Огинскихъ (Табл. XXI. рис. 28) мы заимствуемъ съ Грамматики Мелетія Смотрицкаго, 1619 года.

171. *Огоньчикъ, Повала* (Ogończyk, Powała)—въ красномъ полѣ половина летящей вверхъ серебряной стрѣлы (или якоря), воткнутой въ половину кольца, въ видѣ радуги золотаго (иногда серебрянаго) цвѣта. Надъ короною воздѣты къ небу двѣ женскія по-плечо руки (табл. XXIV. рис. 21). Гербъ этотъ перешелъ въ Польшу изъ Моравіи и начало его, равно какъ названіе и фигура, объясняются такъ: около 1100 году, во время непріятельскаго нашествія на Моравію, была окружена въ своемъ домѣ и взята въ плѣнъ благородная дѣвица герба Одровонжъ. Отъ несчастія ее спасъ Петръ Радзиковъ въ то время, какъ она, простерши руки къ небу, молила о помощи. Въ награду за подвигъ, дѣвица, давъ своему избавителю половину кольца, обѣщала выйдти за него замужъ, что̀ дѣйствительно и исполнила. Сынъ Петра Радзикова назывался *Огонь*, отъ чего и гербъ его сталъ именоваться *огоньчикомъ*. Изъ огоньчика и положенной подъ нимъ лелівы составленъ гербъ Кн. Острожскихъ (1). Огоньчикъ есть въ гербѣ Изводьскихъ (IX, 18); Огоньдогоновскихъ (IV, 122); Сырышевыхъ (VIII, 59).

(1) Kor. Pols. III. 509.

172. *Одровонжъ* (Odrowiąz)—въ красномъ полѣ серебряная стрѣла, вылетающая изъ лука съ оторванною тетивою. (Въ нѣкоторыхъ гербахъ она вылетаетъ изъ подковы). Таже фигура вкось видна и на павлиныхъ перьяхъ въ нашлемникѣ (табл. XXIV. рис. 22). Гербъ этотъ въ X столѣтіи перенесенъ изъ Моравіи. См. Гб. Гасвицкихъ (VII, 112); Дурасовыхъ (VI. 18); Шишевскихъ (IX, 79).

173. *Одынецъ* (Odyniec)—въ голубомъ полѣ серебряная стрѣла, летящая вверхъ. Нижній конецъ у нея заломанъ вправо, а въ срединѣ она перекрещена брускомъ или эфесомъ отъ шпаги. На шлемѣ поставлено пять страусовыхъ перьевъ. Названіе этого знамени, употреблявшагося издавна въ Червонной Руси, объясняется пожалованіемъ его витязю, отличавшемуся тѣлесною силою до того, что онъ *одинъ* выходилъ на бои съ врагами. —См. Гб. Березовскихъ (V, 110); Одинцовыхъ (II, 100).

174. *Окунь*, см. *Донброва*.

175. *Окша*, см. *Братчицъ*.

176. *Олива* (Oliwa)—въ зеленомъ полѣ бѣлая, вырванная съ корнемъ лилія, надъ нею двѣ розы. Надъ шлемомъ обращенный вправо коронованный левъ (табл. XXIV. рис. 23). Гербъ этотъ въ XIII в. перенесенъ изъ Пруссіи. См. Гб. грб. Воронцовыхъ (I, 28).

177. *Ольшевскій* (Olszewski)—между двумя скобами сабля, обращенная остроконечіемъ вверхъ, и положенная такъ, что вся фигура, вмѣстѣ взятая, образуетъ букву N. Гб. Олешевыхъ (II. 112).

178. *Орда*, см. *Остоя*.

179. *Орля*, см. *Шашоръ*.

180. *Осорія, Старжа, Посвистъ* (Osoria, Starza, Poswist)—въ красномъ полѣ золотое отъ телѣги колесо; сверху на немъ сломанъ ободъ и въ томъ мѣстѣ водру-

женъ крестъ или мечь; на шлемѣ три строусовыхъ пера. (табл. XXI. рис. 21.). Древность этого знамени доказывается самымъ его названіемъ *Старжа*.—См. грб. Бѣклановскихъ (III, 36).

181. **Осморогъ, Геральтъ* (Osmorog, Gieralt) есть въ красномъ полѣ серебряный крестъ съ раздвоенными концами, такъ что онъ объ осьми углахъ, а въ раздѣленіи концовъ положено по шару. Надъ короною сидитъ тетеревъ, какъ бы сбирающійся летѣть (табл. XXIV. рис. 24.). Названіе этого герба—крестъ объ осьми концахъ (osmorog) объясняется тѣмъ, что воинъ, по имени Геральтъ, имѣвшій первоначально въ гербѣ своемъ птицу, въ возмездіе за проповѣдь христіанства язычникамъ пожалованъ отъ Папы крестомъ; а первоначальный его гербъ помѣщенъ въ нашлемникѣ.

182. *Остоя* (Ostoia)—въ красномъ полѣ два золотыхъ полумѣсяца, обращенныхъ рогами одинъ влѣво, другой вправо; между ними мечь, котораго ручка имѣетъ видъ креста. Надъ шлемомъ три строусовыхъ пера (табл. XXI. рис. 22.). Гербъ этотъ въ 1069 году Королемъ Болеславомъ Смѣлымъ пожалованъ одному витязю *Остою* за его мужество. Когда вмѣсто меча сверху и снизу полумѣсяцевъ полагается по звѣздѣ, то гербъ называется *Орда* (1). См. гербы Алѣевыхъ (VII, 31); Батюшковыхъ (IV, 92); Безбородко (I, 29; II, 12); Богаевскихъ (X, 111); Домогацкихъ (X, 69); Кочубеевъ (IV, 13); Луонныхъ (IV, 49); Миклашевскихъ (III, 105); Пашковыхъ (VII, 20); Сафоновыхъ (III, 92); Шешковскихъ (I, 115); Шишкиныхъ (III, 43); Шишковыхъ (III, 75).

183. *Остржеевъ*, см. *Нечуя*.

---

(1) Kor. Pols III, 478.

184. *Оськи*, см. *Новицкій*.

185. *Папарона*, *Будзичъ* (Paparona, Budzicz)—бѣлый лебедь, сидящій на глыбѣ зеленой земли въ голубомъ полѣ; на шлемѣ пять строусовыхъ перьевъ (табл. XXI. рис. 23). Начало этой эмблеммы восходитъ, какъ говорятъ, до Капитолійскихъ гусей, спасшихъ Римъ во время осады его Галлами. Въ XIV столѣтіи этотъ гербъ принесенъ въ Польшу Итальянцемъ Мамфіолемъ и сообщенъ многимъ фамиліамъ. (Ср. *Лабендзь*).

186.* *Папржица*, см. *Кушаба*.

187. *Пелешь* (Pielesz)—въ красномъ полѣ два меча, положенныхъ на подобіе Андреевскаго креста такъ, что рукоятками они обращены внизъ, а остріями вверхъ. На шлемѣ три строусовыхъ пера (табл. XXI. рис. 24.). Счастливо оконченный поединокъ на войнѣ далъ право побѣдителю на такое знамя. Эта эмблемма встрѣчается очень часто въ нашихъ гербахъ, во свидѣтельство мужества тѣхъ, кому она усвоена. Для примѣра указываемъ на гербы Жилинскихъ (VII, 142); Иванчевыхъ (VI, 80); Кузовлевыхъ (X, 104); Малышевыхъ (V, 109); Суковкиныхъ (VII, 143); Юрьевыхъ (I, 74); Хатровыхъ (I, 57); Череповыхъ (IX, 69) и мн. др.

188. *Пеликанъ* (Pelikan)—въ красномъ полѣ обращенный влѣво пеликанъ, кормящій грудью своихъ птенцовъ. На шлемѣ пять строусовыхъ перьевъ.—См. грб. Хоненевыхъ (VI, 28); Хорватовъ (VI, 150); Шираевъ (IX, 125).

189. *Пельжгримъ*, см. *Правдзичь*, *Правда*.

190. *Перштенъ*, см. *Венява*.

191.* *Пержхала*, *Рохъ*, *Колюмна* (Pierzchała, Roch, Kolumna)—въ серебряномъ полѣ черная башня съ широкимъ основаніемъ и такимъ же вверху карнизомъ, на ко-

торомъ обозначено пять зубцовъ на подобіе башни въ шахматной игрѣ. На шлемѣ пять строусовыхъ перьевъ (табл. XXI. рис. 25). Играя въ шахматы съ Мазовецкимъ Княземъ пріобрѣлъ этотъ гербъ нѣкто Першкала въ XIV столѣтіи.—См. грб. Апушкиныхъ (IX, 36); Пыжевыхъ (IX, 93).

192. *Пилява* (Pilawa)—въ голубомъ полѣ два бѣлыхъ креста и половина третьяго съ лѣвоій только стороны (табл. XXI. рис. 26.). За подвиги противъ Пруссаковъ преимущественно при городѣ Пилявѣ былъ гербъ этотъ пожалованъ витязю Зирославу Королемъ Польскимъ Болеславомъ Кудрявымъ. Если гербъ Пилява поставленъ на обращенную шипами внизъ подкову въ голубомъ полѣ, то все знамя получаетъ названіе *Пухалы* (Puchała).

193. *Пломенчикъ*, см. *Задора*.

194. *Пнейня* (Pniejnia)—въ красномъ полѣ двѣ медвѣжьи лапы, ухватившіяся за шаръ, въ родѣ яблока, чрезъ который остріемъ вверхъ проходитъ стрѣла. На шлемѣ коршунье крыло, пробятое стрѣлою влѣво (табл. XXIV. рис. 25.).—Ср. грб. Вояларскихъ (IV, 125).

195.**Побогъ, Пободзе* (Pobog, Pobodze)—въ красномъ полѣ обращенная шипами внизъ серебряная подкова, на вершинѣ которой утвержденъ золотоій крестъ. Въ нашлемникѣ видна выходящая охотничья собака въ ошейникѣ (табл. XXV рис. 1,). Гербъ этотъ извѣстенъ съ XI-го столѣтія. См. гб. Глѣбовыхъ-Стрешневыхъ (VII, 9); Малиновскихъ (IV, 111); Мухановыхъ (II, 88); Стрешневыхъ (II, 61).

196. *Повала* см. *Огоньчикъ*.

197. *Павенза* (Pawęza) состоитъ изъ трехъ мечей, пронзающихъ остріями положенный въ красномъ полѣ шаръ. Рукоятки ихъ, имѣющіе видъ крестовъ, расхо-

дятся въ три стороны. Между двумя верхними мечами виденъ крестъ. На шлемѣ пять строусовыхъ перьевъ (табл. XXI. рис. 27).—Ср. *Гербуртъ.*

198. *Погоня.* Виды и исторія ея описаны выше на стр. 389. Какъ *Погони* видъ первый почти всегда служитъ признакомъ происхожденія отъ Княжескаго Литовскаго дома, такъ прочіе виды *Погони*, особенно рука съ обнаженнымъ мечемъ (табл. XXV. рис. 2) встрѣчаются очень часто въ нашихъ гербахъ, и давы въ знакъ храбрости и отваги. Приводя гербы, гдѣ помѣщены оба вида *Погони*, мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать общее замѣчаніе, что первый ея видъ нерѣдко сополагается съ башнею, по формѣ своей Литовскою, о трехъ зубцахъ, эмблеммою владѣнія, и иногда даже съ бѣлымъ Польскимъ Орломъ, какъ это было уже подробно изложено въ главѣ о гербахъ Княжескихъ родовъ, происшедшихъ отъ Гедимина. Четвертый видъ *Погони*, т. е выходящая изъ облаковъ рука встрѣчается въ гербахъ нашихъ такъ часто, что мы отказываемся приводить всѣ гербы съ этимъ знаменемъ. Грб. Авдуловыхъ (IX, 62); Балакиревыхъ (IX, 28); Башмаковыхъ (V, 106); Бекетовыхъ (IV, 84); Болотниковыхъ (IX, 14); Бѣлкиныхъ (V, 21); Вельяминовыхъ-Зерновыхъ (IV, 26); Волжинскихъ (VII, 101); Вязмитиновыхъ (X, 6); Головкиныхъ (I, 16); Долгово-Сабуровыхъ (VII, 75); Дублянскихъ (X, 116); Елчаниновыхъ (IV, 44); Захарьевыхъ (IX, 33); Зловыхъ (IX, 41); Зубовыхъ (VI, 4); Кологривовыхъ (IV, 23); Кормилицыныхъ (VIII, 126); Котлубицкихъ (V, 132); Кузьминыхъ—Короваевыхъ (IV, 57); Кульневыхъ (VIII, 123); Купреяновыхъ (X, 33); Маховыхъ (X, 71); Мусиныхъ-Пушкиныхъ (I, 17); Мякининыхъ (IV, 29); Обольяниновыхъ (IV, 61); Ошаниныхъ (IV, 41); Плещеевыхъ (I, 44); Плюсковыхъ (VII, 19); Потемкиныхъ (I, 26. II, 66);

Пушкаревыхъ (IX, 53); Ратковыхъ (IV, 77); Ромодановскихъ (IV, 5); Ростопчиныхъ (IV, 12); Рышковыхъ (IX, 121); Свиньиныхъ (II, 56); Собакиныхъ (III, 12); Стасовыхъ (IV, 129); Стерлиговыхъ (X, 47); Сухотиныхъ (IV, 72); Сушковыхъ(II, 73); Телепневыхъ (V, 111); Тухачевыхъ (VII, 10); Тютчевыхъ (IX, 60); Хлюковыхъ (IV, 4); Череповыхъ (IX, 69); Черторижскихъ (IX, 82); Чуфаровскихъ ((IX, 46); Шафровыхъ (IX, 11), и мн. др.

199. *Позняк* (Pozniak)—въ красномъ полѣ мужъ въ латахъ, пробитый чрезъ перси летящею влѣво стрѣлою. На шлемѣ три строусовыхъ пера (табл. XXI. рис. 29). —См. грб. Позняковъ (VI, 155).

200. *Покора* (Pokora)—въ голубомъ полѣ лошадиная подкова, шипами обращенная внизъ, поперекъ ея положенъ ключь, бородка котораго имѣетъ видъ креста (табл. XXI. рис. 30.). Начало этого герба относятъ ко времени Короля Владислава Германа.

201.*Помянъ* (Pomian)—въ голубомъ полѣ чернаго цвѣта голова зубра, проткнутая между глазами мечемъ отъ праваго угла къ лѣвому. Надъ шлемомъ видна закованная въ латы рука, держащая обнаженный мечь (табл. XXII. рис. 1.). Начало герба къ относитъ XIII столѣтію. —См. грб. Кармилицыныхъ (VIII, 126); Малявокъ (IX, 117); Соколовскихъ (V, 114); Юреневыхъ (III, 15).

202.*Порай*, см. *Ружа*.

203. *Посвистъ*, см. *Осорія*.

204. *Поцѣй*, *Вага* (Pociey, Waga)—въ голубомъ полѣ обращенный рогами внизъ полумѣсяцъ, въ него утвержденъ крестъ, котораго продолженіе, расходясь къ низу, въ концахъ загнуто къ верху подъ угломъ. Концы этихъ линій соединены между собою пересѣкающею ихъ поперечною чертою. Внизу же въ пространствѣ, остающем-

ся между означенными линіями, помѣщается Корчакъ (табл. XXII. рис. 2.). Гербъ этотъ получилъ названіе отъ извѣстной фамиліи Поцеевъ, которой онъ принадлежалъ.

205. *Правдзицъ*, *Правда* (Prawdzic, Prawda)—въ голубомъ полѣ выходящій изъ стѣны левъ, обращенный влѣво. Въ переднихъ лапахъ онъ держитъ желѣзный кругъ или шаръ. Таже фигура видна на шлемѣ (таблица XXV. рис. 3.). Въ Польшѣ гербъ этотъ былъ извѣстенъ съ XIV столѣтія. Въ гб. *Пельжгримъ* выходящій изъ-за стѣны левъ обращенъ вправо и безъ кольца.—Грб. Елагиныхъ (I, 46); Зеленцовыхъ (IX, 159); Лутовиновыхъ (VIII, 20); Нелидовыхъ (I, 48); Презентовъ (IV, 141); Рохмановыхъ (V, 63); Гр. Сологубовъ; Хрущовыхъ (II, 111); Шубиныхъ (VIII, 99).

206. *Пржегоня* (Przegonia)—въ красномъ полѣ мечь, поставленный между двумя полумѣсяцами, обращенными одинъ въ правую, другой въ лѣвую стороны. Въ нашлемникѣ драконъ, у котораго изъ пасти выходитъ пламя, а на пламени видна таже фигура (табл. XXV. рис. 4.).—Ср. *Остоя*. Драконъ прибавленъ къ ней въ XIII столѣтіи въ гербѣ одного храбраго мужа Пржегоня, въ память его отваги.

207. *Пржерова* (Przerowa)—въ красномъ полѣ военное знамя, употреблявшееся Польскою конницею. Древко наклонено влѣво, на половинѣ сломано, а самое знама распущено и обвилось концемъ вокругъ древка (табл. XXII. рис. 3.). Думаютъ, что гербъ этотъ былъ данъ Королемъ Болеславомъ Кривоустымъ храброму воину Мирославу въ память подвиговъ его въ войнѣ Польши съ Нѣмецкимъ Императоромъ въ 1109 году.—См. грб. Дубянскихъ (X, 116).

208. *Пржестржалъ* (Przestrzal)—въ красномъ полѣ мечь, пробитый стрѣлою, летащею въ правый верхній уголъ.—См. грб. Сумароцкихъ (X, 37).

209. *Пржіяцъль, Аксакъ, Кара* и *Оброна* (Przyjaciel, Aksak, Kara, Obrona)—въ голубомъ полѣ на блюдѣ красное сердце, пронженное или одною стрѣлою или крестообразно двумя стрѣлами. На шлемѣ пять строусовыхъ перьевъ (табл. XXII. рис. 4). Иногда сердце бываетъ безъ блюда. Начало герба съ XII столѣтія.—См. гербы: Аксаковыхъ (IV, 19); Анненковыхъ (I, 54); Бакуринскихъ (IX, 26); Бекорюковыхъ (VI, 24); Гордѣевыхъ (VII, 61); Денисьевыхъ (IV, 136); Гр. Зотовыхъ (VIII, 3); Ивашечкиныхъ (VI, 80); Кандибовыхъ (IV, 133); Лужиныхъ (VIII, 98); Палицыныхъ (IX, 88); Родзяноковъ (*на Аксакъ Прусъ*, VI, 141); Сахаровыхъ (IV, 78); Сушковыхъ (II, 73); Юра совыхъ (VI, 63).

210. *Прусъ* (Prus) раздѣляется на нѣсколько видовъ: въ первомъ видѣ (Prus primo, Turzyma) представленъ въ красномъ полѣ бѣлаго цвѣта осьмиконечный крестъ, у котораго одного кончика недостаетъ, а въ нашлемникѣ видна закованная въ латы рука съ поднятымъ мечемъ (табл. XXII. рис. 5.). Названіе этого знамени и начало его объясняютъ прибытіемъ въ Польшу въ концѣ X столѣтія трехъ Прусскихъ Князей, искавшихъ спасенія отъ Меченосцевъ. Гербъ этихъ Прусаковъ (Prus) впослѣдствіи перешелъ ко многимъ Польскимъ фамиліямъ. Видъ второй *Пруса* (Prus Secundo, Wilcze-kosy) состоитъ изъ двухъ серебряныхъ косъ, положенныхъ въ красномъ полѣ такъ, что онѣ обращены къ верху острыми концами и образуютъ как Андреевскій крестъ, а нижніе концы связаны золотою ниткою, отъ которой виденъ одинъ только конецъ. На точкѣ соединенія косъ поставленъ вер-

вый видъ Пруса (табл. XXII. рис. 6). Нашлемникъ такой-же. Начало этой эмблемы относятъ къ половинѣ XI столѣтія, къ правленію Короля Казиміра. Третій видъ (Prus tertio, Prus Nagody): это сложенныя вмѣстѣ отверстымъ къ низу полукругомъ коса и пол-подковы, такъ что коса занимаетъ правую, а подкова лѣвую половину фигуры. На точкѣ ихъ соединенія виденъ полуторный крестъ. Въ нашлемникѣ нога въ латахъ и со шпорою, согнутая въ колѣнѣ (табл. XXV. рис. 5). Что касается до цвѣта поля въ послѣднемъ гербѣ, то оно или все красное, или же коса и крестъ въ красномъ полѣ, а половина подковы въ голубомъ. У насъ гербы: Корвицкихъ (VI, 112); Озеровыхъ (III, 40); Опочининыхъ (IV, 82 коса и подкова отдѣлены и положены въ разныхъ четвертяхъ щита; см. стр. 408); Родзянокъ (VI, 141).

211. *Пухала*, см. *Пилява*.

212. *Пэлня*, см. *Корибутъ*.

213.* *Равичъ*, *Рава* (Rawicz, Rawa)—въ золотомъ полѣ идущій вправо медвѣдь; на немъ сидитъ дѣвица впрямь, одѣтая въ Царскую корону и держащая руки распростертыми на подобіе креста. Надъ шлемомъ и короною два оленьихъ рога, между ними виденъ стоящій на заднихъ лапахъ, выходящій до половины черный медвѣдь; изъ переднихъ лапъ его одна опущена, а другою онъ держитъ розу, которую нюхаетъ (табл. XXV. рис. 6.). Что касается до происхожденія этого знамени, то одни историки производятъ его изъ Англіи и объясняютъ тѣмъ, что одинъ Англійскій Король, оставивъ послѣ своей смерти сына и дочь, первому завѣщалъ свое недвижимое имѣніе, а второй движимое имущество. Приближенные къ новому Королю люди посовѣтовали ему убить свою сестру, чтобы она не вывезла за границу отцовскаго наслѣдія.

Въ предупрежденіе этого рѣшились отдать дѣвушку на съѣденіе медвѣдямъ; но когда она была посажена въ медвѣжью берлогу, то не только медвѣдь ей ничего не сдѣлалъ, напротивъ она обуздала его своимъ поясомъ и выѣхала на немъ. Братъ, видя такое диво, выдалъ ее за Лотарингскаго Князя, и описанный гербъ въ память такого событія былъ усвоенъ ея сыновьямъ, потомками которыхъ онъ перенесенъ въ Богемію, а оттуда въ Польшу. Длугошъ въ своей хроникѣ подъ 1100 годомъ пишетъ, что Лаврентій Лорекъ, прозванный Божеемъ, изъ рода Равитовъ, оскорбленный Вретиславомъ, Княземъ Богемскимъ, убилъ его и затѣмъ переселился въ Польшу къ Болеславу Кривоустому, отъ котораго получилъ помѣстья въ Равскомъ воеводствѣ. У насъ см. гербы: Дембинскихъ (IX, 22); Заборовскихъ (II, 69); грб. Завадовскихъ (I, 31); Кронотовыхъ (VI, 32); Мельгуновыхъ (I, 65, происходящихъ отъ Минигайла, Кастеляна Виленскаго, который въ 1400 году при соединеніи Литвы съ Польшею причисленъ къ гербу Рава); Оленинымъ (I, 72); Олешевыхъ (II, 112).

214. *Радванъ, Вирбъ* (Radwan, Wirb)—въ красномъ полѣ церковная хоругвь съ тремя концами цвѣта золотаго. По срединѣ ея верхняго края помѣщается крестъ или конецъ стрѣлы. Объясненіе начала этого герба и значеніе фигуры приведены выше на стр. 339 въ числѣ справокъ посольскаго приказа.—См. грб. Нѣмцовыхъ (II, 76); Паскевичей (X, 3, 14); Пашковыхъ (VIII, 21); Якушкиныхъ (IV. 42).

215. *Радзицъ* (Radzic) въ красномъ полѣ морской якорь на двухъ лапахъ. Стержень его обращенъ къ верху и по бокамъ его двѣ звѣзды (табл. XXII. рис. 8.). Гербъ этотъ, по мнѣнію Польскихъ геральдиковъ, перенесенъ

въ Польшу изъ Германіи въ началѣ XIV столѣтія, и, какъ показываетъ его фигура, былъ пожалованъ лицу, отличившемуся въ морской битвѣ.—См. грб. Башмаковыхъ (X, 38); Бутримовыхъ (VIII, 24); Гордѣевыхъ (VII, 61); Иселеньевыхъ (IV, 20); Кашкиныхъ (I. 58); Кокошкиныхъ (X, 74); Коптевыхъ (X. 84).

216. *Рамультъ* (Ramult) состоитъ изъ пяти бѣлыхъ розъ, крестообразно въ красномъ полѣ расположенныхъ. Нашлемникъ изъ павлиныхъ перьевъ (табл. XXII. рис. 9) Думаютъ, что это знамя принесено изъ Франціи въ Польшу въ XII вѣкѣ.

217. *Ратультъ* (Ratult)—въ красномъ полѣ половина золотаго кольца, отверстіемъ обращеннаго вверхъ, и въ это углубленіе всаженъ высокій и широкій крестъ (табл. XXII. рис. 10.) Ср. *Шелига*. Начало этого знамени относятъ къ концу XIII столѣтія.

218. *Ровня* (Rownia)—въ красномъ полѣ три обнаженныхъ меча, упирающіеся остріями въ одну точку луны и расходящіеся рукоятками, между которыми помѣщены двѣ шестиугольныя звѣзды. Нашлемникъ состоитъ изъ павлинаго хвоста (табл. XXII. рис. 11.). Гербъ этотъ производятъ одни изъ Германіи, другіе изъ Венгріи. У насъ во многихъ гербахъ луну пронжаетъ иногда одинъ мечь, иногда ихъ два, иногда мечь накрестъ съ ружьемъ. Грб. Андреяновыхъ (VIII, 63); Курсаковыхъ (V, 73); Мининыхъ (V, 40); Осоргиныхъ (V, 43); Радиловыхъ (VIII, 73).

219. *Рогаля* (Rogala). Въ этомъ гербѣ щитъ разсѣченъ на двѣ половины: правая цвѣта серебрянаго, а лѣвая краснаго. Въ первомъ изображается красный олецій рогъ съ пятью (иногда четырьмя) вѣтвями вправо, а во второмъ турій сѣрый. Тѣже рога и того же цвѣта по.

вторяются въ нашлемникѣ, но въ обратномъ положеніи, т. е. турій—справа а оленій — слѣва. Иногда между ними изображается летящій вправо воронъ (табл. XXV. рис. 7). Гербъ этотъ выводятъ изъ Германіи въ XII столѣтіи, хотя впрочемъ, судя по названію, должно бы признать эмблему эту Славянскою.

220. *Розинецъ*, *Разинецъ* (Roziniec, Raziniec)—въ голубомъ полѣ подкова, шипами обращенная внизъ, на вершинѣ ея крестъ, на которомъ сидитъ смотрящій въ право воронъ съ поднятыми крыльями. Въ клювѣ у него перстень. Наконецъ въ углахъ, образуемыхъ шипами подковы, помѣщаются двѣ серебряныя стрѣлы, изъ которыхъ одна остріемъ вверхъ, другая внизъ. Въ нашлемникѣ такой же воронъ съ перстнемъ (табл. XXV. рисунокъ 8).—Ср. *Слѣповронъ*. Полагаютъ, что вонну герба Слѣповронъ были прибавлены стрѣлы за особыя доблести на полѣ войны.

221.**Роля* (Rola)—въ красномъ полѣ бѣлая роза, въ которую тупыми концами упираются три сошника, остріями обращенные къ стѣнкамъ щита. На шлемѣ пять строусовыхъ перьевъ. Начало этого герба относятъ къ XI столѣтію.—См. грб. Артюховыхъ (IV, 131); Булашевичей (X, 65); Камсискихъ (VI, 137).

222. *Рохъ*. см. Першхала.

223. *Рубежъ* (Rubiesz) состоитъ изъ трехъ полосъ или дорогъ, границъ, постепенно укорачивающихся къ-низу, на верхней полосѣ находится стрѣла съ двумя остріями, одно подъ другимъ расположенными, на подобіе двухъ соединенныхъ между собою стропилъ (табл. XXII рис. 13). —Ср. *Корчакъ*. Грб. Рубцовыхъ (IX, 39).

224. *Рудница*, *Настенпъ* (Rudnica, Następ) состоитъ изъ обращенной шипами внизъ подковы, подъ которою

видна летящая вверхъ стрѣла. Поле въ этомъ гербѣ разсѣчено на двѣ части голубую и бѣлую. На шлемѣ три строусовыхъ пера.

225.*Ружа, Порай* (Rôża, Poray)—въ красномъ полѣ бѣлая въ полномъ цвѣту роза. Оная же повторяется надъ короною (табл. XXV. рис. 9).—Ср. *Долива, Олива, Рамультъ, Гучи* или *Житынянъ* (Guczy, Żytynian), состоящій изъ перевязи въ лѣво, и по обѣимъ ея сторонамъ по красной шестилистной розѣ ([1]). Гербъ *Ружа* принесенъ изъ Богеміи Пораемъ въ правленіе Мечислава.—Ср. грб. Бернатцкихъ (VI, III), Римскихъ—Корсаковыхъ (II 52).

226. *Саламандра* (Salamandra). Описаніе этой эмблеммы и ея исторія помѣщены въ справкѣ Посольскаго Приказа на стр. 337 (табл. XXII. рис. 14).

227. *Самсонъ* или *Ватта* (Samson, Walla), въ голубомъ полѣ изображеніе Самсона, раздирающаго пасть льву (табл. XXII. рис. 15).—Грб. Масловыхъ (II, 74; V, 30); Чалѣевыхъ (X, 61).

228. *Сасъ* (Sas)—въ красномъ (рѣже въ голубомъ) полѣ серебряный полумѣсяцъ, рогами обращенный вверхъ и имѣющій на концахъ по золотой шестиугольной звѣздѣ, а изъ средины его летитъ вверхъ стрѣла. Надъ шлемомъ павлинный хвостъ, пробитый стрѣлою въ лѣво (табл.XXV. рис. 10). Гербъ этотъ первоначально употреблялся въ Саксоніи, потомъ въ Венгріи, а съ XIII столѣтія—въ Литвѣ и Польшѣ. Ср. гербы: *Горчинскій* (оборочениый Сасъ) ([2]); *Мсцишевскій* ([3]); *Невлинъ*; *Чудовскій* и *Дашкевичъ* ([4]). У насъ въ гербахъ эта основная фигура

([1]). Kor. Pols. II, 339.
([2]) Тамъ же, II, 179.
([3]) Тамъ же, III, 318.
([4]) Тамъ же, III. 69.

подвергается также многимъ измѣненіямъ.—См. Гб. Аеленовичевъ (IX, 135); Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ (IV, 21—обервутый сасъ съ короною и нашлемникомъ къ самомъ щитѣ); Заплатиныхъ (VII, 97); Перскихъ (III, 90); Цуриковыхъ (II, 87); Яворскихъ (II, 133); Янишскихъ (III, 71).

229. *Свенчицъ* (Swienczyc)—въ голубомъ полѣ осьмиконечный крестъ (табл. XXII. рис. 16). Гербъ этотъ очень древенъ въ Польшѣ, введенъ въ ней первыми католиками и помѣщенъ на щитѣ у Литовской Погони.

230.* *Свинка* (Swinka)—въ красномъ полѣ обращенная въ лѣвую сторону кабанья голова, которой нижнюю часть сломала приставленная къ головѣ человѣчья рука, одѣтая въ голубой рукавъ. Надъ короною видна дѣвица въ зеленомъ платьѣ; она стоитъ, приложивъ обѣ руки къ поясу (табл. XXV. рис. 11.). Начало этого герба относится къ половинѣ X столѣтія.

231. *Слизень* (Slizień)—въ голубомъ полѣ земной шаръ (но безъ пояса, какъ онъ обыкновенно изображается), на шарѣ крестъ. (табл. XXII. рис. 17). Нашлемникъ состоитъ изъ согнутой руки, чрезъ которую проходитъ стрѣла отъ лѣвой стороны къ правой. Первоначально гербъ этотъ принадлежалъ Андрею Радшѣ и изъ Седмиградской земли привесенъ къ Польшу.—Грб. Кологривовыхъ, происшедшихъ отъ этого родоначальника (¹) (IV, 23).

232. *Слѣповронъ* (Slepowron)—въ голубомъ полѣ серебряная подкова, шипами обращенная внизъ; на верхнѣ ея крестъ, на которомъ сидитъ обращенный въ право черный воронъ съ золотымъ въ клювѣ перстнемъ. Тотъ же воронъ съ перстнемъ и въ нашлемникѣ (табл. XXV. рис.

(¹) Бархатная кн. Т. II, стр. 328, 329.

12.). Исторія этой эмблеммы приведена на стр. 340, въ справкѣ Посольскаго Приказа.—Ср. грб. *Гинейлъ, Зеновичъ—Деспотъ, Корвинъ, Косакъ, Разинецъ;* гербы: Булгаковыхъ (IX, 89); Вороновыхъ (IX, 105); Каменевыхъ (VII, 105); Кучецкихъ (IX, 81); Лутовиновыхъ (VIII, 20); Страховыхъ (VII, 29); Шимановскихъ (VIII, 92).

233. *Сокола* (Sokola) состоитъ изъ соединенія головы и переднихъ ногъ вепря и задней части туловища медвѣжьей. На срединѣ полоса краснаго цвѣта. Надъ шлемомъ видна выходящая голова медвѣдя съ передними ногами (табл. XXV. рис. 13). Гербъ этотъ въ половинѣ XIII столѣтія пожалованъ братьямъ Соколамъ отъ Короля Казиміра 1-го въ ознаменованіе мужества, оказаннаго ими на охотѣ, на которой они убили вепря и медвѣдя.

234. * *Солима* (Solima, Sulima) состоитъ изъ щита, разбитаго на двѣ половины; изъ нихъ въ верхней въ золотомъ полѣ видны голова и крылья черваго летащаго орла, а въ нижней красной—три драгоцѣнныхъ четыреугольныхъ камня, расположенныхъ въ видѣ треугольника. На шлемѣ помѣщена половина летащаго орла (табл. XXV. рис. 14). Гербъ этотъ въ 935 году принесенъ въ Польшу изъ Германіи, гдѣ принадлежалъ Графамъ Солимскимъ, владѣвшимъ Браунфельсомъ, Минценбергомъ и Зонневальдомъ. У насъ грб. Бантышъ-Каменскихъ (IV, 138); Гурьевыхъ (II, 109); Саблуковыхъ (I, 80—на груди у орла серебряное сердце).

235. *Солтанъ*, см. *Сырокомля.*

236. *Солтыкъ* (Sołtyk)—въ правую сторону обращенный черный орелъ съ короною на головѣ и поднятыми вверхъ крыльями. Въ правой лапѣ онъ держитъ мечь, на который надѣта Княжеская корона (табл. XXII. рис. 18).—Грб. Салтыковыхъ (VII, 28); Башмаковыхъ (X, 38); Кузми-

ныхъ-Короваевыхъ (IV, 57); Ледницкихъ (VI, 48).—Ср. ниже стр.

237.**Сржениява* (Srżeniawa)—въ красномъ полѣ бѣлая рѣка, ниспадающая по искривленной линіи отъ праваго верхняго къ нижнему лѣвому углу; на верху рѣки стоитъ крестъ. Надъ шлемомъ и короною между двумя трубами, изъ которыхъ на каждой по четыре бубенчика, выходитъ левъ, смотрящій вправъ (табл. XXV. рис. 15). —Ср. *Дружина*. Начало этого герба относятъ къ XI столѣтію, и значеніе эмблеммы объясняютъ побѣдою, одержанною въ правленіе Короля Болеслава Храбраго при рѣкѣ Сржениявѣ. Грб. Гречаниновыхъ (VII, 119); Иcлеменьевыхъ (IV, 20, происходящихъ отъ Горавна, въ Литвѣ же вышедшіе изъ Смоленска Горанны были герба Сржениявы); Менделѣевыхъ (VII, 86); Писаревыхъ (III, 28); Рогозиныхъ (VIII, 80); Чупрасовыхъ (IX, 72); Шатиловыхъ (III, 58); Шафонскихъ (VII, 159).

238.**Старжа, Топоръ* (Starża, Topor)—въ красномъ полѣ топоръ, остріемъ обращенный въ право. Лезвіе у него серебряное, рукоятка золотая. На самомъ желѣзѣ изображена луна съ нѣсколькими кружками. Въ нашлемникѣ такой же топоръ въ наклоненномъ только положеніи (табл. XXV. рис. 16). Самая фигура усвоила этому гербу названіе *Топоръ*; а по древней фамиліи Старжа, которой онъ былъ впервые пожалованъ, дано этой эмблемѣ и другое названіе *Старжа*.—Грб. Калинскихъ (IX, 126); Кармилоцыныхъ (VIII, 126); Краснопольскихъ (VIII, 142). Ловснецкихъ (VII. 146)

239. *Стары-конь* (Stary-koń)—въ красномъ полѣ бѣгущая въ право бѣлая лошадь съ поднятымъ хвостомъ, золотыми подковами и перепоясанная по животу черною подпругою. Надъ шлемомъ и короною такой же топоръ,

какъ въ предъидущемъ гербѣ (табл. XXV, рис. 17). Начало этой эмблеммы относятъ къ XI столѣтію.—Грб. Великопольскихъ (III, 40); Майковыхъ (III, 67); Мишковыхъ (VI, 76).

240. *Столоботъ*, см. *Донброва*.

241. *Стржемя* (Strzemie) состоитъ изъ золотаго въ красномъ полѣ стремени (табл. XXII, рис. 19). Начало этого герба относятъ ко времени Болеслава Храбраго. Гб. Лагодъ (VI, 143); Лызловыхъ (X, 21); Типеашновыхъ (V, 85).

242. *Сушинскій* (Suszynski)—обращенная шипами внизъ подкова и внутри ея двѣ положенныя крестообразно, остріями вверхъ стрѣлы (табл. XXII, рис. 20).—Грб. Вереховскихъ (VII, 30; IX, 27); Гудовичей (IV, 8).

243. *Сухе-комнаты* (Suche-komnaty)—въ красномъ полѣ черный охотничій рогъ, украшенный золотомъ и съ серебряною перевязью; на рогу поставленъ золотой крестъ (табл. XXII, рис. 21). — Ср. *Тронбы;* Грб. Судіенковъ (III, 97).

244. *Сырокомля* (Syrokomla)—на срединѣ Абданка золотой крестъ. Таже фигура, т. е. Абданкъ съ крестомъ видна и въ нашлемникѣ (табл. XXV, рис. 18). Въ концѣ XIV столѣтія гербъ этотъ былъ пожалованъ одному витязю Сырокомлѣ въ награду за мужественную защиту имени Христова противъ язычниковъ, произносившихъ на него хулу. Въ *Бржускѣ* (Brzóska) и *Розмярѣ* (Rozmiar) первыя и послѣдняя стѣнки Сырокомли соединены между особою поперечною линіею.—Ср. *Поцѣй*. *Въ Солтанѣ*, вмѣсто одного, два креста надъ Абданкомъ, а повыше ихъ звѣзда. Грб. Путятиныхъ (VIII, 2).

245. *Тарнава* (Tarnawa)—въ красномъ полѣ широкій серебряный Греческій крестъ, и у лѣваго его края обра-

щенный рогами къ правой сторонѣ щита полумѣсяцъ золотаго цвѣта (табл. XXII, рис. 22). Эмблемма эта въ XI вѣкѣ принесена съ острова Родоса.—Грб. Тушинскихъ (VI, 153); Тарновскихъ (VI, 136).

246. *Тачала* (Taczała)—въ золотомъ полѣ журавль, обращенный въ лѣво, стоитъ на одной ногѣ, а другою поднятою держитъ камень. Иногда въ верхнихъ углахъ щита въ черномъ полѣ помѣщается по серебряной шестиугольной звѣздѣ (табл. XXII, рис. 23). Гербъ этотъ изъ Богеміи. Бдительность въ темную ночь изображается этимъ знаменемъ. У насъ такая эмблемма встрѣчается во многихъ гербахъ.

247. * *Топоръ*, см. *Старжа*.

248. *Трахъ* (Trach). Въ гербѣ этомъ поле разсѣчено и въ правой сторонѣ щита изображенъ въ голубомъ полѣ золотой коронованный драконъ, а въ лѣвой половинѣ цвѣта краснаго знамя *Корчакъ*, т. е. три бѣлыя ступени, къ низу уменьшающіяся, такъ притомъ, что лапы дракона достаютъ до высшей ступеньки. На шлемѣ три страусовыхъ пера (табл. XXII, рис. 24). Начало этого герба выводятъ изъ Рима, гдѣ его и употребляютъ нѣкоторые роды; извѣстно, что онъ издавна былъ въ Силезіи въ Тѣшинскомъ и Опольскомъ Княжествахъ.—Ср. грб. *Ляцкій*.

249. *Тржаска, Бяла, Любьев* (Trzaska, Biala, Lubiewa)—въ голубомъ полѣ золотой полумѣсяцъ, рогами обращенный вверхъ, а подъ нимъ, равно какъ надъ нимъ, по мечу съ рукояткою, имѣющею видъ креста. Таже эмблемма въ нашлемникѣ на павлиномъ хвостѣ (табл. XXV, рис. 19). Это знамя было пожаловано Болеславомъ Храбрымъ воину по имени Тржаска.—Грб. Блажеевскихъ (VIII, 139); Глинокъ (V, 103). Небольшое видоизмѣненіе этого знамени въ гербѣ *Булгаринымъ* состоитъ въ

томъ, что концы мечей скрыты во встрѣчающихся между собою (какъ въ гербѣ *Вукры*) полумѣсяцахъ. Гербъ покрытъ Княжескою мантіею (табл. XXV, рис. 20).

250. *Трживдаръ* (Trzywdar)—въ красномъ полѣ три серебряныхъ креста, изъ которыхъ два цѣлыхъ, а третій со сломаннымъ концемъ. Они сходятся между собою на подобіе буквы Y. Въ трехъ углахъ, образуемыхъ крестами, помѣщается по золотой звѣздѣ. На шлемѣ три строусовыхъ пера (табл. XXII, рис. 25). Названіе этого знамени Геральдики объясняютъ тѣмъ, что въ этомъ гербѣ всякая фигура изображается по три раза. Ср. грб. *Новицкій*.

251. *Тронбы* (Trąby)—въ серебряномъ полѣ три черныя трубы или три охотничьихъ рожка, съ двумя золотыми полосами на каждомъ. Трубы эти соединены въ центрѣ щита, въ кружкѣ или кольцѣ, и изъ него расходятся одно вправо, другое влѣво, а третье къ низу (табл. XXII, рис. 26). Начало этого герба полагается въ половинѣ X столѣтія.—Грб. Волковыхъ (I, 70: кольцо вмѣсто средины положено особо подъ трубами); Кн. Радзивиловъ.

252. *Тупачъ* (Tópacz)—въ красномъ полѣ поднятое вверхъ ястребиное или орлиное черное крыло съ золотою лапою. Колѣномъ она обращена въ лѣвую сторону щита (табл. XXII, рис. 27). Гербъ этотъ выводятъ изъ Венгріи, откуда онъ перенесенъ въ Польшу при Казимірѣ Великомъ или его наслѣдникѣ Людовикѣ Венгерскомъ.—См. грб. Блудовыхъ (IV, 18: въ Литвѣ имъ пользуются Блудницкіе); Зсибулатовыхъ (IV, 65).

253. *Тэнпа подкова* (Tępa Podkowa)—въ голубомъ полѣ золотой крестъ внутри золотой подковы. Въ нашлемникѣ распростертое ястребиное или орлиное крыло (табл.

XXV, рис. 21). Обыкновенно полагаютъ, что это знамя произошло чрезъ измѣненіе, сдѣланное въ Ястржембцѣ, гербѣ одного рода въ Силезіи, въ слѣдствіе участія его въ умерщвленіи Станислава Епископа Краковскаго. Въ послѣдствіи времени къ этому гербу стали приписываться и другія фамиліи. Такимъ образомъ самъ собою разрѣшается вопросъ, который такъ занималъ покойнаго Графа Ивана Григорьевича Чернышева, вопросъ, на который не совсѣмъ удачно отвѣтилъ Епископъ Адамъ Нарушевичь въ письмѣ своемъ къ Чернышеву. Дѣло въ томъ, что Чернышевы производятъ себя отъ Чернѣцкихъ, рода извѣстнаго въ Литвѣ и Польшѣ и имѣющаго въ гербѣ Ястржембца (т. е. подкову шипами вверхъ, а въ средивѣ ея крестъ). Какимъ же образомъ, спрашивалъ Графъ И. Г. Чернышевъ, предки его утратили этотъ гербъ? Нарушевичь объяснилъ такую перемѣну случаемъ; а между тѣмъ у Чернышевыхъ особый гербъ *Тэнпа—Подкова*, что доказываетъ самая фигура подковы и крыло въ нашлемникѣ (герб. I, 20, VI, 67). Связь же этого знамени съ Ястржембцемъ дѣлаетъ понятнымъ, какъ одно поколѣніе могло принять видоизмѣненіе основнаго герба (¹).

254. *Укры*, см. Вукры.

255. **Ціолекъ* (Ciołek)—въ бѣломъ полѣ волъ или теленокъ цвѣта краснаго, идущій вправо. Въ нашлемникѣ выходящая голова теленка, также обращенная въ право (табл. XXV, рис. 22). Гербъ этотъ перенесенъ изъ Италіи въ 971 году и принадлежалъ Понятовскому. У насъ грб. Возницыныхъ (V, 50); Панютиныхъ (VIII, 61); Черполусскихъ (IX, 115).

256. *Черминскій*, см. *Корень*.

(¹) Письмо Графа Чернышева къ Нарушевичу и отвѣтъ послѣдняго напечатаны въ Сынѣ Отечества за 1844 годъ.

257. *Чудовскій*, см. *Сасъ* и *Лелива*.

258. *Хабездиле*, см. *Вукры*.

259. *Халецъ*, см. *Абданкъ*.

260. *Ходзимирскій*, см. *Грабе*.

261. *Холева* (Cholewa) состоитъ изъ двухъ желѣзныхъ скобъ (clamry), положенныхъ въ красномъ полѣ и обращенныхъ одна къ правому, другая въ лѣвому краю щита. Раздѣлены между собою этѣ скобы водруженнымъ между ними мечемъ обыкновенно остріемъ внизъ (въ нѣкоторыхъ гербахъ мечь бываетъ остріемъ вверхъ); (табл. XXII, рис. 28). Нѣкоторые Польскіе Геральдики фигуру это герба объясняютъ заслугами одного плотника, жившаго въ лѣсахъ и спасшаго Короля Болеслава Смѣлаго тѣмъ, что показалъ ему ближайшую и безопасную дорогу на непріателя и взявъ мечь у солдатъ, помогалъ преслѣдовать и побѣдить врага.

262. *Хомонто* (Chomąto) есть воловье ярмо, положенное вкось отъ лѣваго верхняго къ правому нижнему углу (табл. XXII, рис. 29). Гербъ этотъ былъ данъ Доброславу изъ Цигезамберга за то, что онъ увидѣвъ, какъ подъ Королемъ была убита лошадъ, далъ ему свою, а самъ сѣлъ на вола въ ярмѣ.

263. *Янина* (Janina) — въ красномъ полѣ стальной щитъ. Въ нашлемникѣ павлиныя перья (табл. XXII, рис. 30). Начало этого герба относятъ ко времени Болеслава Храбраго. Это гербъ Собѣсскихъ.—См. грб. Поликарповыхъ (III, 27); Порошиныхъ (VI, 34).

264. *Ясьнецкій* ср. *Гурко*.

265. *Яськьчикъ* (Jasieńczyk)—въ голубомъ полѣ золотой ключь, стоящій прямо бородкою вправо. На шлемѣ пять строусовыхъ перьевъ (табл. XXII, рис. 31).—См. грб. Краевскихъ (VII, 108).

XXV, рис. 21). Обыкновенно полагаютъ, что это знамя произошло чрезъ измѣненіе, сдѣланное въ Ястржембцѣ, гербѣ одного рода въ Силезіи, въ слѣдствіе участія его въ умерщвленіи Станислава Епископа Краковскаго. Въ послѣдствіи времени къ этому гербу стали приписываться и другія фамиліи. Такимъ образомъ самъ собою разрѣшается вопросъ, который такъ занималъ покойнаго Графа Ивана Григорьевича Чернышева, вопросъ, на который не совсѣмъ удачно отвѣтилъ Епископъ Адамъ Нарушевичь въ письмѣ своемъ къ Чернышеву. Дѣло въ томъ, что Чернышевы производятъ себя отъ Чернѣцкихъ, рода извѣстнаго въ Литвѣ и Польшѣ и имѣющаго въ гербѣ Ястржембца (т. е. подкову шипами вверхъ, и въ срединѣ ея крестъ). Какимъ же образомъ, спрашивалъ Графъ И. Г. Чернышевъ, предки его утратили этотъ гербъ? Нарушевичь объяснялъ такую перемѣну случаемъ; а между тѣмъ у Чернышевыхъ особый гербъ *Тэнпа—Подкова*, что доказываетъ самая фигура подковы и крыло въ нашлемникѣ (герб. I, 20, VI, 67). Связь же этого знамени съ Ястржембцемъ дѣлаетъ понятнымъ, какъ одно поколѣніе могло принять видоизмѣненіе основнаго герба ([1]).

254. *Укры*, см. Вукры.

255.**Ціолекъ* (Ciołek)—въ бѣломъ полѣ волъ или теленокъ цвѣта краснаго, идущій вправо. Въ нашлемникѣ выходящая голова теленка, также обращенная въ право (табл. XXV, рис. 22). Гербъ этотъ перенесенъ изъ Италіи въ 971 году и принадлежалъ Понятовскому. У насъ грб. Возницыныхъ (V, 50); Панютиныхъ (VIII, 61); Чернолусскихъ (IX, 115).

256. *Чарлинскій*, см. *Корвинъ*.

([1]) Письмо Графа Чернышева къ Нарушевичу и отвѣтъ послѣдняго напечатаны въ Сынѣ Отечества за 1844 годъ.

257. *Чудовскій*, см. *Сась* и *Леливa*.

258. *Хабеэдиле*, см. *Вукры*.

259. *Халецъ*, см. *Абданкъ*.

260. *Хедзимирскій*, см. *Грабе*.

261. *Холева* (Choleva) состоитъ изъ двухъ желѣзныхъ скобъ (clamry), положенныхъ въ красномъ полѣ и обращенныхъ одна къ правому, другая въ лѣвому краю щита. Раздѣлены между собою эти скобы водруженнымъ между ними мечемъ обыкновенно остріемъ внизъ (въ нѣкоторыхъ гербахъ мечь бываетъ остріемъ вверхъ); (табл. XXII, рис. 28). Нѣкоторые Польскіе Геральдики фигуру это герба объясняютъ заслугами одного плотника, жившаго въ лѣсахъ и спасшаго Короля Болеслава Смѣлаго тѣмъ, что показалъ ему ближайшую и безопасную дорогу на непріятеля и взявъ мечь у солдатъ, помогалъ преслѣдовать и побѣдить врага.

262. *Хомонто* (Chomąto) есть воловье ярмо, положенное вкось отъ лѣваго верхняго къ правому нижнему углу (табл. XXII, рис. 29). Гербъ этотъ былъ данъ Доброслаау изъ Цигеавберга за то, что онъ увидѣвъ, какъ подъ Королемъ была убита лошадь, далъ ему свою, а самъ сѣлъ на вола въ армѣ.

263. *Янина* (Janina) — въ красномъ полѣ стальной щитъ. Въ нашлемникѣ павлинныя перья (табл. XXII, рис. 30). Начало этого герба относятъ ко времени Болеслава Храбраго. Это гербъ Собѣсскихъ.—См. грб. Поликарповыхъ (III, 27); Порошиныхъ (VI, 34).

264. *Ясънецкій* ср. *Гурко*.

265. *Ясьньчикъ* (Jasieńczyk)—въ голубомъ полѣ золотой ключь, стоящій прямо бородкою вправо. На шлемѣ пять строусовыхъ перьевъ (табл. XXII, рис. 31).—См. грб. Краевскихъ (VII, 108).

266.* *Ястржембецъ, Болещицъ, Болесты, Кудбржинъ, Канева, Лазанки* (Jastrębiec, Boleszczyc, Bolesty, Kudbrzyn, Kániowa, Lazanki)—въ голубомъ полѣ золотая подкова, обращенная шипами вверхъ, въ срединѣ ея серебряный крестъ, а надъ шлемомъ и короною смотрящій вправо ястребъ съ привязанными къ лапѣ бубенчиками держитъ такую же подкову (табл. XXV, рис. 23). Иногда таже подкова полагается на груди орла, и гербъ удерживаетъ тоже названіе *Ястржембецъ*. Таковъ грб. Кн. Полубинскихъ и Лукомскихъ (въ Литвѣ). Начало этой эмблемы относится къ царствованію Болеслава Храбраго, 999 году.—См. грб. Базилевскихъ (IX, 102); Герасимовыхъ (IV, 103); Горожанскихъ (VI, 151); Желтухиныхъ (III, 38); Жуковыхъ (VI, 6); Змѣевыхъ (V, 91); Иванищевыхъ (IV, 67); Коковинскихъ (IV, 79); Лачиновыхъ (V, 69); Лукомскихъ (IX, 38); Мишковыхъ (VI, 76); Ромейчюковыхъ (IV, 74); Рославлевыхъ (II, 57); Самариныхъ и Квашниныхъ—Самариныхъ (IV, 27, II, 39); Ульяновыхъ (VII, 59); Ульяниныхъ (VIII, 53); Хмелевыхъ (V, 80); Шпаковскихъ (VI, 127).

267. *Юноша* (Junosza)—въ красномъ полѣ бѣлый баранъ, обращенный вправо, стоитъ на муравѣ. На шлемѣ пять строусовыхъ перьевъ (табл. XXII, рис. 32). См. грб. Котлубицкихъ (V, 132); Кушниковыхъ (VII, 25).

268. *Юнчикъ* (Junczyk)—въ красномъ полѣ серебряный якорь съ двумя лапами, на которыхъ онъ и стоитъ, или, по объясненію другихъ, два рыболовныхъ крючка, обращенныхъ въ противуположныя стороны и прикрѣпленныхъ къ шесту, который оканчивается двумя бѣлыми крестами. На шлемѣ пять строусовыхъ перьевъ (табл. XXII, рис. 33). Начало этой эмблемы, равно какъ

многихъ другихъ, кроется во временахъ язычества и борьбы его съ Христіанствомъ. Разсказываютъ, что въ одну битву, когда непріятель былъ расположенъ съ своими силами на берегу рѣки, нѣкто *Юньчикъ*, давъ знать о томъ Христіанскому войску, провелъ его на врага и, побѣдивъ его, поймалъ какъ бы на уду. Въ память того *Юньчику* пожалованъ описанный гербъ. — См. грб. Иеленьевыхъ (IV, 20); ср. также грб. *Солтанъ*, *Столоботъ*, *Сырокомля*.

269. *Шалава* (Szaława)—въ голубомъ полѣ золотой ободокъ, въ срединѣ котораго въ видѣ треугольника помѣщено три золотыхъ креста, въ трехъ мѣстахъ касающіеся круга. Надъ шлемомъ видна рука, вооруженная обнаженною шпагою, поднятою на бой (табл. XXII, рис. 34). Происхожденіе этого герба относятъ къ началу XIV столѣтія.

270. *Шашоръ* или *Орля* (Saszor, Orla) изображается такъ: въ бѣломъ полѣ красный летащій орелъ съ хвостомъ, но безъ головы, вмѣсто которой бѣлая шестиугольная звѣзда (у иныхъ цвѣтокъ) (табл. XXII, рис. 35). Въ XIV в. знамя это было привесено изъ Венгріи. *Сасв* по Венгерски значитъ орелъ. См. грб. Олешевыхъ (II, 112); Пальчиковыхъ (III, 68).

271. *Шелига* (Szeliga)—въ красномъ полѣ золотой полумѣсяцъ, рогами обращенный вверхъ, и изъ средины его выходитъ золотой крестъ. Нашлемникъ состоитъ изъ павлиннаго хвоста (табл. XXV, рис. 24). Начало этого герба относятъ къ XV столѣтію.—См. грб. Болотовыхъ (V, 89); Кн. Бѣлозерскихъ (I, 13, IV, 1, 2, 3); Гонецкихъ (VI, 87); Горяйновыхъ (V, 94); Козиныхъ (VII, 60); Коноплевыхъ (VII, 72); Корсаковыхъ (I, 83); Ласунскихъ (VIII, 29); Липовыхъ (IX, 19); Лутовиновыхъ

(VIII, 68); Менделѣевыхъ (VII, 86); Гр. Морковыхъ (I, 60); Смирновыхъ (VII, 141). Томаръ (VIII, 113); Хоменевыхъ (VI, 28).

Исчисливъ такимъ образомъ главнѣйшія знамена такъ называемой Польской Геральдики, и подведши подъ каждое изъ нихъ гербы нашихъ дворянскихъ фамилій, въ которыхъ воспроизведены означенныя знамена или безъ всякаго измѣненія или съ нѣкоторыми несущественными противъ основнаго типа перемѣнами, намъ остается повторить только оговорку, сдѣланную уже выше, т. е. что не всѣ роды, имѣющіе въ гербахъ Польскія эмблеммы, дѣйствительно выѣзжія изъ Польши, Литвы и вообще изъ Польскихъ провинцій. Гербы эти составляли достояніе и другихъ Славянскихъ земель, а слѣд. не могли быть чужды и Русскимъ, которые, желая помѣстить у себя въ гербѣ тѣ или другія эмблеммы, равно какъ выразить какую нибудь идею, сообразовались съ тѣмъ, какъ то же самое было выражено у другихъ Славянскихъ народовъ и какая геральдическая форма была придана фигурѣ въ геральдикѣ Польской, собравшей въ себѣ отовсюду Славянскія знамена. Не менѣе другихъ земель участвовала и Русь въ составленіи этого, такъ сказать, геральдическаго зданія, и потому она имѣла полное право на заимствованіе изъ этого источника.

§ 92.

Гербы родовъ выѣзжихъ изъ Пруссіи, странъ Поморскихъ и другихъ земель Славянскихъ.

Все Балтійское Поморье было, какъ извѣстно, населено племенами Славянскими. Сосѣдство это, равно какъ

сродство Поморянъ съ Русскими объясняютъ частые выѣзды къ намъ жителей Пруссіи, и многіе изъ нынѣ процвѣтающихъ въ отечествѣ нашемъ благороднѣйшихъ семействъ обязаны происхожденіемъ своимъ этому источнику. А такъ какъ съ другой стороны, Пруссія была долго ленною землею Польскихъ Королей, то и въ ней отразились слѣды Польской Геральдики, по общему правилу, въ силу котораго коренные Польскіе роды приписывали къ своимъ знаменамъ роды пришлые. Поэтому для объясненія гербовъ нашихъ дворянскихъ фамилій, выѣхавшихъ въ Россію изъ этихъ странъ, должно искать, по нашему мнѣнію, источника также въ Польскихъ и Литовскихъ знаменахъ. По принятому порядку мы начнемъ съ дворянъ, происшедшихъ отъ древнихъ владѣтелей Пруссіи и затѣмъ перейдемъ къ другимъ дворянскимъ фамиліямъ, при изложеніи гербовъ которыхъ будемъ держаться показаній о ихъ происхожденіи.

Мы начнемъ съ потомства *Андрея Ивановича Камбилы*. Чтобы понять значеніе герба его многочисленнаго потомства, необходимо пройти вкратцѣ, на основаніи источниковъ, которыми руководствовались сами гербовладѣльцы и на которые они сослались при представленіи герба ихъ къ утвержденію (*), исторію ихъ предковъ.

(*) Кромѣ рукописей и справокъ изъ архивовъ, ссылка сдѣлана (списываемъ безъ малѣйшей перемѣны) на: 1) Respublick civitatis Polonicae; 2) *Alexandri Guagnini* de Prussia, 1626; 3) *Петронія* о древнихъ Пруссахъ § 1, 2, 4) Степенную книгу Т. 1. степень 8. гл. 2. стр. 358 подъ 1261 годомъ, 5) Андрей Целляріусъ въ Амстердамѣ 1652 года; 6) Питерсъ Дюисбергъ; 7) Эразмусъ Стелліи; 8) Еneасъ Сильвіусъ; 9) Хронику Стрійковскаго; 10) Никоновскую лѣтопись 1786 г. часть 2, стр. 186; 11) Прусскій и Польскій Гербовникъ стр. 550; 12) Зерцало Россійскихъ Государей *Мальгина* 1791 г. стр. 121, и наконецъ Исторію Князя *Щербатова* 1781 г. часть I. Кн. 9, стр. 498, Т. V. Часть I ки. XI. стр. 214.—Мы прибавимъ къ этимъ источникамъ: *Narbutta*—Dzieje Starożytne narodu Litewskiego. T. 1. Wilno. 1835.

Въ 305 году по Р. Хр., повѣствуютъ лѣтописи, Король Прутено, уступивъ престолъ Королю Прусскому Вейдевуту, пошелъ въ первые жрецы къ язычникамъ, которые поклонялись дубу въ древней столицѣ Пруссіи. Король Вейдевутъ раздѣлилъ царство свое двѣнадцати сыновьямъ, и потомокъ четвертаго сына его Недрона владѣтель Судовіи, Самогитіи, Литвы и другихъ странъ Гланда Камбила Дивоновичь, утомленный въ браняхъ съ Орденомъ Меченосцевъ, тѣснившимъ Прусскія владѣнія и бывъ имъ побѣжденъ, выѣхалъ съ малолѣтнымъ своимъ сыномъ и со множествомъ подданныхъ въ Россію къ Великому Князю Александру Ярославичу Невскому. По воспріятіи Св. крещенія дано ему имя Іоаннъ; сынъ его назывался Андрей Ивановичь.

Не смотря на множество родовъ, происшедшихъ отъ Камбилы, всѣ они носятъ въ гербѣ слѣды своего благороднаго происхожденія. Нѣкоторыя, отмѣтки и перестановки могли быть сдѣланы въ основномъ знамени съ цѣлью отличить гербъ одного рода отъ гербовъ другихъ фамилій. А именно: у Бабарыкиныхъ (Герб. V, 19), Колычевыхъ (II, 27), Сухово-Кобылиныхъ (II, 26), Шереметевыхъ, Графовъ Шереметевыхъ (II, 10, III, 10) и у Яковлевыхъ (II, 28), по срединѣ золотаго щита въ красномъ полѣ, окруженномъ лавровымъ вѣнкомъ, изображается золотая королевская корона, а подъ нею перпендикулярно означены два серебряныхъ креста. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ съ дворянскою на немъ короною, а въ нашлемникѣ между двухъ шестиугольныхъ серебряныхъ звѣздъ (онѣ опущены въ гербѣ Сухово-Кобылиныхъ) возвышается кумиропоклонный дубъ. Щитъ держатъ два льва, имѣющіе золотые лбы; во рту у

одного изъ нихъ лавровая, а у другаго масличная вѣтвь, въ лапахъ держатъ стоящій съ правой стороны скипетръ, а съ лѣвой—державу. Многія лица, принадлежащія къ этимъ родамъ ознаменовали себя заслугами на пользу Россіи, и изъ нихъ родъ боярина Бориса Петровича Шереметева, знаменитаго Генералъ-Фельдмаршала при Петрѣ Великомъ и славнаго сподвижника Великаго Государя, стяжалъ себѣ въ 1706 году Графское достоинство, въ соотвѣтствіе съ чѣмъ щитъ въ гербѣ Графовъ Шереметевыхъ покрытъ графскою короною. Въ память же того, что многія лица исчисленныхъ фамилій служили въ боярахъ и неоднократно обнажали мечь для защиты родины, у подошвы золотаго щита въ гербахъ означенныхъ фамилій (кромѣ Сухово-Кобылиныхъ) положена древняя боярская шапка, и подъ нею изображены крестообразно копье и мечь, на серебряномъ полумѣсяцѣ, рогами обращенномъ вверхъ. Девизы у гербовъ этого поколѣнія слѣдующія: у Шереметевыхъ Deus conservat omnia, т. е. Богъ хранитъ все; у Колычевыхъ и Яковлевыхъ—Deus honor et gloria, т. е. Богъ, честь и слава. Смыслъ и значеніе каждой части описаннаго нами герба объясняютъ такъ: *корона* помѣщена въ знакъ происхожденія отъ Королей Прусскихъ, *два креста*—обращенія Камбилы и его потомковъ въ Христіанскую вѣру, *дубъ* напоминаетъ кумиропоклоненіе, которое совершали подъ нимъ въ древности Прусскіе, Самогитскіе и Литовскіе владѣтели (¹). То же обладаніе и господство знаменуютъ *скипетръ* и *держава* въ лапахъ

(¹) Подробно о поклоненіи дубу изложено въ исторіи *Нарбута* н. о. и. I, стр. 180—195, и рисун. 7, на которомъ изображены священный дубъ и его мѣстоположеніе.

львовъ—щитодержателей. Побѣды надъ врагами, особенно Турками и Татарами, дали право на помѣщеніе въ гербахъ Шереметевыхъ, Колычевыхъ и Яковлевыхъ боярской шапки со скрещеннымъ оружіемъ, положеннымъ на полумѣсяцѣ, равно какъ на лавровую и масличную вѣтви во рту львовъ.

Нѣкоторыя отличія отъ описаннаго герба, представляютъ: 1) гербъ *Коновницыныхъ* (Герб. I, 39), который сохранился и въ гербѣ Графовъ Коновницыныхъ (X, 7), съ прибавленіемъ аттрибутовъ, данныхъ за заслуги на полѣ чести и свидѣтельствующихъ о храбрости и отвагѣ, какъ то: меча, корабля, орудій, равно какъ двуглаваго орла съ вензелевымъ на груди изображеніемъ имени Императора Александра Павловича. Въ родовомъ же гербѣ Коновницыныхъ поле щита (вмѣсто золотаго) голубое; въ немъ изображена дворянская корона, подъ которою одинъ подъ другимъ положены два золотыхъ креста (вмѣсто серебряныхъ); у львовъ въ лапахъ нѣтъ скипетра и державы, а въ нашлемникѣ стоитъ дубъ безъ звѣздъ. Девизъ графскаго герба: Est immortale quod opto, т. е. то, чего желаю, безсмертно; 2) Гербъ *Неплюевыхъ* (VI, 9): въ немъ щитъ разсѣченъ на двѣ части, изъ которыхъ правая, въ красномъ полѣ, представляетъ тотъже гербъ, какъ у Шереметевыхъ, но безъ вѣнка и боярской шапки, а лѣвая въ золотомъ полѣ-купиропоклонный дубъ, который повторяется и въ нашлемникѣ, но безъ звѣздъ; щитъ держатъ съ правой стороны левъ съ лавровою вѣтвью во рту, и державою въ лапѣ, съ лѣвой—черный орелъ съ масличною въ клювѣ вѣткою, и 3) *Кобылиныхъ* (VI, 10.): въ гербѣ этой фамиліи щитъ также разсѣченъ на двѣ половины, изъ которыхъ въ правой въ бѣломъ полѣ изображенъ дубъ,

въ лѣвой краснаго цвѣта два серебряныхъ креста одинъ подъ другимъ, а надъ ними золотая королевская корона; въ нашлемникѣ надъ шлемомъ и короною видва вороная лошадь, обращенная вправо. Щитодержателей и девиза нѣтъ.

И такъ существеннымъ во всѣхъ этихъ гербахъ, исключая лишь нѣкоторыхъ отличій, остаются два креста подъ короною, которыя мы дѣйствительно и видимъ на многихъ древнихъ вещахъ, хранящихся въ родѣ Гр. Шереметевыхъ и на могилѣ Графа Бориса Петровича Шереметева въ Александроневской Лаврѣ. Съ какого времени гербъ этотъ употребляется исчисленными родами при тѣхъ данныхъ, которыя были намъ доступны, опредѣлить не возможно, но мы сошлемся только на показаніе самихъ Графовъ Шереметевыхъ, которые, при представленіи своего герба въ Герольдію для утвержденія, писали: что гербъ ихъ донынѣ употребляется во всей точности городомъ Гдавескомъ (Данцигомъ) и не во многомъ отличается отъ гербовъ Кенигсбергскаго, Эльбингскаго и другихъ городовъ, которые въ древности принадлежали потомкамъ Вейденута Глиндѣ Камбилѣ и брату его Руссигену Дивоновичу. Древность этого знамени подтверждается Данцигскими монетами, сохранившимися отъ XV и XVI вѣковъ и носящими точное изображеніе описанныхъ гербовъ (табл. XXV, рис. 25); Прусскія же и Литовскія свидѣтельства о Вейденутѣ не оставляютъ сомнѣнія, что ему и его потомкамъ принадлежали Данцигъ и другіе Поморскіе города.

Данцигъ долго былъ предметомъ раздоровъ между Датчанами, Шведами, Померанскими Князьями и Тевтонскими рыцарями. Въ 1454 году онъ искалъ покровитель-

ства Польскихъ Королей и въ числѣ другихъ преимуществъ получилъ отъ Короля Казимира право бить свою монету со штемпелемъ: два креста, надъ ними корона съ начала безъ львовъ по сторонамъ, въ послѣдствіи съ щитодержателями, а на монетахъ XVI и начала XVII столѣтій на шлемѣ нерѣдко помѣщалось дерево, по бокамъ его лавровые вѣнки, наконецъ пальмовая и лавровая вѣтки (1).

Въ одно съ Данцигомъ время, т. е. въ 1454 году право чеканить деньги было предоставлено городу Ельбингу, на монетахъ котораго видимъ изображеніе его герба — двухъ крестовъ, расположенныхъ одинъ подъ другимъ (2). Впрочемъ древній гербъ Прусскаго воеводства былъ иной: это черный одноглавый орелъ съ распростертыми крыльями, расправленными лапами и съ короною на шеѣ. Изъ за орла обыкновенно съ правой, рѣже съ лѣвой стороны выходитъ закованная въ латы, согнутая въ локтѣ рука, держащая подъятый мечь на подобіе *Погони* вида четвертаго (табл. XXV, рис. 25) (3). Такимъ является онъ на древнихъ Прусскихъ монетахъ (4) и въ гербахъ нѣкоторыхъ дворянскихъ родовъ нынѣшнихъ, выѣхавшихъ тому уже цѣлыя столѣтія изъ Поморія и неизмѣнно сохранившихъ въ гербѣ свидѣтельство о своемъ происхожденіи. Безъ малѣйшаго измѣненія Прусскій гербъ остался у *Салтыковыхъ*. Они происходятъ отъ Михаила Прушанина, прибывшаго съ ино-

(1) *Zagórskiego:* Monety dawnej Polski jakoteż Prowincyi i miast do niej niegdy należących. W Warszawie. 1845 p. 8. Tb. VI, 40—55. XXXI. Memoires de la société d'Archéologie de St-Petersbourg. Vol. I. p. 330—358. Tab. XIX.

(2) Соч. *Загорскаго* в. о. м. стр. 9. табл. IV. V.

(3) *Nieseckiego* Korona Polska I. стр. 186. 190.

(4) Загорскій. Тамъ же, табл. IV.

гочисленною свитою около половины XIII столѣтія въ Новгородъ къ Великому Князю Александру Невскому, служить подъ побѣдоносными его знаменами противъ Шведовъ и Лифляндцевъ. Михаилъ же Прушанинъ былъ отъ рода древнихъ владѣтелей Пруссіи, Славянскаго поколѣнія, которые, бывъ отѣсняемы въ своемъ отечествѣ меченосцами и Германцами, удалились въ Россію (1). Потому родовой гербъ Салтыковыхъ есть въ золотомъ полѣ черный одноглавый орелъ съ короною на головѣ и съ правой его стороны видна выходящая рука въ латахъ съ мечемъ (Герб. VII, 28). Основное это знамя, сохранившееся въ среднемъ щиткѣ, помѣщенномъ въ сердцѣ гербовъ Графовъ и Князей *Салтыковыхъ*, дополнилось нѣкоторыми аттрибутами, свидѣтельствующими о заслугахъ и отличіяхъ, а именно: двуглавымъ орломъ, въ слѣдствіе пожалованія Графскаго и Княжескаго достоинствъ, шишакомъ и шпагою, обвитою лавровою вѣтвью (эмблемами мужества), и наконецъ шестиугольною звѣздою (II, 15. IX, 2). Одного съ Салтыковыми рода были Шеины, Морозовы, Русалкины, Солтыки, удалившіеся въ Польшу, гдѣ имѣли также Прусскій гербъ—*Солтыкъ* (см. выше стр. 463), и Козловы (2). Первыя изъ означенныхъ фамилій пресѣклись, а гербъ послѣднихъ (VIII, 12) состоитъ изъ помѣщеннаго въ серебряномъ полѣ чернаго одноглаваго орла, держащаго въ лѣвой лапѣ обнаженный мечь, въ правой длинный крестъ. Къ тому же поколѣнію относятъ наши

(1) *Свиньина*—Записки о жизни Генералъ-Фельдмаршала Князя Николая Ивановича Салтыкова. Спб., 1818, стр. 5, 6; Временникъ въ о. и. Т. X, стр. 107, 108.

(2) Бархатная книга I, стр. 259. сл.

родословныя Чегловых и Тучковыхъ (1). Гербъ первыхъ несомнѣнно Прусскій и во многомъ подобенъ гербу Салтыковыхъ: въ щитѣ, имѣющемъ золотое поле, изображены черный одноглавый орелъ съ распростертыми крыльями и рука, облеченная въ латы съ поднятою вверхъ саблею. Надъ шлемомъ и короною видѣнъ вылетающій черный орелъ съ рукою въ томъ же положеніи. (I, 40). Совершенно иной гербъ Тучковыхъ: въ правой половинѣ разсѣченнаго на двое щита въ золотомъ полѣ изображенъ воинъ, держащій въ правой рукѣ копье, остроконечіемъ обращенное вверхъ, а на лѣвой щитъ; въ лѣвой же части, въ голубомъ полѣ-левъ, поставленный на заднихъ лапахъ вправо; надъ нимъ видна туча, изъ которой вылетаетъ громовой ударъ, поражающій льва въ челюсти (Герб. III, 63).

Также изъ Пруссіи выѣхали въ Новгородъ потомки Прусскаго Князя Михаила (не того-же ли Михаила Прушанина, родоначальника Салтыковыхъ?) Кузьмины-Короваевы, получившіе прозваніе Кузьминыхъ по внуку Михайлову Кузьмѣ и названные Короваевыми въ отличіе отъ однофамильцевъ (2). Доказательствомъ Прусскаго ихъ происхожденія служитъ и гербъ этой фамиліи (Герб. IV, 57): въ немъ щитъ разбитъ на двѣ половины и изъ нихъ нижная разсѣчена. Въ верхней части цвѣта краснаго помѣщена закованная въ латы рука, держащая поднятой мечь, въ нижней же части съ правой стороны видна въ золотомъ полѣ половина чернаго орла, съ лѣвой

(1) Бархатн. Кн. 1, стр. 267. Родословная въ X. Т. Временника стр. 108, 109, 180, 255, 256.

(2) Бархатн. Кн. II, стр. 333, 334.

представленъ въ голубомъ полѣ хлѣбъ или коровай (въ соотвѣтствіе съ прозваніемъ).

Тѣ же признаки Прусскаго происхожденія сохранили гербы *Жеребцовыхъ* и *Плещеевыхъ* (II, 40; I, 44), предокъ которыхъ Θедоръ Бяконтъ около 1335 года выѣхалъ въ Москву изъ Чернигова. Въ гербахъ этихъ фамилій правую половину на двое разсѣченнаго щита занимаетъ въ серебряномъ полѣ вылетающій черный орелъ въ коронѣ, лѣвую, голубаго цвѣта, выходящая изъ облаковъ рука въ латахъ держащая мечь. Гербъ Плещеева держатъ два орла въ коронахъ.

Въ одно время съ Салтыковыми, т. е. въ княженіе Александра Невскаго, выѣхалъ въ Россію, по показанію родословныхъ, *изъ Нѣмецъ* нѣкто Гаврило, потомки котораго, по имени правнука его Θедора Кутуза, прозвались *Кутузовыми* ([1]), а по прозванію внука его Василья Голенищемъ-*Голенищевыми*. Гербъ ихъ (V, 17, II, 31) состоитъ изъ изображенія въ голубомъ полѣ чернаго одноглаваго орла съ короною на головѣ, держащаго въ правой лапѣ серебряную шпагу (ср. VIII, 119). Много общаго съ этимъ гербомъ имѣетъ гербъ Протопоповыхъ, потомства выѣхавшаго въ Россію изъ Нѣмецъ Галичскаго, по крещеніи названнаго Александромъ: лѣвую половину герба этой фамиліи занимаетъ вылетающій до половины черный орелъ въ коронѣ, держащій въ лапѣ мечь; а правая сторона, разбитая на двое, имѣетъ въ верху въ голубомъ полѣ бѣлую осьмиугольную звѣзду, внизу въ красномъ полѣ полумѣсяцъ рогами вверхъ. Гербъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ, надъ которымъ видны

([1]) Бархатн. Кн. Т. II, стр. 1—14. Временникъ о. и. стр. 110, 111.

въ латахъ двѣ руки, выходящія изъ подъ дворянской короны. Щитъ держатъ два льва (VII, 22).

Изъ Пруссіи же выѣхали: 1) Орловы, родовой гербъ которыхъ есть красный одноглавый орелъ въ полѣ, десятикратно испещренномъ золотомъ и голубымъ цвѣтомъ. Эмблемма эта занимаетъ средній щитокъ въ Княжескомъ и Графскомъ гербахъ Орловыхъ, которые имѣютъ въ первой и послѣдней четвертяхъ въ золотыхъ поляхъ чернаго двуглаваго орла, увѣнчаннаго двумя коронами, а наверху тѣхъ полей въ голубой вершинѣ Русскую Императорскую корону; во второмъ и третьемъ красныхъ поляхъ-стоящихъ на заднихъ лапахъ львовъ горностаеваго вида съ выставленными языками и когтями золотаго цвѣта, носящихъ на груди голубой щитокъ съ золотымъ крестомъ. Изъ трехъ шлемовъ, покрытыхъ коронами, средній держитъ двуглаваго съ двумя коронами орла, правый крайній-два сомкнутыхъ орлиныхъ крыла и лѣвый-льва съ крестомъ на груди. По сторонамъ щита стоятъ два воина въ латахъ, препоясанные мечами, со знаменами въ рукахъ: на одномъ изъ нихъ изображенъ родовый гербъ-одноглавый орелъ, а на другомъ левъ съ крестомъ, какъ описано выше. Девизъ: Fortitudine et constantia, т. е. храбростію и постоянствомъ (I, 23, 24); 2) потомство *мужа честна*, *именемъ Радша* (въ Литвѣ былъ извѣстенъ Князь Дмитрій Братша, сынъ Князя Патрикея Кейстутьевича), пришедшаго, по показанію нашихъ родословныхъ, то изъ *Нѣмецъ*, то изъ *Седмиградской земли*, то наконецъ изъ *земель Славянскихъ* (1). Гербы этихъ родовъ мы опишемъ, слѣ-

(1) Родословная, помѣщенная въ X. Т. Временника стр. 102, 109. Бархатная книга I, 300. Гербовникъ I, 17, 22; V, 10.

ду алфавитному порядку, но предварительно считаемъ долгомъ замѣтить, что орелъ, удерживая въ нихъ постоянно туже форму, т. е. оставаясь одноглавымъ и имѣя корону то на головѣ, то въ особомъ полѣ, равно какъ держа въ лапахъ то мечь, то державу, то скипетръ и державу, различается и цвѣтомъ, чтó мы каждый разъ будемъ означать. При всѣхъ этихъ различіяхъ однако, которыя могли быть необходимы для того, чтобы одно поколѣніе отличалось отъ другихъ того же рода, общая всѣмъ имъ эмблемма — одноглавый орелъ — подтверждаетъ показаніе нашихъ родословныхъ, ведущихъ ихъ изъ Нѣмецъ и изъ Славянъ, т. е. изъ Поморія. Таковы гербы: а) *Бутурлиныхъ* (II, 29). Въ третьей четверти четверочастнаго щита въ ихъ гербѣ изображенъ въ золотомъ полѣ голубой одноглавый орелъ съ распростертыми крылами, съ золотою на главѣ короною, въ лапахъ онъ держитъ мечь и державу; въ первой четверти въ горностаевомъ полѣ положена княжеская шапка или корона, а во второй-рука въ золотыхъ латахъ съ обнаженнымъ мечемъ. Въ гербѣ Графовъ Бутурлиныхъ (I, 22) орелъ помѣщенъ въ среднемъ щиткѣ, въ сердцѣ герба, рука съ мечемъ повторяется изъ трехъ на двухъ крайнихъ шлемахъ, а на среднемъ изображенъ двуглавый орелъ, свидѣтельствующій о пожалованіи Бутурлиныхъ въ Графство. Кромѣ общаго съ Бутурлиными герба *Коренкъ*, (см. выше стр. 434) у *Неклюдовыхъ* въ 1-й четверти такой же орелъ, какъ у Бутурлиныхъ, а во второй въ голубомъ полѣ-рука съ обнаженнымъ мечемъ, которая повторяется и въ нашлемникѣ (Грб. III, 11). б) Гербъ *Мятлевыхъ* (VI, 8) имѣетъ общаго съ тотчасъ описаннымъ то, что въ первой и третьей четвертяхъ въ золотомъ полѣ помѣщено по черному одноглавому орлу, у кото-

рыхъ на главахъ корона, а въ лапахъ скипетръ и держава, во второй четверти въ красномъ полѣ видна княжеская корона на подушкѣ, и наконецъ въ третьей—въ голубомъ полѣ выходящая изъ облакъ рука съ мечемъ. Девизъ—Virtus meliora ministrat, т. е. доблесть лучшее пріуготовляетъ; щитъ держатъ левъ и орелъ; в) *Муравьевыхъ* (I, 59): въ золотомъ четверочастномъ щитѣ въ первой и четвертой частяхъ, въ золотомъ полѣ по коронѣ, изъ которой выходятъ положенные крестообразно мечь и стрѣла, а во второй и третьей по черному орлу съ распростертыми крыльями и съ вѣнкомъ въ клювѣ. Такойже вылетающій до половины орелъ въ нашлемникѣ. Подобный гербъ у *Пущиныхъ* (II, 65), съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ, что во второй и третьей частяхъ его изображено по бѣлому одноглавому орлу въ золотомъ полѣ и каждый изъ нихъ держитъ въ лапахъ скипетръ и державу; въ нашлемникѣ же орелъ несетъ въ клювѣ золотую цѣпочку; г) *Полуехтовы* (II, 30) имѣютъ въ первой части щита, раздѣленнаго наподобіе Андреевскаго креста, корону, въ третьей—выходящаго до половины въ лѣвую сторону чернаго орла, и въ четвертой нижней—два скрещенныхъ меча, остріями вверхъ. д) Въ гербѣ *Пушкиныхъ* (V, 18) видимъ тѣже эмблемы, но расположенныя такъ: щитъ разбитъ на двѣ половины, изъ которыхъ въ верхней въ горностаевомъ полѣ помѣщена на пурпуровой подушкѣ съ золотыми кистями княжеская шапка, а нижняя разсѣчена на двѣ части: изъ нихъ въ правой цвѣта голубаго изображена рука съ мечемъ, въ лѣвой, золотой, голубой орелъ съ скипетромъ и державою въ лапахъ. Въ гербѣ Графовъ *Мусиныхъ-Пушкиныхъ* (I, 17) голубые орлы съ тѣми же аттрибутами помѣщены въ первомъ и четвертомъ поляхъ четверочастнаго

щита, затѣмъ во второй, цвѣта серебрянаго видна княжеская шапка, и въ третьей цвѣта золотаго рука съ мечемъ, которая повторяется въ нашлемникѣ. Гербъ *Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ* (VIII, 10) отличается отъ тотчасъ описаннаго тѣмъ, что княжеская корона положена на подушкѣ въ горностаевомъ полѣ, и гербъ безъ нашлемника. Ср. грб. Мусиныхъ-Юрьевыхъ (VII, 171), равно какъ гербы Вечесловыхъ (VI, 30); Вешняковыхъ (VI, 118); Кобяковыхъ (VII, 24); Лихаревыхъ (V, 35); Рожновыхъ (VI, 51); Щербининыхъ (II 37), фамилій, о происхожденіи которыхъ въ нашихъ родословныхъ или не заключается никакихъ вовсе сказаній или сообщаемыя ими свѣдѣнія неполны и неясны (¹); тѣмъ не менѣе гербы ихъ показываютъ, что они родомъ изъ Поморія.

3) Тотъ же одноглавый орелъ свидѣтельствуетъ о выѣздѣ изъ Пруссія происходящихъ отъ одного корня: Бѣлиныхъ, Отяевыхъ, Хвостовыхъ и Шафровыхъ. Изъ имѣющихся въ отечественныхъ архивахъ документовъ оказывается, что къ Великому Князю Даніилу Александровичу выѣхалъ изъ Пруссія *дивный мужъ Амандъ Бассаволъ, честью Маркграфъ*, названный по крещеніи Васильемъ. Правнукъ его Московскій намѣстникъ Петръ Бассаволъ имѣлъ сына Алексѣя, прозваннаго Хвостъ, который находился въ Москвѣ тысяцкимъ. У сего послѣдняго были правнуки: Ѳедоръ Борисовичь Отяй, отъ котораго пошли Хвостовы и Отяевы, и Ѳедоръ Ѳедоровичь Шаферъ, родоначальникъ Шафровыхъ (²). Общая у всѣхъ ихъ эмблемма—одноглавый орелъ; рука же, которая въ

(¹) Родословная въ X Томѣ Временника стр. 102, 104, 105, 168, 169.

(²) Гербовникъ IX, 11. Бархатная книга II, стр. 259—265, 268—270. Къ этомуже роду Бархатная книга относитъ Лебедевыхъ и Пыжовыхъ, стр. 265—268.

древнемъ Прусскомъ гербѣ выходили изъ за плеча орла, изображается въ нихъ особо. Гербы исчисленныхъ родовъ представляютъ слѣдующія отличія: 1) въ гербѣ Хвостовыхъ (II, 35): щитъ разбитъ на двѣ неравныя части, верхнюю пространную и нижнюю малую. Первая разсѣчена на три части, и изъ нихъ на средней помѣщенъ щитокъ голубаго цвѣта съ изображеніемъ державы, т. е. золотаго шара съ обыкновенною на немъ перевязью и утвержденнымъ на верху крестикомъ. Затѣмъ на среднемъ столбѣ въ золотомъ полѣ изображены три рѣки съ пущенными въ правую сторону серебряными стрѣлами, въ двухъ боковыхъ частяхъ, въ серебряныхъ поляхъ видны съ правой стороны красный крестъ, съ лѣвой роза; въ особомъ же треугольникѣ, въ вершинѣ щита, представленъ въ красномъ полѣ бѣлый одноглавый орелъ съ золотымъ въ лапѣ шаромъ; наконецъ въ нижней части, также разсѣченной на двѣ половины, изображены въ голубыхъ поляхъ на правой сторонѣ рука въ латахъ, выходящая изъ облаковъ и съ обнаженнымъ мечемъ, а на лѣвой-серебряный полумѣсяцъ рогами вверхъ, надъ нимъ три шестиугольныхъ звѣзды. Щитъ держатъ два грифа. Въ гербѣ Гр. Хвостовыхъ (VIII, 7), пожалованныхъ этимъ достоинствомъ отъ Сардинскихъ Королей, удержаны совершенно тѣже эмблемы, но въ расположеніи ихъ та только разница, что орелъ помѣщенъ въ среднемъ щиткѣ, а треугольникъ въ вершинѣ щита занятъ головою Мавра съ надписью по сторонамъ треугольника: Bellicae in Subalpinis virtuti (за храбрость при Альпійскихъ горахъ); 2) у Бѣлкиныхъ и Отяевыхъ (V, 21, II, 36) щитъ разбитъ на двѣ половины, и на срединѣ его положенъ голубой щитокъ съ изображеніемъ золотой державы. Затѣмъ верхняя половина, раздѣленная

съ угловъ двумя діагональными чертами, соединенными надъ малымъ щиткомъ, имѣетъ голубое поле съ изображеніемъ летящаго орла съ золотымъ въ лапѣ шаромъ, а по сторонамъ этого треугольника изображены въ правомъ серебряномъ полѣ красный крестъ и въ лѣвомъ золотомъ роза; въ нижней же пополамъ разсѣченной части означены на правой сторонѣ въ красномъ полѣ рука въ латахъ и съ мечемъ, а на лѣвой въ голубомъ полѣ такой-же, какъ у Хвостовыхъ, полумѣсяцъ съ тремя звѣздами; щитъ держатъ также два грифа. Наконецъ 3) въ гербѣ Шафровыхъ (IX, 11) первую четверть четверочастнаго щита занимаетъ бѣлый летящій въ красномъ полѣ одноглавый орелъ, вторую, золотую—выходящая съ лѣвой стороны изъ облакъ рука съ обнаженнымъ мечемъ, въ третьей того-же металла три рѣки съ летящими вправо тремя стрѣлами и въ четвертой изображены въ красномъ полѣ серебряный полумѣсяцъ рогами вверхъ и надъ нимъ три золотыя шестиугольныя звѣзды..

4) Гербы потомства Шимона Афракановича, выѣхавшаго, по показанію нашихъ родословныхъ, то изъ Варягъ, то изъ Нѣмецъ (должно предполагать съ береговъ Балтійскаго моря, нынѣшнихъ Нѣмецкихъ земель), т. е, опять изъ Поморія. Родоначальникомъ ихъ былъ Африканъ или Афрекъ, братъ Якуна слѣпаго, Варяжскаго Князя. Афраканъ имѣлъ двухъ сыновей Фріянда и Шимона. Послѣдній изъ нихъ, тѣснимый дядею своимъ Якуномъ, съ 3000 Варягами прибылъ въ Кіевъ къ Великому Князю Ярославу Владиміровичу въ 1027 году и, принявъ крещеніе отъ Преподобнаго Антонія, основателя Кіевопечерской Лавры, нареченъ Симономъ (1). Отъ этого ро-

(1) Бархатная Кн. часть II, Стр. 14; Временникъ в. о. и. стр. 90, 91. Энциклопед. Лексик. XII, 47.

доначальника идутъ у насъ роды Аксаковыхъ, Башмаковыхъ, Воронцовыхъ, Вельяминовыхъ и Исленьевыхъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы уже упоминали въ отдѣлѣ о Польскихъ геральдическихъ эмблеммахъ; такъ у Аксаковыхъ гербъ *Аксакъ*, т. е. въ серебряномъ полѣ сердце краснаго цвѣта, пронзенное стрѣлою, летящею къ правому нижнему углу (IV, 19); у Воронцовыхъ—*Олива* (гербъ, перенесенный въ Польшу изъ Пруссіи, гдѣ есть и до сихъ поръ городъ Олива): щитъ раздѣленъ діагонально чертою съ правой стороны на двѣ части, изъ которыхъ верхняя серебряная, а нижняя красная, на чертѣ изображены двѣ розы съ одною между ними лиліею перемѣнныхъ съ полями цвѣтовъ. Таковъ родовой гербъ Воронцовыхъ. За заслуги имъ прибавлены въ вершинѣ въ черномъ полѣ золотое стропило съ тремя гранатами и между стѣнками стропила три серебрянаго цвѣта шестиугольныя звѣзды. Въ соотвѣтствіе съ тѣмъ на одномъ изъ шлемовъ герба Графовъ Воронцовыхъ положена Лейбъ-кампанская шапка (См. ниже), на среднемъ сидитъ Россійскій двуглавый орелъ, какъ въ гербахъ большей части жалованныхъ Графскимъ достоинствомъ, и наконецъ на правомъ крайнемъ шлемѣ видны шесть знаменъ бѣлыхъ и красныхъ, изъ нихъ средніи съ двуглавыми орлами. Девизъ Графовъ Воронцовыхъ: Semper immota fides, т. е. никогда непоколебимая вѣрность. (Герб. I, 28).—Подъ Польскимъ гербомъ *Елитою* (стр. 427, 428) было уже упомянуто о гербѣ Вельяминовыхъ: въ немъ правую сторону разсѣченнаго на двое щита занимаетъ въ золотомъ полѣ половина бѣлаго орла съ золотою на главѣ короною, а въ лѣвой въ красномъ полѣ положены крестообразно три палицы, имѣющія золотыя рукоятки и копья (II, 22).—Въ гербѣ Башмаковыхъ (V, 106) щитъ

раздѣленъ діагонально съ лѣваго верняго угла на двѣ части, изъ которыхъ въ правой, въ голубомъ полѣ у подошвы щита видна половина серебряной крѣпости съ башнею о пяти зубцахъ, а въ лѣвой въ золотомъ полѣ рука въ латахъ съ саблею; она же повторяется и въ нашлемникѣ. Наконецъ гербъ Исленьевыхъ (IV, 20) состоитъ изъ разбитаго на двое щита, въ верхней половинѣ котораго изображенъ перпендикулярно серебряный якорь, а въ нижней—въ красномъ полѣ стоящій на заднихъ лапахъ левъ съ мечемъ въ правой передней лапѣ.

5) Въ 1353 году выѣхалъ, по показанію нашихъ родословныхъ, изъ Цесаріи въ Черниговъ мужъ честенъ Индрисъ съ двумя сыновьями и тремя тысячами людей и служителей. Во Святомъ крещеніи онъ нареченъ Леонтьемъ и чрезъ правнуковъ своихъ сталъ родоначальникомъ Васильчиковыхъ, Даниловыхъ, Дурновыхъ, Толстыхъ и Федцовыхъ. Послѣдніе пресѣклись, а гербъ первыхъ состоитъ изъ изображенныхъ въ голубомъ полѣ пересѣкающихся крестообразно золотой сабли и серебряной стрѣлы, которыя продѣты остроконечіями сквозь кольцо золотаго ключа, надъ ключемъ же съ лѣвой (въ другихъ гербахъ съ правой стороны видно распростертое бѣлое крыло (грб. II, 42, 43: V, 23, 24). Ср. грб. Кайсаровыхъ (VII, 74); Пещуровыхъ (I, 84); Молчановыхъ (I, 55); Тухачевскихъ (VII, 10). Въ гербѣ Графовъ Толстыхъ родовый ихъ гербъ занимаетъ сердце щита (грб. II, 12); прочія же эмблемы свидѣтельствуютъ о заслугахъ, какъ то будетъ объяснено ниже.

6) Гербъ Беклемишевыхъ, происходящихъ отъ мужа честна именемъ Льва, выѣхавшаго изъ Пруссіи къ Великому Князю Василію Дмитріевичу, состоитъ изъ щита,

разбитаго на двѣ неравныя части: верхнюю малую голубаго цвѣта съ изображеніемъ въ ней сіяющаго солнца, и нижнюю пространную краснаго цвѣта, въ которой находится золотой левъ въ коронѣ, держащій въ правой лапѣ мечъ, поднятый вверхъ; щитъ держатъ два орла (грб. IV, 36). (1).

Мы не имѣли притязанія исчислить всѣ дворянскіе роды, выѣзжіе изъ Пруссіи, а показали главнѣйшіе. Вообще же у насъ значится по родословнымъ много родовъ выѣзжихъ изъ Пруссіи, родовъ, по населенію страны и характеру ея жителей Славянскихъ. Поэтому гербы этихъ фамилій имѣютъ много общаго съ Славянскими знаменами, которыя обыкновенно называются Польскими.

Изъ другихъ Славянскихъ земель къ намъ также выѣзжали люди благороднаго происхожденія, и притомъ или прямо или чрезъ Литву и Пруссію, что̀ отразилось и въ гербахъ многихъ изъ этихъ фамилій,—гербахъ, носящихъ несомнѣнные признаки Славянскихъ знаменъ.

Древніе гербы Южно-Славянскихъ земель: Болгаріи, Далмаціи, Илляріи, Сербіи, Славоніи и другихъ странъ, населенныхъ Славянами, изображены на печати знаменитаго Сербскаго Императора Стефана Душана Сильнаго (2) и достойны вниманія потому, что слѣды ихъ вліянія видны въ нѣкоторыхъ гербахъ Русскихъ фамилій, происшедшихъ изъ этихъ странъ. Для примѣра указываемъ на гербъ Далмаціи: онъ состоитъ изъ положен-

---

(1) Бархати. Кн, II, 286, Времен. въ о. и. стр. 113. Энцикл. Лексик. V. 200. Съ Беклемишевыми одного рода показываются Зиѣевы, Княжнины, Орловы и Щепотьевы.

(2) *Раича*, Исторія Славянскихъ народовъ. Т. II. Заглавный листъ.

выхъ въ голубомъ полѣ трехъ львиныхъ головъ въ коронахъ такъ, что двѣ головы помѣщены сверху, а третья внизу ([1]). Тѣ же три львиныя головы, съ нѣкоторыми измѣненіями, видимъ въ гербахъ: 1) Головковыхъ (IX, 34): въ щитѣ серебрянаго цвѣта изображены двѣ шпаги, обращенныя остроконечіями вверхъ и между ними на полосѣ, разрѣзанной діагонально къ лѣвому верхнему углу, въ голубомъ и красномъ поляхъ находятся три золотыя львиныя головы, означенныя одна надъ другою; 2) Головниныхъ (IX, 59): въ нижней половинѣ ихъ герба изображены три золотыя львиныя головы, двѣ вверху и одна внизу, а въ верхней половинѣ щита въ красномъ полѣ означены двѣ серебряныя пики, между ними на серебряномъ столбѣ крѣпость чернаго цвѣта, и 3) въ гербѣ Свищовыхъ (VIII, 58): по красному полю изображена серебряная перевязь вправо съ тремя на ней львиными головами, между ними положены двѣ шпаги съ золотыми ефесами, обращенныя остроконечіями, верхняя въ лѣвую, а нижняя въ правую стороны. На шлемѣ надъ короною видѣнъ выходящій до половины левъ съ саблею между двумя орлиными крылами, съ серебряными на нихъ крестами.

Такія же перестановки дѣлались съ гербами и другихъ Славянскихъ земель, напр. Илларіи, Сербіи, причемъ не чуждались тѣхъ фигуръ, которыя употреблялись въ Польской геральдикѣ и уже приведены выше. Чаще другихъ употреблялся левъ: его мы видимъ въ гербахъ Болгаріи, Македоніи, древней Дакіи и иныхъ Славянскихъ земель. Мы позволимъ себѣ описать здѣсь слѣдующіе гербы Русскихъ дворянскихъ фами-

---

(1) Тамъ же, стр. 683.
ПЕР.

лій, выѣзжихъ изъ Славянскихъ земель: 1) Воейковыхъ. О выѣадѣ предковъ ихъ сохранилось въ нашихъ родословныхъ слѣдующее извѣстіе: къ Великому Князю Дмитрію Іоанновичу выѣхалъ въ 1383 году Воейко Войтеговичъ, сынъ перваго вельможи Сербскаго Государства, обладателя города Терновца и державца Прусской земли. По кончинѣ отца своего, онъ, оставивъ городъ Тернову въ обладаніе старшему своему брату, Фріовлу, прибылъ въ Пруссію, гдѣ и былъ вмѣсто отца своего державцемъ. Отсюда, въ слѣдствіе внутреннихъ смутъ и несогласій, Воейко съ 150 Сербами, Болгарами и Пруссаками выселился въ Москву. Старобытный гербъ Воейко былъ: два серебряныхъ змѣя, поставленныхъ подъ короною одинъ противъ другаго. Стоящій съ правой стороны—безъ крыльевъ, съ лѣвой—крылатъ. Въ гербѣ Воейковыхъ эта эмблемма помѣщена въ первой четверти въ зеленомъ полѣ, и въ четвертой въ золотомъ. Затѣмъ Польскій гербъ *Брохвичъ*, т. е. олень (см. стр. 416) занимаетъ вторую и третью четверти съ тѣмъ только различіемъ, что во второй части олень имѣетъ на шеѣ корову, а въ третьей онъ безъ нея (¹) (II, 50); 2) Лазаревыхъ-Станищевыхъ, выѣхавшихъ изъ Сербіи въ княженіе Великаго Князя Іоанна Даниловича Московскаго; въ ихъ гербѣ (VI, 14): щитъ раздѣленъ на четыре части, изъ которыхъ въ первой, разсѣченной на двое, въ правомъ черномъ полѣ горизонтально изображены четыре золотыя полосы, а въ лѣвомъ, голубомъ, выходящая съ правой стороны рука съ поднятою вверхъ шпагою; во второй части, въ красномъ полѣ на серебряной перевязи вправо положено два черныхъ орлиныхъ крыла; въ

(¹) *Ювеналія Воейкова*—Историческое родословіе благородныхъ дворянъ Воейковыхъ. М. 1792, стр. 19, 152.

третьей части видѣнъ въ голубомъ полѣ станъ изъ серебряныхъ палатокъ; наконецъ въ четвертой части въ верхней золотой половинѣ означены перпендикулярно четыре полосы, а въ нижней красной половинѣ идущій вправо золотой левъ. Надъ шлемами изображены съ правой стороны два черныхъ орлиныхъ крыла, съ лѣвой-рука въ латахъ съ мечемъ: Ср. Гб. Лазаревыхъ (III, 142). 3) Милорадовичей, родомъ изъ Рагузы (III, 109): въ щитѣ ихъ герба, имѣющемъ двѣ части верхнюю малую и нижнюю пространную, изображенъ въ первой въ голубомъ полѣ золотой замокъ отъ крѣпостныхъ воротъ; въ нижней части, въ верхнемъ правомъ и нижнемъ лѣвомъ полахъ видно по серебряному полумѣсяцу, обращенному рогами внизъ; а въ лѣвомъ верхнемъ и правомъ нижнемъ, въ золотыхъ полахъ означены части крѣпости. Надъ шлемомъ и короною выходитъ до половины обращенная вправо собака въ золотомъ ошейникѣ. 4) Иностранныхъ Графовъ Подгоричани, родомъ изъ Цетты или Центы (VI, 130): помѣщенный въ сердцѣ четверочастнаго герба ихъ серебряный щитокъ носитъ изображеніе буквы L. Въ первой и четвертой частяхъ золотаго цвѣта изображено два черныхъ двуглавыхъ орла подъ Императорскою Короною, во второй же и третьей частяхъ видны два до половины вылетающіе черные одноглавые орлы съ распростертыми крыльями, подъ ними въ красномъ полѣ на серебряныхъ полосахъ діагонально означены два льва. Щитъ увѣнчанъ тремя шлемами, изъ которыхъ средній держитъ двуглаваго орла, на двухъ боковыхъ видны одноглавый орелъ и левъ, оба подъ короною. 5) Шевичей, родомъ изъ Иллиріи. Въ ихъ гербѣ (II, 132) щитъ раздѣленъ на подобіе Андреевскаго креста на четыре части, изъ которыхъ въ пер-

вой и четвертой изображено по золотой лунѣ, обращенной вверхъ рогами, а во второй и третьей частяхъ въ золотомъ полѣ двѣ десатиугольныя звѣзды цвѣта краснаго. Надъ шлемомъ стоитъ обращенный вправо левъ; 6) Штеричей, родомъ изъ Иллирической Сербіи, провинція Моравы. Въ гербѣ ихъ (VII, 160), принадлежавшемъ этой фамиліи еще до 1010 года, щитъ цвѣта краснаго. Въ немъ поставлено золотое стропило и по сторонамъ его изображены три дворянскихъ короны. Надъ шлемомъ видѣнъ выходящій красный левъ, обращенный влѣво; и 7) Янковичей-де-Миріево. Они родомъ изъ Сербіи, отиуда, по покореніи ея Турками, перешли въ Венгрію и поселились недалеко отъ Бѣлграда въ селеніи Миріевѣ. Въ память услугъ ихъ Австрійскимъ Императорамъ и подвиговъ противъ Турокъ, имъ дарованъ въ Австріи слѣдующій гербъ: первая и послѣдняя четверти четверочастнаго щита заняты изображеніемъ въ золотомъ полѣ чернаго одноглаваго орла; во второй и третьей четвертяхъ означено въ серебряномъ полѣ горизонтально по двѣ полосы краснаго цвѣта, и въ этихъ полахъ поставлено на трехъ зеленыхъ холмахъ по золотому льву, съ короною на головѣ. Въ лапахъ каждый изъ нихъ держитъ по мечу и отрубленной головѣ Турка. Такой же левъ выходитъ изъ нашлемникѣ между двумя крыльями (V, 136).

Разрядъ гербовъ дворянскихъ фамилій, выѣзжавшихъ въ Россію изъ Славянскихъ земель, мы заключимъ обзоромъ гербовъ фамилій выѣхавшихъ изъ Молдавіи и Валлахіи, странъ, по народонаселенію своему, Славянскихъ, не смотря на то, что они долго находились подъ властью Римлянъ и въ разное время подчинялись инымъ племенамъ, проходившимъ по этому пути изъ Азіи въ Европу.

Сосѣдство съ Россіею и присоединеніе къ державѣ Русской Бессарабіи (стр. 325) способствовали выѣзду къ намъ многихъ родовъ изъ той и другой земель. Свидѣтельство о происхожденіи этѣхъ фамилій осталось въ ихъ гербахъ, а именно: гербы дворянъ Валахскихъ отличаются летящею влѣво птицею съ крестомъ въ клювѣ, эмблемою, могущею напоминать времена владычества Римлянъ въ Валахіи (извѣстно, что Валахи до сихъ поръ называютъ себя Руманами, т. е. Римлянами) (1). Изъ Валахіи происходятъ Херасковы: въ гербѣ ихъ верхняя половина голубая и имѣетъ съ правой стороны изображеніе золотаго солнца, съ лѣвой-серебрянаго полумѣсяца, рогами обращеннаго вправо; въ нижней же части, въ красномъ полѣ, представленъ черный орелъ съ золотымъ въ клювѣ крестомъ, стоящій на золотомъ драконѣ (II, 134). Молдавскій гербъ, т. е. воловья голова, иногда со звѣздою между рогами, кольцемъ во рту, солнцемъ и полумѣсяцемъ по сторонамъ головы (см. стр. 444) имѣютъ Князья Кантемиры (2) (вымершіе) и роды, выѣхавшіе изъ Молдавіи, каковы: Абазы, Бантышъ-Каменскіе (IV, 138) щитъ разбитъ на двѣ части и изъ нихъ верхняя разсѣчена; въ правомъ красномъ полѣ изображенъ ѣздокъ, скачущій на конѣ въ правую сторону, въ лѣвомъ золотомъ видна бычачья голова, въ нижнемъ золотомъ полѣ представленъ черный одноглавый орелъ съ распростертыми крыльями, вылетающій изъ половинчатаго краснаго щитка, на которомъ положены три драгоцѣнные камня. Въ нашлемникѣ также орелъ); Кулаковскіе (X, 112) и иные.

(1) Энциклопедическій Лексиконъ Т. VIII, стр. 99.

(2) Исторія о жизни и дѣлахъ Молдавскаго Господаря Князя Константина Кантемира. Соч. Беера. М. 1783. стр. 7, 363, 373.

§ 93.

Гербы родовъ выѣзжихъ изъ Германіи, Италіи, Греціи, Франціи, Англіи, Швеціи, Даніи и другихъ странъ Европы.

При выѣздѣ въ Россію дворянъ изъ Западной Европы, гдѣ гербы были ранѣе, чѣмъ у насъ, требовались положительныя доказательства вопервыхъ о благородствѣ происхожденія лицà и во вторыхъ о принадлежности ему родоваго герба, и только послѣ такого удостовѣренія присвоивались лицу права, принадлежащія ему по рожденію. Путемъ выѣздовъ къ намъ отовсюду служилыхъ людей внесены въ нашу Геральдику гербы изъ всей Европы; и потому для правильнаго ихъ уразумѣнія необходимо обращаться къ источнику, изъ котораго они почерпнуты. Очевидно, что исчисленіе, описаніе и объясненіе гербовъ всѣхъ иностранныхъ благородныхъ фамилій, поселявшихся въ Россіи и, такъ сказать, необрусѣвшихъ чрезъ перемѣну фамиліи, заставило бы насъ выйдти изъ предѣловъ, положенныхъ самымъ заглавіемъ нашего труда. Мы считаемъ достаточнымъ отмѣтить здѣсь гербы тѣхъ только дворянскихъ родовъ, которые выѣхали въ Россію цѣлыя уже столѣтія и утратили всякіе слѣды своего выѣзда изъ чужой земли. Происхожденіе этихъ родовъ стало до того неразпознаваемымъ, что свидѣтельства родословныхъ о времени когда, и о мѣстѣ, откуда они выѣхали, не ясны и часто противорѣчатъ одно другому. Чтобы объяснить нашу мысль примѣромъ, достаточно указать на Салтыковыхъ, Воронцовыхъ и др. выѣзжіе изъ Пруссіи роды, которыхъ конечно никто не назоветъ иностранцами, хотя несом-

мѣнемъ выѣздъ ихъ предковъ изъ страны намъ чуждой. Не смотря на пятьсотъ, шестьсотлѣтнее пребываніе ихъ въ Россіи, слѣдъ выѣзда ихъ не изгладился только въ ихъ гербѣ.

Считаемъ при этомъ не лишнимъ показать, какое вниманіе обращалось у насъ на то, чтобы благородство выѣзжаго рода было несомнѣнно и какое придавалось значеніе родовому гербу, сохранявшемуся въ Россіи въ своемъ первоначальномъ видѣ и дополнявшемуся только личными эмблеммами за особенныя заслуги на пользу отечества. Изъ многихъ свидѣтельствъ указываемъ на одно, которое заимствуемъ изъ диплома, даннаго въ 1721 году на Графское достоинство Генералъ-Фельдцейхмейстеру Якову Вилимовичу Брюсу: «По объявленной отъ него родословной вѣдомости и грамотѣ о происхожденіи фамиліи его, которую подлинную онъ вналъ въ нашу Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, за подписаніемъ Королевства Шкодскаго Оберъ-Герольдмейстера, и за печатью гербовою онаго Королевства, съ приписаніемъ по свидѣтельству рукъ знатныхъ сродниковъ его, въ которой по переводу изображено, что онъ произшелъ изъ древней благородной фамиліи Шкодской Брюсовъ изъ дому Клакмананъ, изъ котораго дому были два Короля Шкодскіе, а именно: 1306 году, по Рождествѣ Христовѣ, Робертъ, и по немъ сынъ его Давидъ, а прадѣдъ его Генерала-Фельдцейхмейстера нашего Яковъ же Брюсъ произшелъ изъ того же дому отъ родителя своего Роберта Брюса, кавалера златого ордена по линіи того дому барона седьмаго де-Клакманапъ, которой былъ братъ меньшой седьмому барону по линіи изъ Клакманана Роберту; дѣдъ его Генерала-Фельдцейхмейстера нашего Робертъ изъ дому Клакмананажъ, котораго сынъ, а его

Генерала нашего Фельдцейхмейстера отецъ Гвилелмъ въ 1647 году выѣхалъ изъ Англіи въ Россійское Государство и служилъ оной блаженныя и вѣчнодостойныя памяти отцу нашему Его Величеству Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу Самодержцу Всероссійскому и братьямъ нашимъ Царемъ и Великимъ Княземъ Ѳедору Алексѣевичу, Іоанну Алексѣевичу Самодержцемъ Всероссійскимъ и Намъ со всякою вѣрностію въ разныхъ чинахъ, а напослѣдки въ Полковникахъ до 1680 году и въ томъ году умре. А по немъ сынъ его помянутый Яковъ Вилимовичъ въ 1688 году опредѣленъ въ нашу службу въ прапорщики и былъ на нашихъ службахъ въ воинскихъ походахъ въ двухъ Крымскихъ въ 1689 и въ 1691 годѣхъ, а потомъ въ двухъ же Азовскихъ, въ первомъ въ 1695 году маіоромъ и управлялъ онъ инженерное дѣло, въ другомъ въ 1696 году служилъ на галерѣ за капитана морскаго, и въ тѣхъ годѣхъ, за его прилѣжныя службы произведенъ чинъ отъ чина въ Полковники». За тѣмъ слѣдуетъ подробное исчисленіе разныхъ заслугъ Брюсса, которыя въ гербѣ дополнили его родовую эмблему, что въ той же грамотѣ описано слѣдующимъ образомъ: « гербы его родовые послѣдующимъ образомъ умножа вѣчно впредь употреблять жалуемъ и позволяемъ, то есть на полѣ златомъ крестъ Св. Андрея и верхъ щитовый красножовыя надъ шлемомъ того жде степени приличнымъ плащемъ красным серебромъ раскращеннымъ и вѣнцемъ отъ тѣхъже цвѣтовъ украшеннымъ, вмѣсто перья написуется плечо вооруженное булаву въ рукѣ держащее поддержатъ, отъ десныя страны левъ красножовый, отъ лѣвые же единорогъ природнаго цвѣта съ щитовымъ симъ надписаніемъ: *Быхомъ* (т. е. fuimus); а къ тому прежнему его гербу въ пре-

банку, за его къ намъ вѣрныя и прилѣжныя службы, какъ при добыванiи неприятельскихъ городовъ, такъ и при баталiяхъ по нашей милости ему наданныя и незаменующiя соизволяемъ ему имѣти сицевымъ образомъ: «новой щитъ на четверо раздѣленный, въ его же среднѣ имѣть ему прежнiй его гербовой щитъ, яко же выше описанъ, въ первомъ и въ третьемъ раздѣленiи щита въ синемъ полѣ часть бѣлой городовой стѣны, справа накось на лѣво стоящую, надъ оною ядро огненное съ тремя пламенами натуральнаго цвѣта, да за его вѣрную къ намъ службу во время бытности его нашимъ первѣйшимъ полномочнымъ Министромъ на Аландскомъ конгрессѣ, опредѣляемъ ему во второе и четвертое раздѣленiе щита въ бѣломъ полѣ съ боковъ двѣ темнозеленыя дуги, едина противъ другiя стоящiя, между ими черная орлова глава съ короною, якоже въ гербѣ изображено, надъ симъ щитомъ сверхъ его прежняго шлема и украшенiя еще два шлема откровенныя, а именно съ правой стороны, имѣя корону Баронскую, надъ оною часть городовыя стѣны, какова въ первомъ и третьемъ раздѣленiи щита изображена, съ лѣвой стороны шлемъ, имѣя Графскую корону, надъ оною глава чернаго орла съ короною противъ изображенной во второмъ и четвертомъ раздѣленiи щита, а плащь также, щитодержавцы и подпись употреблять ему при семъ гербѣ таковымъ образомъ, какъ въ его прежнемъ гербѣ изображена и цвѣтомъ расписана». Такой гербъ Графовъ Брюсовъ внесенъ и въ Гербовникъ (II, 11). Изъ этого примѣра (подобныхъ можно бы привести много преимущественно изъ жалованныхъ иностранцамъ на Графское достоинство грамотъ) ясно, что выѣзжему роду вмѣстѣ съ его прозванiемъ сохранялся его родовой гербъ, заслугами же прi-

обрѣталось право на разныя почетныя эмблеммы, жалуемыя отъ Русскихъ Государей.

Необходимо повторить здѣсь правило, которое наблюдалось при усвоеніи гербовъ родамъ выѣзжимъ изъ западной Европы: если они были владѣтельными князьями, то въ гербѣ ихъ сохранялся гербъ города или области, находившейся во владѣніи предковъ лица, въ противномъ случаѣ эмблеммы были частныя, родовыя. Изъ числа первыхъ, въ ряду фамилій выѣзжихъ изъ *Германіи*, мы укажемъ на Нарышкиныхъ: по удостовѣренію нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей, они происходятъ изъ Богеміи отъ фамиліи Нарисци, которая въ древнія времена имѣла во владѣніи городъ «Егру, состоящій въ Германіи на границахъ Богеміи.» (1) Потому гербъ Нарышкиныхъ во многомъ напоминаетъ гербъ города Егера, а именно: въ верхней половинѣ разбитаго щита видѣнъ въ голубомъ полѣ вылетающій до половины черный одноглавый орелъ, въ нижней въ красномъ полѣ представлена золотая рѣшетка. Щитъ держатъ два льва (Грб. II, 11).

Изъ *Нѣмецъ*, равно какъ изъ Цесаріи, Бархатная книга выводитъ очень много такихъ родовъ, которые по всѣмъ примѣтамъ выѣхали въ Россію изъ Пруссіи и другихъ Славянскихъ земель. Мы о нихъ подробно говорили уже выше (въ § 29). Много также признаковъ Славянскаго происхожденія носятъ на себѣ гербы: Безобразовыхъ (II. 83), Мавриныхъ (I. 41), Наумовыхъ (II. 41) и

---

(1) По Бархатной книгѣ Т. II, стр. 350, 374, 421 и *Миллеру* Извѣстія о дворянствѣ стр. 436 Нарышкины показаны изъ Крыма. Ср. гербовникъ II, 11.

Левшиныхъ. Въ гербѣ Безобразовыхъ верхнюю голубую половину на двое разбитаго щита занимаетъ летящая внизъ стрѣла между двумя золотыми звѣздами; въ нижней въ серебряномъ полѣ видна бѣгущая изъ лѣсу лошадь, въ нашлемникѣ единорогъ между двума орлиными крыльями. Далѣе олень изображенъ въ гербахъ Мавриныхъ и Наумовыхъ. Чтоже касается до Левшиныхъ, то ихъ производятъ отъ выѣхавшаго въ Великому Князю Димитрію Іоанновичу Донскому изъ Швабіи Сувола Левенштейна (¹). Поэтому первоначально употреблялся въ ихъ родѣ гербъ Левенштейновъ, т. е. левъ, стоящій на заднихъ лапахъ и увѣнчанный короною, а впослѣдствіи гербъ ихъ измѣнился и утвержденъ въ царствованіе Государя Императора Павла Петровича. Онъ употребляется Левшиными донынѣ: щитъ раздѣленъ двумя діагональными чертами, соединенными на срединѣ щита, и третьею разсѣченъ пополамъ. Затѣмъ изъ трехъ частей въ верхней изображенъ гербъ *Лелива*, т. е. звѣзда надъ луною; въ нижней части въ правомъ красномъ полѣ виденъ выходящій съ лѣвой стороны до половины бѣлый орелъ съ распростертымъ крыломъ; а въ лѣвомъ голубомъ полѣ стоящій черный медвѣдь держитъ въ переднихъ лапахъ серебряный мечь. Тотъ же медвѣдь до половины виденъ и въ нашлемникѣ (Грб. III, 24).

Затѣмъ по порядку мы переходимъ къ родамъ, выѣзжимъ изъ *Италіи:* здѣсь сохранилось древнѣйшее въ Европѣ дворянство. Въ Россію выѣхали изъ Италіи: 1) *Нащокины*. Въ поколѣнной росписи, поданной въ Разрядъ 22 Мая 1686 года и подписанной восьмью Нащоки-

(¹) Историческое сказаніе о выѣздѣ, военныхъ подвигахъ и родословіи благородныхъ дворянъ Левшиныхъ. М. 1812.

ными и четырьмя Ордыньими-Нащокиньими, сказано, что родоначальникъ ихъ дома *Величко* Дуксъ (Dux, т. е. Герцогъ, по-Русски Князь и Владѣтель) Итальянской земли, выѣхалъ въ Тверь къ Великому Князю Александру Михайловичу. Это случилось около 1327 года. Въ Твери Величко, принявъ Грекороссійское исповѣданіе, былъ нареченъ Дмитріемъ и получилъ прозваніе Краснаго. Сынъ его Дмитрій Дмитріевичь во время битвы съ Татарскимъ Посломъ Щелканомъ, получилъ саблею рану на *щекѣ*, отъ чего потомки его и были прозваны *Нащокиными*. По смерти В. Князя Александра Михайловича и по кончинѣ своего отца Дмитрій Нащока переѣхалъ изъ Твери въ Москву къ В. Князю Симеону Іоанновичу Гордому. Отъ тогоже родоначальника происходятъ: Безнины, Олферьевы и Ордины-Нащокины, нынѣ вымершіе (1). Гербъ Нащокиныхъ напоминаетъ многіе гербы (2) древнѣйшихъ фамилій Италіи: въ голубомъ полѣ изображенъ сидящій на золотомъ стулѣ нагой мужъ (по всѣмъ примѣтамъ это Юпитеръ), имѣющій въ рукѣ серебряныя стрѣлы, у ноги его черный орелъ; по сторонамъ щита въ верхней его части видно по золотой ку-

(1) *Бороздина*, Опытъ Историческаго Родословія Нащокиныхъ. СПб. 1821. Временникъ в. о. и. стр. 197 упоминаетъ: «пріѣхалъ во Тверь къ Великому Князю Александру Михайловичу Тверскому изъ *Нѣмецъ*, изъ Италійскіе (т. е. Итальянской) земли... имя его Дускъ (вмѣсто Дуксъ) а прозвище Величко». Ср. 43 стр.

(2) Пользуемся случаемъ, чтобы указать на величайшую рѣдкость, хранящуюся въ эрмитажной библіотекѣ. Это замѣчательной въ художественномъ отношеніи отдѣлки и съ рѣдкимъ трудолюбіемъ составленный *Литтою* гербовникъ древнѣйшихъ фамилій Италіи и ихъ генеалогія, въ 4 томахъ и 6 книгахъ дополненій. *Litta* Famiglie celebre di Italia. Milano. 1819. Vol. 4. Supl. Vol. 6.

зыкальной трубѣ. Въ нашлемникѣ три строусовыхъ пера между двумя трубами (Грб. III); и 2) Родъ Графовъ *Паниныхъ:* онъ выѣхалъ въ Россію изъ Лукской Республики въ XIV столѣтіи. Члены этой древней и славной по дѣяніямъ своимъ фамиліи служили отечеству на военномъ и гражданскомъ поприщахъ, и были уже въ знатныхъ чинахъ въ царствованіе Государей Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича, и неоднократно упоминаются въ разрядахъ того времени; отецъ же Графа Никиты Ивановича Панина, котораго такъ отличала, за его достоинства, Императрица Екатерина II, пользовался уже благоволеніемъ Государя Императора Петра Великаго. Въ 1767 году Сентября 22 Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Никита Ивановичъ Панинъ, въ воздаяніе за попеченіе о воспитаніи наслѣдника Престола Павла Петровича и за ревность, съ которою онъ исполнялъ «великое множество дѣлъ какъ внутреннихъ, такъ и иностранныхъ», возведенъ въ Графское достоинство вмѣстѣ съ братомъ своимъ Петромъ Ивановичемъ, который какъ въ военной службѣ, предводительствуя арміями, такъ и въ гражданской, будучи Сенаторомъ, стяжалъ имени своему славу[1].—Гербъ Гр. Паниныхъ состоитъ изъ изображенныхъ въ голубомъ полѣ двухъ серебряныхъ китовъ, раздѣленныхъ одинъ отъ другаго золотою полосою. Китъ означаетъ въ Геральдикѣ царя водъ, и потому эмблема эта нерѣдка въ гербахъ дворянскихъ фа-

---

(1) *Бантыша-Каменскаго*, Словарь достопамятныхъ людей Т. IV, стр. 96—126. *Терещенко*, Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи. СПб. 1837. Т. II, стр. 110—143. Жизнь Графа Никиты Ивановича Панина. СПб. 1787.—Ср. Сочиненія Фонъ-Визина (Смирдинское изданіе) стр. 587 и сл.

милій приморскихъ странъ Италіи (¹). Изъ трехъ шлемовъ, видимыхъ на щитѣ, средній держитъ на себѣ чернаго двуглаваго орла съ двумя золотыми коронами, второй шлемъ съ правой стороны украшенъ строусовыми перьями, третій съ лѣвой—дворянскою короною (Грб. I, 25).

Переходя къ родамъ, выѣхавшимъ къ намъ изъ *Греціи*, необходимо различить съ одной стороны гербы потомковъ бывшихъ на Византійскомъ престолѣ Ангеловъ, Палеологовъ, Кантакузеновъ, Ласкарисовъ и др. (²), которые сохранили въ своихъ гербахъ двуглаваго орла, и съ другой—гербы Греческихъ дворянскихъ фамилій не царскаго рода. Изъ числа первыхъ мы должны остановиться на родѣ Головиныхъ. Въ нашихъ родословныхъ сохранилось слѣдующее о выѣздѣ ихъ въ Россію извѣстіе: въ правленіе Великаго Князя Дмитрія Іоанновича Донскаго (по другимъ Василія Дмитріевича) прибылъ въ Россію Князь Стефанъ Васильевичъ Ховра изъ вотчины своей Судака, Мавкупа и изъ Кафы (по сказанію иныхъ изъ Татаріи). У Князя Стефана былъ сынъ Григорій Ховринъ (по другимъ Ковринъ); сынъ сего послѣдняго Владиміръ былъ бояриномъ при Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ. Старшій сынъ Владиміра Иванъ Голова есть родоначальникъ Головиныхъ (³). Принадлежность Кафы Грекамъ въ то время, когда предокъ Головиныхъ выѣхалъ въ Москву, безъ всякихъ другихъ до-

---

(¹) Litta famiglie celebri di Italia. Vol. III. Supplem. IV. Tavola 3. 5. Suppl. VI-famiglia Pazzi di Firenze. Ср. Грб. Герцоговъ де Серра-Капріола.

(²) На кладбищѣ при Невскомъ Монастырѣ сохранилась довольно древніе надгробные камни надъ могилами Кантакузеновъ и Ласкарисовъ, съ изображеніемъ ихъ гербовъ: двуглаваго орла и Св. Георгія.

(³) Временникъ в. о. и. Т. X, стр. 89. Бархатная Книга II, 304.

казательствъ, должна бы навести на предположеніе, что этотъ родъ изъ Грековъ, и въ подтвержденіе такого убѣжденія мы можемъ привести нѣсколько мѣстъ изъ нашихъ лѣтописей и другихъ достовѣрныхъ источниковъ, въ которыхъ именно обозначено происхожденіе Ховрина изъ Греціи, «отъ мужа Грецкаго роду зѣло благороднаго и богатаго (1)». Такъ въ завѣщаніи Великаго Князя Василія Іоанновича (1504 г). сказано, что драгоцѣнныя вещи его положены . . . у его печатника «у Юрія Дмитріевича сына Грска». Такихъ свидѣтельствъ много (2). Но какого роду былъ Ховринъ? Родовое преданіе Головиныхъ, отчасти подтверждаемое и фактами, производитъ Стефана Васильевича Ховру отъ владѣтельныхъ Князей Манкупа, которые по томуже преданію были потомками Греческихъ Императоровъ *Комниныхъ*, въ Россіи назвавшихся *Комриными*. Отсюда по ошибкѣ названіе *Ховрины*, (3).—Родъ Головиныхъ можетъ указать нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей, и изъ нихъ Ѳедоръ Алексѣевичь, Фельдмаршалъ и Адмиралъ Петра Великаго, завѣдывавшій Посольскою Канцеляріею и разными приказами, первый кавалеръ Ордена Св. Андрея Первозваннаго, стяжалъ себѣ заслугами Графское достоинство (4). Петръ Великій такъ уважалъ его заслуги, что, желая увѣковѣчить память о нихъ, велѣлъ выбить въ честь его большую серебряную медаль:

---

(1) *Курбскаго* Сказанія, изд. 2, стр. 97.

(2) Всѣ они собраны въ «Родословной Головиныхъ, владѣльцевъ села Новоспасскаго,» изданной П. К. М. 1847. стр. 2—5.

(3) Тамъ же, стр. 6. «Нѣсколько словъ о родѣ Греческихъ Князей Комниныхъ». М. 1834.

(4) *Терещенко* в. о. н. 1, 183. Біографіи Россійскихъ Генералиссимусовъ. т. 1, стр. 1—27.

[illegible] шириной съ [illegible]
[illegible] гербомъ [illegible]
[illegible]
[illegible] у гербѣ лежитъ [illegible]
[illegible] и мужество; [illegible]
[illegible] перяхъ [illegible]
[illegible] рожскій цесаревъ [illegible]
[illegible] и державой въ рукахъ [illegible]
[illegible] и стрѣлы; [illegible]
[illegible] описанный [illegible]
[illegible] четвероконечный [illegible]
[illegible] полѣ, серебр[illegible]
[illegible] право (¹). Въ [illegible]
[illegible] въ сердцѣ гербѣ [illegible]
[illegible] золотое и [illegible]
[illegible] серебро [illegible]
[illegible] орелъ; на [illegible]
[illegible] Императорская [illegible]
[illegible] Россія [illegible]
[illegible] положенный [illegible]
[illegible] серебряный [illegible]
[illegible]

[illegible] стр. 9

голубаго, золотаго и чернаго цвѣтовъ и два съ золотыми головками вымпела, изъ которыхъ правый голубой, лѣвый красный. Щитъ держатъ: коронованные левъ съ мечемъ и соболь со стрѣлою (Грб. V, 31).

Гербы многихъ дворянскихъ родовъ, переселившихся къ намъ изъ Греціи, въ знакъ того-ли, что они выѣхали изъ приморскихъ странъ или что предки ихъ стяжали себѣ богатства мореплаваніемъ и торговлею, имѣютъ (кромѣ другихъ аттрибутовъ, означающихъ службу на военномъ или иномъ поприщѣ, напр. вооруженную мечемъ руку, скрещенныя сабли и т. п.), изображеніе корабля, моря, рыбъ. Мы ихъ видимъ въ гербахъ: Варваціевъ (IX, 157); Кашкиныхъ (I. 58); Критскихъ (VII, 116); Курутъ (X. 11), и др. Такъ какъ Греческія провинціи, изъ которыхъ къ намъ выѣзжали дворянскіе роды, были различны, то неодинаковы и эмблемы въ ихъ гербахъ. Для примѣра указываемъ на гербъ Кацаревыхъ. Они происходятъ отъ древняго Епирскаго рода Кацаросъ, получившихъ такое прозваніе отъ одного изъ потомковъ Казарскихъ Кагановъ, называвшагося Кацаръ-Каганомъ и по крещеніи нареченнаго Георгіемъ. Потомки его служили въ Греціи въ провинціи Яаниѣ, откуда выѣхали въ Россію въ 1735 году. Исторія этой фамиліи выразилась въ ея гербѣ: въ немъ щитъ разбитъ на двое и верхняя половина разсѣчена; въ первомъ голубомъ полѣ изображенъ двойной золотой крестъ надъ серебрянымъ полумѣсяцомъ, рогами внизъ; во второмъ, цвѣта краснаго видимъ грудное изображеніе человѣка, по очертанію лица и головному убору родомъ изъ Епира, и наконецъ въ нижнемъ золотомъ полѣ представлена зеленая гора съ истекающими изъ нея къ верхнимъ угламъ щита двумя рѣками (Грб. III, 111). Также изъ Греціи, отъ знатнѣйшей Греческой

фамиліи, пребывавшей до 1182 года въ Константинополѣ и за тѣмъ поселившейся на островѣ Критѣ, происходятъ Мелиссино. Гербъ ихъ состоитъ изъ положеннаго въ красномъ полѣ малаго золотаго щитка съ изображеніемъ въ немъ трехъ колоколовъ чернаго цвѣта, а вокругъ этого щитка видно въ красномъ полѣ шесть золотыхъ пчелъ, летящихъ вверхъ (пчелы могутъ соотвѣтствовать значенію фамиліи, гдѣ есть звукъ mel, медъ). Щитъ держатъ два орла (Грб. III, 107). Къ этому же разряду выѣзжихъ дворянъ относится родъ Стремоуховыхъ: гербъ ихъ разбитъ на двѣ части, и изъ нихъ верхная разсѣчена. Въ правомъ голубомъ полѣ изображены крестообразно три серебряныя стрѣлы, остроконечіямъ обращенныя внизъ; въ лѣвомъ красномъ полѣ видна половина серебрянаго единорога; и наконецъ въ нижней части, въ золотомъ полѣ означены шишакъ съ перьями, подъ нимъ копье съ саблею, положенныя крестообразно и панцырь, поставленный на натянутомъ лукѣ (Грб. III, 19).

Роды, выѣзжіе изъ *Франціи*, имѣютъ въ своихъ гербахъ очень часто лиліи (впрочемъ эта эмблемма нисколько не чужда и другихъ гербовъ). Мы начнемъ съ многочисленнаго потомства выѣхавшаго въ 1375 году къ Великому Князю Димитрію Іоанновичу Донскому изъ Фряжскаго Государства мужа честна, именемъ Облагиня. Отъ него-то произошли фамиліи Ададуровыхъ (Грб. II, 48); Глѣбовыхъ (V, 27); Глѣбовыхъ-Стрешневыхъ (VII, 9) и Ладыженскихъ (II, 49). Общую во всѣхъ этихъ гербахъ примѣту составляютъ лиліи, расположенныя въ разныхъ поляхъ и бѣгущій изъ лѣса въ правую сторону золотой олень съ вѣтвью во рту. То же отличіе, лилію, сохранили гербы: 1) Лявовыхъ, происходящихъ отъ выѣхавшаго

въ 1408 году къ Великому Князю Василію Дмитріевичу Французскаго воина Гаврила Дивоша. Щитъ въ гербѣ этой фамиліи (I, 51) разсѣченъ на двое: въ правой половинѣ голубаго цвѣта изображены три лиліи, положенныя одна подъ другою, лѣвая красная безъ фигуры; 2) Николевыхъ, происшедшихъ отъ выѣхавшаго въ Россію въ дни Царя Михаила Ѳеодоровича изъ Франціи Николь-Деманора. Въ гербѣ Николевыхъ щитъ разсѣченъ на двѣ части, изъ которыхъ въ правой въ голубомъ полѣ видны половина золотой лиліи и надъ нею золотой крестъ; въ лѣвой же части въ красномъ полѣ изображена золотая шпага, остроконечіемъ утвержденная между таковыхъже двухъ шпагъ, выходящихъ крестообразно съ нижнихъ угловъ сквозь золотую луну, обращенную рогами вверхъ. Въ нашлемникѣ надъ короною повторяется золотая лилія (Грб. II, 96) и 3) указываемъ при этомъ на гербъ Арцыбушевыхъ. Бархатная книга упоминаетъ о двоякомъ происхожденіи этой фамиліи: изъ Литвы и изъ Нѣмецъ (1), гербъ же наводитъ на предположеніе о выѣздѣ ея изъ Франціи; а именно: щитъ раздѣленъ на четыре части; изъ нихъ въ первой и четвертой изображено по рукѣ, облеченной въ серебряныя латы и держащей поднятой мечь, во второй и третьей частяхъ цвѣта голубаго представлены три золотыя лиліи и три золотые хлѣбные колоси. Нашлемникъ состоитъ изъ золотой лиліи между двумя черными орлиными крыльями (Грб. X, 51).—Ср. грб. рода Грязново (IV, 40).

Тѣ же лилія видна въ гербахъ и такихъ дворянскихъ фамилій, выѣхавшихъ изъ Франціи, которыя сохранили

---

(1) Бархатная Книга, II, 283.

свои прежнія прозванія; такъ напр. родъ Корсиканскихъ дворянъ Графовъ Поццо де-Борго имѣетъ въ гербѣ, кромѣ двуглаваго Императорскаго орла въ вершинѣ, во второмъ и третьемъ поляхъ четверочастнаго щита въ голубыхъ поляхъ по золотой лиліи, а въ первой и четвертой частяхъ въ такомъ же полѣ золотыя башни (Грб. X, 10). Гербъ выѣхавшаго изъ Эльзаса рода Шафгаузенъ-Шенбергъ-Экъ-Шауфусъ состоитъ изъ положенной въ золотомъ полѣ черной лиліи, которая между золотымъ и чернымъ орлиными крыльями повторяется и въ нашлемникѣ.

Здѣсь же должно упомянуть о гербѣ Челищевыхъ, происходящихъ отъ выѣхавшаго къ Великому Князю Александру Невскому изъ Люксембургской области, изъ поколѣнія Короля Оттона, мужа честна Вильгельма, по крещеніи названнаго Леонтіемъ. Внукъ его Михаилъ Андреевичъ Бренко былъ у Великаго Князя Димитрія Іоанновича Донскаго бояриномъ и убитъ на Мамаевомъ побоищѣ; у этого-то Бренко былъ сынъ Өедоръ Михайловичъ Чело, по имени котораго потомки его получили прозваніе Челищевыхъ. Въ гербѣ этой фамиліи щитъ разсѣченъ на двѣ неравныя, правую малую и лѣвую пространную части. Въ первой изображено поставленное на серебряномъ полумѣсяцѣ съ бѣлымъ посреди крестомъ красное знамя, имѣющее золотое древко; лѣвая же сторона разбита на двѣ части. Изъ нихъ въ верхней въ голубомъ полѣ изображена Кардинальская золотая шапка и около нея три золотыя лиліи; въ нижней части въ красномъ полѣ означены двѣ золотыя трубы и между ними на серебряной полосѣ три строусовыхъ пера краснаго цвѣта. Надъ короною помѣщенъ выходящій левъ съ мечемъ (Грб. II, 33).

Изъ *Англіи* и *Шотландіи* выѣхало въ Россію, вообще говоря, мало такихъ родовъ, которые бы, обрусѣвъ по фамиліи и прозванію, могли по своему гербу занять мѣсто въ Русской Геральдикѣ. Изъ дворянъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ Англіи, мы можемъ указати только на Бестужевыхъ и Бестужевыхъ-Рюминыхъ, происходящихъ отъ извѣстнаго въ Англіи, въ Кентскомъ графствѣ благороднаго дома Бестюровъ. Изъ грамоты, присланной Англійскимъ правительствомъ въ 1698 г., оказывается, что въ 1403 году Гавріилъ Бестъ выѣхалъ въ Россію къ Великому Князю Василію Дмитріевичу. Сынъ его Яковъ имѣлъ прозваніе Рюмы, но до 1701 года потомки Беста писались просто Бестужевыми, пока въ этомъ году Петръ Великій не повелѣлъ имъ, по прозванію прародителя ихъ Бестужа Рюмою, именоваться Бестужевыми-Рюмиными. Гербъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ свидѣтельствуетъ о такомъ ихъ происхожденіи: въ щитѣ чернаго цвѣта изображено восемь золотыхъ крестовъ, положенныхъ числомъ 3, 2 и 3 съ повторенными крестообразно на трехъ верхнихъ концахъ перекладинами, и между ними на срединѣ щита пятилистный золотой цвѣтъ. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ съ дворянскою на немъ короною, на поверхности котораго видѣнъ выходящій строусъ съ распростертыми крыльями натуральнаго цвѣта (Грб. I, 50). Въ 1742 году Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ съ потомствомъ своимъ возведенъ въ Графское достоинство (¹), и обычный спутникъ такого пожалованія-двуглавый Императорскій орелъ (до половины вылетающій въ золотомъ полѣ) помѣщенъ въ вершинѣ щита. Гербъ держатъ два

(¹) Терещенко в. о. ж. II. 63—100. Энциклопед. Лексиконъ V, 450.

листвіемъ увѣнчанные дикіе мужи, въ образѣ древнихъ Британцевъ въ природномъ видѣ; въ рукахъ у нихъ булава (Грб. I, 19).

Выѣзжими изъ Шотландіи (Шкотской земли, по большей части чрезъ Польшу) показываются: 1) Кары. Въ 1618 году Англійскій Король Іаковъ просилъ Царя Михаила Θеодоровича, чтобы онъ милостиво принялъ Роберта Кэра (Kar), брата двухъ другихъ Кэровъ Ивана и Томаса, удостовѣряя при томъ, что они Лорды и знатные дворяне, и въ 1625 году была дана отъ Царя «иноземцу Шкоцкіе земли Томасу Иванову Кэру» жалованная грамота на вотчину въ награду за его службу. Въ гербѣ этой фамиліи (IV, 76) въ полѣ зеленаго цвѣта поставлено серебряное стропило, на которомъ изображены три шестиугольныя краснаго цвѣта звѣзды; подъ стропиломъ въ подошвѣ щита видна голова единорога. Щитодержатели: съ правой стороны нагой человѣкъ съ палицею на плечѣ, съ лѣвой единорогъ. Девизъ: Pro Christo et patria dulce periculum, т. е. за Христа и отечество пріятно страдать; 2) Лермонтовы (1). Щитъ въ гербѣ ихъ имѣетъ золотое поле, въ которомъ поставлено остроконечіемъ вверхъ стропило чернаго цвѣта съ тремя на немъ золотыми четыреугольниками; подъ стропиломъ черный цвѣтъ. Внизу щита девизъ: Sors mea Jesus; т. е. судьба моя Іисусъ (Грб. IV, 102). Для сравненія представляемъ описаніе герба рода де Рецъ-Шанкло, Шотландскаго также происхожденія, хотя члены этой фамиліи долго служили во Франціи: въ щитѣ голубаго цвѣта поставлено золотое

---

(1) Такъ какъ дворяне выѣзжали къ намъ изъ другихъ земель чрезъ Польшу, они иногда ошибочно показываются Польскими. То же показаніе встрѣчаемъ и о Лермонтовыхъ. Миллеръ стр. 423. Бархатная Кн. II, 288, 415.

стропило остроконечіемъ къ верху, по сторонамъ его двѣ пятиугольныя золотыя звѣзды, а подъ стропиломъ серебряный мечь, обращенный остріемъ къ подошвѣ щита, по сторонамъ щита два льва (Герб. VI, 135); и 3) Фаминцыны, происходящіе отъ Шотландца Христофа Тобіаса Томсона. Первоначально они были въ Польской службѣ и въ 1681 году выѣхали въ Россію. Въ гербѣ ихъ (II, 129) щитъ разбитъ на двѣ части и изъ нихъ верхняя разсѣчена. Въ верхней правой части изображены въ золотомъ полѣ два красныхъ оленьихъ рога, въ лѣвой въ серебряномъ полѣ оленья голова безъ роговъ. Въ нижней половинѣ въ серебряномъ полѣ поставленъ на подножіи большой голубой крестъ (имѣющій видъ Польскаго знамени *Мурэкы—Донбровы* 1-й; ср. стр. 424, 425). Съ каждой стороны его видно по четыре маленькихъ крестика голубаго-же цвѣта съ острыми концами и между ними двѣ шпоры съ голубымъ на каждомъ изъ нихъ маленькимъ крестомъ. Въ нашлемникѣ изображена между оленьихъ роговъ оленья голова.

Русское дворянство можетъ указать наконецъ роды, выѣзжіе изъ Швеціи и Даніи. Общія въ гербахъ ихъ примѣты можно будетъ вывести изъ слѣдующаго ихъ описанія, которое предлагаемъ въ алфавитномъ порядкѣ: 1) Гербъ Кожиныхъ, происходящихъ отъ Георгія Фаренсбаха, выѣхавшаго въ Россію къ Великому Князю Василію Дмитріевичу изъ Швеціи. Сынъ его, Василій, служа съ своимъ полкомъ, одержалъ побѣду надъ Княземъ Галицкимъ, и преслѣдуя его къ Новугороду, убилъ подъ нимъ коня. Въ знакъ побѣды привезъ онъ къ Великому Князю Василію Васильевичу лукъ, палашъ и вырѣзанный лоскутъ кожи отъ коня, за что и пожалованы ему въ 1450 году на достоинство Россійскаго дворянства гра-

мота и село Кожино. Вслѣдствіе того въ четверочастномъ гербѣ Кожиныхъ первая четверть имѣетъ въ серебряномъ полѣ изображеніе крестообразно положенныхъ натянутаго лука и палаша, подъ ними лоскута кожи; во второй и третьей представлено въ красномъ полѣ по каменой стѣнѣ, означенной серебромъ, и наконецъ въ четвертомъ, голубомъ полѣ видѣнъ золотой левъ, обращенный вправо и стоящій на заднихъ лапахъ. На шлемѣ между двумя орлиными крылами видны два значка съ ихъ древками: изъ нихъ на правомъ, синемъ положены крестообразно лукъ и палашъ, и подъ ними лоскутъ кожи, а на лѣвомъ красномъ видна такая же, какъ описано, стѣна (Герб. I, 52); 2) Новосильцовыхъ. Предокъ ихъ выѣхалъ также изъ Швеціи (1). Гербъ этой фамиліи имѣетъ въ сердцѣ малый щитокъ зеленаго цвѣта съ серебряною перевязью къ правому нижнему углу; въ первой четверти изображенъ въ голубомъ полѣ стрѣлокъ, пускающій изъ лука золотую стрѣлу; во второй и третьей, въ красномъ полѣ представлено два лежащихъ влѣво золотыхъ льва, и наконецъ въ четвертой видѣнъ ѣдущій вправо ѣздокъ на конѣ, въ голубомъ полѣ (Герб. VI, 102); 3) Суворовыхъ. Они также изъ Швеціи и имѣютъ одного родоначальника съ Бухариными, Кобяковыми и Наумовыми; но гербы ихъ различны. Въ гербѣ Суворовыхъ вершина щита занята изображеніемъ золотаго креста въ голубомъ полѣ; въ нижней пространной части, въ правомъ серебряномъ полѣ положенъ панцырь, въ лѣвомъ красномъ полѣ изображены крестообразно серебряная шпага и стрѣла остроконечіями внизъ (Герб. VIII, 67). Послѣднія двѣ эмблемы удержались въ Графскомъ и Княжескомъ

(1) Бархатная книга II, 254, 353. Ср. 302, 340.

гербахъ Суворова, которые мы опишемъ въ слѣдующей главѣ (Герб. II, 14; IV, 7).—Ср. грб. Кобяковыхъ (VII, 24) и Наумовыхъ (II, 41). 4) Сумороковыхъ. Они ведутъ себя отъ выѣхавшаго изъ Швеціи мужа, именемъ Левиси: въ щитѣ ихъ герба, имѣющемъ красное поле, изображены два серебряные меча и вокругъ нихъ четыре серебряныя же розы (Герб. II, 82), 5) Шепелевыхъ. Они, какъ показано въ родословной, происходятъ отъ выѣхавшаго въ 1376 году «изъ Нѣмецъ, изъ Свейскаго Королевства, въ Польшу мужа честна» именемъ Шель, который по крещеніи названъ Георгіемъ и переселился въ Россію къ Великому Князю Дмитрію Іоанновичу Донскому. У этого Георгія былъ сынъ Петръ, по прозванію Шепель: по имени его-то потомки его стали называться Шепелевыми. Въ ихъ гербѣ (III, 20) щитъ разбитъ на двѣ части. Изъ нихъ въ верхней, разсѣченной, въ правомъ серебряномъ полѣ изображенъ стоящій на заднихъ лапахъ левъ, обращенный влѣво; лѣвая же часть имѣетъ два поля: верхнее черное съ золотою на немъ шестиугольною звѣздою, и нижнее голубаго цвѣта, безъ фигуры; наконецъ въ нижней части щита изображенъ въ красномъ полѣ воинъ, скачущій на бѣломъ конѣ влѣво съ поднятымъ вверхъ мечемъ. Въ нашлемникѣ видна рука въ латахъ съ обнаженнымъ мечемъ. Къ этому же разряду должно отнести 6) гербъ Вигелей, происходящихъ отъ древнихъ дворянъ Шведскаго Королевства: въ вершинѣ щита голубаго цвѣта изображены три серебряныя звѣзды, а въ нижней половинѣ виденъ въ золотомъ полѣ стоящій на горѣ соколъ. Надъ шлемомъ водружено четыре бѣлыхъ знамени и посреди ихъ поставлена шпага остроконечіемъ внизъ (VII, 163).

Обзоръ гербовъ фамилій, выѣхавшихъ изъ разныхъ

странъ Западноіі Европы, мы заключимъ родами выѣзжими изъ Даніи. Ихъ также не много. Къ числу такихъ родовъ относится фамилія Собакиныхъ. По родословнымъ оказывается, что къ Великому Князю Михаилу Александровичу выѣхалъ въ Тверь «изъ Нѣмецъ мужъ честенъ Ольгердъ Нѣмчинъ, по прозванію Впрягай». Во Святомъ крещеніи онъ нареченъ Димитріемъ. У внука его Григорія Андреевича было два сына, старшій Семенъ, отъ котораго пошли нынѣ угасшіе роды: Нагіе, Безуновы, Свибловы и Сназины, и второй Данило Собака, родоначальникъ Собакиныхъ (¹). Эта генеалогія, имя Ольгерда, упоминовеніе о Свибловыхъ, которыхъ мы видѣли въ потомствѣ извѣстнаго Радши (стр. 483), заставляютъ сомнѣваться въ справедливости позднѣйшаго показанія о выѣздѣ Собакиныхъ изъ Даніи (²). Гербъ ихъ также носитъ много признаковъ Литовскаго происхожденія: въ сердцѣ четверочастнаго герба на маломъ щиткѣ голубаго цвѣта изображенъ воинъ, скачущій на бѣломъ конѣ въ правую сторону съ подъятымъ мечемъ (Литовская Погоня), затѣмъ въ первой части въ серебряномъ полѣ видѣнъ одноглавый черный орелъ съ распростертыми крыльями, имѣющій на головѣ корону (гербъ Прусскій); во второй части, въ красномъ полѣ находится стоящій на заднихъ лапахъ золотой левъ въ коронѣ, обращенный влѣво; въ третьей части въ красномъ же полѣ означена серебромъ собака въ ошейникѣ, бѣгущая въ правую сторону, и наконецъ въ четвертомъ полѣ серебрянаго цвѣта видна крѣпость краснаго цвѣта (см. выше стр. 453). На щитѣ поставлено два шлема съ дворянскими на нихъ

(¹) Временникъ и. о. и. стр. 117, 186.
(²) Бархатная книга II, 378; Миллеръ, стр. 464.

коронами. Изъ нихъ на правомъ, между двухъ бѣлыхъ знаменъ проходятъ крестообразно сквозь золотую корону двѣ трубы, на лѣвомъ шлемѣ сидитъ черный орелъ съ распростертыми крыльями (Герб. III, 12) (*).

Такимъ образомъ въ предположенномъ порядкѣ исчислены и по возможности объяснены гербы лицъ, выѣхавшихъ къ намъ изъ разныхъ странъ Западной Европы. За тѣмъ остается еще огромный отдѣлъ дворянъ, выѣзжихъ изъ Грузіи, Арменіи, земель Горскихъ, Татарскихъ, изъ Азіи и даже Африки. Эти роды не внесли въ Россію своихъ эмблеммъ и обязаны своими гербами нашимъ Государямъ.

§ 94.

Гербы родовъ, выѣзжихъ изъ Грузіи.

По общему отзыву ученыхъ, занимающихся исторіею Грузіи и самихъ Грузинъ, у нихъ никогда не было понятія о гербѣ въ томъ смыслѣ, какъ его разумѣютъ другіе народы, и самые даже гербы, данные дворянскимъ родамъ Грузіи при Русскомъ Правительствѣ, называются тамъ печатями. Издавна же существовали у Грузинъ печати, равно какъ и знамена съ изображеніями Святыхъ. Кромѣ того разныя эмблеммы встрѣчаются нерѣдко на щитахъ Горцевъ, и мы думаемъ, что всѣ эти изображенія могутъ послужить богатымъ матеріаломъ при выборѣ гербовъ дворянами областей Кавказскихъ и Закавказскихъ. Какъ на знаменахъ находилъ себѣ мѣсто образъ покровителя города, области, предводителя пле-

(*) Много общаго съ гербомъ Собакиныхъ имѣетъ гербъ Кульневыхъ (VIII, 120).

мени, такъ трофей, взятый съ бою, побѣда, одержанная надъ непріятелемъ, отсѣченная у врага рука, богатая добыча и т. п. давали витязю право на ту или другую въ его щитѣ отмѣтку. Самый цвѣтъ щитовъ у разныхъ горскихъ народовъ не одинаковъ; у Осетинъ напр. онъ черный. Всѣми этими примѣтами, которыхъ, къ сожалѣнію, мы не могли собрать въ такомъ объемѣ, какъ бы намъ хотѣлось, не должно, по нашему мнѣнію, пренебрегать, потому что такимъ образомъ легко обозначить въ гербѣ происхожденіе дворянина и увѣковѣчить подвиги его предковъ, что̀ всегда и имѣетъ въ виду нашъ гербъ.

Выше мы уже видѣли (стр. 323), какъ рано начались наши сношенія съ Закавказскими народами и какъ Грузія, не находя другихъ средствъ сохранить свое существованіе отъ внутреннихъ неустройствъ и стѣсненій со стороны Персовъ и Турокъ, искала покровительства Россіи, какъ наши Государи, милостивымъ своимъ содѣйствіемъ, спасли Грузію отъ паденія (1). Цари Грузинскіе, поселясь въ Москвѣ, по существовавшему уже тогда у насъ обычаю, стали пользоваться гербомъ, для уразумѣнія котораго необходимо коснуться исторіи Грузіи и происхожденія ея Царей.

Существующее на Кавказѣ преданіе, начало котораго теряется въ незапамятной древности, преданіе, подтверждаемое историческими свидѣтельствами, преимущественно Константиномъ Багрянороднымъ, гласитъ, что домъ Царей Грузинскихъ, Багратидовъ, въ родствѣ съ Еврейскимъ Царемъ Давидомъ (2). Первоначально Ба-

---

(1) Полн. Собр. Зак. 1673 г. Февраля 12 (№ 568). Жалованная грамота Грузинскому Царевичу Николаю Давидовичу.

(2) Additions et éclaircissements à l'histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'en 1649 de J. C. par Brosset. Spb. 1851 p. 153.

гратиды жили въ Іерусалимѣ, откуда, будучи взяты въ плѣнъ Навуходоносоромъ, переселились въ Арменію. Здѣсь они занимали почетныя должности, и во время покоренія Арменіи Халифомъ Мутаваккилемъ, многіе изъ Багратидовъ принесли себя въ жертву, защищая престолъ и свою вѣру. Затѣмъ въ 885 году по Р. Х. одинъ изъ членовъ этой фамиліи утвержденъ Царемъ Арменіи и началъ собою царственную династію этой страны. Отъ того же корня происходятъ Грузинскіе Багратиды, которые, постепенно размножаясь и усиливаясь, подвигались къ Ахалцыхской области. Отсюда они сдѣлались владѣтелями прибрежныхъ странъ Чернаго моря, Абхазіи и наконецъ овладѣли страною, именуемою Грузіею, что значитъ страна Св. Георгія. (По-Персидски и Турецки Грузинецъ называется *Гюрджъ*, по-Арабски-*Джюрдзіе*, въ переводѣ Юрьевецъ). Какая бы ни была причина такого особеннаго почитанія, оказываемаго здѣсь Св. Георгію (историки въ этомъ несогласны) (1), оно существуетъ во всей Грузіи и ведется издревле: образъ этого Святого видѣнъ на знаменахъ, имени его посвящаются церкви и города, и праздниковъ въ честь его и побѣды надъ дракономъ очень много.

Спасительныя слова Евангельскаго ученія страна эта услышала въ первый разъ отъ Св. Апостола Андрея, который, по сказанію Лѣтописца, чрезъ Каппадокію и приморскій городъ Трапезундъ, проникнулъ въ Западную Иверію (2); но этому событію предшествовало важное обстоятельство, подробно описанное въ Грузинскихъ

(1) Энциклопедическій Лексиконъ Т. XV, стр. 419.
(2) *Іоселіани*, Краткая Исторія Грузинской Церкви. Изд. 2. С.-Пб. 1843. стр. 2, 3.

лѣтописяхъ, а именно: нѣкто изъ юношей Еврейскихъ, по имени Эліозъ, одинъ изъ воиновъ, находившихся при крестѣ Господнемъ, послѣ крестной смерти Спасителя, получилъ по жребію Его хитонъ и возвратившись въ свой городъ Мцхетъ, принесъ его съ собою. Сестра Эліоза, увидѣвъ такое сокровище, отняла его у брата и прижавъ къ груди, на мѣстѣ умерла. Съ хитономъ же ее и должны были похоронить, потому что его не могли у нея вырвать; но мѣсто погребенія осталось неизвѣстнымъ, хотя по преданію и знали, что она похоронена въ Мцхетѣ подъ кедромъ, пересаженнымъ изъ Ливана. Чрезъ откровеніе свыше узнала о томъ Св. Нина, Просвѣтительница Грузіи. Она обратила ко Христу Царя Миріана (въ 318 г. по Р. Х.), и на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ скрытъ хитонъ, воздвигнутъ Мцхетскій Соборъ, одинъ изъ столбовъ котораго есть кедръ, росшій на могилѣ. Чудеса сопровождали постройку храма (1).

Всѣ эти обстоятельства, т. е. съ одной стороны родство съ Царемъ Еврейскимъ Давидомъ, съ другой—сохраненіе въ Грузіи хитона Господня, и наконецъ почитаніе Св. Георгія объясняютъ печать Грузинскихъ Царей, которую они употребляли гораздо ранѣе прибытія ихъ въ Россію. Первоначально на кругломъ щитѣ былъ изображенъ одинъ хитонъ Господень, а по сторонамъ щита прибавлялись гусли, которыми отрокъ Давидъ услаждалъ Царя Саула, и праща, которою Давидъ убилъ Го-

(1) Тамъ же, стр. 6, 7. *Brosset* Histoire de la Géorgie. Partie I-re. Spb. 1849. p. 90—125. Documents originaux sur les relations diplomatiques de la Géorgie avec la France vers la fin du règne de Louis XIV, par *Brosset*. Nouv. Journ. asiat. T. IX. p. 213—215, 221.

ліафа (¹). Позднѣе, и сколько можно заключить по дошедшимъ до насъ памятникамъ, уже по выѣздѣ Грузинскихъ Царей въ Россію, къ этимъ основнымъ эмблеммамъ прибавленъ образъ Св. Георгія на конѣ. Его изображеніе впрочемъ и въ то время, когда Корбъ былъ въ Москвѣ, т. е. въ концѣ XVII столѣтія, почиталось уже гербомъ Грузіи (табл. XVII).

Въ расположеніи исчисленныхъ эмблеммъ въ гербѣ допускался произволъ: на гробницахъ Грузинскихъ Царевичей и Царевенъ, погребенныхъ (въ С.-Петербургѣ) въ Александроневской Лаврѣ, преимущественно въ Ѳеодоровской церкви, оказывается, что съ половины прошедшаго столѣтія щитъ въ ихъ гербѣ обыкновенно состоялъ изъ четырехъ частей, и по срединѣ его почти всегда помѣщался хитонъ Господень, нерѣдко съ надписью по сторонамъ: «бѣ же Хитонъ не швенъ, свыше истканъ весь» (Іоан. XIX, 21). Затѣмъ въ первой четверти въ голубомъ полѣ изображались праща и гусли; во второй, красваго цвѣта—положенные въ видѣ Андреевскаго креста скипетръ, мечъ, и между ними сверху держава (символы царской власти); въ третьемъ полѣ того же краснаго цвѣта—вѣсы, символъ правосудія Царя Саломона, и наконецъ въ четвертой цвѣта голубаго—Св. Георгій на конѣ. Вокругъ всего герба не рѣдко встрѣчается надпись изъ псалма: «Клятся Господь Давиду истиною и не отвержется ея: отъ плода чрева твоего посажду на престолѣ твоемъ (Пс. 131. ст. 11) (²). Этотъ основной типъ Грузинскаго герба допускаетъ многообразныя измѣненія,

(¹) Эта печать есть между прочимъ на заглавномъ листѣ изданной Царемъ Вахтангомъ въ 1712 года въ Тифлисѣ поэмы подъ заглавіемъ: «Барсова кожа».

(²) *Іосселіана* в. о. м. стр. 6. прим. 10.

(вѣроятно для отличія одного поколѣнія Грузинскихъ Царей и Царевичей отъ другихъ), и нерѣдко состоятъ изъ шести или осьми частей, въ которыхъ отдѣльно полагаются мечъ, скипетръ, держава, и прибавляется левъ, (какъ эмблемма, вообще любимая народами Востока) (1).

Тѣ же эмблеммы встрѣчаемъ у многихъ Княжескихъ Грузинскихъ родовъ, выѣхавшихъ къ намъ вмѣстѣ съ Царемъ Вахтангомъ VI, вызваннымъ при Петрѣ Великомъ, прибывшимъ въ Астрахань въ 1724, и въ Москву въ 1726 году, т. е. уже по смерти Петра Великаго, въ царствованіе Императрицы Екатерины I. Родство съ Багратидами въ прямой или въ боковой линіяхъ, а иногда одно даже свойство чрезъ браки давало этимъ родамъ право или на тотъ же вполнѣ гербъ или на сохраненіе нѣкоторыхъ царскихъ эмблеммъ съ прибавленіемъ иныхъ, въ ознаменованіе подвиговъ доблести и отваги. Къ разряду такихъ Княжескихъ Грузинскихъ родовъ относятся Князья Орбельяновы, Баратовы, Андрониковы, Меликовы, Челокаевы и иные (2); но за неимѣніемъ ихъ гербовъ, мы должны ограничиться слѣдующими: 1) Князья Багратіоны. Ихъ было нѣсколько поколѣній: а) Князья Багратіоны, потомки Грузинскихъ Царей Багратидовъ: одни изъ нихъ ведутъ свое начало отъ Царя Бакара Вахтанговича, старшаго сына Царя Вахтанга VI, прибывшаго въ Россію вмѣстѣ съ своимъ отцомъ и братьями въ 1726 году; а другіе отъ Царя Георгія XIII, при которомъ Грузія присоединена къ Россіи въ 1800 году. Тѣ и

(1) Тамъ же, стр. 7.

(2) Довольно подробное исчисленіе такихъ фамилій, съ раздѣленіемъ на области, изъ которыхъ они происходили и гдѣ имѣли владѣнія, есть въ изданной въ 1779 г. (СПб) «Исторіи Георгіанской о юношѣ Князѣ Амилахоровѣ,» стр. 22 и сл.

другіе называются нынѣ Князьями Грузинскими; б) Князья Багратіоны Имеретинскіе, потомки Царей Имеретинскихъ, и в) Багратіоны Батони - Мухранскіе, потомки древнихъ владѣльцевъ удѣла Мухранскаго въ Карталиніи, происходящіе отъ Царевича Баграта, сына Грузинскаго Царя Константина, также изъ династіи Багратидовъ. Гербъ Багратіоновъ безъ измѣненія такой же, какой мы видѣли, принадлежитъ Грузинскимъ Царямъ. 2) Родъ Князей Давыдовыхъ восходитъ до Кахетинскаго Царя Давыда I-го (1513—1520). У него былъ внукъ Царь Александръ, у сего послѣдняго Царевичь Дмитрій, и по имени сына сего Царевича Давыда получилъ прозваніе Князя Давыдова выѣхавшій въ Россію въ 1666 году, подъ высокую державу Царя Алексѣя Михайловича, правнукъ его Князь Элизбаръ—Илья (1). Потомокъ сего послѣдняго Князь Макулъ (Мамукъ) Давыдовъ въ 1738 году назначенъ капитаномъ Грузинской Гусарской роты, сформированной изъ прибывшихъ въ Россію съ Царемъ Вахтангомъ Грузинъ (2). Родъ Князей Давыдовыхъ продолжается до сихъ поръ и употребляетъ слѣдующій гербъ: первая часть четверочастнаго щита ихъ представляетъ изображеніе въ голубомъ полѣ Св. Георгія, поражающаго дракона; во второй, краснаго цвѣта изображенъ золотой крестъ; въ третьей четверти тогоже цвѣта видна золотая пятиугольная звѣзда, и наконецъ въ послѣдней, въ голубомъ полѣ, представленъ идущій вправо левъ; 3) Князья Дадіаны, потомки владѣтелей Мингреліи. Предокъ ихъ

(1) Отъ брата его Князя Хохоны пошелъ родъ Хохонничевыхъ.—См. Бархати. Книга II. стр. 397.

(2) Указы 1738 г. Марта 25 (№ 7545) Имен.—Іюня 8 (№ 7595). Резолюція Кабинетъ—Министровъ на сообщеніе Сената. Іюля 4 (№ 7614).

Леванъ Дадіанъ въ 1638 году просилъ Царя Михаила Θеодоровича принять его подъ свое покровительство. Просьба эта была уважена, и въ XVII вѣкѣ Кн. Дадіаны значились по разрядамъ боярами при Русскомъ Дворѣ. Родъ Кн. Дадіановъ продолжается до сихъ поръ; въ сердцѣ четверочастнаго герба ихъ изображенъ золотой крестъ; за симъ въ первой части, въ золотомъ полѣ, видѣнъ идущій влѣво овенъ (это память о Колхидѣ и о золотомъ ея рунѣ, находившемся въ нынѣшней Грузіи); во второй, въ красномъ полѣ—Св. Георгій, поражающій дракона; въ третьей въ серебряномъ полѣ означены три лавца и на нихъ крестообразно мечь и знамя краснаго цвѣта, и наконецъ въ четвертой части голубаго цвѣта представленъ плывущій по водѣ золотой корабль съ парусами (Герб. VI, 2); 4) Князья Цицiановы, потомки Князей Карталинскихъ, не рѣдко соединявшіеся брачными узами съ Царско-Грузинскимъ Домомъ. Князь Паата Цицiановъ выѣхалъ въ Россію изъ Грузіи, и потомкамъ его, Князьямъ Цицiановымъ, пожалованъ слѣдующій гербъ (Герб. V, 7): въ первой части ихъ четверочастнаго щита, цвѣтомъ голубой, діагонально по перевязи вправо изображено свернутое знамя краснаго цвѣта, надъ нимъ видѣнъ ѣздокъ съ копьемъ, скачущій въ правую сторону на бѣломъ конѣ; во второй четверти въ золотомъ полѣ представленъ овальный щитъ; въ третьей, въ золотомъ же полѣ находится голубая перевязь вправо и на ней по срединѣ буква 8; и наконецъ четвертая часть занята изображеніемъ въ голубомъ полѣ золотаго рога изобилія; 5) Князья Эристовы. Грузія въ древнія времена дѣлилась на нѣсколько княжествъ, которыя, находясь подъ владычествомъ Царей, управлялись каждое особымъ эриставомъ (*Эри* значитъ народъ, *тави*—глава).

Эриставы назначались первоначально пожизненно или временно, какъ правители, затѣмъ какъ вассалы, и наконецъ въ VI столѣтіи при Иверскомъ Царѣ Бакурѣ III (съ 557 по 568 годъ по Р. Х.) этѣ области были отданы въ собственность нѣкоторымъ знатнѣйшимъ фамиліямъ. Съ того времени званіе Эриставовъ обратилось въ фамильное прозваніе, а для отличія придавалось къ нему наименованіе той области, которою владѣлъ Князь. Пользуясь смутами въ Грузіи, Эриставы нерѣдко отдѣлялись отъ Царей и становились самостоятельными владѣтелями, опираясь въ борьбѣ своей на неприступные замки въ скалахъ и на войска, которыя они содержали для этой цѣли. Въ числѣ такихъ Эриставовъ, мы должны отмѣтить *Арагвскихъ* и *Ксанскихъ* Эриставовъ, получившихъ названіе отъ рѣкъ Арагвы и Ксани, орошавшихъ ихъ владѣнія. Они происходятъ отъ Княжескаго Осетинскаго рода и дали начало Русскимъ Князьямъ Эристовымъ, бывавшимъ въ родствѣ съ Царскимъ Грузинскимъ домомъ и выѣхавшимъ въ Россію въ 1724 году съ Царемъ Вахтангомъ. Такое происхожденіе Арагвскихъ Эриставовъ и исторія подвиговъ, совершенныхъ членами этой фамиліи, нашли себѣ въ родовомъ ихъ гербѣ краснорѣчиваго истолкователя: въ сердцѣ четверочастнаго щита на особомъ щиткѣ золотаго цвѣта видно изображеніе Св. Георгія на конѣ, поражающаго дракона; за тѣмъ въ первой четверти въ голубомъ полѣ представленъ родовой замокъ (Анануръ) подъ Императорскою короною; во второй и третьей частяхъ краснаго цвѣта положенъ крестъ и на трехъ концахъ его по полумѣсяцу, отверстіемъ обращенному внутрь (въ память перехода изъ язычества въ Христіанство), и наконецъ въ послѣдней, чернаго цвѣта отсѣченная кисть руки также

подъ короною. Черное поле щита нерѣдко у Осетинъ, рука же, отсѣченная у какого нибудь важнаго врага, дала право на помѣщеніе ея въ гербѣ. Щитъ держатъ слѣва вепрь, справа левъ; 6) Не можемъ пройдти при этомъ молчаніемъ рода Князей Амилахваровыхъ, бывшихъ также въ родствѣ съ Грузинскими Царями. Въ XVIII столѣтіи члены этой фамиліи выѣхали въ Россію, и такъ какъ одинъ изъ предковъ ихъ спасъ Царя отъ угрожавшей ему опасности тѣмъ, что легъ вмѣсто него въ ставкѣ, гдѣ и былъ заколотъ, то фигура человѣка, лежащаго въ ставкѣ на постели, занимаетъ средній щитокъ герба; весь же щитъ цвѣта краснаго состоитъ изъ четырехъ частей: изъ нихъ въ первой представлена рука со знаменемъ, на которомъ изображенъ Св. Георгій, во второмъ сверху сапогъ, подъ нимъ солнце, наконецъ въ третьемъ и четвертомъ полахъ видны знамена и пушки (¹). Здѣсь-же должны себѣ найти мѣсто внесенные въ гербовникъ гербы нѣкоторыхъ, относительно къ числу признанныхъ въ дворянствѣ, немногихъ Грузинскихъ родовъ, а именно: 1) гербъ Амбразанцовыхъ, предокъ которыхъ Петръ Амбросадзевъ былъ въ званіи стольника при Имеретинскомъ и Грузинскомъ Царѣ Арчилѣ. Въ 1722 году, по грамотѣ Грузинскаго Царя Вахтанга и Царицы Русуданы, Петръ Амбросадзевъ съ потомствомъ и родствомъ пожалованъ деревнями. Гербъ ихъ разсѣченъ на три части, изъ которыхъ въ правой, цвѣта голубаго, изображены положенные на крестъ золотая сабля и лукъ, въ средней, цвѣта чернаго, виденъ серебряный столбъ, съ краснымъ на срединѣ его крестомъ, а на поверхности столба сидитъ птица съ распростертыми

(¹) Исторія Георгіанская о юношѣ Князѣ Амилахоровѣ. Спб. 1779, заглавный листъ.

крыльями; наконецъ въ лѣвомъ крайнемъ полѣ краснаго цвѣта представленъ колчанъ со стрѣлами (Герб. V, 127). 2) Въ гербѣ Бегтабеговыхъ, имѣющихъ титулъ Грузинскихъ Князей, щитъ разбитъ на двѣ части, изъ нихъ въ верхней, въ красномъ полѣ, изображенъ Черкесъ, скачущій вправо на бѣломъ конѣ съ золотою сбруею и имѣющій на плечѣ золотое копье; а во второй части, въ голубомъ полѣ, видны крестообразно положенныя острокопечіемъ вверхъ, двѣ серебряныя стрѣлы и поверхъ ихъ щитъ краснаго цвѣта съ серебрянымъ на немъ полумѣсяцемъ (X, 107). 3) Гербъ Гарсевановыхъ, Карталинскихъ дворянъ, имѣетъ въ голубомъ полѣ изображеніе жертвенника, украшеннаго древесными масличными вѣтвями; на поверхности его крестообразно означены два скипетра, а внизу воскуренный изъ золотаго сосуда ѳиміамъ (IX, 134); 4) Лашкаревыхъ. Этотъ родъ происходитъ отъ Грузинскихъ дворянъ Лашкаревыхъ-Бибилюровъ, выѣхавшихъ въ Россію въ царствованіе Петра Великаго съ Царемъ Вахтангомъ. Въ гербѣ Лашкаревыхъ (IV, 140) щитъ разбитъ на двѣ половины: изъ нихъ въ верхней голубаго цвѣта изображенъ золотой полумѣсяцъ, обращенный рогами въ правую сторону, а въ нижней находится мужъ въ азіатскомъ платьѣ, нооруженный саблею, въ правой рукѣ онъ держитъ трость, въ лѣвой— пальмовую вѣтвь (по Грузински *Лашкаръ* значитъ воинъ); и 5) въ гербѣ Худобашевыхъ, Имеретинскихъ дворянъ, щитъ разбитъ на двое, и верхняя его половина разсѣчена; въ правомъ золотомъ полѣ крестообразно положены два меча, въ лѣвомъ голубомъ изображенъ золотой крестъ, подъ нимъ у подошвы щита видны море, и къ лѣвому углу каменная гора, и наконецъ въ нижней части цвѣта

го цвѣта—серебряный полумѣсяцъ, обращенный рогами вверхъ, надъ нимъ золотой хлѣбный снопъ.

§ 95.

Гербы родовъ, выѣзжихъ изъ земель Татарскихъ, Черкасскихъ, изъ Арменіи, Персіи и Африки.

Двухвѣковое пребываніе Россіи подъ Татаро-Монгольскимъ игомъ, установившіеся въ слѣдствіе того частые переходы служилыхъ людей азіятскаго происхожденія къ Московскому Двору и особенно присоединеніе къ Россіи Казани, Астрахани, Сибири и Крыма имѣли необходимымъ своимъ послѣдствіемъ то, что какъ Царскіе роды Татарскаго происхожденія, такъ Князья и Мурзы, составлявшіе ихъ дворъ, перешли на службу Московскаго Государя (см. выше стр. 317 и сл.). Ставъ такимъ образомъ въ рядахъ Русскаго дворянства, «Цари Турскіе, а большіе и кочевые орды, Крымскіе, Казанскіе, Астраханскіе, равно какъ Нагайскіе Князья и Мурзы[1]» получили право на помѣщеніе ихъ родовъ въ нашихъ родословныхъ. Мы воспользуемся показаніями ихъ при исчисленіи гербовъ дворянскихъ родовъ, отъ этого корня происшедшихъ, хотя не можемъ не сознаться при этомъ, что вѣроятно въ слѣдствіе недостатка свѣдѣній о началѣ родовъ, многія дворянскія фамиліи ошибочно показаны отъ Татаръ, что̀ легко доказать ихъ гербами. Отдѣлать при помощи исторической критики роды дѣйствительно Татарскаго происхожденія отъ иныхъ, должно составлять особенную заботу всякаго, кто бы сталъ заниматься Русскою дворянскою генеалогіею, какъ наукою.

---

[1] Временникъ X. стр. 125, 130, 221, 222.

Гербовъ у Татарскихъ родовъ до пожалованія ихъ Русскими Государями не существовало, а были въ употребленіи особыя мѣтки, которыми одинъ родъ отличалъ отъ другихъ свою собственность (до сихъ поръ тавро выжигается на лошадахъ, волахъ), мѣтки, которыя назывались *асаками* или *тамгами*. Онѣ носились на щитахъ и изображались также на знаменахъ. Чингисъ-Ханъ раздавалъ окружавшимъ его знатнымъ родамъ троякіе знаки: птицу, дерево и самымъ почетнымъ былъ кречетъ; но по принятіи Татарами магометанства, которое запрещаетъ изображать животныхъ, знаки эти должны были измѣняться (1). Татищевъ утверждаетъ, что онъ собралъ нѣсколько сотъ названій фамильныхъ асаковъ, изъ которыхъ нѣкоторые и приводитъ, а именно: у Афросимовыхъ Кадуй, Аладьиныхъ Базулукъ, Бахметевыхъ Порывай, Бутурлиныхъ Соловей, Воейковъ Рычанъ, Вельяминовъ Лошакъ, Гагаринъ благодать, Голицынъ Гамаръ, Долгоруковыхъ Сургутъ, Давыдовыхъ Минчакъ, Ромодановскихъ Ганаюнъ, Салтыковыхъ Солтыкъ, Собакиныхъ Доѣзжай, Татищевъ Нуздай, Хрущевъ Касуй, Черкасскихъ Кабарда, Шереметьевыхъ Шереметъ, Юсуповъ Аргутанъ (2). Мы не беремся объяснять значенія приведенныхъ словъ; жалѣемъ объ одномъ только, что Татищевъ смѣшалъ Польскія, Прусскія и наши отечественныя знамена съ Татарскими асаками, существованіе которыхъ несомнѣнно и до настоящаго времени продолжается у Горскихъ и Азіятскихъ племенъ. Безспорнымъ остается то, что Татарскіе роды могли принести въ Россію свои асаки, но гербы получили они

(1) Татищева Исторія Россійская, кн. I ч. I стр. 548, 549.

(2) Татищевъ, тамъ же, стр. 552.

отъ Русскихъ Государей. Владѣтельные роды сохранили гербъ области, которая имъ принадлежала; напр. Князья Сибирскіе, потомки Кучума, имѣютъ въ гербѣ Сибирское знамя, т. е. два соболя держатъ лукъ съ перекрещенными на немъ стрѣлами (первоначально дерево, табл. XV. рис. 8). Что касается до другихъ фамилій Татарскаго происхожденія, то сообразно порядку, принятому Бархатною книгою и вообще родословными, слѣдовало бы отдѣлить гербы Татарскихъ родовъ, вышедшихъ изъ ордъ: Золотой, Косуйской, Крымской, Нагайской и т. д.; но намъ кажется подраздѣленіе это излишнимъ, потому что въ гербахъ фамилій всѣхъ этихъ разрядовъ много общихъ примѣтъ, и мы не могли найти такихъ характеристическихъ особенностей, которыми бы отличались одни гербы отъ другихъ.

Родоначальники всѣхъ нашихъ Татарскихъ родовъ, за немногими развѣ исключеніями, были Магометанскаго вѣроисповѣданія; по прибытіи къ намъ приняли они Св. крещеніе и доблестями на полѣ чести стяжали себѣ благородство, что у нѣкоторыхъ родовъ красноречиво выражаетъ и самый гербъ. Для примѣра мы приведемъ, изъ числа очень многихъ, гербъ Нарбековыхъ, потомковъ Мурзы Абрагима, во Святомъ крещеніи названнаго Ильею, выѣхавшаго къ Великому Князю Василію Васильевичу изъ Большой Орды. Щитъ въ гербѣ Нарбековыхъ разбитъ на двѣ половины, изъ которыхъ нижняя разсѣчена. Въ верхней части, цвѣта краснаго, представлена съ лѣвой стороны серебряная крѣпость съ тремя на ней башнями, изъ которыхъ на средней видна серебряная луна, а на крайнихъ по золотой звѣздѣ. Къ крѣпости скачетъ отъ правой стороны воинъ на конѣ и въ доспѣхахъ: онъ пораженъ въ глазъ стрѣлою, а нужно-

вымъ ядромъ оторвало у него руку, держащую мечъ. Въ нижней половинѣ, въ правомъ золотомъ полѣ на срединѣ означена перпендикулярно бѣличья полоса, и наконецъ въ лѣвомъ голубомъ изображены золотомъ: крестъ, надъ нимъ корона и внизу полумѣсяцъ, рогами обращенный вверхъ. На щитъ положены чалма съ перомъ, надъ нею натянутый лукъ и стрѣла, летящая вверхъ; а на краяхъ щита поставлены два шлема съ тремя на нихъ страусовыми перьями и на каждомъ по лавровому вѣнку (Герб. IV, 45). Не менѣе выразителенъ гербъ Мещериновыхъ: въ серебраномъ полѣ изображенъ ѣздокъ въ зеленомъ платьѣ и золотомъ шлемѣ, украшенномъ перьями, ѣздокъ, скачущій на бѣломъ конѣ вправо, въ рукахъ у него натянутый лукъ и колчанъ со стрѣлами. По сторонамъ ѣздока представляется видъ крѣпости, на которой съ правой стороны утвержденъ золотой крестъ, а съ лѣвой ударилась въ зубцы башни стрѣла; наконецъ въ верхней части щита означена луна, освѣщающая ѣздока (Герб. III, 37).

Считая излишнимъ описывать здѣсь въ подробности всѣ гербы дворянскихъ родовъ Татарскаго происхожденія, мы исчислимъ общія ихъ примѣты и покажемъ, въ какихъ гербахъ каждая изъ нихъ встрѣчается. Означеніе тома и страницы Гербовника, въ которомъ помѣщены гербъ и описаніе его, облегчитъ того, кто бы захотѣлъ познакомиться съ подробностями изображенія герба и происхожденія рода, имъ пользующагося. Для образца только мы представимъ описаніе гербовъ нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ Татарскихъ фамилій.

Эмблемы этѣ суть:

1) *Луна* и *звѣзды*. Они полагаются или одни или въ сочетаніи съ оружіемъ, львами, единорогами и всего чаще

съ крестомъ. Въ послѣднемъ случаѣ полумѣсяцъ, въ ознаменованіе побѣды Христіанства надъ язычествомъ магометанствомъ, бываетъ обыкновенно опрокинутъ и на вершинѣ его стоитъ крестъ. Гб. Аипповыхъ (IX, 19); Алымовыхъ (III, 54); Арбеневыхъ (I, 68); Арсеньевыхъ (V, 28); Ахматовыхъ (V, 52); Бакаевыхъ (V, 55); Бартеневыхъ (III, 62); Вельяшевыхъ (II, 107); Веньюковыхъ (VIII, 25); Готовцевыхъ (X, 22); Давыдовыхъ (II, 51); Дашковыхъ (II, 71); Ермоловыхъ (V, 44); Зубовыхъ (II, 25, VI, 4); Камынивыхъ (II, 68); Карамзиныхъ (V, 62); Карандѣевыхъ (IV, 39); Козаковыхъ (I, 69); Крюковыхъ (II, 46); Мамаевыхъ (IX, 23); Мертваго (V, 51); Мосоловыхъ (IV, 55); Муратовыхъ (VIII, 78; IX, 99); Петровыхъ-Соловово (II, 47); Племянниковыхъ (IV, 31); Поливановыхъ (III, 22); Ростопчиныхъ (II, 72, IV, 12); Ртищевыхъ (III, 23); Саванчеевыхъ (III, 89); Талызиныхъ (I, 53); Теглевыхъ (II, 54); Уваровыхъ (V, 33); Хавыковыхъ (I, 56); Хотяинцовыхъ (IV, 34); Чемѣсовыхъ (II, 98); Чирковыхъ (III, 21); Щербачовыхъ (II, 97).

2) *Всадники*, вооруженные мечемъ, пикою, стрѣлами и т. п. Гб. Болтиныхъ (IV, 50); Веньюковыхъ (VIII, 28); Вельяшевыхъ (II, 107); Кн. Дундуковыхъ-Корсаковыхъ (IX, 133); Коробьиныхъ (III, 16); Курдюмовыхъ (VIII, 82); Селивановыхъ (X, 49); Спиридовыхъ (II, 101); Талызиныхъ (I, 53); Татариновыхъ (III, 42; VIII, 71).

3) *Подковы*. Гб. Арсеньевыхъ (V, 28); Мосоловыхъ (IV, 55); Ртищевыхъ (III, 23); Саванчеевыхъ (III, 89); Таптыковыхъ (VI, 11).

4) *Сабли, луки, колчаны, мечи, стрѣлы, бунчуки и чалмы*. Гб. Аипповыхъ (IX, 19); Алымовыхъ (III, 54); Апосентовыхъ (IV, 118); Апраксиныхъ (II, 45, III, 3);

Арсеньевыхъ (V, 28); Бакаевыхъ (V, 55); Барановыхъ (IV, 43); Бартеневыхъ (III, 62); Бахметевыхъ (II, 58); Вевюковыхъ (VIII, 25); Давыдовыхъ (II, 51); Долгово-Сабуровыхъ (II, 32); Загражскихъ (IV, 33); Зубовыхъ (II, 25; VI, 4); Измайловыхъ (II, 39); Карамзиныхъ (V, 62); Карандѣевыхъ (IV, 39); Крюковыхъ (II, 46); Курдюмовыхъ (VIII, 82); Мамаевыхъ (IX, 23); Мансуровыхъ (I, 45); Племянниковыхъ (IV, 31); Поливановыхъ (III, 22); Ртищевыхъ (III, 23); Рудиныхъ (IV 94); Сабуровыхъ (I, 43); Саванчеевыхъ (III, 89); Таптыковыхъ (VI, 11); Теглевыхъ (II, 54); Чемесовыхъ (II, 98); Черемисиновыхъ (II, 94); Чириковыхъ (III, 21).

5) *Львы*. Эмблемма эта была въ большомъ уваженіи въ Персіи и на Востокѣ вообще. Гб. Богдановыхъ (VI, 31); Бѣшенцовыхъ (III, 53); Вельяшевыхъ (II, 107); Готовценыхъ (X, 22); Мансуровыхъ (I, 45); Мертваго (V, 51); Петрово-Соловово (II, 47); Свистуновыхъ (III, 48); Щербачевыхъ (II, 97).

6) *Грифы*. Гб. Колтовскихъ (II, 23); Лаптевыхъ (VI, 7); Лопухиныхъ (III. 8; IV, 6); Лупандиныхъ (II, 24); Свистуновыхъ (III, 48); Чекиныхъ X, 8);

7) *Крылатый конь, олень и единорогъ*. Гб. Глѣбовыхъ (VII, 8); Апсевтовыхъ (IV, 118); Тимиразевыхъ (VIII, 14); Тургеневыхъ (IV, 53).

8) *Птицы*, остатки, быть можетъ, древнихъ асаковъ и тамгъ, въ Гб. Бибиковыхъ (III, 13—въ голубомъ полѣ птица турухтанъ, летящая въ правую сторону); Вельяшевыхъ (II, 107—соколъ); Карамзиныхъ (V, 62: въ щитѣ голубаго цвѣта изображена серебряная луна, обращенная вверхъ рогами, подъ нею крестообразно положены два золотые меча, остроконечіями внизъ. Надъ шлемомъ и короною поставлено дерево и на немъ нахо-

дится птица); Теглевыхъ (II, 54); Чемѣсовыхъ (II, 98—орелъ).

и 9) *Рогъ изобилія.* Гб. Ахматовыхъ (V, 52).

Для примѣра мы въ опишемъ подробности гербы: 1) Арсеньевыхъ, предокъ которыхъ Осланъ-мурза, во крещеніи названный Прокопіемъ, выѣхалъ изъ Золотой Орды къ Великому Князю Дмитрію Іоанновичу Донскому. Въ щитѣ, имѣющемъ голубое поле, изображены крестообразно серебряныя сабли и стрѣла, остроконечіями обращенныя къ золотой подковѣ, которая шипами положена вверхъ; по сторонамъ саблей находится золотой полумѣсяцъ рогами вправо и того же металла шестиугольная звѣзда (Герб. V, 28); 2) Въ гербѣ Державиныхъ изображены въ голубомъ полѣ золотые серпъ и луна, другъ къ другу обращенные. Въ нашлемникѣ видѣнъ золотой крестъ, надъ нимъ рука въ латахъ, держащая золотую звѣзду. Девизъ: Силою вышнею держуся (V, 38). 3) Князей Мещерскихъ, восоріявшихъ свое начало, какъ показано въ Бархатной книгѣ, отъ Князя Ширинскаго Бахмета Усейнова сына, который въ 1198 году пришедъ изъ Большой орды, завоевалъ Мещеру и тамъ поселился ([1]). Въ четверочастномъ щитѣ герба Кн. Мещерскихъ изображены: въ первой четверти, въ красномъ полѣ двѣ серебряныя луны; во второй голубаго цвѣта серебряная крѣпость; въ третьей тогоже цвѣта—скачущій влѣво ѣздокъ съ мечемъ, подъятымъ вверхъ, и наконецъ въ четвертой части въ красномъ полѣ видѣнъ чрезъ рѣку серебряный мостъ (II, 8); 4) *Уваровыхъ*, потомковъ Минчака Касаева, по крещеніи Симеона, выѣхавшаго изъ Большой орды къ Великому Князю Василью Дми-

---

([1]) *Кн. Долгорукаго* Родосл. Сборн. IV, Т. стр. 31.

тріевичу. Въ четверочастномъ гербѣ ихъ положенъ въ сердцѣ красный щитокъ, въ которомъ изображенъ золотой крестъ, подъ нимъ серебряный полумѣсяцъ, рогами обращенный внизъ къ золотой шестиугольной звѣздѣ; за тѣмъ въ первой и послѣдней четвертяхъ въ серебряныхъ поляхъ поставлено по черному стропилу, а во второй и третьей частяхъ въ голубомъ полѣ видна изъ облакъ выходящая рука въ латахъ съ мечемъ. Щитъ держатъ два черныхъ одноглавыхъ орла (V, 33). Въ гербѣ Графовъ Уваровыхъ прибавленъ двоеглавый подъ тремя коронами Императорскій орелъ. 5) Кн. Урусовыхъ. Предокъ этого рода Абубекъ Киреевъ Докъ показывается владѣтелемъ въ Египтѣ, а потомки его были въ разныхъ странахъ Царями. Отъ него произошелъ владѣтель Нагайскихъ Татаръ Князь Муса, у котораго были дѣти Князь Юсупъ, родоначальникъ Кн. Юсуповыхъ, и Князь Измаилъ. У сего послѣдняго былъ сынъ Урусъ, и отъ него-то пошли Князья Урусовы (1). Гербъ ихъ, разсѣченный на двѣ и разбитый на три части, имѣетъ по срединѣ щитокъ краснаго цвѣта съ изображеніемъ въ немъ золотой луны, обращенной влѣво и окруженной четырьмя шестиугольными золотыми же звѣздами. Затѣмъ изображены: въ первой части въ голубомъ полѣ ѣздокъ, скачущій на бѣломъ конѣ и держащій въ лѣвой рукѣ стрѣлу; во второй, въ серебряномъ полѣ мужъ въ Татарскомъ одѣяніи, имѣющій въ правой рукѣ птицу; въ третьей, въ золотомъ полѣ лукъ съ летящею вверхъ стрѣлою; въ четвертой, въ зеленомъ полѣ золотой левъ, оровженный въ челюсть двумя стрѣлами; въ пятой въ голубомъ полѣ драконъ и въ шестой въ золотомъ полѣ агнецъ (VI, 1). 6) Кн. Юсуповыхъ, одного съ Князьями Урусовыми про-

(1) Тамъ же Т. IV, стр. 81.

исхожденія (¹). Гербы обоихъ этихъ родовъ имѣютъ между собою много общаго. Овальный щитъ раздѣленъ на шесть частей и въ сердцѣ имѣетъ малый щитокъ, въ верхней части котораго въ зеленомъ полѣ положена княжеская шапка, подъ нею въ красномъ полѣ изображены четыре шестиугольныя серебряныя звѣзды, окружающія серебряный полумѣсяцъ, рогами обращенный вправо. Надъ описаннымъ щиткомъ помѣщенъ еще малый щитъ голубаго цвѣта съ изображеніемъ въ немъ серебряной шестиугольной звѣзды. Въ большомъ щитѣ представлены: въ первой части, зеленаго цвѣта, ѣздокъ съ поднятою шпагою и со щитомъ, во второй, цвѣта золотаго, татаринъ, держащій въ правой рукѣ молотокъ; въ третьей, въ голубомъ полѣ натянутый лукъ со стрѣлою, летящею вверхъ; въ четвертой, въ золотомъ, и въ пятой, въ серебряныхъ поляхъ по льву и наконецъ въ шестой части, въ голубомъ полѣ серебряный олень, бѣгущій влѣво (III, 2); 7) Юшковыхъ, происходящихъ отъ выѣхавшаго къ Великому Князю Дмитрію Іоанновичу Донскому изъ Золотой орды Князя Зеуша, по крещеніи названнаго Стефаномъ, у котораго былъ сынъ Юрій Степановичъ. Въ гербѣ ихъ щитъ раздѣленъ на четыре части, изъ нихъ первое и четвертое поля голубыя, второе и третье золотыя, и на нихъ изображенъ нагой мужъ, держащій на размахѣ въ правой рукѣ палицу (II, 44); и 8) Эмировыхъ. Самое прозваніе свидѣтельствуетъ о происхожденіи этого рода; не менѣе занимателенъ и гербъ его: въ черномъ полѣ изображенъ золотой крестъ трилистной фигуры, по бокамъ его двѣ шестиугольныя золотыя звѣзды и въ подошвѣ щита серебряный полумѣсяцъ, рогами обращенный къ низу (II, 144).

(¹) Тамъ же, стр. 49.

Чтобы перейти отъ Татарскихъ фамилій къ родамъ выѣзжимъ изъ Азіи, необходимо упомянуть о народахъ *Горскихъ*, о закавказскихъ Горцахъ, которые также, хотя и въ малой степени, не остались чужды составу Русскаго дворянства. Къ этому разряду принадлежатъ: 1) Князья Черкасскіе. Въ нашихъ лѣтописяхъ часто встрѣчаются Князья этого названія, особенно же были извѣстны Кн. Егуповы-Черкасскіе и Ахамашуковы-Черкасскіе, но роды ихъ пресѣклись (1). Нынѣ существующіе Князья Черкаскіе происходятъ отъ Инала. Предки его въ древнія времена обладали Египтомъ, и по завоеваніи Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Астрахани покорились Россіи и Князья Черкасскіе. Владѣтельный въ то время Князь, правнукъ Инала, Темрюкъ Идаровъ отправилъ къ Царю въ знакъ подданства сына своего Салтмона, по крещеніи названнаго Княземъ Михаиломъ и пожалованнаго въ бояре, и дочь Марію, бывшую потóмъ въ супружествѣ за Царемъ. Въ сердцѣ четырехъ-частнаго герба Князей Черкасскихъ на особомъ горностаевомъ щиткѣ изображена держава; за тѣмъ въ первой четверти, цвѣта краснаго представленъ черкесъ въ золотой епанчѣ и княжеской шапкѣ съ перомъ, скачущій вправо на бѣломъ конѣ въ золотой сбруѣ; во второй части въ голубомъ полѣ, между трехъ шестиугольныхъ серебряныхъ звѣздъ, изображены крестообразно двѣ серебряныя стрѣлы, остроконечіями вверхъ, и на нихъ поставленъ щитъ краснаго цвѣта съ серебрянымъ на немъ полумѣсяцемъ; въ третьей части, въ серебряномъ полѣ видѣнъ обращенный вправо левъ, держащій въ переднихъ лапахъ натянутый лукъ со стрѣлою, и наконецъ въ четвертой въ золотомъ полѣ

(1) *Кн. Долгорукова* Родословн. сборн. IV, 38.

представлены двѣ змѣя, перпендикулярно перевившіеся (II, 9); 2) Черкасовы. Щитъ въ гербѣ ихъ разбитъ на двѣ неравныя части: верхнюю большую и нижнюю малую, и обѣ разсѣчены. Въ первой четверти краснаго цвѣта крестообразно положены серебряные лукъ и стрѣла, во второй голубой перпендикулярно изображенъ серебряный ключь, на поверхности котораго видно распростертое крыло, въ третьемъ голубомъ и четвертомъ красномъ поляхъ означено четыре золотыхъ столба (VII, 106). У Бароновъ Черкасовыхъ гербъ совершенно иной: щитъ разсѣченъ на двѣ части, изъ нихъ правая цвѣта золотаго, лѣвая краснаго; въ нихъ изображенъ двоеглавый орелъ съ распростертыми крыльями, перемѣняющій видъ свой на краскѣ въ золото, а на золотѣ въ красный цвѣтъ. Въ лапахъ орелъ держитъ два прапорца, съ изображеніемъ на каждомъ изъ нихъ буквы Р (1). Въ нашлемникѣ поставленъ обращенный вправо гусь. Щитодержатели—два вооруженныхъ воина, имѣющіе одѣяніе подобное Донскимъ Казакамъ (III, 6); 3) Черкесовы, происходящіе изъ Горскихъ Черкасъ, имѣютъ въ щитѣ краснаго цвѣта серебряную перевязь влѣво съ тремя на ней черными пятиугольными звѣздами (III, 114).

Въ числѣ родовъ, выѣхавшихъ изъ Арменіи, считаемъ долгомъ отмѣтить: 1) Князей Аргутинскихъ-Долгорукихъ, происходящихъ, по удостовѣренію Армянскихъ и Грузинскихъ историческихъ книгъ, отъ Царя Артаксеркса Долгорукаго. Потомокъ его Аршакъ или Арсакъ Великій владѣлъ царствами Персидскимъ и Армянскимъ. По имени одного изъ преемниковъ его Аргуна, этой фамиліи дано прозваніе Князей Аргутинскихъ-Долгорукихъ. Щитъ

(1) О службѣ Барона Ивана Антоновича Черкасова при Петрѣ Великомъ см. Словарь достопамятныхъ людей Т. V, стр. 261.

въ ихъ гербѣ разсѣченъ на двѣ половины; изъ нихъ лѣвая разбита и заключаетъ въ себѣ родовыя ихъ знамена: въ верхней половинѣ въ красномъ полѣ-выходящую изъ облаковъ обнаженную руку съ мечемъ, подъ нею въ голубомъ полѣ-льва, держащаго передними лапами золотую булаву и щитъ; въ правой же половинѣ, по случаю утвержденія рода Князей Аргутинскихъ-Долгорукихъ въ Княжескомъ достоинствѣ Россійской Имперіи, прибавленъ въ золотомъ полѣ вылетающій черный орелъ, имѣющій на главѣ корону и въ лапѣ скипетръ; на груди у орла изображенъ Мальтійскій крестъ съ маленькимъ на срединѣ щиткомъ краснаго цвѣта, на которомъ означено Имя Государя Императора Павла 1 (V, 6). 2) Давыдовыхъ, потомковъ Давыда Бея. Гербъ ихъ раздѣленъ на четыре части и имѣетъ по срединѣ щитокъ чернаго цвѣта, въ которомъ изображенъ золотой левъ, держащій въ лапахъ лукъ, по сторонамъ сего щитка въ золотомъ полѣ видны двѣ армянскія буквы чернаго цвѣта, соотвѣтствующія Русскимъ Д и Б. Надъ щиткомъ въ горностаевомъ полѣ, на малиновой подушкѣ положена княжеская шапка. Затѣмъ въ первой четверти, въ голубомъ полѣ изображенъ черный одноглавый орелъ, имѣющій въ лапахъ серебряную стрѣлу, во второй, въ зеленомъ полѣ, золотой крестъ, означенный на вѣтви съ плодами того же цвѣта; въ третьей, въ бѣломъ полѣ видны пять рыбъ, плавающихъ въ рѣкѣ, и наконецъ въ послѣдней части краснаго цвѣта крестообразно означены бѣлое знамя съ золотымъ древкомъ и серебряная сабля остроконечіемъ внизъ. Щитъ держатъ два воина въ панцырахъ и съ пиками, въ азіатской одеждѣ (VII, 162). 3) Лазаревыхъ, предокъ которыхъ Манукъ Лазаревъ, по пресѣченіи въ Арменіи государевой фамиліи, былъ вла-

дѣльцемъ нѣкоторой части Арменіи. Сынъ Манука Лазарь находился при второмъ шахѣ Абассѣ, а внукъ его Лазарь Лазаревъ выѣхалъ съ дѣтьми своими въ Россію, гдѣ при Императрицѣ Екатеринѣ II получилъ дворянское достоинство и слѣдующій гербъ: верхняя половина на двое разбитаго щита имѣетъ въ золотомъ полѣ изображеніе чернаго орлинаго крыла, а нижняя въ голубомъ полѣ-лежащаго золотаго льва (III, 142).

Изъ Персіи, какъ показываетъ и самое прозваніе, происходятъ Персидскіе. Предокъ ихъ привелъ къ Русскому Двору слона въ подарокъ отъ Шаха, и въ память того изображеніе слона натуральнаго вида помѣщено въ гербѣ этой фамиліи. Того же слона видимъ въ гербѣ Ганнибаловъ, родомъ изъ Африки. Далѣе къ разряду фамилій азіатскаго происхожденія относятся фамиліи: 1) Араповыхъ, какъ то видно изъ ихъ прозванія и герба. Въ первой голубой части ихъ гербоваго щита, разбитаго на двѣ половины, изъ которыхъ верхняя разсѣчена, видны серебряный полумѣсяцъ рогами влѣво, подъ нимъ золотая шестиугольная звѣзда; во второй части, цвѣта красн изображена выходящая изъ облаковъ рука съ длинны золотымъ крестомъ; наконецъ въ нижней половинѣ представленъ Арапъ, плывущій по рѣкѣ въ лѣвую стор (IV, 98); 2) Даудовыхъ, предокъ которыхъ выѣхалъ и Персіи къ Царю Алексѣю Михаііловичу. Ихъ гербъ представляетъ голубаго цвѣта щитъ, на которомъ полож шесть яблоковъ (по три съ каждой стороны); на сре щита изображены крестообразно двѣ золотыя стрѣ копье, въ подошвѣ же герба два строусовыхъ пер Мячковыхъ; предокъ ихъ Олбуга, родственникъ Те скаго Царя, по крещеніи названный Еремѣемъ, вы въ Москву къ Великому Князю Димитрію Іоанн

Донскому изъ Тевризскаго Государства. У этого Олбуги былъ внукъ Иванъ Яковлевичь Мячка, по имени которого весь родъ назвался Мячковыми. Въ щитѣ голубаго цвѣта изображенъ Негръ въ латахъ, имѣющій въ правой рукѣ золотой лукъ, а въ лѣвой три стрѣлы, остроковечіями обращенныя вверхъ, и за плечами золотой колчанъ со стрѣлами. Въ нашлемникѣ видѣнъ до половины выходящій Негръ, имѣющій на головѣ чалму (IV, 35); и 4) Турчаниновыхъ. Въ гербѣ этой фамиліи изображено въ голубомъ полѣ серебряное стропило съ поставленнымъ на немъ крестомъ трилистной по концамъ фигуры; по бокамъ креста и въ подошвѣ щита помѣщены три золотые полумѣсяца, повторяющіеся и въ нашлемникѣ надъ двума распростертыми голубыми крыльями (I, 105).

Обозрѣвъ гербы дворянъ, выѣзжихъ изъ такихъ странъ, гдѣ первоначально не было гербовъ, не можемъ не замѣтить близкаго сродства эмблемиъ, данныхъ этимъ фамиліямъ, съ Русскими знаменами, послужившими для нихъ образцомъ.

По возможности мы исчисляли всѣ страны, изъ которыхъ къ намъ выѣзжали дворянскіе роды. Бархатная книга тщательно обозначала эти выѣзды и потому Разрядъ, завѣдывавшій веденіемъ оффиціальной родословной, также не упустилъ изъ виду отмѣтить, изъ какой области Россіи выѣхали въ Москву разные служилые люди, родоначальники фамилій. Такое происхожденіе не могло не отразиться въ ихъ гербахъ: многіе изъ этихъ родовъ имѣютъ вмѣстѣ съ иными эмблемами знамена и гербы областные, потому-ли что гербовладѣльцы показывались въ родствѣ съ удѣльными князьями или потому, что служили имъ. Для родословныхъ это указаніе, заклю-

чающееся въ гербѣ, должно имѣть особенную важность. Потому мы исчислимъ:

§ 96.

Гербы лицъ, выѣхавшихъ въ Москву изъ разныхъ областей Россіи.

Къ сожалѣнію, наши родословныя, по крайней мѣрѣ, намъ доступныя, сохранили слишкомъ мало извѣстій для объясненія гербовъ этого разряда. Мы воспользуемся тѣми немногими указаніями, которыя въ нихъ остались, и приведемъ тѣ гербы изъ гербовника, въ которыхъ видимъ несомнѣнные слѣды областныхъ и городскихъ знаменъ:

1) Волынскіе. Предокъ ихъ Князь Дмитрій Михайловичъ Волынскій Боброкъ выѣхалъ въ Москву къ Великому Князю Дмитрію Іоанновичу Донскому изъ Волынской земли. Прозванію соотвѣтствуетъ и древній гербъ Волыни, который состоялъ изъ бѣлаго креста ([1]): онъ помѣщенъ въ гербѣ Волынскихъ, имѣющемъ красное поле. Щитъ держатъ два льва (IV, 32); 2) Бибиковскіе имѣютъ въ гербѣ, разсѣченномъ на двѣ половины, въ правой изображеніе золотой арфы въ голубомъ полѣ, въ лѣвой-Черниговскій гербъ въ золотомъ полѣ, т. е. черпаго одноглаваго орла съ распростертыми крыльями, держащаго въ лапѣ позлащенный крестъ (III, 143). Тѣмъ же признакомъ отличается гербъ Шетневыхъ. Предки ихъ, отъ Греческаго рода, по взятіи города Средицъ Болгарскимъ Царемъ Іоанномъ Асакомъ, переселились въ Венгрію, а потомъ къ Черниговскому Князю Михаилу Всеволодовичу, отъ котораго и почтены боярскою честью. По прозванію одного члена этого рода Шетнемъ, и вся фамилія получила наименованіе Шетневыхъ: въ

([1]) Korona Polska I, 154.

гербѣ ихъ, имѣющемъ голубое поле, изображенъ черный одноглавый орелъ, съ короною на головѣ, имѣющій въ лапахъ лавровый вѣнокъ и длинный золотой крестъ; подъ орломъ, на подошвѣ щита видны двѣ выходащія изъ облаковъ руки съ мечами и между ними находится срубленный серебряный пень съ вѣтвями. На щитѣ поставлены три шлема, изъ которыхъ средній увѣнчанъ дворянскою короною съ пятью строусовыми перьями, обвитыми лавровымъ вѣнкомъ; на крайнихъ положено по горлатной боарской шапкѣ и изъ-за нихъ выходятъ двѣ руки въ латахъ съ мечами (IV, 21). 3) Болотниковы. Они выѣхали изъ Литвы и въ 1530 году пожалованы отъ Великаго Князя Василья Іоанновича деревнями въ Вяземскомъ уѣздѣ. Щитъ въ ихъ гербѣ разбитъ на три части: изъ нихъ въ верхней представленъ скачущій влѣво всадникъ съ поднятымъ мечемъ и со щитомъ на рукѣ, въ средней части, разрѣзанной двумя діагональными чертами, изображенъ въ срединѣ Смоленскій или, что все равно, Вяземскій гербъ (см. стр. 377, 378), т. е. на золотомъ лафетѣ черная пушка съ сидящею на ней райскою птицею, и надъ этою фигурою голубаго цвѣта титло; съ правой стороны въ голубомъ полѣ видна рука съ мечемъ, а въ лѣвой, въ красномъ полѣ крѣпостъ; наконецъ въ нижней части щита изображены въ золотомъ полѣ состоящая изъ шести судовъ флотилія и надъ нею съ правой стороны восходящее солнце (IX, 14). Смоленскій гербъ въ серебряномъ полѣ, безъ другихъ эмблемъ, видѣнъ у Карповыхъ (IX, 48). Много общаго съ гербомъ Болотниковыхъ имѣетъ гербъ Купреяновыхъ: щитъ раздѣленъ на четыре части, и изъ нихъ изображены въ первомъ голубомъ полѣ серебряная крѣпость, во второмъ золотаго цвѣта Смоленское знамя, въ третьемъ серебряномъ якорь

до половины въ водѣ и въ послѣднемъ красномъ полѣ всадникъ на бѣломъ конѣ, скачущій вправо съ подъятымъ мечемъ (X, 33).—Тотъ же Смоленскій гербъ видѣнъ у Коробковыхъ: щитъ раздѣленъ на четыре части, изъ нихъ въ первой, въ голубомъ полѣ видна выходящая изъ облаковъ рука съ лукомъ и стрѣлою; во второй положенныя на крестъ серебряныя стрѣла и шпага, надъ ними дворянская корона, а подъ ними полумѣсяцъ рогами вверхъ; въ третьей, въ красномъ полѣ изображена большая серебряная четыреугольная звѣзда и около нея видно по четыре съ каждой стороны маленькихъ звѣзды надъ ними дворянская корона, наконецъ въ послѣдней четверти, въ голубомъ полѣ представленъ Смоленскій гербъ (VIII, 121). 4) Гагины (были Князья Гагины отъ рода Князей Ярославскихъ) (1) имѣютъ въ гербѣ (VIII, 31) щитъ, разбитый на двѣ половины, изъ которыхъ верхняя разсѣчена: въ правомъ, голубомъ полѣ изображенъ Ангелъ съ копьемъ и золотымъ щитомъ, въ лѣвомъ, красномъ видна серебраная осьмиугольная звѣзда, наконецъ въ нижней половинѣ, въ золотомъ полѣ находится черный медвѣдь, идущій вправо (при Польскомъ Правительствѣ Кіевскимъ знаменемъ былъ медвѣдь; древній же Кіевскій гербъ есть Архангелъ Михаилъ (см. стр. 283); 5) Полугорскіе. Гербъ этой фамиліи горностаевою перевязью влѣво дѣлится на двѣ половины: въ верхней, въ голубомъ полѣ изображена рука въ латахъ, держащая подъятый мечъ, а въ нижнемъ, золотомъ полѣ представленъ дубъ, подъ нимъ идущій въ правую сторону медвѣдь натуральнаго цвѣта (III, 144). Послѣдняя эмблема служитъ, видѣли мы (стр. 383), отличительною примѣтою

---

(1) Верхотная книга I, 119; II, 300, 301, 314.

для гербовъ Князей Стародубскихъ. 6) Сатины. Они происходятъ отъ Козельскихъ Князей и имѣютъ въ гербѣ щитъ, разбитый на двѣ неравныя части: верхнюю малую съ изображеніемъ въ горностаевомъ полѣ княжеской шапки, и нижнюю, пространную, въ которой въ золотомъ полѣ на голубой по срединѣ полосѣ поставлены два льва перемѣнныхъ съ полями цвѣтовъ, имѣющіе въ переднихъ лапахъ золотую стрѣлу, обращенную остріемъ вверхъ. Щитъ увѣнчанъ двумя шлемами съ дворянскими на нихъ коронами, на поверхности которыхъ видны двѣ руки въ латахъ, держащія крестообразно двѣ золотыя стрѣлы остроконечіями внизъ (VI. 5); 7) Совины (1). Въ гербѣ ихъ щитъ разбитъ на двѣ половины и изъ нихъ верхняя разсѣчена. Въ послѣдней правое, голубое поле занято изображеніемъ воинскаго шишака съ краснымъ перомъ; въ лѣвомъ красномъ виденъ медвѣдь, стоящій на заднихъ лапахъ и держащій сѣкиру, въ нижней половинѣ представлены въ золотомъ полѣ два плавающіе лебедя. Щитъ держатъ два черныхъ орла (X, 88). 8) Строгановы. О происхожденіи этого въ лѣтописяхъ Русской исторіи славнаго рода есть два мнѣнія, изъ которыхъ каждое опирается на болѣе или менѣе достовѣрныхъ данныхъ: одни признаютъ Строгановыхъ родомъ выѣзжимъ изъ Татаръ, какъ то сказано и въ дипломѣ, данномъ Римскимъ Императоромъ Францомъ въ 1761 году Камеръ-юнкеру Александру Сергѣевичу Строганову на Графское достоинство (2), другіе (во главѣ ихъ стоятъ

(1) Бархатная книга производитъ Совиныхъ изъ Большой Орды (II, 378) отъ Ивана Совы; но тоже лице встрѣчается и въ Княжескихъ родословныхъ. Временникъ в. о. и. Т. X, стр. 42, 88.

(2) *Туманскаго* Россійскій магазинъ. I. Спб. 1792, стр. 475—481; ср. тамъ же, стр. 466, 468.

нашъ извѣстный историкъ Профессоръ *Устряловъ*) [1] утверждаютъ, что Строгановы вышли изъ разряда Новгородскихъ помѣщиковъ, стали выше другихъ въ первой половинѣ XV столѣтія и за тѣмъ разными подвигами на пользу отечества достигли высшихъ почетныхъ званій, степеней и отличій. Въ пользу послѣдняго мнѣнія говоритъ и гербъ Строгановыхъ, неимѣющій никакихъ признаковъ гербовъ фамилій Татарскихъ. Огромныя владѣнія, издавна принадлежащія роду Строгановыхъ въ *Перми* и содѣйствіе ихъ къ пріобрѣтенію Сибири дали имъ право на гербъ, объясненіе котораго сохранилось въ грамотѣ 1725 года на пожалованное имъ баронское достоинство. Въ гербѣ Бароновъ Строгановыхъ щитъ разбитъ на двѣ части: изъ нихъ въ верхней краснаго цвѣта изображена серебряная медвѣжья голова, обращенная вправо (часть Пермскаго герба) [2], нижняя занята бѣлчьимъ мѣхомъ (въ память покоренія Сибири при Іоаннѣ Грозномъ). Чрезъ весь щитъ идетъ золотая волнистая перевязь влѣво, имѣющая три копейныхъ желѣзка, остріями вверхъ. Шлемъ покрытъ бурелетомъ, поверхъ котораго видна такъже, какъ въ гербѣ, медвѣжья голова. Щитодержатели два соболя (I, 34). Гербъ Бароновъ Строгановыхъ, имѣющихъ титулъ Римской Имперіи Графовъ, отличается тѣмъ только, что на щитѣ положена присвоенная графскимъ гербамъ корона и поверхъ ея поставлено три шлема, украшенные клейнодами: изъ нихъ на среднемъ изображенъ черный съ двумя коронами двоеглавый орелъ, на крайнихъ видны съ правой стороны серебряная медвѣжья голова, съ лѣвой собольи голова чернаго цвѣ-

---

(1) Именитые люди Строгановы. Спб. 1842, стр. 5—7.

(2) Указъ 1783 г. Іюля 17 (№ 15786).

та (I, 33). Тотъ же гербъ сохранили Графы Строгановы, потомки пожалованнаго въ 1798 г. въ Графское Россійской Имперіи достоинство Барона и Римской Имперіи Графа Александра Сергѣевича Строганова. Прибавленъ только золотой въ сердцѣ герба щитокъ, съ двуглавымъ, тремя коронами увѣнчаннымъ орломъ и вензелевымъ на груди его изображеніемъ имени въ Бозѣ почившаго Императора Павла 1-го (II, 16). Наконецъ Графъ Григорій Александровичъ Строгановъ и его потомство, пожалованные Графскимъ Россійской Имперіи достоинствомъ въ 1826 году, сохраняя въ сущности тотъже родовой гербъ, имѣютъ слѣдующія отличія: въ сердцѣ герба, въ голубомъ щиткѣ Императорскаго Россійскаго орла съ вензелемъ Его Величества Государя Императора Николая 1-го, и на перевязи четыре копейныхъ желѣзка. На среднемъ шлемѣ, покрытомъ Графскою короною, виденъ летящій двуглавый орелъ, коронованный тремя коронами, а на двухъ крайнихъ дворянскихъ изображены облеченныя въ серебряныя латы руки, изъ которыхъ рука съ правой стороны держитъ золотой крестъ, съ лѣвой-шпагу. Щитодержатели тѣже два соболя. Девизъ: Ferram opes patriae, sibi nomen, что значитъ: отечеству принесу богатство, себѣ-имя (X, 12); и 8) Цыгоровы. (Происхожденіе ихъ неозначено). Щитъ въ гербѣ ихъ разбитъ на двѣ половины: изъ нихъ верхняя, разсѣченная имѣетъ съ правой стороны въ золотомъ полѣ изображеніе половины чернаго орла съ распростертымъ крыломъ, съ лѣвой — выходящую изъ облаковъ руку, облеченную въ латы и держащую мечь. Въ нижней половинѣ голубаго цвѣта видны двѣ рыбы, плавающія въ Андреевскій крестъ (какъ въ Бѣлозерскомъ гербѣ, см. стр. 381, 382). Въ нашлемникѣ представленъ выхо-

дящій до половины бѣлый вопь, обращенный вправо (VII, 43).

Останавливаясь наконецъ разсмотрѣніемъ гербовъ дворянъ выѣзжихъ въ Россію изъ разныхъ земель, мы должны оговорить причину, по которой, не смотря на всѣ наши старанія, нѣкоторые дворянскіе роды могутъ оказаться пропущенными: мы были стѣснены въ этомъ случаѣ двумя условіями, которыя сами себѣ положили за непреложное правило для избѣжанія всякаго упрека въ произволѣ. Для насъ были необходимы съ одной стороны свидѣтельство Бархатной Книги или иныхъ источниковъ о выѣздѣ рода, и съ другой помѣщеніе герба въ гербовникѣ или по крайней мѣрѣ его достовѣрность. Пропуски могутъ быть дополнены только частными каждой фамиліи свѣдѣніями и за доставленіе ихъ будетъ, конечно, благодаренъ всякій, кому дорогà эта занимательная и у насъ еще новая наука.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Гербы за отличія на службѣ.

Путь къ высшимъ степенямъ служебныхъ отличій былъ у насъ издревле открытъ для каждаго. Однѣ заслуги даютъ право на такое отличіе, и въ гербѣ онѣ находятъ себѣ вѣрнаго истолкователя и неизмѣнный памятникъ: переходя изъ рода въ родъ, онъ напоминаетъ грядущимъ поколѣніямъ дѣянія ихъ предковъ и побуждаетъ къ такимъ же подвигамъ. И эти послѣдніе могутъ найти себѣ

также выраженіе въ гербѣ, который становится живою лѣтописью рода и его дѣятельности.

Самыя почетныя у насъ званія—Княжеское и Графское. Мы начнемъ съ нихъ, покажемъ исторію пожалованія этихъ достоинствъ и затѣмъ исчислимъ признаки, которые соотвѣтствуютъ имъ въ гербахъ. За Графскими гербами слѣдуютъ гербы Бароновъ также съ своими примѣтами, и наконецъ дворянскіе. Такъ какъ нѣкоторыя эпохи оставили въ гербахъ дворянъ, принимавшихъ участіе въ тѣхъ или другихъ подвигахъ своего времени, характеристическіе признаки, то необходимо показать и ихъ. Сюда относятся т. н. Лейбкампанскіе (1741 года) гербы, равно какъ тѣ внѣшнія примѣты, которыя употреблялись въ разныя царствованія при пожалованіи гербовъ. Здѣсь же должно найти себѣ мѣсто описаніе коронъ на гербахъ дворянъ съ особенными почетными титулами и безъ нихъ, шлемовъ, наметовъ, девизовъ и щитодержателей.

Затѣмъ переходя къ отдѣльнымъ родамъ и видамъ заслугъ на разныхъ поприщахъ государственной дѣятельности, мы въ примѣрахъ, заимствованныхъ изъ Гербовника, исчислимъ, какія эмблемы въ нашихъ гербахъ соотвѣтствуютъ разнымъ видамъ отличій, какъ они дополняютъ родовыя эмблемы въ гербахъ старыхъ дворянскихъ фамилій и какъ выразились у вновь пожалованныхъ дворянъ. Считаемъ лишнимъ предупреждать при этомъ, что наше обозрѣніе не можетъ обнять всѣхъ видовъ заслугъ и всѣхъ ихъ оттѣнковъ. Мы представляемъ образцы, примѣняясь къ которымъ легно выразить разныя видоизмѣненія въ отличіяхъ.

Слѣдуя вышесказанному порядку, мы изложимъ:

§ 97.

Общія примѣты гербовъ лицъ, пожалованныхъ Княжескимъ, Графскимъ и Баронскимъ достоинствами и дворянскихъ гербовъ разныхъ царствованій. Короны, нашлемники, щитодержатели и девизы.

Раздѣленіе Государства на графства и раздача ихъ для управленія графамъ (по буквальному переводу старостамъ) есть учрежденіе западной феодальной Европы. Первоначально графы были только королевскими намѣстниками, и кромѣ управленія ввѣренной имъ области и суда надъ ея жителями, они обязывались, въ случаѣ войны, выводить туземное войско и ставить его подъ королевское знамя. Въ этомъ отношеніи нѣсколько графовъ были подчинены одному герцогу. Мѣстоположеніе области, ввѣренной графу, т. е. была-ли она пограничная или укрѣпленная, или земледѣльческая и т. п., и съ другой стороны различіе обязанностей, возложенныхъ на графа и объемъ предоставленныхъ ему правъ, объясняютъ названія: Маркграфъ, Бургграфъ, Гауграфъ, Центграфъ, Дингграфъ, Вилдграфъ. Гольцграфъ, Стальграфъ и пр. Съ усиленіемъ феодализма въ Западной Европѣ графы присвоили себѣ ввѣренныя имъ области и такимъ образомъ стали богатыми, независимыми землевладѣльцами (¹). Право утверждать за избранными лицами графства, что̀ въ то время было равнозначительно съ пожалованіемъ въ графское достоинство, составляло одно изъ преимуществъ Германскихъ

(1) *Eichhorn* Deutsche Staats und Rechtsgeschichte. Göttingen. 1843. Bd. I. S. 162, 163, 167, 192. Bd. II. S. 109. П.

Императоровъ, наслѣдовавшихъ послѣ Карла Великаго и его ближайшихъ преемниковъ (въ 962 году) вмѣстѣ съ короною Римскихъ Императоровъ нѣкотораго рода покровительство и господство надъ землями Германіи, входившими въ составъ Римскаго колосса. Такое право оставалось за германскими Императорами, пока существовала Священная Римская Имперія, т. е. до 1806 года, когда съ образованіемъ самостоятельныхъ въ самой Германіи королевствъ, Императоръ Францъ II утратилъ свое прежнее на Германскія земли вліяніе и принялъ титулъ Императора Австрійскаго (¹).

До царствованія Петра Великаго у насъ не жаловалось ни Княжесвое, ни Графское достоинство. Княжескій титулъ принадлежалъ издавна многимъ фамиліямъ, но это были потомки удѣльныхъ Князей; Графовъ же вовсе не было, и боярство оставалось высшею наградою, которой удостоивался въ то время служилый человѣкъ (²). Такимъ образомъ понятно, отъ чего Петръ Великій для пожалованія Русскихъ въ Графы считалъ первоначально необходимымъ утвержденіе ихъ въ этомъ титулѣ Римскимъ Императоромъ, отъ котораго имъ и выдавался дипломъ. Впрочемъ бо́льшая часть Графовъ Римской Имперіи была потомъ возводима въ Русскіе Графы (напр. Графы Головкины, Воронцовы, Дмитріевы—Мамоновы, Кушелевы - Безбородко, и др.). Впрочемъ нѣкоторые остались только графами Римской Имперіи (напр. Комаровскіе, Матвѣевы, Морковы), и гербы ихъ помѣщены въ одномъ отдѣленіи съ гербами дворянъ, неимѣющихъ титуловъ. Наконецъ какъ

(¹) Ibidem II. 36—39. IV. 602—611.

(²) *Котошихинъ*, стр. 21, 22.

Питръ Великій, такъ и преемники его за особенныя заслуги Престолу и отечеству возводили прямо въ Графы, и прежде другихъ такого отличія удостоился родъ Шереметевыхъ (въ 1706 году). Гербъ ихъ описанъ выше. Мы остановимся на Головкиныхъ, Графахъ Римской имперіи съ 1707 года, возведенныхъ въ Русскіе Графы въ 1709 г. и на дипломѣ, выданномъ имъ по этому случаю въ 1710 году. Замѣтимъ вообще, что для отечественной исторіи свѣденія, сообщаемыя въ подобныхъ дипломахъ, очень важны во многихъ отношеніахъ, и собраніе этихъ матеріаловъ было бы драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ дла науки. Не меньшаго вниманія заслуживаютъ эти документы и со стороны Русскаго геральдика, потому что описаніе и иногда объясненіе герба, видимаго свидѣтеля заслугъ, составляетъ существенную часть этихъ грамотъ, въ которыхъ всегда и помѣщается живописное изображеніе герба. Считая излишнимъ печатать здѣсь вполнѣ тѣ Графскіе дипломы, которые не были еще изданы и которые удалось намъ собрать, мы приведемъ изъ диплома 1710 года, даннаго Графу Головкину, начало и конецъ, тѣмъ болѣе, что форма ихъ осталась почти безъ измѣненія до настоащаго времени.

Дипломъ этотъ начинается такъ: «Божіею споспѣшествующею милостію Мы Пресвѣтлѣйшій и Державнѣйшій Великій Государь, Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя Россіи Самодержецъ (слѣдуетъ пространный титулъ) будущихъ вѣковъ на память объявляемъ настоящею Нашею жалованною грамотою всѣмъ: Аще данная Намъ отъ Всевышняго самодержавная власть во Всероссійскомъ Нашемъ наслѣдномъ и принадлежащихъ къ оному пространнѣйшихъ

Царствіяхъ и Государствахъ тако распространяется, что вся достоинства и высокія степеней чести во ономъ издавна обыклыя и по волѣ Нашей возведенныя, каждому по заслугамъ и по милости Нашей раздавати, въ благоволеніи Нашемъ состоитъ, обаче въ награжденіи знатныхъ степеньми чести и титуловъ въ Нашемъ Царствіи богатодарность Нашу сими обыкли есмы предѣлы заключать, разсмотрая чрезвычайные заслуги и высокое достоинство онаго, его же на степень знатнѣйшаго Графскаго преимущества возвести соизволимъ». Исчисленіе заслугъ, стяжавшихъ Головкину право на это отличіе, занимаетъ бо́льшую часть диплома, который оканчивается тѣмъ: «Того ради Мы Пресвѣтлѣйшій и Державнѣйшій Великій Государь, Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ Самодержецъ Всероссійскій Нашего Всероссійскаго Царствія а Государствъ вѣрнолюбезнымъ подданнымъ какъ духовнымъ высшія и нижнія степени, такъ и мірскимъ, въ Нашемъ Царскаго Величества синклитѣ обрѣтающимся, Принцамъ или Князьямъ и прочимъ высокимъ Министрамъ, въ войскахъ же Нашихъ на землѣ и морѣ служащимъ Фельдмаршаламъ и Адмираламъ, Генераламъ и Вице-Адмираламъ и прочимъ вождемъ и высокаго и низкаго чину офицерамъ, такожде благоурожденнымъ Нашимъ дворянамъ и всѣмъ вообще и коемуждо особно, гражданскимъ канцеляріискимъ верховнымъ и нижнимъ служителямъ и земскаго чина президентамъ и бургомистрамъ и мѣщанамъ и всѣмъ Всероссійскаго Нашего Царствія подданнымъ всякаго чина, милостиво повелѣваемъ, и указомъ Нашимъ именнымъ утверждаемъ; а прочихъ Потентатовъ, Принциповъ и Князей братски и любезно просимъ и желаемъ, дабы помянутаго, Намъ и Всероссійскому Нашему Царству вѣрнолюбез-

наго Римскаго и Россійскаго Государствъ Графа Гаврила Ивановича Головкина и законныхъ его дѣтей и наслѣдниковъ мужеска и женска роду нисходящей линіи, въ вѣчныя времена, въ разсужденіи къ Намъ и къ Царству Нашему помянутыя его вѣрныя службы, Нашимъ и Римскаго и Россійскаго Государствъ Графомъ признавали, почитали, писали и именовали и по милостивому Нашему возвышенію председательство въ духовныхъ и сенаторскихъ совѣтахъ по достоинству оному позволили и прочія превмущества и почтенія отдавали, якоже брата Нашего любезнѣйшаго, Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго Іосифа, избраннаго Римскаго Цесаря и иныхъ, ему данной дипломъ въ себѣ содержитъ, которую сею Нашею Царскаго Величества милостивою жалованною грамотою купно во всемъ подтверждаемъ и подданнымъ Нашимъ оной пріймать и потомъ исполнять повелѣваемъ, подъ опасеніемъ преступникамъ Нашего Царскаго Величества гнѣва и пени ста фуатовъ чистаго золота, изъ которой половина въ казну нашу, а остаточное же тому оозлобленному доправлено быть имѣетъ безъ всякой пощады, не смотря лица или чина; прочимъ же Потентатамъ, Принцыпемъ и Княземъ въ таковыхъ же мѣрахъ воздавати обѣщаемъ; якоже во свидѣтельство сей Нашей къ помянутому намъ вѣрнолюбезному Графу Гаврилу Ивановичу Головкину милости и достойнаго возвышенія прилагаемъ Нашу и Всероссійскаго Нашего Царствія печать, при подписаніи Нашея Царскія руки» (¹).

Графскіе дипломы Императоровъ Священной Римской Имперіи писались на Латинскомъ языкѣ и составлялись

(¹) Ср. Древн. Рос. Вивліоѳики Т. IX, стр. 488: Графскій дипломъ Зотову отъ 1712 года.

по свѣдѣніямъ, которыя сообщались отъ нашего Двора, какъ то доказываетъ хранящаяся въ Румянцовскомъ Музеумѣ въ подлинникѣ за подписаніомъ Австрійскаго Императора Карла грамота отъ 1714 года на Графское достоинство Андрею Артамоновичу Матвѣеву. Она писана на восьми пергаментныхъ полулистахъ (in 4-о), оболчена въ парчу и заключаетъ въ себѣ, кромѣ подробнаго описанія происхожденія и заслугъ рода Матвѣевыхъ, изображеніе герба ихъ красками и удостовѣреніе, что Австрійскимъ Правительствомъ къ *родовому гербу* Матвѣевыхъ прибавлены *почетныя эмблеммы*. Въ соотвѣтствіе съ новымъ званіемъ Графа, Матвѣева велѣно было именовать Hoch-wohl-geboren, *Высокороднымъ*. Впрочемъ форма изложенія такаяже, какъ въ Русскихъ дипломахъ на графское достоинство: послѣ пространнаго титула Римскаго Императора и предисловія съ изложеніемъ правъ Государя награждать заслуги и высшими степенями отличій, слѣдуетъ исчисленіе тѣхъ подвиговъ, которые сдѣлали Матвѣева достойнымъ такого отличія. Въ концѣ диплома предписывается всѣмъ и каждому уважать пожалованнаго и воздавать ему должныя по достоинству почести, подъ опасеніемъ за противное государева гнѣва и пени въ сто марокъ чистаго золота, изъ которыхъ одна половина поступаетъ въ казну, другая въ пользу обиженнаго (прил. 5).

Общія примѣты гербовъ лицъ, пожалованныхъ Княжескимъ достоинствомъ, состоятъ въ томъ, что гербы ихъ покрываются мантіею, опускающеюся изъ-подъ княжеской шапки (см. стр. 366). Верхъ мантіи бархатный малиновый, подбой горностаевый. На щитѣ помѣщается обыкновенно три шлема, рѣже число ихъ простирается до пяти (гб. Князей Меньшиковыхъ I, 15; Вяземскихъ—

X, 6): изъ нихъ средній бываетъ открытъ впрямь, а крайніе ставятся бокомъ (въ три четверти), забраломъ къ среднему. Короны бываютъ иногда на всѣхъ шлемахъ обыкновенныя дворянскія (напр. у Князей Лопухиныхъ IV, 6); чаще однако средній щитъ покрывается Княжескою шапкою и поддерживаетъ Императорскаго орла, увѣнчаннаго тремя коронами. Шлемы могутъ быть украшены нашлемниками, которые или соотвѣтствуютъ эмблеммамъ, помѣщеннымъ въ щитѣ и служатъ имъ *дополненіемъ*, или прибавлены для почета и за особенныя заслуги.

Присвоенная Графскимъ гербамъ корона есть золотая о девяти зубчикахъ или перлахъ: она полагается или только на шлемѣ (грб. Графовъ Мусиныхъ—Пушкиныхъ I, 17; Чернышевыхъ I, 20), иногда на каждомъ изъ трехъ шлемовъ или на щитѣ (*) и среднемъ шлемѣ (грб. Графовъ Гудовичей—IX, 4; Дибича Забалканскаго X, 13; Каменскихъ V. 9; Кушелевыхъ IV, 11; Панинныхъ—I, 25; Протасовыхъ VIII, 5; Князей Варшавскихъ Графовъ Паскевичей—Эриванскихъ X, 3, 14; Разумовскихъ I, 21; Румянцовыхъ III, 4; гр. Шереметевыхъ—II, 10; Строгановыхъ—II, 16; Салтыковыхъ—II, 15; Толстыхъ —II, 12 и др.), или наконецъ повторяется, кромѣ щита и шлема, на маленькомъ щиткѣ, помѣщенномъ въ сердцѣ герба и заключающемъ въ себѣ родовую эмблемму (грб. Графовъ Головкиныхъ I, 16).

Шлемовъ въ графскихъ гербахъ, по большей части, три, и только рѣдко шлемъ бываетъ одинъ (грб. Гр. Бе-

(*) Графы Татищевы, имѣющіе по происхожденію отъ удѣльныхъ Князей право на Княжескія мантію и шапку, покрываютъ графскою короною только щитъ (VII, 5), удерживая прочіе аттрибуты Княжескихъ гербовъ стр. 366).

стужевыхъ — Рюминыхъ I, 19; Бобринскихъ—1, 27; Головкиныхъ 1, 16; Мусиныхъ—Пушкиныхъ I, 17; Разумовскихъ—I, 21; Чернышевыхъ 1, 20; Шереметевыхъ II, 10, и др).—Нашлемники (если они есть) состоятъ, по большей части, изъ родовыхъ эмблеммъ, которыя помѣщаются или на среднемъ шлемѣ (грб. Графовъ Головкиныхъ I, 16; Мнишховъ I, 18; Разумовскихъ I, 21) или на одномъ изъ боковыхъ (грб. Гр. Завадовскихъ—I, 31; Потемкиныхъ I, 26). Въ нашлемникѣ также находятъ себѣ мѣсто особенно почетныя эмблеммы, которыя или пропущены въ щитѣ или такъ важны, что повторяются (грб. Графовъ Толотыхъ—II. 12).

Далѣе общая Княжескихъ и Графскихъ гербовъ (за немногими исключеніями, напр. герба Графовъ Мусиныхъ Пушкиныхъ—I, 17) примѣта состоитъ въ помѣщеніи въ нихъ Русскаго Императорскаго или Римско-Германскаго орла или наконецъ того и другаго. Оба они черные и двуглавые, но первый увѣнчанъ тремя Императорскими коронами и имѣетъ на груди или Московскій гербъ или вензель Государя, пожаловавшаго графское достоинство, (хотя бываетъ иногда и безъ этихъ примѣтъ); второй же орелъ, т. е. гербъ Священной Римской Имперіи, отличается кружками (діадемою) вокругъ главъ орла. Помѣщеніе въ Графскомъ гербѣ Русскаго или Римскаго орла зависитъ отъ того, кѣмъ достоинство это пожаловано. Если изображены оба герба, значитъ, что лице первоначально было возведено въ Графы Римской Имперіи и потомъ пожаловано тѣмъже достоинствомъ въ Россіи. Въ обоихъ случаяхъ мѣсто, которое предоставляется, орлу, бываетъ чрезвычайно различно. А именно: 1) въ гербѣ графовъ Разумовскихъ (I, 21) весь щитъ герба, разбитый на два поля правое золо-

тое и лѣвое черное, занятъ изображеніемъ двоеглаваго коронованнаго орла перемѣнныхъ съ полями цвѣтовъ, и на груди орла въ голубомъ щиткѣ помѣщена родовая эмблемма, повторяющаяся и въ нашлемникѣ, т. е. серебряная, двумя красными стрѣлами съ обѣихъ сторонъ поперекъ пробитая лата. Въ грб. Графовъ Перовскихъ на персяхъ подобнаго же орла олень; 2) въ нашлемникѣ, надъ графскою короною (грб. Графовъ: Безбородко I, 29; Блудовыхъ; Бобринскихъ I, 27; Бутурлиныхъ—I, 22; Кн. Варшавскихъ, Гр. Паскевичей-Эриванскихъ (X, 3, 14); Воронцовыхъ—I, 28; Вязмитиновыхъ—X, 6; Гудовичей IX, 4; Завадовскихъ I, 31; Зотовыхъ VIII, 3; Зубовыхъ VI, 4; Курута X, 11; Ламбздорфовъ—X, 5; Меньшиковыхъ I, 15; Морковыхъ I, 60; Паниныхъ I, 25; Потемкиныхъ I, 26; Салтыковыхъ II, 15; Сиверсъ VII, 4; Строгановыхъ II, 16, X, 12; Толстыхъ II, 12; Толь —X, 15); 3) въ вершинѣ щита (Гб. Графовъ: Аракчеева IV, 15; Безбородко I, 29; Бестужевыхъ-Рюминыхъ I, 19; Васильевыхъ VII, 6; Вязмитиновыхъ X, 6; Дибича-Забалканскаго X, 13; Канкриныхъ X, 16; Кн. Ливенъ X, 2; Гр. Остермановъ II, 13; фонъ-деръ-Паленъ IV, 10; Протасовыхъ VIII, 5; Суворовыхъ II, 14; Толь X, 15); 4) въ сердцѣ герба (Гб. Графовъ: Бобринскихъ I, 27; Кн. Варшавскихъ Гр. Паскевичей Эриванскихъ X, 3, 14; Каменскихъ V, 9; Ламбздорфовъ X, 5; Меньшиковыхъ I, 15; фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ III, 5; Ростопчиныхъ IV, 12; Румянцовыхъ III, 4; Строгановыхъ II, 16, X, 12); или наконецъ 5) въ разныхъ частяхъ щита, причемъ орелъ помѣщается или цѣлый или въ раздѣленіяхъ (Гб. Графовъ: Бутурлиныхъ I, 22; Головкиныхъ I, 16; Ефимовскихъ VII, 3; Миниховъ I, 18; Орловыхъ I, 23, 24; Орловыхъ-Денисовыхъ VIII,

4; Потемкиныхъ I, 26; Румянцовыхъ III, 4; Салтыковыхъ II, 15; Толстыхъ II, 15; Чернышевыхъ I, 20).

По нѣкоторымъ аттрибутамъ орла можно узнать, въ какое время пожаловано Графское или Княжеское достоинство; а именно: при Государѣ Императорѣ Павлѣ Петровичѣ на груди орла нерѣдко помѣщалась заглавная буква П подъ Императорскою короною а подъ нею цыфра 1. (Гб. Графовъ: Аракчеева IV. 15; Буксгевденъ I. 32; Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ I. 30; Завадовскихъ I. 31; Кушелевыхъ IV. 11; Кочубеевъ IV. 13; Кутайсовыхъ IV. 14; Лопухиныхъ IV. 6; фонъ-деръ Паленъ IV. 10; Ростопчиныхъ IV, 12; Строгановыхъ II. 16). Въ нѣкоторыхъ гербахъ тогоже царствованія означенный вензель положенъ на Мальтійскомъ крестѣ (Гб. Князей Аргутинскихъ—Долгоруковыхъ V. 6; Графовъ Орловыхъ-Денисовыхъ VIII. 4).

Шифръ Государей Императоровъ Александра Павловича и Николая Павловича видѣнъ на груди двуглаваго орла въ гербахъ лицъ, пожалованныхъ Княжескимъ и графскимъ достоинствами въ эти царствованія (Гб. Графовъ Вазмитиновыхъ X. 6; Гудовичей IX. 4; Ламбсдорфовъ—X. 5; Строгановыхъ X. 12; Толь X. 15); заслуги же въ два царствованія объясняютъ помѣщеніе на груди орла двухъ Царскихъ вензелей; напр. когда въ 1799 году Штатсъ-Дама Шарлотта фонъ-Ливенъ была возведена въ Графское достоинство, надъ родовымъ гербомъ Ливеновъ помѣщенъ двуглавый орелъ, имѣющій на груди въ голубомъ щиткѣ имя Государя Императора Павла Перваго (IV, 9); а когда въ 1826 году Графиня Ливенъ возведена съ потомствомъ въ княжеское Россійской Имперіи достоинство, съ титуломъ Свѣтлости, рядомъ съ описаннымъ щиткомъ на груди орла помѣщенъ другой такой-же съ Высочайшимъ именемъ Государя Им-

ператора Николая I, въ знакъ Монаршаго благоволенія (X, 2).—Тѣмъ же объясняется, отъ чего въ гербѣ Графовъ Кочубеевъ (IV, 13) на груди орла, въ вершинѣ щита, изображенъ вензель только Государя Императора Павла Петровича; въ Княжескомъ же ихъ гербѣ (X. 4) орелъ съ этимъ вензелемъ помѣщенъ въ нашлемникѣ, а въ сердцѣ щита на золотомъ щиткѣ виденъ Россійскій Государственный гербъ съ буквою Н.

О девизахъ и щитодержателахъ въ гербахъ Княжескихъ и Графскихъ будетъ упомянуто ниже въ отдѣлѣ о дворянскихъ гербахъ (стр. 562). Теперь же мы перейдемъ къ гербамъ лицъ, пожалованныхъ Баронскимъ достоинствомъ. Дипломы на этомъ почетный титулъ по формѣ своей мало отличаются отъ Графскихъ. При Петрѣ Великомъ въ 1721 году такой дипломъ былъ пожалованъ Государственному Подканцлеру Тайному Совѣтнику Петру Павловичу Шафирову.

Отличительный признакъ баронскихъ гербовъ состоитъ въ баронской плоской коронѣ (въ родѣ бурелета), которая полагается на шлемѣ (грб. Бароновъ: Колокольцевыхъ VIII, 6; Местмахеровъ VII, 7; Строгановыхъ I, 34; Фридриксовъ I, 35; Черкасовыхъ III, 6), и можетъ повторяться на щитѣ (Гб. Бароновъ Раль IX, 6; Роговиковыхъ IX, 7; Штиглицевъ X, 18). Шлемовъ въ этихъ гербахъ бываетъ иногда два, но чаще на баронской щитъ ставится одинъ шлемъ, надъ которымъ, равно какъ надъ короною можетъ быть помѣщена родовая эмблемма (напр. у бароновъ Строгановыхъ—медвѣжья голова I, 34).

Россійскій Государственный гербъ помѣщается въ баронскихъ гербахъ иногда въ вершинѣ (грб. бароновъ Меллеръ - Закомельскихъ I, 36; Ралей IX, 6;

Роговиковыхъ IX, 7) или въ другой части щита (грб. бароновъ Вельго V, 10).

Въ гербахъ лицъ, пожалованныхъ изъ дворянъ сперва Баронскимъ, потомъ Графскимъ достоинствомъ, изъ трехъ шлемовъ на среднемъ полагается Графская корона, изъ крайнихъ на одномъ—обыкновенная дворянская, на другомъ—баронская (грб. Графовъ Аракчеева IV, 15; Фонъ-деръ-Паленъ IV, 10).

Вокругъ Графскихъ и Баронскихъ гербовъ наметъ такой же, какъ и въ гербахъ дворянъ, непользующихся почетнымъ титуломъ, и состоитъ изъ листьевъ, обнимающихъ щитъ. Цвѣта намета тѣ же, какіе главной эмблемы и главнаго поля, буде эмблемъ въ гербѣ нѣсколько; если же фигура въ щитѣ одна, то цвѣта поля и эмблемы повторяются въ наметѣ. Въ нашей Геральдикѣ принимается также за правило: не помѣщать краски на краску и металла на металлъ. Отъ того и наметъ, представляющій повтореніе цвѣтовъ щита, имѣетъ верхъ цвѣтной и подбой металлическій.

Эти правила вполнѣ примѣнимы и къ гербамъ дворянъ безъ почетныхъ титуловъ. Въ гербахъ этого разряда щитъ обыкновенно покрывается однимъ шлемомъ: онъ ставится впрямъ, бываетъ подложенъ краснымъ и имѣетъ шесть золотыхъ рѣшетинъ. На шеѣ, на золотой цѣпи, нерѣдко виситъ золотой медальонъ. Шлемъ вѣнчаетъ дворянская золотая корона. У нѣкоторыхъ Татарскихъ родовъ мы видѣли (стр. 398) вмѣсто описанныхъ аттрибутовъ дворянскихъ гербовъ чалму. Иногда шлему придается форма нынѣшнихъ касокъ съ забраломъ (грб. Кирѣевыхъ—X, 46), или его покрываетъ боярская шапка (грб. Шетневыхъ IV, 21); но эти изъятія рѣдки и составляютъ отступленіе отъ правилъ.

Нашлемникъ состоитъ обыкновенно изъ строусовыхъ перьевъ, числомъ трехъ или пяти, равно какъ изъ особенныхъ фигуръ, которыя составляютъ по большей части вторую половину эмблемъ въ щитѣ, хотя бываютъ случаи, что въ нашлемникѣ помѣщается такая фигура, которая немогла найти себѣ мѣста въ гербѣ или которую хотятъ особенно выдвинуть.

Щитодержатели, кромѣ происхожденія рода, употребляющаго гербъ, (ср. стр. 398), свидѣтельствуютъ о заслугахъ лица, о томъ, въ какихъ дѣйствіяхъ, въ какой части Россіи и на какомъ поприщѣ оно отличилось. Считаемъ достаточнымъ объяснить мысль нашу слѣдующими примѣрами: въ гербѣ Графа Аракчеева (IX, 3), который въ качествѣ Генералъ-Инспектора артиллеріи и управлявшаго военнымъ департаментомъ, такъ много способствовалъ усовершенствованію у насъ оружія и вообще военнаго дѣла, щитъ держатъ съ правой стороны артиллеристъ, съ лѣвой гренадеръ; у Гр. Безбородко (I, 29) щитодержатели Скиѳы съ непокровенными главами, изъ нихъ стоящій съ правой стороны держитъ стрѣлу, съ лѣвой масличную вѣтвь; у Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго (X, 3. 14) по сторонамъ щита поставлены съ правой гренадеръ, съ лѣвой воинъ въ одеждѣ Кавказскихъ народовъ; у Князя Меншикова— два солдата (I, 15); у Князя Лопухина, бывшаго Министромъ Юстиціи, щитодержатели съ правой стороны герба богиня, имѣющая въ рукахъ вѣсы правосудія, съ лѣвой воинъ со знаменемъ (IV, 6); у Графа Миниха (I,18) съ правой стороны герба стоитъ воинъ, имѣющій на шлемѣ каменную стѣну съ геометрическимъ въ рукѣ рисункомъ, воинъ же съ лѣвой стороны держитъ на плечѣ ка-

рябинъ; у Морковыхъ, Графовъ Римской Имперіи, щитодержателями—два Сармата, изъ которыхъ стоящій съ правой стороны держитъ золотую саблю, обвитую дубовою вѣтвью, съ лѣвой сидящій имѣетъ при бедрѣ саблю и опирается на отрубокъ; у Гр. Орловыхъ-Денисовыхъ, (VIII, 4), Платовыхъ (IX, 5) и у Потемкиныхъ (I, 26) по сторонамъ герба видны казаки; гербъ Графовъ Разумовскихъ (I, 21) держатъ съ одной стороны Свиеъ съ колчаномъ, стрѣлами и лукомъ, съ другой Малороссъ; Гр. Сперанскаго-съ правой стороны Тобольскій городовой казакъ, съ лѣвой Буратъ; о подвигахъ Шелехова, жертвовавшаго жизнью и состояніемъ для присоединенія къ Россіи жителей Сѣверной Америки, свидѣтельствуютъ два Американца, держащіе его гербъ: одинъ изъ нихъ имѣетъ въ рукѣ Меркуріевъ жезлъ, другой якорь (IV, 143).

Девизы состоятъ у насъ почти всегда изъ выраженій на Латинскомъ или Русскомъ языкѣ, заключающихъ въ себѣ правила жизни и дѣятельности. Мы исчислимъ главнѣйшіе девизы нашихъ гербовъ:

Гр. Аракчеева: Безъ лести преданъ (IV, 15; X, 3);

Гр. Безбородко: Labore et zelo; т. е. трудомъ и усердіемъ (I, 29);

Гр. Бестужевыхъ-Рюминыхъ (I, 19): in Deo salus mea, т. е. въ Богѣ мое спасеніе;

Графовъ Бобринскихъ (I, 27): Богу слава, жизнь Тебѣ;

Брискорновъ (IV. 144): Tu Numinis instar mihi, т. е. Ты для меня подобіе Божества;

Гр. Брюсъ (II, 11): Fuimus, т. е. мы были;

Гр. Воронцовыхъ (I, 28): Semper immota fides, т. е. вѣрность никогда непоколебимая;

Гр. Вязмитиновыхъ (X, 6): путемъ правды и усердія;

Гр. Головкиныхъ (I, 16): dedit haec insignia virtus, т. е. доблесть дала эти отличія;

Гр. Гудовичей (IX, 4): Armis et labore, т. е. оружіемъ и трудомъ;

Гр. Дибича-Забалканскаго (X, 13): Suum cuique, т. е. всякому свое.

Донауровыхъ (IV, 142): Tibi soli, Тебѣ Единому;

Гр. Завадовскихъ (I, 31): Fieri praestat, quam nasci, т. е. лучше быть пожалованнымъ, чѣмъ родиться (Графомъ);

Гр. Зотовыхъ (VIII, 3): вѣрность и терпѣніе;

Зыбиныхъ (III, 76): Fuimus, т. е. были;

Искрицкаго (VI, 154): Помяну милость твою въ роды родовъ;

Гр. Канкриныхъ (X, 16): Labore, т. е. трудомъ;

Гр. Клейнмихель: усердіе все превозмогаетъ;

Гр. Кутайсовыхъ (IV, 14): живу однимъ для одного;

Гр. Кушелевыхъ (IV, 11): Единому преданъ;

Гр. Ламбздорфовъ (X, 5): Богу предаю мою надежду;

Кн. Ливенъ (X, 2): Богу и Государю;

Кн. Лопухиныхъ (IV, 6): Благодать;

Мануцци (VI, 133): Твой есмь азъ, спаси Мя;

Гр. Матвѣевыхъ: laboribus, meritis. virtute ac sanguine; т. е. трудами, заслугами: храбростью и кровью;

Мусиныхъ-Юрьевыхъ (VII, 171): Сила Божія въ немощи совершается;

Обольяниновыхъ (IV, 62): твердостью и усердіемъ;

Гр. Орловыхъ - Денисовыхъ (VIII, 4): службою и храбростью.

Гр. фонъ-деръ-Паленъ (IV, 10): Constantia et zelo т. е. постоянствомъ и усердіемъ.

Кн. Варшавскихъ Гр. Паскевичей-Эриванскихъ (X, 3. 14); честь и вѣрность;

Гр. Перовскихъ: не слыть, но быть;

Гр. Платовыхъ (IX, 5): за вѣрность, храбрость и неутомимые труды;

Гр. Поццо де Борго (X, 10) virtute et consilio; храбростью и совѣтомъ;

Гр. Ростопчиныхъ (IV, 12): честью и вѣрностью;

Гр. Разумовскихъ (I, 21): Famam extendere factis; т. е. славу (должно) увеличивать дѣяніями;

Гр. Румянцовыхъ (III, 4): Non solum armis, т. е. не только оружіемъ;

Гр. и Кн. Салтыковыхъ (II, 15; IX, 2): за вѣрность, усердіе и труды;

Гр. Сперанскаго: Sperat in adversis, т. е. и въ несчастіи надѣется;

Столыпиныхъ (X, 31): Deo spes mea; т. е. на Бога моя надежда;

Гр. Строгановыхъ (X, 12): Ferram opes patriae, sibi nomen; т. е. Отечеству принесу богатство, себѣ (оставлю) имя;

Гр. Толь (X, 15): Богъ моя надежда;

Шелехова (IV, 143): Вѣрою и усердіемъ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ значеніе девиза объясняется эмблеммою, помѣщенною въ гербѣ; напр. у Гр. Блудовыхъ гербъ состоитъ изъ орлиной лапы, подъ нею девизъ: non in aves, sed in angues, т. е. не на птицъ, а на змѣй; у Державиныхъ въ нашлемникѣ рука держитъ звѣзду, девизъ: Силою вышнею держуся (V, 38); въ гербѣ Копіевыхъ (VII, 92) изображены въ серебряномъ полѣ вылетающія изъ облаковъ громовыя стрѣлы, которыя ударяютъ въ гору, выходящую изъ моря, девизъ гласитъ: непоколеблетъ; у Кочубеевъ (Гр. и Кн.) сердцу и пламени соотвѣтствуетъ девизъ: elevor ubi consumor.

т. е. когда подымаюсь, поглощаюсь (III, 49; IV, 13; X. 4); у Майковыхъ въ гербѣ конь, девизъ: не останусь (III, 67); у Гр. Остермановъ (II, 13) родовая эмблемма пальма, девизъ: nec sol, nec frigora mutant, ни зной, ни стужа не измѣняетъ.

Кромѣ примѣтъ, свойственныхъ всѣмъ дворянскимъ гербамъ или бóльшей ихъ части, есть еще признаки, отличающіе особые ихъ виды. Сюда относятся т. н. *Лейбъ-кампанскіе* гербы, оставшіеся до сихъ поръ у очень многихъ дворянскихъ фамилій въ память существованія полка или роты, оказавшей особенную вѣрность Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ при восшествіи Ея на прародительскій престолъ. Сама Государыня наименовала себя капитаномъ Лейбъ-Кампанской роты, капитанъ-поручикомъ былъ назначенъ полный генералъ арміи, поручикомъ Генералъ-Лейтенантъ и т. д., въ унтеръ-офицерахъ, капралахъ и рядовыхъ служило много знатныхъ дворянъ. Прочихъ хотя бы и не дворянскаго происхожденія, но оставшихся вѣрными законной Государынѣ, велѣно было внести также въ дворянскую книгу и на память будущимъ поколѣніямъ сочинить имъ гербы, въ которыхъ одна половина должна быть общая для всѣхъ по особо утвержденному рисунку, а въ другой повелѣно сохранить родовые гербы, если они были, или помѣстить вновь данныя эмблеммы (1). Въ 1742 году проектъ лейбъ-кампанскаго герба былъ утвежденъ и заключаетъ въ черномъ полѣ золотое стропило съ изображеніемъ трехъ лопнувшихъ гранатъ, надъ стропиломъ означены двѣ серебряныя пятиугольныя звѣзды, подъ стропиломъ видна одна такаяже звѣзда. Описанная эмблемма въ бóльшей части

(1) Указъ 1741 г. Декабря 31 (№ 8491) Именной. 1749 г. Іюля 21 (№ 9653) Сенатскій.

гербовъ этого разряда занимаетъ правую половину щата, въ очень немногихъ (Гр. Воронцовыхъ—I, 28 и Шуваловыхъ)—вершину. Щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ, котораго забрало обращено вправо, на шлемъ наложена Лейбъ-кампанская гренадерская шапка съ строусовыми на ней перьями краснымъ и бѣлымъ; по сторонамъ шапки видно два орлиныхъ черныхъ крыла и на каждомъ изъ нихъ по три серебраныхъ звѣзды. У пожалованныхъ Графскимъ достоинствомъ лицъ, имѣющихъ такой гербъ, описанная шапка между орлиными крыльями покрываетъ одинъ изъ шлемовъ (грб. Графовъ Воронцовыхъ I, 28). Девизомъ Лейбъ-кампанскихъ гербовъ повелѣно быть выраженію: *«за вѣрность и ревность* (1)» При тогдашнихъ средствахъ герольдіи трудно было найдти достаточное количество живописцевъ, которые бы изготовили для всѣхъ пожалованныхъ лейбъ-кампанскими гербами дипломы и патенты. Отовсюду были сбираемы художники, неоднократно дѣлались подтвержденія объ окончаніи этой работы (2), и гербы даны многимъ Лейбъ-кампанцамъ, но не всѣмъ. Исчисляя помѣщенные въ гербовникѣ, мы, чтобы не описывать эмблемъ, вошедшихъ въ каждый изъ нихъ, замѣтимъ вообще, что кромѣ сохраненныхъ родовыхъ эмблемъ, въ лѣвой сторонѣ разсѣченнаго на двѣ половины щита помѣщались: оружіе разнаго рода, хлѣбныя растѣнія, снопы, пчелы, равно какъ фигуры, соотвѣтствовавшія прозванію лица. Въ алфавитномъ порядкѣ гербы эти суть: Андреева (III, 121); Андреевскихъ (III, 137); Балашевыхъ (II, 136); Бар-

---

(1) 1742 Октября 15 (№ 8639), Высочайше утвержденный докладъ Сената. 1742 Ноября 25 (№ 8666). Здѣсь исчислены имена лицъ, служившихъ въ Лейбъ-кампанской Ротѣ. 1749 г. Дек. 7 (№ 9690).

(2). 1749 г. Іюля 21 (№ 9653) Сенатскій.

суковыхъ (VI, 156); Булатовыхъ (III, 135); Бурцовыхъ (III, 100); Волковыхъ (III, 120; VI, 70); Вороновыхъ (III. 134); Гавриловыхъ (I, 98); Горюновыхъ (1. 96;) Григорьевыхъ (III, 122); Дехтеревыхъ (I, 94); Екимовыхъ (III, 138);; Жардиныхъ (III, 119); Журавлевыхъ (I, 90); Заворуевыхъ (III, 140); Зотовыхъ (I, 92); Зыкиныхъ (III, 139); Игнатьёвыхъ (I, 89); Картавцевыхъ (VIII, 55); Карташевыхъ (I, 99); Козловыхъ (II, 137); Кузнецовыхъ (III, 124); Лаптевыхъ (III, 123); Ласунскихъ (VIII, 29); Лукиныхъ (VIII, 117); Лучковыхъ (III, 133); Мартыновыхъ (VII, 17); Маскиныхъ (III, 130); Матеровыхъ (III, 128); Михайловыхъ (II, 140); Муравьевыхъ (II, 138); Нечаевыхъ (III, 141); Охлестышевыхъ (III; 116); Подрѣзовыхъ (III, 126); Рахманиновыхъ (IV, 134), Русеновыхъ (II, 139); Рябиковыхъ (I, 97); Савиныхъ (III, 115); Семичевыхъ (I, 95); Суриныхъ (I, 93); Трусовыхъ (III, 118); Увакиныхъ (III. 129); Улучкиныхъ (I, 91); Ухтомскихъ (III, 127); Храповицкихъ (II, 127); Черносвитовыхъ (VIII, 70); Шамиковыхъ (III, 117); Шаминыхъ (III, 131); Шераповыхъ (III, 132); Шуриновыхъ (III, 136).

Въ 1762 году Лейбъ-Кампанская рота уничтожена, и служившіе въ ней распредѣлены по другимъ полкамъ и службамъ; иные совсѣмъ уводены (1).

Намъ остается еще показать, какъ въ разныя царствованія въ гербахъ означалось самое ихъ пожалованіе. Это такія примѣты, по которымъ при первомъ взглядѣ на гербъ, можно положительно опредѣлять время его дарованія или увеличенія почетными эмблеммами; такъ гербы, пожалованные въ царствованіе Императрицы Екатерины II-ой, не рѣдко отличаются Императорскою короною

(1) 1762 г. Марта 21 (№ 11480) Именной.

въ горностаевомъ или иномъ полѣ, помѣщенною въ вершинѣ или другой части герба. (Гб. Гановъ I, 129; Гогель I, 141; Еврейновыхъ — I, 108; Лебедевыхъ — 1, 145; Михайловыхъ I, 137; Облеуховыхъ II, 114; Фалѣевыхъ I, 113; Шешковскихъ I, 115; Яковлевыхъ I, 116). Такая корона занимаетъ иногда все поле щита въ гербѣ (грб. Ивановыхъ I, 142).

Гербы, жалованные при Государѣ Императорѣ Павлѣ Петровичѣ, нерѣдко отличаются Государственнымъ гербомъ съ положеннымъ въ сердцѣ его Мальтійскимъ крестомъ (грб. Мусиныхъ-Юрьевыхъ VII, 171), или вензелемъ Государя (см. выше стр. 559 и Гб. Искрицкихъ VI, 154), или наконецъ повторенными четыре раза и сложенными въ крестъ вензелями П (грб. Брискорновъ IV, 144).

S 98.

Эмблеммы, соотвѣтствующія разнымъ заслугамъ.

Исчисляя заслуги, вознагражденіе за которыя хотѣли увеличить внесеніемъ въ гербъ эмблеммъ, имъ соотвѣтствующихъ, мы начнемъ въ важнѣйшихъ: подвиговъ преданности Государю и Престолу, и затѣмъ раздѣлимъ гербы, сообразно заслугамъ лицъ, ими пожалованныхъ, на относящіеся къ службамъ: придворной, военной и гражданской. Такое раздѣленіе съ одной стороны облегчитъ для насъ обозрѣніе до чрезвычайности разнообразныхъ гербовъ, и съ другой оказывается удобнѣе для того, кто пожелалъ-бы воспользоваться нашими наблюденіями при выборѣ себѣ герба. Важнѣйшіе гербы будутъ описаны въ подробности, на другіе (чтобы не обременить книгу излишними выписками изъ гербовника) будутъ сдѣланы указанія. Считаемъ не лиш-

нимъ замѣтить при этомъ, что геральдическій языкъ всѣхъ странъ и народовъ имѣетъ одни и тѣже эмблеммы для выраженія извѣстныхъ качествъ, добродѣтелей и заслугъ. Исчисливъ разные виды этѣхъ фигуръ выше (на стр. 53 до 70) и показавъ ихъ значеніе, мы считаемъ себя вправѣ не повторять здѣсь тогоже, а прямо приступаемъ къ нашему перечню.

Гербъ Кочубеевъ останется навсегда свидѣтельствомъ преданности Государю и отечеству, запечатлѣнной нѣкогда кровью Василья Леонтьевича Кочубея, который, въ качествѣ Генеральнаго Малороссійскаго судьи, открылъ Петру Великому измѣну Мазепы и по проискамъ гетмана палъ на плахѣ (¹). Въ ознаменованіе того потомству Кочубея пожаловано въ гербъ красное сердце съ означенными на немъ двумя золотыми крестами, положенное въ голубомъ полѣ. Это родовое знамя Кочубеевъ (III, 49) помѣщается въ Графскомъ и Княжескомъ гербахъ этой фамиліи (IV, 13; X, 4).

Эмблемма сердце, означенное или одно или на груди орла (грб. Графовъ Зотовыхъ VIII, 3; Князей Меньшиковыхъ I, 14), или между орлиными крыльями нерѣдка въ нашихъ гербахъ, какъ нерѣдко то чувство, котораго она служитъ выраженіемъ. Таковы грб. Графовъ Кушелевыхъ (IV, 11); Аплечеевыхъ (VI, 72); Ефимепковыхъ (IX, 149); Жеребцовыхъ (II, 40); Кутайсовыхъ (IV, 14); Легкобытовыхъ (X, 109); Макаровыхъ (VI, 132); Плаховыхъ (VII, 134); Плещеевыхъ (I, 44) и др. (ср. *Аксакъ*, стр. 411. 456). Та же доблесть выразилась въ гербѣ Графовъ и Князей Ливенъ. Древній родовой гербъ этой фамиліи состоитъ изъ положенныхъ въ красномъ полѣ трехъ золотыхъ лилій, окруженныхъ семью золотыми

(¹) Словарь достопам. людей Т. III, стр. 97 и сл.

звѣздами. Подъ нимъ изображены двѣ лежащія на крестъ лилейныя вѣтви, на которыхъ шесть лилій, означающія воспитаніе, данное Штатсъ-Дамою Ливенъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Княжнамъ (IV, 9; X, 2).

Въ гербѣ Шервудъ - Вѣрнаго вѣрность присягѣ выражена слѣдующимъ образомъ: верхнюю половину на двое разбитаго щита занимаетъ подъ Россійскимъ гербомъ изображеніе вензеля Государя Императора Александра I-го въ лучахъ; въ нижней части краснаго цвѣта видна выходящая изъ облаковъ рука, поднятая вверхъ со сложенными перстами, какъ у присяги (X,120).

Придворная и дворцовая службы объясняютъ гербы: 1) Божковыхъ (I, 101): въ щитѣ голубаго цвѣта изображена поющая серебряная сирена въ золотой на главѣ коронѣ, имѣющая распущенные по плечамъ власы, и держащая въ правой рукѣ музыкальную нотную книгу, въ лѣвой свой плескъ, обращенный въ верхъ. Таже сирена выходитъ въ нашлемникѣ. Предокъ этой фамиліи, находясь пѣвчимъ при Высочайшемъ Дворѣ, пожалованъ гербомъ и дворянскимъ достоинствомъ въ 1743 году; 2) Коченевскихъ, родоначальникъ которыхъ былъ басистомъ при дворѣ Императрицы Елисаветы Петровны. Въ вершинѣ ихъ герба (I, 103) видна въ золотомъ полѣ краснаго цвѣта арфа, которая повторяется и въ нашлемникѣ; въ нижной, пространной части голубаго цвѣта, означено три золотыхъ кочня (въ соотвѣтствіе съ фамиліею). Та же арфа, въ серебряномъ полѣ, видна въ нижней части на двое разбитаго герба Полторацкихъ, въ которомъ вершина голубаго цвѣта занята изображеніемъ трехъ серебряныхъ крестовъ трилистной формы. Щитъ увѣнчанъ обыкно-

веннымъ дворянскимъ шлемомъ, на который положенъ дворянскій бурелетъ; а на поверхности его видѣнъ выходящій до половины серебряный левъ, обращенный въ право: передними лапами онъ держитъ бунчукъ, имѣющій голубую оправу и древко чернаго цвѣта (II 142). Арфа свидѣтельствуетъ о пожалованіи герба въ 1763 году Полковнику Полторацкому, бывшему начальникомъ придворной вспѣвальной музыки; 4) грб Захаровыхъ (V, 149): въ верхней голубой половинѣ на двое разбитаго щита изображенъ золотой улей съ летащею надъ нимъ золотою пчелою; въ нижней разсѣченной половинѣ правое серебряное поле занято арфою, лѣвое красное—лампадою съ курящимся свѣтильникомъ; и 5) въ гербѣ Скорняковыхъ (I, 100), имѣющемъ зеленое поле, изображена половина серебрянаго коня съ двумя передними ногами, въ красномъ каретномъ уборѣ, съ завязаннымъ назадъ поводомъ и поставленною на головѣ между раздвоеннымъ строусовымъ краснымъ перомъ такого же цвѣта щеткою; у коня муштукъ, кисть у повода и яблоко подъ щеткою золотые. По указу 1742 года Скорняковъ за вѣрную службу въ штатѣ придворной конюшни былъ пожалованъ въ дворяне.

Отличія на полѣ брани знаменуются различно, смотря по виду службы, т. е. сухопутной, морской, въ артиллеріи итд., причемъ общею примѣтою гербовъ этого рода остается изображеніе въ нихъ оружія, а именно: меча въ рукѣ (грб. Автамоновыхъ X, 72; Богдановыхъ VI, 81; Бѣленихиныхъ VIII, 37; Волжинскихъ VII, 191; Потемкиныхъ I. 26; II, 66, Сологубовыхъ X, 102; Семичевыхъ VI, 64; Шевцовыхъ III, 83; Щекиныхъ VIII, 140 и др. Ср. выше стр. 453, 454), скрещенныхъ ме-

чей, ружей, сабель, стрѣлъ (грб. Бредихиныхъ VIII, 33; Брозиныхъ I, 123; Бѣлавиныхъ I, 124; Желявскихъ VII, 142; Зубатыхъ VIII, 41; Карамзиныхъ V, 62; Кашинцовыхъ VIII, 36; Коваковыхъ VIII, 28; Кондаковыхъ VII, 96; Кретовыхъ II, 117; Липнаговыхъ I, 135; Лисенковыхъ I, 86; Малыгиныхъ VI, 103; Мальцовыхъ VII, 85; Мордвиновыхъ I, 85; Пестовыхъ VII, 23; Протасовыхъ II, 55, VIII, 5; Самсоновыхъ VIII, 50; Селифонтовыхъ III, 31; Сергѣевыхъ VII, 2; Свиельниковыхъ VIII, 124; Стерлиговыхъ X, 47; Сурминыхъ VIII; 46; Твороговыхъ VII, 82; Траковскихъ VII, 90; Ярдовыхъ IV, 97 и др. Ср. *Пелешъ* на стр. 451), бунчуковъ, знаменъ, колчановъ, бомбъ, пушекъ итп. въ разныхъ положеніяхъ и сочетаніяхъ (грб. Аничковыхъ VIII, 153; Бекорюковыхъ VI, 24; Бендерскихъ X, 135; Бобоедовыхъ IX, 17; Вахрамѣевыхъ IV, 115; Веневитиновыхъ IV, 87; Вырубовыхъ II, 79; Ельчаниновыхъ IV, 44; Іевлевыхъ VII, 38; Жадовскихъ VIII, 44; Иловайскихъ I, 136; Костюриныхъ VI, 122; Леванидовыхъ II, 125; Облеуховыхъ II, 114; Гр. Орловыхъ-Денисовыхъ VIII, 4; Платовыхъ IX, 5; Селезневыхъ IX, 44).

Ту же идею побѣды надъ врагомъ выражаетъ во многихъ гербахъ эмблема борьбы съ дракономъ или со зміемъ, эмблема, изображенная одна или съ другими фигурами; а именно: 1) въ гербѣ Денисовыхъ (VII, 89) щитъ разбитъ на двѣ половины, изъ которыхъ верхняя разсѣчена; правую верхнюю часть занимаетъ выходящая изъ облаковъ рука въ латахъ, держащая саблю, лѣвую— золотой крестъ, окруженный четырьмя золотыми же шестиугольными звѣздами, а въ нижней половинѣ, цвѣта голубаго выходящая съ лѣвой стороны изъ обла-

ковъ рука въ серебряныхъ латахъ поражаетъ змія мечемъ въ челюсть; 2) Дуровы (VII, 94) имѣютъ въ своемъ гербѣ изображеніе летящаго въ золотомъ полѣ чернаго одноглаваго орла, который держитъ клювомъ за голову, а лапами за средину змія съ красными крыльями, обернутаго въ правую сторону; ср. грб. Корцовыхъ (VII, 144); Меркуловыхъ (VI, 21); Офросимовыхъ (V, 39); 3) Гербъ Зыбиныхъ (III, 76) представляетъ въ полѣ краснаго цвѣта въ верхней части облакà, изъ которыхъ къ срединѣ щита простирается рука, облеченная въ серебряныя латы; она держитъ шпагу, которая острокопечіемъ проходитъ между двухъ частей перерубленнаго пополамъ змія въ коронѣ, означеннаго надъ рѣкою. Надъ головою такого зміа видна золотая осьмиугольная звѣзда, въ которую изъ облаковъ ударяетъ огненный лучь. Въ нашлемникѣ представлена героиня, въ коронѣ, имѣющая въ правой рукѣ жезлъ, въ лѣвой змія. Щитъ держатъ два воина, препоясанные листвіями и съ жезлами. Девизъ: Fuimus (мы были); ср. Гр. Любавскихъ (IX, 32); 4) Гербъ Крашковыхъ (IV 90) представляетъ въ голубомъ полѣ въ нижней части золотую рѣшетку и возлѣ нея воина въ серебряныхъ латахъ, стоящаго на хвостѣ перевившагося около него змѣя: правою рукою онъ вонзаетъ въ средину змія стрѣлу, а въ лѣвой держитъ его голову; 5) Сабанѣевы имѣютъ въ гербѣ щитъ, разбитый на двѣ половины: изъ нихъ въ первой части въ голубомъ полѣ изображенъ черный двуглавый орелъ съ распростертыми крыльями, въ нижней, цвѣта краснаго, видѣнъ всадникъ на бѣломъ конѣ, облеченный въ латы, держащій въ правой рукѣ поднятую вверхъ саблю, въ лѣвой щитъ, и поражающій дракона (X, 137); и 6) Гербъ Языковыхъ представляетъ въ серебряномъ

полѣ воина въ латахъ и шишакѣ, поражающаго копьемъ крылатаго змія; въ лѣвомъ верхнемъ углѣ видна выходящая изъ облаковъ рука, которая пускаетъ стрѣлу изъ натянутаго лука (III, 69).

Особенно важныя заслуги на военномъ поприщѣ и подвиги, имѣвшіе слѣдствіемъ пріобрѣтеніе страны или знаменитыя побѣды, объясняютъ помѣщеніе въ гербѣ полководцевъ гербовъ особыхъ странъ и городовъ или названій мѣстъ. Таковы гербы: 1) Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго: въ сердцѣ четверочастнаго его герба изображенъ Россійскій Государственный гербъ, который повторяется и въ первой четверти; вторую занимаетъ древній гербъ рода Паскевичей *радванъ* (стр. 458); въ третьей части представлена башня съ развалинами крѣпости, означающими взятіе оной и внизу ея надпись *Эривань;* наконецъ въ четвертой части въ золотомъ полѣ видѣнъ щитъ краснаго цвѣта съ изображеніемъ Сирены, которая имѣетъ правую руку поднятую вверхъ съ мечемъ, а въ лѣвой держитъ щитокъ и на немъ гербъ Царства Польскаго; внизу его надпись: *Варшава* (X, 3 14); 2) Вѣрнаго также истолкователя нашли себѣ въ гербѣ подвиги Князя Италійскаго Графа Суворова Рымникскаго: верхнюю половину на двое разбитаго щита его занимаетъ въ золотомъ полѣ черный двоеглавый, увѣнчанный двумя коронами орелъ, имѣющій на груди голубой щитокъ съ именемъ Государя Императора Павла I-го. Въ правой лапѣ орелъ держитъ обвитую лаврами шпагу, въ лѣвой Королевскую корону, а подъ орломъ представлена карта Италіи. Въ срединѣ нижней половины щита помѣщенъ прежній гербъ Суворовыхъ: въ правой, серебреной половинѣ разсѣченнаго щита вирсъ, въ лѣвой

красной крестообразно положенныя остріями внизъ шпага и стрѣла, и вокругъ щитка надпись: *за вѣру и вѣрность*, присвоенная сему гербу Римскимъ Императоромъ Іосифомъ II при возведеніи Суворова въ Графское Римской Имперіи достоинство. Затѣмъ въ правой части разсѣченной въ Андреевокій крестъ нижней половины герба изображены: въ пурпуровомъ полѣ перо, украшенное алмазами съ положенною на немъ буквою К (означающею городъ Кинбурнъ, подъ которымъ Александръ Васильевичъ Суворовъ одержалъ побѣду надъ Турками), подъ этимъ перомъ въ красномъ полѣ видны двѣ скрещенныя шпаги остріями вверхъ, обвитыя лавровыми вѣтвями. Съ лѣвой стороны изображена въ голубомъ полѣ туча, изъ которой вылетающій громовый ударъ поражаетъ находящійся надъ рѣкою Рымникомъ полумѣсяцъ, рогами обращенный внизъ; подъ нимъ въ серебряномъ полѣ сердце (IV, 7; II, 14). Не можемъ не замѣтить при этомъ, что гербы города или края находятъ себѣ иногда мѣсто также въ гербахъ лицъ, которыя ими управляли во время особенной опасности или которымъ область обязана своимъ устройствомъ. Таковы гербы: 1) Графа Вязмитинова, который былъ коммендантомъ С.-Петербургской крѣпости и Генералъ-Губернаторомъ столицы съ 1805 по 1808 годъ, равно какъ въ достопамятный 1812 годъ. Щитъ въ его гербѣ раздѣленъ на подобіе Андреевскаго креста и въ сердцѣ его находится родовое знамя Вязмитиновыхъ, т. е. въ серебряномъ щиткѣ, покрытомъ дворянскою короною, означены четыре рѣки, одна другой менѣе и на верхней золотая лилія. Затѣмъ въ верхней части въ золотомъ полѣ изображенъ Всероссійскій Государственный гербъ: коронованный двуглавый орелъ; въ боковой,

правой части краснаго цвѣта гербъ С.-Петербургской Губерніи, т. е. крестообразно два серебряныхъ якоря, рукоятками обращенные внизъ и на нихъ золотой скипетръ; въ лѣвомъ голубомъ полѣ выходящая изъ облаковъ рука держитъ подъятый мечь; наконецъ въ нижней части въ серебряномъ полѣ изображенъ золотой крестъ въ облакахъ и подъ нимъ крестообразно положены шпага и лавровая вѣтвь. Щитъ покрытъ Графскою короною, на поверхности которой пять шлемовъ, увѣнчанныхъ средній Графскою, прочіе дворянскими коронами и изъ нихъ на средней находится орелъ, означенный въ гербѣ, на крайнихъ двухъ-по льву съ поднятымъ мечемъ, а на послѣднихъ, имѣющихъ строусовыя перья, съ правой стороны положенъ С.-Петербургскій гербъ, съ лѣвой лилія (X, 6); и 2) Графа Сперанскаго, бывшаго Сибирскимъ Генералъ-Губернаторомъ: щитъ въ его гербѣ разбитъ на двѣ половины, изъ которыхъ въ верхней виденъ вылетающій черный двуглавый коронованный орелъ, и на груди у него въ маломъ красномъ щиткѣ вензелевое имя нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Павловича, а въ нижней голубаго цвѣта представлены два соболя, стоящіе на заднихъ лапахъ и держащіе золотые лукъ и двѣ стрѣлы, положенные крестообразно остроконечіями вверхъ (гербъ Сибири), между ними вверху видна серебряная шестиугольная звѣзда.

Переходя къ видамъ заслугъ на поприщѣ военной службы и къ эмблеммамъ, имъ соотвѣтствующимъ, мы остановимся: 1) на службѣ во флотѣ и на отличіяхъ въ морскихъ бояхъ. Для примѣра извлекаемъ изъ диплома, даннаго на Графское достоинство въ 1715 году Адмиралу Ѳедору Матвѣевичу Апраксину объясненіе герба,

свидѣтельствующаго о заслугахъ владѣльца его: «Дабы они (Апраксины) особливую нашего царскаго благоволенія и милости склонность искусили, того ради тою же самодержавною властію имъ и ихъ наслѣдникомъ гербы ихъ родовые послѣдующимъ образомъ умножа, вѣчно впредь употреблять жалуемъ и позволяемъ, то есть щитъ четверочастный, въ которомъ въ первой части корона съ двумя обнаженными мечами, сквозь оную на крестъ произшедши, въ четвертой шпоръ златой, обѣ въ красныхъ полахъ; во второй части корабль, на парусахъ идущій, предъявляя морскія его Генералъ-Адмирала дѣйствія въ чинѣ Адмиральскомъ въ службѣ нашей, съ добрымъ сукцесомъ показанныя; въ третьей же якорь, канатомъ обвитой, въ знакъ службъ его въ чинѣ президента Адмиралтейства Нашего Намъ, учиненныя въ лазоревыхъ поляхъ, въ срединѣ щита орелъ двоеглавый бѣлый въ зеленомъ полѣ значитъ высокую Нашу къ нему милость, по которой онъ за службы свои съ братомъ и прочими своими наслѣдниками въ степень Графскаго достоинства произведены; надъ щитомъ украшенія обыкновенныя, а именно: корона златая Графская, изъ которой выставлены два флага Россійскіе бѣлые съ синими крестами, по сторонамъ той короны два шлема, изъ которыхъ одинъ на правой сторонѣ имѣетъ надъ собою якорь, канатомъ обвитой, а другой на лѣвой сторонѣ—корону Графскую златую, изъ которой происходятъ два крыла орловыя распростертыя» (Герб. III, 3, II. 45). Корабль также свидѣтельствуетъ объ отличіяхъ на морѣ въ гербахъ: Князей Меншиковыхъ (I, 15); Аргамаковыхъ (въ серебряномъ полѣ изображенъ военный корабль съ парусами, плывущій по водѣ; въ нашлемникѣ видна рука въ латахъ, держащая три стрѣлы, обращен-

ныя островонечіями въ лѣво—II, 115); Бачмановыхъ (X, 70); Еремѣевыхъ (щитъ раздѣленъ на четыре части, изъ нихъ первая занята изображеніемъ морскаго серебраннаго судна съ распущенными парусами, вторая красваго цвѣта-серебраныымъ якоремъ, имѣющимъ на поверхности анкеръ-штокъ, изъ чернаго дуба; третья—положенными на крестъ серебряными съ золотыми рукоятками мечемъ и бердышемъ, и наконецъ въ четвертой, въ голубомъ полѣ видѣнъ свернутый канатъ, означенный серебромъ—III, 96; Козарскаго: будучи командиромъ брига Меркурія, онъ во время сраженія съ Турками въ Маѣ мѣсяцѣ 1829 года, отличилъ себя достославнымъ подвигомъ, вышедши побѣдителемъ изъ безпримѣрнаго боя, выдержаннаго бригомъ Меркуріемъ противъ двухъ непріятельскихъ линейныхъ кораблей; за такой подвигъ, въ числѣ другихъ наградъ, велѣно было внести въ гербъ Козарскаго пистолетъ, избранный имъ и другими офицерами для взорванія на воздухъ брига, при невозможности продолжать бой—X, 122; ср. гербы офицеровъ того же брига: у нихъ у всѣхъ такой же пистолетъ; Притупова (X, 125,) Прокофьева (X, 126,) Скорятина (X, 123); Масальскихъ (I, 131); Петровыхъ (VII, 133); Политковскихъ (V, 133); Гр. Сиверса (VII, 4); Соловцовыхъ (VIII, 51); фонъ-деръ-Флита (X, 136); Щулепниковыхъ (VII, 79); Чичагова, извѣстнаго подвигами своими на морѣ въ царствованіе Императрицы Екатерины II: въ первой части четверочастнаго его герба видѣнъ въ золотомъ полѣ вылетающій до половины двуглавый черный орелъ съ двумя коронами; во второй части въ голубомъ полѣ означенъ золотой вооруженный корабль съ адмиральскимъ флагомъ; въ третьей части, въ такомъ же полѣ плавающій въ водѣ серебряный китъ, и въ четвертой

крестообразно положены въ серебраномъ полѣ руль и якорь съ лавровымъ вѣнкомъ—VI, 92).

Службу во флотѣ означаютъ также якоря, флаги и другія принадлежности кораблей. Грб. Апрѣлевыхъ IV, 63; Белача (щитъ разбитъ на двѣ части, въ вершинѣ голубаго цвѣта изображена серебраная пятиконечная звѣзда, въ нижней части, въ серебряномъ полѣ видна протекающая рѣка Дунай съ плывущею галерою, у ней на кормѣ зеленый Турецкій флагъ съ серебрянымъ полумѣсяцемъ, а посреди галеры воткнута шпага, обвитая лавровою вѣтвью—I, 114); Ваксслей I, 111; Горлѣевыхъ VII, 61; Головиныхъ, Графовъ Римской Имперіи, V, 31; Графовъ Кушелевыхъ IV, 11; Пазухиныхъ IX, 37; Симанскихъ III, 91; Скобѣльциныхъ (щитъ въ ихъ гербѣ раздѣленъ на четыре части, изъ которыхъ въ первой и четвертой въ голубомъ полѣ изображено крестообразно по серебряному перекладу и надъ ними по три золотыхъ шара, а во второй и третьей въ красномъ полѣ положенъ серебряный якорь II, 89).

Открытія, сдѣланныя нашими мореплавателями и вообще судоходство объясняютъ гербъ Лисянскихъ: въ верхней половинѣ на двое разбитаго щита въ красномъ полѣ видна эмблемма *лисъ* (стр. 442), въ соотвѣтствіе съ чѣмъ находится лисица въ нашлемникѣ (родовое знамя этой фамиліи), въ нижней половинѣ представлены въ правомъ голубомъ полѣ серебряная медаль съ изображеніемъ на ней корабля и съ надписью: *1803, за путешествіе вокругъ свѣта, 1806*, а въ лѣвомъ золотомъ полѣ—видъ на морѣ острова. Щитъ держатъ два матроса, имѣющіе въ рукахъ вымпела (X, 114). Ср. грб. Шелиховыхъ (IV, 143); Масленицкихъ (VI, 73); Фалѣевыхъ (I, 113).

2) Отличія по службѣ въ артилеріи выражаются пуш-

ками и ядрами. Грб. Графа Аракчеева (IX, 3, III, 7, IV. 15); Савбурова (I, 128) и др.

и 3) Гербы лицъ, отличившихся на другихъ поприщахъ военной службы, также не чужды особенныхъ примѣтъ. Для образца достаточно привесть гербъ Горяхвостовыхъ, изъ описанія котораго будетъ ясна и служба лица, удостоившагося отличія. Въ первомъ золотомъ полѣ герба этой фамиліи изображенъ разогнутый циркуль, остріемъ вверхъ; во второй, въ голубомъ полѣ летящая въ лѣвую сторону птица, называемая горихвостка, держитъ во рту развернутый свитокъ бумаги; въ третьей четверти въ зеленомъ полѣ видны натянутый золотой лукъ и стрѣла, обращенная къ лѣвому верхнему углу, и наконецъ въ четвертомъ золотомъ полѣ означены земляной валъ и городовая стѣна съ башнею. Щитъ держатъ два воина въ латахъ, имѣющіе въ рукахъ по копью (VI, 23).

Изъ *гражданскихъ* служебъ, оставившихъ свидѣтельства въ гербахъ лицъ, на этомъ поприщѣ отличившихся, мы укажемъ прежде другихъ на дипломатическую службу и для образца приведемъ описаніе герба Графовъ Толстыхъ, заимствуя его изъ диплома на Графское достоинство отъ 1725 года: «тою жо самодержавною властью Мы родовые гербы фамиліи Толстыхъ последующимъ образомъ умножа, вѣчно впредь употреблять жалуемъ и позволяемъ, а именно: щитъ большой, раздѣленный двумя линеями въ длину и одною въ ширину, имѣетъ шесть частей, изъ которыхъ три внизу, а три вверху и въ срединѣ одинъ щитъ же; въ первой части изъ верхнихъ поле золотое, въ которомъ половина орла Имперскаго Россійскаго, обращеннаго слѣва на право, знаменуетъ достоинство Графское нашея Имперіи, во

второй поле серебряное, въ немъ крестъ Св. Апостола Андрея лазоревый, являетъ за его службы первымъ въ его фамиліи удостоеннымъ быть кавалеромъ между высокоблагородными особами и между Нашими вѣрноподданными; въ третьей поле горностайное, въ которомъ посохъ золотой маршальской нашего Императорскаго Двора прямо стоящій, знаменуетъ, что онъ былъ верховный маршалъ, директоръ во всѣхъ учрежденіяхъ и Августѣйшихъ церемоніяхъ, бывшихъ при Нашей торжественной коронаціи въ Москвѣ; изъ нижнихъ же частей въ первой поле шахматное серебряное съ краснымъ, въ которомъ корона Княжеская золотая, наложена на средину столба зеленаго, во особливое вѣчное свидѣтельство учиненной отъ него великой услуги. Во второй поле красное, въ немъ столбъ золотой, лежащій на искось верхнимъ концомъ вправо въ уголъ, а нижнимъ въ лѣво къ углу же, въ срединѣ того столба три глобуса раздѣлены поперегъ на двое щитоваго вида, у которыхъ верхъ серебряный, а низъ лазоревой; отъ того столба въ верхъ въ лѣво къ углу звѣзда полярная золотая знаменуетъ чинъ его придворный и военный, и когда онъ еще прежде сего при предкахъ Нашихъ и блаженной памяти при матери Нашей Царицѣ и при деверяхъ Нашихъ въ Нашей Имперіи былъ стольникъ, а потомъ капитанъ Нашей Гвардіи, также и президентъ въ Нашей Коммерцъ-Коллегіи; третья часть раздѣлена въ длину линіею на два поля, изъ нихъ одно серебряное, а другое зеленое, въ той части суть семъ башень, имѣющихъ на себѣ полумѣсяцы, изъ тѣхъ башень на серебряномъ полѣ въ длину двѣ башни зеленыя, а на зеленомъ въ длинужъ двѣ башни серебряныя, прочія же три башни суть на самой линіи, въ длину раздѣленія той части поль,

которыхъ башень половины, сущія на серебряномъ полѣ зеленыя, а на лѣвомъ серебряныя, являетъ, что онъ былъ Нашимъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ при портѣ Оттоманской тринадцать лѣтъ, гдѣ заключилъ тридесятилѣтній съ Турками мирный трактатъ, и отъ Турокъ былъ двоекратно въ заточеніи въ крѣпости, именуемой Едикулѣ, т. е. седмибашенной, содержанъ; въ среднемъ щитѣ поле лазоревое, въ немъ лежитъ поперегъ сабля золотая, вдѣта въ уши ключа золотаго, который концемъ виситъ внизъ сквозь ушей тогожъ ключа, отъ нижняго угла правой стороны вверхъ на искось въ уголъ въ лѣво продѣта стрѣла вся серебряная, и отъ ушей того же ключа вверхъ въ правую сторону видится одно крыло распростерто серебряное, и тако гербъ, въ среднемъ щитѣ означенный, старинный фамиліи Толстыхъ. Надъ большимъ щитомъ суть три шлема, средній шлемъ серебряный, травы золотыя, а прочіе два шлема желѣзные, травы серебряныя съ обыкновенными украшеніями, изъ лентъ золотыхъ, серебряныхъ, красныхъ и лазоревыхъ, надъ среднимъ шлемомъ корона Графская золотая, перлами украшенная, сверхъ той короны стоитъ орелъ Нашъ Имперскій, знаменующій его быть Графа Нашея Россійскія Имперіи; изъ среди главъ онаго орла стоитъ посохъ Верховнаго Маршала, поверхъ шлема съ правой стороны изобразуется его фамилія, гдѣ зрятся два крыла распростерты, изъ тѣхъ одно крыло праaoй стороны лазоревое, на немъ поперегъ лежитъ сабля золотая, вдѣта въ уши ключа золотаго, висящаго концомъ внизъ, какъ видится въ среднемъ щитѣ, второе крыло съ лѣвой стороны все серебряное; а поверхъ третьяго шлема лѣвой стороны стоитъ чалма Солтана Турецкаго зеленая, украшенна

перлами, надъ тою чалмою башня, половина ея зеленая, а другая половина серебряная, которая на себѣ имѣетъ полмѣсяца; изъ той башни видится рука согбенная, держащая перо золотое, а по сторонамъ той чалмы двѣ трубы, одна съ правой стороны красная, а другая съ лѣвой золотая, провозгласящія славные его въ дѣлахъ поступки. Изъ за оныхъ шлемовъ около щита, который отъ двухъ борзыхъ собакъ поддержанъ, знаменуя вѣрный и скорый въ дѣлахъ успѣхъ, обвѣшена кавалерія бѣлаго орла Королей Польскихъ, а съ трехъ наша Россійская Святаго Апостола Андрея Кавалерія» (ср. Герб. II, 12).

Трудолюбіе въ службѣ гражданской, и постоянство въ исполненіи обязанностей, возлагаемыхъ ею, знаменуются въ гербахъ очень часто пчелами, вылетающими изъ улья или иначе расположенными (въ гербахъ Аверкиныхъ X, 131; Ананьевскихъ VIII, 75; Бежиныхъ—VI. 86; Биженчей IX, 159; Богдановыхъ VIII, 152; Бредихиныхъ—VIII, 33; Вагановыхъ—VII, 175; Гладкаго—X, 150; Голиковыхъ—II, 149; Ефименковыхъ—IX, 149; Захаровыхъ—V, 149; Зерновыхъ—I, 122; Кандалинцовыхъ—II, 150; Карташевскихъ—X, 147; Латынинныхъ—I, 150; Линицкихъ—I, 147; Молчановыхъ—X, 148; Протопоповыхъ—VII, 125; Смирновыхъ—VIII, 155; Хлѣбниковыхъ—IV, 145; Христіани—X, 139; Чеодаевыхъ—X, 85; Шаховыхъ—X, 146; Бароновъ Штиглицъ—X, 18; Яковлевыхъ - I, 116; VIII, 158; IX, 150 и др.).

Пальмовое дерево (стр. 64) видно въ гербахъ Батвиньевыхъ—V, 86; Глотовыхъ—VIII, 76; Обрютиныхъ—VIII, 49; Сурминыхъ—VIII, 46; Топальскихъ—IV, 106; Черепновыхъ—IX, 69 и др.

Бдительность знаменуется журавлемъ въ гб: Ансенскихъ—VIII, 153; Бекетовыхъ—IV, 84; Беклешовыхъ—

IV, 80; Богаевскихъ—VII, 175; Брискорнъ—IV, 144; Ваганowыхъ—VII, 175; Владиславлевыхъ—IX, 147; Ивановыхъ—II, 145; Ловгановыхъ—X, 133; Никитиныхъ—X, 60; Смирновыхъ IX, 138; Хвощинскихъ—II, 25; Шаховыхъ—X, 146.

Минерва, эмблемма мудрости, видна въ гербѣ Танѣевыхъ. Щитъ разсѣченъ на три поля; изъ нихъ въ правомъ голубомъ изображена выходящая изъ облакъ рука въ золотыхъ латахъ и съ саблею; въ среднемъ золотомъ полѣ представлена минерва со щитомъ и копьемъ; наконецъ въ третьей части краснаго цвѣта крестообразно положены золотой лукъ, сабля и золотая стрѣла, обращенные остроконечіями къ лѣвымъ угламъ. Надъ шлемомъ и короною видны два черныя орлиныя крыла и между ними три строусовыхъ пера. Щитодержатели съ правой стороны левъ, съ лѣвой воинъ съ открытою головою въ Польской одеждѣ, вооруженный саблею и въ рукѣ имѣющій золотой лукъ (VII, 139).

Кромѣ того, что каждый родъ службы и каждое занятіо могутъ оставлять въ гербахъ свои отличительныя примѣты, напр. служба по Министерству Юстиціи—вѣсы правосудія (грб. Графа Лопухина IV, 6; Масленицкихъ VI, 73), по медицинской части—изображеніе змѣй, несущихъ во рту цѣлительныя травы, Ескулапіевъ жезлъ, курительницы (грб. Блоковъ I, 144, Гауеръ X, 149), особенныя заслуги знаменуются памятниками, поставленными въ гербахъ лицъ, ими отличившихся; таковы изображеніе Зимняго дворца въ гербѣ его возобновителя Графа Клейнмихеля, образъ Преподобнаго Нестора въ гербѣ Шлёцера, объяснившаго Русскія лѣтописи, рудокопательные инструменты въ гербѣ Демидовыхъ: родоначальникъ ихъ Демидъ Григорьевичъ Антуфьевъ, исынъ

его Никита Демидовичъ были первоначально кузнецами на Тульскомъ заводѣ, и послѣдній изъ нихъ, равно какъ сынъ его Акинѳій Никитичъ, прославился розысканіемъ и разработкою желѣзной, мѣдной и серебряной рудъ, за что грамотою 21 Октября 1720 года они возведены въ дворянство, распространенное дипломомъ отъ 24 Марта 1726 года на все потомство Никиты Демидовича. Въ послѣдней грамотѣ пожалованъ этой фамиліи слѣдующій гербъ: верхнюю половину надвое разбитаго золотымъ поясомъ щита занимаютъ положенныя въ серебряномъ полѣ три зеленыя рудоискательныя лозы, въ нижней части, въ черномъ полѣ изображенъ серебряный молотъ (II, 135).—Ср. грб. Сибиряковыхъ (I, 127).

Изъ этого краткаго обозрѣнія гербовъ, сохранившихъ въ себѣ свидѣтельства о заслугахъ, которыми пріобрѣтено право на пожалованіе таяихъ отличій, ясно, что различіе эмблемъ такъ же велико, какъ и различіе заслугъ, которымъ они бываютъ выраженіемъ. Поэтому, представивъ образцы, мы никакъ не думаемъ, что исчерпали всѣ роды и виды заслугъ: въ каждомъ частномъ случаѣ должны быть свои отмѣтки, дѣло же науки состоитъ въ томъ только, чтобы уловить общіе признаки. Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ прибавить, что въ одномъ и томъ же гербѣ могутъ заключаться эмблемы, соотвѣтствующія происхожденію лица вмѣстѣ съ знаками, свидѣтельствующими о заслугахъ членовъ той же фамиліи на разныхъ поприщахъ, такъ, что гербъ становится вѣрною и краснорѣчивою лѣтописью, способною въ назиданіе позднему потомству дополняться новыми эмблемами по мѣрѣ того, какъ увеличивается число заслугъ, которыя хотятъ увѣковѣчить.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Гербы, соотвѣтствующіе фамиліямъ и прозваніямъ лицъ, ихъ употребляющихъ.

§ 99.

Это наши armes parlantes, имѣющія, какъ упомянуто выше (стр. 362), особенное значеніе для Русской Геральдики, потому что прозванія, дававшіяся за достоинства и недостатки, или просто для отличія одного лица отъ другаго, у насъ чаще, чѣмъ въ другихъ странахъ. Кромѣ соотвѣтствія съ Русскими прозваніями и фамиліями, гербъ нерѣдко состоитъ изъ эмблемъ, находящихся въ соотношеніи съ значеніемъ слова на иностранномъ языкѣ. Гербы этого разряда будутъ исчислены нами въ алфавитномъ порядкѣ, съ описаніемъ тѣхъ только эмблемъ, въ которыхъ выразилось соотвѣтствіе прозванію; а именно гербы: 1) Андреевыхъ (III. 121—въ зеленомъ полѣ три положенныхъ одинъ подъ другимъ серебряныхъ Андреевскихъ креста); 2) Арановыхъ (IV, 98); 3) Алмазовыхъ (V, 98: нижняя половина герба занята изображеніемъ въ золотомъ полѣ алмаза четырехгранной формы); 4) Графовъ Бобринскихъ (I, 27: кромѣ другихъ эмблемъ въ верхнемъ лѣвомъ полѣ щита, разбитомъ на двѣ части—верхнюю серебряную и нижнюю красную восходитъ бобръ съ лѣваго нижняго угла къ правому верхнему косвенно и преобразуется на серебрѣ въ красный цвѣтъ, а на красномъ въ серебро); 5) Борзовыхъ (I, 81—въ нижнемъ зеленомъ полѣ собака, бѣгущаа въ право); 6) Булатовыхъ (III, 135—въ красномъ полѣ три серебряныя огнивы, по-

ложенныя діагонально къ нижнему лѣвому углу); 7) Балкъ-Полевыхъ (II, 122: въ голубомъ полѣ положенное на кось золотое бревно). Такая же эмблемма въ гербѣ Полѣновыхъ; 8) Бушьановъ (X, 127: въ голубомъ полѣ означенъ серебромъ человѣкъ съ бородою и съ согнутыми къ бокамъ руками, стоящій на землѣ; онъ препоасанъ листвіемъ и въ правой рукѣ держитъ дубину, подъятую на плечо. Та же фигура повторяется въ нашлемникѣ); 9) Барсуковыхъ (VI, 156: въ зеленомъ полѣ барсукъ, бѣгущій въ право); 10) Березниковыхъ (VIII, 45: въ красномъ полѣ береза); 11) Вожжинскихъ (I, 87: въ щитѣ зеленаго цвѣта изображено колесо Св. Екатерины съ проходящими чрезъ него по перевязи влѣво двумя клѣтчатыми тесьмами изъ серебра и краснаго цвѣта, въ нашлемникѣ видна половина такогоже колеса и надъ нимъ узелъ изъ подобной тесьмы); 12) Волковыхъ (III, 120; VII, 64: волкъ); 13) Воронинымъ и Вороновыхъ (VII, 122; III, 134 вороны); 14) Ганъ (I, 129—пѣтухъ); 15) Гогель (I, 141—птица, называемая гогель); 16) Дубенскихъ и Дубянскихъ (IX, 20; II, 141 дубъ); 17) Дубровскихъ (VII, 135—видъ дубравы); 18) Ельчаниновыхъ (IV, 44—ель); 19) Желѣзновыхъ (I, 119: въ нижнемъ красномъ полѣ на двое разбитаго герба представлена выходящаа изъ облаковъ рука, держащая полосу желѣза); 20) Жердиныхъ (III, 119—поставленныя въ зеленомъ полѣ двѣ серебряныя жерди); 21) Журавлевыхъ (I, 90—журавль); 22) Графовъ Канкриныхъ (X, 16 ракъ); 23) Карповыхъ (X, 28—въ серебряномъ полѣ плывущаа въ водѣ рыба карпъ); 24) Ключаревыхъ (V, 88 ключи); 25) Козиныхъ (VII, 60—козлерогъ); 26) Козловыхъ (II, 137; III, 73—козелъ и вмѣсто цѣлаго козла его голова); 27) Комаровыхъ (I, 126—въ серебряномъ по-

лѣ рой комаровъ); 28) Коченевскихъ (I, 103—кочни капусты); 29) Крыловыхъ (V, 143. два распростертыхъ черныхъ орлиныхъ крыла); 30) Кузнецовыхъ (III, 124—въ красномъ полѣ между двумя серебряными молотками шпага, остріемъ обращенная вверхъ); 31) Лавровыхъ (V, 87—въ нижнемъ серебряномъ полѣ лавровое дерево; щитодержатели два орла съ лавровыми въ клювахъ вѣнками); 32) Лаптевыхъ (III, 123—въ красномъ полѣ между двумя золотыми лапами, выходящими съ боковъ щита, шпага остріемъ вверхъ); 33) Лауренберговъ (III, 101—лавровые вѣнки); 34) Лебедевыхъ (I, 145—въ нижней серебряной части герба плывущій по водѣ вправо лебедь съ вишневою во рту вѣтвью); 35) Липяговыхъ (I, 135—липа); 36) Лучковыхъ (III, 133—въ золотомъ полѣ лукъ); 37) Медвѣдевыхъ (I, 148—на голубомъ поясѣ три медвѣжьи лапы); 38) Муравьевыхъ (II, 138—муравья); 39) Орловыхъ (VIII, 91—орелъ); 40) Пересыпкиныхъ (III, 147—изъ кучи насыпанныхъ въ золотомъ полѣ хлѣбныхъ зеренъ выходитъ ефесъ воткнутой въ нее шпаги); 41) Подрѣзовыхъ (III, 126—въ зеленомъ полѣ между тремя снопами, перевязанными чернымъ, находится серпъ съ золотою рукояткою); 2) Пушешниковыхъ (VII, 57—въ красномъ полѣ серебряная пушка); 43) Пушкаревыхъ (IX, 53—пушка); 44) Раковыхъ (VI, 36—ракъ; 45) Рознигъ (III, 149—въ голубомъ полѣ на бѣломъ поясѣ раза); 46) Скворцовыхъ (VIII, 151—въ нижней серебряной половинѣ щита крестообразно изображены двѣ древесныя вѣтви съ сидящимъ на нихъ скворцемъ); 47) Скорняковыхъ (I, 100—лошадиная сбруя); 48) Соколовыхъ (VII, 121—въ голубомъ полѣ серебряный соколъ, держащій въ когтяхъ птицу); 49) Собаковыхъ (III, 59—въ голубомъ полѣ бѣгущая въ право собака); 50) Стволовыхъ (I, 112—въ голу-

бомъ полѣ два накрестъ положенныхъ ружейныхъ ствола); 51) Стражевыхъ (I, 130—щитъ раздѣленъ діагональною чертою съ праваго верхняго угла къ лѣвому нижнему и имѣетъ верхнее поле красное, нижнее золотое: въ нихъ изображенъ перемѣннаго съ полями цвѣта стражъ, держащій въ правой рукѣ копье, концемъ обращенное внизъ, въ лѣвой—золотой щитъ); 52) Суковкиныхъ (VII, 143—въ верхней половинѣ щита, въ золотомъ полѣ изображенъ дубъ); 53) Тепловыхъ (I, 109; IX, 124—горящая лампада); 54) Топорниныхъ (IX, III—въ голубомъ полѣ три топора); 55) Трубницыныхъ (VIII, 105—трубы); 56) Хлѣбниковыхъ (IV, 145; VIII, 157. 160—въ разныхъ полахъ снопы хлѣба); 57) Чижевскихъ (1, 102—въ серебряномъ полѣ пять летающихъ чижей натуральнаго цвѣта); 58) Чижовыхъ (I, 134—въ нижнемъ серебряномъ полѣ птичка чижъ, сидящая на вѣтви); 59) Черноглазовыхъ (IX, 129—глазъ); 60) Шатровыхъ (VIII, 159—шатеръ); 61) Шейнфогелей (VIII, 137—въ щитѣ, имѣющемъ голубое поле, изображены въ вершинѣ три золотыя шестиугольныя звѣзды, подъ ними по срединѣ щита птица, летящая вправо и окруженная сіяніемъ,—эмблемма, соотвѣтствующая прозванію, а по бокамъ ея съ каждой стороны по два дерева); 62) Шиповыхъ (VII, 70—розовый кустъ); 63) Бароновъ Штиглицъ (X, 18—въ серебряномъ полѣ сидящая на деревѣ горлица); 66) Шубиныхъ (IV, 81—въ золотомъ полѣ собольяго мѣху шуба, покрытая зеленымъ); и 65) Энгельгартовъ (VI, 91—въ нашлемникѣ ангелъ, имѣющій въ рукахъ пальмовыя вѣтви и на головѣ корону.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

(къ стр. 69).

Стихотвореніе древняго поэта и герольда о значеніи эмблеммъ въ гербѣ:

Sieur de Fonven, si desirez d'entendre,
D'où que procedent tant des armes divers,
Que nous voyons parmi la France espers
De cet escrit brief le pourrez comprendre.
Des Huns, Normans et nations semblables
Sont les torreaux, ours, sangliers, loups, renards;
De ceux d'Afrique des tigres, leopards,
Griffons, lyons, et dragons expantables.
Lorsque nos rois manièrent le sceptre
Romain, nos pères peindrent aux escussons
Aigles, merlettes, alerions, faucons
Et ce que d'eux en armes on peut mettre.
Mais nos ayeuls soubs Clouis Roi de France
Peindrent des fleurs comme roses et lys:
Et quintefeuilles, oeillets, pavots, soucis,
Ou bien d'un arbre quelque fruit, feuille ou branche.
Tesmoins les lys d'or, d'argent azurées,
Gueules, vert, sable, et les fleurs de Vergy,
Loigny, l'Hermite, Seninghen et Flavy,
Les quels tenons pour anciennes lignées.
Et peu après les croix ont pris essence,
Sautoirs et cors, bandes, pals, chefs, chevrons,
Fasses, moulettes, hermines, vairs, poissons,
Besans, tourteaux, leschiquier et l'emmanche.
Car les mainez ne se soucians mie
Porter les armes de leurs antecesseurs,
Seuls s'amusaient conserver les couleurs
Et tout le reste forgeaient à fantaisie.

Jusqu'à 'ce que ce Saint personnage
Louis Neufieme octroya à son fils
Avec brisure l'escu des fleurs de Lys:
Ce qui dépuis est demeuré en usage.

II.

(къ стр. 132).

Der Reussen Kunig und Herre gut
Bin ich von meiuer Aeltern Blut;
Kein Tittl ich durch Gelt und Bitt
Von niemand je erkauffet nitt,
Keinm Herzen ich gehorsam zwaar,
Dann Christo Gottes Sun ist waar.

Въ другомъ изданіи Герберштейна приложенъ Латинскій переводъ этихъ стиховъ:

Russorum rex et dominus sum, jure paterni
Sanguinis: Imperii titulos a nemine, quavis
Mercatus prece vel precio; nec legibus ullis
Subditus alterius, sed Christo credulns uni,
Emendicatos aliis aspernor honores.

Мартынъ Шротъ (Martin Schrot) въ своей книгѣ: Wappenbuch des Heiligen römischen Reichs und allgemeiner Gristenheit in Europa (München. 1581), представивъ на стр. 232 Московскій гербъ, объясняетъ значеніе всадника стихами, которыхъ начало слѣдующее:

Ein Grossfürst in ganz Reussen Land,
Der Moscowiter wolbekant;
Ein grosse Hofhaltung er fürt,
Sein Macht gar hoch geschezet wird:

Er thut sich schreiben in das Feld,
Zu Ross und Fuss 448000 Mann gezelt,
Sein Land sich weit erstrecken thut
In 400 Teutsch Meilen gut.

III.

(къ стр. 299).

Сего 1727 года Ноября 13 дня по присланному Его Императорскаго Величества изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ Военную Коллегію Указу велѣно по доношенію и по мнѣнію Военной Коллегіи какъ полевые, такъ гарнизонные и ландмилицкіе полки, кои понынѣ состояли подъ именами полковниковъ, писать по городамъ, по которымъ полки до сего времени званіями именуются, такъ какъ въ приложенномъ при помянутомъ доношеніи росписаніи изображено; а прочимъ полевымъ полкамъ до предбудущаго опредѣленія именоваться прежними званіями, понеже въ тѣхъ полкахъ гербы на знаменахъ имѣются знатныхъ городовъ, а которыхъ городовъ какъ у прежнихъ, такъ и вновь именованныхъ полковъ гербовъ не было тѣ учинить вновь Герольдмейстеру и для апробаціи объявить въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, и какъ апробованы будутъ, тогда сдѣлать печати, которыми губернаторамъ и воеводамъ всѣ отписки, доношенія и прочія отправляемыя письма, кромѣ партикулярныхъ, печатать, а въ Сенатъ о томъ указъ посланъ. И того жъ Ноября 15 дна потому Его Императорскаго Величества указу въ Военной Коллегіи опредѣлено: о именованіи помянутыхъ полковъ по городамъ чинить, какъ оный указъ повелѣваетъ и о томъ къ командамъ и въ подчиненныя канцеляріи и конторы указы посланы, а о гербахъ справясь велѣно учинить выписку.

При семъ прилагается списокъ полевыхъ и гарнизонныхъ полковъ, которые прежде назывались по именамъ полковниковъ, и вновь получили на званія по городамъ:

Списокъ полковъ:

Прежними званіями состояли.	Вновь званія назначены.
Кропотовъ.	Рижской
Хлоповъ.	Ревельской
Гопповъ.	Выборской
Лефортовской.	Московской
фонъ Газеновъ.	Углицкой
Зыковъ.	Консгольмской
Арартовъ.	Ладожской
Лесіевъ.	Бѣлозерской
Каппенгаузеновъ.	Муромской
Ренцелевъ.	Суздальской
Комендантской.	Санктпетербургской
Колтовской.	Невской
Бѣлозерской.	Копорской
Бухольцовъ.	Ямбурской
Островской.	Кронштатской
Левашевъ.	Кроншлотской
Кекогольмской.	Кексгольмской
Шлюссельбургской.	Шлюссельбургской
Нарвской.	Нарвской
Карповъ.	Выборгской
Шушеринъ.	Корельской
Хотяинцовъ.	Ивангородской
Генералъ-Губернаторской.	Лифляндской
Вице-Губернаторской.	Эзельской
Рижской.	Рижской
Питершанской.	Питершанской
Динаминтской.	Венденской
Перновской.	Перновской
Ревельской.	Ревельской
Эстляндской.	Эстляндской
Деритской.	Дерптской

Прежними званіями состояли.	Вновь званія назначены.
Лейбъ-гвардіи баталіонъ.	Московской Лейбъ-Гвардіи баталіонъ
Драгунской Шквадронъ.	Московской Шквадронъ
Коробовъ 3 баталіонный.	Коломенской
Драгунской Друмантовъ.	Казанской
Комендантской.	Свіяжской
Кунингамовъ.	Нижегородской
Анненковъ.	Пензенской
Уфимской.	Уфимской
Драгунской.	Воронежской
Павловской.	Павловской
Бѣлогородской.	Козловской
Тамбовской.	Тамбовской
Коротояцкой.	Коротояцкой
Елецкой.	Елецкой
Оберъ-Комендантской.	Кіевской
Комендантской.	Черниговско
Кошелевъ.	Полтавской
Ушаковъ.	Стародубской
Рудаковъ.	Нѣжинской
Комендантской.	Глуховской
Бѣлогородской.	Бѣлогородской
Гулицовъ.	Архангелогородской
Монастыревъ.	Устюжской
Драгунской.	Сибирской
Санктпетербургской.	Тобольской
Московской.	Енисейской
Тобольской.	Якутской
Смоленской.	Смоленской
Дорогобужской.	Дорогобужской
Великолуцкой баталіонъ.	Великолуцкой батал:
Драгунской.	Астраханской
Смоленской.	Симбирской
Козловской.	Самарской

Прежними званіями состояли.	Вновь званія назначены.
Селивановъ.	Царицынской
Терской.	Терской
Карамзинъ.	Сѣвской
Львовъ.	Орловской
Кимчевъ.	Курской
Иваненковъ.	Бранской
Дунинъ.	Путиловской
Бунинъ.	Рыльской

IV.

(къ стр. 409).

Incorporatio terrarum Magni Ducatus Lithuaniae Regno Poloniae cum concessione armorum Lithuanis de Regno Poloniae cum aliis certis libertatibus tunc nobilitati Lithuanicae, Ruthenis exceptis, concessis de anno Domini 1400.

In nomine Domini. Amen.

Propterea nos, Alexander, alias Vitovdus de consensu Serenissimi Principis Domini Vladislai regis Poloniae, fratris Nostri Clarissimi, eligimus ad arma et clenodia Nobilium Regni Poloniae Terrarum Nostrarum Lithuaniae nobiles infra scriptos, quos ipsi Regni Poloniae nobiles simul cum omnibus qui ex eorum stirpe originem suam ducunt, ad fraternitatis et consanguinitatis consortia receperunt. Et primo nobiles *Leliwa* Moniwid Palatinum vilnensem; item *Zadora* Palatinum Janum Trocensem; *Jastrzembiec seu Lazanki*, alias *Bolestii-Nagora* vocatos Johannes Nemir; *Trombki* Ostikonem; *Topory*—Butrym, item *Labendz*, alias *Skrinscii* Gelygunt, *Poraje* Nicolaum Bilinum; *Dambno* Korewam; *Odrowons* Wysche-

gerd, *Wadwicz* Petrum Mondigerd, *Dria* Nicolaum Tawtigerd, *Habdank* Joannem Gastowti, *Półkoza* Wolezkonem Kukwa, *Grifones* Bótowdum; *Srzeniawa* Gadaldum; *Pobodze* Ralonem; *Grzymała* Joannem Rymowidòwicz; *Zarenba* Gyuetb Konczewicz, *Pierzchała* Dawksza; *Nowina* Nicolaum Borjnar; *Działosza* WolczkonembRedutowicz; *Kopaez* Gedorwoch; *Rola* Danjel alias Dangel; *Syrokomla* Jacobum Mingel; *Cattus Marinus*—Wojsznar' Wilkolewicz; *Powała* Georgium Sangan; item *Pomian* Saka (Jsak); *Doliwa* Naczkonem; *Starza* Twerbut; *Dolenga* Monstwid alias Mostwid; *Bogoria* Stanislaum Wyszygin; *Janina*—Wojszym Danejkowicz; *Bychawa* (Kuchaba, Kuchawa, Paprzeza) Moutowd; *Swinka* Andream Dowkontowicz alias Diewkantowicz alias Diewgnietowicz; *Rola* alias *Rolda*, *Kolda* Minimund Sesnikowicz alias Sosnikowicz; *Sulima* Rodiwit; item *Nałencz* Koczanum; *Lodzia* Miczud; *Jelitowie* Gierdud; *Korczak* Czuppam; *Biała* Wojdylonem Czuszotowicz; *Wenzyk* Kojczanum Swkowicz alias Sukowicz; *Ciołek* Joannem Ewil; *Godziemba* Stanislaum Butontowicz; *Osmorog* alias *Gieralt* Surgutes de Kieslynii etc. etc. Quibus quidem armis, cleinodiis et proclamationibus praedicti nobiles, Proceres et Bojari Terrarum Lithuaniae ex nunc et in antea perpetuis temporibus ubilibet gaudeant, potiantur, prout ipsi praefati nobiles regni Poloniae uti, frui consueverunt et potiri. Ut autem corroborationes et cautelae uberioris omnia praemissa accipiant firmitatem, praesentes fecimus sigillis nostris corroborari, praesentibus et consentientibus ac ratum habentibus... Actum in oppido Hrodlo circa flumen Bug in Parlamento seu congregatione Generali, die secundo Mensis Decembris sub anno Domini millesima quadringentesimo decimo tertio.»

V.

(къ стр. 555).

Жалованная Матвѣеву на Графское достоинство Грамота.

Carolus divina favente clementia electus Romanorum Imperator semper Augustus ac rex Germaniæ, Castellae, Aragoniae, Legionis, utriusque Siciliæ, Hierusalimi, Hungariæ, Bohemiæ, Dalmatiæ, Croatiæ, Sclavoniæ, Navarræ, Granatæ, Toleti, Valentiæ, Gallitiæ, Majoricarum, Seviliæ, Sardiniæ, Cordubæ, Corsicae, Murciæ, Giennis, Algarbaiæ, Algesiræ, Gibraltaris, Insularum Canariæ et Indiarum ac terræ firmæ, màris oceani, Archidux Austriæ, dux Bu gundiæ, Brabantiæ, Mediolani, Styriæ, Carinthiæ, Carniolæ, Limburgiæ, Lucemburgiæ, Geldriae, Wirtembergæ, superioris et inferioris Silesiæ, Calabriæ, Athenarum et Neopatriæ, Princeps Sueviæ, Cataloniæ et Asturiæ, Marchio sacri Romani Imperii Burgoviæ, Moraviæ,Superioris et inferioris Lusatiæ, Comes Habspurgi, Flandriæ, Tyrolis, Terretis, Kyburgi, Goritiae et Arthesiæ, Langravius Alsatiæ, Marchio Oristhani, Comes Goziani, Namurci, Rossilionis et Ceritaniæ, Dominus Marchiæ Slavonicae, Portus Naonis, Biscaiæ, Molinæ, Salinarum, Tripolis et Mechliniæ.

Generoso sincere nobis dilecto Andreæ de Matveof Serenissimi et potentissimi Moscoviæ etc Czari actuali consiliario intimo et ad aulam nostram Cæsaream Ministro plenipotentiario gratiam nostram Cæsaream et omne bonum.

Etsi nos pro innata nobis clementia, benignitateque summi et imortalis Dei qui cælestis liberalitatis suæ thesauros in universum orhem largisime diffundit, exemplo, postquam ab ipsius divina Majestate ad Majestatem hanc humanam et sublimitatem Cæsareæ dignitatis yocati atque evecti sumus, hoc imprimis curæ habemus, ut ad inclytum et excelsum thronum nostrum magis conspicuum reddendum ac decorandum minificentia nostrâ in quoscunque hominum ordines, quorum id virtus ac fides mereatur amplissime extendatur, exerceaturquc; convenire tamen omnino censemus, ut diligens ac siogularis habeatur ratio, quo præmia cuique et honores dignitates que pro cujusque meritis debito discrimine conferantur, ut scilicet unus ab altero quibusdam quasi

gradibus distinguatur et qui clariore loco nati, nobilitatem a majoribus acceptam nobilibus et præclaris actionibus atque virtutum studiis pro patria, pro principibus suis, pro Republica strenue laborando magis magisque illustrant, amplioris honoris et dignitatis prærogativa decorentur; ita namque debita justitiæ æquitatisque ratio habetur et reliqui mortales ad honestissimum virtutis et gloriæ certamen pulcherrimis exemplis invitantur

Benigne itaque intelligentes Andream de Matveof in Russia natum a familia originem ducere antiquitate non minus, quam insignibus meritis servitiisque Serenissimæ czareæ Domui a longo tempore fidelissime præstitis apprime conspicua, nec non Majorum praeclaris facinoribus tam ample ornata, ut singula recensere longum nimis foret, ne tamen tot, tantorumque laudabilium virtutum operumque memoria plane amittatur, hic saltem de recensioribus hujus prosapiæ dignitatibus et ornamentis quædam commemoranda visa sunt, quem in finem uberem materiam suppeditat Sergius praedicti Andreæ de Matveof avus, utpote qui in aula Czarea munus consiliarii et sub serenisſimo et poteutisſimo gloriosæ memoriæ Czaro Michaele Theodoride legationem ad regem Persarum obiit, generisque sui splendorem per matrimonium cum quadam ex illustri familia Rzewskich Fominich adauxit; longe vero majus stirpi suæ decus addidit Bojarus Artemon supranominati Andreæ de Matveof pater, cum comitissa ab Hamiltou e reguo Scotiæ orta connubio junctus, operâque et obsequio serenisſimis quondam et potentisſimis czaris Michäeli Theodoridi avo et Alexio Michäelidi genitori nunc gloriose regnantis Serenisſimi itidem et Potentisſimi czari Petri Alexidis quadragiuta annos qua sago, qua togâ multifariam exhibitis nulli secundus; is enim in bellis, tum regno Poloniæ, tum Tartarorum Hano illatis qua suppremus exercitus præfectus (vulgo marescballus) partes suas laudabilissime implevit, eoque etiam intuitu a praefato Serenissimo ac potentissimo czaro Alexio Michaelide ad primariam Bojarorum dignitatem characteri consiliariorum intimorum tunc praehabitam evectus, nec non aliquos annos in aula czarea Suppremi Cancellarii, primariique ministri officio functus fuit, editis in ejus exercitio multifariis speciminibus singularis suæ erga Serenissimam czaream domum fidei ac devotionis, nec non eximii in ejus commodis promovendis studii alia-

rumque insignium qualitatum, de quibus Puffendorfius libro primo de rebus Brandeburgicis et ablegatus Cæsareus Hanibal de Bottoni in sua relatione anno millesimo sexcentesimo septuagesimo sexto publice impressa honorificam mentionem fecerunt, quemadmodum etiam litteris oratorum et ablegatorum caesareorum, qui tum in aulâ czarea fuere, eximiæ prædicti Artemonii erga Augustissimum Imperiale solium et serenissimam nostram Domum Austriacam voluntas et officiorum præstationes magnopere prædicantur. Maximum autem incorruptæ suæ erga czaream Domum fidelitatis argumentum, quod seræ posteritati merito exemplo sit, eâ occasione praebuit, dum anno millesimo sexcentesimo octuagesimo secundo sexagesies mille rebelles ac tumultuosos milites, quos Strelci vocant, ab invasione, quam aulæ czareæ intentaverant, actuque jam suscepturi erant, intrepido animo eos de fidelitate ipsorum Domino debitâ eloquentissime monendo avertit, atque etiam in officio retinuisset, nisi alia rebellum turma eodem tempore, quo Serenissimo et potentissimo czaro nunc regnanti, et tunc duodecimum ætatis suæ annum agenti de ratione ad sedandum tumultum initâ referabat in czareum Palatium irrupisset, dictumque bojarum Artemonium ex manibus Domini sui ereptum ac ex dicto Palatio praecipitatum in frusta crudelissime secuisset; ac praeterea considerantes, ejus filium Andream de Matveof vel ad majora natum vel saltem ab avita virtute nullatenus degenerem esse, siquidem ut originis suæ claritatem magis illustraret, uxorem duxit e Domo à Boratinskih apud Russos principum gradu insignita, atque a stirpe Wladimiri inter magnos duces Russiæ primi Principis Christiani propagata, et quod ad personam suam attinet, jam decimo tertio ætatis suæ anno cum ultimo defuncti, tum modo Regnantis Serenissimi et Potentissimi Czari Cammerarius plures annos fuit, deinde ad gubernatoris officium in ducatu Dwinensi nimirum in celeberrimo portu divi Archangeli promotus, ubi trium annorum spatio prudentissima sua administratione de Aula Czarea optime meritus, eoque nomine a serenissimo czaro ad dignitatem Ministri status suique actualis consiliarii intimi elatus fuit, postea anno videlicet 1699 successive legationes obiit aulis regiis Gallica et Anglica, nec non ad generales uniti Belgii ordines, munerisque sui partes, quemadmodum passim notum est et ex illarum potentiorum litteris recredentialibus abunde con

stat, in arduis admodum negotiis, difficillimoque rerum statu omnium approbatione implevit; tandem ad aulam nostram cousque, donec impositum sibi oratoris characterem apud serenissimum Poloniæ regem et Rempublicam assumeret, qua minister Plenipotentiarius missus anno et octo mensibus, quibus hic substitit, in tractatione negotiorum non solum singularem animi moderationem ac integritatem, verum etiam ardentissimum couservandæ inter Nos et Serenissimum ac potentissimum Czarum veræ amicitiæ zelum testatus est, ac jam antea quoque in Aulis exteris cum Ministris nostris circa omnia, quæ ad bonum publicum pertinere visa sunt, consilium operamque suam tam probe contulit, ut de ejus præclaro erga nos, Sacrum Romanum Imperium et Serenissimam Domum nostram observantis et addicti animi studio nullum nobis dublumsuperesse possit, eaque omnia accurate perpendentes faciendum nobis putavimus, ut Eundem insigniori aliqua gratiæ nostræ caesareæ tessera quæ sibi, posterisque suis perpetuo honori sit ornandum clementer susciperemus.

Ac proinde motu proprio, ex certa nostra scientia animo bene deliberato, ac sano accedente consilio, deque cæsareæ auctoritatis summæ potestatis Imperialis plenitudine Andream de Matveof, omnesque et singulos liberos, hæredes, posteros ac descendentes suos legitimos utriusque sexus natos et æterna serie nascituros veros nostros et sacri Romani Imperii Regnorum atque Dominiorum nostrorum hærediorum comites et comitissas creavimus, fecimus et nominavimus, tituloque, honore, et dignitate Comitatis Imperialis auximus et insignivimus, sicuti vigore præsentium creamus, facimus, nominamus, augemus et insignimus.

Volentes præsentique edicto nostro Cæsareo perpetuo valituro firmiter et exprese decernentes, quod prædictus Andreas de Matveof, omnesque liberi, hæredes, posteri et descendentes sui legitimi utriusque sexus in infinitum, titulum, nomen et dignitatem comitum Sacri Romani Imperii, Regnorumque et Dominiorum nostrorun hæreditariorum perpetuis deinceps temporibus habere, obtinere et deferre, eaque tam in litteris, quam nuncupatione verbali in rebus spiritualibus ct temporalibus, ecclesiasticis et prophanis honerari, appellari et reputari, ac deincepsmnibus et singulis honoribus, ornamentis, dignitatibus, gratiis, libertatibus

privillegiis, indultis, consuetudinibus, præminentiis, prærogativis, libere et citra cujuslibet impedimentum uti, frui, potiri atque gaudere possint et debeant, quibus cæteri nostri, et sacri Imperii Regnorumque et provinciarum nostrorum hereroditariarum comites utuntur, fruuntur, potiuntur et gaudent, consuetudine, vel de jure, non obstantibus quibuscunque in contrarium facientibus, etiamsi talia forent, de quibus in præsentibus specialis et expressa, mentio fieri deberet, quibus per præsentes scienter et auctoritate nostra Cæsarea derogamus et sufficienter derogatum esse volumus.

Insuper ut peculiarem erga supra dictum Andream de Matveof nostrum et sacri Romani Imperii comitem animi nostri Cæsarei inclinationem externo quoque signo, velut immortali mnemosyne et præsens et ventura ætas distinguat, antiqua familiæ suæ arma sive insignia gentilicia benigne laudavimus in hunc qui sequitur modum perpetuo posthac habenda, gestanda et deferenda.

Scutum videlicet quadripartitum erectum, cujus prima et oxtrema areola viridis, sustinens leonem argenteum, auro coronatum, cruentatum gladium, capulo et manubio aureis falculo dextero tenentem, lingua rubea orehiante exerta, caudaque sinuatim supra tergum projecta; secunda areola itidem viridis aureum cantherium exhibens; tertia autem rubea, in qua telum argenteum cuspide sursum directâ, cui decussatim alligatae sunt binæ ejusdem metalli sagittæ, cuspidibus pariter sursum directis. Scutum insitum cæruleum, ursum coronatum, errectum, nativi coloris ad saltum dispositum, atque vexillum rubeum, aurea podatâ cruciculâ insignitum, et manubio argenteo laevo gestans humero, continens; scuto imposita corona comitibus propria, telamones utrinque bini tigrides, duplex demum lemma—«Laboribus meritis: virtute ac sanguine». Prout haec omnia artificiosa pictoris manu in medio hujus diplomatis accuratius expressa sunt.

Et ut præterea sæpe dictus Andreas Sacri Romani Imperii comes de Matveof uberiori Cæsareæ nostræ beneficentiæ ac gratiæ fructu gaudeat, hoc velut auctorium adjicimus, ut eidem, universæque proli atque posteritati suæ legitimæ unius alteriusque sexus in infinitum comitibus et comitissis benigne faventes concedimus, atque largimur; ut deinceps a Nobis, nostrisque in Sacro Ro-

mano Imperio successoribus Romanorum Imperatoribus ac regibus illustri et magnifici, germanico idiomate *Hoch* und' *Wohlgeborn* perpetuo prædicentur, ac ipsis ex omnibus nostris, nostrorumque in Sacro Romano Imperio successorum, ac Nobis et augustæ Domui Nostræ Austricæ subjectorum Regnorum, Provinciarum ac Ditionum Cancellariis, quotiescunque sive viva voce sive scripte compellandi aut alias aliqua illorum mentio facienda erit, titulus, nomenclatio, prædicatum ac dignationis vocabulum illustris et Magnifici, germanice *Hoch*-und-*Wohlgeborn* futuris deinceps temporibus detur, tribuatur, inscribaturque, prout in hunc ipsum benignæ mentio ac voluntatis nostræ Cæsareæ effectum, id dictis nostris cancellariis per Cæsarea decreta stricte mandabimus et injungimus.

Quapropter universis et singulis Electoribus, aliisque sacri Imperii Principibus ecclesiasticis et sæcularibus, archiepiscopis, episcopis, ducibus, Marchionibus, comitibus, Baronibus, militibus, nobilibus, clientibus, capitaneis, Vicedominis, præfectis, castellanis, locumtenentibus, officialibus, Heroaldis et caduceatoribus, burgimagistris, consulibus, civibus et generaliter omnibus et singulis nostris ac sacri Romani Imperii, Regnorumque et dominiorum nostrorum hæreditariorum subditis ac fidelibus dilectis cujuscunque dignitatis, gradus, ordinis et conditionis existant, serio mandamus atque præcipimus, reliquos vero Nobis non subjectos pro status, gradus et dignitatis conditione fraterne benigneve hortamur et requirimus, ut sæpe nominatum Andream Sacri Romani Imperii comitem de Matveof, ejusdemque liberos, hæredes et posteros legitimos utriusque sexus in infinitum in dicto comitum imperii statu, ordine et dignitate permanere, omnibusque et singulis præmemoratis privillegiis, indultis, immunitatibus, libertatibus, juribus, cousuetudinibus, honoribus, dignitatibus, prærogativis, exemptionibus, gratiis et favoribus illis in hoc nostro Diplomate concessis libere, quiete et absque ullo impedimento uti, frui gaudere et potiri sinant, adeoque ipsos in omnibus et singulis defendant, conservent et manuteneant, et alios, ne quid in contrarium attendent vel moliantur, pro viribus prohibeant et impediant, in quantum indignatíonem nostram et Sacri Imperii gravissimam et poenam centum marcarum auri puri pro dimidia Fisco seu ærario nostro Imperiali et pro reliqua parte injuriam passo seu passis toties, quoties contra

hanc nostræ creationis, concessionis, liberalitatis et gratiæ paginam factum fuerit irremissibiliter solvendam incurrere noluerint. Et caeteri Nobis et Romano Imperio non subjecti facturi sunt in eo rem Nobis gratam, fratorno amoris affectu, cæsareave nostra benevolentia et gratia per occasiones agnoscendam et repetendam.

Harum testimonio litterarum manu nostra subscriptarum et sigilli nostri Cæsaroi appensione munitarum, quæ dabantur in civitate nostra Viennæ die prima mensis Octobris Anno Domini millesimo septingesimo decimo quarto, Regnorum nostrorum Romani quarto, Hispaniorum duodecimo, Hungarici et Bohgemici vero pariuter quarto.

На подл. подпись: Carolus.

I.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВЪ.

—

В.

—

Г.

—

Д.

—

Е.

—

Ж.

—

З.

—

И.

—

К.

—

Л.

—

М.

—

Н.

—

О

—

П.

—

Р.

—

С.

—

Т.

—

У.

—

Ф.

—

Х.

—

Ч.

—

Ц.

—

Ш.

—

Щ.

—

Я.

—

Ю.

—

Э.

II.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦЪ, ПЕЧАТИ И ГЕРБЫ КОТОРЫХЪ УПОМИНАЮТСЯ ВЪ СЕЙ КНИГѢ.

А.

—

—

В.

—

Г.

—

—

Е.

—

Ж.

—

—

Л.

—

М.

—

Н.

—

О.

—

П.

—

Р.

—

Т.

—

У.

—

Ф.

—

Х.

—

Ц.

—

Ч.

—

Ш.

—

Щ.

—

Ю.

—

Я.

—

Ѳ.

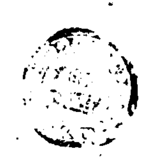
—

ОГЛАВЛЕНІЕ

Книги 2-й.

Часть Четвертая.

Исторія дворянскихъ гербовъ.

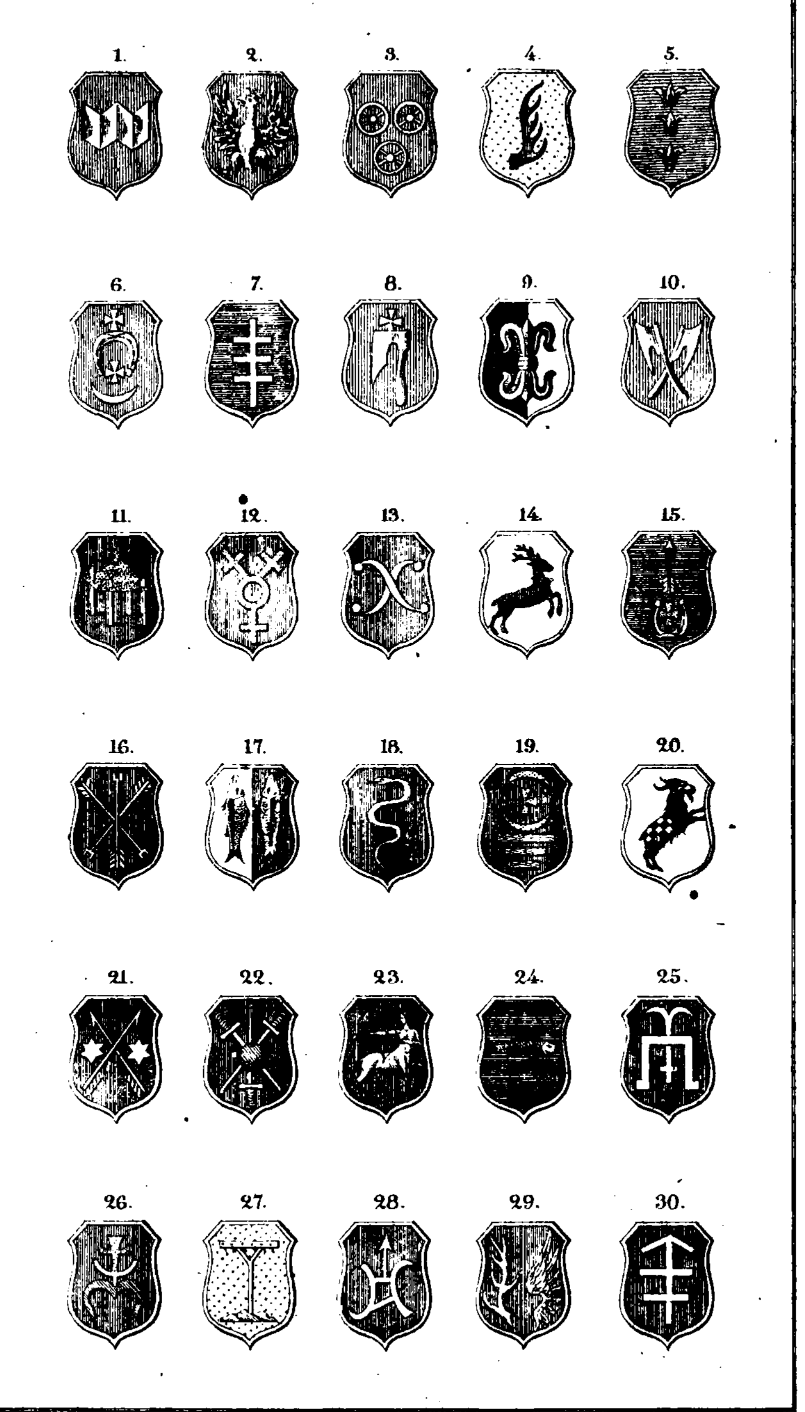


ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строки:*	
8	20	положеніе родовой собственности; чит., «положеніе о родовой».
12	17	Ландии лицкіе гербы; чит. лейбкампанскіе гербы.
14	18	послужившихъ; чит. послужившіе.
24	4	т. е. чит. т. с. (такъ сказать).
33	6	Менестріе; чит. Менетріе.
33	9	l'artheraldique—l'art héraldique.
42	23	линія; чит. линіями.
—	25	терминонологія; чит. терминологія.
43	4	мотутъ; чит. могутъ.
62	2	тщеславымъ; чит. тщеславнымъ.
—	4	которой или можетъ; чит. который можетъ.
65	20	звѣдъ; чит. звѣздъ.
77	18	предшедствовать; чит. предшествовать.
84	18	Мелчаа; чит. Мельчая.
91	31	т. е. чит. т. с. (такъ *сказать*).
96	9	скамей*кн*; чит. скамейки.
—	11	*в* и *н*, чит. к. и и.
97	21	употребляются; чит. употреблялись.
98	11	принадлежаща; чит. принадлежащая.
106	18	правый; чит. правой.
109	6	грамоты; чит. грамота.
117	17	погонъ этотъ; чит. погонь эта.
120	19	памятью; чит. понятно.
125	21	Государства; чит. Государство.
158	26	въ послѣдствіи. личною; чит. впослѣдствіи личною.
107		въ прим. Ovolsky; чит. Okolsky.
206	7	присхождене; чит. происхожденіе.
226	7	ея; чит. ихъ.
253	23	далѣ еонъ; чит. далѣе онъ.
299		въ прим. приложенія 4 и 5; чит. приложеніе 3.
318	8	обыковенныхъ; чит. обыкновенныхъ.
332	10	ноа; чит. она.
338	6	токого; чит. такого.
369	8	происходитъ; чит. происходятъ.

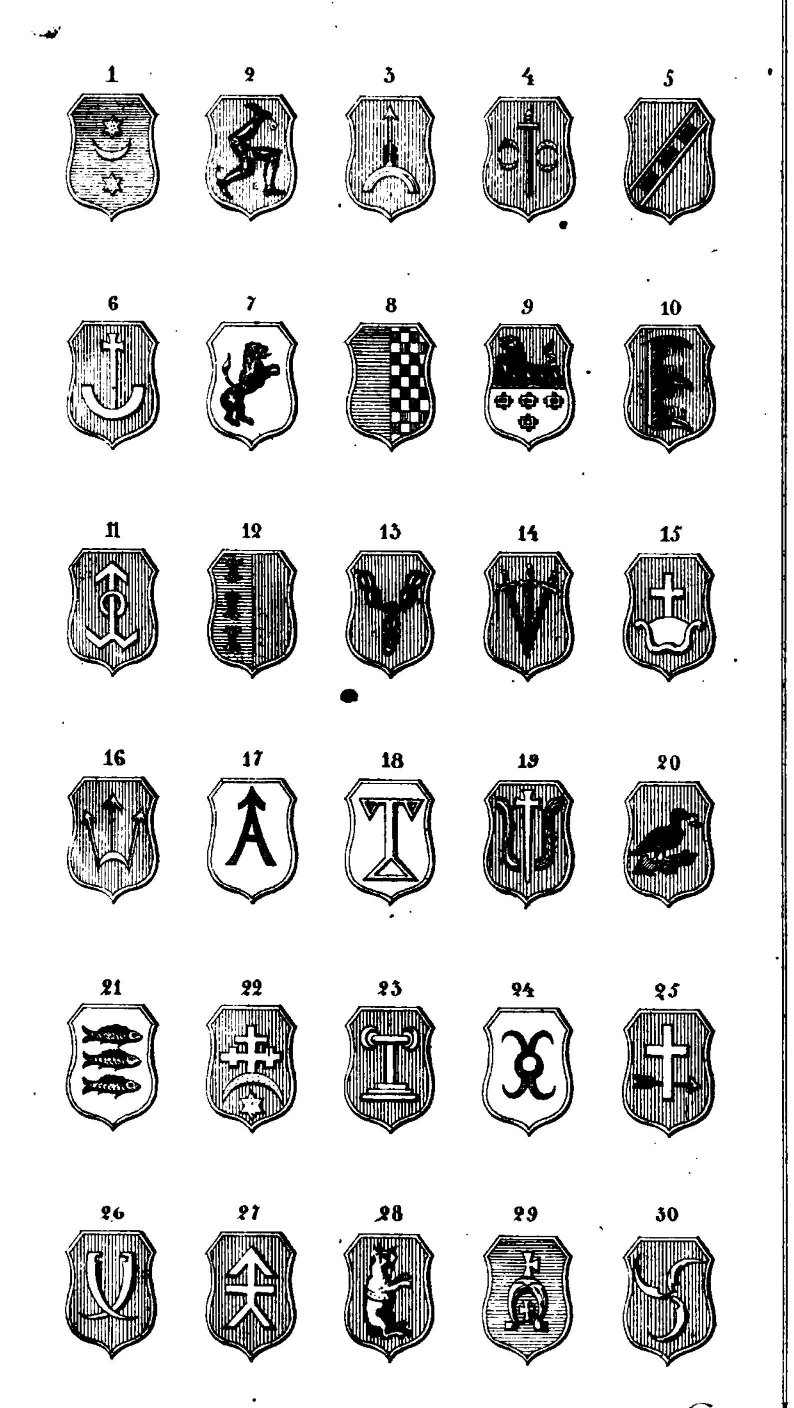
Стран.	*Строки.*	
417	17	Табл. XXXIII; чит. XXIII.
424	12	таб. XXIII рис. 18; чит. таб. XXIII рис. 19.
435	14	таб. XX рис. 21; чит. таб. XX рис. 22.
495	27	каня; чит. камня.
—	28	Оселъ; чит. орелъ.
498	16	ин; чит. на.
500	25	§ 29; чит. § 92.
508	13	остроконечіямъ; чит. оконечіями.
512	28	ве; чит. во.
—	29	золотоо; чит. золотое.

Таб. XIX.



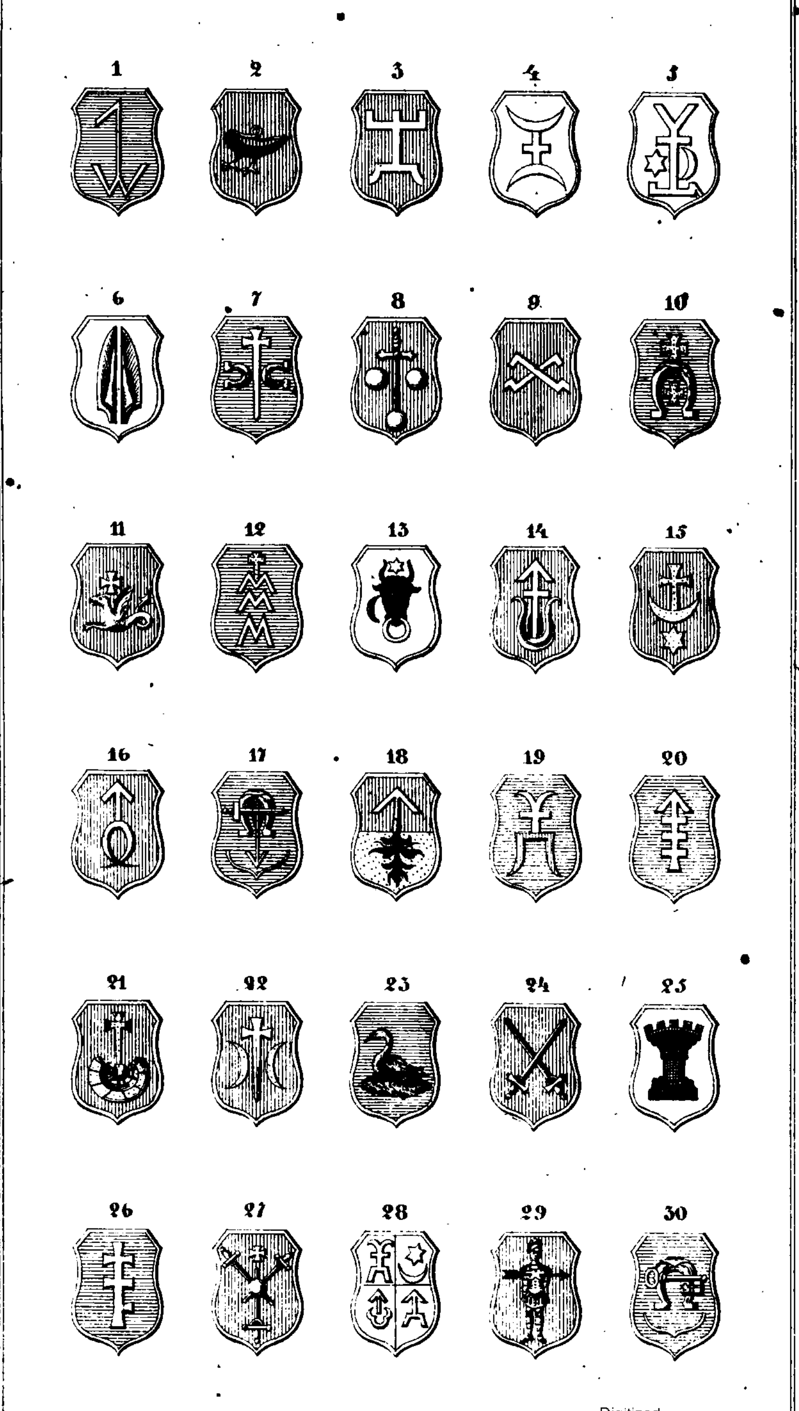
Лит. Д. Деноткина, Невс. пр. противъ Думы д. Рогова, С.П.Б.

Таб. XX.



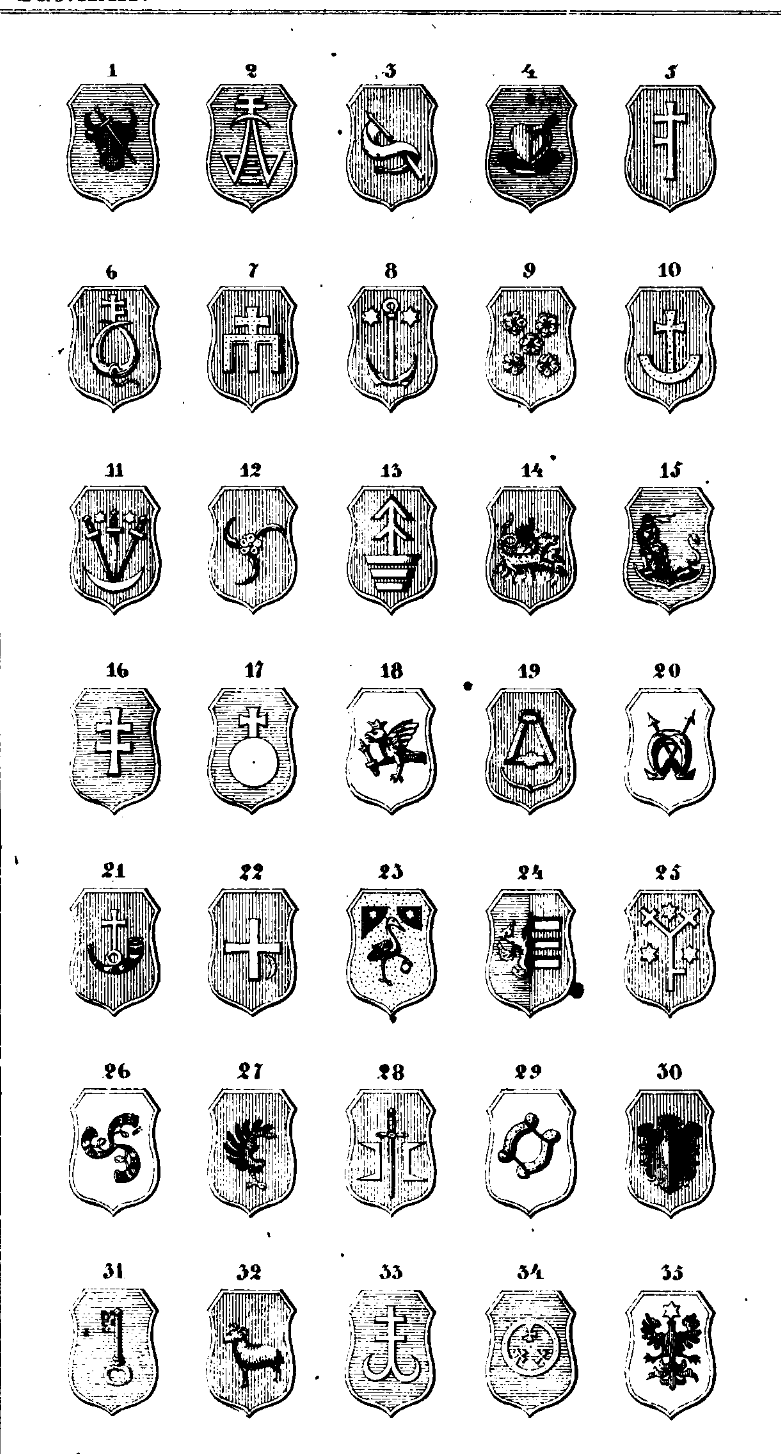
Лит. Д. Деноткина, Невск. пр. противъ Думы д. Роговъ С.П.Б.

Таб. XXI.

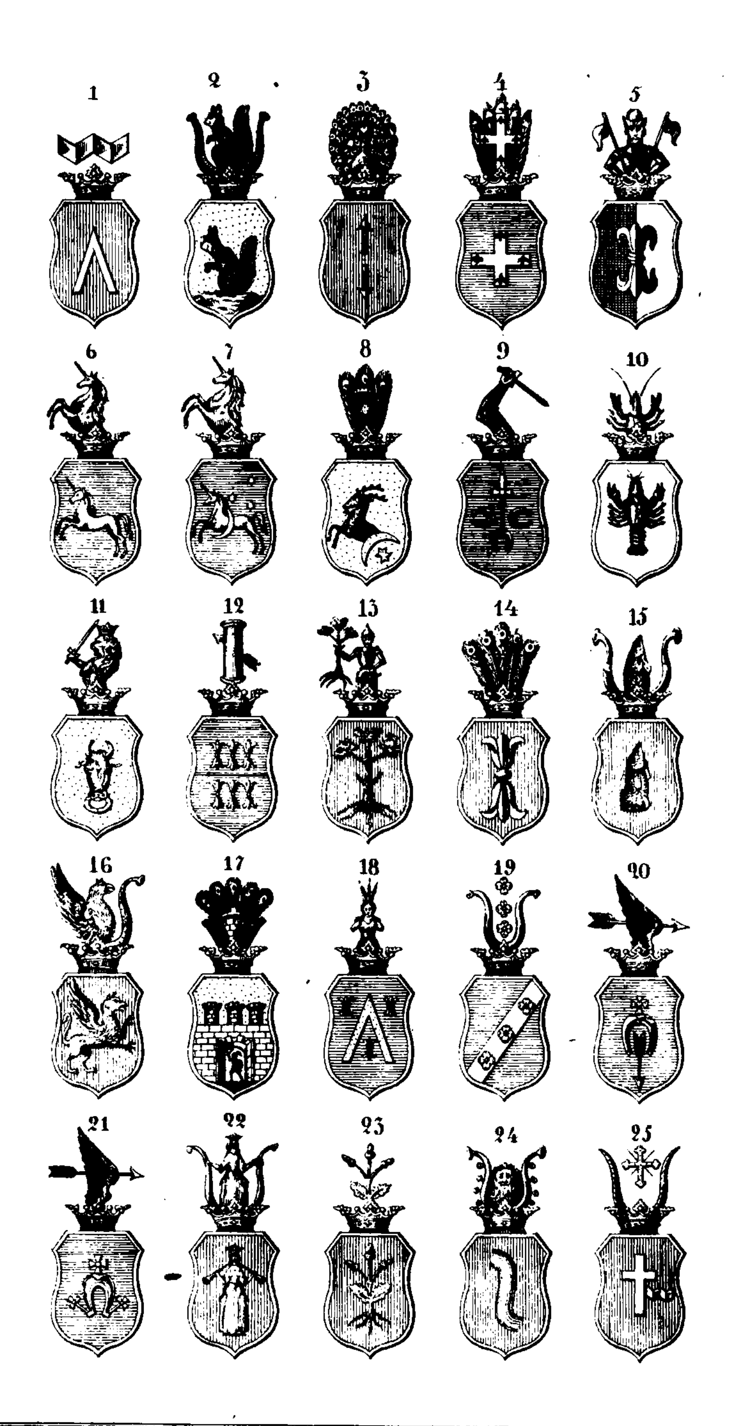


Лит. [illegible], на Невскомъ пр. [illegible] Думы [illegible] С.П.Б.

Таб. XXII.

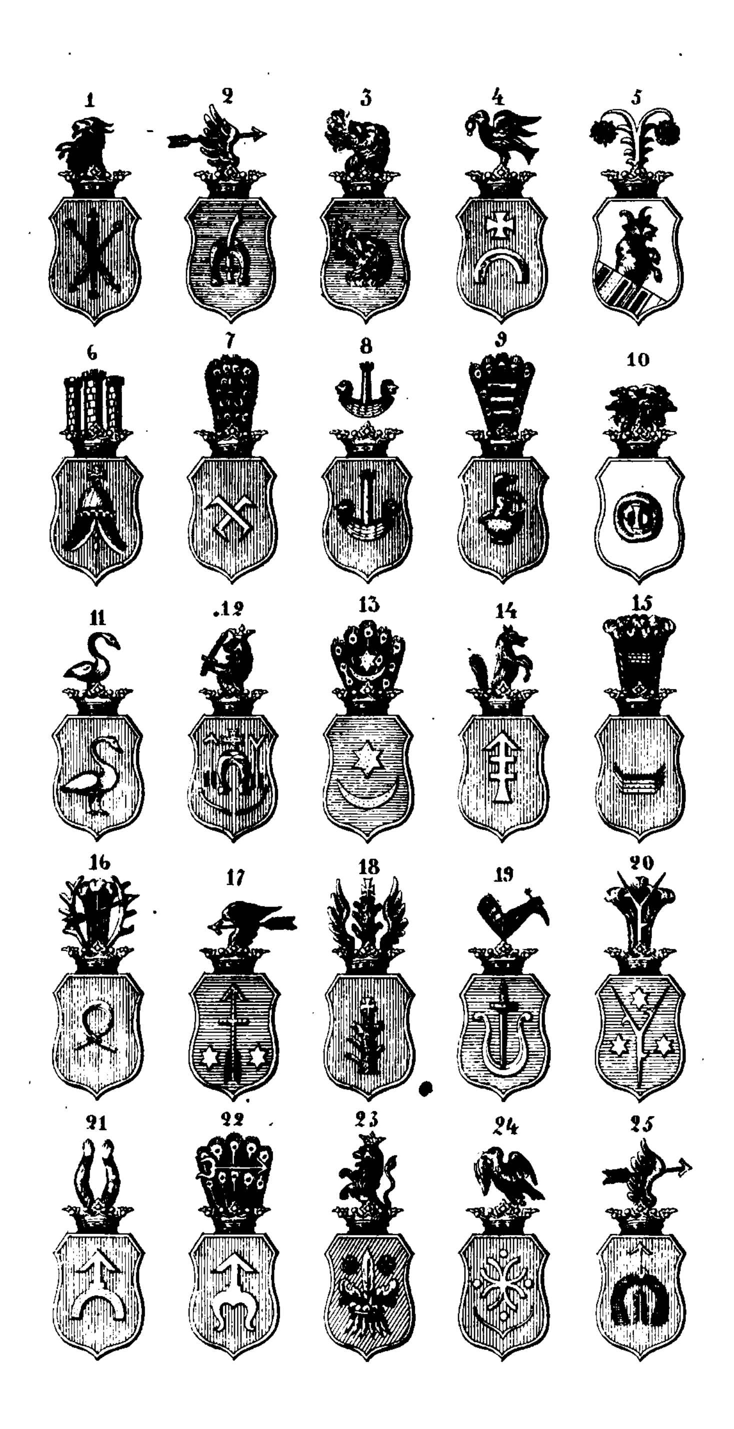

1 2 3 4 5
6 7 8 9 10
11 12 13 14 15
16 17 18 19 20
21 22 23 24 25
26 27 28 29 30
31 32 33 34 35

Таб. XXIII.



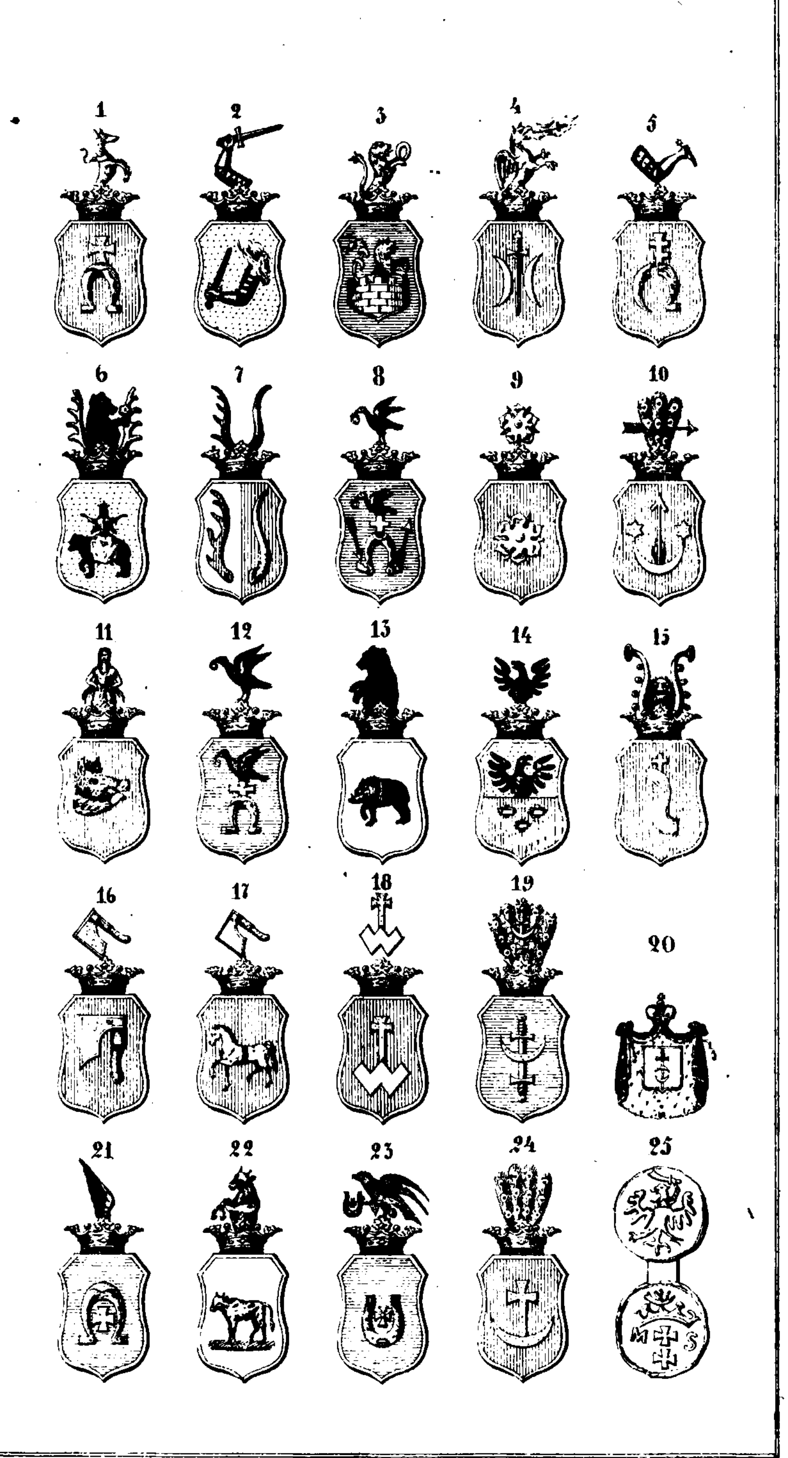
Лит. Д. Деноткина: Невск. просп. противъ Думы, д. Рогова, С.П.Б.

Таб. XXIV.



Лит. Д. Деноткина, Невск. пр. противъ Думы, д. Рогова, С.П.Б.

Таб. XXV.



Лит. Д. Деноткина, Невск. пр. прот. Думы д. Гозова. СПБ.